

ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2016. № 405. Апрель

- ФИЛОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- HISTORY
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2016. № 405. April

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р
пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук,
проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд.
физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук,
проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.;
О.В. Петрин, директор Издательского Дома Томского
государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат.
наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потехаев**, д-р физ.-
мат. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**, д-р юрид. наук, проф.;
З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**, канд. хим.
наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ;
С.П. Сушенко, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**,
канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьяна**, канд. геол.-
минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р
ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –

Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.С. Янушкевич,
д-р филол. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology,
Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics
and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of
Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate
Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher;
A. Glazunov, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of
Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics,
Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of
Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in
Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific
and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law,
Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor;
Yu. Slizhov, PhD in Chemistry, Associate Professor;
V. Sumarokova, Director of TSU Publishing House;
S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD
in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD
in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of
Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of
Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor

Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor

Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor

Aleksandr S. Yanushkevich,
Doctor of Philology, Professor

Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index и индексируется на Web of Science.

The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Болотникова О.Н.** «Дева у окна» и «Стук у врат»: семантика мотивов окна и двери в русской литературе 1800–1830-х гг. 5
- Кудрявцева А.Ю.** Реализация коммуникативного доминирования и его признание в композиционном аспекте полилога в массмедийном жанре ток-шоу 16
- Кухтенкова А.А.** Перцептивная семантика в романе Г.И. Газданова «Полёт» 23
- Лушникова Г.И., Чemezova Е.Р.** Поэтика антимира в прозе Ч. Паланника 30

ИСТОРИЯ

- Авилов Р.С.** По Транссибу на Восток. Визит министра финансов В.Н. Коковцова в Приамурский военный округ в 1909 г. 38
- Ананьев В.Г., П.П. Вейнер** и проблема охраны памятников в дискуссиях 1917 г. 50
- Власова Н.В.** Чиновничество Рязанской губернии второй половины XIX – начала XX в. в современной отечественной историографии 57
- Дамешек Л.М., Мамкина И.Н.** Деятельность губернаторов Восточной Сибири в сфере развития народного просвещения в XIX – начале XX в. 64
- Дмитриенко Н.М., Бутенко М.А., Глухов В.С., Лозовая Л.А.** Российское музееведение 1930 – 2010-х гг.: опыт историографического изучения 70
- Исмагилов А.А.** Создание Тюменского управления гражданской авиации 82
- Козлова Д.С.** Продовольственный вопрос «на местах» как фактор устойчивости политических режимов в период революции и Гражданской войны: на примере Томской губернии (февраль 1917 – декабрь 1919 г.) 86
- Крылова Д.Д.** Проблемы исторической интерпретации феномена одержимости в общественной жизни позднесредневековой Западной Европы в работах О. Хаксли и М. Серто 94
- Литарева Е.Ю.** Региональный и национальный подходы к вопросу безопасности в Восточной Азии на рубеже веков 101
- Никитин Д.С.** Джордж Юл – первый британский президент Индийского национального конгресса 114
- Погодаев Н.П.** Публицистический дискурс мегагранта «Человек в меняющемся мире...» 118
- Сарычева Т.В.** Организация массовой физкультурно-оздоровительной работы на производственных предприятиях Западной Сибири в 1960–1980-е гг., создание в г. Томске научно-оздоровительного объединения «Центр здоровья» 124
- Солдатов А.А.** Старообрядческая традиция через призму теории памяти 129
- Толстиков В.С., Бочкарева И.А.** Ликвидация последствий радиационных аварий на Урале по воспоминаниям их участников 137
- Черемных О.А.** Городское парикмахерское хозяйство Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (на материалах Новосибирска, Кемерово, Томска) 142

CONTENTS

PHILOLOGY

- Bolotnikova O.N.** “A girl at the window” and “a knock at the gates”: semantics of the motives of doors and windows in Russian literature of the 1800s–1830s 5
- Kudryavtseva A.Yu.** Realization of communicative dominance and its acceptance in the compositional aspect of the polylogue (based on Russian talk shows) 16
- Kukhtenkova A.A.** Perceptual semantics in G.I. Gazdanov’s novel *A Flight* 23
- Lushnikova G.I., Chemezova E.R.** Poetics of the anti-world in prose by Ch. Palahniuk 30

HISTORY

- Avilov R.S.** By the Trans-Siberian Railway to the East: the visit of Minister of Finance V.N. Kokovtsov to the Priamurskiy Military District in 1909 38
- Ananiev V.G., P.P. Veyner** and the problem of preservation of monuments during the discussions of 1917 50
- Vlasova N.V.** Ryazan officialdom of the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries in modern Russian historiography 57
- Dameshek L.M., Mamkina I.N.** East Siberian governors’ activities in public education development in the 19th – early 20th centuries 64
- Dmitrienko N.M., Butenko M.A., Glukhov V.S., Lozovaya L.A.** Russian museology in the 1930s–2010s: an experience of a historiography study 70
- Ismagilov A.A.** Establishment of the Tyumen Department of Civil Aviation 82
- Kozlova D.S.** Provision supply on the local level as a factor of political regime stability during the Revolution and the Civil War: the Tomsk Province (February 1917 – December 1919) 86
- Krylova D.D.** Problems of a historical interpretation of the phenomenon of possession in the public life of late medieval Western Europe in works of A. Huxley and M. Certeau 94
- Litsareva E.Yu.** Regional and national approaches to East Asia’s security at the turn of the centuries 101
- Nikitin D.S.** George Yule as the first President of the Indian National Congress 114
- Pogodaev N.P.** The journalistic discourse of the mega-grant ‘Man in a Changing World . . .’ 118
- Sarycheva T.V.** Organization of mass sport and recreation activities at industrial enterprises in Western Siberia in the 1960s–1980s and the establishment of a scientific and recreational association “Health Centre” in Tomsk 124
- Soldatov A.A.** The Old-Believer tradition in terms of memory studies 129
- Tolstikov V.S., Bochkareva I.A.** Elimination of the consequences of radiation accidents in the Urals in the memories of their participants 137
- Cheremnykh O.A.** Urban hairdressing companies in Western Siberia during the Great Patriotic War (by the example of Novosibirsk, Kemerovo, Tomsk) 142

Шашкова Я.Ю., Дерендяева А.Д. Российская молодежь в институциональных трансформациях: детерминанты неучастия	145
---	-----

ПРАВО

Андреева О.И., Рукавишникова А.А., Трубникова Т.В. Перспективы реализации положений проекта постановления Пленума Верховного Суда РФ «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 г. № 26 “О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции”»	150
Ахмедшин Р.Л. О тактике освидетельствования	154
Григорьев В.Н. О правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации при наложении ареста на имущество	162
Желева О.В. Злоупотребление правом на обжалование в суд действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование	168
Ольховик Н.В. Взаимодействие общественных советов с помощниками начальников территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний по защите прав человека	173
Прозументов Л.М. Уголовно-правовое противодействие коррупции в России: история и современное состояние	178
Холодкова Ю.С. Понятие и правовая природа концессионных соглашений	184
Черноусова А.В. К вопросу о трактовке квалифицированного состава умышленного уничтожения или повреждения имущества	190
Чубраков С.В., Данилов Д.О. Возможно ли соисполнительство в преступлениях, предусмотренных ст. 201, 285, 286 УК РФ?	194
Юсубов Э.С. Научное наследие А.И. Кима и вопросы избирательного права России	200
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	206

Shashkova Ya.Yu., Derendyaeva A.D. Russian youth in institutional transformations: the determinants of non-participation	145
---	-----

LAW

Andreeva O.I., Rukavishnikova A.A., Trubnikova T.V. Perspectives of the implementation of the statements of the draft resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On making amendments to the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27 November 2012 no. 26 “On the application of norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating proceedings in the court of appeal”	150
Akhmedshin R.L. On examination tactics	154
Grigoryev V.N. On the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation on seizure of property	162
Zheleva O.V. Abuse of the right to appeal against actions (inaction) and decisions of state bodies and officials involved in criminal prosecution	168
Olkhovik N.V. Cooperation of public councils with assistants of principals of local offices of the Federal Penal Service over the protection of human rights	173
Prozumentov L.M. Legal counteraction to corruption in Russia: history and current state	178
Kholodkova Yu.S. Definition and legal nature of concession agreements	184
Chernousova A.V. On the interpretation of qualifying elements of deliberate property destruction or damage	190
Chubrakov S.V., Danilov D.O. Is joint participation possible in crimes provided for by Articles 201, 285, 286 of the Criminal Code of the Russian Federation?	194
Yusubov E.S. Research of the legacy of A.A. Kim and issues of the Russian Federation electoral law	200
BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	206

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1.09

О.Н. Болотникова

«ДЕВА У ОКНА» И «СТУК У ВРАТ»: СЕМАНТИКА МОТИВОВ ОКНА И ДВЕРИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1800–1830-х гг.

Анализируются особенности осмысления домашнего пространства в русской литературе первой трети XIX века и выявляется их связь с жанровыми мирообразами элегии и баллады. Описываются ключевые мотивные комплексы «девы у окна», актуальные для легкой поэзии и элегии (сюжет свидания), и «стука у врат», важные в балладном повествовании (сюжет инфернального вторжения). Анализируется функционирование их в романтической прозе. Намечается эволюция мотивов двери и окна в реалистическом творчестве А.С. Пушкина.

Ключевые слова: историческая поэтика; элегия; баллада; семиотика пространства; К.Н. Батюшков; В.А. Жуковский; А.С. Пушкин; А. Погорельский.

В русской литературе 1800–1830-х гг. семантика образов окна и двери во многом определялась наследием сентименталистской феноменологии домашнего пространства. Основу ее составлял горацанский идеал уединенного жилища с его простой обстановкой, близостью к природе, дружелюбностью и связью с интеллектуально-эстетическими интересами владельца. Идиллический хронотоп дома подразумевал особую значимость пространственных границ, обозначенных окном или дверью, и служил истоком двух контрастных сюжетов: сюжета расширения интимной сферы, когда пересечение рубежей через прогулки, путешествия, дружеские визиты гостей и хозяев, через культурную рефлексию (прежде всего, чтение) придавало домашний облик всему окружающему пространству, и, напротив, сюжета разрушения дома, насыщенного уже преромантическими мотивами, когда вторжение внешнего мира имело катастрофические последствия (см. подробнее в нашей статье [1]).

В новую эпоху эти два сюжета приобрели особую значимость, превратившись из литературной конструкции в экзистенциально проживаемую реальность. События наполеоновского нашествия и Отечественной войны 1812 г. показали, насколько хрупким может быть дом под натиском чужой враждебной силы. Пожар Москвы, уничтожение «родовых гнезд», массовое бегство, затронувшее многих представителей писательского сообщества, для которых временным убежищем стал Нижний Новгород [2–4], а потом эпопея заграничных походов 1813–1814 гг., сделавшая целый ряд молодых литераторов добровольными или вынужденными «странниками», – все это способствовало романтическому переосмыслению горацанского идеала и глубокой трансформации лиминальных сюжетов, определявших семантику окна и двери.

Показательна здесь быстрая перестройка образа у В.А. Жуковского в стихотворении «Певец во стане русских воинов» (1812). Сама центральная ситуация (воины на бивуаке) отсылала к вынужденной бездомности, когда родное жилище оказалось разрушено или осталось далеко:

Там все – там родших *милый дом*,
Там наши жены, чада;

О нас их слезы пред Творцом;
Мы жизни их ограда...

[5. Т. 1. С. 228]

Заменой дому, беззащитному не только перед врагом, но и перед безжалостным течением времени («Вам слава, наши деды! // Друзья, уже могущих нет; // Уж нет вождей победы; // Их *домы* вихорь разметал; // Их гробы срыли плуги» [5. Т. 1. С. 225–226]), становилось личное мужество, стремление защищать родовое и индивидуальное пространство:

Нет, други, нет! не предана
Москва на расхищенье;
Там стены!.. в россах вся она!
Мы здесь – и Бог наш мщенье

[Там же. С. 230].

Сам дом превращался из горацанской мирной хижины в жилище воина, готового предать разорению свое достояние, но не доверить его врагу:

Сокровищ нет у нас в *домах*;
Там стрелы и кольчуги;
Мы села – в пепел; грады – в прах;
В мечи – серпы и плуги

[Там же. С. 236].

В лирике 1812 г. важным мотивом стало пересечение чужаками пределов дома, вторжение в него. Эта топика использовалась в риторических целях и имела, как правило, обобщенный, условный характер вплоть до аллегорического отождествления с домом всего Отечества, как в «Оде на случай войны с французами 1812 года» М.И. Невзорова:

Твой враг как Голиаф кичится
И в упоении своем,
Как алчный, лютый зверь, стремится
Возжечь пожар в *дому* твоём...

[6. С. 42].

Семантику данной ситуации определяли образы насилия и разрушения:

Здесь *домы*, храмы *расхищают*,
Ругаясь дерзостью всему <...>
Здесь сотнями *дома пылают*,
Рядами зданья горят...

(М. Виноградов. Ода на новый 1813 год
[Там же. С. 97]).

Там в дом свирепый враг вбегаёт:
Нашед в нем женщину с детей,
Младенца об пол поражает,
Взяв мать насильною рукой

(С.А. Потемкин. К прошлому 1812-му
и наступившему 1813-му годам [6. С. 340]).

В подобном контексте у двери как маркера границы, агрессивно пересекаемой врагом, актуализировался смысл всеми силами защищаемой преграды, например, в «Солдатской песне» Ф.Н. Глинки:

Под смоленскими стенами,
Здесь, *России у дверей*,
Будем биться со врагами;
Не пропустим злых зверей!

[Там же. С. 411].

Оборотной стороной выступала мортальная семантика, когда защита родного пространства связывалась с самопожертвованием и переходом в область смерти, где символической заменой дома становился гроб. Выражение «дверь гроба», объединявшее две смысловые линии, было востребованной метафорой эпохи, использованной в военных стихотворениях В.А. Жуковского («Дух бодрый на дороге бед, // До самой *двери гроба*» [5. Т. 1. С. 242]), А.А. Буниной («К супруге, к чадам – я до *двери гробной* // Любовью нежной пламенел» [6. С. 223]), М.А. Аврамова («Как знать ей к *гробу дверь* // Отверзлась чистотой ли невинности рукою?») [Там же. С. 299]) и других поэтов.

Тем не менее столь мощно заявившее о себе чувство уязвимости домашнего пространства не лишило актуальности сам горацанский идеал и связанную с ним идиллическую традицию. Уже в 1800-е гг. у молодого поколения поэтов она приобрела новый вид, перейдя из сферы оды и послания («Евгению. Жизнь Званская» Г.Р. Державина, «Обуховка» В.В. Капниста) в область элегии. В поэзии В.А. Жуковского, самой, пожалуй, репрезентативной в этом плане, образ сельского дома и мирного существования его обитателей реализовался в комплексе вариаций, то акцентировавших, как в «Сельском кладбище» (1802), идиллический компонент («Усталый селянин медлительной стопою // Идет, задумавшись, в *шалаш* спокойный свой» [5. Т. 1. С. 53]) и на его фоне личностную элегическую рефлексию, то, как в «Опустевшей деревне» (1805), подчеркивавших драматический сюжет разрушения патриархальности:

Дни счастья! Их нет! Корыстною рукой
Оратай *отчужден от хижины родной!* <...>
О гордость!.. Я мечтал, в сих *хижинах забвенных*,
Слыть чудом посреди оратаев смиренных;
За чарой, у огня, в кругу их толковать
О том, что в долгий век мог слышать и видеть!

[Там же. С. 65–66].

Эти взаимодействующие элегические комплексы, связанные с домашней семантикой, оказались очень плодотворными и органично соединились в годы Отечественной войны с историческими сюжетами, углубив свой миромоделирующий характер. Так, их отзвук мы встретим в стихотворении В.А. Жуковского «Вождю победителей» (1812), где М.И. Кутузов рисуется восстановителем прочных границ отеческого простран-

ства, что позволяет и самому герою органично возвратиться в сферу идиллического спокойствия:

Когда ж, сложив с главы своей шелом
И меч с бедра, ты *возвратишься в дом* <...>
Ты будешь зреть ликующие нивы,
И скачущи стада по скатам гор,
И *хижины оратая счастливы*,
И скажешь: мной дана им тишина

[5. Т. 1. С. 247].

В целом же в ранней романтической лирике мотивный комплекс дома насытился личностной рефлексией, став жизнестроительным символом для «странствователей» и «домоседов» (см. о данном типе героев [7, 8]). Это ощутимо сдвинуло акценты с родового начала, хранителем которого являлся дом в горацанской оде / послании, на индивидуальное, в свете которого скромная обитель героя выступала отражением его внутреннего мира, а границы жилища превращались в ограду личностной независимости. Причем хрупкость их, так же как и самого мира «мечтателя», на фоне мощных движений истории ощущалась очень четко и нередко превращалась в объект иронического самоотстранения, как в послании К.Н. Батюшкова «К Филисе» (1804 или 1805):

Ты велишь писать, Филиса, мне,
Как живу я в *тихой хижине* <...>
Ветер воет всюду в комнате
И свистит в моих *окончинах*,
Стулья, книги – всё разбросано <...>
У *дверей* моих мяучит кот,
А у ног собака верная
На него глядит с досадою

[9. С. 65].

Здесь маркеры границы – окончины и дверь – не столько защищают и ограждают, сколько задают пределы поэтического беспорядка как способа жизни героя: сквозь них свистит ветер, а несчастный кот хочет сбежать.

Сложное соединение установок идиллии, элегии и иронии придало «моим» образам дома В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, А.А. Дельвига или лицейского А.С. Пушкина очень динамический вид (что может служить предметом отдельного анализа; см. [10, 11]), в рамках которого мотивы двери и окна обрели ряд важных и достаточно устойчивых модификаций. Одной из наиболее плодотворных оказалась ситуация, связанная с традициями «легкой» любовной поэзии и тезаурусом анакреонтики. Это ожидание любовницы / любовника у окна, ставшее у А.С. Пушкина предметом отдельного стихотворения («Окно», 1816):

Недавно темною порою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видел – дева у *окна*
Одна задумчиво сидела,
Дышала в тайном страхе грудь,
Она с волнением глядела
На темный под холмами путь.
Я здесь! – шепнули торопливо.
И дева трепетной рукой
Окно открыла боязливо...

Луна покрылась темной. –
«Счастливцев! – молвил я с тоскою:
Тебя веселье ждет одно.
Когда ж вечернею порою
И мне *откроется окно?*»

[12. Т. 1. С. 193].

Мотивный комплекс, включающий темноту, луну, задумчивость и волнение девушки перед окном, ожидание встречи, у Пушкина в дальнейшем связался с определенным типом героини и выступил характерологическим знаком углубленной в себя рефлексивной женской натуры. Анакреонтические контексты подобного комплекса еще вполне сохранились в поэме «Руслан и Людмила» (1817–1820) с рядом однотипных сцен, например:

Но вот Людмила вновь одна.
Не зная, что начать, она
К *окну решетчату подходит*,
И взор ее печально бродит
В пространстве пасмурной дали

[Там же. Т. 4. С. 30].

Скучая, бедная княжна
В прохладе мраморной беседки
Сидела тихо близ окна
И сквозь колеблемые ветки
Смотрела на цветущий луг

[Там же. С. 58].

Впоследствии, однако, этот статуарный образ приобрел глубокую психологическую обработку, органично воплощая уединенность, своеобразие и мечтательность героини. Задумчивость у окна – это, в частности, постоянная ситуация Татьяны Лариной в «Евгении Онегине»:

Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей;
Дитя сама, в толпе детей
Играть и прыгать не хотела,
И часто целый день одна
Сидела молча у окна

[Там же. Т. 6. С. 42].

«Скажи: которая Татьяна?»
– Да та, которая грустна
И молчалива как Светлана,
Вошла и села у окна

[Там же. С. 53].

Настанет ночь; луна обходит
Дозором дальный свод небес,
И соловей во мгле древес
Напевы звучные заводит.
Татьяна в темноте не спит
И тихо с няней говорит:
«Не спится, няня: здесь так душно!
Открой окно, да сядь ко мне»

[Там же. С. 58].

Татьяна пред окном стояла,
На стекла хладные дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестным пальчиком писала
На отуманенном стекле
Заветный вензель О да Е

[Там же. С. 70].

Девушки в комнатах Татьяны

И Ольги все объаты сном.
Одна, печальна под окном
Озарена лучом Дианы,
Татьяна бедная не спит
И в поле темное глядит

[12. Т. 6. С. 118].

В пушкинской интерпретации мотива отозвалась и реалистически преобразилась устойчивая тема европейского романтизма. Герой или героиня у окна в состоянии созерцания – сюжет целого ряда романтических картин («Маленькая Пертис» Ф.О. Рунге, «Двое у окна» и «Перед зеркалом» Г.Ф. Керстинга, «Вид из ателье художника, правое окно» К.Д. Фридриха и др.). По справедливой характеристике Г.Н. Храповицкой, подобный живописный прием «можно считать аналогом двоемирия в литературе. Картина часто имеет два плана: первый план передает четко выписанные близкие предметы, второй план открывается через окно, в нем лишь намечены бесконечные дали» [13. С. 217]. Устремленность героя в универсум, созерцательное растворение в его бесконечности, разгадывание символических смыслов бытия, определявшее семантику данного мотива в живописи и в произведениях Новалиса, Л. Тика, В.Г. Вакенродера, соединились в зрелом романтизме с вниманием к эмпирике жизни, ее социально-психологическим коллизиям, представ в виде выразительного символа в новелле Э.Т.А. Гофмана «Угловое окно» [14]. У Пушкина постоянно смотрящая в окно задумчивая Татьяна выступила наследницей как раннеромантической мечтательности, так и воплощением «истинного романтизма» с его приоритетом по-сторонней реальности. Закономерно, что мотив окна в «Евгении Онегине» оказался, будучи спроецированным на старого владельца поместья, связан еще и с предельно бытовыми темами ограниченности и скуки провинциальной деревенской жизни:

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с клюшницей бранился,
В окно смотрел и мух давил

[12. Т. 6. С. 32].

И старый барин здесь живал;
Со мной, бывало, в воскресенье,
Здесь *под окном*, надев очки,
Играть изволил в дурачки

[Там же. С. 146].

Оказавшись в Москве невестой на выданье, Татьяна видит в окне именно то, что наблюдал давно умерший предшественник Евгения, – двор, конюшню, кухню и забор:

Садится Таня *у окна*.
Редет сумрак; но она
Своих полей не различает:
Пред нею незнакомый двор,
Конюшня, кухня и забор

[Там же. С. 157].

Если, однако, вернуться к лирике 1810–1820-х гг., то здесь образ окна мог и сохранять непосредственную связь с ситуацией любовного свидания и порождать ряд производных мотивов, далеко уходящих от анакреонтики. Образцом первого служит «Мечта» (1818) Жуковского:

Ах! если б мой милый был роза-цветок,
Его унесла бы я в свой уголок;
И там украшал бы мое он *окно*;
И с ним я душой бы жила заодно.
К нему бы в *окно* ветерок прилетал
И свежий мне запах на грудь навевал;
И я б унывала, им сладко дыша,
И с милым бы, тая, сливалась душа

[5. Т. 2. С. 64].

Однако, например, в «В дне рождения N» (1810) Батюшкова анакреонтическая фривольность ощутимо теснится элегическим началом, когда девушка у окна становится персонажем не любовной игры, а подразумеваемой драмы:

О, ты, которая была
Утех и радостей душою!
Как роза, некогда цвела
Небесной красотой;
Теперь оставлена, печальна и одна,
Сидя смиренно у окна,
Без песней, без похвал встречаешь день рожденья –
Прими от дружества сердечны сожаленья,
Прими и сердце успокой

[9. С. 110].

В элегической системе координат более значимым компонентом этого образа была уединенность, столь ярко проявившаяся в пушкинской Татьяне, ощущение вольной или невольной отчужденности в отношениях с окружающими, что подчеркивалось лиминальной семантикой окна. Здесь само ожидание возлюбленного, первоисток лирической ситуации, теряло идиллическую гармоничность, переставало быть залогом свободного общения (ср. сюжет расширения домашнего пространства в горацанской оде), зато приобретало эскапистский смысл, выражая стремление к перемене, к уходу из привычной среды и обретению иного способа существования. В перспективе это превращало статичную сцену в ядро яркого драматического сюжета. Подобный переход мы найдем в «Узнике» (1814–1819) Жуковского, где девушка заключена в тюрьму и у окна поет песню об утерянной радости молодой жизни:

«За днями дни идут, идут...
Напрасно;
Они свободы не ведут
Прекрасной;
Об ней тоскую и молюсь,
Ее зову, не дозовусь.

*Смотрю в высокое окно
Темницы:*
Все небо светом зажжено
Денницы;
На свежих крыльях ветерка
Летают вольны облака.

И так все блага заменить
Могилей;
И бросить свет, когда в нем жить
Так мило <...>»

Так голос заунывный пел
В темнице...

[5. Т. 3. С. 141–142].

Элегическая уединенность здесь трансформировалась в балладную отчужденность, в насильственный разрыв связей между героиней и людьми. Причем богатство природных образов и зрительных впечатлений, характерное для элегической чувствительности и часто связанное с ситуацией наблюдения, взглядом в окно, не может смягчить для героини тяжести заточения. Между тем любовный сюжет Жуковским сохранен: он переносится в дублирующую линию юноши-узника, о котором девушка не знает, но для которого ее образ в тюремном окне («Все видит он: во тьме она / Тюремной / Сидит, раздумью предана, / Взор томной» [Там же. С. 142]) становится целью существования, за пределами *там*, куда он будет стремиться всю жизнь, даже обретя свободу. Для него возврат в идиллическую атмосферу родного дома уже невозможен:

И нет ему в семье родной
Услады;
Задумчив, грустию немой
Он взгляды
Сердечные встречает их;
Он в людстве сумрачен и тих

[Там же. С. 145].

Так образ девушки у окна приобрел трансцендентный смысл и связь со сферой инобытия. Знаменательно, что здесь мотивология окна сошлась с мотивологией двери. Последняя оказалась востребована именно в балладном жанре, построенном на лиминальных сюжетах, пересечении разнообразных границ – пространственных, онтологических, этических (об исторической поэтике жанра см. [15–18]). Семантика наблюдения и ожидания в балладе, в отличие от элегии, имеет периферийный характер, поэтому окно здесь фигурирует, как правило, во вступительных или заключительных эпизодах, знаково намечая психологическое состояние героя, спектр его впечатлений. В этой функции появляется окно, в частности, в «Светлане» (1813) Жуковского – в начале: «Снег пололи; под *окном* / Слушали...» [5. Т. 3. С. 31], и в конце: «В тонкий занавес *окна* / Светит луч денницы; / Шумным бьет крылом петух...» [Там же. С. 37]. Здесь был использован и искомый образ девушки у окна, он заключал балладу, возвращая драматическую фантазмагорию в элегическое, а по генезису даже анакреонтическое, русло:

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана...

[Там же].

Дверь, стук в нее, заглядывание, вторжение непрощенных и часто ужасающих гостей, поиски двери как выхода, напротив, связаны с кульминационными моментами баллады и приковывают читательское внимание. В романтической версии жанра мотив двери во многом определен поэтикой двоемирия и воплощает в себе переход трансцендентной границы, в связи с чем бытовой колорит (в отличие от окна) решительно отсутствует. В «Светлане» это воплотилось в сюжете пере-

мещения героини через ряд фантастических локусов, рубеж которых обозначает дверь, открываемая самой Светланой или мертвым женихом:

*Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою...*

[5. Т. 3. С. 33].

*Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил
Тускнет в фимиаме;
На середине черный гроб...*

[Там же. С. 34].

*В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрытит...
Тихо растворилась.
Что ж?... В избушке гроб; накрыт
Белую запоной...*

[Там же. С. 35].

Вхождение в дверь здесь означает преодоление психологических или этических барьеров и маркирует стадии душевной эволюции, имея при этом резкий, внезапный характер. По справедливому наблюдению Н.Ж. Ветшевой и Э.М. Жиликовой, так реализуется «главная коллизия баллад Жуковского – исполненное внутреннего драматизма прогностическое противостояние человека обстоятельствам, в процессе преодоления которых происходит духовное рождение личности или героя настаивает возмездие» [19. С. 237].

В результате дверь нередко становится не просто знаком границы, но укрепленным барьером, чье падение грозит катастрофическими последствиями, как в «балладе, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне» (1814, 1831). Для героини-ведьмы, совершившей тяжкие преступления, единственной защитой являются дверь храма и совершаемое за ней священное действие, к двери приковано все читательское внимание, нагнетаемое все более угрожающей символической дьявольской вторжения. Если поначалу настойчивое требование старушки о крепости запоров («Чтоб заперта во храме *дверь* была; / <...> Чтоб крепок был *запор церковных врат*; / Чтобы с полуночного бденья / Он ни на миг с растворов не был снят / До солнечного восхожденья» [5. Т. 3. С. 52]) просто интригует, то ночь за ночью ужас бесовского стука в дверь все возрастает («*Железных врат запор*, стуча, дрожит» [Там же. С. 53]; «И снова рев, и шум, и треск у *врат*; / Грызут замок, в *затворы* рвутся» [Там же. С. 54]; «И стук у *врат*: как будто океан / Под бурею ревет и воет» [Там же]), разрешаясь падением всех преград. Дьявол, не в силах сам войти в храм, все же сокрушает дверь и призывает ведьму:

*И храма дверь со стуком затряслась
И на пол рухнула с петлями.
И Он предстал весь в пламени очам,
Свирепый, мрачный, разъяренный;
Но не дерзнул войти он в Божий храм
И ждал пред *дверью раздробленной**

[Там же. С. 55].

Яркая визуализация двери как рубежа миров («Замок Смальгольм», «Суд божий над епископом», «Ленора», «Покаяние» и др.) в балладном творчестве Жуковского соседствовала с символической метафорикой («дверь ада», «дверь могилы» в «Двенадцати спящих девах» (1817), «небесная дверь» в «Королеве Ураке и пяти мучениках» (1831)) и довольно часто сопрягалась с трансцендентной семантикой окна, как в «Рыцаре Тогенбурге» (1817): «И душе его унылой / Счастье там одно: / Дождаться, чтоб у милой / Стукнуло *окно*» [5. Т. 3. С. 135]. Подобное постоянство превращало мотив двери в знак самого балладного жанра и, в том числе, способствовало органичной циклизации текстов разного времени создания на уровне пространственной картины мира и семантики. Так, в «Балладах и повестях» Жуковского (1831), как констатировала И.А. Поплавская, «параллелизм отдельных образов и сюжетов, структурная и смысловая симметрия отдельных произведений и обеих частей сборника позволяют на архитектурном уровне выделить в нем элементы поэтической художественной картины мира, имеющей центростремительные тенденции и тяготеющей к единому эстетическому центру» [20. С. 76].

Свою циклообразующую функцию мотив двери, иногда в сопряжении с образом окна, сохранил и в романтической прозе [21, 22], в особенности в «страшной» повести, генетически связанной с балладой. Образцом может служить цикл «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» (1828) А. Погорельского (А.А. Перовского). Здесь образ окна появляется уже в рамочном повествовании первого вечера, ощутимо отсылающем к горацанскому комплексу мирной жизни философа-дилетанта [23]. Рассказчик, удалившийся от большого мира и его соблазнов в малороссийское поместье, часто любит виды из окна, а по вечерам слушает мелодичное пение: «Я тогда обыкновенно садился к *открытому окну* и в задумчивости слушал унылое пение молодых крестьянок, до поздней ночи веселящихся на вечеринках» [24. С. 26]. С мечтами у окна связан и инициальный эпизод повествования: «В один прекрасный вечер я, по обыкновению *сидя у окна*, мечтал о будущем и не без грусти вспоминал о прошедшем» [Там же]. В этот момент «послышалось мне, что кто-то тихо *постучался в дверь*. <...> *Дверь отворилась* без скрипа, и вошел в комнату мужчина средних лет и росту повыше среднего» [Там же]. Незнакомец-двойник имеет явные демонические черты и становится собеседником героя, рассказывающим ряд мистических историй. Так мечтательность, эггегически означенная мотивом окна, вызывает к жизни балладный образ двери – рубежа миров.

Она играет важную роль уже в первой микроромане об английском поэте Александре Поупе, который видит некоего старика, переворачивающего все книги в его шкафу, причем появляется старик из закрытой двери и в нее же уходит:

«Слуге своему он заранее приказал идти спать и, выслав его из комнаты, по обыкновению *запер дверь ключом*. Углубленный в мечты, относившиеся к поэме, он нимало не думал о привидениях; вдруг... *дверь, замкнутая накрепко, отворилась*... и вошел в комнату старик небольшого роста, в длинном кудрявом парике

<...> Окончив работу свою, старик запер шкаф и какими же медленными шагами вышел из комнаты, не взглянув ни разу на поэта. *Дверь сама собою за ним затворилась...* Попе несколько минут оставался недвижимым; наконец, собравшись с духом, подошел к *дверям и увидел, что они заперты ключом*» [24. С. 31–32].

В дальнейшем дверь и окно становятся лейтмотивными образами всех историй, обеспечивая единство художественного мира цикла. В «Изидоре и Анюте» Погорельский реанимировал, в частности, мотивный комплекс дома и вторжения врага в его пространство, столь значимый в лирике 1812 г. Здесь Изидор, разрывающийся между стремлением защитить мать и возлюбленную в отданной неприятелю Москве и своим патриотическим долгом, постоянно представляет картины насилия, от которых избавляет только идиллическое спокойствие природы и свидание с Анютой:

«Пьяные солдаты врывались и в его хижину; мать его тогда уже скончалась: бесчеловечные ругались над мертвым телом. <...> Из другой комнаты притащили плачущую Анюту... Алчные взоры хищников бродили по юным прелестям русской красавицы. <...> Изидор ударил себя в грудь и подошел к *открытому окну*, чтоб рассеять мрачные мысли» [Там же. С. 42–43].

В «Пагубных последствиях необузданного воображения» центральным образом выступает «дева у окна», которую замечает, будучи уже влюблен в нее после случайной встречи, главный герой Алцест: «...я увидел *сидящую у окна девушку* и в самом деле изумился! Никогда даже воображению моему не представлялась такая красавица» [Там же. С. 63]. Аделина оказывается в дальнейшем механической куклой, созданной демоническим профессором Андрони, что приводит к сумасшествию экстатического романтика. Здесь Погорельский, оттолкнувшись от традиционной семантики элегико-анакреонтического мотива, переворачивает его вектор: дева у окна («Андрони не принимал никого в дом свой. Несмотря на все старания студентов и других молодых людей, никому, кроме нас, до сих пор не посчастливилось увидеть ее иначе, как только *в окошко*» [Там же. С. 74]) воплощает не призыв высшего трансцендентного идеала, но соблазн inferнального начала. Дверь также важна в повествовании, однако сюжетные функции, как и в случае окна, инвертируются. В повести не демонические силы прорываются в дом героя, а сам он преодолевает преграды, воздвигнутые Андрони вокруг куклы-соблазнительницы.

Тем не менее в «Лафертовской маковнице» исходная семантика мотивов восстанавливается. Маркером inferнальной границы в повести выступает калитка, ведущая к тетушкиному дому. Ее пересечение, вызывающее у гостей невольный трепет, каждый раз акцентируется:

«В глубокий вечер, когда в прочих частях города начинали зажигать фонари, а в окрестностях ее дома расстилалась ночная темнота, люди разного звания и состояния робко приближались к хижине и тихо стучались *в калитку*» [Там же. С. 102].

«Наконец пришла она (Маша) к домику и трепещущею рукою дотронулась *до калитки...*» [Там же. С. 108].

«...с самого Введенского кладбища прыгающие по земле огоньки длинными рядами тянулись к ее дому и,

доходя *до калитки*, один за другим, как будто проскакивая под нее, исчезали» [24. С. 113].

Образным дубликатом запретной двери является еще и таинственный ключ, врученный Маше ведьмой и служащий залогом некоего «сокровища», т.е. доступа к адским силам. Напротив, окно вновь фигурирует в составе анакреонтического комплекса, у него Маша встречает своего истинного суженого Улиана:

«За несколько дней перед их разговором (они еще жили на прежней квартире) Маша в одно утро, задумавшись, сидела у *окна*. Мимо ее прошел молодой хорошо одетый мужчина, взглянул на нее и учтиво снял шляпу. <...> Всякий раз он смотрел на нее, и у Маши всякий раз сильно билось сердце. Маше уже минуло семнадцать лет, но до сего времени никогда не случилось, чтоб у нее билось сердце, когда кто-нибудь проходил мимо *окошек*. Ей показалось это странным, и она после обеда села к *окну* – для того только, чтоб узнать, забьется ли сердце, когда опять пройдет молодой мужчина... Таким образом она просидела до вечера, однако никто не являлся. Наконец, когда подали огонь, она отошла *от окна* и целый вечер была печальна и задумчива; она досадовала, что ей не удалось повторить опыта над своим сердцем» [Там же. С. 115].

Мысль о нем помогает девушке разгадать демоническую природу Аристарха Фалалеича и изгнать его из дома, уничтожив ключ. Тем самым, традиционная семантика образов двери и окна мотивирует в «Лафертовской маковнице» – «правильное» разрешение балладного конфликта.

Погорельский в своем цикле, как мы видим, усложнил исходные смыслы и открыл возможность их повествовательного варьирования вплоть до инверсии. В прозе О.М. Сомова, Н.А. Полевого, В.Ф. Одоевского, М.Н. Загоскина, В.Н. Олина, Н.А. Мельгунова мотивы двери и окна маркируют, в рамках поэтики двоемирия, различные лиминальные сюжеты, заостряя то inferнальный, то трансцендентный их векторы, но обычно сохраняя связь с элегической или балладной схемами. Своеобразным итогом и одновременно проекцией в область реалистической поэтики здесь является «Пиковая дама» (1834) А.С. Пушкина, где жанровые коды романтизма используются не только как организаторы сюжетной структуры, но и как отсылки к социально-психологическим типам [25, 26]. Так, знаком Лизаветы Ивановны становится ожидание у окна, акцентирующее сентиментально-элегическую настроенность героини, ее жажда идиллического любовного общения:

«Лизавета Ивановна осталась одна: она оставила работу и стала глядеть *в окно*. Вскоре на одной стороне улицы из-за угольного дома показался молодой офицер. Румянец покрыл ее щеки: она принялась опять за работу, и наклонила голову над самой канвою» [12. Т. 8, кн. 1. С. 232].

«...однажды Лизавета Ивановна, сидя *под окошком* за пальцами, нечаянно взглянула на улицу, и увидела молодого инженера, стоящего неподвижно и устремившего глаза к ее *окошку*» [Там же. С. 234].

Однако для Германна, существующего вне сентиментальной системы ценностей, окно в доме графини имеет совершенно иной смысл, близкий к семантике

«Пагубных последствий необузданного воображения». Оно притягивает героя как возможность приобщиться к заветной тайне трех карт, окрашенной демонически, но воплощающей вполне земную силу богатства:

«Проснувшись уже поздно, он вздохнул о потере своего фантастического богатства, пошел опять бродить по городу, и опять очутился перед домом графини ***. Неведомая сила, казалось, привлекала его к нему. Он остановился, и стал смотреть *на окна*. В одном увидел он черноволосую головку, наклоненную, вероятно, над книгой или над работой. Головка приподнялась. Германн увидел свежее личико и черные глаза. Эта минута решила его участь» [12. Т. 8, кн. 1. С. 236].

Для Германна окно становится аналогом двери, что запускает в действие балладную схему. Лиминальность романтического двоемирия, однако, трансформируется в повести в систему социально-пространственных границ, переступить которые герой не вправе. Тем самым, тайное пересечение запретов, проникновение в покои графини – результат инициативы самого Германна, а это сообщает ему, если принять во внимание исходную семантику мотива двери, inferнальные черты, в реалистической системе координат интерпретирующиеся как поведение самозванца («профиль Наполеона, а душа Мефистофеля») [Там же. С. 244]. Знаменательно, что графиня в кульминационной сцене повести также садится у окна («Раздевшись, она *села у окна* в вольтеровы кресла, и отослала горничных») [Там же. С. 240]), сюжетно уподобляясь Лизавете Ивановне и становясь беззащитной для вторжения незваного гостя. Сам же Германн украдкой, но, тем не менее, решительно, преодолевает одну дверь за другой, идя к своей цели:

«Германн взбежал по лестнице, *отворил двери в переднюю*, и увидел слугу, спящего под лампой, в старинных, запачканных креслах. Легким и твердым шагом Германн прошел мимо его. Зала и гостиная были темны. Лампа слабо освещала их из передней. Германн *вошел в спальню*. <...> Германн *пошел за ширмы*. За ними стояла маленькая железная кровать; справа находилась *дверь, ведущая в кабинет*; слева, другая в коридор. Германн *ее отворил*, увидел узкую, витую лестницу, которая вела в комнату бедной воспитанницы... Но он воротился и *вошел в темный кабинет*» [Там же. С. 239–240].

В балладной схеме итогом подобной настойчивости является падение границ и переход героя в сферу инобытия. У Пушкина, однако, прорыв иллюзорен, поскольку много пространства помимо посюстороннего с его незыблемостью социальных разделений попросту нет. Так, обратный путь Германна зеркально повторяет его проникновение в дом графини, своеобразно аннулируя пересечение границ:

«Мертвая старуха сидела, окаменев; лицо ее выражало глубокое спокойствие. Германн остановился перед нею, долго смотрел на нее, как бы желая удостовериться в ужасной истине; наконец *вошел в кабинет*, ощупал за обоями *дверь* и *стал сходить по темной лестнице*, волнуемый странными чувствованиями. <...> Под лестницею Германн *нашел дверь*, которую отпер тем же ключом, и очутился в сквозном коридоре, выведшем его на улицу» [Там же. С. 245].

Финальным актом этой инверсии выступило в повести лишение героя какой-либо инициативы, в сцене видения он превратился из субъекта балладного сюжета в его объект, вынужденный испытывать власть демонических сил. Причем и здесь присутствует мотив окна, в которое предварительно смотрит призрак, принуждая Германна побыть в роли Лизаветы Ивановны и самой графини:

«В это время кто-то с улицы *взглянул к нему в окошко*, – и тотчас отошел. <...> Чрез минуту услышал он, что *отпирали дверь* в передней комнате. Германн думал, что денщик его, пьяный по своему обыкновению, возвращался с ночной прогулки. Но он услышал незнакомую походку: кто-то ходил, тихо шаркая туфлями. *Дверь отворилась*, вошла женщина в белом платье. <...> С этим словом она тихо повернулась, *пошла к дверям* и скрылась, шаркая туфлями. Германн слышал, как *хлопнула дверь* в сенях, и увидел, что кто-то опять *поглядел к нему в окошко*. <...> *Дверь в сени* была заперта» [12. Т. 8, кн. 1. С. 248].

В «Пиковой даме», опирающейся на романтические коды, как мы видим, ощутимо сместились некоторые моменты семантики двери и окна. Они обнаружили связь не только со сферой онтологии и этики, но и с социальным моделированием пространства. Это прокладывало путь к глубоким трансформациям мотивного комплекса в реалистической поэтике, насыщая его бытовыми или историческими проекциями. Их вполне отчетливо можно выделить в позднем творчестве Пушкина. Так, уже в «Евгении Онегине» оборотной стороной мечтательности у окна оказалась скука провинциальной жизни, воплощенная в тривиальных видах «двора, конюшни, кухни и забора». В произведениях 1830-х гг. подобные картины связывались, как правило, с представителями старшего поколения, с их устоявшимся бытом и замкнутостью в домашнем кругу. У окна они читают, вяжут, разглядывают прохожих и гостей, ставят цветы. Эта семантическая линия протягивается от «Повестей Белкина» (1830) к «Дубровскому» (1833) и находит завершение в «Капитанской дочке» (1836), где сходное времяпрепровождение сближает «отцов» Гринева и Маши:

«Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка *у окна* читал Придворный Календарь, ежегодно им получаемый» [Там же. С. 280–281].

«*У окна* сидела старушка в телогрейке и с платком на голове. Она разматывала нитки, которые держал, распялив на руках, кривой старичок в офицерском мундире» [Там же. С. 295].

Молодое поколение подобная патриархальность уже стесняет, вызывая скуку и желание вырваться в новую и полную соблазнов жизнь, как Гринева, который «соскуча глядеть *из окна* на грязный переулок, <...> пошел бродить по всем комнатам» [Там же. С. 282], оказался в бильярдной, познакомился с прохвостом Зуриным и проигрался в пух и прах.

На семантику «отцов и детей» у Пушкина накладывается еще один смысловой комплекс, связанный с образом большого мира. Он полон стихийных сил, природных и исторических, его конфликты постоянно

прорываются в замкнутую домашнюю сферу и окно, манящее детей, открывает возможность подобного вторжения. Только герой большого масштаба способен овладеть подобными стихиями, стать равным бушующему простору, о чем думает Петр в «Медном всаднике» (1833):

Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам
И запируем на просторе

[12. Т. 5. С. 135].

Для рядового обывателя Евгения окно, напротив, несет угрозу, в него бьет дождь, сквозь него прорываются волны страшного наводнения, разрушая скромную хижину:

Нева металась, как больной
В своей постеле беспокойной.
Уж было поздно и темно;
Сердито *бился дождь в окно,*
И ветер дул, печально воя

[Там же. С. 138].

Осада! приступ! *злые волны,*
Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой

[Там же. С. 139].

В подобный момент получает известие о восстании Пугачева и Петр Гринев: «Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) сидел я дома один, слушая *вой осеннего ветра, и смотря в окно на тучи, бегущие мимо луны*» [12. Т. 8, кн. 1. С. 313–314]. Позднее он увидит последствия бунта, столь же катастрофические, что и петербургское наводнение: «Я приехал в Казань, опустошенную и погорелую. По улицам, наместо домов, лежали груды углей и торчали *закоптелые стены без крыши и окон.* Таков был след, оставленный Пугачевым!» [Там же. С. 366]. Тем самым окно у позднего Пушкина маркирует сложный смысловой комплекс, включающий и элегическую мечтательность («дева у окна»), и бытовые моменты, и поколенческую семантику, и вторжение разрушительных стихий.

Семиотика двери, сохраняя связь с балладным комплексом, также углубляется, но в первую очередь за счет социальных мотивов. В балладном варианте дверь воплощала постоянную онтологическую границу, служила рубежом земного и погустороннего миров. В реалистической поэтике статичность космологических разделений сменяется подвижностью социальных пространств. В динамичном пушкинском мире герои и повествователи находятся в ситуации самоопределения, они вольно или невольно пересекают границы чужих жилищ, бытовых укладов, властные и сословные барьеры. Тем самым дверь, добровольно или насильственно открываемая, уже далеко не всегда могла быть связана с inferнальностью, ее основной функцией становилось обозначение рубежей свободы, доступной персонажу, а доминирующими сюжетными положени-

ями выступали контакт с лицом, не равным по социальному статусу (как правило, вышестоящим), тайное совещание или сообщение секрета, заточение (домашнее или тюремное), вторжение врага (недоброжелателя) или приход на помощь другу. В больших повествовательных текстах («Арап Петра Великого», «Дубровский», «Капитанская дочка») Пушкин, как правило, использовал все данные вариации, в малых ограничивался важнейшей.

Так, в «Капитанской дочке», где мобильность героев очень высока, а необходимость самоопределения и отстаивания свободы непреложна, ситуации, в которых открывается / закрывается дверь, густо рассыпаны в тексте, имея при этом большое повествовательное значение. Дверь здесь маркирует переход в новое экзистенциальное состояние, очередной поворот в судьбе или духовной эволюции героя. Не обращаясь ко всем сюжетным коллизиям, акцентируем наиболее типичные. Ключевыми эпизодами контакта с вышестоящим лицом, приходившим в решающий момент на помощь герою, служит освобождение Пугачевым Марьи Ивановны и ее финальная встреча с Екатериной II, при этом положение самозванца и этикетность придворной жизни создают существенную разницу в преодолении границы. Пугачев сам, игнорируя сопротивление Швабрина, открывает дверь, за которой заточена Марья Ивановна:

«У дверей светлицы Швабрин опять остановился и сказал прерывающимся голосом: “Государь предупреждаю вас, что она в белой горячке, и третий день как бредит без умолку”. – “Отворяй!” – сказал Пугачев. Швабрин стал искать у себя в карманах, и сказал, что не взял с собою ключа. Пугачев *толкнул дверь ногою; замок отскочил; дверь отворилась, и мы вошли*» [12. Т. 8, кн. 1. С. 355].

К уборной императрицы, где она принимает героиню, ведет целая анфилада величественных зал, а сопровождает Марью Ивановну лакей. Подобная множественность дверей-преград, чудесно распахивающихся перед девушкой, воплощает строгую иерархичность государственной жизни, но одновременно и человеческую открытость Екатерины:

«Марья Ивановна с трепетом пошла по лестнице. *Двери перед нею отворились настежь.* Она прошла длинный ряд пустых, великолепных комнат; камерлакей указывал дорогу. Наконец, подошел к *запертым дверям,* он объявил, что сейчас об ней доложит, и оставил ее одну. Мысль увидеть императрицу лицом к лицу так утрашала ее, что она с трудом могла держаться на ногах. Через минуту *двери отворились,* и она вошла в уборную государыни» [Там же. С. 373].

Столь же значима в судьбе героев ситуация заточения, в которую Марья Ивановна попадает поневоле и освобождается самим Пугачевым, а Гринев в первый раз символически (в чулан запирают его шпагу) и по своей вине, после несостоявшейся дуэли, и только второй раз реально по обвинению в измене:

«Меня привезли в крепость, уцелевшую посередине сгоревшего города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Он велел кликнуть кузнеца. Надели мне на ноги цепь и заковали ее наглухо. Потом отвели меня в тюрьму и оставили одного в тесной и темной канурке,

с одними голыми стенами и с окошечком, загороженным железною решеткою» [12. Т. 8, кн. 1. С. 366].

Мотив тайного совещания встречается в романе, в отличие от «Арапа Петра Великого» и «Дубровского», всего один раз, но и он обозначает перелом в развитии событий. Так герои узнают о бунте Пугачева:

«У коменданта нашел я Швабрина, Ивана Игнатича и казацкого урядника. <...> Комендант со мною поздоровался с видом озабоченным. Он *запер двери*, всех усадил, кроме урядника, который стоял у *дверей*, вынул из кармана бумагу и сказал нам: “Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишет генерал!”» [Там же. С. 314].

Наиболее частотна в «Капитанской дочке», где судьбы героев во многом зависят от причудливого расклада событий и чужой воли, ситуация враждебного или дружеского проникновения в личное пространство, отсылающая, по справедливому наблюдению И.П. Смирнова, к структуре волшебной сказки [27] (из последних работ на эту тему см. [28, 29]). Дважды, например, акцентируется с помощью двери появление перед Гриневым Швабрина, в первый раз в момент знакомства, что, если вспомнить инфернальную семантику мотива, служит неким предвестием будущей его роковой роли, а во второй раз в сцене следствия, где Швабрин, стремясь погубить соперника, выступает с ложным доносом:

«На другой день по утру я только что стал одеваться, как *дверь отворилась* и ко мне вошел молодой офицер невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым, но чрезвычайно живым. <...> Мы тотчас познакомились. Швабрин был очень не глуп» [12. Т. 8, кн. 1. С. 296].

«Я с живостию обратился к *дверям*, ожидая появления своего обвинителя. Через несколько минут загремели цепи, *двери отворились*, и вошел – Швабрин» [12. Т. 8, кн. 1. С. 368].

Напротив, все упоминания двери, связанные с Марьей Ивановной, подчеркивают осторожность, стремление не нарушать укромность индивидуального пространства. Героиня преодолевает барьеры исключительно для помощи Гриневу – во время его болезни, а позднее – ища приема у императрицы:

«Я вспомнил свой поединок, и догадался, что был ранен. В эту минуту *скрыпнула дверь*. <...> Марья Ивановна подошла к моей кровати и наклонилась ко мне. <...> Она вышла и тихонько *притворила дверь*» [Там же. С. 307].

Таким образом, мотив двери у Пушкина, сохраняя некоторые элементы балладной семантики, оказывается даже более гибким, чем мотив окна. В его сюжетно-повествовательных функциях доминирует экзистенциальное начало: с помощью упоминания двери акцентируются важные для героев границы, пересекаемые ими самими или другими персонажами и определенные системой актуальных социально-бытовых барьеров. Тем самым семиосфера двери и окна от 1810-х к 1830-м гг. трансформируется из жанрово определенного явления с постоянным соотношением элементов в динамичное, далеко уходящее от стереотипов смысловое поле, которое в индивидуально-авторской поэтике способно тонко настраиваться для структурирования пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотникова О.Н. Феноменология домашнего пространства в литературе русского сентиментализма // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 391. С. 34–39.
2. Лейбов Р.Г. 1812 год: две метафоры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. (Новая серия). Тарту, 1996. Вып. II. С. 68–104.
3. Киселев В.С. Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Юбилейное издание / подготовка текстов и прил. И.А. Айзикова, В.С. Киселев, Н.Е. Никонова. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 449–469.
4. Мартин А. Просвещенный метрополис: Созидание имперской Москвы, 1762–1855 / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 254–278.
5. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 1999–2015.
6. Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Юбилейное издание / подготовка текстов и прил. И.А. Айзикова, В.С. Киселев, Н.Е. Никонова. М.: Языки славянской культуры, 2015.
7. Манн Ю.В. Русская литература XIX века: Эпоха романтизма. М.: Аспект-Пресс, 2001. С. 346–351.
8. Строганов М. Две заметки о долбинских стихотворениях Жуковского // Alexandro P'usino septuagenario oblata. М.: Новое издательство, 2011. С. 231–241.
9. Батюшков К.Н. Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и прим. Н.В. Фридмана. М.; Л.: Советский писатель, 1964.
10. Бугрова Л.В. Мотив Дома в русской романтической прозе 20-х – 30-х годов XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004.
11. Мамонова О.В. Семантика сюжетных мотивов дома и бездомья в русской романтической поэзии. В.А. Жуковский. М.Ю. Лермонтов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
12. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
13. Храповицкая Г.Н. Природа в литературе и живописи немецкого романтизма // Культурология. 2008. № 1 (44). С. 208–218.
14. Корзина Н.А. «Тема окна» в литературе немецкого романтизма // Проблемы романтизма. Тверь, 1990. С. 51–61.
15. Иезутова Р.В. Баллада в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л.: Наука, 1978. С. 138–149.
16. Коровин В.И. Лирические и лиро-эпические жанры в художественной системе русского романтизма: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1982.
17. Левченко О.А. Сюжеты русской романтической баллады // Стилистический анализ художественного текста. Смоленск, 1988. С. 108–119.
18. Сковорода Е.В. Балладный «элемент» в структуре русской романтической повести первой трети XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2001.
19. Ветшева Н.Ж., Жилиякова Э.М. Баллады Жуковского // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 3: Баллады / сост. и ред. Н.Ж. Ветшева, Э.М. Жилиякова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 229–240.
20. Поплавская И.А. Диалог поэзии и прозы в сборнике В.А. Жуковского «Баллады и повести» (статья первая) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 2 (6). С. 59–77.
21. Киселев В.С. Коммуникативная природа метатекстовых образований (на материале русской прозы конца XVIII – первой трети XIX века) // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2005. Т. 64, № 3. С. 13–25.
22. Киселев В.С. «Арабески» Гоголя и традиции романтической циклизации // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2004. Т. 63, № 6. С. 15–25.

23. Киселев В.С. К проблеме дискурсивных практик русской прозы первой трети XIX века (стратегия дилетантизма) // Филологические науки. 2005. № 1. С. 13–24.
24. Погорельский А. Избранное. М. : Советская Россия, 1988.
25. Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М. : Гослитиздат, 1957. С. 337–365.
26. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М. : Наука, 1999. С. 660–691.
27. Смирнов И.П. От сказки к роману // Труды отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1972. Т. 27. С. 284–320.
28. Пискунова С.И. От Пушкина до Пушкинского дома: очерки исторической поэтики русского романа. М. : Языки славянской культуры, 2013. С. 27–39.
29. Марусова И.В. Структура волшебной сказки в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Концепт. 2014. Приложение 20. Современные научные исследования. Вып. 2. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54777.htm>

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 февраля 2016 г.

“A GIRL AT THE WINDOW” AND “A KNOCK AT THE GATES”: SEMANTICS OF THE MOTIVES OF DOORS AND WINDOWS IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 1800S–1830S

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 5–15. DOI: 10.17223/15617793/405/1

Bolotnikova Olesya N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bolotnikovao@mail.ru

Keywords: historical poetics; elegy; ballad; semiotics space; K.N. Batyushkov; V.A. Zhukovsky; A.S. Pushkin; A. Pogorelsky.

In the Russian literature of the beginning of the 19th century the semantics of images of the window and the door was determined by the legacy of the sentimental phenomenology of the house space (the Horatian ideal of a secluded dwelling). But in the 1800s a young generation of poets gave it a new look, going from the scope of odes and messages to elegies. In the poetry of Zhukovsky the image of a rural house was realized in complex variations emphasising the idyllic element, like in “The Rural Cemetery”, then underlining the dramatic story of patriarchy destruction, like in “Empty Villages”. These interactive elegiac complexes proved to be very fruitful and, during the War of 1812, organically united with historical subjects, deepening their world modelling character (“Singer in the Camp of Russian Soldiers” and “To the Leader of the Winners” by Zhukovsky, “Ode to the Case of War with France in 1812” by Nevzorov, “A Soldier’s Song” by Glinka et al.). A complex combination of idyllic, elegiac and ironical elements gave “my” images of the house by Zhukovsky, Batyushkov, Delvig or the lyceum Pushkin a very dynamic appearance, in which the motives of the door and window found a number of stable modifications. One of the most fruitful was the situation of waiting for a mistress / lover at the window associated with the traditions of the “easy” love poetry (“A Window” by Pushkin, “A Dream” by Zhukovsky). In the lyrics of the 1810–1820-ies, it could generate a number of derivatives of motives, receding far from the Anacreon tradition (“On the Birthday of N” by Batyushkov, “The Prisoner” by Zhukovsky). In the elegy, the image of a girl at the window acquired a transcendent meaning and a connection with the sphere of otherness. In Pushkin’s texts, for instance, the complex of motives, including darkness, moon, melancholy and excitement of a girl at the window, waiting for a meeting, was further connected to a certain type of character and was a characterological sign of an in-depth reflective female nature (Ludmila in *Ruslan and Ludmila*, Tatiana Larina in *Eugene Onegin*). There, the motive of the window consorted with the motive of the door, like in “Svetlana” by Zhukovsky. The latter proved to be in demand in the ballad genre, built on liminal plots, on the intersection of a variety of borders – spatial, ontological, ethical. The door, a knock at it, peeping, intrusion of uninvited and often horrific guests, search for a door as an exit, on the other hand, are associated with climaxes of ballads and compel the reader’s attention. In the romantic version of the genre, the motive of the door is determined by the poetics of “two worlds” and embodies the crossing of the transcendent border (“Ballad that Describes How One Old Lady was Riding a Black Horse”, “Smailholm Castle”, “Judgment of God upon the Bishop”, “Lenore”, “Repentance” and other ballads by Zhukovsky). The motive of the door preserved its semantics in the romantic prose, especially in “terrible” stories, a sample of which is the cycle *The Double, or My Evenings in Little Russia* by A. Pogorelsky. A certain result and, at the same time, a projection to the realistic poetics is *The Queen of Spades* by Pushkin, where the sign of Lizaveta Ivanovna becomes her waiting at the window that emphasizes the sentimental-elegiac mood of the heroine, and the motive of Germann is the penetration into the chambers of the countess giving him infernal features; in the realistic coordinate system it is interpreted as the behavior of an impostor. In the 1830s, the semantics of the images of the door and the window found a correlation not only with the scope of ontology and ethics, but also with the social space modeling, which saturated it with household or historical projections. Thus, the window in late Pushkin’s texts marks a complicated semantic complex, including the elegiac reverie, everyday moments, generational semantics and the invasion of destructive elements. In Pushkin’s semantics of the door the existential beginning dominates: references to this semantics show borders important for heroes, borders they themselves or other characters cross, borders set by the system of current social barriers. As a result, the semiosphere of the door and the window from the 1810s to the 1830s transformed from a particular genre phenomenon with a constant ratio of elements in a dynamic semantic field far from stereotypes which in the author’s individual poetics is able to fine-tune for the structuring of space.

REFERENCES

1. Bolotnikova, O.N. (2015) Phenomenology of domestic space in the literature of Russian sentimentalism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 391. pp. 34–39. (In Russian).
2. Leybov, R.G. (1996) 1812 god: dve metafory [1812: two metaphors]. *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie. (Novaya seriya)*. 2. pp. 68–104.
3. Kiselev, V.S. (2015) Ideologicheskii kontekst “Sobraniya stikhotvoreny, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu” [The ideological context of The Collected Poems Relating to the Unforgettable 1812]. In: Ayzikova, I.A. et al. *Sobranie stikhotvoreny, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu. Yubileynoe izdanie* [The Collected Poems Relating to the Unforgettable 1812. A jubilee edition]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.
4. Martin, A. (2015) *Prosveshchenny metropolis: Sozidanie imperskoy Moskvy, 1762–1855* [An enlightened metropolis: Creation of Imperial Moscow, 1762–1855]. Translated from English by N. Edel’man. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Zhukovsky, V.A. (1999–2015) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Moscow: Yazyki russkoy kul’tury.
6. Ayzikova, I.A. et al. (2015) *Sobranie stikhotvoreny, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu. Yubileynoe izdanie* [The Collected Poems Relating to the Unforgettable 1812. A jubilee edition]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.
7. Mann, Yu.V. (2001) *Russkaya literatura XIX veka: Epokha romantizma* [Russian literature of the 19th century: The era of romanticism]. Moscow: Aspekt-Press.

8. Stroganov, M. (2011) Dve zametki o dolbinskikh stikhotvoreniiakh Zhukovskogo [Two notes about the Dolbino poems of Zhukovsky]. In: *Alexandro Il'usino septuagenario oblata*. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
9. Batyushkov, K.N. (1964) *Polnoe sobranie stikhotvorenykh* [Complete Poems]. Moscow; Leningrad: Sovetskii pisatel'.
10. Bugrova, L.V. (2004) *Motiv Doma v russkoy romanticheskoy proze 20-kh – 30-kh godov XIX veka* [The motif of the House in the Russian romantic prose of the 1820s–1830s]. Philology Cand. Diss. Tver.
11. Mamonova, O.V. (2004) *Semantika syuzhetnykh motivov doma i bezdom'ya v russkoy romanticheskoy poezii. V.A. Zhukovskiy. M.Yu. Lermontov* [Semantics of the plot motifs of the home and homelessness in the Russian romantic poetry. V.A. Zhukovsky. M.Yu. Lermontov]. Philology Cand. Diss. Moscow.
12. Pushkin, A.S. (1937–1959) *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 t.* [Complete Works: in 16 vols]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
13. Khrapovitskaya, G.N. (2008) Priroda v literature i zhivopisi nemetskogo romantizma [Nature in the literature and art of German Romanticism]. *Kul'turologiya*. 1 (44). pp. 208–218.
14. Korzina, N.A. (1990) “Tema okna” v literature nemetskogo romantizma [“The theme of the window” in the literature of German Romanticism]. In: *Problemy romantizma* [Problems of Romanticism]. Tver. pp. 51–61.
15. Iezuitova, R.V. (1978) Ballada v epokhu romantizma [The ballade in the era of Romanticism]. In: *Russkiy romantizm* [Russian romanticism]. Leningrad: Nauka.
16. Korovin, V.I. (1982) *Liricheskie i liro-epicheskie zhanry v khudozhestvennoy sisteme russkogo romantizma* [Lyric and lyric-epic genres in the art system of Russian Romanticism]. Philology Dr. Diss. Moscow.
17. Levchenko, O.A. (1988) Syuzhety russkoy romanticheskoy ballady [Topics of Russian romantic ballads]. In: Nikol'skaya, L.I. (ed.) *Stilisticheskii analiz khudozhestvennogo teksta* [Stylistic analysis of a literary text]. Smolensk: Smolensk State Pedagogical Institute.
18. Skovoroda, E.V. (2001) *Balladnyy “element” v strukture russkoy romanticheskoy povesti pervoy trety XIX veka* [The ballad “element” in the structure of the Russian romantic story of the first third of the 19th century]. Philology Cand. Diss. Pskov.
19. Vetsheva, N.Zh. & Zhilyakova, E.M. (2008) Ballady Zhukovskogo [Ballads by V.A. Zhukovsky]. In: Zhukovsky, V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
20. Poplavskaya, I.A. (2009) Dialog poezii i prozy v sbornike V.A. Zhukovskogo “Ballady i povesti” (stat'ya pervaya) [The dialogue of poetry and prose in Ballads and Stories by V.A. Zhukovsky (Article 1)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (6). pp. 59–77.
21. Kiselev, V.S. (2005) Kommunikativnaya priroda metatekstovykh obrazovaniy (na materiale russkoy prozy kontsa XVIII – pervoy trety XIX veka) [The communicative nature of metatext formations (on the material of the Russian prose of the end of the 18th – first third of the 19th centuries)]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Ser. literatury i yazyka*. 64:3. pp. 13–25.
22. Kiselev, V.S. (2004) “Arabeski” Gogolya i traditsii romanticheskoy tsiklizatsii [Arabesques by Gogol and the tradition of romantic cyclization]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Ser. literatury i yazyka*. 63:6. pp. 15–25.
23. Kiselev, V.S. (2005) K probleme diskursivnykh praktik russkoy prozy pervoy trety XIX veka (strategiya diletantizma) [On the problem of discursive practices of the Russian prose of the first third of the 19th century (dilettantism strategy)]. *Filologicheskie nauki*. 1. pp. 13–24.
24. Pogorel'skiy, A. (1988) *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
25. Gukovskiy, G.A. (1957) *Pushkin i problemy realisticheskogo stilya* [Pushkin and the problems of the realistic style]. Moscow: Goslitizdat.
26. Vinogradov, V.V. (1999) *Stil' Pushkina* [The style of Pushkin]. Moscow: Nauka.
27. Smirnov, I.P. (1972) Ot skazki k romanu [From the fairy tale to the novel]. In: Panchenko, A.M. (ed.) *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian literature]. Vol. 27. Leningrad: Nauka.
28. Piskunova, S.I. (2013) *Ot Pushkina do Pushkinskogo doma: ocherki istoricheskoy poetiki russkogo romana* [From Pushkin to the Pushkin House: Essays on Historical Poetics of the Russian novel]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
29. Marusova, I.V. (2014) Struktura volshebnoy skazki v romane A.S. Pushkina “Kapitanskaya dochka” [The structure of the fairy tale in A.S. Pushkin's The Captain's Daughter]. *Kontsept*. 20:2. [Online]. Available from: <http://e-koncept.ru/2014/54777.htm>.

Received: 16 February 2016

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ И ЕГО ПРИЗНАНИЕ В КОМПОЗИЦИОННОМ АСПЕКТЕ ПОЛИЛОГА В МАССМЕДИЙНОМ ЖАНРЕ ТОК-ШОУ

Рассматриваются способы реализации и признания коммуникативного доминирования с помощью использования особенностей композиционного строения полилога. Описываются речевые средства влияния доминирующего члена коммуникации на организацию речевого взаимодействия в рамках телевизионного ток-шоу.

Ключевые слова: коммуникативное доминирование; реплика-стимул; реплика-реакция; иллокутивно вынуждающая реплика; иллокутивно вынуждаемая реплика; композиционное строение полилога.

В современной лингвистике вопрос неравноправия коммуникативных позиций участников речевого взаимодействия решается неоднозначно. Наиболее распространенным и разработанным является социально ориентированный подход. Его начало было положено Л.П. Крысиным, выделившим различные типы соотношений социальных ролей в паре говорящий – слушающий: роль говорящего может быть выше или ниже роли слушающего или социальные роли говорящего и слушающего могут совпадать [1]. Далее данный подход развивался в работах В.И. Карасика, рассматривавшего различные способы проявления вышеописанных типов соотношений социальных ролей в языке. Учёный отмечает, что социальный статус участников коммуникации может проявляться в различных аспектах речевого взаимодействия [2]. Также социолингвистический подход можно найти в работах С.С. Дриги, И.И. Дубининой, Ю.В. Ильющенко [3–5]. Таким образом, для данного подхода характерна направленность изучения от статуса коммуниканта к особенностям его речи.

Следующий подход к решению данного вопроса является собственно дискурсивным. Исследователей интересует не столько проявление статуса в речи говорящего, сколько особенности его речи, позволяющие занять ему ту или иную коммуникативную позицию в рамках речевого взаимодействия. Ученые, разрабатывающие проблему неравенства коммуникантов в русле данного подхода, придерживаются мнения о том, что «сам язык предоставляет говорящим целый арсенал средств проявления и осуществления власти» [6. С. 60]. Изучение дискурсивных показателей коммуникативного доминирования проводится в рамках таких лингвистических направлений, как конверсационный анализ и дискурс-анализ. Объектом исследования данных направлений является речевая коммуникация, а целью – изучение структуры дискурса и способов отражения социокультурных и психологических аспектов взаимодействия в дискурсе. Один из представителей данных направлений, М.Л. Макаров, рассматривает вопрос соотношения коммуникативных ролей участников речевого взаимодействия в связи с понятием «коммуникативная инициатива». Он относит последнюю к макроструктуре речевого взаимодействия и определяет её как влияние индивида на развитие речевого взаимодействия [7]. Надо отметить, что исследователи вкладывают в данное понятие разный объём признаков речевого поведения говоряще-

го. Так, в работах О.С. Иссерс и О.В. Черничкиной показателем владения коммуникативной инициативой признаётся право устанавливать свою тему коммуникации и следить за меной ролей говорящего и слушающего [8, 9]. В то время как М.Л. Макаров, Е.А. Величко, А.Ю. Лапшина, помимо контроля за темой и меной коммуникативных ролей, отмечают следующие признаки речи доминирующего члена речевого взаимодействия: наличие в его речи инициативных предписывающих ходов, умышленное коммуникативное рассогласование, а также установление и контроль за соблюдением норм коммуникации [7, 10, 11].

Ещё одним способом решения вопроса соотношения ролей коммуникантов является определение лидера в данном речевом взаимодействии. Если коммуникативная инициатива является дискурсивным показателем, то коммуникативное лидерство относится к социальному аспекту речевого взаимодействия. Однако на коммуникативное лидерство влияет не социальный статус говорящего, а другие характеристики его личности, напрямую не связанные с процессом коммуникации. Так, В.В. Богданов рассматривает вопрос неравенства коммуникантов в терминах компетенций. Ученый выделяет энциклопедическую, интерактивную и лингвистическую компетенции и утверждает, что владение ими позволяет говорящему становиться лидером коммуникации [12]. В свою очередь, А.А. Романов утверждает, что захват лидирующей позиции связан, прежде всего, с завоеванием доверия собеседников к своим речевым действиям. Доверие собеседников достигается с помощью получения согласия на взаимодействие по типовому образцу речевой стратегии, выбранной лидером коммуникации. По мнению исследователя, данная цель достигается с помощью интеракциональных, интерпретативных и управленческих стратегий [13].

Ток-шоу как один из наиболее распространенных жанров современных СМИ все чаще становится объектом изучения современной лингвистики. В работах, посвященных данному жанру, отмечается, что его конституирующими признаками являются следующие: наличие постоянного набора ролей участников ток-шоу (ведущий, гости ток-шоу, зрители), актуальность обсуждаемой темы, полемичность речевого взаимодействия [14–16].

Изучение распределения коммуникативных ролей в рамках массмедийной коммуникации нашло отражение в работах О.В. Плотниковой и А.Ю. Лапшиной.

Отличительной особенностью данных исследований является то, что авторы обращаются к рассмотрению особенностей речи ведущего как инициатора общения [11, 17]. Так, О.А. Плотникова выделяет следующие используемые ведущими стратегии контроля над диалогическим взаимодействием в интервью: стратегия контроля над темой, стратегия контроля над инициативой, стратегия контроля над пониманием, стратегия контроля над манерой общения [17]. Однако речевое поведение гостей студии остаётся без внимания, хотя, по утверждению Н.Д. Аругюновой, инициативы не лишены и вторые реплики речевого взаимодействия [18]. Также объектом исследования в данных работах стало телеинтервью как жанр диалогического взаимодействия, что позволяет рассматривать распределение речевого доминирования только в паре коммуникантов с изначально неравными коммуникативными статусами (ведущий – гость программы). Рассмотрение такого массмедийного жанра, как ток-шоу, в свою очередь, позволило бы обратиться к изучению распределения доминирования между участниками речевого взаимодействия, имеющими равные коммуникативные позиции.

Таким образом, объектами данной статьи являются ток-шоу социально-политической тематики как жанр речевого взаимодействия в форме полилога, а также составляющие его коммуникативные единицы, предметом – реализация в данном жанре коммуникативной стратегии доминирования на уровне композиционной структуры полилога. Цель статьи – выявить и описать композиционные особенности речи доминирующего коммуниканта, а также композиционные особенности принятия или непринятия коммуникативного доминирования собеседника в речевом взаимодействии участников ток-шоу. Материалом для исследования послужили расшифрованные тексты российских ток-шоу. Общее количество исследуемого материала составляет 11 телепередач (около 600 минут).

Исследование выполнено в рамках коммуникативного подхода. Для его осуществления использовались следующие методы: во-первых, метод дискурсивного анализа, заключающийся в выделении минимальной единицы речевого взаимодействия в полилоге, анализе механизмов мены коммуникативных ролей, а также смены темы полилога или её поддержания; во-вторых, методы анализа коммуникативной активности и содержательной активности коммуниканта. Последние два метода были выделены А.Н. Барановым. Метод анализа коммуникативной активности основан на выявлении иллокутивно вынуждающих реплик, а также реплик-стимулов в речи коммуникантов, подсчёта их количества и составлении соотношения количества инициальных реплик к количеству ответных реплик. Метод анализа содержательной активности связан с анализом количества введённых тем одним из участников речевого взаимодействия и анализом их соотношения с количеством введённых тем его собеседниками [19].

В рамках ток-шоу доминирование говорящего также может оцениваться с точки зрения количества иллокутивно вынуждающих реплик в его речи. Илло-

кутивно вынуждающие реплики представлены в большинстве случаев вопросительными речевыми актами, а также экзерситавами, используемыми для передачи инициативы в полилоге другому коммуниканту. Например:

(1) Телепередача «12», ОТВ, выпуск от 1.10.2015. Ольга Романова – главный редактор портала «Влад-мама», гость ток-шоу.

Романова: ...здесь сидит моя коллега/ Ольга Станиславовна Сиянко/ она в большей степени руководила процессом обсуждения/ потому что в этот момент меня не было/ я в отпуске была/ и Оля расскажет как разделилось непосредственно мнение нашего родительского сообщества/ ну в общем вот наверное так/ Оля/ расскажи пожалуйста//

В данном примере коммуникант Ольга Романова выполняет функции модератора речевого взаимодействия, так как она, решив, кто из участников коммуникации будет владеть инициативой следующим, предопределяет композиционное строение полилога. Реализация стратегии доминирования происходит с помощью использования иллокутивно вынуждающего высказывания, а именно – экзерситавного речевого акта («Оль/ расскажи пожалуйста»). Доминирование коммуниканта Ольги Романовой подтверждается также тем, что остальные участники коммуникации принимают подобное распределение коммуникативных сил: следующим говорящим в данном отрывке полилога стала Ольга Сиянко, которой и была передана инициатива.

Ещё одной особенностью композиционного строения полилога при реализации коммуникативной стратегии доминирования является, на наш взгляд, наличие в речи лидирующего коммуниканта иллокутивно вынуждения, направленного сразу на двух слушающих. Приведём пример.

(2) Полина Козловская – ведущая передачи «Рекламный пельмень»; ж.; 38 лет; образование – высшее, журналистское. Александр Ендовин – гость передачи «Рекламный пельмень»; м.; директор рекламного агентства. Алексей Василенко – гость передачи «Рекламный пельмень»; м.; директор рекламного агентства. Телепередача «Рекламный пельмень», эфир от 18.04.2012.

П.К.: Как часто вы как агентства предлагаете вот такую форму рекламы? Ну это же нестандарт по идее//

А.Е.: С моей позиции то это/ бесплатный сыр бывает только в мышеловке//

П.К.: Угу//

Ал.В.: Ну это опасно/ если сказать клиенту давайте снимем вирусный ролик/ э-э-э/ и потом его не снимать раз за разом/ то ты потеряешь всех клиентов очень быстро/ ну то есть это в принципе как стратегия очень/ очень рискованно//

Реплика коммуниканта Полины Козловской содержит иллокутивное вынуждение, представленное запросом информации («Как часто вы как агентства предлагаете вот такую форму рекламы?»). При этом запрос информации адресован сразу двум коммуникантам. Это подтверждается способом обращения

Полины Козловской к своим собеседникам. Назвав их по общей сфере деятельности («вы как агентства»), Полина Козловская получает в ответ на своё иллокутивное вынуждение две принадлежащие разным коммуникантам иллокутивно вынуждаемые реплики. Эффективность такого двойного иллокутивного вынуждения выше, чем в репликах, иллокутивное воздействие которых направлено на одного адресата, так как степень влияния говорящего на организацию речевого взаимодействия в таких случаях становится выше. Если реплика, являющаяся иллокутивно вынуждающей только для одного коммуниканта, определяет прагматику, тематику и лексическое наполнение только одного высказывания, то в случае, когда реплика воздействует сразу на двух коммуникантов, она определяет сразу два высказывания.

Реализация стратегии доминирования с помощью использования двойного иллокутивного вынуждения обоснована композиционной организацией полилога и его минимальной единицей. В отличие от диалога в полилоге минимальная единица может быть представлена более чем двумя репликами разных коммуникантов. В результате в рамках полилога возможно отставание иллокутивно вынуждаемой реплики от иллокутивно вынуждающей, что приводит к тому, что иллокутивное вынуждение говорящего проявляет своё влияние не только на соседнюю реплику одного слушающего, но и на последующие реплики других коммуникантов. Так, между вопросом ведущей и ответом на него Алексея Василенко расположено высказывание Александра Ендовина, разрывающее позиционную близость двух составляющих иллокутивного вынуждения.

Ещё одной композиционной особенностью речи доминирующего члена является наличие в ней иллокутивно вынуждающих реплик, не содержащих в себе стимулирующей информации, а присоединяющихся к реплике-стимулу другого коммуниканта. Объясним, что мы имеем в виду на следующем примере.

(3) Валерий Фадеев – гость передачи «Тем временем»; м.; 53 года; образование – высшее, инженерно-математическое; журналист. Александр Архангельский – ведущий передачи «Тем временем»; м.; 51 год; образование – высшее, филологическое. Сергей Круглов – гость передачи «Тем временем»; м.; 47 лет; образование – неоконченное высшее, журналистское; священник. Телепередача «Тем временем», эфир от 17.06.2013.

В.Ф.: ... лет на восемь/ э-э-э/ ну потому что это вот чисто язычество/ то что мы видим на картинках Боттичелли/ я сейчас закончу/ да/ лет на восемь если я не ошибаюсь/ устроил жёсткий режим/ когда добрые флорентинцы понесли свои произведения искусства на центральную площадь и сожгли их там/ лет через восемь они сожгли самого Савонаролу/ вот/ м-м-м/ да/ а это/ в это время сам Боттичелли рисовал каких-то мрачных Мадонн/ потому что он был под влиянием Савонаролы/ мрачных Мадонн/ но это было христианское искусство/ отсюда вопрос/ что важнее и кто сильнее/ конечно Боттичелли оказался сильнее/ потому что/ э-э-э/ потому что его гений ну в некотором

смысле простите не от мира сего/ да/ а Савонарола ну некий человек который пытался затормозить ход истории/ остановить это невозможно каким бы сильным Савонарола ни был/ Савонарола работал с идеологией/ а Боттичелли работал с идеологическим/ потому что он создавал Возрождение/ вот я бы это жёстко разделил//

А.А.: Понятно/отец Сергей/ понятно если Савонарола/ то Вам/ Вы не в пиджаке/ в отличие от нас/ (смеётся)/ то слово Вам/ да//

В данном примере иллокутивное вынуждение содер­жится в реплике Александра Архангельского. Его высказывание включает в себя экзерситивный рече­вой акт, предполагающий передачу инициативы в полилоге другому участнику коммуникации («Вам слово»). Но иллокутивно вынуждаемая реплика оказы­вается неразрывно связанной с предыдущей. Алек­сандр Архангельский просит Сергея Круглова выска­зать мнение по поводу информации, содержащейся в высказывании Валерия Фадеева. Таким образом, ил­локутивное вынуждение реплики ведущего несамодо­статочно, оно не имеет смысла без информации пер­вого в этом отрывке полилога высказывания. Если обратиться к противопоставлению понятий «репли­ка – стимул» и «иллокутивно вынуждающая репли­ка», то можно сделать вывод, что высказывание Вале­рия Фадеева является репликой-стимулом, а высказы­вание Александра Архангельского – иллокутивно вы­нуждающей репликой. В подобных случаях домини­рующий член коммуникации так же, как и в приме­ре 1, выступает в роли модератора, администратора речевого взаимодействия, так как именно он выстраи­вает структуру полилога, объединяя реплики несколь­ких его участников в один тематический срез дискур­са телепередачи.

Отмеченная выше особенность речи доминиру­ющего члена коммуникации тоже связана с возможно­стями, которые предоставляет говорящему именно полилог. Так, в рамках диалога реплика, являясь ил­локутивно вынуждающей, всегда в то же время пред­ставляет собой реплику-стимул, т.е. она совмещает в себе показатели иллокутивного вынуждения и ин­формацию, которая является стимулом для последу­ющего высказывания. В полилоге иллокутивно вы­нуждающая реплика не всегда включает в себя ин­формацию, стимулирующую мнение следующего коммуниканта, что можно объяснить уже упомянутой выше особенностью минимальной единицы полилога. В подобных примерах она состоит из трёх высказы­ваний, представленных в следующем порядке: репли­ка-стимул, иллокутивно вынуждающая реплика, ил­локутивно вынуждаемая реплика (= реплика-реакция).

Помимо влияния на реализацию стратегии доми­нирования структура полилога предоставляет иссле­дователю возможность проследить, каким образом происходит признание доминирования говорящего его партнёрами по речевому взаимодействию.

Во-первых, доминирование, проявляющееся в преобладании в речи иллокутивно вынуждающих ре­плик, может иметь обратную сторону в аспекте при­знания такого доминирования. Так, иллокутивное

вынуждение доминирующего коммуниканта всегда вызывает ответ. Безусловно, в рамках коммуникации большая часть иллокутивно вынуждающих реплик всех её участников имеет ответ, так как речевое взаимодействие и состоит в обмене стимулами и реакциями, иллокутивно вынуждающими и иллокутивно вынуждаемыми репликами. Но в некоторых случаях иллокутивное вынуждение недоминирующих участников речевого взаимодействия может быть проигнорировано, в то время как иллокутивное вынуждение доминирующего члена коммуникации никогда не остаётся без внимания.

Из описанной выше особенности речи участников коммуникации, соглашающихся с лидерством говорящего, вытекает ещё одна возможная реализация признания доминирования. Сформулируем её суть следующим образом. Чем больше реакций других коммуникантов возникает на реплику-стимул или иллокутивно вынуждающую реплику говорящего, тем выше его степень доминирования. Это объясняется тем, что с увеличением количества ответных реплик повышается эффективность воздействия говорящего на композиционную и тематическую организацию полилога.

Нужно отметить, что в некоторых случаях иллокутивное воздействие реплики доминирующего члена может быть направлено только на одного адресата (в отличие от примера 2), но, тем не менее, оно также вызывает реакцию более одного коммуниканта.

(4) Александр Архангельский – ведущий передачи «Тем временем»; м.; 51 год; образование – высшее, филологическое. Александр Рубцов – гость передачи «Тем временем»; м.; 63 года; образование – высшее, философское; преподаватель. Валерий Фадеев – гость передачи «Тем временем»; м.; 53 года; образование – высшее, инженерно-математическое; журналист. Телепередача «Тем временем», эфир от 17.06.2013.

А.А.: Волинская это/ для зрителей объясните что это такое//

А.Р.: Ну это где раньше писались программы партии/ а теперь...

В.Ф.: Сталинская дача/ если уж совсем точно//

Подобные примеры чаще всего представляют собой иллокутивно вынуждающую реплику ведущего и две иллокутивно вынуждаемые реплики гостей программы. При этом в подобных случаях происходит не только признание доминирования ведущего передачи, но и борьба за лидерство между гостями ток-шоу. В рамках ток-шоу ведущий обладает особой коммуникативной ролью и особым влиянием на организацию передачи [3, 20]. В результате распределение доминирования происходит на двух уровнях: между ведущим и гостями программы и между гостями программы. Захват иллокутивного вынуждения, предназначенного другому гостю ток-шоу, является, с одной стороны, признанием доминирования ведущего, так как именно его реплика определяет реплику отвечающего. С другой стороны, подобное речевое действие представляет собой попытку захвата доминирования у коммуниканта, которому предназначалось данное иллокутивное вынуждение, так как второй говорящий (в приме-

ре это Валерий Фадеев) демонстрирует свою неудовлетворённость первым ответом и более высокую по сравнению с первым отвечающим степень осведомлённости в данном вопросе.

Также показателем признания лидирующей позиции можно считать наличие реплик-реакций, значительно удалённых от реплики-стимула доминирующего члена коммуникации. Наиболее ярким и распространённым примером описанной выше особенности является первая реплика ведущего, в которой вводится тема данного выпуска ток-шоу. Высказывание ведущего, в котором содержится тема предстоящего речевого взаимодействия, является стимулом для всей последующей коммуникации. Оно ограничивает тематическое разнообразие высказываний всех коммуникантов: никто из них не имеет права отступать от темы, озвученной ведущим.

Однако подобное отставание реплики-реакции от реплики-стимула может встречаться не только при озвучивании темы. Приведём пример.

(5) Гарри Бардин – гость передачи «Тем временем»; м.; 72 года; образование – театральное; аниматор. Александр Рубцов – гость передачи «Тем временем»; м.; 63 года; образование – высшее, философское; преподаватель. Телепередача «Тем временем», эфир от 17.06.2013.

Г.Б.: Я её счи/ я её считаю личностной идеологией/ она как бы иногда входит в противоречие с государственной идеологией/ но она моя/ она моя/ то что остается после кино фундаментом культуры/ то как правило лишено идеологии/ оно несёт личностный характер режиссера/ и если взять такие знаковые фигуры как/ ну вот Пётр Тодоровский который ушёл/ Эльдар Рязанов слава богу здравствующий/ Алексей Герман/ и я обожаю Авербаха/ Илью Авербаха/ что это такое/ у них были идеологии? Были конечно/ они со/ они как-то соприкасались с государственной идеологией? Нет/ нет/ вот если идеология у Петра Тодоровского/ да/ я бы сказал идеология это любовь/ во всех ее проявлениях/ это на уровне чувств передается/ и смешно когда смотришь старые фильмы пронизанные идеологией/ когда в финале как бог на машине появляется секретарь Обкома/ какой-то гладкий человек/ и вершит судьбу героев/ сегодня это смешно/ если это будет сегодня в заказанных картинах/ это будет уже несмешно/ вот что я могу сказать//

<18 реплик других коммуникантов>

А.Р.: ...это первое/ второе/ э-э понимаете вот э-э где она есть где её нет тоже большой вопрос/ потому что история вещь длинная/ а «Божественная комедия» это вообще-то был политический памфлет/ мы это сейчас просто не знаем/ а на самом деле это написал совершенно так сказать забойный текст/ именно так он и воспринимался/ «Дон Кихот» между прочим тоже/ в нём было гораздо больше пародий чем благородного романтизма поначалу/ всё это меняется/ но это тоже идеологические сюжеты/ вот здесь говорили про советский кинематограф с его такой идеологической нагруженностью/ но вот я смотрю вот эти советские фильмы/ ну ничего смешного я там честно говоря не вижу/ и это как-то вот строго так/ и никакого

такого особо насилия уже не остается/ все-таки искусство оно со временем очищается/ в том числе и от этих вот идеологически привнесенных [НРЗБ]//

Реплика Гарри Бардина является стимулом для реплики Александра Рубцова, что подтверждается следующим. Во-первых, между ними существует сценарная, фреймовая связь, так как реплика Гарри Бардина представляет собой высказывание мнения, а реплика Александра Рубцова – несогласие с этим мнением: смешно когда смотришь фильмы, пронизанные идеологией/ничего смешного я там честно говоря не вижу. Во-вторых, высказывания соединены формальной связью, представленной лексическими повторами (фильмы, смешной, смешно, смотреть), а также контекстными синонимами (старые = советские). При этом степень доминирования проявляется в том, что реплика-стимул, принадлежащая Гарри Бардину, оказывается композиционно удаленной от реплики-реакции Александра Рубцова: между ними располагаются 18 реплик, принадлежащих другим коммуникантам и не содержащих информации по теме советского кино. То есть, несмотря на то что мнение Гарри Бардина было высказано достаточно давно относительно общего времени данного речевого взаимодействия, его высказывание остается актуальным, важным для других участников коммуникации.

Дистантная связь реплики-стимула и реплики-реакции оформляется с помощью конструкции авторизации, отсылающей к автору реплики-стимула. В данном примере авторизация выражена фразой «вот здесь говорили», также нам встречались следующие: «здесь было сказано...», «вот Вы говорите...», «что касается того что...», «вот когда Вы говорите про...», «я бы все-таки оттолкнулся от мысли...» и др.

Общий анализ имеющегося у нас материала с точки зрения композиционных способов проявления и признания доминирования подтверждает интуитивное представление о том, что ведущий является главным доминирующим членом коммуникации. Такая позиция ведущего ток-шоу подкрепляется его особой

коммуникативной ролью, предусматривающей исполнение им определенных функций. Главенство ведущего подтверждается статистическими данными. Так, 55% от общего числа реплик ведущих в наших материалах являются репликами вынуждающего характера, и только 5% – вынуждаемого. В то время как в речи гостей ток-шоу количество иллокутивно вынуждаемых реплик колеблется от 45 до 100%. В нашем материале высказывания с двойным иллокутивным вынуждением, а также иллокутивно вынуждающие высказывания, объединяющие реплику-стимул и реплику-реакцию двух коммуникантов, характеризуют исключительно речь ведущего. Однако гость программы также может становиться доминирующим членом коммуникации, используя композиционные особенности полилога. Как было отмечено выше, в их речи могут встречаться иллокутивно вынуждающие реплики (как в примере 1). Также гости программы могут бороться за доминирование, используя иллокутивное вынуждение, направленное на другого коммуниканта (пример 4).

Композиционные особенности полилога могут влиять не только на реализацию стратегии доминирования, но и на признание высокой коммуникативной позиции собеседника. Так, иллокутивно вынуждающие высказывания могут вызывать несколько ответных реплик (примеры 2 и 4), а также в речи участников ток-шоу можно обнаружить удаленные реплики-реакции на реплику-стимул доминирующего члена коммуникации (пример 5).

Во многом сама иллокутивная структура речевого взаимодействия позволяет говорящему использовать её особенности в целях реализации коммуникативной стратегии доминирования. Композиционные особенности полилога, такие как ослабление связей между репликой-стимулом и репликой-реакцией, а также между иллокутивно вынуждающей и иллокутивно вынуждаемой репликами и увеличении, по сравнению с диалогом, минимальной единицы речевого взаимодействия, способствуют реализации стратегии доминирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛА

1. Телепередача «Тем временем», телеканал «Культура», эфир от 17.06.2013.
2. Телепередача «Рекламный пельмень», телеканал «Дождь», эфир от 18.04.2012.
3. Телепередача «Двенадцать», телеканал «Общественное телевидение Владивостока», выпуск от 1.10.2015.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. М. : Наука, 1976. С. 42–52.
2. Карасик В.И. Язык социального статуса. М. : Ин-т языкознания РАН, 1992. 330 с.
3. Дрига С.С. Социальный дейксис дискурса массовой коммуникации: на материале ток-шоу : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 15 с.
4. Дубинина И.И. Способы выражения иерархических отношений в организационной коммуникации : автореф. дис. ... канд. фил. наук. Волгоград, 2007. 22 с.
5. Ильюшенко Ю.В. Типы статусно-ролевой неуместности в диалоге // Вестник БГУ. Сер. 4: Филол. журн. пед. 2011. № 3. С. 68–72.
6. Шейгал Е.И. Власть как концепт и категория дискурса // Сборник эссе о социальной власти языка. Воронеж : ВГУ, 2001. С. 57–64.
7. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998. 200 с.
8. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
9. Чернишкина О.В. Коммуникативная инициатива в межличностном общении (на примере супружеского дискурса) : автореф. дис. ... канд. фил. наук. Волгоград, 2013. 23 с.
10. Величко Е.В. Способы выражения коммуникативной инициативы: гендерный аспект (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. фил. наук. Ростов н/Д, 2008. 20 с.
11. Лапшина А.Ю. Распределение коммуникативной инициативы в нарративном интервью // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2009. Вып. 2. С. 70–79.

12. Богданов В.В. Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство // Язык, дискурс и личность. Тверь : Изд-во Твер. ун-та, 1990. С. 26–31.
13. Романов А.А. Коммуникативная инициатива говорящего в диалоге // Текст как структура. М., 1992. С. 55–76.
14. Ларина Е.Г. Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса (на материале американских телевизионных программ) : автореф. дис. ... канд. фил. наук. Волгоград, 2004. 22 с.
15. Козлова О.А., Бондарев Д.А. Национальные особенности развития жанра общественно-политического ток-шоу на российском телевидении // Вестник ВолГУ. Сер. 8. 2010. Вып. 10. С. 119–125.
16. Климинская С.Л. Развертывание аргументативных стратегий в условиях коммуникативной ситуации телевизионной дискуссии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 587. С. 63–72.
17. Плотникова О.А. Стратегии контроля диалогического взаимодействия в интервью : автореф. дис. ... канд. фил. наук. Омск, 2007. 22 с.
18. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 647–649.
19. Баранов А.Н. Активность участника коммуникации: методы лингвистического анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2014. С. 43–53.
20. Кондратьева Н.Е., Мордовина Л.В. Ток-шоу как жанр современной массовой культуры // Аналитика культурологи. 2008. № 12. С. 112–116.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 марта 2016 г.

REALIZATION OF COMMUNICATIVE DOMINANCE AND ITS ACCEPTANCE IN THE COMPOSITIONAL ASPECT OF THE POLYLOGUE (BASED ON RUSSIAN TALK SHOWS)

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 16–22. DOI: 10.17223/15617793/405/2

Kudryavtseva Asya Yu. Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: asyasnitko@gmail.com

Keywords: communicative dominance; utterance-stimulus; utterance-reaction; illocutionary independent speech act; illocutionary relevant speech act; composition of polylogue.

The article discusses how to realize and to accept communicative domination through the use of polylogue composition features. The illocutionary structure of the polylogue can be used to seize the leading position in communication. Seizing of the verbal domination is evidenced by the following features of a communicant's speech. Firstly, illocutionary independent speech acts prevail over illocutionary relevant speech acts in the dominant communicant's speech. Secondly, the illocutionary necessitation of the leading speaker's utterance can be directed to several communicants. Thirdly, the illocutionary independent speech act of the dominant communicant can join the utterance-stimulus of other communicants, thus combining the utterance-stimulus and the utterance-reaction of two participants of verbal interaction. In most cases within talk shows illocutionary independent speech acts are represented by interrogative speech acts and exersitives. Interrogative speech acts help the dominant speaker to affect the thematic development of the polylogue, exersitives cause subsequent verbal actions of other communicants. Thus, the dominant speaker controls both the content and compositional development of polylogue. Also, communicants not seizing the leading position can show they accept the domination of the speaker using the compositional means of the polylogue. Thus, the illocutionary independent speech act can be directed to one concrete interlocutor but causes more than one illocutionary relevant speech acts of several interlocutors at the same time. I.e., the more answers are caused by the speaker's utterance the more communicative power he or she has. Also the distance between the utterance-stimulus and the utterance-reaction can become an indication of acceptance of communicative domination. Thus, the strength of the communicant's influence on the polylogue organization depends on the width of illocutionary necessitation distribution (the number of response utterances) and on its duration (the distance between the utterance-stimulus and the utterance-reaction). The features of a communicant's speech in the realization and accepting the dominance are determined by the features of the polylogue minimum unit. In contrast to the dialogical unit, the minimum unit of the polylogue can include more than two utterances. As a result, one illocutionary independent speech act causes several illocutionary relevant speech acts. Also, because of the presence of more than two interlocutors, the positions of the utterance-reaction and the utterance-stimulus or the illocutionary relevant speech act and the illocutionary independent speech act can be distant. Thus, the composition of the polylogue provides opportunities for the realization of communicative dominance, and for its acceptance.

REFERENCES

1. Krysin, L.P. (1976) *Rechevoe obshchenie i sotsial'nye roli govoryashchikh* [Speech communication and the social role of speaking]. In: Krysin, L.P. & Shmelev, D.N. (eds) *Sotsial'no-lingvisticheskie issledovaniya* [Socio-linguistic research]. Moscow: Nauka.
2. Karasik, V.I. (1992) *Yazyk sotsial'nogo statusa* [The language of the social status]. Moscow: Institute of Linguistics, RAS.
3. Driga, S.S. (2008) *Sotsial'nyy deysis diskursa massovoy kommunikatsii: na materiale tok-shou* [The social deixis of mass communication discourse: on the material of talk shows]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.
4. Dubinina, I.I. (2007) *Sposoby vyrazheniya ierarkhicheskikh omosheniy v organizatsionnoy kommunikatsii* [Ways of expression of hierarchical relations in organizational communication]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
5. Il'yushenko, Yu.V. (2011) *Tipy statusno-rol'evoy neumestnosti v dialoge* [The types of status-role-irrelevance in the dialogue]. *Vestnik BGU. Ser. 4: Filol. zhurn. ped.* 3. pp. 68–72.
6. Sheygal, E.I. (2001) *Vlast' kak kontsept i kategoriya diskursa* [Power as a concept and category of discourse]. In: Grishaeva, L.I. (ed.) *Sbornik esse o sotsial'noy vlasti yazyka* [Collection of essays on the social power of the language]. Voronezh: Voronezh State University.
7. Makarov, M.L. (1998) *Interpretativnyy analiz diskursa v maloy gruppe* [The interpretative analysis of discourse in a small group]. Tver: Tver State University.
8. Issers, O.S. (2008) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow: Izd-vo LKI.
9. Chernichkina, O.V. (2013) *Kommunikativnaya initsiativa v mezhllichnostnom obshchenii (na primere supruzheskogo diskursa)* [Communicative initiative in interpersonal communication (in marital discourse)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
10. Velichko, E.V. (2008) *Sposoby vyrazheniya kommunikativnoy initsiativy: gendernyy aspekt (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* [Ways of expression of communicative initiatives: a gender perspective (on a material of modern English language)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
11. Lapshina, A.Yu. (2009) *Raspredelenie kommunikativnoy initsiativy v narrativnom interv'yuu* [Distribution of communicative initiatives in a narrative interview]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 2. pp. 70–79.

12. Bogdanov, V.V. (1990) Kommunikativnaya kompetentsiya i kommunikativnoe liderstvo [Communicative competence and communicative leadership]. In: Susov, I.P. (ed.) *Yazyk, diskurs i lichnost'* [Language, discourse and personality]. Tver: Tver State University.
13. Romanov, A.A. (1992) Kommunikativnaya initsiativa govoryashchego v dialoge [Communicative initiative of the speaker in the dialogue]. In: Romanov, A.A. & Shakhnarovich, A.M. (eds) *Tekst kak struktura* [The text as a structure]. Moscow: Institute of Linguistics, RAS.
14. Larina, E.G. (2004) *Lingvopragmaticheskie osobennosti tok-shou kak zhanra televizionnogo diskursa (na materiale amerikanskikh televizionnykh programm)* [Linguopragmatic features of talk shows as a genre of television discourse (based on the US television programs)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
15. Kozlova, O.A. & Bondarev, D.A. (2010) Natsional'nye osobennosti razvitiya zhanra obshchestvenno-politicheskogo tok-shou na rossiyskom televidenii [National features of development of the genre of socio-political talk show on Russian television]. *Vestnik VolGU. Ser. 8. 10.* pp. 119–125.
16. Kliminskaya, S.L. (2010) Razvertyvanie argumentativnykh strategiy v usloviyakh kommunikativnoy situatsii televizionnoy diskussii [Development of argumentative strategies in a communicative situation of a TV debate]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta.* 587. pp. 63–72.
17. Plotnikova, O.A. (2007) *Strategii kontrolya dialogicheskogo vzaimodeystviya v interv'yu* [Strategies of dialogical interaction control in the interview]. Abstract of Philology Cand. Diss. Omsk.
18. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
19. Baranov, A.N. (2014) Aktivnost' uchastnika kommunikatsii: metody lingvisticheskogo analiza [Activity of the communication partner: methods of linguistic analysis]. In: Selegey, V.P. (ed.) *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. Moscow: RSUH.
20. Kondrat'eva, N.E. & Mordovina, L.V. (2008) Tok-shou kak zhanr sovremennoy massovoy kul'tury [Talk shows as a genre of contemporary mass culture]. *Analitika kul'turologii.* 12. pp. 112–116.

Received: 12 March 2016

ПЕРЦЕПТИВНАЯ СЕМАНТИКА В РОМАНЕ Г.И. ГАЗДАНОВА «ПОЛЁТ»

На основе материалов романа Г.И. Газданова «Полёт» рассматривается лексическое воплощение перцепции в текстовых фрагментах репродуктивного регистра. Отражение слухового восприятия является ведущим и активно сочетается с выражением других перцепций. При описании перцептивной семантики, при помощи семно-семемного анализа, выявляются доминирующие текстовые парадигмы: синонимы, ассоциаты, лексические и корневые повторы, актуализирующие и / или обозначающие смену / сочетание перцепций.

Ключевые слова: перцептивная семантика; текстовые парадигмы; синестезия; репродуктивный регистр.

Как известно, в языке художественного текста наиболее значим и частотен репродуктивный регистр, позволяющий раскрыть особенности проявления перцептивной семантики, отражающей творческую манеру конкретного писателя. Мы обращаем внимание на способы лексической интерпретации восприятий в различных ситуациях состояния героев, а также на роль изображенных в романе Г.И. Газданова «Полёт» перцепций. Экспликациям различных видов восприятия (зрительное, слуховое, тактильное, осязательное и др.) посвящено немало лингвистических трудов. Теоретической основой нашей работы послужили исследования таких авторов, как [1–9]. Актуальность настоящей статьи состоит в том, что ее тема соответствует одному из ведущих направлений в лингвистике – интерпретационному, смежному с текстоцентрическим. Анализ особенностей языкового выражения различных типов восприятия в рамках репродуктивного регистра в романе Г.И. Газданова «Полёт» представлен нами с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода с учетом функциональной значимости смысловых текстовых парадигм, участвующих в описании ситуаций проявления перцептивной семантики. Новизна статьи состоит в том, что язык романов Г.И. Газданова еще подробно не изучен; семантика перцептивности в разнообразном ее проявлении в указанном тексте ещё не была предметом исследования. Мы рассматриваем перцептивную семантику в данном произведении, используя актуальную методику текстовых парадигм, которые подчеркивают смысловые акценты автора, объясняя читателю выбор определенного восприятия. Мы описываем участие в выражении перцептивной семантики *смысловых* («по типу» (Н.С. Болотнова) синонимов, антонимов, родовидовых и видо-видовых отношений) и *формально-смысловых* (корневые повторы, участие частей речи) текстовых парадигм [10. С. 81–91].

Текстовую парадигму, вслед за Н.С. Болотновой, мы понимаем как «совокупность лексических единиц (словных и сверхсловных), объединенных концептуально на основе какого-либо общего элемента: внешнего (экстралингвистического) и или внутреннего (лингвистического)» [Там же. С. 40]. Смысловые текстовые парадигмы формируются на основе употребления единиц лексико-семантических парадигм, т.е. «замкнутых групп слов, значения которых связаны между собой по определенному числу однозначных противопоставлений» [11. С. 98].

Для нас важен текстовый аспект ассоциирования, на сегодняшний день остающийся недостаточно изученным. Ассоциат в нашем случае – «смысловый коррелят к стимулу, соотносимый в сознании воспринимающего текст субъекта с реальией художественного мира или сознания, а также с другими словами» [10. С. 24]. Иначе говоря, нас интересуют не языковые ассоциаты, выявляющиеся по данным свободного ассоциативного эксперимента и расположенные в словаре, например Ю.Н. Караулова [12], а сугубо текстовые, где сам текст, его фрагменты выступают стимулами для ассоциаций. Мы используем термин «ассоциат» в тех случаях, когда семантическое расстояние между сближенными по семантике словами значительное (настолько значительное, что не стоит говорить о контекстуальных синонимах), особенно это касается тех случаев, когда сближенные по смыслу слова относятся к разным частям речи.

Предложив текстовую категорию коммуникативных регистров, которая грамматически и функционально зависит от типов репрезентируемой в тексте информации, Г.А. Золотова выделила пять коммуникативных регистров: репродуктивный (изобразительный), информативный, генеритивный, волюнтативный и реактивный [13. С. 394]. Коммуникативный изобразительный регистр, по Г.А. Золотовой, «заключается в воспроизведении, репродуцировании средствами языка фрагментов, картин, событий действительности как непосредственно воспринимаемых органами чувств говорящего, наблюдателя, локализованного в едином с ним хронотопе (реально или в воображении)» [Там же]. Художественные тексты могут организовываться как в одном регистре, так и с использованием нескольких. В процессе рассмотрения способов выражения перцептивной семантики в языке романа Г.И. Газданова «Полёт» будем учитывать замечание А.В. Леоновой: «...восприятие и средства его выражения различаются в зависимости от ситуации и состояния героев» [1. С. 135].

В романе Г.И. Газданова «Полёт» речь идет о судьбе, счастье и любви героев, и репродуктивный регистр прежде всего проявляется в описании аудиальных восприятий героев. Приведем пример, отражающий ситуацию разговора Сергея Сергеевича и Лизы о недавно вышедшем романе: *Сергея слушал, его удивляло, что отец говорил мягким и тихим голосом, а тетя Лиза отвечала ему твердо и безжалостно, глаза ее расширились и разозлились...* [14. С. 280].

Субъектно ориентированные аудиальные восприятия вводятся глаголами *слушал* (активное действие по сравнению со *слышал*) и *отвечала*. Именно глагол *слушал* настраивает читателя на последующие события, помимо этого, задействован орган зрительного восприятия (*глаза*). Характеристики голосов (как объектов слухового восприятия) представлены двумя противопоставленными контекстуальными синонимическими парами. Каждая синонимическая пара включает метафорически-оценочное слово (*мягкий / твердо*). Эти признаковые слова и в прямом и в переносном смысле антонимичны – и тем самым обуславливают контекстуальную противопоставленность вторых членов синонимических пар *тихий / безжалостно*, несмотря на то что прилагательное *тихий* определяет характер звучания, а мотивированное качественным прилагательным наречие *безжалостно* отрицательно характеризует отношение тети Лизы к Сергею Сергеевичу (т.е. напрямую это уже не соотносится с аудиальной семантикой), что подтверждается и усиливается описанием ее глаз (*расширились и разозлились*). Глагол *слушал*, по наблюдению И.М. Кобозевой, наряду с лексемами *видеть*, *чувать*, относится к ядерной части лексики слухового восприятия. В данном случае две пары противопоставленных контекстуальных синонимов работают не только на звуковое впечатление, но и, опосредованно, на тактильное (*твердый и мягкий* – в прямом значении); их контекстуальное окружение – на зрительное восприятие (Сергея слышит голоса и видит сердитые глаза тети Лизы). Текстовые синонимы *мягким*, *тихим* сближаются при помощи семы 'плавный', которая в содержании прилагательного *тихий* присутствует потенциально. Лексемы *безжалостно* и *твердый* (метаф.) содержательно сближаются семой 'непреклонность' [15. С. 66], которая в переносном значении *безжалостно* является потенциальной (например, *безжалостный отказ*).

Синонимами становятся перцептивное аудиальное и оценочно-характеризующее прилагательные *тихим* и *вкрадчивым*. Они семантически сближаются за счет смысла 'осторожность'. *Вкрадчивый* – 'Проникнутый осторожностью, притворной любезностью, лестью. В. голос, шёпот. В-ая речь' [Там же. С. 134]. Во время игры в теннис Лизы и Сергея Сергеевича можно заметить изменения в голосе героини: *Потом она подняла глаза на Сергея Сергеевича и сказала особенно тихим и вкрадчивым голосом...* [14. С. 329]. Аудиальные прилагательные *тихий* и *вкрадчивый* в своей семантике содержат указание на конкретный канал восприятия – слуховой. Синонимическая характеристика голоса здесь определяет взаимоотношение героев.

Приведем еще фрагмент слуховых наблюдений Сережи при описании звуковых особенностей голоса: *Присутствуя иногда при разговорах в гостиной, он вслушивался внимательно в то, что говорилось, следил за любопытнейшей скачкой интонаций разных людей и иногда, закрывая добровольно для себя смысл произносившихся фраз, слушал только звуковые их смещения, похожие в общем на какой-то своеобразный концерт – с повышениями, понижениями, мо-*

нотонными баритональными нотами, высокими женскими голосами, которые ахали и срывались и вновь возникали потом, под глухой, глубокий аккомпанемент хриловатого баса... [14. С. 282]. Однокоренные ядерные глаголы аудиального восприятия *слушал / вслушивался* определяют субъектный аспект восприятия, который перетекает в объектно ориентированный при помощи характеристик голоса (*высокий*), его интонаций (*повышение / понижение*). Глагол *вслушивался* (вместе с наречием *внимательно*) и его контекстуальный синоним *следил* (за скачкой интонаций) эксплицируют повышенное внимание героя к звучащим голосам гостей отца, которые напоминают ему *своеобразный концерт*. Метафорические характеристики (*глубокий аккомпанемент баса, скачка интонаций, баритональные ноты*) свидетельствуют о музыкальной осведомленности героя. *Вслушиваться* – 'Напрячь слух и внимание, чтобы расслышать и понять что-либо' [16. Т. 1. С. 232]. Объект наблюдений Сережи находим в ассоциатах: *разговорах, говорилось, произносилось*. Индивидуально-авторские антонимы *срывались-возникали* обеспечивают звуковую динамику. «...звук во всех своих многочисленных ипостасях практически, – пишет Т.А. Трипольская, – всегда остается объектом восприятия человека, имена звучания занимают в высказываниях актантные позиции, не становясь в семантической структуре высказывания субъектом воздействия на человека» [17. С. 247].

Музыкальные образы сопровождают описание состояния влюбленности Сережи: *Тень Лизы не оставляла его; даже когда ее не было, все было полно ее присутствием и ожиданием ее возвращения, как воздух был полон отзвуками ее голоса, как музыка была полна ее интонациями, как вода была полна ее дрожащим отражением, как в прикосновении морского ветра Сережа явственно ощущал приближение к своему лицу ее теперь всегда полуоткрытых губ* [14. С. 373]. Вездесущая *тень Лизы* для Сережи прослеживается в целом ряде сравнений, которые поддерживаются лексическим повтором *полно / полон / полна*. Звуковое впечатление передается тематическим рядом: *отзвуки, голос, музыка, интонации*. Лексемы *ощущал, прикосновение* обозначают тактильное восприятие; словосочетание *дрожащим отражением* – зрительное.

Эксплицитно представлено счастливое состояние Людмилы во время игры на пианино, она любила музыку и уходила полностью в ее звучание, подтверждение чему находим в следующих словах рассказчика: *В ее жизни была только одна слепая и безжалостная страсть, ради которой она (Людмила) была готова забыть обо всем остальном, – этой страстью была музыка. Она сама была отличной пианисткой, и вечерами, одна в своей квартире, она играла, охваченная холодным и самозабвенным сладострастием Баха, Бетховена, Шумана. И только в эти часы... одна в этом призрачном и нарастающем полифоническом мире, она чувствовала себя по-настоящему счастливой. Потом она прекращала игру и останавливалась, неподвижно глядя в черное зеркало рояля; и умолкнувшие мелодии продолжали*

беззвучно греметь, вызывая целый ряд сожалений, предчувствий о том, чего никогда не было [14. С. 306]. «Катастрофа» и трагедия жизни Людмилы состоит в том, что она не знала ни привязанности, ни любви, что в отрывке отмечено словами (*забыть обо всем остальном*), именно поэтому она испытывала удовольствие только во время игры или занятий музыкой. Лексический повтор *страсть* подчеркивает неподдельный интерес и увлеченность любимым делом, что усиливает контекстуальный однокоренной синоним *сладострастьем* – 2. ‘С удовольствием, с наслаждением’ [15. С. 1207]. Другой лексический повтор (*одна в своей квартире / одна в этом призрачном... мире*) отделяет и выделяет естественный и столь необходимый, незаменимый для героини музыкальный мир. Аудиально значимы: словообразовательный повтор (*играла / игру*), гипо-гиперонимы (*музыка, мелодия, полифонический мир*), тематические ассоциаты (*пианисткой, рояль*). Синонимы *прекращала (игру)* и *останавливалась* соотносятся с выражением взгляда, который тоже остановился, замер (*неподвижно глядя*), это предвещает переход к размышлениям, сожалениям, воспоминаниям о страданиях (на что намекает метафора *черное зеркало рояля*). Людмила слышит музыку не только во время игры, но и в своем ментальном мире, что передается развернутым оксюмороном с явно выраженной перцептивной аудиальной семантикой *умолкнувшие мелодии продолжали беззвучно греметь*. Индивидуально-авторские синонимы *холодным, самозабвенным (сладострастьем)* уточняют глубину и степень увлеченности героини немецкой классической музыкой (*Баха, Бетховена, Шумана*).

Внутренние движения души героев в тексте Г.И. Газданова связаны с воспоминаниями, психологическим состоянием безысходности, пустоты. Состояние героев как бы согласуется и с состоянием природы, и в этих описаниях участвуют аудиальные значения. Сравним две экспликации состояния Лизы: до и после встречи с Сережей.

1. *Целый огромный мир, в котором до сих пор проходила ее жизнь, сместился и исчез. Лиза вспоминала теперь о нем... холод, тоска, пустота и то, что как будто бы все звуки потонули в нем, не получая отклика, – этот мир был почти безмолвен и безжизнен, и никакое могучее дыхание не оживляло его. В нем так же, казалось бы, звучала музыка, лились реки, скрипел снег, плескалось море, но все это было как на давно примелькавшейся картине, в немом размахе чье-то беззвучного и угасающего вдохновения...* [14. С. 393]. Так описывается одно из воспоминаний Лизы о ее жизни до встречи с Сережей. Отсутствие звука (и скрытое сожаление об этом отсутствии) не раз выражено при помощи отрицательной частицы *не* и приставки *без-*. Глаголы, обозначающие глобальные изменения – *сместился* и *исчез (огромный мир, в котором проходила ее жизнь)*; и на смену ему пришли *холод, тоска, пустота*), авторские синонимы *безмолвен* и *безжизнен* и сравнительное придаточное, отражающее небытие звучания, – во всем этом соединилось выражение сенсорного и ментального. Мо-

дальность предположительности, сомнения, выраженная союзом *как будто* и вводно-модальным словом *казалось бы*, подчеркивает ирреальность звучания, переданного длинным рядом глаголов звучания: *звучала (музыка), лились (реки), скрипел (снег), плескалось (море)*.

Теперь обратимся к отрывку, в котором отражено восприятие Лизой окружающего – после встречи с Сережей. 2. *И над этим всем, в буйном и почти утомительном соединении разных красок из многоцветной тишины, все время звучала далекая музыка, лишенная мелодической стройности, – ветер в деревьях, всхлипывание воды в бухте, крик цикад, гул волн, бьющих в узкие и длинные проходы между скалами... Ее зрение стало острее и внимательнее, она впитывала в себя все, что видела, и все замечала... и непостижимо быстрый полет ласточки, взмывавшей непосредственно от поверхности земли к колокольне местной церкви, и стремительное движение уплывавшей из-под нее рыбы...* [14. С. 394]. Текстовый фрагмент начинается с синестетического соединения зрительного и звукового образов (*разных красок из многоцветной тишины*); аудиальные впечатления сгущаются *гул (волн), крик (цикад)*, используются ассоциаты отвлеченных существительных (*всхлипывание воды в бухте*). Это уже не кажущиеся, а реальные звуки.

Синестетическое сочетание нескольких перцептивных впечатлений находим в романе «Полёт» при наблюдении дождя Лизой и Сережей: *Она приподняла деревянную штору; непрерывно обрушивающаяся водяная стена струилась и падала перед ее глазами; шел сильный дождь. Все пространство, которое она видела перед собой, было полно брызг и водяного тумана, мягко и грозно шумел ветер; с мокрым и звучным шуршанием непрерывно сыпалась галька на берегу; сквозь разнообразные шумы слышалось быстрое и одновременное журчание нескольких ручьев, все было – всхлипывание, влажный треск и чмокание размяченной земли, и, прорезывая тяжелый и сырой воздух, где-то неподалеку кричал петух. Лиза не могла отойти от окна... неоднократно было то же: тот же неистовый дождевой вихрь, те же звуки, шум огромной земли и резкий крик петуха – и если бы представить себе мифического титана, который заснул под шум этого дождя крепким сном и проснулся из каменного века в христианской эре, – все было бы то же: водяная стена, влажный туман, резкий крик птицы в сырой, наполненной брызгами мгле...* Сотворение мира [Там же. С. 392].

Присутствуют два ядерных маркера восприятия – глаголы *видела, слышалось*. Визуально-тактильное восприятие передается следующими словами: *непрерывно обрушивающаяся водяная стена струилась и падала, шел сильный дождь, полно брызг, наполненной брызгами мгле*. Тактильно-звуковая синестезия выражается лексическими и корневыми повторами: *водяная стена, водяной туман; непрерывно обрушивавшаяся, непрерывно сыпалась галька; сильный дождь, дождевой вихрь; шум дождя, шумел ветер*. Синонимический ряд: *мокрым, сырой, влажный под-*

черкивает семантику тактильности. Большое количество лексических и корневых повторов наряду со словами-интенсивами (*беспрерывно обрушивающаяся водяная стена, сильный дождь, резкий крик* и др.) усиливают впечатление о бурной дождевой непогоде, соответствуют сильным переживаниям героини. Приведенный отрывок отражает настоящее, актуальное на данный момент впечатление Лизы (*времени нет, ничего не существует сейчас, а есть мы с тобой*); Сережа же эту картину дождя воспринимает иначе (*неподвижная каменная рука*; речь идет об отце Сережи: он понимает, что отец будет против их связи с Лизой). Синестетически выраженный образ дождя предвещает неизбежные и неотвратимые перемены в жизни героев, а *крик петуха* соотносится в сознании читателя с криком души Лизы. Сенсорная модальность звучания выражается тематическим рядом (видо-видовые отношения): *шум, шумы, шуриание, крик, журчанье, всхлипыванье, чмоканье, треск*. Слуховое восприятие Лизы характеризуется признаковыми словами (с использованием оксюморона): *мягко и грозно шумел (ветер); с мокрым и звучным шурианием беспрерывно сыпалась (галька); влажный треск и чмоканье размягченной земли* и др. Рассказчик фонетически сближает слова *шумел и шуриание*, которые имеют градационные отличия; легкое шуриание усиливается аудиальным прилагательным *звучным*. В данном случае можно говорить о «перетекании» и взаимодействии восприятий, их челночном движении, что поддерживается размышлениями Т.А. Трипольской: «Звуковые образы “тянут” за собой зрительные, осязательные и др., а порой сами извлекаются с опорой на иные ощущения» [17. С. 246]. Признак *сырой* совмещает тактильное и обонятельное восприятие; этот синестезийный образ дополняется другим – «междусловной синестезией» [9. С. 5]: *влажный треск*. Градационная пара синонимов *резкий* и *неистовый* углубляет масштаб происходящего.

Данные фрагменты подтверждают справедливость наблюдений Е.И. Баранчевской: «...образы звуковые и зрительные представлены при отображении ситуации воспоминания чаще, чем обонятельные, вкусовые и тактильные» [18. С. 86].

Другие проявления перцепции (осязательная, вкусовая, обонятельная) в языке романа «Полёт» представлены реже и нередко – в соединении с визуальными и аудиальными. Температурная и опосредованно – тактильная перцепция, например, выражены при помощи контекстуальных синонимов во фразе: *Был июль месяц, тяжелый, знойный день* [14. С. 339]. Отрицательно-оценочная коннотация, связанная с метафоризацией тактильного прилагательного *тяжелый* (трудный для Лизы и Сережи), семантически сближает эти два однородных определения.

Положительно-оценочная коннотация объединяет метафорические значения *мягкая / вкусная* в следующем отрывке: *Она (мама) вообще говорила с ним (с Сережей) такими теплыми, уютными словами, всегда сразу понимала то, что его интересовало в данную минуту, играла с ним охотно и подолгу была мягкая и вкусная. ...Тетя Лиза тоже знала все это,*

но ее ответы никогда не удовлетворяли Сережу, потому что в них не хватало чего-то главного, может быть, этой уютности и теплоты [14. С. 280]. Наблюдается дистантный «семантический повтор» [19. С. 25], выраженный метафорическими однокоренными признаковыми словами (*теплыми / уютными, теплота / уютность*). Прилагательные и отвлеченные существительные находятся, по Е.А. Земской, в отношении транспозиции, т.е. имеют одно и то же лексическое значение [20. С. 362]. Прослеживается использование тактильных метафор. *Теплые* – 5 перен. ‘Добрый, дружеский, сердечный. Т-ые слова’ [15. С. 1317]. *Уютный* – 2. разг. перен. ‘Такой, который располагает к себе спокойствием, простотой и мягкостью’ [16. Т. 4. С. 546]. Выделенные метафорические прилагательные обозначают трепетную и сердечную любовь Ольги Александровны к сыну. Указанные контекстуальные синонимы сближаются друг с другом за счет близких по содержанию компонентов ‘добрый’, ‘мягкость’. *Мягкий* – 4. перен. ‘Приятный для восприятия органами чувств; не раздражающий, не резкий. М. голос. М-ие тона красок’ [15. С. 567]. Теплое отношение Сережи к маме не изменилось после ее ухода из семьи, что подтверждается следующими наблюдениями рассказчика, опосредованно соотносенными с перцептивной семантикой: *Сережа очень любил Ольгу Александровну. Это была все та же вкусная и мягкая мама, со своей ласковой скороговоркой, со своими нежными руками...* [14. С. 374]. Метафорические значения *мягкая* и *вкусная* содержательно перекликаются благодаря семам ‘приятный’, ‘нравящийся’. *Вкусный* – 2. перен. разг. ‘доставляющий удовольствие, нравящийся’ [21. С. 160]. Как видим, у приведенных лексем общих сем нет, воспользуемся методом «ступенчатой идентификации» [22. С. 35–36]. Уже на второй ступени семно-семемного анализа отмечается семантическое сходство: *нравиться* – 1. ‘Производить на кого-л. хорошее, приятное впечатление, вызывать расположение к себе’ [15. С. 658]. Таким образом, лексема *нравиться* содержит сему ‘приятное’, как и синоним *мягкая*. Ассоциативно сближенные метонимические прилагательные *ласковая* и *нежные*; они отражают перцептивную семантику имплицитно: *ласковая (скороговорка)* характеризует звучащую речь, *нежными (руками)* опосредованно соотносится с тактильной семантикой.

Метафорически, но уже на основании визуального восприятия (*видит*) синонимизируются прилагательные в следующем предложении: *...она (Лиза) хочет идти к Сереже... и вдруг у двери видит знакомый силуэт и металлическая, неживая рука, поперек пролета двери, загораживает ей дорогу* [14. С. 389]. Выражение тактильных ощущений при помощи индивидуально-авторского сближения метафорических прилагательных *металлическая* (актуализирует лексическое значение «тяжелый») и оценочно-характеризующего *неживая* свидетельствует о неодобрительном отношении Сергея Сергеевича к роману тети и племянника.

Экспликация семантики осязательной перцепции добавляется и в аудиально-визуальное описание при-

роды. Редкое для текстов Г.И. Газданова выражение светового восприятия, соединенное с аудиальными и тактильными (*твердый песок*) образами, можно наблюдать в следующем отрывке: *Был уже глубокий вечер, когда Сережа и Лиза вышли вдвоем; они шагали по безлюдной дороге, освещенной яркой луной. Было очень тихо. Они шли молча; на море неподвижно и бледно сверкала узкая полоса лунного света, вздрагивая на темной ряби воды, твердый песок тихо и мерно скрипел под ногами; по черной дороге... пронеслся время от времени шум автомобильных шин, напоминавший по звуку удаляющийся шепот* [14. С. 342]. Световое впечатление создается однокоренными словами (*освещенный, свет; луна, лунный*), словосочетанием *темная (рябь воды) / метафорой глубокий (вечер)*. Визуальная световая семантика «согласуется» со слуховой: два раза повторяется объектно ориентированное *тихо*, ему как бы вторит субъектно ориентированное *молча*. К концу отрывка аудиальная семантика начинает доминировать: *мерно скрипит песок, пронеслся шум автомобильных шин* (включается аллитерация [ш], [с]), звук автомобильных шин как бы олицетворяется – напоминает *шепот*. Наречия *тихо* и *мерно* сближаются благодаря смысловому оттенку ‘размеренно’, уточняют аудиальную семантику глагола *скрипел*. Типичный для романов Г.И. Газданова динамичный, музыкальный и «поющий» мир уступает место уединенному затишью, что соотносится с рассуждениями Т.А. Трипольской: «...звучащему миру противопоставляется особое молчание сосредоточенности внутренней жизни героя»... [17. С. 247]. Слуховое восприятие как бы разряжает зрительное.

Метафорическое выражение обонятельной перцепции, соединенной с тактильной, находим в следующем воспоминании Лизы: *...и ей показалось, что ей опять восемнадцать лет и вновь, как тогда, жадно и быстро в лицо бьют летние запахи горячей земли, раскаленных сосен и дорога послушно убегает из-под ног* [14. С. 391]. Описание интенсивных запахов поддерживает и усиливает читательское впечатление о влюбленных Лизы и Сережи. Высокую частотность метафорической интерпретации запаха в русской речи отмечает Е.Г. Басалаева [23. С. 126], что подтверждается и в нашем случае такими элементами контекста: *бьют летние запахи*, синонимическая градационная пара с тактильным значением *горячей, раскаленной*, свидетельствующая об интенсивной температурной

перцепции, усиливающей впечатление и нарастающую эмоцию.

Итак, анализ текстовых парадигм в романе Г.И. Газданова «Полёт», участвующих в выражении перцептивной семантики, выявил преобладание контекстуальных синонимов, лексических и корневых повторов, тематических рядов (отражающих родовидовые и видо-видовые отношения). Слуховые восприятия, ведущие в перцептивном разнообразии текста, маркируют воспоминания героев романа и предстоящие коренные изменения в их жизни. При помощи глаголов *слушал, вслушивался, следил (за), отвечала* проявляется субъектная ориентация аудиальных значений. Характеристики звучаний (*тихий / мягкий голос, глубокий аккомпанемент баритонального баса, голоса срывались и возникали*) соотносятся с объектно ориентированной перцепцией.

В этом романе описание слуховых восприятий часто соотносится с музыкальными образами (что свойственно и другим текстам автора).

Ярко выражен при помощи синонимов, тематических рядов, лексических и корневых повторов, развернутого оксюморона (*умолкнувшие мелодии продолжали беззвучно гремять*) музыкальный мир Людмилы. Тонко, с привлечением музыкальных метафор и сравнений, поддерживающих текстовые парадигмы перцептивности, представлена в романе любовь Сережи к музыке.

Описание слуховых восприятий в тексте нередко перемежается с отражением тактильных, визуальных, вкусовых перцепций, что создает эффект междусловной синестезии (*соединение разных красок многоцветной тишины; твердый песок тихо и мерно скрипел*) и является отличительной чертой идиостиля писателя. Изображение различных ситуаций восприятия, связанных с состоянием героев романа, нередко сопровождается метафоризацией, при этом перцептивная семантика проявляется опосредованно (*теплые, уютные слова; мягкая, вкусная мама*).

Представленное в романе Г.И. Газданова «Полёт» богатство перцептивной семантики (с преобладанием аудиальных образов), соотносенной с перипетиями жизни его героев, соответствует определению Вячеславом Ивановым стиля Г.И. Газданова как «магического реализма». Суггестия данного текста возрастает при воспоминании о его трагическом конце: почти все полюбившиеся читателю герои погибают в авиационной катастрофе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонова А.В. «Он ощутил сквозь свой больной жар...»: особенности изображения различных ситуаций восприятия (на материале романа М.А. Булгакова «Белая гвардия») // Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение. Новосибирск : Издание НГПУ, 2013. С. 134–141.
2. Трипольская Т.А. Моделирование ментальной структуры «восприятие запаха» в русской языковой картине мира // Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение. Новосибирск : Издание НГПУ, 2013. С. 50–60.
3. Рузин И.Г. Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 23 с.
4. Матханова И.П., Трипольская Т.А. Фокус восприятия ситуации как параметр интерпретационной деятельности автора // Филологические этюды: сб. науч. тр. памяти Ю.А. Пупынина / под. ред. И.П. Матхановой. Новосибирск : Изд-во: НГПУ, 2006. С. 105–116.
5. Дрошнев Д.Д. К вопросу о создании синестезии // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. 2014. № 2. С. 48–53.
6. Кобозева И.М. Свет, звук и запах в их языковой интерпретации (по данным русских глаголов эмиссии) // Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение. Новосибирск : Издание НГПУ, 2013. С. 8–27.

7. Лаенко Л.В. Перцептивный признак как объект номинации // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. 2004. № 2. С. 71–78.
8. Трипольская Т.А. Интерпретационный потенциал концепта «запах» // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке : материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2005. С. 35–43.
9. Гутова Н.В. Семантический синкретизм вкусовых и осязательных прилагательных в языке и художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 20 с.
10. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск : Изд-во Том. пед. ин-та, 1994. 212 с.
11. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
12. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. М. : Астрель : АСТ, 2002.
13. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М. : Ком Книга, 2010. 368 с.
14. Газданов Г.И. Собрание сочинений : в 5 т. М. : Эллис Лак, 2009. Т. 1. 878 с.
15. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
16. Евгеньева А.П. Словарь русского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1985. Т. 1. 698 с.; Т. 4. 794 с.
17. Трипольская Т.А. Звуковая метафора в художественной картине мира Г. Газданова // Научное наследие Владимира Григорьевича Адмони и современная лингвистика : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В.Г. Адмони. СПб., 2009. С. 246–247.
18. Баранчеева Е.И. «Запечатленные образы» и их языковое воплощение: память как невидимый орган // Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение. Новосибирск : Издание НГПУ, 2013. С. 80–88.
19. Гак В.Г. Повторная номинация, ее структурно-организующие и стилистические функции в тексте // Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного. М., 1987. С. 24–33.
20. Белошапкова В.А. Современный русский язык. М. : Азбуковник, 2003. 926 с.
21. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный. М. : Рус. яз., 2001. Т. 1. 1231 с.
22. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М. : Высш. шк., 1989. 152 с.
23. Басалаева Е.Г. Парфюмерный дискурс: выражение невыразимого // Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение. Новосибирск : Издание НГПУ, 2013. С. 122–133.
24. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. М. : Флинта; Наука, 2009. 496 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 февраля 2016 г.

PERCEPTUAL SEMANTICS IN G.I. GAZDANOV'S NOVEL *A FLIGHT*

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 23–29. DOI: 10.17223/15617793/405/3

Kukhtenkova Anastasia A. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kuhtenkovaanastasiya@mail.ru

Keywords: perceptual semantics; textual paradigms; synesthesia; reproductive textual register.

The language of G.I. Gazdanov's novels has not been studied yet in linguistic terms. The relevance of the article is due to its text-centric orientation, attention to the interaction between the lexical-semantic and lexical-grammatical levels in the formation of the structural-semantic integrity, the coherence of the artistic text. The article discusses the features of using textual paradigms correlated with the actualization of a reproductive register which is a key to the recognition of lexical perception (auditory, visual, tactile and olfactory). The research is based on the novel *A Flight* by G.I. Gazdanov, in which lexically expressed perceptions are narratively and perceptually correlated and relate to the descriptions of the psychological states of the characters. Thus, the musical images are linked with memories, regrets about past mistakes, being a harbinger of upcoming events, the auditory musical perception helps the heroes to hear their souls. These perceptual values usually are object-oriented and the use of metaphors is implicit. Description of the acoustic characteristics of the voices allows the reader to understand the relationship between the characters. Pictures of nature, weather manifestations are combined with the inner feelings, the state of the characters. Auditory, visual, tactile, thermal and olfactory experiences, replacing and complementing each other, play retrospective and prospective roles in the fate of the characters of the novel. The novelty of this article is in highlighting the image of the sequence or the combination of several perceptions involving metaphors, synesthetic images specific for the language of the novel. Subjective and object-oriented perception is also considered. These images are made using textual paradigms (contextual synonyms, associates, lexical and root repetition) and lexical-grammatical (abstract nouns, verbs of sound and motion) paradigms participating in the implementation of the reproductive textual register. Thus, this work supports the problem of studying the interrelation between lexical and grammar semantics in the structural-semantic organization of an artistic work, and also the problem of describing the specifics of the language personality of the writer and of his individual style. The study of perceptual semantics in G.I. Gazdanov's *A Flight* allows to increase the number of opportunities in considering the participation of semantic and formal-semantic paradigms in text formation and provides a deeper reading of the work; identifies the specifics of the author's individual style. The prospect of further research is the analysis of means and ways of expressing perception in different situations of the characters' state in other novels by G.I. Gazdanov. The aim of further research is a more objective understanding of the features of using textual paradigms in the expression of perceptual semantics in the works of the writer.

REFERENCES

1. Leonova, A.V. (2013) "On oshchutil skvoz' svoi bol'noy zhar...": osobennosti izobrazheniya razlichnykh situatsiy vospriyatiya (na materiale romana M.A. Bulgakova "Belaya gvardiya") ["He felt through his bad heat . . .": features of imaging different perception situations (in The White Guard by M. Bulgakov)]. In: *Problemy interpretatsionnoy lingvistiki: tipy vospriyatiya i ikh yazykovo voploshchenie* [Problems of interpretative linguistics: types of perceptions and their linguistic expression]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
2. Tripol'skaya, T.A. (2013) Modelirovanie mental'noy struktury "vospriyatie zapakha" v russkoy yazykovoy kartine mira [Modeling of the mental structure "the perception of smell" in the Russian language picture of the world]. In: *Problemy interpretatsionnoy lingvistiki: tipy vospriyatiya i ikh yazykovo voploshchenie* [Problems of interpretative linguistics: types of perceptions and their linguistic expression]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
3. Ruzin, I.G. (1995) *Modusy pertseptsii (zrenie, slukh, osyazanie, obonyanie, vkus) i ikh vyrazhenie v yazyke* [Moduses of perception (vision, hearing, touch, smell, taste), and their expression in language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
4. Matkhanova, I.P. & Tripol'skaya, T.A. (2006) Fokus vospriyatiya situatsii kak parametr interpretatsionnoy deyatelnosti avtora [The focus of the situation perception as a parameter of the interpretative activity of the author]. In: Matkhanova, I.P. (ed.) *Filologicheskie etyudy* [Philological studies]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.

5. Droshnev, D.D. (2014) On the creation of synaesthesia in V. Odoevsky's novel "Russian Nights". *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Russkaya filologiya*. 2. pp. 48–53. (In Russian).
6. Kobozeva, I.M. (2013) Svet, zvuk i zapakh v ikh yazykovoy interpretatsii (po dannym russkikh glagolov emissii) [Light, sound and smell in their language interpretation (according to the Russian emission verbs)]. In: *Problemy interpretatsionnoy lingvistiki: tipy vospriyatiya i ikh yazykovoe voploshchenie* [Problems of interpretative linguistics: types of perceptions and their linguistic expression]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
7. Laenko, L.V. (2004) Pertseptivnyy priznak kak ob'ekt nominatsii [Perceptual feature as a nomination object]. *Vestnik VGU. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*. 2. pp. 71–78.
8. Tripol'skaya, T.A. (2005) [The interpretation potential of the concept "smell"]. *Novaya Rossiya: novye yavleniya v yazyke i nauke o yazyke* [New Russia: new developments in language and linguistics]. Proceedings of the all-Russian academic conference. Ekaterinburg. pp. 35–43. (In Russian).
9. Gutova, N.V. (2005) *Semanticheskii sinkretizm vkusovykh i osyazatel'nykh prilagatel'nykh v yazyke i khudozhestvennom tekste* [Semantic syncretism of gustatory and tactile adjectives in language and literary text]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
10. Bolotnova, N.S. (1994) *Leksicheskaya struktura khudozhestvennogo teksta v assotsiativnom aspekte* [The lexical structure of a literary text in the associative aspect]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical Institute.
11. Kobozeva, I.M. (2000) *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow: Editorial URSS.
12. Karaulov, Yu.N. (2002) *Russkiy assotsiativnyy slovar': v 2 t.* [Russian associative dictionary: in 2 vols]. Moscow: Astrel': AST.
13. Zolotova, G.A. (2010) *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow: Kom Kniga.
14. Gazdanov, G.I. (2009) *Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Works: in 5 vols]. Vol. 1. Moscow: Ellis Lak.
15. Kuznetsov, S.A. (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Great Dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.
16. Evgen'eva, A.P. (1985) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Vols 1, 4. Moscow: Russkiy yazyk.
17. Tripol'skaya, T.A. (2009) [Sound metaphor in the art picture of the world of G. Gazdanov]. *Nauchnoe nasledie Vladimira Grigor'evicha Admoni i sovremennaya lingvistika* [Scientific heritage of Vladimir G. Admoni and modern linguistics]. Proceedings of the international academic conference on the 100th anniversary of the birth of V.G. Admoni. St. Petersburg. pp. 246–247. (In Russian).
18. Barancheva, E.I. (2013) "Zapechatlennye obrazy" i ikh yazykovoe voploshchenie: pamyat' kak nevidimyy organ ["Engraved images" and language expression: memory like an invisible part of body]. In: *Problemy interpretatsionnoy lingvistiki: tipy vospriyatiya i ikh yazykovoe voploshchenie* [Problems of interpretative linguistics: types of perceptions and their linguistic expression]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
19. Gak, V.G. (1987) Povtornaya nominatsiya, ee strukturno-organizuyushchie i stilisticheskie funktsii v tekste [Re-nomination, its structural-organizational and stylistic features in the text]. In: Shakhnarovich, A.M. & Moshchinskaya, N.V. (eds) *Lingvisticheskie i metodicheskie problemy prepodavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo* [Linguistic and methodological problems of teaching Russian as a second language]. Moscow: Nauka.
20. Beloshapkova, V.A. (2003) *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian language]. Moscow: Azbukovnik.
21. Efremova, T.F. (2001) *Novyy slovar' russkogo yazyka: tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [A New Dictionary of the Russian language: explanatory-derivational]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
22. Kuznetsova, E.V. (1989) *Leksikologiya russkogo yazyka* [Lexicology of the Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola.
23. Basalaeva, E.G. (2013) Parfyumernyy diskurs: vyrazhenie nevyrazimogo [Perfume discourse: expressing the inexpressible]. In: *Problemy interpretatsionnoy lingvistiki: tipy vospriyatiya i ikh yazykovoe voploshchenie* [Problems of interpretative linguistics: types of perceptions and their linguistic expression]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
24. Babenko, L.G. (2009) *Lingvisticheskii analiz khudozhestvennogo teksta* [Linguistic analysis of a literary text]. Moscow: Flinta; Nauka.

Received: 17 February 2016

ПОЭТИКА АНТИМИРА В ПРОЗЕ Ч. ПАЛАНИКА

Рассматривается поэтика антимира в прозе Ч. Паланика на материале его дилогии «Проклятые» и «Обреченные». Анализ показал, что в его творчестве двоемирие является характерным художественным приёмом. Два мира – это мир живых и мир мертвых, или антимир. В романах в качестве антимира представлен Ад, противостоящий миру реальному и обладающий своими законами, правилами, атрибутами. Ч. Паланик преобразует мир реальности и создает мир ирреальный, полный противоречий, препятствий и собственных принципов.

Ключевые слова: Ч. Паланик; поэтика; антимир; проза; роман; пространство; время; игра; пародия; парадокс; абсурд.

Творчество Ч. Паланика как представителя современной американской литературы делает его одним из ключевых авторов, работающих в направлении постмодернизма. Его произведения художественно насыщены, полны игры, пародии и грубой иронии по отношению к нынешнему обществу. Подобные тенденции Ч. Паланика дают нам основание утверждать, что он прямо или косвенно стремится к свободе посредства текста, оставляя выбор за читателем и давая ему возможность интерпретации демонстрируемых явлений. Роль автора в современной литературе утрачивает классическое значение творца; не случайно в терминологическом аппарате постмодернизма появляется метафора «смерть Автора» [1], и это, как представляется, равносильно утверждению Ф. Ницше о том, что «Бог умер» [2]. В произведениях Ч. Паланика «умирает» Автор в том смысле, что его точка зрения отсутствует, видение мира и событий представлено персонажами.

Целью данной статьи является выявление характерных черт художественного мира прозы Ч. Паланика. Отличительная особенность художественного мира Ч. Паланика – это наличие антимира, который противопоставлен миру реальному. Именно антимир является предметом нашего рассмотрения.

В романах рубежа XX и XXI вв., таких, как произведения Ч. Паланика, герои сами создают свой мир, который наполнен ситуациями, не свойственными реальности, что все дальше уходит от классического понимания художественного мира как отражения действительности. Литературовед Я. Погребная, занимающаяся вопросами мифопоэтики в современной литературе, утверждает в своей публикации «Неомифологизм мировой литературы XX–XXI вв. как онтологический и художественный феномен», что довольно часто «развивается в разных направлениях одна и та же ситуация: герои Ч. Паланика стремятся уничтожить текст, который, находясь в мире, уничтожает человека. В других романах Ч. Паланика “Невидимые монстры” и знаменитом (благодаря не вполне адекватной экранизации) “Бойцовском клубе” герои сочиняют свою версию своей судьбы и мира, в котором она осуществлялась: героиня “Невидимых монстров” пишет кровью брата на стене ту историю, которая предлагается читателю как роман, в “Бойцовском клубе” раздвоение сознания героя создает две версии мира, простираемые, возможно, и за пределы материальной реальности» [3].

Возникновение двух версий мира встречается во многих произведениях Ч. Паланика. Наиболее ярким примером является его дилогия, представленная романами «Проклятые» (2011) и «Обреченные» (2013). В этих романах двоемирие является пространственной характеристикой и выполняет сюжетобразующую функцию. По утверждению М. Бахтина, «мир художественного видения есть мир организованный, упорядоченный и завершённый помимо заданности и смысла вокруг данного человека как его ценностное окружение» [4]. А. Темирболат, развивая теорию М. Бахтина, отмечает, что «хронотоп – неотъемлемый компонент построения индивидуально-авторской картины мира писателя. Он определяет особенности метода, стиля, способствует отражению своеобразия национального мышления художника слова» [5]. Так, мы можем утверждать, что Ч. Паланик создаёт свой художественный мир как преобразованное пространство действительности, дополненное миром ирреальным. Двоемирие в дилогии Ч. Паланика является конструктивным принципом, поскольку ему подчинены композиционная и сюжетная линии – главная героиня переходит из мира мёртвых в мир живых. Так, место действия – это мир живых и мир мёртвых. Время дилогии – это время до и после её смерти. Следует отметить, что Е. Жиндеева называет двоемирие «художественным воплощением хронотопа» [6]. Феномен двоемирия определяется как культурная особенность, связанная с мировоззренческой проблематикой. Е. Перова говорит о «факторе двоемирия культуры», который порождает «проблему понимания текстов культуры, межличностного взаимопонимания как внутри одной культуры, так и среди представителей различных культур» [7].

Опираясь на названные исследования, можно утверждать, что Ч. Паланик создает двоемирие в текстах с целью пародирования мира действительности. Тринадцатилетняя девочка Мэдисон в дилогии попадает в Ад, где её жизнь становится даже лучше, чем была при жизни. Она реализует себя, находит друзей и становится лидером, хотя в реальном мире при жизни Мэдисон была одиночкой, лишённой искренней любви родителей. Девочка говорит, что «the being-dead part is much easier than the dying part» [8. Р. 2] – «быть мёртвой гораздо проще, чем умирать» [9. С. 1]. Смерть меняет мир подростка, создавая новое пространство, изменяя ход её «afterlife» [8. Р. 47] – «послежизни» [9. С. 20], отправляя её в

другой мир, который является изнаночным и пародийным.

Именно в романах Ч. Паланика «Проклятые» и «Обречённые» мы можем отметить появление качественно новых тенденций в репрезентации художественного мира. В прозе Ч. Паланика появляется антимир. Стремление изобразить мистический «тёмный» мир появлялось в романах, которые имеют черты магического реализма (например, роман Ч. Паланика «Колыбельная»). В данной дилогии этот мистический мир представлен в виде Ада, являющегося антимиром с законами, противоречащими реальному миру и который описывается как «мир наизнанку» [10].

Антимир стремится к законченности, но в то же время он связан с миром настоящим и зависит от настоящего мира, поэтому исследователи, такие как Д. Лихачёв, А. Панченко, Н. Поньрко, часто называют антимир несамостоятельным, «теневым миром», который создан на материале реальной действительности. Появление антимира даёт совершенно отличное от привычных категорий представление о мире и человеку в нём, ведь по ту сторону реальности строится иная жизнь со своими правилами. М. Бахтин связывает понятие антимира с миром карнавала. Всё, что в реальной жизни воспринимается серьёзно, в антимире высмеяно. Основная черта антимира, по М. Бахтину, – это амбивалентность, в которой всё завязано на смерти и возрождении. Так, антимир становится миром карнавала, перевернутым миром, где происходит смена социальных ролей. В таком мире не страшны ни унижения, ни избиения, ни смерть. Смех делает страх неважным. Как говорит героиня романа, «probably any grown-up would pee herself silly, seeing the flying vampire bats and majestic, cascading waterfalls of smelly poop. No doubt the fault is entirely my own, because if I'd ever imagined Hell it was as a fiery version of that classic Hollywood masterpiece The Breakfast Club, populated, let's remember, by a hypersocial, pretty cheerleader, a rebel stoner type, a dumb football jock, a brainy geek, and a misanthropic psycho, all locked together in their high school library doing detention on an otherwise ordinary Saturday except with every book and chair being blazing on fire» [8. P. 8] – «любой взрослый, наверное, обмочится от страха при виде летучих мышей-вампиров и величественных каскадов вонючего дерьма. Я сама виновата: если я когда-то и представляла себе ад, то лишь как более жаркую версию “Клуба “Завтрак” – классического фильма про популярную смазливую чирлидершу, бунтаря-нарика, тупого спортсмена, парня-заучку и девочку-психо-патку, которых в наказание заставили приехать в школу в субботу и заперли в библиотеке. Только в ее версии все книги и стулья загорелись» [9. С. 4]. Только подросток, переживший опыт смерти, у Ч. Паланика может воспринимать антимир как мир смеха, иронии, карнавала, полный противоположностей существ и ландшафтов.

Смех не только нейтрализует страх, но и творит сам антимир. Такого рода созидательность, граничащая с хаотичностью, порождает «мир нарушенных отношений, мир нелепостей, логически не оправдан-

ных соотношений, мир свободы от условностей, а потому в какой-то мере желанный и беспечный» [11]. Для главной героини Ч. Паланика даже смерть – это забавно, и она «flip and glib about everything» [8. P. 7] – «[юморит] не по делу и слишком легкомысленно ко всему [относится]» [9. С. 4]. Мэдисон так говорит о смерти: «but, to be honest, when you're dead probably not even homeless people and retarded people will want to trade you places. I mean, worms get to eat you. It's like a complete violation of all your civil rights. Death ought to be illegal but you don't see Amnesty International starting any letter-writing campaigns. You don't see any rock stars banding together to release hit singles with all the proceeds going to solve MY getting my face chewed off by worms» [8. P. 7] – «только учтите: когда вы все-таки умрете, даже бомжи и умственно отсталые вряд ли захотят поменяться с вами местами. Вас слопают черви – вопиющее нарушение прав человека! Смерть наверняка незаконна, но почему-то “Международная амнистия” не собирает против нее подписи. Рок-звезды не проводят благотворительные концерты, не записывают синглы и не обещают отдать всю выручку на решение этой проблемы. Проблемы поедания червями МОЕГО лица» [9. С. 4].

Антимир высмеивает всё то, к чему следовало бы относиться серьёзно, смех нейтрализует страх героев и погружает их в карнавал Ада. В романе Ч. Паланика «Проклятые» герои участвуют в карнавале на Хэллоуин: «Halloween is the only regular occasion on which the dead of Hell can revisit the living on earth. From dusk until midnight, the damned may walk – fully visible – among the living» [8. P. 231] – «Хэллоуин – единственное ежегодное событие, во время которого жители ада могут посетить жителей земли. С сумерек до полуночи проклятые могут ходить – ничуть не скрываясь – среди живых» [9. С. 94].

В Аду каждый день – это спектакль, написанный Сатаной, который на самом деле является автором судьбы Мэдисон и продюсирует каждый её поступок, поскольку в антимире «умирает» Бог и на его место приходит Сатана, который вершит судьбы. Сатана – это кукловод, который ведёт книгу жизни. После встречи с Сатаной девочка понимает, что весь ход ее жизни, все ее поступки, слова и даже мысли определены Сатаной: «Madison Spencer does not exist, Satan claims. I am nothing but a fictional character he invented aeons ago. I am his Rebecca de Winter. I am his Jane Eyre. Every thought I've ever had, he wrote into my head. Every word I've said, he claims he scripted for me» [8. P. 240] – «Мэдисон Спенсер, по утверждению Сатаны, не существует. Я не больше чем фиктивная героиня, которую он изобрел тысячи и тысячи лет назад. Я его Ребекка де Винтер. Я его Джейн Эйр. Все мысли, которые у меня когда-либо появлялись, вложил в мою голову он. Каждое слово, какое я когда-либо сказала, написал за меня он» [9. С. 98]. Главная героиня – лишь участница маскарада, который придумал Сатана, главный автор. Её не существует, но она желает бороться за своё существование. Так представлено видение Ада и Сатаны главной героиней. Примечательно, что Мэдисон говорит о себе в треть-

ем лице (слова героини «Мэдисон Спенсер, по утверждению Сатаны, не существует» [9. С. 98]). Точка зрения автора и авторское отношение не эксплицированы, можно лишь догадываться, что его мнение выражается устами его героини – тринадцатилетней девочки.

Ад Ч. Паланика как антимир парадоксален. Несмотря на его сложившиеся законы, где смех есть спасение, никто из героев не может осуществить изменения правил игры. Попытки главной героини являются только амбициями, заранее написанными в сценарии Сатаны. Законы антимира делают каждого человека властным вершить судьбы других, т.е., по сути, делают их богами. Следует отметить исследование А. Дугина «М. Хайдеггер. Философия Другого Начала», где он пишет, что «боги могут убить людей, насмеяться над ними, превратить их жизнь в ад» [12]. В романе Ч. Паланика мёртвые могут звонить живым по так называемой «горячей линии», подталкивать их на дурные поступки или просто насмеяться. Мэдисон в романе Ч. Паланика «Проклятые» высмеивает все, смеется над родителями, связавшись с ними по телефону с того света, заставляя их обещать ей абсурдные вещи, например, «to adopt all our Somali maids, to really legally adopt them, and make certain those girls get college degrees and become successful cosmetic surgeons and tax attorneys and psychoanalysts» [8. P. 236] – «усыновить всех наших служанок, легально их удочерить и проследить, чтобы эти девушки закончили колледж и стали успешными пластическими хирургами, налоговыми адвокатами и психоаналитиками» [9. С. 96]. Абсурдность высказываний главной героини указывает на то, как она борется с отрицательным в этом мире. Как отмечает А. Фатенков, «абсурд рождается в ситуации острейшей конфронтации, поляризации истины и лжи. Он не истинен, но и не ложен и рельефно оттеняет оба эти полюса» [13]. Абсурд в романах Ч. Паланика не порождает лжи, он провоцирует игру и ироничность смеха.

Антимир «...не теряет связи с настоящим миром. Наизнанку выворачиваются настоящие вещи, понятия, идеи, молитвы, церемонии, жанровые формы и т.д. Однако вот что важно: вывертыванию подвергаются самые “лучшие” объекты – мир богатства, сытости, благочестия знатности» [11]. Молитвы в Аду совсем не такие, как при жизни. Главная героиня обращается постоянно не к Богу, а к Сатане. К тому же для молитвы типичным является дарование надежды, но у Ч. Паланика герои стремятся избавиться от неё, говоря, что «the problem is, in Hell there is no hope. Who Do I Think I Am? In a thousand words... I don't have a clue, but I'll start by abandoning hope. Please help me, Satan. That would make me so happy. Help me give up my addiction to hope. Thank you» [8. P. 20] – «проблема в том, что в аду надежды нет. Так что я собой представляю? Как сказать это в тысяче слов – понятия не имею. Знаю только, что сначала надо оставить надежду. Пожалуйста, Сатана, помоги мне! И я буду очень-очень счастлива. Пожалуйста, помоги мне отказаться от пристрастия к надежде! Спасибо...» [9. С. 10]. Именно надежда у главной героини объясняет её иро-

ничность и смех над всем окружающим. Как указывал Л. Муниз в статье «Общественная ценность смеха», «мир принадлежит смеху, а смех принадлежит миру. В мире смеха и в смехе мира заложена надежда для мира» [14].

Видоизменяется в антимире абсолютно всё, даже церковные законы, догматы и добродетели. Ад становится единственно истинным миром для героев, миром, проповедующим свою альтернативную историю мира. Один из героев в романе Ч. Паланика «Проклятые» рассказывает остальным о значении понятия «демон»: «even the word demon <...> originates with Christian theologians who misinterpreted “daimon” in the writings of Socrates. Originally the word meant “muse” or “inspiration”, but its most common definition was “god”. He adds that if civilization lasts long enough into the future, one day even Jesus will be skulking around Hades, banished and ticked off» [8. P. 31] – «даже слово “демон” <...> придумали христианские теологи, неверно истолковавшие слово “даймон” в произведениях Сократа. Когда-то оно означало “муза” или “вдохновение”, а чаще всего – “бог”. Леонард добавляет, что если человечество просуществует достаточно долго, когда-нибудь даже Иисус будет мрачно слоняться по Аиду, изгнанный и вычеркнутый из жизни» [9. С. 14]. Так, у Ч. Паланика Ад и антимир не тождественны. Антимир – это не только Ад, это любые формы ирреального мира.

Герои не только искажают истины, но и меняют свои суждения, которые являются неуместными для мира реального. Мэдисон постоянно акцентирует внимание читателей на том, что желает понравиться Сатане и познакомиться с ним, хотя она «не в курсе, какие тут правила этикета» [9. С. 11]. Девочка говорит: «Spare me, please, your dime-store psychology, but I really do hope the devil will like me. Note, again, my lingering attachment to the H-word [hope]. My being here, locked in a slimy cage, it would seem a foregone conclusion that God isn't my biggest fan» [8. P. 31] – «избавьте меня от любительских диагнозов: я действительно надеюсь понравиться дьяволу. Не забудьте также про мое пристрастие к некоему слову на букву «Н» [надежда]. Если я сижу здесь, взаперти в склизкой клетке, очевидно, что Бог от меня не в восторге» [9. С. 16].

Так, мы можем утверждать, что антимир – это мир, существующий по законам хаоса и игры. Он противопоставлен миру реальному, в нём всё доведено до абсурда, и реальный мир пародируется с грубостью и циничностью. В Аду Сатана играет судьбой главной героини и её окружающих. Кроме того, главная героиня играет с атрибутами великих злодеев (например, усы Гитлера, пояс короля Этельреда Второго, бражмар Синей Бороды и т.д.), присваивая их себе.

Рассмотрим составляющие антимира – пространство (место действия), время, героев и язык.

В романах Ч. Паланика «Проклятые» и «Обречённые» антимир демонстрируется, прежде всего, через место действия, о чём необходимо сказать более подробно. Пространство имплицитно обозначено в названиях романов «Damned» и «Doomed». Согласно

словарю А. Hornby «Oxford Student's Dictionary of Current English», «damned» означает «souls in hell» [15. С. 150] (души в аду) и «condemn to everlasting punishment» [Там же. С. 183] (осужденные на вечное наказание), а «doomed» описывается как «something evil that is to come» [Там же] (что-то злое, что грядет). Так, следует отметить, что damned не просто определяет пространство, но и указывает на судьбу героя как проклятого, а doomed, по определению, более сходно с понятием предназначения, данного свыше.

Действие происходит в Аду, который создан на материале мира реального. Мир Ада смешивает и преувеличивает всё, что есть на Земле. В Аду видно, как проходят эпохи, как меняются стили и направления в культуре и архитектуре, но там все это смешано и представлено в виде абсурдных и ни к чему непригодных сооружений. Главные герои наблюдали за архитектурой Ада, проходя путь от окраин к центру: «draw closer to the complex of buildings which now appear to spread far beyond the horizon, covering acres, even square miles of Hellish real estate. Along the outer edges, the buildings' perimeter consists of postmodern pastiche, a collage of styles borrowing heavily from Michael Graves and I. M. Pei, with an assortment of laborers already excavating and laying the foundations for an ever-spreading series of additions ribbed to suggest the undulating forms of Frank Gehry. Within this outer margin stand concentric circles of older additions, like the rings of a bisected tree, each inner ring identifiable with the fashion of an earlier era. Adjacent to the PoMo sections rise the boxy glass towers of the International style. Within those lie the campy futuristic spires of the Art Deco, then the Period Revival of Victorian times, the Federal, the Georgian, the Tudor, Egyptian, Chinese, Tibetan palace architecture, Babylonian minarets, all of it comprising an ever-widening history of building» [8. P. 81] – «приближались к комплексу зданий, которые тянутся за пределы горизонта, покрывают акры, нет, целые квадратные мили адских угодий. Эти постройки похожи на постмодернистский коллаж, смесь стилей с заметным влиянием Майкла Грейвса и И.М. Пея. Разношерстные рабочие копают ямы для фундаментов и заливают их под ребристые и волнистые здания а-ля Фрэнк Гери. Внутри периметра видны круги более старых построек, похожие на кольца древесного ствола в разрезе, причем каждое ассоциируется со стилем более ранней эпохи. Рядом с постмодерном возвышаются коробчатые стеклянные башни интернационального стиля. За ними – пошлые футуристические шпили ар деко, потом историческое возрождение викторианства, эпоха федерации, эпоха Георга и Тюдоров, китайские павильоны, тибетские дворцы, вавилонские минареты» [9. С. 36].

Пространство антимира – это отражение современной действительности, пародирование её, выявление болезненных точек и проблемных мест. Подобные вопросы рассматривает Ж. Бодрийяр, говоря о современном мире и его истории, что «вся естественная среда превратилась в отбросы, т.е. в ненужную, всем мешающую субстанцию, от которой, как от трупа, никто не знает, как избавиться. <...> Вся биосфера

целиком в пределе грозит превратиться в некий архаический остаток, место которого – на помойке истории. Впрочем, сама история оказалась выброшенной на собственную помойку, где скапливаются не только пройденное нами и отошедшее в прошлое, но и все текущие события; не успев закончиться, они тут же лишаются всякого смысла в результате демпинга средств массовой информации, способных превратить их в субстанцию, непосредственно готовую для употребления, а затем и в отбросы. Помойка истории превратилась в информационную помойку» [16]. Ад в романах Ч. Паланика и есть помойка, в которой можно оказаться «in raw sewage or plopped down atop a bed of white-hot razor blades» [8. P. 11] – «в канализационном стоке или на раскаленных добела бритвенных лезвиях» [9. С. 10].

Перейдём к описанию следующей составляющей антимира – времени. Время в антимире идёт особому. Как отмечает Д. Лихачёв, антимир – «...мир недействительный. Он подчеркнуто выдуманный. В начале и конце произведения даются нелепые, запутывающие адреса, нелепое календарное указание» [11]. В романе Ч. Паланика «Doomed» мы постоянно наблюдаем посты в твиттер, датируемые 21 декабря, например, «DECEMBER 21, 6:03 A.M.» [17. С. 15]. Часто дата используется с разным временным диапазоном. Иногда это пара минут, а иногда – два часа. Так, течение времени подчёркивается автором, а использование твиттера как социальной сети в Интернете создает впечатление одномоментности общения. Кроме того, в романе Ч. Паланика «Damned» главная героиня Мэдисон говорит о том, что время в Аду действительно трудно поддаётся подсчёту, там нет разделения на дни и ночи, секунды, минуты, часы. В Аду стараются соблюдать и по привычке придерживаться земного хода времени, чтобы совсем не запутаться и знать, сколько времени персонажи уже там, но в этом может помочь только наличие исправных часов: «To be completely technical about the matter, time in Hell doesn't consist of days and nights, only a constant low-light condition accented by the flickering orange glow of flames, billowing white clouds of steam, and black clouds of smoke. These elements combine to create a perpetual rustic après-ski atmosphere. Recognizing that, thank God I wore a self-winding calendar wristwatch» [8. P. 23] – «Строго говоря, время в аду не делится на дни и ночи. Тут постоянное приглушенное освещение с акцентами: мерцающее оранжевое пламя, пушистые белые облака пара и чёрные тучи дыма. Совсем как на лыжном курорте. Слава Богу, на мне были самозаводящиеся наручные часы с календарем» [9. С. 10]. Особенно Мэдисон подчёркивает важность наличия в часах функции даты: «only in Hell do you wish a wristwatch included the day, date, and century functions» [8. P. 84] – «только в аду доведется пожалеть, что твои часы не показывают день, месяц и век» [9. С. 36]. Одна из героинь романов, Баббет, постоянно спрашивает: «сколько времени?», хотя часто в ответ слышит название месяца или года, например «август» [Там же. С. 53].

Далее рассмотрим, каких героев представляет нам Ч. Паланик в созданном им антимире. Герои его ро-

манов – это антигерои, которые ничего героического не совершают. Пространство, в котором они находятся, создаёт из довольно неблагополучных подростков, часто социопатичных и замкнутых, одну команду. Ад, в котором они пребывают, «is awfully passive-aggressive» [8. P. 120] – «ужасно пассивно-агрессивный» [9. С. 53] и Ад «breaks people down – by permitting them to act out to greater and greater extremes, becoming vicious caricatures of themselves, earning fewer and fewer rewards, until they finally realize their folly» [8. С. 120] – «ломает людей – позволяет пускаться во всё большие и большие крайности, превращаться в злобные карикатуры самих себя, пока они, наконец, не осознают свою ошибку» [9. С. 53]. В Аду находятся совершенно неидеальные герои. Главная героиня – это тринадцатилетняя девочка в очках, которая попала в Ад, как она вначале думала, после передозировки марихуаной. Подросток, терпевший издевательства сверстников при жизни, дочь богатых и знаменитых родителей, находит себя в Аду и не желает его покидать, несмотря на то, что такая возможность была ей предоставлена. Она обрела друзей, которые более похожи на персонажей фильма «Клуб “Завтрак”», путешествует с ними по Аду, который представляет собой «the Vomit Pond» [8. P. 30] – «пруд Рвоты» [9. С. 12], «the River of Hot Saliva» [8. P. 30] – «реку Кипящей Слюны» [9. С. 12], «the Shit Lake» [8. P. 30] – «озеро Дерьма» [Ibid. P. 12].

Ч. Паланик называет тех, кто умер, словом «postalive» [17. С. 30] – «послежизненные» или, в переводе Е. Мартинкевич, «засмертные» [18. С. 19]. Каждый, кто попадает в так называемую afterlife [8. P. 25] – послежизнь [9. С. 10], понимает, что смерть – всего лишь переход, дарующий героям целостность. До опыта смерти они были другими. Как утверждает М. Хайдеггер в своём исследовании «Бытие и время», «подразумеваемое смертью окончание значит не законченность присутствия, но бытие к концу этого сущего. Смерть – способ быть, который присутствие берет на себя, едва оно есть» [19]. Главная героиня после жизни оказывается в Аду и говорит о муках «послежизни» следующее: «...sad to say, the dead can still suffer excruciating bouts of self-consciousness. Like you, the predecomposed, the postalive can feel utterly mortified by their own sordid confessions» [17. P. 43] – «печально, однако, мёртвые по-прежнему способны испытывать мучительную неловкость. Засмертным, как и вам, покуда не разложившимся, бывает страшно стыдно признаваться кое в чём» [18. С. 19]. Автор показывает, что умершие меняются только телесно, а их восприятие мира и их моральные принципы остаются неизменными. Они лишь становятся засмертными в Аду или же призраками на Земле. Мэдисон обращается к читателю твиттера: «please note, Gentle Tweeter, that memories and thoughts are the stuff of ghosts. For souls are nothing if not pure consciousness» [17. P. 72] – «заметь, милый твиттерянин: призраки состоят из воспоминаний и мыслей. Душа есть чистое сознание, и ничего больше» [18. С. 65].

В Аду, который является антимиром, всё изменяется и преподносится обратным миру реальному.

Описывая антимир, Д. Лихачёв указывал на наличие законов его создания и необходимость его целостности: «Поэтому, строя картину изнаночного, крошечного или опричного мира, авторы обычно заботятся о её возможно большей цельности и обобщенности» [11]. Ч. Паланик также создаёт полную картину антимира Ада, вынуждая своих героев пройти по нему с квестом по сбору трофеев с самых ужасных грешников и столкнуться с самыми опасными демонами. Подобные события заставляют меняться и самих героев. Мэдисон Спенсер говорит, что она теперь антигероиня: «the Anti-Jane Eyre» [8. P. 199] – «анти-Джейн Эйр» [9. С. 83] и «my progress from nicety-nice boarding-school girl to way-impolite warrior princess with no regard for decorum» [8. P. 199] – «вежливенькая девочка из частной школы стала грозной принцессой-воительницей, которой плевать на этикет» [9. С. 83]. Она представляется нам как личность, создавшая себя заново: «...no single narrative. As neither Rebecca de Winter nor Jane Eyre, I am free to revise my story, to reinvent myself, my world, at any given moment. Advancing beside Archer, I am resplendent in my savage finery of seized power. In my service charge the collected blackguards of a dozen tyrants now dispatched to a lesser oblivion. My fingers, stained crimson with the blood of despots, are not the fingers which paged through the paper lives of helpless romantic heroines. No more am I a passive damsel who waits for circumstance to decide her fate; now have I become the scalawag, the swashbuckler, the Heathcliff of my dreams bent on rescuing myself» [8. P. 204] – «не одиночный нарратив. В отличие от Ребекки де Винтер или Джейн Эйр, я могу в любой конкретный момент свободно пересматривать свою историю, заново изобретать себя и свой мир. Я вышагиваю рядом с Арчером, украшенная дикарскими символами захваченной власти. У меня в услужении бывшие последователи дюжины тиранов, отправленных в забвение. Мои пальцы, побагровевшие от крови деспотов, – не те, что пролистывали бумажные жизни беспомощных романтических героинь. Я уже не пассивная девица, которая ждет, чтобы её судьбу решили обстоятельства; теперь я стала негодяйкой, головорезкой, Хитклиффом собственных мечтаний» [9. С. 85]. Главная героиня теперь все больше обращается к сравнению себя при жизни и себя после смерти, уже превращаясь из замкнутого подростка в уверенную личность, противопоставляющую себя литературным героям.

Главная героиня романов «Проклятые» и «Обреченные» так говорит о восприятии Жизни, Ада и Рая: «...earth feel like Hell is our expectation that it should feel like Heaven. Earth is earth. Dead is dead. You'll find out for yourself soon enough. It won't help the situation for you to get all upset» [8. P. 5] – «земля кажется нам адом именно потому, что мы надеемся найти тут рай. Земля – это земля. Мертвые – это мертвые. Вы сами довольно скоро во всем убедитесь. И расстраиваться нет никакого смысла» [9. С. 3]. Героиня разграничивает для себя мир мертвых и мир живых: «It simply makes sense that I should miss my parents more than they miss me, especially when you consider that they only

loved me for thirteen years while I loved them for my entire life. Forgive me for not sticking around longer, but I don't want to be dead and just watching everybody while I chill rooms, flicker the lights, and pull the drapes open and shut» [8. P. 5] – «понятное дело, [скушает] по родителям больше, чем они по [ней]: ведь они любили [её] только тринадцать лет, а [она] их – всю жизнь. Уж простите, что не проболталась с мамой подольше, но [она не хочет] тупо на всех смотреть, морозить комнаты, включать и выключать свет и дёргать шторы» [9. С. 3]. Ч. Паланик намеренно указывает, что в мире живых никто не привык думать, что существует Ад, о чём Мэдисон говорит Сатане: «my mom and dad said you and God were invented in the superstitious, backward pea brains of hillbilly preachers and Republican hypocrites» [8. P. 17] – «родители приучили [её] верить, что ты не существуешь. Мама и папа говорили, что ты и Бог – порождение крошечного, суеверного и отсталого мозга деревенских проповедников и лицемерных республиканцев» [9. С. 8]. Автор оставляет за читателем право считать, есть ли Бог или нет, но подобное отношение родителей девочки является типичным, поэтому, изначально попадая в новый мир, Мэдисон относится к ситуации с привитой ей долей недоверия и неверия в высшие силы, предлагая читателю представить себя на её месте: «put yourself in my penny loafers: I'm locked in a barred cell in Hell, thirteen years old and doomed to be thirteen forever, but I'm not totally self-unaware» [8. P. 17] – «[вообразить] себя на [её] месте: [она сидит] в запертой клетке в аду, [ей] тринадцать лет, [она] обречена быть тринадцатилеткой вечно – и все-таки [она] ещё осознает себя как личность» [9. С. 8].

Несмотря на то что литературоведы относят Ч. Паланика к авторам-постмодернистам, которые чаще представляют читателю мир хаоса, мы можем утверждать, что художественный мир его произведений гармоничен, хоть и обладает провокационностью. Грубая лексика, использование сленга, упрощённые структуры речи, напротив, приближают героев романов Ч. Паланика к современной действительности.

Именно поэтому автор находит такую яркую рефлексию среди молодежи старше восемнадцати и его книги становятся бестселлерами. Ч. Паланик погружает своих персонажей, типичных американских молодых людей, взращенных в обществе потребления и вольности нравов, в совершенно нестандартный художественный мир, вынуждающий их меняться, принимать решения, вершить свою судьбу самостоятельно, не поддаваясь течению «River of Hot Saliva» [8. P. 33] – «реки Кипящей Слюны» [9. С. 24]. Они знают, что «the only way to find true happiness is to risk being completely cut open» [20] – «единственный путь к обретению настоящего счастья – пойти на риск быть полностью раскрытым» [21]. Автор показывает своих героев избалованными, привыкшими жить в роскоши. У их родителей несколько домов в разных странах мира: «on the computer screen a maid would place a vase filled with fresh-cut peonies on the windowsill of our house in Dubai» [8. P. 4] – «на компьютерном экране в <...> дубайском доме горничная ставила на подоконник вазу со свежими пионами» [9. С. 2]. Они носят в косметичке дорогие украшения, например, «seven-hundred-carat beryl pendant was once owned by Queen Marie of Romania» [22. С. 99] – «берилловый кулон в семьеот каратов, который когда-то принадлежал румынской королеве Марии» [23. С. 112].

Пространство антимира с его героями, временем, языком и законами, «благодаря создаемому зданию творения, открывается и удерживается в своей разверзтости как местность, предназначенная для местопребывания смертных» [24]. Автором создаётся «второй мир, который в силу своей негативной тенденции противостоит [реальному], скорее являя собой разрушение того, что представлено с помощью знакомых, вызывающих доверие смыслов, как соединение рассыпанных элементов существования в единый, объединяющий их смысл» [25].

Ч. Паланик преобразует мир реальности и создает мир ирреальный, полный противоречий, препятствий и собственных принципов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Смерть Автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. URL: <http://www.philology.ru/literature1/barthes-94e.htm>
2. Ницше Ф. Человеческое слишком человеческое. Весёлая наука. Злая мудрость : сборник. Минск : Попурри, 1997. 704 с.
3. Погребная Я.В. Неомифологическое транспонирование как способ сотворения неомифа. Его содержание и способы осуществления. Аналогизирующий и метафоризирующий способы порождения неомифа. Космогония неомифа и проблема автора // Аспекты современной мифопоэтики. URL: <http://www.niv.ru/doc/pogrebnaaya-aspekty-mifopoetiki/neomifologicheskoe-transponirovanie.htm>
4. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. Проблема автора. URL: <http://mmbakhtin.narod.ru/probl.html>
5. Темирболат А.Б. Категории хронотопа и темпорального ритма в литературе. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/temirbolat_ab-kategoriya_hronotopa.pdf
6. Жиндеева Е.А., Четвергова С.С. Художественное воплощение хронотопа «двоемирие» в рассказах Ю.В. Мамлеева // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. № 2–6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennoe-voploschenie-hronotopa-dvoemirie-v-rasskazah-yu-v-mamleeva>
7. Перова Е.Ю. Мировоззренческая проблематика в трудах отечественных и европейских мыслителей XX века. URL: <http://www.sworld.com.ua/konfer30/1070.pdf>
8. Palahniuk Ch. Damned. N.Y. : Jonathan Cape, 2011. 257 p.
9. Паланик Ч. Проклятые. М. : АСТ, 2012. 317 с.
10. Бахтин М. М. Рабле в истории смеха // Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худ. лит., 1990. 543 с. URL: http://krotov.info/libr_min/02_b/ah/baht_02.html
11. Лихачёв Д.С. Смех в Древней Руси. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/lihach/5_01.php
12. Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. URL: <http://www.platonizm.ru/content/dugin-martin-haydegger-filosofiya-drugogo-nachala>
13. Фатенков А.Н. Небесмысленность абсурда и ограниченность строгой мысли // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки . 2014. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nebessmyslennost-absurda-i-ogranichenost-strogoy-mysli>
14. Муниз Л. Общественная ценность смеха // Академические тетради. 1995. № 1. С. 36–37.

15. Hornby A. S. Oxford Student's Dictionary of Current English. Oxford : Oxford University Press, 1984.
16. Бодрийяр Ж. Город и ненависть URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1997_09/06.htm
17. Palahniuk Ch. Doomed. N.Y. : Jonathan Cape, 2013. 336 p.
18. Палааник Ч. Обреченные. М. : АСТ, 2013. 350 с.
19. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003. 503 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/haydegger-butie_i_vremya-8l.pdf
20. Palahniuk Ch. Invisible Monsters. N.Y. : W.W. Norton & Company, 1999. 332 p. URL: http://royallib.com/read/Palahniuk_Chuck/ Invisible_Monsters.html
21. Палааник Ч. Неведимки. М. : АСТ, 2000. 320 с. URL: http://royallib.com/read/palanik_chak/nevidimki.html
22. Palahniuk Ch. Lullaby. N.Y. : Doubleday, 2002. 272 p. URL: http://royallib.com/read/Palahniuk_Chuck/Lullaby.html
23. Палааник Ч. Колыбельная. М. : АСТ, 2002. 280 с. URL: <http://www.litlib.net/bk/236/read>
24. Хайдеггер М. Жительство человека. М. : Знак, 1993. 300 с. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Git_Chel.php
25. Адорно Т.В. Эстетическая теория (Философия искусства). URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Adorno/EstTeor_15.php

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 марта 2016 г.

POETICS OF THE ANTI-WORLD IN PROSE BY CH. PALAHNIUK

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 30–37. DOI: 10.17223/15617793/405/4

Lushnikova Galina I. Crimean Vernadsky Federal University (Yalta, Russian Federation). E-mail: lushgal@mail.ru

Chemezova Ekaterina R. Crimean Vernadsky Federal University (Yalta, Russian Federation). E-mail: chemezova4@gmail.com

Keywords: Ch. Palahniuk; poetics; antiworld; prose; novel; space; time; game; parody; paradox; absurd.

The article deals with poetics of the anti-world in Ch. Palahniuk's dilogy: two related novels *Damned* and *Doomed*. The analysis proves that the creation of the two worlds is Ch. Palahniuk's typical artistic technique. The two worlds of his dilogy are the world of the living – the real world, and the world of the dead – the unreal world or anti-world. The phenomenon of the two worlds is also defined as a cultural feature associated with the worldview issues. In these novels Hell is presented as an anti-world which is the world of games, parody and carnival. The author's laughter cancels fear and creates the anti-world itself. This kind of creativity borders on randomness and engenders the world of broken relationships, free from conventions and morals. The world of Hell opposes the real world and has its own laws, orders and such essential elements as setting (the general locale and the time), characters and language. Each of these elements is a paradoxical one, distorted to be absurd. The setting of the anti-world is a reflection of the current environment, revealing its weak points and problem areas. It is implicitly indicated in the titles of the novels *Damned* and *Doomed*. Hell is full of elements of different epochs and the variety of styles and trends in culture and architecture, but everything is mixed here and presented in the form of absurd and useless obsolete structures. The flow of time is rather specific in the anti-world. E-mail and twitter as a social network on the Internet used by its inhabitants produce the impression of simultaneity of communication. In Hell everyone tries to keep and adhere to the habit of the earthly course of time, but time in the anti-world is difficult for calculation, because there is no division into days and nights, hours, minutes, seconds. The characters of the novels by Chuck Palahniuk are antiheroes who do not commit anything heroic. The author shows that the dead are changed only physically, but their perception of the world and their moral principles are the same. Hell becomes the only true world for the characters preaching the alternative history of the world. The disadvantaged, sociopathic and unsociable teenagers in the new setting appeared to be one consolidated team. The artistic world in the novels by Ch. Palahniuk is harmonic, though provocative. Rude lexis, slang, simplified speech patterns used by the characters in Ch. Palahniuk's novels reflect the contemporary reality, which explains the success of his novels especially among young people over the age of eighteen. Ch. Palahniuk transforms the world of reality and creates the unreal world which is full of contradictions, impediments and its own principles.

REFERENCES

1. Barthes, R. (n.d.) Smert' Avtora [Death of the Author]. In: Barthes, R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. [Online]. Available from: <http://www.philology.ru/literature1/barthes-94e.htm>.
2. Nietzsche, F. (1997) Chelovecheskoe slishkom chelovecheskoe. Veselaya nauka. Zlaya mudrost': sbornik [Human, All Too Human. Gay Science. Wicked Wisdom: a collection]. Translated from German by M.V. Drako. Minsk: Popurri.
3. Pogrebnaya, Ya.V. (n.d.) Neomifologicheskoe transponirovanie kak sposob sotvoreniya neomifa. Ego sodержanie i sposoby osushchestvleniya. Analogiziruyushchiy i metafiziruyushchiy sposoby porozhdeniya neomifa. Kosmogoniya neomifa i problema avtora [Neomythological transposition as a way of creating neomyths. Its content and methods of implementation. Analogy and metaphor methods of neomyth generation. Neomyth cosmogony and the problem of the author]. In: *Aspekty sovremennoy mifopoetiki* [Aspects of modern mythopoetics]. [Online]. Available from: <http://www.niv.ru/doc/pogrebnaya-aspekty-mifopoetiki/neomifologicheskoe-transponirovanie.htm>.
4. Bakhtin, M.M. (n.d.) Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti. Problema avtora [Author and hero in aesthetic activity. The problem of the author]. [Online]. Available from: <http://mmbakhtin.narod.ru/probl.html>.
5. Temirbolat, A.B. (n.d.) Kategorii khronotopa i temporal'nogo ritma v literature [Categories of chronotope and temporal rhythm in the literature]. [Online]. Available from: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/temi-rbolat_ab-kategoriya_hronotopa.pdf.
6. Zhindeeva, E.A. & Chetvergova, S.S. (2012) The artistic embodiment of chronotope "binary world" in the stories by Y.V. Mamleev. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2–6. [Online]. Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennoe-voploschenie-hronotopa-dvoemiriev-rasskazah-yu-v-mamleeva>.
7. Perova, E.Yu. (2013) *World outlook problems in the works of Russian and European thinkers of the XX century*. [Online]. Available from: <http://www.sworld.com.ua/konfer30/1070.pdf>. (In Russian).
8. Palahniuk, Ch. (2011) *Damned*. N.Y. : Jonathan Cape.
9. Palahniuk, Ch. (2012) *Proklyatye* [Damned]. Moscow: AST.
10. Bakhtin, M.M. (1990) Rable v istorii smekha [Rabelais in the history of laughter]. In: Bakhtin, M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennansans* [Creativity of Francois Rabelais and popular culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Khudozh. lit. [Online]. Available from: http://krotov.info/libr_min/02_b/ah/baht_02.html.
11. Likhachev, D.S. (1984) *Smekh v Drevney Rusi* [Laughter in Ancient Rus]. [Online]. Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/lihach/5_01.php.
12. Dugin, A.G. (n.d.) *Martin Khaydegger: filosofiya drugogo Nachala* [Martin Heidegger: The Philosophy of the other beginning]. [Online]. Available from: <http://www.platonizm.ru/content/dugin-martin-haydegger-filosofiya-drugogo-nachala>.

13. Fatenkov, A.N. (2014) Nebessmyslennost' absurda i ogranichennost' strogoy mysli [Non-senselessness of absurd and limits of a strict thought]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanit. Nauki.* 1. [Online]. Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/nebessmyslennost-absurda-i-ogranichennost-strogoy-mysli>.
14. Muniz, L. (1995) Obshchestvennaya tsennost' smekha [The social value of laughter]. *Akademicheskie tetrady.* 1. pp. 36–37.
15. Hornby, A.S. (1984) *Oxford Student's Dictionary of Current English.* Oxford: Oxford University Press.
16. Bodriyyar Zh. Gorod i nenavist' [Online]. Available from: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1997_09/06.htm.
17. Palahniuk, Ch. (2013) *Doomed.* N.Y.: Jonathan Cape.
18. Palahniuk, Ch. (2013) *Obrechennye* [Doomed]. Moscow: AST.
19. Heidegger, M. (2003) *Bytie i vremya* [Being and time]. Kharkov: Folio. [Online]. Available from: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/haydegger-butie_i_vremya-81.pdf.
20. Palahniuk, Ch. (1999) *Invisible Monsters.* N.Y.: W.W. Norton & Company. [Online]. Available from: http://royallib.com/read/Palahniuk_Chuck/Invisible_Monsters.html.
21. Palahniuk, Ch. (2000) *Nevidimki* [Invisible Monsters]. Moscow: AST. [Online]. Available from: http://royallib.com/read/palanik_chak/nevidimki.html.
22. Palahniuk, Ch. (2002) *Lullaby.* N.Y.: Doubleday. [Online]. Available from: http://royallib.com/read/Palahniuk_Chuck/Lullaby.html.
23. Palahniuk, Ch. (2002) *Kolybel'naya* [Lullaby]. Moscow: AST. [Online]. Available from: <http://www.litlib.net/bk/236/read>.
24. Heidegger, M. (1993) *Zhitel'stvovanie cheloveka* [Life of man]. Moscow: Znak. [Online]. Available from: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Git_Chel.php.
25. Adorno, T.V. (n.d.) *Esteticheskaya teoriya (Filosofiya iskusstva)* [Aesthetic Theory (Philosophy of Art)]. [Online]. Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Adorno/EstTeor_15.php.

Received: 12 March 2016

ИСТОРИЯ

УДК 930:355/359.07

Р.С. Авилов

ПО ТРАНССИБУ НА ВОСТОК. ВИЗИТ МИНИСТРА ФИНАНСОВ В.Н. КОКОВЦОВА В ПРИАМУРСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ В 1909 г.

На материалах Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока исследуется история визита министра финансов Российской империи В.Н. Коковцова в Приамурский военный округ в 1909 г. Этот визит был одним из ключевых событий в истории дискуссии министров военного и финансов – В.А. Сухомлинова и В.Н. Коковцова – не только по вопросу о совершенствовании обороноспособности российского Дальнего Востока накануне Первой мировой войны, но и по всему комплексу проблем восстановления русской армии после войны с Японией, а также финансирования этого процесса.

Ключевые слова: Дальний Восток России; Приамурский военный округ; Владивостокская крепость; Военное министерство; Министерство финансов; В.Н. Коковцов; В.А. Сухомлинов.

Начало XX в. является одной из самых сложных и противоречивых страниц российской истории. Военные победы соседствовали с поражениями (Китайский поход 1900–1901 гг. и Русско-японская война 1904–1905 гг.), экономический рост, пик которого пришелся на 1913 г. – с целым клубком экономических и социальных проблем, Первая русская революция 1905–1907 гг. – с военными реформами, позволившими стране 4 года воевать в Первой мировой войне, ставшей для четырех участвовавших в ней империй последней. Столь плотная событийная насыщенность этого сравнительно небольшого по времени периода сделала его дискуссионным априори, до предела обострив внимание историков не только к событиям, но и к личностям. Деятельность многих из них столь же неоднозначна и противоречива, как и эпоха, в которой им пришлось жить и работать. К их числу относятся и министры, от образования, навыков, профессионализма и, не в последнюю очередь, характера которых в империи зависело очень многое. Большое внимание к их биографиям обусловлено еще и тем, что в силу особенностей административного аппарата Российской империи, методов правления Николая II и ряда других факторов, их реальное влияние на те или иные вопросы в стране зачастую далеко выходило за рамки их официальных полномочий. Классический пример – С.Ю. Витте, который, будучи в 1892–1903 гг. министром финансов, сосредоточил в своих руках многое из того, что должно было проходить по линии других ведомств: КВЖД – Министерства путей сообщения, дальневосточная политика – Министерства иностранных дел [1; 2. С. 94–95, 467–472; 3. С. 110–128].

Были и другие фигуры, возможно менее яркие, но не менее значимые. Среди них и Владимир Николаевич Коковцов – министр финансов в 1906–1914 гг., а с сентября 1911 г. – еще и председатель Совета министров [4. Т. 1. С. 198; Т. 2. С. 111]. Многие современники считали его талантливым финансистом и очень дельным министром, но далеко не все. В армейской среде репутация у него была сугубо отрицательная (и не только благодаря хроническому недофинансированию военных нужд). Последнее было во многом обу-

словлено объективной экономической ситуацией в империи, что в Военном министерстве понимали и в большинстве случаев ограничивали свои требования по нижнему пределу крайне необходимого [5. С. 103–106]. Вмешательство в сугубо военные и даже технические вопросы, попытки принимать решения за военных и настаивать перед императором на их реализации ему простить не могли. В результате уже после окончания Первой мировой войны со стороны военных мемуаристов (В.Н. Сухомлинова, А.С. Лукомского, А.Ф. Редигера и др.) в его адрес посыпалось множество обвинений [6. С. 300; 7. С. 232–236, 239; 8. С. 87–89]. Не остался в долгу и сам экс-министр финансов, опубликовав свой взгляд на «дела давно минувших дней» [9. С. 315–386, 475–502, 529–565, 709–735]. В результате получилась своего рода мемуарная дуэль В.Н. Коковцова и В.А. Сухомлинова, отголоски которой до сих пор наблюдаются в научных работах, где, в зависимости от симпатий исследователя, приводится точка зрения либо министра финансов, либо военного.

В этой связи возникает вопрос: кто же все-таки прав? Действительно ли В.Н. Коковцов ставил государственные интересы выше ведомственных или все было в точности до наоборот? Действительно ли он старался влезть буквально в каждый вопрос, подавляющее большинство из которых были не только вне его компетенции, но и далеко за пределами возможностей его понимания? Последнее утверждение очень часто встречается на страницах воспоминаний и мемуаров военных деятелей. Естественно, необходимо выяснить, соответствует ли оно действительности или было исключительно результатом личной неприязни.

Сделать это можно только путем обращения непосредственно к документам, написанным как самим В.Н. Коковцовым, так и под его руководством, тем более что они достаточно неплохо отложились в архивах. Причем наиболее целесообразно сосредоточиться на рассмотрении нескольких вопросов, по которым у него были наиболее острые столкновения с военными. Один из таких вопросов – дискуссия по обороне российского Дальнего Востока (Приамурский военный округ) и необходимости значительного

усиления Владивостокской крепости. В определенной степени она была инициирована снизу Командующим войсками Приамурского военного округа П.Ф. Унтербергером, прекрасно понимавшим, что в случае начала нового военного конфликта с Японией столкновения с Китаем или войны с обеими государствами сразу, чего он тоже не исключал, именно на войска вверенного ему округа выпадет задача продержаться во что бы то ни стало до прибытия подкреплений [10. Л. 1–4].

Ключевая роль здесь отводилась Владивостокской крепости, в которой для соответствия условиям современной войны требовалось возвести не только новую линию сухопутной обороны (старые форты были построены по тем же нормам, что и форты Порт-Артура, превращенные японской 11-дм артиллерией в горы щепня), но и кардинально усилить береговой фронт [11. Ч. 1. С. 155–201; 12. Ч. 2. С. 35–47, 203–299]. Между тем, несмотря на полную готовность на уровне окружного и крепостного начальства немедленно приступить к оборонительному строительству, последнее никак не начиналось. Причинами были отсутствие финансирования (целевые кредиты в округ не поступали, как считалось – по вине Министерства финансов) и проволочки непосредственно в Военном министерстве [13. Л. 1–4].

В сложившейся ситуации П.Ф. Унтербергеру оставалось только засыпать, в самом прямом смысле этого слова, различные Петербургские канцелярии разного рода записками и телеграммами на эту тему. Например, 9 февраля 1909 г. он направил записку «Неотложные нужды Приамурья» с грифом «весьма секретно» председателю Совета министров П.А. Столыпину. В ней он в очередной раз предлагал петербургскому начальству для усиления обороноспособности российского Дальнего Востока активизировать переселение туда русского населения, ускорить строительство Амурской железной дороги, начатое в 1907 г., укрепить устье Амура и Владивосток, а также усилить сухопутные войска и флот [10. Л. 1–4].

Военный министр В.А. Сухомлинов докладывал Николаю II, что он разделяет высказываемые опасения, и работы по указанным направлениям ведутся. Причина же низких темпов строительства кроется в том, что он не может добиться от министра финансов В.Н. Коковцова отпуска средств даже на самые срочные работы по улучшению оборонительных сооружений Владивостокской крепости [9. С. 319]. В свою очередь министр финансов докладывал государю, «что все три года после заключения мира с Японией Министерство финансов не предложило ни одного сокращения в кредитах на Владивосток» и все требования пошли по сметам так, как они были заявлены военным ведомством. В то же время, по данным государственного контролера, часть средств остается не израсходованной, а на месте до сих пор идут споры по поводу выбора мест под строительство оборонительных сооружений [Там же. С. 320].

На счет отсутствия сокращений в кредитах министр финансов был совершенно прав, умалчивая, однако, что самих этих кредитов просто не было! Военный министр в период 1905–1909 гг. А.Ф. Редигер

вспоминал впоследствии, что «впервые чрезвычайные средства на улучшение обороны были получены летом 1908 года, и из них ничего не было уделено на Владивосток» [6. С. 300; 12. С. 35–41, 101–102].

Преиприательства кончились откровенным фарсом – император услышал о неутешительном состоянии оборонительного строительства во Владивостоке от японского посла, который сказал, что они прекрасно осведомлены о том, что «крепость Владивосток совершенно беззащитна», и «мы не начали еще самых основных работ, наши техники продолжают спорить между собою, где именно нужно ставить оборонительные сооружения», после чего принялся убеждать Николая II, что «государь имеет полную возможность вовсе не строить укреплений, поскольку Япония и не помышляет о каких бы то ни было агрессивных действиях!» Это стало последней каплей. Царь принял решение отправить на Дальний Восток самого министра финансов, который и выехал поездом из Москвы в самом начале октября 1909 г. Ему была поставлена задача ознакомиться на месте с положением дел, выяснить источники информации П.Ф. Унтербергера и разобраться, почему работы по крепостному строительству не двигаются, при том что деньги на них ассигнованы [9. С. 324–327; 14. Л. 8–8 об.].

По прибытии в Приамурский военный округ В.Н. Коковцова встретил П.Ф. Унтербергер, стремившийся как можно более наглядно продемонстрировать министру финансов всю сложность положения российской армии на далекой окраине. Он настоял, чтобы В.Н. Коковцов осмотрел «Амурскую флотилию, пригодную разве только для борьбы с Китаем, но не имеющую ни малейшего значения для отражения нападения Японии», побывал в урочище Новокиевское (современный пос. Краскино, Приморский край) – одном из важнейших стратегических пунктов Южно-Уссурийского края, расположенном в районе зал. Посьета, куда ему пришлось сплавить на крейсере «Аскольд» вместе с Командующим войсками Приамурского военного округа. «Пользы от этих экскурсий я никакой не извлек, только сократил время своего пребывания в Харбине, заставляя потом и себя и других работать по ночам», – впоследствии раздраженно писал министр финансов в своих воспоминаниях [9. С. 352–353].

Министру пришлось лично убедиться в серьезности положения Владивостока и нераспорядительности инженерного ведомства, что иногда приводило к казусам: в Петербурге интересовались степенью готовности фортификационных сооружений, строительство которых из-за проволочек даже не было начато. Унтербергеру было заявлено, что необходимые кредиты ассигнуются в полном объеме, а проволочки связаны исключительно с деятельностью Военного министерства.

«В присутствии коменданта крепости и генерал-губернатора, – вспоминал министр финансов, – Жигалковский совершенно открыто заявил мне, что ни он и никто из его сотрудников не верит тому, что когда-либо начнутся настоящие работы, что прав был в сущности генерал Редигер, предлагавший еще в 1905 или 1906 году просто упразднить Владивостокскую

крепость, потому что и он сам, и все местное управление инженерной частью крепости только даром получают жалованье и занимаются надоевшей всем бесплодной перепиской» [9. С. 354–355]. Сам того не подозревая, начальник инженеров крепости генерал-майор В.И. Жигалковский задел самолюбие министра финансов, ведь тогда, в 1907 г., В.Н. Коковцов был в числе тех, кто выступил категорически против идеи А.Ф. Редигера.

Примечательно, в этой связи, что первая встреча В.Н. Коковцова и его будущего визави военного министра В.А. Сухомлинова как раз и произошла в 1907 г. на заседании Совета Государственной обороны под председательством великого князя Николая Николаевича-младшего. Обсуждался поднятый А.Ф. Редигером вопрос о необходимости отказаться от укрепления Владивостока, но защитить его от возможного нападения со стороны Японии, организовав сухопутную оборону Дальнего Востока около г. Никольск-Уссурийский. Тогда министр финансов В.Н. Коковцов, министр иностранных дел А.П. Извольский поддержали председателя Совета министров П.А. Столыпина и высказались категорически против предложения военного министра А.Ф. Редигера [9. С. 315–116, 355; 12. С. 101–102].

Так, без всякого намека на выход за пределы своей компетенции министр финансов описал поездку на Дальний Восток в своих воспоминаниях, лишь заметив под конец: «Все это я изложил в моем отчете, представленном государю, смягчив только краски, но не скрыв от него ничего из вынесенных впечатлений» [9. С. 355]. На самом деле доклад, который В.Н. Коковцов подготовил на обратном пути из Владивостока, содержал целую главу, посвященную вопросам обороны Дальнего Востока, а в ней три раздела – обороне Владивостока, т.е. для доклада министра финансов этот документ выглядел несколько оригинально [14. Л. 34 об.–41 об.]. Особенно с учетом того, что официально «главная цель моей поездки на Дальний Восток, согласно указаниям Вашего Величества, заключалась в ознакомлении: 1) с современным положением Китайско-Восточной железной дороги и ее охраны, а равно с теми условиями, в которых протекает управление этой важной для интересов России железнодорожной линии; 2) с тем влиянием, которое оказала отмена свободного ввоза иностранных товаров на положение нашего Дальнего Востока, поскольку влияние этой меры могло сказаться за непродолжительный промежуток времени, протекавший со дня ее принятия, и 3) с общим положением нашей обороны на том же Востоке, поскольку это положение обуславливает собою необходимость предъявления к Государственному Казначейству в ближайшем будущем значительных требований» [Там же. Л. 8]. Впрочем, министр финансов честно отметил, что «к этим трем коренным вопросам, представлявшим ближайшую задачу посещения мною местностей Дальнего Востока, и я считаю своим долгом приурочить изложение общих моих заключений», которое и заняло большую часть доклада, ибо касалось почти всего: проблем внешней политики (ситуация в Китае и Мон-

голии), военных вопросов, «желтой опасности», «шпионства» и т.д. [14. Л. 8–48]. Императору доклад был доложен в середине ноября того же 1909 г. [9. С. 353–355; 14. Л. 48].

Анализ документа показывает, что критика военных была более чем справедлива – в своем стремлении во что бы то ни стало «свести баланс» В.Н. Коковцов действительно интересовался абсолютно всем, имея привычку высказывать свое мнение даже по тем вопросам, в которых решительно ничего не понимал. Причем смотрел он на все практически исключительно сквозь призму насущной необходимости всемерного сокращения расходов Государственного Казначейства.

На практике это выглядело следующим образом. В своем докладе В.Н. Коковцов постоянно и разных вариациях использовал речевой оборот «не присваивая себе ни малейшего права суждения о предметах специальных, я не могу однако умолчать перед Вашим Императорским Величеством...» и ниже принимался излагать императору собственную точку зрения по каждому вопросу, в том числе и сугубо военному или военно-морскому.

Так, описывая, в связи с обзором вопроса об отмене порто-франко, «современное положение и нужды Владивостока», он отмечал: «...я не могу не умолчать перед Вашим Императорским Величеством о современном положении Владивостока, как нашего единственного сколько-нибудь оборудованного отпусного и приемного порта на Тихоокеанском побережье. Превосходные природные свойства Владивостока обеспечивают за ним право на блестящую будущность» [14. Л. 34]. Город быстро оправился после погромов Первой русской революции 1905–1907 гг. и вступил на путь прочного развития, «которое будет идти вперед быстрыми шагами, если только какие-либо внешние условия не задержат его прогрессивного роста» [Там же]. В нем заметно возросло число крупных построек, увеличилось население, застоя в торговле совершенно не наблюдалось. Только бросалась в глаза поспешная замена иностранных товаров русскими в результате отмены порто-франко 16 января 1909 г. [14. Л. 34; 15].

«В то же время, однако, Владивостокский порт представляется далеко не оборудованным и нуждается в крупных усовершенствованиях». Это предложение Николай II дважды отчеркнул и наложил резолюцию: «Нужно все сделать, чтобы Владивосток стал большим и благоустроенным портом» [14. Л. 34]. «Вопрос этот не составляет, правда, предмета ведения Министерства Финансов, – продолжал В.Н. Коковцов, – и отнесен всецело к компетентности Министерства Торговли и Промышленности, которому я сообщу все добытые мною на месте сведения и предположения. Но предшествующий ход работ по оборудованию Порта характеризуется такой медлительностью, что я считая своею обязанностью, не выжидая принятия соответственных мер по Министерству Путей Сообщения, распорядился приступом во Владивостоке без всяких замедлений к исполнению всего того, что относится к обязанностям Общества Китайско-Восточной железной дороги, как арендатора казенной

Уссурийской дороги» [14. Л. 34]. Иными словами, даже раздел о Владивостоке министр финансов начал с рассказа о частичном вмешательстве в сферу деятельности других ведомств.

По его распоряжению с тесной территории Владивостокской железнодорожной станции перенесли на несколько верст, на Первую Речку, всю сортировку вагонов и распределение грузов. Последние направлялись оттуда непосредственно на мыс Эгершельд, где были расположены возведенные Обществом КВЖД пристани и складские помещения как для экспортных, так и для ввозимых грузов. Там же на Эгершельде уже была частично увеличена причальная линия и возведены новые пакгаузы для хранения экспортных и привозных товаров, но так как того и другого оказалось все-таки недостаточно, то В.Н. Коковцов предложил Обществу КВЖД «приступить немедленно, на счет имеющихся у него (т.е. Общества КВЖД. – *Р.А.*) специальных средств, к увеличению, с помощью засыпки, площади порта на 5 000 квадратных сажен с возведением на ней крытых хранилищ площадью до 4 000 квадратных сажен». Параллельно с этим шла полная перестройка Владивостокского железнодорожного вокзала, которую предполагалось завершить в следующем году [Там же. Л. 34–34 об.].

Впрочем, проблемы порта этим далеко не исчерпывались, поэтому министр финансов, Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер и Владивостокский городской голова И.И. Циммерман обсудили их прямо на месте, а составленные по этому предмету «общие заключения» В.Н. Коковцов обещал передать в соответствующие учреждения других ведомств, по принадлежности [14. Л. 34 об.; 16. С. 125].

Значительно больше внимания он уделил вопросам обороны русского Дальнего Востока, к которому было приковано внимание всего местного населения. «К этому вопросу заметно здесь даже какое-то до известной степени болезненное и напряженное отношение. С кем бы ни заходила речь – с начальником и края, с чинами ли различных правительственных установлений, с общественными ли учреждениями или с отдельными представителями торгово-промышленного класса, у всех на уме один настойчиво предъявляемый вопрос о непрочности нашего положения на Востоке, о неизбежной близости нового конфликта, о полной незащитности края от внешнего нападения и о бесполезности при таких условиях затрачивать энергию или средства на то или иное производительное дело в крае», – констатировал В.Н. Коковцов [14. Л. 34 об.–35]. Опасения он считал сильно преувеличенными, сформировавшимися под влиянием, во-первых, неудач Русско-японской войны 1904–1905 гг., «которые были почувствованы на Дальнем Востоке ближе и непосредственнее, нежели коренную Россию, отдаленную от места вооруженного столкновения десятком тысяч верст», а во-вторых, наглядностью для населения разницы между тем, что делалось для поднятия обороноспособности региона российскими властями, и тем, что оно ежедневно узнавало о деятельности потенциального противника. Ощутимого усиления российских войск в регионе за

прошедшее с окончания войны время население не видело [14. Л. 35].

Характерно, в этой связи, что это было показателем в первую очередь не бездействия военных, а слабости «идеологической работы» – ведь многие мероприятия были секретными и никто специально не информировал население о том, что началось активное строительство новых казарм, и военные части постепенно переходят из землянок в хорошие помещения, несколько улучшилась материальная часть армии, все больше внимания уделяется обучению. Не говоря уже о кипучей штабной работе по разработке новых военных планов [12. Ч. 2. С. 17–18, 49–55, 128–139; 14. Л. 35; 17. Л. 202–205]. Зато оно прекрасно видело почти незащищенную границу, периодически пересекаемую бандами китайских разбойников-хунхузов, промышленную и транспортную слабость региона, низкую численность населения. «Оно понимает, что доблестью солдата нельзя теперь ограждать неприкосновенность государства, и, под влиянием недавнего разочарования, смотрит на будущее гораздо более мрачно, чем, по-видимому, следовало бы, не отдавая себе отчета в тех политических комбинациях, которые существенно изменяют взаимные отношения между собою различных государств» [14. Л. 35].

Министр финансов настаивал на необходимости решительно бороться с такими упадническими настроениями, принять все возможные меры, чтобы внушить населению более спокойное настроение, тем более что регион обладал всеми предпосылками, для того чтобы, как и вся Сибирь, при благоприятных политических условиях «зажить бурной жизнью», и делал значительные успехи в своем развитии [Там же. Л. 35–35 об.].

Однако насущные проблемы усиления обороны Дальнего Востока России при этом все равно нужно было решать. Ключевых вопросов, по которым шли дискуссии как между министерствами военным, морским и финансов, так непосредственно в первых двух ведомствах, было два. Во-первых, организация обороны р. Амур и его устья и, во-вторых, строительство Владивостокской крепости [12. Ч. 2. С. 35–47, 203–204]. Разумеется, В.Н. Коковцов имел собственное мнение по каждому из этих вопросов, попытавшись донести до императора что-то вроде стратегического очерка собственного сочинения: «Оборона нашего Дальнего Востока основана на определенном плане мероприятий по охране нижнего течения Амура, с одной стороны, и подступов к Владивостоку с моря – с другой. Оба эти вопроса имеют в моих глазах совершенно различное значение. Оборона верхнего и среднего Амура предусматривает столкновение с Китаем. Оборона нижнего течения Амура, к организации которой еще не приступлено, точно так же, как и прибрежная оборона Владивостока, имеет ввиду Японию» [14. Л. 36].

Относительно обороны верхнего и среднего течения Амура министр финансов посетовал, что в настоящее время идет создание на р. Амур флотилии канонерских лодок, которая уже обошлась в 18 млн руб. Траты он считал совершенно излишними, необходи-

мость флотилии – сомнительной, а опасность со стороны Китая – в значительной мере преувеличенной. Отмечая, что «Китай, в особенности сопредельный с нами, как военная сила, в настоящее время еще не существует» [14. Л. 36–36 об.], он не только полностью игнорировал сведения, поступающие как по линии военного ведомства [18. Л. 27–30, 32–33], так и по линии МИДа, но и демонстрировал неумение разобрататься во внешнеполитической информации, полученной его собственным ведомством [14. Л. 41–46].

Из информации о том, что в Маньчжурии только приступили к формированию войск нового типа, так называемых Лу-дзюнь, которые по своей выправке, снаряжению и командному составу офицеров действительно выгодно отличались от войск всех других наименований (один пехотный батальон в Цицикаре и бригада сокращенного состава в Мукдене) он делал вывод об отсутствии опасности на русско-китайской границе [Там же. Л. 36 об.]. Выводы были ошибочными, так как уже к 1911 г. в результате военных реформ там было сформировано 14 дивизий и 18 смешанных бригад общей численностью свыше 174 тыс. солдат и офицеров. В итоге у восточных границ Российской империи возникла пусть и не многочисленная, но современная профессиональная армия, созданная по германскому образцу, с хорошей выучкой и дисциплиной [18. Л. 27–28; 19. С. 470].

Более того, если вероятность организованного военного вторжения со стороны Китая действительно была минимальна, то общая ситуация в Дайцинской империи, грозившая в любой момент разразиться революцией и привести к полной потере управляемости страной и многомиллионным населением, внушала как военным, так и дипломатам очень серьезные опасения. Министр финансов их явно не понимал и не разделял, отмечая, что с постройкой флотилии можно было повременить, а затраченные на нее деньги могли быть «с гораздо большей пользой обращены на то же дело государственной обороны, но в другом направлении. Однако так как это дело уже выполнено и в будущем году должны прибыть из России на место все канонерки, заказанные для среднего Амура, то необходимо по крайней мере завершить начатое дело и оправдать произведенные затраты соответствующей организацией личного персонала флотилии» [14. Л. 36 об.].

Далее, не имея никакой информации по этому поводу от Морского министерства, В.Н. Коковцов пустился в рассуждения об обеспечении флотилии хорошо подготовленным офицерским составом и технически обученным контингентом нижних чинов, без чего «канонерские лодки успешно плавать не могут; их механизмы до такой степени сложны (двигатели Дизеля), что со сдачею канонерок Балтийским заводом и выездом в Россию механиков этого завода флотилия может оказаться в критическом положении» [Там же. Л. 37]. Таким образом, министр и здесь открыл банальность, отдав дань моде и сделав собственные выводы из опыта Цусимского сражения.

Важнее было то, что В.Н. Коковцов довел до сведения Николая II и некоторые размышления служивших на Амуре флотских офицеров, как обычно,

оформив их как собственные соображения: «Необходимо также установление такого порядка службы, при котором офицер не выходил бы из общей очереди прохождения службы во флоте и по прослужении на Амуре хотя бы нескольких лет мог бы рассчитывать на возвращение в активный флот. Иначе офицерский состав Амурской флотилии окажется совершенно выбитым из морской колеи, и оборона Амура не получит соответствующего командного состава». Эта, безусловно, важная мысль была отчеркнута императором один раз на полях доклада, однако какой-либо Высочайшей резолюции по этому поводу не последовало [14. Л. 37].

Что касается активно обсуждавшихся тогда вопросов обороны нижнего Амура, которые пугали министра финансов возможностью в любой момент получить запрос на выделение 45 млн руб. (в дальнейшем затраты могли существенно возрасти), то «отнодь не позволяя себе входить в чужую мне область военных соображений, я позволю себе однако высказать, что эти затраты следовало бы, по крайней мере, отложить на последнюю очередь. Трудно представить себе, чтобы Япония, желая вторгнуться в пределы России, избрала для этого путь через устье Амура и огромную пустынную территорию, лежащую вверх от Николаевска, и начала военные действия на таком отдаленном и невыгодном для наступавшего театре войны. Для этого у нее есть более близкие и удобные объекты нападения в виде Владивостока, Уссурийского края, линии Китайско-Восточной железной дороги и даже границы Забайкалья» [Там же].

С одной стороны, из-за подобных рассуждений империя в 1905 г. потеряла южную половину о. Сахалин. Остров с его «огромными пустынными территориями» тоже считался малопривлекательным и неинтересным для потенциального противника, в связи с чем нормально продумать и организовать его оборону так и не удосужились [20. С. 9–18, 55–61]. С другой – в данном случае позиция министра финансов в итоге победила. Несмотря на то что фортификационное укрепление р. Амур от Николаевска и ниже по течению в Военном министерстве считали крайне необходимым, а японцы действительно активно занимались в том районе разведкой и промером глубин для планирования возможного вторжения, о чем в Приамурском военном округе хорошо знали [21. С. 153–154], начало в этом районе масштабного оборонительного строительства отложили по финансовым соображениям. Дальнейшей реализации этих планов помешала Первая мировая война. Они были частично осуществлены уже в советское время на новом витке истории оборонительного строительства в регионе [22. С. 96–100, 121].

«Между тем разбрасывая наши средства на оборону, стремясь оградить себя и по всему течению Амура и со стороны Владивостока, мы только можем упустить из-за второстепенного главное и явиться неподготовленными и даже беззащитными именно там, где будут решаться судьбы нашего Дальнего Востока. Я считаю поэтому своим долгом доложить Вашему Императорскому Величеству, что в отношении морской

обороны наши усилия должны быть сосредоточены именно на обороне Владивостока» [14. Л. 37 об.], – заключил министр финансов и перешел к... описанию обороны Владивостока с моря. Наиболее вероятно, что он просто принялся пересказывать (благо память у В.Н. Коковцова была исключительная) все то, что ему говорили во время его визита в крепость ее комендант, офицеры, военные инженеры, да и сам сопровождавший его Командующий войсками Приамурского военного округа – военный инженер по специальности, проектировавший в крепости береговые батареи еще в 80-х годах XIX в. [11. Ч. 1. С. 289–311].

Коковцов докладывал, что задача организации обороны с моря у Владивостока обуславливается необходимостью воспрепятствовать противнику произвести высадку десанта в пределах зал. Петра Великого между заливами Посыета и Америка. Задача была простой только при взгляде на карту. На практике же расстояние между заливами Посыета и Америка составляло свыше 275 верст, а географические и мореходные условия были достаточно сложными, особенно со стороны Уссурийского залива. Эта задача была совершенно непосильна имевшемуся тогда во Владивостоке «ничтожному флоту», к анализу боевой силы которого министр финансов и приступил. «Не считая и совершенно неудовлетворительных судов неподвижной минной обороны, из коих 3 еще переделываются из транспортов, хотя по признанию Начальника морских сил, и по приведении в порядок далеко не будут на высоте своего назначения, весь Владивостокский флот состоит из 2 крейсеров “Аскольда” и “Жемчуга” и судов подвижной минной обороны – подводных лодок и миноносцев. Но и эта подвижная оборона находится в положении более, чем слабом. Из 13 находящихся на лицо подводных лодок ни одна по своим качествам – ни по водоизмещению, ни по скорости хода, ни по характеру двигателей – не удовлетворяет современным задачам обороны и не может удалиться на значительное расстояние от порта. Не лучше обстоит дело и с миноносцами. Всех их 20, но это все суда устарелого типа, малого и притом разного водоизмещения, недостаточной скорости и слабого вооружения. Правда, по части подвижной обороны в последнее время кое-что сделано в смысле улучшения снабжения минами и более обеспеченного их хранения, но все прочие средства обороны совершенно отсутствуют» [14. Л. 37 об.].

Такое положение дел привело к тому, что в народе «Морские силы в Тихом океане» именовали просто «тихими силами» [14. Л. 37 об.; 18. Л. 34]. Эта горькая ирония была вставлена В.Н. Коковцовым в доклад с уточнением, что все это «конечно, близко известно Вашему Императорскому Величеству из докладов Морского Министра, и я позволю себе только всеподданнейше докладывать, что по моему крайнему убеждению, такое безотрадное положение не будет устранено до тех пор, пока Морское Министерство не выведет вопроса об обороне Владивостока из общей программы судостроения» [14. Л. 37 об.].

Вопрос был принципиальный, поскольку на реализацию колоссальной по масштабу морской програм-

мы, предусматривавшей изначально строительство для Тихого океана даже линейного флота, денег в бюджете действительно не было, а вот на строительство небольших кораблей для системы обороны Владивостока с моря были. Обсуждение первого и «испрошение кредитов в законодательном порядке потребует еще много времени и будет сопровождаться многими, трудно преодолимыми трениями», а что касается второго, то «оборона Владивостока есть дело совершенной неотложности и, насколько я могу судить, дело это не вызывает в законодательных учреждениях сколько-нибудь существенных затруднений, если ведомства военное и морское войдут одновременно с достаточно мотивированными представлениями об ассигновании необходимых кредитов» [14. Л. 37 об.].

Коковцов напомнил, что уже несколько раз безуспешно заявлял об этом министрам морскому и военному, излагал свое мнение в Совете министров и даже имел случай объясняться с некоторыми руководителями думских партий. «Позволю себе доложить и Вашему Императорскому Величеству, – резюмировал министр, – что если ВАМ угодно, чтобы оборона нашей дальневосточной окраины сдвинулась с той мертвой точки, на которой она стоит уже 4 года, вполне оправдывая тревожное настроение населения, то рассчитывать на это можно только в одном случае: если из сложного, спорного и крайне трудного вопроса о том, какой нам флот строить, какие крепости упразднять и какие усиливать, будет выделен в первую очередь вопрос об обороне Владивостока с суши и с моря и выработана простая и ясная программа его разрешения» [Там же].

О том, что «простая и ясная программа» уже разработана, представлена Николаю II В.А. Сухомлиновым в виде доклада «О преобразовании войск Дальнего Востока» и даже Высочайше утверждена 12 мая 1909 г., т.е. незадолго до отъезда В.Н. Коковцова на Дальний Восток, министр финансов скорее всего не знал [12. Ч. 2. С. 196–197]. Однако в дальнейшем это заявление дало возможность уже военному министру в очередной раз доложить императору о необоснованных нареканиях на военное ведомство со стороны финансового [18. Л. 33–34].

Любопытнее всего, что ниже министр финансов начал излагать свое видение этой программы, и если указание, что «в этой программе, по моему крайнему убеждению, следует ограничиться лишь строго необходимым, памятуя, что лучшее всегда враг хорошего», хотя и было банальностью, но вполне соответствовало истине, то его выкладки по многим специальным вопросам не выдерживали ни малейшей критики. В качестве примера отрицания моряками во Владивостоке приведенной выше мудрости он указывал, что к констатации на необходимость надлежащей организации неподвижной и подвижной минной обороны ими присоединялось требование о снабжении порта четырьмя броненосными крейсерами типа “Адмирал Макаров” для противодействия вылавливанию минных заграждений и поддержки миноносцев “в известном расстоянии от порта” в открытом море. “Нельзя, конечно, возражать против необходимости

обеспечить оборону минными заграждениями, – авторитетно докладывал государю министр финансов, – а следовательно, и против необходимости располагать минными заградителями должной скорости хода. Бесспорно также, что задача отражения нападающего флота в такой местности, которая имеет ограниченное протяжение – 275 верст – и где в главном узле должны быть сильные береговые укрепления, всего ближе доступна лодкам подводного плавания и миноносцам, при условии, конечно, если эти суда отвечают всем современным требованиям, чего нельзя сказать о Владивостокских лодках и миноносцах. Но трудно понять, на чем может быть основана необходимость располагать для целей обороны быстроходными крейсерами типа «Адмирал Макаров». Самая мотивировка этого требования, указывающая на то, что задачей этих крейсеров будет противодействие вылавливанию мин заграждения и поддержка миноносцев в открытом море, совершенно неясна, так как, не подлежит сомнению, нападающий флот будет располагать судами лучшего хода и с более сильной артиллерией» [14. Л. 37 об.–38]. Еще больше Коковцову не нравилось то, что включение такого требования в обособленную программу обороны Владивостока вызовет необходимость расхода в несколько десятков млн руб.

Министр финансов, периодически мнящий себя экспертом в вопросах армии и флота, так и не понял простой истины, что минные заграждения без наблюдения за ними и воспрепятствования работе неприятельских тральщиков бесполезны. Противник просто произведет их траление, расчистив себе фарватер. Осталось для него непонятным и то, что сам процесс траления не производится ни тяжелыми крейсерами, ни уж тем более эскадренными броненосцами. Правда же его слов заключалась в том, чего он как раз не знал – строительство морально устаревших броненосных крейсеров с паровыми машинами тройного расширения, когда шел повсеместный переход на паровые турбины, действительно стало бы малополезной тратой государственных средств. Более того, сам броненосный крейсер «Адмирал Макаров» строился в 1904–1907 гг. во Франции на верфи фирмы «Форж э Шантье» («Forges et Chantiers») по проекту, разработанному еще в 1898 г. (т.е. до Русско-японской войны 1904–1905 гг.), заметно устаревшему ко времени закладки корабля. По этой причине в проект постоянно вносились различные изменения уже в ходе строительства [23. С. 49–56].

Впоследствии морское ведомство приняло решение построить вместо них два быстроходных турбинных легких бронепалубных крейсера типа «Адмирал Невельской» («Адмирал Невельской» и «Муравьев-Амурский»), которые были включены в Большую судостроительную программу 1912–1916 гг. Однако, исходя опять-таки из узко-финансового подхода, насаждаемого тем же В.Н. Коковцовым, проектирование, а затем и строительство крейсеров были заказаны в 1912 г. в Германии! И это притом, что именно отечественный проект Невского судостроительного завода наиболее полно отвечал требованиям технических условий конкурса. Фирма «Ф. Шихау» («F. Schi-

chau»), имевшая заводы в Данциге и Эльбинге, обязалась подготовить первый крейсер к 15 июля 1914 г., а второй – на четыре месяца позже. Результат оказался вполне прогнозируемым. Когда летом 1913 г. морской министр адмирал И.К. Григорович, решив лично ознакомиться с ходом работ по строительству этих крейсеров, отправился в Данциг, он с удивлением обнаружил, что «отцы города» и главные руководители фирмы «Ф. Шихау» в срочном порядке куда-то уехали по «неотложным делам». Уехали, несмотря на то, что о визите русского министра в Данциг и германские власти, и руководство фирмы были предупреждены за несколько дней. Осмотр мастерских и стапелей, где должны были строиться крейсера, убедил И.К. Григоровича, что сроки контракта фирма не выполнит. Инженеры завода и кораблестроители доказывали, что задержка вызвана строгостью наблюдения и частыми забастовками, однако русский «наблюдавший» за постройкой кораблей придерживался другого мнения. Он доложил министру, что в настоящее время все силы брошены на срочную постройку немецких судов, а на стапелях, отведенных для русских кораблей, никто не работает. В итоге оба крейсера были спущены на воду в 1914 г., в связи с началом Первой мировой войны реквизированы германским правительством и достроены уже для немецкого Флота открытого моря под названиями «Эльбинг» («Elbing») и «Пиллау» («Pillau»), вступив в строй, соответственно, в сентябре и декабре 1914 г. [23. С. 171–172, 326–336, 539].

Как человек исключительно наблюдательный, подметил В.Н. Коковцов и одну странность. Владивостокский порт к этому времени обладал тремя прекрасными доками, в нем заканчивались сборка и исправление большого плавучего дока, а прекрасные механические мастерские были «оборудованы станками новейшего устройства, пригодными к сооружению машин самой сложной конструкции, – и все это пустует и бездействует или используется для того, чтобы переделать грузовые транспорты («Ксения») в такие минные, о которых у Начальника морских сил заранее сложилось убеждение, что они будут судами, непригодными к боевой службе». Напомнив, что когда идет речь о снабжении Владивостока подводными лодками, миноносцами и минными заградителями, обыкновенно имеется ввиду, что суда эти будут построены в Петербурге и отправлены по назначению или в разобранном виде по железной дороге, или в готовом – морским путем, он задал вполне резонный вопрос: «Не правильнее ли однако было бы, воспользовавшись роскошным оборудованием механических мастерских, дополнить его небольшим кораблестроительным цехом и открытым стапелем, с тем, чтобы в течение 9 месяцев в году производить на месте работы по постройке тех же небольших судов для Владивостокского порта»? Николай II написал напротив этого предложения: «Бесспорно» [14. Л. 38–38 об.]. Однако метод изыскания средств, который предложил министр финансов, а именно отложить временно во Владивостоке сооружение жилых домов и административных построек и обратить сбереженные сред-

ства на указанное дополнение в оборудовании механических мастерских, привел к тому, что подобное рациональное использование избыточных военно-технических мощностей было осуществлено уже в советское время, когда возможности завода использовались именно таким образом – там собирали эскадренные миноносцы и подводные лодки (в том числе знаменитую С-56).

Любопытно, что и здесь В.Н. Коковцов выдержав этикет в отношении морского ведомства («Морской Министр, конечно, лучше меня ответит Вашему Императорскому Величеству этот вопрос, я же, не будучи достаточно знаком с технической стороной дела, позволяю себе только обратиться на него ВАШЕ внимание»), не смог удержаться от того, чтобы не вставить шпильку военным: «Это бьющее в глаза противоречие невольно вызывает недоумение, для чего производились колоссальные затраты на все превосходное оборудование...» [14. Л. 38–38 об.].

Было совершенно очевидно, что делалось это для создания базы российского ВМФ на Тихом океане на территории собственного государства, а не Китая, где находился Порт-Артур. Про то, зачем Министерство финансов построило для японского ВМФ глубоководный порт в Дальнем (Дальянване, Дальяне), который японцы на протяжении всей Русско-японской войны 1904–1905 гг. использовали для доставки грузов действующей армии, в том числе тяжелой артиллерии, и сколько на это было потрачено денег, В.Н. Коковцов предпочитал не вспоминать. Именно он в 1896–1902 гг. был товарищем (т.е. помощником) и правой рукой министра финансов С.Ю. Витте [4. Т. 2. С. 111], Дальний строился при нем, и все финансовые обстоятельства этого дела проходили через его руки. Между тем эта ситуация тоже вызывала у военных «недоумение» и множество вопросов, тем более что итоговую точную цифру расходов на эту «стратегическую диверсию» Министерство финансов официально так и не обнародовало, а приблизительная составляла около 43 млн руб. [24. С. 200–201]. Коковцов настолько сильно «стеснялся» это афишировать, что, даже будучи в эмиграции, свои очень солидные по объему воспоминания начал с 1903 г., обойдя все эти вопросы молчанием [9. С. 3–89].

Значительно меньше внимания министр финансов уделил анализу сухопутной обороны крепости: «Обращаясь к сухопутной обороне крепости и также не присваивая себе ни малейшего права суждения о предметах специальных, я не могу однако умолчать перед Вашим Императорским Величеством о том общем впечатлении, которое произвело на меня ознакомление с условиями обороны Владивостока. Впечатление это почти столь же безотрадное, как и то, которое я вынес по части морской обороны» [14. Л. 38 об.].

Мысли В.Н. Коковцова по этому вопросу представляли собой достаточно причудливую смесь услышанного от военных инженеров с его собственными наблюдениями и выводами, опять-таки сводившимися к вопросам бюджетной экономии. Он отметил, что за прошедшее с момента окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. время некоторые

улучшения в крепости все-таки имели место, правда, касались они в основном не фортификационной составляющей. Многие войсковые части гарнизона уже были размещены в новых казармах, производивших впечатление отлично возведенных зданий. Для хранения запасов строились вместительные склады, «останавливающие на себе внимание солидностью постройки, обдуманностью плана и вместе с тем сравнительно невысокою стоимостью» – 90 руб. за квадратную сажень. И это при том, что из-за особенностей рельефа (Владивосток расположен на сопках) склады приходилось строить на косогорах, что вызывало необходимость дополнительного возведения подпорных стенок. В целом же он был недоволен как уже выполненными, так и продолжавшимися работами, которые оставили у него впечатление не удовлетворявших «строгому выполнению утвержденного плана» [14. Л. 38 об.–39], что вполне соответствовало действительности, ибо часть этих планов все еще продолжала путешествовать по лабиринтам петербургских канцелярий.

Докладывая об этом Николаю II, В.Н. Коковцов окончательно забыл о своем обещании и пустился в откровенный пересказ выводов генерал-майора В.И. Жигалковского и начальника штаба Владивостокской крепости полковника (с 6 декабря 1910 г. – генерал-майора) А.П. Будберга, что выглядело для главы Министерства финансов уже совсем странно: «Во многих частях к выполнению наиболее неотложных сооружений и вовсе не приступлено. Северная оборонительная линия совершенно не начата постройкою. Некоторые батареи, хотя и снабжены присланными с западной границы 10-дм пушками, но орудия эти не новейшей конструкции. Имеющиеся на нескольких батареях снарядные погреба не рассчитаны, однако, на способность сопротивления современным 11-дм орудиям. Сообщение между фортами, протяженностью до 350 верст, неудовлетворительно. Сеть крепостных дорог недостаточно развита, и на многих дорогах имеются лишь деревянные мосты не выдерживающие при пересеченной местности крепостного района сколько-нибудь сильного дождя. Обмен сношениями между фортами и укреплениями не обеспечен надежно устроенною телеграфною сетью» [14. Л. 39].

Те же люди пытались объяснить ему, что наибольшую опасность для крепости представляют малочисленность ее гарнизона по сравнению с размерами линии сухопутной обороны (перед Русско-японской войной гарнизона рассчитывали по сильно устаревшим нормативам, что сыграло свою роль в том числе и в Порт-Артуре [25. С. 33–35]) и несоответствие артиллерии условиям современной войны. Последнее было вызвано не только моральной устарелостью некоторых артиллерийских систем, установленных на береговом фронте крепости, но и тем, что вернувшиеся вместе с воевавшими войсковыми частями полевые орудия хотя и имелись в достаточном количестве, но были очень сильно изношены и нуждались в срочной замене. Более того, в силу особенностей рельефа заменять их нужно было на гаубицы,

которых в крепости в то время вообще не было. Необходимость в них была очевидна, поскольку другие типы орудий с их настильной траекторией стрельбы во многих секторах сухопутного фронта крепости просто невозможно было использовать [12. Ч. 2. С. 282, 294; 14. Л. 39]. Эти мысли во время заседаний во Владивостоке тоже попытались донести до В.Н. Коковцова, а через него и до императора.

Сделанный им вывод, по сути, представлял собой квинтэссенцию состояния российской армии на уровне военных округов накануне Первой мировой войны: «Вообще крепость Владивосток производит впечатление такого центра, в котором все знают, что нужно делать, но не приступают к работе по неимению соответствующих кредитов» [14. Л. 39 об.]. Действительно, если наверху, в Военном министерстве, шли нескончаемые дискуссии, то внизу, в военных округах, многие наиболее одаренные офицеры прекрасно понимали, что и как нужно делать, и по мере возможности реализовывали свои идеи на практике. Однако их возможности были сильно ограничены сферой их компетенции и ассигнуемыми средствами.

Для Приамурского военного округа такое положение дел вообще было характерной особенностью на всем периоде его существования с 1884 по 1918 г. Например, Командующий войсками округа и Окружной штаб были категорически против резкой активизации внешней политики империи на Дальнем Востоке в 90-е гг. XIX в. без достаточного наращивания в регионе экономического и военного потенциала; против прокладки важнейшей стратегической железной дороги (КВЖД) по территории Китая, настаивая, что нужно либо включить территорию в состав империи, либо – что выгоднее и удобнее – провести ее по своей территории; против занятия Порт-Артура и аренды каких-либо китайских территорий предлагая вначале освоить то, что уже есть; предостерегали от недооценки военного потенциала Японии. Однако в столице каждый раз принимали решения, лишь послушав, но не услышав мнение военных, действительно хорошо знакомых со спецификой региона.

Именно поэтому в Приамурском военном округе визит каждого высокопоставленного государственного сановника рассматривали, прежде всего как возможность в очередной раз донести до власти предержащих свое мнение, поделиться опасениями, предостеречь от глупостей и дать дельные советы. Иногда это даже срабатывало.

«Всеподданнейший доклад министра финансов по поездке на Дальний Восток осенью 1909 г. (Совершенно секретно)» Николай II вернул, по свидетельству все того же В.Н. Коковцова, «с целым рядом самых лестных для меня пометок, а на отчете по Владивостоку написал, что передаст свои указания военному министру, сердечно благодарит меня за всестороннее освещение истинного положения вещей и уверен в том, что не услышит более несправедливых обвинений министра финансов в неассигновании долгосрочных кредитов, когда и отпущенные остаются годами без употребления» [9. С. 360]. Далее доклад был передан по Высочайшему повелению председателю

Совета министров П.А. Столыпину «для обсуждения в сем докладе вопросов, кои требуют дальнейшего направления, в Совете министров». Сохранился проект «Особого журнала Совета министров» с грифом «совершенно секретно», с этим обсуждением, датированный 28 ноября 1909 г. [26. С. 458–461].

Однако последствия путешествия В.Н. Коковцова на Дальний Восток оказались намного значительнее, чем предполагал сам министр финансов – по тому же маршруту весной 1910 г. отправился военный министр. Причем в известность об этом не был поставлен даже Совет министров. Сухомлинову пришлось решать на месте множество вопросов – от казарменного строительства до фортификационного [7. С. 260–261]. По примеру министра финансов он также подготовил, кроме отчета, еще и «особый письменный доклад» о состоянии Владивостока. В.Н. Коковцов был, несомненно, уязвлен этим: «Весь отчет представлял собой сплошную критику моих выводов и представленных мною 6 месяцев назад данных. Все, что я находил хорошим, было осмеяно, составляло предмет глумления» [9. С. 361].

Однако, вопреки мнению министра финансов, эта поездка имела весьма серьезные последствия для строительства укреплений Владивостокской крепости. Именно при докладе императору В.А. Сухомлинов попросил командировать во Владивосток инженер-генерала А.П. Вернандера для наблюдения и руководства производством крепостных работ, так как «обширный крепостной район и сложность работ требовали большой энергии, технических знаний, опытности и зоркого глаза» [7. С. 261]. Разрешение было получено, и А.П. Вернандер был назначен «Особо уполномоченным лицом по усилению Владивостокской крепости», получив широчайшие полномочия. В частности, он имел право утверждать проекты строительных работ на месте, без их предварительного предоставления в Петербург, т.е. просто игнорировать всю военно-бюрократическую систему империи, чем и воспользовался. Прибыв во Владивосток летом 1910 г. и находясь там до 1911 г., когда начальником инженеров крепости и строителем Владивостокских укреплений был назначен генерал-майор А.П. Шошин, он успел утвердить проекты большинства важнейших фортификационных сооружений и фактически сдвинуть дело строительства крепости с мертвой точки [27. С. 324; 28. С. 40–42, 185, 197–198].

В истории визита министра финансов В.Н. Коковцова на Дальний Восток в 1909 г., как в зеркале, отразилось большинство управленческих проблем Российской империи.

1. При достаточно четкой законодательной регламентации сфер деятельности каждого из министерств империи в теории, на практике имели место постоянные и существенные нарушения этих норм, что приводило к самым печальным последствиям. Так, «бухгалтерское» видение В.Н. Коковцевым вопросов обороны государства, его постоянные передергивания и привычка с упорством, достойным лучшего применения, «совать нос» во все мелкие детали военного и морского дела, находящиеся далеко за пределами не

только его компетенции, но и понимания, создавали очень много проблем, поскольку военному и морскому министерствам приходилось постоянно давать огромное количество справок и разъяснений по каждому мелочному вопросу, что топил в бездонной бюрократии решение любой серьезной проблемы. Очень точно обрисовал такое положение дел в Российской империи историк-эмигрант А.А. Керсновский, отмечавший, что «кругозору ротного командира» на верхах армии соответствовал «кругозор столоначальника» на верхах правительственной иерархии. Одинаковые причины ведут за собой одинаковые последствия» [29. С. 126].

2. Неумение или нежелание многих министров, и, прежде всего, именно министра финансов В.Н. Коковцова, ставить государственные интересы выше ведомственных. В то время как военные пытались объяснить, что без серьезных военных реформ империя может просто не выжить, министр финансов интересовался лишь «сведением баланса», смотря на все практически исключительно сквозь призму насущной необходимости «всемерного сокращения расходов Государственного Казначейства». С одной стороны, это было правильно, поскольку устойчивость финансовой системы, безусловно, является необходимым, хотя и не достаточным условием успешного развития экономики страны, а ее разбалансированность в ситуации послереволюционного и послевоенного кризиса, из которого медленно выбиралась страна, могла погубить Россию внутренними потрясениями не хуже любого неприятеля. С другой – именно такой «ведомственный подход» привел к блокированию по финансовым соображениям многих жизненно важных преобразований в стране, начиная от образовательной реформы и заканчивая увеличением количества казенных военных заводов, которые пришлось аврально создавать уже во время Первой мировой войны. Брошенные однажды военным министром В.А. Сухомлиновым В.Н. Коковцову слова «что стрелять деньгами в противника будет нельзя, и что весь его золотой

запас и остальные накопленные средства при национальном позоре перейдут в карманы победителей» [7. С. 234] оказались во многом пророческими.

3. Системные недостатки всей административной системы, обостряемые проблемами в экономике. Недоверие министров друг к другу и императора к министрам приводило к затягиванию решения многих вопросов, постоянному пересмотру утвержденных планов, двойственности принимаемых мер, а часто и полнейшей несогласованности действий четырех важнейших ведомств: военного, морского, финансового и иностранных дел. Все министры понимали, что, с одной стороны, нельзя жертвовать обороноспособностью государства для достижения экономического благополучия, а с другой – опасно подрывать экономку страны, направляя все средства на нужды армии. Переломить ситуацию в условиях существовавшей в России административной системы было невозможно. В результате решение многих проблем сводилось к отстаиванию министрами на Всеподданнейших докладах интересов своего министерства. Это приводило к постоянному противоборству министерств: военного, морского и финансов, что совершенно не шло на пользу империи. Причем ситуация зашла настолько далеко, что в стране оказалось проще отменить с Высочайшего разрешения большую часть административных барьеров для быстрого строительства отдельно взятой крепости Владивосток, чем отладить систему так, чтобы и при точном следовании букве закона можно было в разумные сроки построить хоть что-нибудь крупнее армейского сарая. Во Владивосток просто назначили А.П. Вернандера с правом принимать все решения по планам и проектам укреплений самому и на месте, т.е. вообще не соблюдать установленную законом процедуру их утверждения.

* * *

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке статьи Эду Пулфорду (Ed Pulford), Кембриджский университет (University of Cambridge).

ЛИТЕРАТУРА

1. Игнатьев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. М. : Междунар. отношения, 1989. 336 с.
2. Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб. : Нестор-История, 2008. 668 с.
3. Схиммельпенник Ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.
4. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. СПб. : Наука, 1998–2001. Т. 1, 2.
5. Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М. : РОССПЭН, 2000. 399 с.
6. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра : в 2 т. М. : Кучково поле, 1999. Т. 2. 528 с.
7. Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Минск : Харвест, 2005. 624 с.
8. Лукомский А.С. Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 8.
9. Коковцов В.Н. Из моего прошлого (1903–1919): Воспоминания. Мемуары. Минск : Харвест, 2004. 896 с.
10. Унтербергер П. Неотложные нужды Приамурья // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 702. Оп. 1. Д. 643.
11. Авиллов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I : «Назло надменному соседу». 1860–1905 гг. Владивосток : Дальнаука, 2013. 383 с.
12. Авиллов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. II : Уроки Порт-Артура. 1906–1917 гг. Владивосток : Дальнаука, 2014. 408 с.
13. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 555. Оп. 1. Д. 213.
14. Коковцов В. Всеподданнейший доклад Министра Финансов по поездке на Дальний Восток осенью 1909 г. // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 303.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1909. Т. 29. № 31369.
16. Памятная книжка Приморской области на 1909–1910 гг. Владивосток: Типография Приморского Областного Правления, 1910. Отд. I. 204 с.

17. Приказ войскам Приамурского военного округа № 245, от 19 мая 1908 г. // Государственный архив Хабаровского края. Научно-справочная библиотека. Ед. хр. 1299.
18. Всеподданнейший доклад Военного министра о поездке его на Дальний Восток в Апреле и Мае 1911 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 474.
19. История Востока : в 6 т. Т. 4: Восток в новое время (конец XVIII – начало XIX в.), кн. 2. М. : Вост. лит., 2005. 574 с.
20. Елизарьев В.Н. Русско-японская война 1904–1905 гг. и ее последствия для освоения и заселения острова Сахалина. Южно-Сахалинск : Лукоморье, 2005. 135 с.
21. Шулатов Я.А. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг.: Хабаровск ; Москва : Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2008. 320 с.
22. Калинин В.И., Воробьев С.А. Сталь и бетон против Микадо. Береговая оборона и укрепленные районы сухопутной границы на Дальнем Востоке СССР. 1932–1945 гг. // Крепость Россия. Историко-фортификационный сборник. Владивосток : Дальнаука, 2005. Вып. 2.
23. История отечественного судостроения : в 5 т. Т. 3 : Судостроение в первой четверти XX в. (1906–1925) / И.Ф. Цветков. СПб. : Судостроение, 1995. 560 с.
24. Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг.: военно-политическая история. М. : Торговый дом «Алгоритм», 2015. 496 с.
25. Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания (1895–1905) // Вестник Общества русских ветеранов Великой войны. № 98–99 (Июль–август 1934 г.). Из фондов Музея русской культуры в г. Сан-Франциско.
26. Особые Журналы Совета Министров Российской империи 1909–1917 гг. / 1910 год. М. : РОССПЭН, 2001. 496 с.
27. Военная энциклопедия. СПб. : Т-во И.Д. Сытина, 1911. Т. 6. 642 с.
28. Авиллов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. IV : Инженеры Владивостокской крепости: счастливые люди. Владивосток : Дальнаука, 2015. 378 с.
29. Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3 : 1881–1915 гг. М. : Голос, 1994. 352 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 февраля 2016 г.

BY THE TRANS-SIBERIAN RAILWAY TO THE EAST: THE VISIT OF MINISTER OF FINANCE V.N. KOKOVTSOV TO THE PRIAMURSKIY MILITARY DISTRICT IN 1909

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 38–49. DOI: 10.17223/15617793/405/5

Avilov Roman S. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS; Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: avilov-1987@mail.ru

Keywords: Russian Far East; Priamurskiy Military District; Vladivostok Fortress; War Ministry; Treasury; V.N. Kokovtsov; V.A. Sukhomlinov.

Using sources from the NA RF and RSHA FE, this article examines the history of the 1909 visit by V.N. Kokovtsov, Minister of Finance of the Russian Empire, to the Priamurskiy Military District. This visit was one of the key developments in discussions between War Minister V.A. Sukhomlinov and Minister of Finance V.N. Kokovtsov, not only regarding improvements to the defense capabilities of the Russian Far East before World War I, but also concerning general questions over the recovery of the Russian Army after the war with Japan and its sponsorship. Kokovtsov was an ambiguous character. Many contemporaries believed that he was a talented financier, but in military circles his reputation was entirely negative. The reason for this was not so much the regular shortfalls in the Treasury funds provided to the military because of budgetary deficits, as it was the Minister's regular interference in exclusively military questions and questions of military technology, as well as his attempts to resolve questions of national defense and insist on his own solutions to the Emperor. There were therefore regular disputes between V.N. Kokovtsov and V.A. Sukhomlinov which spread after World War I throughout the pages of the former Ministers' memoirs. One problem which was being discussed particularly fiercely following the Russo-Japanese War of 1904–1905 was improvement to the defense capabilities of the Russian Far East. Two questions stood out as being of greatest importance. The first was the upgrading of defenses on the Amur, and the second was a radical reinforcement of the Vladivostok Fortress, which involved the building of a new main line of defenses on the land side, and the building of a lot of new batteries on the seaward side of the fortress. Discussions between the War Ministry and the Treasury over this question were drawn out to great length. As a result, it was in fact the Japanese Ambassador who reminded the Russian Emperor about the situation by calling on him not to reinforce the fortress at all. After this, Nicolas II sent V.N. Kokovtsov in person to the Priamurskiy Military District in October 1909 to investigate the situation on the ground. This investigation of archival materials shows that the military's accusations were entirely correct. In his most extensive report concerning the visit, the Minister of Finance did indeed interfere in the sphere of military, naval and military-technological questions and even in foreign policy questions. He described in detail his opinion on every question but was not able to understand many obvious realities which were matter of course to any officer. V.N. Kokovtsov had a one-track mind and in such situations looked at every question from the position of "the desperate necessity to completely axe the Treasury expenses". As a consequence of this situation, the War Ministry and the Admiralty were obliged to explain every little question, a circumstance which greatly inhibited their adjudication on much more important matters, including questions over the reinforcement of Vladivostok Fortress. The ministers were not able to keep national interests over departmental interests, and so the situation was reduced to one wherein each minister was fighting on the side of his own department instead of engaging in collective work for the good of the commonwealth.

REFERENCES

1. Ignat'ev, A.V. (1989) *S. Yu. Vitte – diplomat* [S. Yu. Vitte as a diplomat]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
2. Lukoyanov, I.V. (2008) "Ne otstat' ot derzhav..." Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX v. ["Keeping up with the powers . . ." Russia in the Far East in the late 19th – early 20th centuries]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
3. Skhimmel'pennik Van der Oye, D. (2009) *Navstrechu voskhodyashchemu solntsu: Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k vojne s Yaponiy* [Towards the rising sun: How imperial myth-making has led Russia to the war with Japan]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Raskin, D.I. (ed.) (1998–2001) *Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917* [Higher and central government institutions of Russia. 1801–1917]. Vols 1, 2. St. Petersburg: Nauka.
5. Shatsillo, K.F. (2000) *Ot Portsmutskogo mira k Pervoy mirovoy vojne. Generaly i politika* [From the Peace of Portsmouth to the First World War. Generals and politics]. Moscow: ROSSPEN.
6. Rediger, A.F. (1999) *Istoriya moey zhizni. Vospominaniya voennogo ministra: v 2 t.* [Story of my life. Memories of the War Minister: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Kuchkovo pole.

7. Sukhomlinov, V.A. (2005) *Vospominaniya. Memuary* [Memories. Memoirs]. Minsk: Kharvest.
8. Lukomskiy, A.S. (2001) *Ocherki iz moey zhizni* [Sketches of my life]. *Voprosy istorii*. 8.
9. Kokovtsov, V.N. (2004) *Iz moego proshlogo (1903–1919): Vospominaniya. Memuary* [From my past (1903–1919): Memories. Memoirs]. Minsk: Kharvest.
10. Unterberger, P. *Neotlozhnye nuzhdy Priamur'ya* [Urgent needs of the Amur Region]. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 702. List 1. File 643.
11. Avilov, R.S., Ayushin, N.B. & Kalinin, V.I. (2013) *Vladivostokskaya krepost': voyska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi* [Vladivostok Fortress: military troops, fortification, events, people]. Pt. I. Vladivostok: Dal'nauka.
12. Avilov, R.S., Ayushin, N.B. & Kalinin, V.I. (2014) *Vladivostokskaya krepost': voyska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi* [Vladivostok Fortress: military troops, fortification, events, people]. Pt. II. Vladivostok: Dal'nauka.
13. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 555. List 1. File 213. (In Russian).
14. Kokovtsov, V. *Vsepoddannyy doklad Ministra Finansov po poezdke na Dal'niy Vostok osen'yu 1909 g.* [A humbly report of the Minister of Finance on the trip to the Far East in the autumn of 1909]. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 543. List 1. File 303. (In Russian).
15. Russian Empire. (1909) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection Three]. Vol. 29. No. 31369. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
16. Anon. (1910) *Pamyatnaya knizhka Primorskoy oblasti na 1909–1910 gg.* [The memorial book of the Primorsky region of 1909–1910]. Vladivostok: Tipografiya Primorskogo Oblastnogo Pravlenniya.
17. *Prikaz voyskam Priamurskogo voennogo okruga № 245, ot 19 maya 1908 g.* [Order to the troops of the Amur Military District, no. 245, on May 19, 1908]. State Archive of Khabarovsk Krai. Scientific and reference library. Unit 1299.
18. *Vsepoddannyy doklad Voennogo ministra o poezdke ego na Dal'niy Vostok v Aprele i Mae 1911 g.* [A humbly report of the Minister of War of his trip to the Far East in the April and May of 1911]. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 601. List 1. File 474.
19. Rybakov, R.B. (ed.) (2005) *Istoriya Vostoka: v 6 t.* [The history of the East: in 6 vols]. Vol. 4. Book 2. Moscow: Vost. lit.
20. Elizar'ev, V.N. (2005) *Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg. i ee posledstviya dlya osvoeniya i zaseleniya ostrova Sakhalina* [Russian-Japanese War of 1904–1905 and its implications for the development and settlement of Sakhalin Island]. Yuzhno-Sakhalinsk: Lukomor'e.
21. Shulatov, Ya.A. (2008) *Na puti k sotrudnichestvu: rossiysko-yaponskie otnosheniya v 1905–1914 gg.* [On the way to cooperation: Russian-Japanese relations in 1905–1914]. Khabarovsk; Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS.
22. Kalinin, V.I. & Vorob'ev, S.A. (2005) *Stal' i beton protiv Mikado. Beregovaya oborona i ukreplennyye rayony sukhoputnoy granitsy na Dal'nem Vostoke SSSR. 1932–1945 gg.* [Steel and concrete against the Mikado. Coastal defense and fortified areas of the land border in the Far East of the USSR. 1932–1945]. In: Starovoytov, B.Ya. (ed.) *Krepost' Rossiya. Istoriko-fortifikatsionnyy sbornik* [Fortress Russia. Historical fortification collection]. Is. 2. Vladivostok: Dal'nauka.
23. Tsvetkov, I.F. (1995) *Istoriya otechestvennogo sudostroeniya: v 5 t.* [The history of Russian shipbuilding industry: in 5 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Sudostroenie.
24. Ayrapetov, O.R. (2015) *Na puti k krakhu. Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg.: voenno-politicheskaya istoriya* [On the way to ruin. Russian-Japanese War of 1904–1905: Military-political history]. Moscow: Torgovyy dom "Algoritm".
25. Budberg, A.P. (1934) *Sibirskie vospominaniya (1895–1905)* [Siberian memories (1895–1905)]. *Vestnik Obshchestva russkikh veteranov Velikoy voyny*. 98–99 (July – August 1934). From the fund of the Museum of Russian Culture in San Francisco.
26. Gal'perina, B.D. (2001) *Osobyje Zhurnaly Soveta Ministrov Rossiyskoy imperii 1909–1917 gg.* [Special Journals of the Council of Ministers of the Russian Empire in 1909–1917]. Moscow: ROSSPEN.
27. Novitskiy, V.F. (ed.) (1911) *Voennaya entsiklopediya* [Military Encyclopedia]. Vol. 6. St. Petersburg: T-vo I.D. Sytina.
28. Avilov, R.S., Ayushin, N.B. & Kalinin, V.I. (2015) *Vladivostokskaya krepost': voyska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi* [Vladivostok Fortress: military troops, fortification, events, people]. Pt. IV. Vladivostok: Dal'nauka.
29. Kersnovskiy, A.A. (1994) *Istoriya russkoy armii* [History of the Russian army]. Vol. 3. Moscow: Golos.

Received: 20 February 2016

П.П. ВЕЙНЕР И ПРОБЛЕМА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ В ДИСКУССИЯХ 1917 г.

Статья посвящена проблеме охраны памятников в дискуссиях 1917 г. В центре внимания автора – деятельность комиссии по музейному делу и охране памятников, созданной в марте 1917 г. при Институте истории искусств (г. Петроград). Охрана памятников рассматривалась в ряде докладов, прозвучавших на заседаниях комиссии. Но наиболее полно она была раскрыта в двух докладах П.П. Вейнера, один из которых был посвящен движимым памятникам, а другой – памятникам архитектуры. Вейнер предлагает типологию памятников, описывает историю вопроса и предлагает меры для централизации и унификации процесса охраны памятников в масштабах всего государства. Ряд его предложений был реализован после Октябрьской революции, хотя и в несколько иной форме.

Ключевые слова: охрана памятников; музей; П.П. Вейнер; Институт истории искусств; музеология.

Проблема охраны памятников, начавшая привлекать внимание передовой части русского общества еще в XVIII столетии, к рубежу XIX–XX в. превратилась в одну из самых актуальных и насущных. Ее обсуждали на профессиональных форумах (таких как, например, Археологические съезды), дискуссии о ней печатали журналы широкого историко-культурного профиля. В первую очередь здесь следует отметить журнал «Старые годы», основанный в 1907 г. На его страницах неоднократно обсуждались практика охраны памятников и соответствующий закон, принятие которого воспринималось определенной частью русского общества как неотложная и необходимая мера [1]. Особенно актуальной эта проблема стала в 1914 г., когда такой законопроект должен был поступить на рассмотрение Государственной думы и соответствующая думская комиссия, готовя необходимые для его принятия материалы, внесла в него существенные изменения.

Одним из самых активных участников развернувшихся дебатов был П.П. Вейнер, редактор-издатель «Старых годов», прилагавший огромные усилия к введению в научный оборот и сохранению культурного наследия России. Он откликнулся на это событие заметкой под названием «Закон об охране памятников», помещенной в разделе «Хроника» февральского номера журнала за 1914 г. [2. С. 47–50]. Вейнер отмечал положительные изменения в содержании проекта: состав главного комитета, призванного осуществлять руководство охраной памятников, определен из 14 лиц, и представители ведомств участвуют лишь по делам, затрагивающим интересы этих ведомств; особое положение предметов, находящихся в ведении церкви (как православной, так и инославной и иноверной) распространяется лишь на предметы особого почитания; дата 1725 г., ограничивающая древность построек, подлежащих охране до регистрации, в экстренных случаях снимается; за неразрешенную переделку или слом древностей установлено наказание; увеличено финансирование; установлено право для комитета самостоятельного выбора местных учреждений для реализации на местах его функций [Там же. С. 47–48].

В то же время Вейнер сурово критиковал думскую комиссию за ряд мер негативного характера: из предполагаемого состава комитета были исключены пять членов из числа деятелей, известных своими трудами

по истории, археологии и искусству; работа комитета определена как безвозмездная; из действия комитета изъяты все предметы, находящиеся в частной собственности [2. С. 48]; отменено право преимущественной государственной покупки всех находящихся в частном владении древностей, вместо этого на комитет возлагается лишь «обязанность собирать сведения о таковых и изыскивать способы к приобретению их и предотвращению вывоза за границу» [Там же. С. 49]. Местные учреждения также не имеют платных членов, между ними и комитетом нет постоянной связи; нет «инспекторов или иных лиц, наблюдающих за деятельностью местных учреждений и вносящих в их работу необходимое единообразие» [Там же. С. 50]. В любом случае этот закон, как известно, так и не был принят. Однако, как показывают архивные материалы, прежде не привлекавшие внимания исследователей, активное обсуждение преобразований в области государственной охраны памятников, связанное с этим проектом, не прекратилось и в последующем.

Новый всплеск интереса к теме пришелся на 1917 г. Одним из частных сюжетов стала работа комиссии по музейному делу и охране памятников, созданной по итогам совещания деятелей искусства и науки, посвященного вопросу об организации ведомства искусств. Совещание состоялось 7 марта 1917 г. в помещении Института истории искусств (далее – Институт), а комиссии (в том числе и музейная) начали работать уже через несколько дней. В состав музейной комиссии, работавшей под председательством известного археолога М.И. Ростовцева, первоначально вошли П.П. Вейнер, В.П. Зубов, П.И. Нерадовский, Н.Н. Пунин, Д.И. Толстой, Д.А. Шмидт [3. Л. 105 об.]. Вскоре состав ее был расширен и в работе приняли участие также Ф.Г. Беренштам, Э.О. Визель, О.Ф. Вальдгауер, А.А. Миллер, Н.М. Могилянский, К.К. Романов, С.Н. Тройницкий, Б.В. Фармаковский, В.Я. Чемберс и др.

Проблема охраны памятников нашла отражение в целом ряде докладов, подготовленных членами комиссии, причем рассматривалась она сразу в нескольких аспектах, что демонстрирует достаточно высокую степень концептуализации данного проблемного поля. Во-первых, была предпринята попытка предложить один из первых исторических очерков развития данной сферы деятельности в России – им стал доклад сотрудника Этнографического отдела Музея им-

ператора Александра III, впоследствии известнейшего археолога А.А. Миллера «Очерк истории охраны памятников старины и древностей в России», содержащий подробный рассказ о государственных мерах в этой области, законодательстве и разработке соответствующего законопроекта в начале XX в. [4. Л. 134–158]. Во-вторых, дан был анализ аналогичных мер за границей – доклад финского археолога А.М. Тальгрена «Охрана памятников в Скандинавских государствах и Финляндии» [Там же. Л. 94–108]. Это был единственный из всех докладов, присланный по почте, а не озвученный автором в ходе живого обсуждения. Важность обращения к сравнительному материалу, судя по всему, вполне осознавалась инициаторами проекта. В-третьих, в докладах, посвященных смежным темам, были охарактеризованы отдельные проблемы охраны различных категорий памятников: например, археологических (доклад М.И. Ростовцева «Раскопки и охрана памятников, добытых путем раскопок» [5. Л. 52–88]; доклад «Российский исторический музей. Его задания и желательные реформы», подготовленный Советом этого музея [6. Л. 1–10]), церковной старины (доклад исследователя древнерусского искусства В.Т. Георгиевского «Мероприятия по охране памятников церковного искусства и положение провинциальных церковно-археологических музеев» [4. Л. 183–196; 6. Л. 17–21 об.]), мусульманских древностей (доклад востоковеда академика В.В. Бартольда «По вопросу об охране нехристианских культовых древностей» [5. Л. 103–117]).

Однако наиболее полно вопрос этот был раскрыт в двух докладах уже упоминавшегося выше Вейнера, неоднократно обращавшегося к этой теме и раньше и представившего своеобразный синтез всех отмеченных выше аспектов проблемы. Доклады были посвящены охране движимых памятников и памятников архитектуры. В первом автор предлагал общую картину исторического, практического и методического аспектов охраны памятников [4. Л. 196а–209]. Уже в самом начале доклада автор констатировал, что «единичные движимые памятники искусства <...> являются, пожалуй, самым хлопотливым и кропотливым отделом художественного хозяйства страны». Их совокупность составляет «всероссийский разрозненный музей» [Там же. Л. 196]. Охрана таких памятников – особая область историко-культурной деятельности: «Забота о памятниках движимых, идя параллельно с заботой об архитектурных, не вполне с нею совпадает и требует иного к себе подхода». И все же «такие памятники славные в славных стенах – баловни судьбы».

В чем заключаются основные трудности в деле охраны таких памятников? Это их «разбросанность и неизвестность». Где они могут храниться? Во-первых, это неисторические, разного рода служебные помещения бывших Императорских дворцов (Царское Село, Гатчина, Петергоф, Таврический дворец). Пример – первоклассные картины (Антуана Ватто, Паоло Веронезе, Лоренцо Лото), мрамор, бронза, фарфор, хранящиеся в служебных квартирах Гатчинского дворца [Там же. Л. 198]. Во-вторых, исторические, памятные и иные – не историко-художественные –

музеи: в Горном музее, например, находится бюст Павла первого работы Ф.И. Шубина, в музее Финляндского полка – ряд работ П.А. Федотова, в Морском музее – портрет кисти В.Л. Боровиковского и т.д. Не связанные с главной задачей такого музея, произведения искусства могут оказаться здесь на таком «дальнестепенном месте», что «откроется широкое поле для всевозможных опасений». В-третьих, правительственные и общественные учреждения: портрет Екатерины второй работы С. Торелли хранится в Синоде, художественные бронзы – в квартире министра финансов, старинная мебель – в военном министерстве и т.д. [4. Л. 199]. Там невозможно обеспечить их должную сохранность, так как «бытовые заботы его заглушают и чисто житейским своим предназначением они легко оправдывают в глазах толпы свое небрежение к гостям, забредшим из иного мира».

Отношение государства к ним должно быть разным в зависимости от того, принадлежат они казенному учреждению или общественному. В первом случае такие помещения должны быть приравнены к дворцовым. Во втором – право вмешательства несколько ограничено. Только если собственники не могут подчиниться определенным условиям хранения и содержания предметов, государство «требует временного помещения вещей в музей или иные хранилища», где им будут созданы необходимые условия сохранения, но при этом «признается прежнее право собственности». Такая же мера может быть предпринята для исключительно выдающихся памятников, владение которыми учреждением мешает их доступности для изучения и осмотра [Там же. Л. 200].

Наконец, четвертой категорией оказываются памятники в частных собраниях. С ними ситуация кажется особенно сложной, так как «вопрос о праве вмешательства государства в частную собственность подобного рода еще совершенно не затронут нашим законом». Вейнер подчеркивает, что «не подлежит сомнению необходимость особой щепетильности в использовании права осмотра таких памятников, так как здесь открывается широкое поле для злоупотреблений». Это можно осуществлять «как бы попутно – посредством выставок, областных и предметных, описания вещей в печатных трудах, обращения владельцев за советами и т.д.», и лишь «в крайних и особо важных обстоятельствах <...> государству придется противопоставлять свою власть прихотливому упорству владельца» [Там же. Л. 201].

Сложен и вопрос вывоза художественных и исторических предметов за рубеж: «Россия, вообще, не богата такими памятниками и может, в конце концов, совсем обеднеть, если не будут положены какие-нибудь препоны делу постоянного их увоза». Эту меру в той или иной степени вводят сейчас все передовые страны, и если Россия отстанет, «то, естественно, обреченная быть жертвою заграничных вождельцев и лишенная возможности ввозить к себе, она неминуемо обнищает в этой области». Вновь здесь вопрос из чисто юридической плоскости переводится в плоскость морально-нравственную: «подобное запрещение имеет неоспоримое нравственное значение» [Там же. Л. 202].

В непосредственной связи с этим вопросом находится и вопрос о праве преимущественной покупки или выкупа государством, «если памятники исключительного значения находятся в явном небрежении». Особенно важны такие собрания, «где к материальной ценности предметов присоединяется ценность составительской, часто многолетней работы, которая при распылении собрания пропадает бесследно, но для общества является самостоятельной научной ценностью». Таковы, например, собрание фарфора великого князя Николая Николаевича, некоторые собрания монет, медалей, гравюр (например, Е.Е. Рейтерна). Значение таких собраний «заключается не столько в особой значительности отдельных предметов, сколь в связующем их подборе, единстве содержания, в труде и мысли, положенных в его составление». Для того чтобы «обеспечить свободу частного распоряжения имуществом, противопоставив ее захватным увлечениям государства», следует предусмотреть право «смешанной экспертизы», «т.е. права за владельцем избрания эксперта и со своей стороны» [4. Л. 203].

Основные меры, которые государство может предпринять для сохранения частновладельческих памятников, заключаются, по мысли Вейнера, в следующем: 1) памятники исключительной важности могут объявляться имеющими государственное значение; 2) соблюдается неотчуждаемость их без ведома государства при каждом переходе владения; 3) предусмотрено право выкупа в случае небрежения; 4) запрещается вывозить их за границу без предварительного предъявления правительству; 5) преимущественное право покупки всех ввозимых предметов и предметов, объявленных имеющими государственное значение, закрепляется за государством [Там же].

Важно отметить, что Вейнер явно понимает недостаточность отдельных, локальных мер в этой области, подобных тем, что предпринимались прежде. По его мнению, необходим «твердый, единый, центральный план» работы. Этого требуют размах и новизна всего дела, «полная неподготовленность к нему широких слоев русского общества». Выработать такой план и начать его реализовывать может только центральный орган, учреждение, «заведывающее всем художественным богатством и строительством страны». В деле охраны памятников «частный или общественный почин, не опирающийся на закон, совершенно бессилён» [4. Л. 204]. Таким образом, автор не только подчеркивает важность унификации и централизации работы в области охраны памятников, но и отмечает важность именно государственных мер в данной области. Здесь нельзя не увидеть осмысления того огромного опыта общественной инициативы в деле сохранения культурно-исторического наследия, которым характеризовался в России рубеж веков и к которому сам Вейнер и круг близких ему лиц были причастны самым непосредственным образом.

Какими же должны быть этот центральный план и его законодательная основа? Казалось бы, через несколько месяцев после Февральской революции на волне увлечения либерально-демократическими идеями логичным было бы найти и здесь отражение

этих настроений. Однако Вейнер предлагает нечто иное. Охрана памятников оказывается пространством некоторой асинхронности большому времени: «В основу создаваемых при новом строе учреждений ныне повсеместно кладутся коллегиальность и представительство. Вряд ли, однако, эти начала в полной мере применимы к охране памятников движимых. Особенностью последних является крайнее их разнообразие <...> здесь мы встречаемся со всевозможными разновидностями человеческого творчества» [4. Л. 205]. «Коллегия, способная судить о всех подобных предметах, была бы чрезвычайно громоздка по многочисленности своих членов», кроме того, «лучшие знатоки одного разряда памятников признают себя, по всей вероятности, неподготовленными для суждения по некоторым другим вопросам» [Там же. Л. 206]. Поэтому дело охраны памятников Вейнер предлагает разделить на две части: распорядительную и научную.

Первая включает наблюдение за памятниками, объявление их памятниками государственного значения, предписание условий хранения и т.д. Основную работу выполняют здесь уполномоченные лица на местах, которые осматривают памятники и докладывают центральной коллегии. Непосредственным заведованием памятниками она не занимается. Это дело музеев и иных хранилищ [Там же].

Вторая часть – часть научной экспертизы. Здесь «сама собою напрашивается помощь музейных деятелей», хотя они и «представляются нам лишь наиболее доступным, а отнюдь не обязательным источником предлагаемой экспертизы». «Когда развитие художественно-исторического понимания в народе дойдет до той высоты, что подобные знатоки будут находимы и вне стен музеев или вне ученых кафедр, выбор потребных судей станет еще свободнее». С музеями связь у этих органов «вообще ближайшая не только в лице работников, но и по общности предмета, и особенно в области научного труда и распределения обрабатываемых в собственность государства памятников между музеями и хранилищами». Их характеризует близость «однородной художественно-исторической деятельности» [Там же. Л. 207]. Поэтому их можно объединить в одно ведомство, «которому близки, знакомы и дороги вопросы художественно-исторические в России, которое обязано будет следить за надлежащей обстановкой для плодотворного осуществления задач и сможет соединить разнovidные обязанности в лице своих разных представителей» [Там же. Л. 208].

В итоге совокупность мер, которые необходимо предпринять в деле централизации охраны памятников, приобретает у Вейнера следующую конфигурацию: 1) составить полную опись таких памятников, принадлежащих государству, и переместить в хранилища те, сохранность которых в местах их нынешнего хранения не обеспечивается; 2) составить полную опись памятников в общественной собственности, достойные объявить имеющими государственное значение и «заботиться о сохранном их размещении» [Там же]; 3) выработать закон о праве вмешательства государства в частную собственность такого рода, причем если памятники объявляются имеющими гос-

ударственное значение, следует «принимать необходимые меры для их сохранности»; 4) все действия по охране памятников должны быть возложены на специальный совет, «составленный на началах представительства соответствующих обществ или учреждений», находящийся в тесной связи с научными и художественными кругами, правительством, местными структурами, «облеченный непререкаемой полнотой независимой власти и снабженный достаточными денежными средствами» [4. Л. 209].

Как видим, характер мер, предлагаемых докладчиком, продолжал оставаться двойственным: с одной стороны, им подчеркивалась роль государства в деле охраны памятников, с другой – по-прежнему научный авторитет специалистов, роль «соответствующих обществ», «научных и художественных кругов» продолжала оставаться весьма существенной. По сути дела, уже здесь можно увидеть то, что на Первой все-русской конференции по делам музеев, в феврале 1919 г., будет определено как союз «политической власти и компетентной силы», союз, однако, увиденный и проектируемый со стороны именно «компетентной силы», т.е. экспертного сообщества. Попытки реализации этого проекта приведут к полному краху уже в конце 1920-х гг. Пока же, однако, политическая ситуация внушала определенные надежды и дальнейшее развитие предложенного плана дано было Вейнером в докладе, посвященном охране памятников архитектуры [5. Л. 119–132].

Сама по себе проблема охраны памятников архитектуры не была чем-то новым для гуманитарной мысли России начала XX в. Но и в обращении к ней Вейнер демонстрирует широту методологического горизонта и объемность общего видения проблемы. Начинает он с определения специфического культурного значения, которым обладают памятники такого рода: они – «самое значительное в области художественного достояния народа, самое доступное и самое дорогое», ведь «люди постоянно, даже среди дела и бытовых забот, общаются с памятниками архитектуры, видят их, ими любуются и в них черпают художественное и историческое воспитание» [Там же. Л. 119].

Любопытно отметить, что, обсуждая вопрос музеефикации памятника, Вейнер выдвигает концепцию, близкую той, что во второй половине XX в. получила наименование «мягкая музеефикация». Он подчеркивает, что зачастую необходимо искать золотую середину между *сохранением* и *использованием* памятника: «“Музейная” неприкосновенность легко может быть доведена до абсурда (зачеркнуто, вписано – нелепости)», но и «погоня за бытовым использованием памятника нередко ослепляет заинтересованных лиц <...> И приводит к его гибели». В качестве примера такого срединного подхода Вейнер приводит Гатчинский дворец, который, наряду с музеефицированной зоной, «в большой своей части может быть свободно обращен под какое-нибудь общепольное учреждение» [5. Л. 127]. Такие же памятники, «жилищное использование которых не должно бы встречать возражений», можно найти и в других пригородах. При этом важно, каков характер учреждения,

размещаемого в памятнике. При принятии соответствующего решения необходим учет хозяйственных, государственных, гигиенических, бытовых интересов [5. Л. 128].

Затем Вейнер предлагает общую типологию таких памятников: а) целые части городов (Московский и Новгородский Кремль, Суздаль) и «сливающиеся с памятником ближайшие его окрестности» (луга возле Спаса на Нередице, пустырь вокруг церкви с. Коломенское); б) дворцовые поселения и усадьбы; в) благоустроенные площади и улицы (театральная площадь), совокупности зданий (ансамбли) и виды на них; г) отдельные выдающиеся здания; д) триумфальные арки, мосты, ворота, решетки, части зданий, сохранившиеся при прежних перестройках; е) сады с их постройками (павильонами, статуями, фонтанами, лестницами); ж) «здания со вмещающейся в них движимостью, составляющие как бы неразрывное целое»; з) внутренняя отделка зданий (росписи и фрески), «когда снаружи эти здания не представляют ценности»; и) памятники в узком смысле этого слова – общественные и надгробные; к) сооружения, «утратившие житейское свое назначение» (гауптвахты, каланчи, стены кремлей); л) бытовые сооружения «вымирающего зодчества» (кавычки Вейнера) (колодцы, звонницы, разукрашенные деревянные избы) [Там же. Л. 120].

После этого в статье приводится перечень пострадавших памятников: новгородские церкви после проведения железной дороги, памятник Александру второму на территории Кремля («кегельбан»), Царицыно, купол над Главным штабом, собор Василия Блаженного, Царскосельский парк, «особенно бдительного ухода, ввиду изменившего строя, требуют» пригородные дворцы и имения, и т.д. [Там же. Л. 120–122]. Затем автор предлагает общую историческую справку, характеризуя дореволюционную деятельность общественных организаций по этому вопросу [Там же. Л. 122–125]. И, наконец, осветив теоретические, типологические и исторические аспекты вопроса, приведя конкретные примеры пострадавших памятников, Вейнер переходит к сути предлагаемых им преобразований в области охраны памятников архитектуры.

Здесь он вновь подчеркивает то, о чем уже говорил в предыдущем докладе: значимость роли государства и неподготовленность широких слоев русского общества к делу охраны памятников. Вейнер убежден: «Пока же народ, а так же нарождающиеся новые меценаты, достаточно образуются в художественном и историческом отношении, чтобы их самостоятельностью могла ограничиться забота о памятниках, пройдут годы, может быть поколения, и погибнет многое». Отсюда и роль государства, которое одно только сейчас «в лице своего правительства и при поддержке общественности может озаботиться должным наблюдением за судьбою памятников архитектуры». В этом вопросе риторика доклада достигает высшей точки: «Оставлять друзей искусства и поборников его сохранности в положении гонимых апостолов – недостойно просвещенного государства» [Там же. Л. 126].

Что же именно должно сделать «просвещенное государство»? Должно быть создано специальное

учреждение, осуществляющее деятельность, которая была бы одновременно запретительной, действенной, распорядительной и ученой [5. Л. 129]. Программа действий намечается Вейнером следующим образом. В центре должен быть организован «постоянный совет», состоящий из членов двух родов: по избранию от художественно-архитектурных и научных обществ и по приглашению из числа «особо осведомленных деятелей». Члены совета пользуются правами государственной службы, и труд их оплачивается. Председатель избирается советом. С правом голоса в совете может присутствовать глава того ведомства, в котором состоит совет. Через него совет вступает в контакт с правительством или законодательными палатами. При совете состоят канцелярия и «для особых поручений и разъездов лица, преимущественно из архитекторов-художников или деятелей по искусству и археологии». В совет с правом голоса могут приглашаться лица из других ведомств, если вопрос касается их, или представители местных учреждений.

Каковы обязанности этого совета? Он должен выработать и направлять в законодательные учреждения необходимое законодательство, в его ведении находятся государственные памятники, не переданные государством другим ведомствам, он же должен осуществлять контроль за сохранностью памятников. К числу последних относятся: а) памятники, объявленные имеющими народное значение (для этого совет наблюдает за их состоянием, дает указания по содержанию, разрешает ремонт, изыскивает средства для содержания и ремонта); б) составляющие собственность государства (совет объявляет их имеющими народное значение); в) составляющие собственность общественную (ведет переговоры с их собственниками о содержании и охране, объявляет их имеющими народное значение); г) составляющие частное владение (устанавливает контакты с владельцами, принимает меры по объявлению памятников имеющими народное значение, выкупает их в собственность государства) [Там же. Л. 130–131 об.].

Кроме того, совет должен заботиться о создании местных учреждений или заменять их своими средствами, вести научную деятельность (составление полной описи памятников, их изучение, издательская деятельность). На него же возлагается обязанность составлять общую смету расходов и испрашивать специальные денежные отпуски.

Каковы права совета? Он (или уполномоченное им лицо) может: а) осматривать все памятники архитектуры в России (вне зависимости от того, кому они принадлежат); б) останавливать работы по сносу, застройке или ремонту памятников, составляющих государственную или общественную собственность (до составления полной описи памятников в России это право распространяется и на частные владения, но с тем, чтобы соответствующие памятники в установленный срок были признаны имеющими народное значение. Если последнего не происходит, владелец получает компенсацию). Постановления совета имеют обязательную силу для всех государственных и общественных учреждений, должностных и частных лиц.

Жалобы подаются в Совет министров. «Совет должен быть широко обеспечен денежными средствами» и действовать на основании выработанного им наказа. Система охраны памятников создается и на местах. Там в советы входят деятели по искусству и архитектуре, представители городского и сельского самоуправления. Такие советы должны наблюдать за сохранностью местных памятников, объявлять памятники имеющими местное значение, возбуждать вопросы перед центральным советом, исполнять его поручения и т.д. [5. Л. 131 об.]. Фактически здесь намечается программа создания централизованной системы охраны памятников в стране. В заключении Вейнер оговаривает «необходимость для охраны памятников архитектуры особого учреждения, совмещающего этот труд с заботами о других подобных областях искусства» [Там же. Л. 132]. Что это за другие «подобные области искусства», можно лишь догадываться. Вероятнее всего, автор имеет в виду охрану других категорий памятников, о которых говорил в предыдущем докладе.

Следует отметить, что Институт не планировал ограничиваться одним лишь теоретическим рассмотрением данного вопроса. Им предпринимался ряд мер, направленных на практическую реализацию начинаний в области охраны памятников. Судя по всему, его научный авторитет был достаточно высок и многие (в том числе на государственном уровне) видели в нем серьезный экспертный центр в данной области. По крайней мере, 27 мая 1917 г. ученый секретарь Института В.Н. Ракинт получил от комиссара временного правительства над бывшим Министерством двора и уделов удостоверение о том, что ему поручается «осмотреть в различных правительственных учреждениях разные художественные предметы, снятые там в связи с происшедшими переменами в Государственном строе» для возможной передачи их комиссару [7. Л. 1]. Тогда же от помощника комиссара он получил предложение «принять участие в качестве члена “Комиссии по приемке и охране Петроградского Дворцового имущества” в ее работах по проверке, сортированию и последующей приемке тех художественных предметов Петроградского дворцового имущества, которые Вы найдете отвечающими художественным целям» [Там же. Л. 1 об.].

Директор Института В.П. Зубов и П.П. Вейнер, читавший там лекции, вошли в состав одной из образованных в мае 1917 г. художественных комиссий, на которые были возложены функции охраны пригородных императорских резиденций. Они вели работу в Гатчинском дворце. Причем следует отметить: комиссия была образована приказом комиссара временного правительства над бывшим Министерством двора и уделов 27 мая 1917 г., т.е. в то самое время, когда активно шли заседания институтских комиссий [8. С. 147]. О их деятельности комиссар был хорошо осведомлен.

4 июля 1917 г. Комиссару над Министерством двора было направлено письмо, в котором сообщалось, что в марте с.г. при Институте была образована «Комиссия по разработке вопросов, связанных с

устройством художественной жизни России». К настоящему времени закончены работы комиссии в части охраны художественных и археологических памятников и организации музейного дела, ведшиеся под председательством академика М.И. Ростовцева и профессора Ф.Ф. Зелинского. Комиссия была готова представить свои материалы комиссариату для напечатания на государственный счет, «причем авторы докладов отказываются от какого бы то ни было вознаграждения» [7. Л. 3].

Однако начинание это реализовано не было. В 1922 г. авторы юбилейного отчета о деятельности Института истории искусств вспоминали: «От Комиссара над бывш. Министерством Двора Головина было получено разрешение на печатание Трудов Комиссии на государственный счет, но сначала перемена строя, а затем все возраставшие типографские затруднения сделали осуществление этого надолго невозможным. Однако труды членов этой Комиссии не пропали даром, и авторы вышеупомянутых докладов могут видеть теперь многие свои идеи воплощающимися в жизнь силою самой жизни» [9. С. 192]. И действительно, после Октябрьской революции многие из

предлагавшихся мер, связанных с делом охраны памятников, начали реализовываться, хотя и не всегда в той форме, которую имели в виду их инициаторы.

Представляется, что изложенный выше материал может способствовать более точному пониманию исторических корней и предпосылок культурной политики большевиков первых послереволюционных лет. Выясняется, что ни централизация музейного дела и охраны памятников, ни ограничения на вывоз культурных ценностей за границу не были возникшими из ниоткуда изобретениями новой власти. Понимание особого культурного значения коллекций, превышающего простую сумму значений входящих в нее предметов, также начало формироваться еще в позднеимперский период. Совмещение режимов музеефикации и утилитарного использования отдельных памятников стало осмысливаться тогда же. Наконец, идея взаимодействия «политической власти и компетентной силы» родилась отнюдь не на конференции 1919 г. Обращение к архивному материалу позволяет по-новому взглянуть на основные этапы развития музейной политики России начала XX в. и внести определенные коррективы в устоявшиеся исследовательские схемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейнер П.П. Библиографические листки. «Старые годы»: их история и критика en connaissance de cause (комментарии). СПб., 2008. 288 с.
2. Вейнер П.П. Закон об охране памятников // Старые годы. 1914. Февраль. С. 47–50.
3. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее – ЦГАЛИ СПб). Ф. 82. Оп. 1. Д. 7.
4. ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 9.
5. ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 10.
6. ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 8.
7. ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 11.
8. Зубов В.П. Страдные годы России. М., 2004.
9. Краткий отчет о деятельности Российского Института Истории Искусств // Задачи и методы изучения искусств. СПб., 2012. С. 187–247.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 февраля 2016 г.

P.P. VEYNER AND THE PROBLEM OF PRESERVATION OF MONUMENTS DURING THE DISCUSSIONS OF 1917

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 50–56. DOI: 10.17223/15617793/405/6

Ananiev Vitaly G. Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: v.ananiev@spbu.ru

Keywords: Institute of History of Arts; protection of monuments; museum; museology; P.P. Veyner.

The article discusses the problem of protection of monuments in the discussions during 1917. The attention of the author is focused on the Commission for Museology and Protection of Monuments, created in March 1917 at the Institute of History of Arts (Petrograd). The members of the museum commission, chaired by the famous archaeologist M.I. Rostovtsev, were P.P. Veyner, V.P. Zubov, P.I. Neradovsky, N.N. Punin, D.I. Tolstoy, D.A. Schmidt and other prominent representatives of the world of culture. The problem of monument preservation was considered in a number of papers delivered during the meetings of this commission. The members of the commission described the history of the protection of monuments in Russia, characterized foreign law in this area, considered some categories of monuments. But the most detailed analysis was in two reports of P.P. Veyner, one of which was devoted to the movable monuments and the other to architectural monuments. Veyner offered a typology of monuments, described the history of this problem and proposed measures to centralize and standardize the protection of monuments throughout the country. The basic problem for him was the creation of a centralized governmental body of museology and protection of monuments. Veyner offered the structure of this body and determined the principles of its operation. His ideas were based on the previous experience with the discussion of the draft of a law on monument protection. However, he included new elements, too. Of particular importance was the issue of protection of monuments as private property. For their protection, Veyner offers a number of specific measures: 1) monuments of exceptional importance may be declared of national importance, 2) monuments are inalienable without the knowledge of the state at each change of ownership, 3) there is the right of redemption in the event of monument negligence, 4) it is prohibited to export monuments abroad without their prior submission to the government, 5) the state has the pre-emptive right to purchase all imported items and items of the declared state value. Another important question here is the question of the export of monuments abroad from Russia, and the regulation of its legal export. Some of these proposals were implemented after the October revolution, albeit in a slightly different form. On the one hand, the facts collected in the article help to clarify the contribution of Veyner to the protection of monuments. On the other hand, some new conclusions can be made regarding the historical background of the cultural policy of the Bolsheviks in first post-revolutionary years.

REFERENCES

1. Veyner, P.P. (2008) *Bibliograficheskie listki. "Starye gody": ikh istoriya i kritika en connaissance de cause (commentarii)* [Bibliographic sheets. "Old Years": their history and criticism en connaissance de cause (commentaries)]. St. Petersburg Kolo.
2. Veyner, P.P. (1914) *Zakon ob okhrane pamyatnikov* [Law on the Protection of Monuments]. *Starye gody*. February. pp. 47–50.
3. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 82. List 1. File 7. (In Russian).
4. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 82. List 1. File 9. (In Russian).
5. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 82. List 1. File 10. (In Russian).
6. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 82. List 1. File 8. (In Russian).
7. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 82. List 1. File 11. (In Russian).
8. Zubov, V.P. (2004) *Stradnye gody Rossii* [Russia's rush years]. Moscow: Indrik.
9. RIII. (2012) *Kratkiy otchet o deyatelnosti Rossiyskogo Instituta Istorii Iskusstv* [A brief report on the activities of the Russian Institute of Art History]. In: *Zadachi i metody izucheniya iskusstv* [Objectives and methods of studying the arts]. St. Petersburg: RIII.

Received: 10 February 2016

ЧИНОВНИЧЕСТВО РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в. В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Представлен обзор современной отечественной историографии, посвященной проблемам рязанского чиновничества второй половины XIX – начала XX в. Рассматриваются научные статьи, монографии, диссертационные работы и энциклопедические издания, в которых нашла отражение исследуемая тема. Делается вывод о том, что современный этап историографии характеризуется появлением работ, в которых затрагиваются различные аспекты проблемы, при этом комплексное исследование рязанского чиновничества изучаемого периода отсутствует.

Ключевые слова: современная отечественная историография; чиновничество; Рязанская губерния.

В советской историографии дореволюционное чиновничество Рязанской губернии не было предметом специального исследования, хотя отдельные работы по этой теме были опубликованы. В частности, внимание исследователей привлекали личность М.Е. Салтыкова-Щедрина и его деятельность на посту вице-губернатора Рязанской губернии и управляющего Рязанской казенной палатой. В последние годы интерес к истории провинциального чиновничества России заметно возрос, появился ряд публикаций, посвященных аппарату управления Рязанской губернии XVIII – начала XX в.

В числе тех, кто одним из первых обратился к изучению рязанского дореволюционного чиновничества, был П.В. Акульшин [1–8]. В 2001 г. было издано справочное пособие «Рязанские губернские и уездные предводители дворянства» (авторы – Б.В. Горбунов, Л.В. Димперан), которое содержит биографические справки и списки дворянских предводителей Рязанской губернии [9]. Изучению чиновничества XVIII – первой половины XIX в. посвящен ряд научных работ Т.А. Видовой (Поскачей) [10–17].

В 2004 г. вышла в свет книга «Банковское дело на Рязанской земле. История и современность», авторы которой (И.Г. Кусова, Г.Н. Чикваркина, Л.В. Чекурин, Е.В. Старостина, А.В. Беляков и др.) посвятили ряд статей чиновникам рязанских банков (Рязанского отделения Государственного банка, Крестьянского поземельного банка, Дворянского земельного банка, Банка Сергея Живаго, Рязанского торгового банка). В конце книги приводятся биографические справки на руководителей Рязанского отделения Государственного банка, Рязанской областной конторы Госбанка СССР, Главного управления Банка России по Рязанской области (1864–2004 гг.) [18–23].

Заслуживает внимания изданная в 2005 г. монография А.Д. Поповой «Правда и милость да царствуют в судах»: (из истории реализации судебной реформы 1864 г.) [24]. Географически материал исследования охватывает территории 11 губерний, входивших в изучаемый период в состав округа Московской судебной палаты (Московская, Владимирская, Калужская, Рязанская, Тульская, Тверская, Ярославская, Нижегородская, Смоленская, Костромская, Вологодская). Для рассматриваемой нами темы наибольший интерес представляет глава данной книги «Решение кадрового вопроса в процессе формирования личного состава пореформенных судов». В ней

автор рассматривает изменения, произошедшие в подборе кадров после 1864 г. А.Д. Попова приходит к выводу, что «в целом задача реформы сформировать новый механизм подбора кадров была решена, хотя и с некоторыми изъянами» [24. С. 116]. Монография содержит приложения «Образовательный уровень членов окружных судов в 1869 г.», «Образовательный уровень судебных следователей в 1869 г.», «Образовательный уровень мировых судей в 1869 г.», где среди прочих приводятся данные и по Рязанской губернии [Там же. С. 299–301].

В 2007 г. в сборнике историко-краеведческих материалов «Времён связующая нить. Рязанские и коломенские немцы в истории России» была опубликована работа В.П. Нагорнова «Служилые немцы Рязанской губернии (материалы для биографии)» [25], которая, по сути, представляет собой изложение сведений из формулярных списков по схеме: фамилия, имя, отчество, должность, чин, вероисповедание, знаки отличия, происхождение, имущественное положение, полученное образование, служебная карьера, награды, участие в походах и сражениях против неприятеля, семейное положение чиновника. В то же время она является одной из немногочисленных, в которой привлечено внимание к такой проблеме, как иностранцы в составе рязанской администрации.

В 2008 г. была издана книга «История рязанской власти: руководители Рязанского края, 1778–2008», в которой представлены биографии генерал-губернаторов и губернаторов дореволюционной эпохи [26]. В опубликованной в журнале «Российская история» рецензии А.С. Минакова отмечается, что данная работа, несмотря на некоторые недостатки, представляет «важный вклад в изучение самодержавной и советской моделей управления» [27. С. 192]. С.В. Любичанковский в своей статье «Новые исследования о губернаторской власти Российской империи» [28] указывает на то, что, хотя данное издание и подготовлено к юбилею (230-летию Рязанской губернии), но «по сути, не является “юбилейным”, с характерными признаками в виде скороспелой подготовки и нацеленностью на саморекламу со стороны руководства области. Монография отражает успех многолетних исследовательских усилий рязанских историков и имеет исключительно научный характер, снабжена солидным научно-справочным аппаратом» [Там же. С. 169]. «Авторам удалось создать обобщенный соци-

окультурный портрет губернатора, включая его образование, имущественное и сословное положение, вероисповедание, чин, особенности карьеры, время нахождения в должности, связи “в верхах” (протекции), способы отстранения от власти. Как обобщающая монография это исследование уникально: пожалуй, впервые в нашей историографии социокультурный подход был применен к почти полуторазековому региональному ряду губернаторов» [28].

Определенный интерес представляет вышедшая в 2010 г. статья И.Г. Кусовой «Городские общественные банки Рязанской губернии: проблемы становления, кадровый состав, роль в общественной жизни» [29]. В числе прочих вопросов автор обращается к изучению банковского персонала, рассматривает штаты городских общественных банков, сословный состав, образовательный уровень, банковскую иерархию, сроки пребывания на службе.

В 2011 г. вышла монография А.С. Минакова «Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX в.)», в главах которой «Губернаторские назначения. Факторы и условия», «Перемещения губернаторов между губернерами», «Губернаторские увольнения. Причины и обстоятельства», «Функциональная эффективность губернаторской власти. Губернаторы и вице-губернаторы. Губернаторы и органы земского самоуправления» автор обращается и к рязанскому материалу [30].

В 2011 г. в «Вестнике РУДН» была опубликована статья В.Я. Гросул «“Лихоимство есть цель всех служащих...”: о злоупотреблениях местных властей Рязанской губернии накануне крестьянской реформы 1861 г.» [31]. Автор анализирует записку штаб-офицера корпуса жандармов подполковника П.П. Ивашенцова, обнаруженную в архиве III отделения Собственной его императорского величества канцелярии. Записка касается злоупотреблений в местных учреждениях Рязанской губернии (Казенная палата, Палата государственных имуществ, Палаты гражданского и уголовного судов, учреждения полиции) и «в значительной степени восполняет наши представления об уровне и масштабах лихоимства и коррупции в российской провинции середины XIX в.» [Там же. С. 18].

Рязанское уездное чиновничество в сравнении с губернским в отечественной историографии остаётся малоизученным. Количество исследований по данной проблеме незначительно.

Укажем, что вопросы, связанные с уездным чиновничеством Рязанской губернии, поднимались, например, в работах Т.А. Видовой (Поскачей) [32–34] и Д.Ю. Филиппова. Последний автор, в частности, опубликовал статью «Институт городских голов и предпринимательская элита уездного города» [35], в которой на примере уездного города Касимова рассмотрел следующие вопросы: каким образом происходило замещение должности городского головы в уездном центре и как влияла на выбор персонала местная социальная среда. В конце статьи, в качестве приложения, приводится поименный список лиц, за-

мещавших должность городского головы в период с 1776 по 1917 г. Интересным является исследование А.О. Никитина, хотя оно и относится к более раннему периоду (вторая половина XVIII в.) [36]. Несколько более детально изучено чиновничество Рязанского уезда Рязанской губернии. Ежегодно, начиная с 2004 г., в г. Рязке Рязанской области проводятся краеведческие чтения, посвященные памяти церковного и общественного деятеля В.И. Гаретовского (1828–1883), по итогам которых издаются сборники научных работ «Материалы краеведческих чтений памяти В.И. Гаретовского». В 2002 г. была издана, а в 2007 г. – переиздана «Рязская энциклопедия» [37, 38]. Рязским чиновникам дореволюционного периода истории посвящены отдельные статьи вышеуказанной энциклопедии и Гаретовских чтений.

Ряд работ рязанских историков и краеведов посвящен персоналиям чиновников. В изучаемый период времени внимание исследователей по-прежнему привлекала личность М.Е. Салтыкова-Щедрина. Появилось несколько работ о Родзевичах (Н.И. Родзевиче, И.М. Родзевиче). Личности А.В. Селиванова, А.Д. Павлишина, И.И. Проходцова – чиновников и деятелей Рязанской ученой архивной комиссии – рассматривались в работах В.А. Толстова, П.А. Трибунского, Л.В. Чекурина и ряда других авторов. Среди публикаций 2010–2015 гг., посвященных персоналиям рязанских чиновников, отметим статьи П.В. Акульшина [39], И.С. Князевой [40], И.Ю. Синельникова [41] и биографический очерк о Н.Н. Кисель-Загорянском [42].

Из научных работ, изданных в последние годы, выделим исследование А.О. Никитина о рязанском губернаторе С.Д. Ржевском, которое характеризуется обширной историографической и источниковой базой [43].

С 2000 г. и по настоящее время в Рязани проводятся Яхонтовские чтения (в честь С.Д. Яхонтова (1853–1940), историка, археографа, музеоведа, педагога, одного из организаторов Рязанской ученой архивной комиссии). Материалы по итогам работы конференций публикуются в виде сборников статей. Тема рязанского чиновничества нашла отражение в ряде научных статей Яхонтовских чтений [44–48].

По рассматриваемой в данной статье проблеме были подготовлены и защищены диссертационные работы [49, 50].

Тема чиновничества Рязанской губернии нашла отражение в местных энциклопедических изданиях. В период с 1999 по 2002 г. было издано несколько томов «Рязанской энциклопедии», в 2006 и 2014 гг. – два тома дополнительных материалов к энциклопедии [51–55]. Данное издание содержит биографические справки о рязанских губернаторах, вице-губернаторах, губернских и уездных предводителях дворянства и некоторых других чиновниках. В статьях «Вице-губернаторы рязанские» и «Губернаторы рязанские» представлен список чиновников с указанием периода службы. Сведения об отдельных чиновниках Рязанского уезда Рязанской губернии приводятся, как уже отмечалось, в «Рязской энциклопедии». Ряд статей «Рязанской банковской энциклопедии» [56] посвящен чиновникам банковской сферы. Это, прежде всего, статьи об управляющих Рязанским отделением

Государственного банка (М.С. Александров, М.Н. Дубовской, Н.А. Изосимов, Ю.А. Малевский-Малевич, Г.Р. Шмидт), банкире Л.С. Полякове, управляющем Рязанским отделением Крестьянского поземельного и Дворянского земельного банков А.Д. Повалишине, а также о Н.Н. Кисель-Загорянском, последнем рязанском губернаторе дореволюционного периода и председателе Губернского комитета по делам мелкого кредита.

Подводя итог исследованию темы дореволюционного рязанского чиновничества в современной историографии, следует отметить, что интерес исследователей к данной проблеме возник в начале 2000-х гг. К настоящему моменту появилось немало работ, затрагивающих отдельные аспекты темы. Однако специального (обобщающего) исследования, посвященного чиновничеству Рязанской губернии рассматриваемого периода, на данный момент проведено не было.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акульшин П.В. Чиновничество Рязанской губернии в начале XIX в. // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению* : сб. науч. работ / отв. ред., сост. и авт. предисловия Б.В. Горбунов. Рязань, 2002. Т. 3. С. 72–87.
2. Акульшин П.В. Генерал-губернатор А.Д. Балашов и его реформаторские планы // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению* : сб. науч. работ / отв. ред., сост. Б.В. Горбунов. Рязань, 2003. Т. 4. С. 54–64.
3. Акульшин П.В. Генерал-губернатор А.Д. Балашов // *Отечественная история*. 2004. № 2. С. 170–180.
4. Акульшин П.В. «Дней Александровых прекрасное начало...» и провинциальное чиновничество // *Новая и новейшая история России в оценках современников* : сб. науч. тр. / отв. ред. Ю.А. Реент. Рязань, 2004. С. 7–14.
5. Акульшин П.В. Реформаторские планы и провинциальная реальность : губернаторские отчеты первых лет правления Александра I (на материале Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний) // *Вестник Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина*. 2005. № 1 (11). С. 66–73.
6. Акульшин П.В. Рязанские губернаторы (1778–1917) : происхождение, карьера, образование // *Научное наследие академика Л.В. Черепнина и российская история в Средние века и Новое время во всемирном историческом процессе* : матер. Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. акад. Л.В. Черепнина, 9-летию осн. и 75-летию со дня воссозд. Ряз. гос. пед. ун-та им. С.А. Есенина, 17–19 ноября 2005 г. / отв. ред. П.В. Акульшин, И.Н. Гребёнкин. Рязань, 2006. С. 135–139.
7. Акульшин П.В. Рязанские губернаторы : эпохи и люди // *Власть и общество в России : традиции и современность (к 100-летию учреждения парламентаризма в России)* : материалы Второй межрегион. науч. конф. / под общ. ред. О.А. Тарасова. Рязань, 2006. С. 167–171.
8. Акульшин П.В. Дворянство Рязанской губернии в пореформенную эпоху // *С.Н. Худеков в общественно-политической, культурной и хозяйственной жизни России* : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 13–14 сентября 2007 г. / отв. ред. П.В. Акульшин. Рязань, 2008. С. 113–121.
9. Горбунов Б.В., Димперан Л.В. Рязанские губернские и уездные предводители дворянства : справ. пособие для учителей истории / отв. ред. Б.В. Горбунов. Рязань, 2001.
10. Поскачей Т.А. Земские суды в Рязанской губернии в 1800–1820 годах // *Рязанский историк*. 2004. № 2. С. 85–93.
11. Поскачей Т.А. Рязанское чиновничество в 20-е гг. XIX в. : губернский прокурор и стряпчие // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению* : сб. науч. работ / отв. ред., сост. Б.В. Горбунов. Рязань, 2004. Т. 5. С. 61–65.
12. Поскачей Т.А. Губернская реформа 1775 года и формирование рязанского чиновничества // *Аспирантский вестник Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина*. 2005. № 5. С. 41–47.
13. Поскачей Т.А. Социальная характеристика рязанского чиновничества в первой четверти XIX века // *Аспирантский вестник Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина*. 2005. № 6. С. 82–85.
14. Поскачей Т.А. Сословное происхождение как определяющий фактор социальной характеристики рязанского чиновничества в конце XVIII века // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению* : сб. науч. работ / отв. ред., сост. Б.В. Горбунов. Рязань, 2006. Т. 11. С. 20–25.
15. Поскачей Т.А. Некоторые аспекты проблемы взяточничества в среде чиновников Николаевской эпохи // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению* : сб. науч. работ / отв. ред., сост. Б.В. Горбунов. Рязань, 2006. Т. 11. С. 25–29.
16. Поскачей Т.А. Формирование провинциального чиновничества в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. (на примере Рязанской губернии) // *Власть и общество в России : традиции и современность (к 100-летию учреждения парламентаризма в России)* : материалы Второй межрегион. науч. конф. / под общ. ред. О.А. Тарасова. Рязань, 2006. С. 259–265.
17. Поскачей Т.А. Социальная характеристика рязанского чиновничества в 1775–1825 годах : сравнительный анализ // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению* : сб. науч. работ / отв. ред., сост. Б.В. Горбунов. Рязань, 2007. Т. 14. С. 77–81.
18. Чикваркина Г.Н. Отделение Государственного банка в финансовой жизни Рязанской губернии // *Банковское дело на Рязанской земле : история и современность*. Рязань, 2004. С. 6–20.
19. Кусова И.Г. Рязанские купцы и предприниматели на службе Государственного банка // *Банковское дело на Рязанской земле : история и современность*. Рязань, 2004. С. 20–26.
20. Чекурин Л.В. Крестьянский и Дворянский банки в Рязани и деятельность А.Д. Повалишина // *Банковское дело на Рязанской земле : история и современность*. Рязань, 2004. С. 27–35.
21. Старостина Е.В., Чикваркина Г.Н. Банк Сергея Живаго // *Банковское дело на Рязанской земле : история и современность*. Рязань, 2004. С. 36–44.
22. Чикваркина Г.Н. Как Рязанский торговый банк стал Соединенным банком // *Банковское дело на Рязанской земле : история и современность*. Рязань, 2004. С. 45–49.
23. Беляков А.В. О Скопинском городском банке и его директоре И.Г. Рыкове // *Банковское дело на Рязанской земле : история и современность*. Рязань, 2004. С. 50–59.
24. Попова А.Д. «Правда и милость да царствуют в судах» (из истории реализации судебной реформы 1864 г.). Рязань, 2005.
25. Нагорнов В.П. Служилые немцы Рязанской губернии (материалы для биографии) // *Времен связующая нить. Рязанские и коломенские немцы в истории России* : сб. ист.-краевед. материалов / сост. А.В. Шенк, Н.И. Демпке. Коломна, 2007. С. 93–146.
26. История рязанской власти : руководители Рязанского края, 1778–2008 / автор. кол. : П.В. Акульшин, Л.В. Димперан, А.Н. Мельник [и др.] ; под ред. П.В. Акульшина. Рязань, 2008.
27. Минаков А.С. Рец. : История рязанской власти : руководители Рязанского края, 1778–2008 / под ред. П.В. Акульшина. Рязань : Рязанская областная типография, 2008. 520 с., ил. // *Российская история*. 2011. № 5. С. 191–192.
28. Любичанковский С.В. Новые исследования о губернаторской власти Российской империи // *Вопросы истории*. 2011. № 10. С. 167–171.
29. Кусова И.Г. Городские общественные банки Рязанской губернии : проблемы становления, кадровый состав, роль в общественной жизни // *Банковская система России : вчера, сегодня, завтра* : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию Банка России, 27 мая 2010 г. / под ред. канд. экон. наук А.В. Киреева. Рязань, 2010. С. 91–106.

30. Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть : проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX в.). Орел, 2011.
31. Гросул В.Я. «Лихоимство есть цель всех служащих...»: о злоупотреблениях местных властей Рязанской губернии накануне крестьянской реформы 1861 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. 2011. № 1. С. 18–26.
32. Видова Т.А. Чиновничество Зарайского и Егорьевского уездов Рязанской губернии в последней четверти XVIII – первой четверти XIX века // Материалы и исследования по рязанскому краеведению : сб. науч. работ / отв. ред., сост. Б.В. Горбунова. Рязань, 2008. Т. 17. С. 69–71.
33. Видова Т.А. Чиновничество Рязского уезда Рязанской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX века // Материалы Третьих краеведческих чтений памяти В.И. Гаретовского (28 февраля – 1 марта 2007 г.) / под ред. Б.В. Горбунова. Рязань, 2008. С. 47–54.
34. Поскачей Т.А. Уездные суды Рязанской губернии в начале XIX века // Новая и новейшая история России в оценках современников : сб. науч. тр. / отв. ред. Ю.А. Реент. Рязань, 2004. С. 82–88.
35. Филиппов Д.Ю. Институт городских голов и предпринимательская элита уездного города // Рязанская область и Центральный регион в контексте российской истории : материалы межрегион. науч.-практ. конф., Рязань, 19–20 марта 2003 г. Рязань, 2003. С. 202–212.
36. Никитин А.О. Вокруг В.М. Головнина. Исторические реалии Гулянской округи 1770–80-х гг. // За правых – провиденье : материалы науч.-практ. конф., посв. 230-летию великого рус. моряка и путешественника В.М. Головнина, Рязань, 6 сентября 2006 г. Рязань, 2006. С. 13–126.
37. Рязская энциклопедия / гл. ред. Б.В. Горбунова. Рязань, 2002.
38. Рязская энциклопедия / под ред. Б.В. Горбунова. 2-е изд., испр., перераб. и доп. Рязань, 2007.
39. Акульшин П.В. Н.С. Абаза – доктор медицины и рязанский губернатор // Материалы ежегодной научной конференции университета / под общ. ред. проф. М.М. Лапкина. Рязань, 2010. С. 355–357.
40. Князева И.С. А.В. Еропкин и его деятельность в Государственной думе Российской империи // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2010. Вып. 5 (85). С. 97–103.
41. Синельников И.Ю. Рязанский губернатор А.Н. Оболенский : штрихи к портрету чиновника МВД // Вестник Рязанского филиала Московского университета МВД РФ. 2011. № 5. С. 143–148.
42. Николай Николаевич Кисель-Загорянский. Биографический очерк // Кисель-Загорянский Н.Н. Всеподданнейший отчет о состоянии Рязанской губернии за 1914 год / изд. подг. А.И. Раздорский, Д.Н. Шилов. СПб., 2014. С. 39–47.
43. Никитин А.О. Две жизни С.Д. Ржевского // Рязанская старина. 2006–2008 / сост. А.О. Никитин, П.А. Трибунский. Рязань, 2013. Вып. 4–6. С. 144–268.
44. Попова А.Д. Проблема изучения региональных особенностей процесса реализации судебной реформы 1864 года // Первые Яхонтовские чтения : материалы науч.-практ. конф., Рязань, 21–22 декабря 2000 г. Рязань, 2001. С. 94–97.
45. Попова А.Д. Историк и служитель Фемиды (об исторических исканиях судебного деятеля второй половины XIX в. Н.П. Тимофеева) // Четвёртые Яхонтовские чтения : материалы межрегион. науч.-практ. конф., Рязань, 24–27 октября 2006 г. Рязань, 2008. С. 448–452.
46. Минаков А.С. Отчёты рязанских губернаторов в архивном фонде России : состав и использование // Пятые Яхонтовские чтения : материалы межрегион. науч.-практ. конф., Рязань, 14–17 октября 2008 г. Рязань, 2010. С. 346–349.
47. Попова А.Д. Записки судебных деятелей XIX в. как исторический источник // Пятые Яхонтовские чтения : материалы межрегион. науч.-практ. конф., Рязань, 14–17 октября 2008 г. Рязань, 2010. С. 354–358.
48. Синельников И.Ю. Социокультурная характеристика рязанских вице-губернаторов (1861–1917 гг.) // Шестые Яхонтовские чтения : материалы межрегион. науч.-практ. конф., Рязань, 12–15 октября 2010 г. Рязань, 2012. С. 227–233.
49. Поскачей Т.А. Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. (на материалах Рязанской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тула, 2006.
50. Синельников И.Ю. Учреждения и чиновники Министерства внутренних дел в российской провинции 1861–1917 гг. (на материалах Рязанской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2012.
51. Рязанская энциклопедия / гл. ред. В.Н. Федоткин. Рязань, 1999. Т. 1.
52. Рязанская энциклопедия / гл. ред. В.Н. Федоткин. Рязань, 2000. Т. 2.
53. Рязанская энциклопедия / гл. ред. В.Н. Федоткин. Рязань, 2002. Т. 3.
54. Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 7 : Сборник справочных сведений по краеведению для учителей (Дополнительные материалы к «Рязанской энциклопедии») / под ред., сост. и предисл. Б.В. Горбунова. Рязань, 2006.
55. Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 36 : Рязанская энциклопедия. Том дополнительных материалов / под ред., сост., введ. и предисл. Б.В. Горбунова. Рязань, 2014.
56. Рязанская банковская энциклопедия : к 150-летию Банка России. Рязань, 2010.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 ноября 2015 г.

RYAZAN OFFICIALDOM OF THE SECOND HALF OF THE 19TH – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 57–63. DOI: 10.17223/15617793/405/7

Vlasova Natalia V. Ryazan State University named after S. Yesenin (Ryazan, Russian Federation). E-mail: vlasova.natalie@yandex.ru

Keywords: officialdom; Ryazan Province; Modern Russian Historiography.

The article focuses on the development of modern Russian historiography devoted to the problems of provincial officialdom (on the materials of the Ryazan Province). The author notes that in Soviet historiography officialdom of the Russian Empire was not the subject of the study. Since the late 20th – early 21st centuries, the interest of researchers to the examined theme has increased. It concerns pre-revolutionary officialdom of the Ryazan Province too. During the last fifteen years a number of publications devoted to Ryazan officials of the 18th – early 20th centuries have appeared. Among them are the works of P.V. Akulshin and T.A. Poskachev (Vidova). In 2008, the book *A History of Ryazan authorities: the Heads of the Ryazan region, 1778–2008* was published. Biographies of Ryazan governor-generals and governors are presented in it. The authors succeeded in creating a generalized socio-cultural portrait of the officials including their ranks, titles, religion, social background, property, the educational level and the peculiarities of the career. The author of the article notes that different aspects of the theme are reflected in the research of such scholars as V.Ya. Grosul, I.G. Kusova, A.S. Minakov, A.D. Popova, D.Yu. Filippov, etc. The author mentions dissertations in which the problems of Ryazan officialdom are discussed. One of them is *The Provincial Officialdom of Russia in the Last Quarter of the 18th – the First Half of the 19th Centuries (Based on the Materials of the Ryazan Province)* by T.A. Poskachev. The second one is *The Institutions and Officials of the Ministry of Internal Affairs in the Russian Province of 1861–1917 (Based on the Materials of the Ryazan Province)* by I.Yu. Sinelnikov. Attention is drawn to the district officialdom of

the Ryazan Province. It is mentioned that it is not enough studied. The number of works concerning questions connected with the district officials is very small. Among them are the works of P.V. Akulshin, T.A. Poskachey, D.Yu. Filippov, A.O. Nikitin and others. The author points out investigations devoted to personalities of some officials. Particularly, the personality of M.E. Saltykov-Shchedrin and his activity at an administrative post drew attention of scholars. The personalities of A.V. Selivanov, A.D. Povalishin, I.I. Prohodtsov – officials and famous figures of the Ryazan provincial scientific archival commission – were in the focus of attention of historians V.A. Tolstov, P.A. Tribunsky, L.V. Chekurin and others. It is shown that the theme has been reflected in encyclopedia articles. During the period of 1999–2002, several volumes of the Ryazan encyclopedia were published, in 2006 and 2014 – two volumes of supplementary materials to the encyclopedia. This publication includes biographies of Ryazan governors, vice-governors, provincial and district marshals of the nobility and some other officials. Some articles of the Ryazhsk encyclopedia are devoted to officials of the Ryazhsk District of the Ryazan Province, of the Ryazan bank encyclopedia to officials of the bank sphere. A conclusion is drawn that the modern stage of historiography is characterized by works which consider different aspects of the problem but, at the same time, there is no complex research of Ryazan officialdom.

REFERENCES

1. Akul'shin, P.V. (2002) Chinovnichestvo Ryazanskoj gubernii v nachale XIX v. [Officialdom of the Ryazan province in the beginning of the 19th century]. In: Gorbunov, B.V. (ed.) *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu* [Materials and Research on Ryazan regional studies]. Vol. 3. Ryazan: Ryazan Regional Institute for Educational Development.
2. Akul'shin, P.V. (2003) General-gubernator A.D. Balashov i ego reformatorskie plany [Governor General A.D. Balashov and his reform plans]. In: Gorbunov, B.V. (ed.) *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu* [Materials and Research on Ryazan regional studies]. Vol. 4.
3. Akul'shin, P.V. (2004) General-gubernator A.D. Balashov [Governor General A.D. Balashov]. *Otechestvennaya istoriya*. 2. pp. 170–180.
4. Akul'shin, P.V. (2004) "Dney Aleksandrovykh prekrasnoe nachalo..." i provintsial'noe chinovnichestvo ["The great start of Alexander's days..." and the provincial officialdom]. In: Reent, Yu.A. (ed.) *Novaya i noveyshaya istoriya Rossii v otsenakh sovremennikov* [Modern and Contemporary History of Russia in the assessment of the contemporaries]. Ryazan: Ryazan State Pedagogical University.
5. Akul'shin, P.V. (2005) Reformatorskie plany i provintsial'naya real'nost': gubernatorskie otchety pervykh let pravleniya Aleksandra I (na materiale Penzenskoj, Ryazanskoj, Tambovskoj i Tul'skoj gubernij) [Reformist plans and provincial reality: the governor reports of the first years of the reign of Alexander I (in Penza, Ryazan, Tambov and Tula provinces)]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. S.A. Esenina*. 1 (11). pp. 66–73.
6. Akul'shin, P.V. (2006) [Ryazan governors (1778–1917): background, career, education]. *Nauchnoe nasledie akademika L.V. Cherepnina i Rossijskaya istoriya v Srednie veka i Novoe vremya vo vseмирnom istoricheskom protsesse* [Scientific heritage of academician L.V. Cherepnin and Russian history in the Middle Ages and modern times in world history]. Proceedings of all-Russian scientific conference. 17–19 November 2005. Ryazan: Ryazan State Pedagogical University. pp. 135–139. (In Russian).
7. Akul'shin, P.V. (2006) [Ryazan governors: eras and people]. *Vlast' i obshchestvo v Rossii: traditsii i sovremennost' (k 100-letiyu uchrezhdeniya parlamentarizma v Rossii)* [Power and Society in Russia: traditions and modernity (the 100th anniversary of the establishment of parliamentarism in Russia)]. Proceedings of the second interregional scientific conference. Ryazan. pp. 167–171. (In Russian).
8. Akul'shin, P.V. (2008) [The nobility of the Ryazan province in the post-reform era]. *S.N. Khudekov v obshchestvenno-politicheskoj, kul'turnoj i khozyajstvennoj zhizni Rossii* [S.N. Khudekov in the socio-political, cultural and economic life of Russia]. Proceedings of all-Russian scientific conference. 13–14 September 2007. Ryazan. pp. 113–121. (In Russian).
9. Gorbunov, B.V. & Dimperan, L.V. (2001) *Ryazanskije gubernskie i uezdnye predvoditeli dvoryanstva: spravocnoe posobie dlya uchitelej istorii* [Ryazan provincial and district leaders of the nobility: a handbook for history teachers]. Ryazan: Ryazan Regional Institute for Educational Development.
10. Poskachey, T.A. (2004) Zemskie sudy v Ryazanskoj gubernii v 1800–1820 godakh [Zemsky Courts in the Ryazan province in the 1800s–1820s]. *Ryazanskiy istorik*. 2. pp. 85–93.
11. Poskachey, T.A. (2004) Ryazanskoe chinovnichestvo v 20-e gg. XIX v.: gubernskiy prokuror i stryapchie [Ryazan officialdom in the 1820s: Provincial prosecutor and solicitors]. In: Gorbunov, B.V. (ed.) *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu* [Materials and Research on Ryazan regional studies]. Vol. 5. Ryazan: Poverennyj.
12. Poskachey, T.A. (2005) Gubernskaya reforma 1775 goda i formirovanie ryazanskogo chinovnichestva [Provincial reform in 1775 and the formation of the Ryazan officialdom]. *Aspirantskiy vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. S.A. Esenina*. 5. pp. 41–47.
13. Poskachey, T.A. (2005) Sotsial'naya kharakteristika ryazanskogo chinovnichestva v pervoy chetverti XIX veka [Social characteristics of Ryazan officials in the first quarter of the 19th century]. *Aspirantskiy vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. S.A. Esenina*. 6. pp. 82–85.
14. Poskachey, T.A. (2006) Soslovnoe proiskhozhdenie kak opredelyayushchij faktor sotsial'noj kharakteristiki ryazanskogo chinovnichestva v kontse XVIII veka [The estate origin as a factor determining the social characteristics of Ryazan officials at the end of the 18th century]. In: Gorbunov, B.V. (ed.) *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu* [Materials and Research on Ryazan regional studies]. Vol. 11. Ryazan: Ryazan Regional Institute for Educational Development.
15. Poskachey, T.A. (2006) Nekotorye aspekty problemy vzyatochnichestva v srede chinovnikov Nikolaevskoj epokhi [Some aspects of the problem of bribery among officials of Nikolay's era]. In: Gorbunov, B.V. (ed.) *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu* [Materials and Research on Ryazan regional studies]. Vol. 11. Ryazan: Ryazan Regional Institute for Educational Development.
16. Poskachey, T.A. (2006) [Formation of provincial officials in the last quarter of the 18th – first half of the 19th centuries (an example of the Ryazan province)]. *Vlast' i obshchestvo v Rossii: traditsii i sovremennost' (k 100-letiyu uchrezhdeniya parlamentarizma v Rossii)* [Power and Society in Russia: traditions and modernity (the 100th anniversary of the establishment of parliamentarism in Russia)]. Proceedings of the second interregional scientific conference. Ryazan. pp. 167–171. (In Russian).
17. Poskachey, T.A. (2007) Sotsial'naya kharakteristika ryazanskogo chinovnichestva v 1775–1825 godakh: sravnitel'nyy analiz [Social characteristics of Ryazan officials in 1775–1825: a comparative analysis]. In: Gorbunov, B.V. (ed.) *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu* [Materials and Research on Ryazan regional studies]. Vol. 14. Ryazan: Uzoroch'e.
18. Chikvarkina, G.N. (2004) Otdelenie Gosudarstvennogo banka v finansovoy zhizni Ryazanskoj gubernii [Branch of the State Bank in the financial life of the Ryazan province]. In: Odintsova, M.V. (ed.) *Bankovskoe delo na Ryazanskoj zemle: istoriya i sovremennost'* [Banking in Ryazan land: History and Modernity]. Ryazan: Bankirskiy dom.
19. Kusova, I.G. (2004) Ryazanskije kupty i predprinimateli na sluzhbe Gosudarstvennogo banka [Ryazan merchants and entrepreneurs at service of the State Bank]. In: Odintsova, M.V. (ed.) *Bankovskoe delo na Ryazanskoj zemle: istoriya i sovremennost'* [Banking in Ryazan land: History and Modernity]. Ryazan: Bankirskiy dom.
20. Chekurin, L.V. (2004) Krest'yanskiy i Dvoryanskiy banki v Ryazani i deyatelnost' A.D. Povalishina [Peasants' and Nobles' banks in Ryazan and the activities of A.D. Povalishin]. In: Odintsova, M.V. (ed.) *Bankovskoe delo na Ryazanskoj zemle: istoriya i sovremennost'* [Banking in Ryazan land: History and Modernity]. Ryazan: Bankirskiy dom.

21. Starostina, E.V. & Chikvarkina, G.N. (2004) Bank Sergiya Zhivago [Bank of Sergiy Zhivago]. In: Odintsova, M.V. (ed.) *Bankovskoe delo na Ryazanskoj zemle: istoriya i sovremennost'* [Banking in Ryazan land: History and Modernity]. Ryazan: Bankirskiy dom.
22. Chikvarkina, G.N. (2004) Kak Ryazanskiy torgovyy bank stal Soedinennym bankom [How the Ryazan Commercial Bank became the United Bank]. In: Odintsova, M.V. (ed.) *Bankovskoe delo na Ryazanskoj zemle: istoriya i sovremennost'* [Banking in Ryazan land: History and Modernity]. Ryazan: Bankirskiy dom.
23. Belyakov, A.V. (2004) O Skopinskom gorodskom banke i ego direktore I.G. Rykove [On the Skopinsk City Bank and its director I.G. Rykov]. In: Odintsova, M.V. (ed.) *Bankovskoe delo na Ryazanskoj zemle: istoriya i sovremennost'* [Banking in Ryazan land: History and Modernity]. Ryazan: Bankirskiy dom.
24. Popova, A.D. (2005) "Pravda i milost' da tsarstvuyut v sudakh": (iz istorii realizatsii sudebnoy reformy 1864 g.) ["Truth and love will reign in the courts" (from the history of the implementation of the judicial reform of 1864)]. Ryazan: Poverennyy.
25. Nagornov, V.P. (2007) Sluzhilye nemtsy Ryazanskoj gubernii (materialy dlya biografii) [The serving Germans of the Ryazan province (materials for a biography)]. In: Shenk, A.V. & Dempke, N.I. *Vremen svyazuyushchaya nit'. Ryazanskie i kolomenskie nemtsy v istorii Rossii* [The connecting thread of times. Ryazan and Kolomna Germans in Russian history]. Kolomna.
26. Akul'shin, P.V. (ed.) (2008) *Istoriya ryazanskoj vlasti: rukovoditeli Ryazanskogo kraja, 1778–2008* [The history of Ryazan authorities: the leaders of the Ryazan region, 1778–2008]. Ryazan: Ryazanskaya oblastnaya tipografiya.
27. Minakov, A.S. (2011) Review: Akul'shin, P.V. (ed.) (2008) *Istoriya ryazanskoj vlasti: rukovoditeli Ryazanskogo kraja, 1778–2008* [The history of Ryazan authorities: the leaders of the Ryazan region, 1778–2008]. Ryazan: Ryazanskaya oblastnaya tipografiya. *Rossiyskaya istoriya*. 5. pp. 191–192.
28. Lyubichankovskiy, S.V. (2011) Novye issledovaniya o gubernatorskoj vlasti Rossiyskoj imperii [New research on the governor's power of the Russian Empire]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 167–171.
29. Kusova, I.G. (2010) [Urban public banks of the Ryazan province: problems of formation, personnel structure, role in public life]. *Bankovskaya sistema Rossii: vchera, segodnya, zavtra* [The banking system of Russia: Yesterday, Today and Tomorrow]. Proceedings of the scientific and practical conference on the 150th anniversary of the Bank of Russia. 27 May 2010. Ryazan. pp. 91–106. (In Russian).
30. Minakov, A.S. (2011) *Gubernatorskiy korpus i tsentral'naya vlast': problema vzaimootnosheniy (po materialam guberniy Chernozemnogo tsentral'noy poloviny XIX – nachala XX v.)* [Governors and the central government: the problem of the relationship (based on Black Earth provinces in the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Orel: Orlik.
31. Grosul, V.Ya. (2011) "Likhoimstvo est' tsel' vseh sluzhashchikh...": o zloupotrebleniyakh mestnykh vlastey Ryazanskoj gubernii nakanune krest'yanskoy reformy 1861 g. ["Covetousness is the goal of all employees...": abuses by local authorities of the Ryazan province on the eve of the peasant reform of 1861]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. 1. pp. 18–26.
32. Vidova, T.A. (2008) Chinovnichestvo Zarayskogo i Egor'evskogo uездov Ryazanskoj gubernii v posledney chetverti XVIII – pervoy chetverti XIX veka [Officialdom of Zarayskiy and Yegoryevskiy counties of the Ryazan province in the last quarter of the 18th – first quarter of the 19th centuries]. In: Gorbunov, B.V. (ed.) *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu* [Materials and Research on Ryazan regional studies]. Vol. 17. Ryazan: Ryazan Regional Institute for Educational Development.
33. Vidova, T.A. (2008) Chinovnichestvo Ryazhskogo uезда Ryazanskoj gubernii v posledney chetverti XVIII – pervoy polovine XIX veka [Officialdom of the Ryazhsk county of the Ryazan province in the last quarter of the 18th – first half of the 19th centuries]. In: Gorbunov, B.V. (ed.) *Materialy Tret'ikh kraevedcheskikh chteniy pamyati V.I. Garetovskogo (28 fevralya – 1 marta 2007 g.)* [Proceedings of the Third regional studies readings in memory of V.I. Garetovskiy (28 February – 1 March 2007)]. Ryazan: RID.
34. Poskachey, T.A. (2004) Uездnye sudy Ryazanskoj gubernii v nachale XIX veka [The district courts of the Ryazan province in the beginning of the 19th century]. In: Reent, Yu.A. (ed.) *Novaya i noveyshaya istoriya Rossii v otsenках sovremennikov* [Modern and Contemporary History of Russia in the assessment of the contemporaries]. Ryazan: Ryazan State Pedagogical University.
35. Filippov, D.Yu. (2003) [The institute of mayors and business elite of a county town]. *Ryazanskaya oblast' i Tsentral'nyy region v kontekste rossiyskoj istorii* [Ryazan region and Central region in the context of Russian history]. Proceedings of the interregional scientific conference. Ryazan. 19–20 March 2003. Ryazan. pp. 202–212. (In Russian).
36. Nikitin, A.O. (2006) [Around V.M. Golovnin. Historical realities of the Gulynskaya district in the 1770–80-ies]. *Za pravyykh – providen'ye* [Providence for the right]. Proceedings of the scientific and practical conference on the 230th anniversary of the great Russian sailor and traveler V.M. Golovnin. Ryazan. 06 September 2006. Ryazan. pp. 13–126. (In Russian).
37. Gorbunov, B.V. (ed.) (2002) *Ryazhskaya entsiklopediya* [Encyclopedia of Ryazhsk]. Ryazan: Poverennyy.
38. Gorbunov, B.V. (ed.) (2007) *Ryazhskaya entsiklopediya* [Encyclopedia of Ryazhsk]. 2nd ed. Ryazan: Ryazanskaya oblastnaya tipografiya.
39. Akul'shin, P.V. (2010) [N.S. Abaza as Doctor of Medicine and Ryazan Governor]. *Materials of the annual scientific university conference*. Ryazan. pp. 355–357. (In Russian).
40. Knyazeva, I.S. (2010) A.V. Eropkin i ego deyatel'nost' v Gosudarstvennoy dume Rossiyskoj imperii [A.V. Eropkin and his activities in the State Duma of the Russian Empire]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 5 (85). pp. 97–103.
41. Sinel'nikov, I.Yu. (2011) Ryazanskiy gubernator A.N. Obolenskiy: shtrikhi k portretu chinovnika MVD [Ryazan Governor A.N. Obolenskiy: finishing touches to the portrait of the MIA official]. *Vestnik Ryazanskogo filiala Moskovskogo universiteta MVD RF*. 5. pp. 143–148.
42. Razdorskiy, A.I. & Shilov, D.N. (2014) Nikolay Nikolaevich Kisel'-Zagoryanskiy. Biograficheskiy ocherk [Nikolai Kisel'-Zagoryanskiy. A biographical essay]. In: Kisel'-Zagoryanskiy, N.N. *Vsepoddanneyshiy ochet o sostoyanii Ryazanskoj gubernii za 1914 god* [A humbly report on the status of the province of Ryazan for 1914]. St. Petersburg: National Library of Russia.
43. Nikitin, A.O. (2013) Dve zhizni S.D. Rzhhevskogo [The two lives of S.D. Rzhhevskiy]. In: Nikitin, A.O. & Tribunskiy, P.A. *Ryazanskaya starina. 2006–2008* [Old Ryazan. 2006–2008]. Is. 4–6. Ryazan: Chekh. pech. dvor.
44. Popova, A.D. (2001) [The problem of studying the implementation of the regional peculiarities of the process of the judicial reform of 1864]. *Pervye Yakhontovskie chteniya* [First Yakhontov Readings]. Proceedings of the scientific and practical conference. Ryazan. 21–22 December 2000. Ryazan. pp. 94–97. (In Russian).
45. Popova, A.D. (2008) [Historian and servant of Themis (on the historical search of a judicial activist of the second half of the 19th century N.P. Timofeyev)]. *Chetvertye Yakhontovskie chteniya* [Fourth Yakhontov Readings]. Proceedings of the interregional scientific and practical conference. Ryazan. 24–27 October 2006. Ryazan. pp. 448–452. (In Russian).
46. Minakov, A.S. (2010) [Reports of Ryazan governors in the Archival Fund of Russia: composition and use]. *Pyatye Yakhontovskie chteniya* [Fifth Yakhontov Readings]. Proceedings of the interregional scientific and practical conference. Ryazan. 14–17 October 2008. Ryazan. pp. 346–349. (In Russian).
47. Popova, A.D. (2008) [Notes of judicial activists of the 19th century as a historical source]. *Pyatye Yakhontovskie chteniya* [Fifth Yakhontov Readings]. Proceedings of the interregional scientific and practical conference. Ryazan. 14–17 October 2008. Ryazan. pp. 354–358. (In Russian).
48. Sinel'nikov, I.Yu. (2012) Sotsiokul'turnaya kharakteristika ryazanskikh vitse-gubernatorov (1861–1917 gg.) [The socio-cultural characteristics of Ryazan vice-governors (1861–1917)]. *Shestye Yakhontovskie chteniya* [Sixth Yakhontov Readings]. Proceedings of the interregional scientific and practical conference. Ryazan. 12–15 October 2010. Ryazan. pp. 227–233. (In Russian).
49. Poskachey, T.A. (2006) *Provintsial'noe chinovnichestvo Rossii v posledney chetverti XVIII – pervoy polovine XIX vv. (na materialakh Ryazanskoj gubernii)* [Russian provincial officialdom of the last quarter of the 18th – first half of the 19th centuries (on materials of the Ryazan province)]. Abstract of History Cand. Diss. Tula.

50. Sinel'nikov, I.Yu. (2012) *Uchrezhdeniya i chinovniki Ministerstva vnutrennikh del v rossiyskoy provintsii 1861–1917 gg. (na materialakh Ryazanskoy gubernii)* [Institutions and officials of the Ministry of Internal Affairs of a Russian province in 1861–1917 (on materials of the Ryazan province)]. Abstract of History Cand. Diss. Vladimir.
51. Fedotkin, V.N. (ed.) (1999) *Ryazanskaya entsiklopediya* [Encyclopedia of Ryazan]. Vol. 1. Ryazan: Pressa.
52. Fedotkin, V.N. (ed.) (2000) *Ryazanskaya entsiklopediya* [Encyclopedia of Ryazan]. Vol. 2. Ryazan: Pressa.
53. Fedotkin, V.N. (ed.) (2002) *Ryazanskaya entsiklopediya* [Encyclopedia of Ryazan]. Vol. 3. Ryazan: Pressa.
54. Gorbunov, B.V. (ed.) (2006) *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu* [Materials and Research on Ryazan regional studies]. Vol. 7. Ryazan: Start.
55. Gorbunov, B.V. (ed.) (2014) *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu* [Materials and Research on Ryazan regional studies]. Vol. 36. Ryazan: Pervopechatnik.
56. Odintsova, M.V. (ed.) (2010) *Ryazanskaya bankovskaya entsiklopediya: k 150-letiyu Banka Rossii* [Ryazan banking encyclopedia: the 150th anniversary of the Bank of Russia]. Ryazan: Ryazan' Mip.

Received: 26 November 2015

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУБЕРНАТОРОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Рассматривается деятельность региональной администрации в сфере народного просвещения в XIX – начале XX в. На основе архивных документов и опубликованных источников впервые вводятся в научный оборот сведения об административной и благотворительной деятельности губернаторов в системе общего образования. Определена роль губернаторов в процессе создания региональной учебной администрации.

Ключевые слова: Восточная Сибирь; губернаторы; власть; образование; благотворительность.

Историография данного вопроса представлена довольно широким кругом публикаций. В исторической науке институт губернаторства рассматривался с различных позиций. Одним из ведущих направлений можно выделить изучение института губернаторства в контексте механизма государства. Определение места и роли губернаторов, оценка их деятельности всегда были привлекательны для исследователей. Первые работы по этому направлению появились еще в дореволюционной России [1, 2]. Авторы рассматривали систему управления в контексте ее развития, не затрагивая отдельные сферы деятельности губернаторов.

В советский период направление исследований принципиально не изменилось. Государственный аппарат продолжали изучать, учитывая существовавшую идеологию [3, 4]. Заметим, что в работе П.А. Зайончковского представлен анализ деятельности как центральной, так и губернской администрации. В большинстве исследований советского периода утвердилось мнение о консервативной деятельности губернаторов в области народного просвещения. Губернаторам ставились в вину субъективный подход к развитию просвещения, проведение внутренней политики, направленной на пресечение вольнодумства. Мы считаем, что это мнение верно лишь отчасти, необходимо учитывать, что в развитии народного просвещения значительную роль играло население. Инициатива по открытию и содержанию новых школ исходила не только от губернаторов, но и от местных обществ.

В конце XX в. интерес к изучению региональной системы власти возрос. Появляется ряд работ, посвященных организации управления Сибирью [5–10]. Авторы реконструировали систему власти, определили проблемы развития института губернаторства в условиях Азиатской России.

В постсоветский период с изменением политической ситуации в стране тема получила новое направление. В процессе переосмысления дореволюционной истории новую оценку получила деятельность губернаторов в различных сферах управления. Результатом нового направления стало появление биографических, социологических, политологических исследований губернаторского корпуса [11–13].

Современные авторы стали чаще обращать внимание на отдельные направления деятельности представителей региональной власти. Объектом изучения становится деятельность губернаторов в области развития культуры, образования и т.п. [14, 15]. В работах

авторов определяется роль ряда российских губернаторов в развитии системы народного образования [16, 17]. В целом же существуют отдельные пробелы в изучении указанной темы, которые требуют более тщательного исследования.

Целью данной работы является изучение деятельности губернаторов Азиатской России в области народного просвещения.

Вовлечение губернаторов в сферу народного просвещения началось со второй половины XVIII в. В рамках проводимых Екатериной II реформ в империи начинается процесс формирования государственной системы общего образования. В стране открывается ряд учебных заведений, представленных главными и малыми народными училищами. Губернатор назначался их попечителем с обязанностью «стараться о распространении народных училищ от Главного, в губернском городе находящегося, не токмо к городам уездным, но и к другим селениям, колико способы ему позволять будут» [18]. Для управления создаваемой системой на местах под председательством губернаторов вводились приказы общественного призрения и должности директоров и смотрителей народных училищ.

В Азиатской России приказы общественного призрения появились довольно поздно, в Иркутске – в 1797 г., в Красноярске – в 1823 г. Поэтому забота в распространении народных училищ возлагалась на генерал-губернатора. В 1789 г. при активном содействии генерал-губернатора Ивана Алферьевича Пиля в Иркутске было открыто единственное в Восточной Сибири главное народное училище [19. С. 121]. Малые училища открылись в Красноярске, Енисейске, Иркутске, Верхнеудинске [20]. Позднее губернатор, возглавляя Приказ общественного призрения, осуществлял организацию учебного дела, отвечал за формирование педагогического коллектива, согласовывал открытие новых классов, распределял казенные стипендии. Приказ изыскивал средства на открытие и содержание учебных заведений, ежегодно заслушивал отчеты директора народных училищ. Для увеличения финансирования приказы получили право привлекать частные пожертвования открывать банковские вклады и выдавать ссуды под залог недвижимости и государственные процентные бумаги. Недостаток финансовой поддержки со стороны государства позволил приказам контролировать не только расход средств, но и учебную деятельность школ, в частности в кадровом вопросе. Как отмечал редактор журнала «Сибирский

архив» А. Линьков, «правительство сознавало этот недостаток вмешательства приказов в учебную часть школ, но оно принуждено было мириться со всем этим, так как приказ все же давал средства на учебное дело» [21. С. 508].

Однако, несмотря на деятельность приказов, в начале XIX в. количество учебных заведений в Восточной Сибири не превышало двух десятков. Основными причинами, влияющими на развитие просвещения, можно назвать незначительную государственную поддержку и отсутствие общественной инициативы, которая проявлялась лишь в крупных населенных пунктах. Говоря о деятельности губернаторов в деле народного просвещения, необходимо отметить, что независимо от указанных причин положения реформы Екатерины II в Восточной Сибири были реализованы.

С образованием в 1803 г. Министерства народного просвещения (МНП) открытие и закрытие учебных заведений, кадровые назначения, разработка и утверждение учебных программ, методических материалов, распределение средств перешли в его ведение. Преобразования Александра I освободили губернаторов от обязанности попечения учебных заведений. Формируемая система образования была основана на паритетном представительстве государства и общества. На базе шести университетов учреждались учебные округа во главе с попечителями. Открытие новых типов учебных заведений (приходских, уездных училищ, гимназий) зависело от готовности общества обучать своих детей и содержать учебные заведения.

Школы Азиатской России определялись в ведение попечителя Казанского учебного округа. Подобная практика организации управления была малоэффективна для Сибири. Огромная, слабозаселенная территория фактически оставалась безнадзорной. Учитывая сложившиеся обстоятельства, сибирский генерал-губернатор М.М. Сперанский ввел в 1821 г. должность визитатора. Первым и единственным визитатором сибирских учебных заведений стал директор Иркутской гимназии статский советник П.А. Словцов [22]. Введение новой должности, с определенной компетенцией, можно оценить как первую попытку формирования региональной модели управления просвещением.

До 1825 г. в Восточной Сибири были открыты Иркутская мужская гимназия (1805 г.), уездные училища в Иркутске (1805 г.), Верхнеудинске (1806 г.), Якутске (1808 г.), Троицкосавске (1812 г.), Нижнеудинске (1817 г.), Енисейске (1818 г.), Красноярске (1819 г.), Киренске (1827 г.), Нерчинске (1828 г.) [23]. Заметим, что общественная инициатива проявлялась преимущественно в крупных торговых городах.

Декабрьские события 1825 г. привели к реформированию системы образования. По новому Уставу 1828 г. сибирская дирекция училищ вверялась в подчинение гражданских губернаторов, получивших право попечителей. Должность визитатора упразднялась. Полномочия попечителя в лице гражданского губернатора по Уставу 1828 г. определялись кадровыми вопросами (назначение, перевод, увольнение, взыскание, поощрение); утверждением незначительных финансовых расходов (до 300 руб.); утверждением кон-

трактов на выполнение работ, поставок; распределением казенных стипендий. Вопросы, касающиеся открытия, закрытия учебных заведений, учебных программ, количества учащихся и т.п., продолжали согласовываться с МНП [24. С. 16]. В итоге на окраинах России система управления учебными заведениями вернулась в прежнее положение. Гражданские губернаторы, имея широкий круг полномочий, не всегда уделяли должное внимание вопросам развития просвещения. В МНП поступали не всегда точные и полные сведения о состоянии учебного дела в губерниях и областях. Это приводило к искажению общей картины, характеризующей состояние народного образования. Историк С.В. Рождественский отмечал, что «самые существенные вопросы народного образования получают в разных местностях края, при одинаковых местных условиях, разрешение далеко не однообразное» [25. С. 492].

Подтверждением мнения Рождественского могут служить данные по отдельным регионам. Накануне реформ Александра II в Иркутской губернии было учреждено 34 приходских училища, в Енисейской – 27, в Забайкальской области – 8, в Якутской – 2 [26. Л. 24; 27. Л. 46; 28. Л. 54–61]. Открылось уездное училище в Ачинске. Таким образом, деятельность губернаторов завесила не только от должностных полномочий и государственной политики, но и от органов самоуправления, общественной инициативы и уровня экономического развития региона.

В 1864 г. в стране начинаются новые образовательные реформы, основанные на принципах всеобщности, доступности. Появление земств в Европейской России способствовало бурному росту количества учебных заведений. В Азиатской России кардинальных изменений не произошло. В 1865–1866 гг. по поручению МНП помощник попечителя Санкт-Петербургского учебного округа А.В. Латышев в течение года инспектировал учебные заведения Восточной Сибири [29. Л. 17–33]. По результатам поездки А.В. Латышев отметил полную зависимость учебных заведений от областных и губернских властей, что являлось, по его мнению, препятствием в развитии образования в крае.

Учитывая мнение Латышева, генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков ходатайствовал об учреждении должности главного инспектора народных училищ. Ходатайство поддержал министр народного просвещения, и 18 декабря 1867 г. в Восточной Сибири было введено управление учебными делами по образцу Западной Сибири. Полномочия попечителя училищ возвращались генерал-губернатору. Распорядительные функции получил главный инспектор народных училищ, которому подчинялись директора и инспекторы в областях и губерниях. Исключение составила Якутская область, где незначительное количество учебных заведений было оставлено в ведении гражданского губернатора до 1900 г.

Созданная система управления не замедлила дать положительные результаты. За период с 1867 г. по 1871 г. количество учебных заведений возросло с 64 до 183, в 1880 г. достигло 235, а в 1890 г. – 327 [21.

С. 508]. В среднем ежегодно открывалось более 85 учебных заведений различного типа.

С увеличением числа учебных заведений назрела потребность увеличения штатного расписания органов управления народным образованием. Об этом неоднократно ходатайствовали генерал-губернаторы Восточной Сибири: в 1878 г. – барон П.А. Фредерикс; в 1880 г. – генерал-лейтенант Д.Г. Анучин; в 1887 г. – граф А.П. Игнатъев.

Генерал-губернатор Д.Г. Анучин считал необходимым учреждение в Восточной Сибири учебного округа, о чем неоднократно писал министру народного просвещения Д.А.Толстому, на что министр неизменно отвечал отказом «в связи с небольшим числом учебных заведений» [30. Л. 17–33]. Радея об улучшении условий содержания учебной администрации, Д.Г. Анучин отмечал, что инспектор и его секретари «приютились в Главном Управлении, в проходной комнате, в несколько квадратных аршин пространства, где помещаются вместе с Главным Инспектором все писцы, а книги и дела за неимением места лежат грудями на окнах и полу» [31. Л. 4]. На более удобное помещение средств не хватало, казной выделялось на аренду лишь 350 руб. в год. Единственным положительным результатом стало увеличение жалования секретарю и его помощнику. Также генерал-губернатор обращал внимание на длительные служебные командировки главного инспектора, что «всегда влекло полный застой в делах» [Там же. Л. 2]. Попытка Д.Г. Анучина увеличить штат главного инспектора не увенчалась успехом.

В 1884 г. Восточную Сибирь разделили на Иркутское и Приамурское генерал-губернаторства. Забайкальская область была включена в состав Приамурского, но ее учебные заведения продолжали подчиняться главному инспектору училищ Восточной Сибири, сохраняя тем самым единство в управлении учебной частью. По предложению Приамурского генерал-губернатора барона А.Н. Корфа за главным инспектором училищ сохранялось право «заведовать учебными заведениями Забайкальской области, определять и увольнять служащих по учебному ведомству лиц» [32. Л. 17]. Но в силу служебных полномочий генерал-губернатор не мог не контролировать учебное дело в области. В частности, он продолжал курировать финансовую сторону, отменил решение главного инспектора о закрытии Троицкосавского Алексеевского реального училища в 1884 г.

Таким образом, учебная администрация Забайкалья находилась в двойном подчинении: с одной стороны главному инспектору училищ, с другой – Приамурскому генерал-губернатору на протяжении 20 лет.

В условиях освоения края, учитывая непосредственное соседство с Китаем, местная администрация считала развитие народного просвещения задачей государственной важности. После подавления боксерского восстания в Китае при возрастающем числе китайцев в регионе военный губернатор Приамурской области Н.И. Гродеков настаивал на необходимости развития образования: «...в особенности средних учебных заведений, ...так как от этого зависит в зна-

чительной степени более продолжительное пребывание в области лиц находящихся на государственной службе» [33. Л. 20]. Н.И. Гродеков ходатайствовал об открытии профессиональных учебных заведений, а именно горного, сельскохозяйственного училищ, трех ремесленных школ, учительской семинарии, женской гимназии для нужд Приамурья, Сахалина и Маньчжурии. Центральные власти в контексте борьбы с вольнодумством неохотно давали разрешение на открытие средних учебных заведений, однако настойчивость губернаторов привела к изменению ситуации. В Забайкальской области были открыты в Чите мужская и женская гимназии, учительская семинария, количество начальных школ в волостях и уездах увеличилось до 250. По ходатайству генерал-губернатора в 1,5 раза увеличено жалование преподавателям гимназий, учительской семинарии и инспекторам народных училищ.

В целом по Восточной Сибири к началу XX в. усилиями губернаторов и учебных властей было открыто 3 мужских гимназии, 2 реальных училища, 3 учительских семинарии, 13 женских гимназий и более тысячи начальных училищ разного типа.

Управление возросшим количеством учебных заведений было затруднено в связи с недостатком профессиональных кадров. Администрация продолжала неоднократные обращения к центральным властям с просьбой об увеличении штатов инспекции. Эту проблему поднимали Иркутские военные генерал-губернаторы: в 1903 г. – А.И. Пантелеев, в 1904 г. – граф П.И. Кутайсов, в 1906 г. – временный Иркутский генерал-губернатор К.М. Алексеев, в 1908 г. – А.Н. Селиванов, в 1911 г. – Л.М. Князев.

Во втором десятилетии XX в. просветительская деятельность губернаторов происходит в условиях изменения государственной политики. Планы по введению всеобщего начального образования получили государственную поддержку и увеличение финансирования в десятки раз. Штатное расписание региональных инспекций было пересмотрено и увеличено. Преодолев проблему недостаточного финансирования и кадрового дефицита, деятельность губернаторов в Азиатской России становится более эффективной. Вопрос об учреждении самостоятельного учебного округа и открытии университета приобрел реальные основания. В 1912 г. в Иркутске создана общественная комиссия по открытию вуза, которая обратилась с вопросами в правительство России. Для будущего университета было собрано около миллиона рублей. Первая мировая война отодвинула решение вопроса. Лишь в 1916 г. из Министерства просвещения поступило уведомление о скором открытии университета. В перспективе значилось учреждение Восточно-Сибирского учебного округа. К сожалению, революционные события 1917 г. внесли коррективы в дальнейшее развитие народного просвещения.

Наряду с административной деятельностью губернаторов в области народного просвещения особое место занимала благотворительность. Для государственных чиновников благотворительность являлась юридически закрепленной обязанностью. В силу служебных полномочий губернаторы были попечителями

различных учебных заведений края. Впервые попечительство нормативно закрепили в «Уставе народных училищ» 1786 г., где содержалась глава «О попечителе народных училищ губернии или наместничества». Последующие реформы образования сохраняли и закрепляли эти обязанности. В принятом в 1870 г. «Городовом положении» властям вменялось в обязанности оказывать содействие в развитии народного образования, в призрении бедных и прекращении нищеты. В связи с этим, наряду с добровольным участием в благотворительности заинтересованных промышленников и купцов, получила развитие «государственная» форма благотворительности. Власти создавали общества в «добровольно-принудительном» порядке, где по роду службы обязаны были быть почетными членами.

Благотворители вносили ежегодно до 20 руб. Взнос почетных членов был единовременный и в десятки раз превышал ежегодный, как правило, его помещали в банк под проценты. Отчеты о собранных пожертвованиях и их расходовании предоставлялись губернатору и публиковались в местных газетах.

К концу XIX в. в Азиатской России были организованы Общество для оказания пособий учащимся Восточной Сибири (1875 г.), Общество содействия учащимся в Санкт-Петербурге сибирякам (1881 г.), Общество содействия учащимся в Москве сибирякам (1884 г.). Создавались общества в губерниях и областях: Общество распространения народного образования и развлечений в Иркутской губернии, Общество взаимной помощи учащим и учившим в Иркутской губернии, Общество вспомоществования учащимся Енисейской губернии, Общество вспомоществования учащимся Забайкальской области, Общество попечения о начальном образовании в Нерчинске и т.д. В деятельности этих обществ наряду с чиновниками активно принимали участие местные купцы и мещане: А.М. Лушников, А.Д. Старцев, Е.И. Голдобин, А.Ф. Второв, В.П. Сукачев, Н.Д. Бутин, М.Д. Бутин, Н.П. Колобовников и др. [34. С. 19].

В конце XIX в. доля частного капитала в области образования возрастает. Возникает ряд начальных школ, содержащихся на частные средства. В Иркутске действовали начальные училища Н.В. Сукачевой, А.М. Кладищевой, Л.Н. Родионова, гимназия И.С. Хамина, в Чите – женская гимназия Цимбал-Миклашевской. При участии Общества попечения о народном образовании в Нерчинске открыты приходское училище, воскресная школа [35. С. 123–133].

При активном участии местного купечества открылась Якутская гимназия.

Помимо денег на организацию и содержание учебных заведений определенная часть капиталов расходовалась на содержание учащихся. В каждом учебном заведении учреждались именные стипендии губернаторов, купцов, инородческих степных дум, государственных учреждений. Чаще всего именные фонды создавались в гимназиях и реальных училищах. Так, в Иркутской гимназии были учреждены стипендии генерал-губернаторов П.А. Фредерикса, П.А. Сиверса; в Читинской – стипендии имени Л.И. Ильяшевича и его супруги, генерал-губернатора А.Н. Корфа, военного губернатора И.К. Педашенко. Кроме того, в Иркутской гимназии существовала стипендия А.В. Пономарева для продолжения образования иркутских гимназистов в вузе [36. Л. 8]. В Троицкосавском реальном училище выплачивались стипендии имени генерал-губернатора П.А. Фредерикса; в Якутском – имени генерал-губернаторов В.С. Синельникова, А.И. Пантелеева, П.С. Вановского [37. Л. 17; 38. Л. 27]. Военный губернатор Забайкальской области Л.И. Ильяшевич завещал благотворительный капитал в 10 тыс. рублей для поддержки обучения неимущих учащихся [11. С. 74]. Губернатор Якутской области И.И. Крафт добился учреждения 26 государственных и частных стипендий для учащихся якутских школ.

Стипендии были годовыми и единовременными. Размер годовой составлял от 100 до 300 руб., единовременной – 25–30 руб. Стипендии выплачивались учащимся, имеющим высокие оценки и примерное поведение. Кроме этого, каждый учащийся имел право дополнительно подать прошение на получение пособия, которое выдавалось по решению распорядительного комитета благотворительного общества.

Таким образом, мнение о консервативной деятельности губернаторов в развитии народного просвещения является недостоверным. В условиях существовавшей политической системы губернаторы не имели возможности активно содействовать народному просвещению. Тем более что в Азиатской России положение осложнялось географическими особенностями региона, его этническим составом и уровнем экономического развития. Несомненно, субъективизм в деятельности имел место, но выражался он не только в негативных формах. Благотворительная деятельность ряда губернаторов способствовала открытию новых школ, давала возможность получить образование одаренным ученикам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинов А.И. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб.: Типо-лит. К.Л. Пентковского, 1905. 368 с.
2. Евреинов В.А. Гражданское чиновничество в России. Исторический очерк. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1888. 116 с.
3. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.
4. Зайончковский А.П. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
5. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 165 с.
6. Маркова И.Б. Управление Сибирью в 20–60-е гг. XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985.
7. Ремнев А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М., 1997. С. 52–66.
8. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. 236 с.
9. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. 252 с.
10. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 428 с.
11. Константинова Т.А. Губернаторы Забайкалья. 1851–1917 гг. Чита, 2001. 164 с.

12. Дамешек Л.М. Институт генерал-губернаторства Азиатской России и его особенности. Иркутск : Оттиск, 2011. 128 с.
13. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Генерал-губернаторский корпус Азиатской России: социологический портрет // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5 (31). С. 4–11.
14. Коваленко В.А. Некоторые аспекты вклада Орловских губернаторов в культурное развитие губернии. URL: <http://ist-konkurs.ru> (дата обращения: 12.01.2016).
15. Неупокоев И.В. Роль чиновников МВД в развитии народного образования в Тобольской губернии в конце XVIII – начале XX в. // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 6. С. 141–146.
16. Константинова Т.А. Евгений Михайлович Жуковский, военный губернатор Забайкальской области. URL: <http://ust-menza.ru/> ru (дата обращения: 12.01.2016).
17. Сулимов В.С. Развитие светского женского образования в Тобольской губернии середины XIX века // Политика, государство и право. 2014. № 8. URL: <http://politika.snauka.ru/2014/08/1822> (дата обращения: 12.01.2016).
18. Антология педагогической мысли России XVIII в. / под. ред. Г.Н Волкова, С.Ф. Егорова, А.Н. Копылова. М. : Педагогика, 1985. 478 с.
19. Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). С предисловием, добавлениями и примечанием И.И. Серебrenникова. Иркутск, 1911.
20. История Сибири. URL: <http://www.protown.ru/information/hide/6507.html> (дата обращения: 05.01.16).
21. Линьков А. Рост учебного дела в Восточной Сибири. Иркутск : Сибирский Архив, 1912. С. 508.
22. Сеченова А.А. Управление учебными заведениями Западной Сибири до учреждения учебного округа (1803–1885 гг.) // Проблемы и перспективы развития психологии и педагогики : материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011. URL: <http://sibac.info> (дата обращения: 05.01.16).
23. Делеско Ю. Памятная книжка (вторая) Восточно-Сибирского учебного округа, составленная по сведениям к 1-му января 1881 г. Иркутск : Типография Восточно-Сибирского военного округа, 1881. 347 с.
24. Уставы ученых и учреждений и учебных заведений // Свод законов Российской империи. Т. XI, ч. 1. СПб., 1893. С. 16.
25. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902 гг. СПб., 1902. С. 492.
26. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 203. Д. 3046. Л. 24.
27. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 3191. Л. 46.
28. Государственный архив Иркутской области. Ф. 63. Оп. 1. Д. 354. Л. 54–61.
29. РГИА. Ф. 733. Оп. 120. Д. 276.
30. РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 218. Л. 17–33.
31. РГИА. Ф. 733. Оп. 194. Д. 84. Л. 2, 4.
32. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 3049. Л. 17.
33. РГИА. Ф. 1237. Оп. 1. Д. 35. Л. 20.
34. Нагайцева Н.Д. Благотворительность в Забайкалье в XIX в.: исторический аспект : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000.
35. Куломзин А.Н. Потребности начального образования в Сибири: всеподданнейший доклад статс-секретаря Куломзина по поездкам в Сибирь 1896–1897 гг. СПб. : Гос. типография, 1898. С. 123–133.
36. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 3077. Л. 8.
37. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 3073. Л. 12.
38. РГИА. Ф. 733. Оп. 204. Д. 274. Л. 27.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 февраля 2016 г.

EAST SIBERIAN GOVERNORS' ACTIVITIES IN PUBLIC EDUCATION DEVELOPMENT IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 64–69. DOI: 10.17223/15617793/405/8

Dameshek Lev M. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: levdameshek@gmail.com

Mamkina Inna N. Transbaikal State University (Chita, Russian Federation), Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: inna-mamkina@yandex.ru

Keywords: Eastern Siberia; governors; power; education; charity.

The historiography of this issue presents a wide range of publications. The authors of the Tsar Russia period considered the governorship institution in the context of the state mechanism, studying the state power system development. In most of the Soviet period research, there was an opinion about the governors' conservative activity, in particular in the national education development. Governors were blamed in the subjective approach to education development. In modern works, the system of the power is reconstructed, problems of governorship institution development in the conditions of Asiatic Russia are determined. In the process of the pre-revolutionary history reconsidering, the governors' activity in various spheres of administrative work has been estimated in a new way. The result of a new direction is the emergence of biographical, sociological and political studies of the governor corps. In general, there are still some gaps in the study of the governorship institution which require a more thorough research. The aim of this work is to study governors' activities in the field of public education in the Asian part of Russia. The involvement of governors in the sphere of national education started from the second half of the 18th century. In the context of reforms carried out by Catherine II, the process of the state general education system formation begins in the Russian Empire. The local system administration was the responsibility of the governors. The reforms of Alexander I exempted local authorities from the tutorship duty. The schools of Asian Russia were brought to the Kazan Educational District Trustee. Such governance practice was ineffective for Siberia. In 1828, Siberian schools were returned to civil governors' control. The reforms of 1864 did not affect the educational system in Asian Russia. Due to the governors' efforts, in 1867 in East Siberia, the post of the National School Chief Inspector with subordinate provincial and regional inspectorates was introduced. The established governance system was not slow to show positive results. During the period from 1867 to 1890 the number of schools increased by five times. In the second decade of the 20th century, plans for the introduction of universal primary education received state support and increased funding. Having overcome the problem of insufficient funding and staff shortage, the governors' activities in Asian Russia became more effective. Unfortunately, the revolutionary events of 1917 made adjustments to the further development of public education. Along with the governors' administrative activities in the field of public education, charity should be mentioned. For state officials charity was a legal obligation. Due to their official duties, the governors were the trustees of various regional education institutions. In the field of public education the "state" form of charity was developed. Governors not only led charitable societies, but also donated considerable sums of money to schools and needy students. Thus, the opinion about governors' conservative activities in the development of public education is false. In the existing political system governors had no opportunity to contribute to public education actively.

REFERENCES

1. Blinov, A.I. (1905) *Gubernatory. Istoriko-yuridicheskiy ocherk* [Governors. Historical and legal essay]. St. Petersburg: Tipo-lit. K.L. Pentkovskogo.
2. Evreinov, V.A. (1888) *Grazhdanskoe chinoproizvodstvo v Rossii. Istoricheskiy ocherk* [Civil promotion in rank in Russia. Historical Review]. St. Petersburg: Tip. A.S. Suvorina.
3. Eroshkin, N.P. (1968) *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolyutsionnoy Rossii* [The history of public institutions of pre-revolutionary Russia]. Moscow: Vysshaya shkola.
4. Zayonchkovskiy, A.P. (1978) *Pravitel'stvennyy apparat samodержavnoy Rossii v XIX v.* [Government apparatus of the autocratic Russia in the 19th century]. Moscow: Mysl'.
5. Dameshek, L.M. (1986) *Vnutrennyaya politika tsarizma i narody Sibiri (XIX – nachalo XX v.)* [Domestic policy of tsarism and the peoples of Siberia (19th – early 20th centuries)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
6. Markova, I.B. (1985) *Upravlenie Sibir'yu v 20–60-e gg. XIX v.* [Siberia Management in the 1820-60-ies]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
7. Remnev, A.V. (1997) General-gubernatorskaya vlast' v XIX stoletii. K probleme organizatsii regional'nogo upravleniya Rossiyskoy imperii [Governor-general's power in the 19th century. On the problem of the organization of the regional management of the Russian Empire]. In: Savel'ev, P.I. (ed.) *Imperskiy stroy Rossii v regional'nom izmerenii (XIX – nachalo XX v.)* [Russian Imperial system in the regional dimension (19th – early 20th centuries)]. Moscow: MONF.
8. Remnev, A.V. (1995) *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v pervoy polovine XIX veka* [Autocracy and Siberia. Administrative policies in the first half of the 19th century]. Omsk: Omsk State University.
9. Remnev, A.V. (1997) *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika vtoroy poloviny XIX – nachala XX vekov* [Autocracy and Siberia. Administrative policy of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk State University.
10. Matkhanova, N.P. (1998) *General-gubernatory Vostochnoy Sibiri sereдинy XIX v.* [Governor-Generals of Eastern Siberia in the middle of the 19th century]. Novosibirsk: SB RAS.
11. Konstantinova, T.A. (2001) *Gubernatory Zabaykal'ya. 1851–1917 gg.* [The governors of Trans-Baikal. 1851–1917]. Chita: Tip. ch.p. Bogdanova G.G.
12. Dameshek, L.M. (2011) *Institut general-gubernatorstva Aziatskoy Rossii i ego osobennosti* [Institute of governor-generals of Asian Russia and its features]. Irkutsk: Otkis.
13. Dameshek, L.M. & Dameshek, I.L. (2014) Siberian General-Governors: a social portrait. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5 (31). pp. 4–11. (In Russian).
14. Kovalenko, V.A. (n.d.) *Nekotorye aspekty vklada Orlovskikh gubernatorov v kul'turnoe razvitie gubernii* [Some aspects of the contribution of Orel governor in the cultural development of the province]. [Online]. Available from: <http://ist-konkurs.ru>. (Accessed: 12 January 2016).
15. Neupokoev, I.V. (2012) Rol' chinovnikov MVD v razvitii narodnogo obrazovaniya v Tobol'skoy gubernii v kontse XVIII – nachale XX v. [The role of the Ministry of Interior officials in the development of public education in the province of Tobolsk in the late 18th – early 20th centuries]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 6. pp. 141–146.
16. Konstantinova, T.A. (n.d.) *Evgeniy Mikhaylovich Zhukovskiy, voennyi gubernator Zabaykal'skoy oblasti* [E.M. Zhukovsky, the military governor of the Trans-Baikal region]. [Online]. Available from: <http://ust-menza.ru>. (Accessed: 12 January 2016).
17. Sulimov, V.S. (2014) The development of a secular women's education in Tobolsk in the middle of the XIX century. *Politika, gosudarstvo i pravo*. 8. [Online]. Available from: <http://politika.snauka.ru/2014/08/1822>. (Accessed: 12 January 2016). (In Russian).
18. Volkov, G.N., Egorov, S.F. & Kopylov, A.N. (eds) (1985) *Antologiya pedagogicheskoy mysli Rossii XVIII v.* [Anthology of Russian pedagogical thought of the 18th century]. Moscow: Pedagogika.
19. Parovaya tip. I.P.Kazantseva. (1911) *Irkutskaya letopis' (Letopisi P.I. Pezhemskogo i V.A. Krotova). S predisloviem, dobavleniyami i primechaniem I.I. Serebrennikova* [Irkutsk Chronicle (Annals of P.I. Pezhemskiy and V.A. Krotov). With a foreword, additions and notes of I.I. Serebrennikov]. Irkutsk: Parovaya tip. I.P.Kazantseva.
20. Protown.ru. (n.d.) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. [Online]. Available from: <http://www.protown.ru/information/hide/6507.html>. (Accessed: 05 January 2016).
21. Lin'kov, A. (1912) *Rost uchebnogo dela v Vostochnoy Sibiri* [The growth of educational affairs in Eastern Siberia]. Irkutsk: Sibirskiy Arkhiv.
22. Sechenova, A.A. (2011) [Management of schools in Western Siberia before the establishment of school district offices (1803–1885)]. *Problemy i perspektivy razvitiya psikhologii i pedagogiki* [Problems and prospects of development of psychology and pedagogy]. Proceedings of the international distance scientific-practical conference. Novosibirsk. [Online]. Available from: <http://sibac.info>. (Accessed: 05 January 2016). (In Russian).
23. Delesko, Yu. (1881) *Pamyatnaya knizhka (vtoraya) Vostochno-Sibirskogo uchebnogo okruga, sostavlenaya po svedeniyam k 1-mu yanvarya 1881 g.* [A memorial book (second) of the East Siberian school district, according to information compiled by January 1st 1881]. Irkutsk: Tipografiya Vostochno-Sibirskogo voennogo okruga.
24. Russian Empire. (1893) *Ustavy uchenykh i uchrezhdeniy i uchebnykh zavedeniy* [Statutes of academic and educational institutions]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. XI. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
25. Rozhdestvenskiy, S.V. (1902) *Istoricheskiy obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya 1802–1902 gg.* [Historical overview of the activities of the Ministry of Education in 1802–1902]. St. Petersburg: Ministerstvo narodnogoprosveshcheniya.
26. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 3046. Page 24. (In Russian).
27. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 3191. Page 46. (In Russian).
28. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 63. List 1. File 354. Pages 54–61. (In Russian).
29. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 120. File 276. (In Russian).
30. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 223. File 218. Pages 17–33. (In Russian).
31. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 194. File 84. Pages 2, 4. (In Russian).
32. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 3049. Page 17. (In Russian).
33. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1237. List 1. File 35. Page 20. (In Russian).
34. Nagaytseva, N.D. (2000) *Blagotvoritel'nost' v Zabaykal'e v XIX v.: istoricheskiy aspekt* [Charity in the Trans-Baikal region in the 19th century: the historical aspect]. Abstract of History Cand. Diss. Ulan-Ude.
35. Kulomzin, A.N. (1898) *Potrebnosti nachal'nogo obrazovaniya v Sibiri: vsepoddannейshiy doklad stats-sekretarya Kulomzina po poezdкам v Sibir' 1896–1897 gg.* [Primary education needs in Siberia: a humbly report of the State Secretary Kulomzin on his trips in Siberia in 1896–1897]. St. Petersburg: Gos. Tipografiya.
36. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 3077. Page 8. (In Russian).
37. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 3073. Page 12. (In Russian).
38. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 204. File 274. Page 27. (In Russian).

Received: 24 February 2016

УДК 930:069(47)

Н.М. Дмитриенко, М.А. Бутенко, В.С. Глухов, Л.А. Лозовая

РОССИЙСКОЕ МУЗЕЕВЕДЕНИЕ 1930–2010-х гг.: ОПЫТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Представлен первый опыт историографического осмысления российского музееведения советского и постсоветского времени. Раскрыты обстоятельства и мотивы парадигмального слома музейной науки, осуществленного с целью подчинить музейное дело задачам «социалистического строительства». Показано поступательное движение музееведческой мысли по пути складывания комплекса научных знаний о музейном деле России. Выявлена роль А.М. Разгона, его коллег и учеников в процессе формирования и изучения российского музееведения.

Ключевые слова: музееведение; музейное дело; историография музейного дела.

Первое в литературе обращение к историографии российского музееведения, предпринятое в 2015 г., и вывод о том, что под влиянием политических факторов в Советской России наметилась смена парадигмы музейной науки, явно требуют дальнейшего изучения проблемы [1]. Действительно, анализ событий «великого перелома» в стране позволяет говорить, что на рубеже 1920–1930-х гг. произошел буквально «рейдерский захват» музееведения, были навязаны новые идеологизированные представления о музеях и музейном деле, проведена «чистка» музееведческих рядов. Арестам, тюремному заключению, лагерным срокам были подвергнуты руководители и специалисты музейного дела РСФСР – А.М. Эфрос, А.А. Миллер, И.К. Луппол, Д.А. Золотарев, Ф.И. Шмит, Н.П. Лихачев, Н.А. Шнейерсон, сибирские музеееды Г.И. Черемных, М.Б. Шатилов, И.Т. Маркелов, В.И. Верещагин, А.П. Велижанин, М.П. Коптилов и др. Многие из них были расстреляны или скончались в тюрьмах и лагерях [2. С. 78].

Стремление властей подчинить музейную деятельность, направить ее в «русло социалистического строительства» выразилось в организации и проведении 1-го Всероссийского музейного съезда в декабре 1930 г. В выступлениях руководителей и участников съезда доминировал тезис об «отсталости и застойности» музейного дела, о необходимости его «коренной перестройки» [3. С. 194–196]. С целью «социалистической перестройки» была начата разработка новой концепции музейного дела, опиравшейся на одно из самых известных ленинских положений теории познания: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике – таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности» [4. С. 152–153]. Базовыми понятиями новой концепции стали категории диалектического материализма – теория и общественная практика, определившие формы и направления музейного познания окружающей действительности. По мысли руководителя музейной сферы РСФСР И.К. Луппола, единая формула – теория и практика музейного дела – создавала возможность положить «в основу построения музеев... отношения между материальными предметами и различные формы движения материи» [5. С. 11].

Свое понимание новой концепции музейного дела высказал директор Биологического музея имени Тимирязева, участник 1-го музейного съезда

Б.М. Завадовский. В статье, опубликованной в 1932 г. в журнале «Советский музей», он писал: «Основной ведущей идеей, которая должна пронизывать всю структуру и организацию этого центрального биологического музея, должно являться единство теории и практики, выявление той глубокой неразрывной связи, которая существует между, с одной стороны, задачами теоретического осмысливания и объяснения мира, а с другой стороны, задачами практики его изменения в соответствии с задачами социалистического строительства, последовательными этапами классово-вой борьбы» [6. С. 678]. Поддерживая новую концепцию, делегат 1-го музейного съезда, директор Исторического музея Ю.К. Милонов предпологал возможным достичь «единства музейного дела» за счет опоры на общие принципы, на «всеобщие законы диалектики» [7. С. 3]. Однако в реальных условиях применение выработанной 1-м музейным съездом формулы не только не способствовало единству музейного дела, но, напротив, вызывало разобщенность музейного мира, превращало его в конгломерат слабо связанных между собою разнородных частей.

С трибуны 1-го музейного съезда И.К. Луппол провозгласил в качестве теории музейного дела диалектический материализм. И тут же обозначил его как основной и единственный метод музейного строительства. Используя диалектический метод, он предполагал «перестраивать музеи “снаружи” в смысле их сети, в смысле типов музеев, и “внутри” – в смысле экспозиции материала, который характеризует и определяет тот или иной музей» [6. С. 8]. А категория «практика» получила в реальности иное, чем в философии, толкование и стала рассматриваться как сугубо прикладная деятельность по применению теоретических положений, как сумма конкретных приемов и навыков внутримузеевской работы.

Нужно сказать, что в выступлениях на 1-м музейном съезде высказывались значимые для музейного дела суждения и предложения, например о необходимости разработки методологии музееведения, о привлечении к решению этой задачи и руководителей музейной сферы, и сотрудников музеев. Именно с этой целью предлагалось начать выпуск журнала «Советский музей», открыть научно-исследовательский институт методов музейной работы, а также создавать особые методические комиссии при областных музеях «для научной углубленной разработки марксистских

методов и программ музейной работы» [8. С. 56–57]. Однако в противовес этим, можно сказать, выстраданным пожеланиям в решениях 1-го музейного съезда вся музейная деятельность сводилась к иллюстрированию теоретических положений диамата через экспозиционный показ. А все другие направления внутримузеевской жизни, прежде всего фондовая работа, игнорировались и допускались лишь для обеспечения экспозиции. Сразу после завершения съезда И.К. Луппол все же писал о необходимости научно-исследовательской работы в музее, но трактовал ее лишь как способ «обеспечить необходимый для музейной экспозиции материал» [9. С. 8]. В последующее десятилетие представления о самостоятельности музея, выполнявшего важнейшие функции собирания, хранения, экспонирования исторических памятников, были отвергнуты. Вслед за выступлением наркома просвещения А.С. Бубнова музей стали называть инструментом и орудием культурной революции, пропагандистом «величайшей научной ценности принципов диалектического материализма» [10. С. 6]. Ревностно выполнялось решение 1-го музейного съезда – включить музеи «в общее русло политико-просветительных учреждений», «установить форму музея как части политпросветкомбината» [11. С. 666].

Коренным образом изменились и суть музейной работы, и понятия о ней. В ходе реализации решений 1-го музейного съезда сложилась строго иерархизированная система музейного дела: руководители музейного управления Наркомата просвещения РСФСР отвечали за теорию, т.е. формулировали «директивы и указания». В центральных и областных музеях на основе «теории» разрабатывали научно-методические материалы, которые, по замыслу наркома просвещения А.С. Бубнова, могли использоваться «для перестройки всего музейного дела, внутренней организации музеев, музейной экспозиции на началах, которые соответствовали бы потребностям социалистического строительства» [10. С. 9–10]. А местные, или, по тогдашней терминологии, низовые музеи, руководствуясь этими планами и указаниями, строили экспозиции, т.е. занимались музейной практикой [9. С. 6–7].

К концу 1930-х гг. вся теория музейного дела была сведена к типовому плану экспозиции, разработанному в Институте краеведческой и музейной работы. А в статье А. Березина, сопровождавшей план отдела социалистического строительства в музее, сообщалось, что «главнейшим документом, на котором базируется вся экспозиция отдела, является “Краткий курс истории ВКП(б)”» [12. С. 7]. Точно так же директор Института краеведческой и музейной работы А. Ширямов, представляя материалы о создании единой экспозиции в краеведческих музеях, говорил, что она строится в соответствии с периодизацией, принятой в «Кратком курсе истории ВКП(б)» [13. С. 17]. Практика музейного дела, которую именовали и техникой музейной работы, и ведением музейного дела, а в некоторых публикациях – музееведением, означала построение экспозиции в музеях с точным соблюдением всех рекомендаций «центра» [10. С. 9, 14, 18, 22; 14. С. 24–25; 15. С. 35, 37]. Эти рекомендации

А. Березин раскрывал следующим образом: «Первым планом (на вертикальной плоскости) размещаются ведущие экспонаты, остальные – на втором плане (витрины, горизонтальные плоскости и т.п.). На третьем плане – материал, находящийся в специальных ящиках, закрытых шкафах и т.п.». И далее подробно прописывал, что, к примеру, на 6-м стенде нужно разместить выдержку из выступления И.В. Сталина на VI съезде РСДРП, а на четвертом стенде следующего раздела – его же статью «Год великого перелома» [12. С. 8–11]. Судя по этим «рекомендациям», музейная экспозиционная работа действительно превращалась в практические действия по переноске и расстановке экспонатов.

Нужно отметить, что в 1930-х гг. предпринимались попытки оживить музееведческие исследования. Немалым стимулом послужило преобразование Научно-исследовательского института краеведения (в связи с закрытием Центрального бюро краеведения) в Институт краеведческой и музейной работы, совершившееся в 1937 г. Согласно учредительным документам перед новым институтом ставились задачи «разрабатывать в плане своей научной работы общий и специальный научный, методический и учебный материал по краеведно-музейной работе», заниматься подготовкой и переподготовкой музейных кадров [16. С. 79]. Однако вся деятельность Института краеведческой и музейной работы была сведена к сбору информации о работе местных музеев, составлению отчетов, согласованию тематико-экспозиционных планов, разработке методик музейного дела. Правда, в 1939 г. сотрудники Института рассмотрели вопрос о необходимости изучения истории музейного дела, но приступить к его решению в то время так и не удалось [2. С. 83–84].

Первую веку в изучении музееведения поставили в послевоенные годы. На расширенной сессии Института краеведческой и музейной работы 1948 г., а затем в сборнике материалов этой сессии были подвергнуты критике и пересмотру наиболее одиозные положения 1-го музейного съезда. Следует отметить, что мотивацию этой критики обеспечивал новый виток репрессивной внутренней политики, борьба с инакомыслием, конкретно – с «буржуазным космополитизмом», что и не скрывали участники сессии, а напротив, подчеркивали. В выступлении заместителя председателя Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР И.Г. Клабуновского по-прежнему говорилось об «отставании музейного дела, которое давно уже не удовлетворяет возросших и растущих изо дня в день запросов трудящихся». Но впервые после 1-го музейного съезда государственный руководитель обратил внимание музееведов на рост музейной сети, увеличение государственных ассигнований на музейное строительство, указал на важность фондовой работы в краеведческих музеях, подчеркнул значимость подлинных материалов и документов в экспозициях [17. С. 181–196].

Директор Института краеведческой и музейной работы, профессор Ф.Н. Петров поддержал начатое

И.Г. Клабуновским, предпринял первую попытку освободить музейное дело и музеи от несвойственной им функции политико-просветительного учреждения. Он сказал: «Музей является научно-исследовательским и культурно-просветительным учреждением, строящим свою работу на основе марксистско-ленинских принципов советской социалистической науки путем работы с музейным материалом, с историческими памятниками и другими предметами-подлинниками» [18. С. 15].

Идеи расширенной сессии 1948 г. подхватил А.М. Разгон, фронтовик, выпускник МГУ, научный сотрудник Института краеведческой и музейной работы (с 1955 г. – НИИ музееведения). В одной из первых своих публикаций, появившейся в 1954 г., он писал: «Только изучение и описание музейных предметов создает подлинно научную базу для использования памятников материальной и духовной культуры в исследовательской и экспозиционной работе». И добавлял, что изучение и описание памятников являются «специфическим видом научной работы музеев, имеют вместе с тем много общего с научной работой историка, литературоведа, искусствоведа или биолога». И выступая против упрощения музейной деятельности и сведения ее к «технике» подбора экспонатов, доказывал, что вся внутримузеевская работа имеет научный характер [19. С. 3–4]. (Позже А.М. Разгон говорил, что в 50-х гг. ему приходилось дискутировать с теми, кто отрицал научный характер музейной деятельности, оспаривал значение музееведения как научной дисциплины [20. С. 844].)

Сотрудники НИИ музееведения, а также некоторые другие специалисты музейного дела все настойчивее стремились раскрыть научное значение, подчеркнуть научный, а не прикладной характер музейной работы. Конечно, будучи советскими исследователями, придерживаясь марксистской методологии, они опирались на формационную теорию общественного развития, использовали классовый подход, принцип «пролетарской партийности». Их работы переполнены социалистической терминологией, разоблачением «влияния буржуазной идеологии». Однако, если отстраниться от обязательных в те времена славословий в адрес ВКП (б) / КПСС и советского правительства, от неперемного цитирования решений партийных съездов, то можно заметить, что в первые послевоенные десятилетия возродился интерес к методологии музейного дела, наполнилось новым содержанием понятие «музееведение». Серьезный шаг в этом направлении был сделан в 1955 г., когда вышла в свет коллективная монография «Основы советского музееведения» [21]. Авторы предисловия к книге, изданной как «пособие работникам советских музеев», К.Г. Митяев и Г.А. Новицкий впервые в исторической литературе дали определение музееведения как научной дисциплины. Правда, в качестве предмета этой науки назвали теорию и практику музейного дела. Тем не менее главной задачей музееведения было поставлено определить «общие принципы музейной работы с учетом специфических особенностей отдельных музеев различных профилей»

[21. С. 7]. В соответствии с этими задачами в книге впервые рассмотрены в системе вопросы методологии музееведения, показаны основные направления внутримузеевской деятельности – собирательская работа, или комплектование фондов, учет, определение и научное описание музейных предметов, организация их хранения, экспозиционная деятельность и массовая работа музеев (экскурсии, лекции, выставки, кружки) [Там же. С. 8–9].

Со временем, прежде всего благодаря трудам А.М. Разгона, понятие «музееведение» расширяло свои границы и все явственнее приобретало комплексный характер. Так, в статье, опубликованной в «Большой советской энциклопедии», А.М. Разгон писал в соответствии с тогдашними представлениями о музейной науке: «Музееведение, музеология – научная дисциплина, изучающая происхождение музеев, их общественные функции, вопросы теории и методики музейного дела». И тут же, по сути, сам себя поправил, обозначил музееведение как «самостоятельную отрасль знаний», в составе которой назвал вполне самостоятельные научные дисциплины – теорию музейного дела, историю музейного дела, музейное источниковедение, научную методику деятельности музеев и музееведческие исследования. Нужно особо отметить, что А.М. Разгон ввел понятия «музееведческое исследование первоисточников», «исследование-комплектование музейных предметов», «музееведческая историография» в качестве обязательных в музееведении [22. С. 84]. Как видим, налицо – представление о музееведении как комплексе научных знаний о музейном деле.

В последующем А.М. Разгон не раз истолковывал свое понимание комплексности музееведения, в структуру которого включал исторические, теоретические и прикладные элементы. Кроме того, ввел понятия общего и специального музееведения, выделил историческое музееведение и прикладное музееведение [20. С. 847–848]. Другое дело, что он не обосновал и не раскрыл содержание этих понятий, а, обозначив термином «музееведение» и комплекс научных дисциплин, и отдельные составные части этого комплекса, создавал немалые сложности в осознании феномена музейной науки. И эти сложности не замедлили проявиться.

В 1988 г. вышло учебное пособие «Музееведение. Музеи исторического профиля», редакторами его были К.Г. Левыкин и В. Хербст, руководителем авторского коллектива выступал А.М. Разгон. В пособии, которое, по сути, является научной монографией, были поставлены и решены серьезные научные проблемы. И, что особенно важно, в книге обстоятельно рассмотрено понятие музееведения, выработано его научное определение: «Музееведение – общественная наука, изучающая процессы сохранения социальной информации, познания и передачи знаний и эмоций посредством музейных предметов, музейное дело, музей как общественный институт, его социальные функции и формы их реализации в различных общественно-экономических условиях» [23. С. 9]. Это определение, ставшее более громоздким за счет по-

пытки охарактеризовать музей и его функции, по сути, повторяет толкование, данное А.М. Разгоном в «Большой советской энциклопедии», и также содержит явно спорные моменты. Прежде всего, музееведение по-прежнему называется научной дисциплиной, а не комплексом таких дисциплин. И в то же время как подтверждение комплексности музейной науки в книге «Музееведение. Музеи исторического профиля» показаны структурные составляющие, в качестве которых рассматриваются самостоятельные научные дисциплины, а именно – история и историография музееведения, теория, музейное источниковедение, прикладное музееведение [23. С. 23].

Авторы рассматриваемого издания заявили о необходимости разработки методологического аппарата музееведения и раскрыли содержание основных понятий. Так, теория музейного дела, по их мнению, включала общую теорию музееведения, теорию документирования, теорию научно-фондовой работы, теорию музейной коммуникации. При этом сообщали, что общая теория музееведения познает объект, предмет, метод и структуру науки о музеях. Точно так же теория научно-фондовой работы связывалась с исследованием процесса познания ценности музейных предметов. Как видим, сохраняя прежний, сложившийся еще в 30-е гг. понятийный аппарат, используя термин «теория», российские музеееды 80-х гг. говорили о методологии. Что касается «практики музейного дела», то все же от этого понятия отказались и использовали введенный А.М. Разгоном термин «прикладное музееведение». В структуру этой дисциплины были включены научная методика, техника, организация и управление музеями, из чего ясно видно, что под прикладным музееведением понималось собственно музейное дело, внутримузейная жизнь. При этом раздел научной методики, определяемой как «специальные методические исследования», содержал не столько методiku, сколько вопросы методологии научно-фондовой и экспозиционной работы.

Исходя из сказанного, можно с уверенностью считать, что разработка понятийного аппарата в издании 1988 г. стала первым шагом к смене парадигмы музееведения. Но отдавая дань традиции и сохраняя упрочившуюся со времен 1-го музейного съезда терминологию, авторы книги, можно сказать, замедляли процесс переосмысления музееведческой концепции. Тем не менее сделано было немало. Выполняя задачу обновления методологического инструментария музееведения, было сформулировано научно адекватное определение музея: «Музей – исторически обусловленный многофункциональный институт социальной информации, предназначенный для сохранения культурно-исторических и естественнонаучных ценностей, накопления и распространения информации посредством музейных предметов» [23. С. 18]. Разрабатывалось понятие «музейный предмет», который вполне справедливо рассматривался как основа музейной деятельности, как носитель научной информации, аутентичный источник знаний и эмоций [Там же. С. 15]. А.М. Разгон расширил понимание музейного предмета, определив его «как доказательный истори-

ческий материал, как средство эмоционального воздействия, эстетического воспитания» [24. С. 6]. И, отталкиваясь от такого понимания музейного предмета, выявил его основные характеристики – информативность, коммуникативность, аттрактивность, экспрессивность и эстетичность [25. С. 843].

С опорой на марксистско-ленинскую методологию, что особо подчеркивалось исследователями, были сформулированы как основополагающие в музееведении музейно-предметный метод, принципы историзма и предметности. По обоснованному мнению А.Б. Закс, принцип предметности обеспечивал «зрительную конкретизацию исторических событий», обогащал историческое видение окружающего мира, содействовал пониманию исторической реальности через чувственное, эмоциональное восприятие [23. С. 200–201].

В первые послевоенные десятилетия серьезной научно-методологической проработке была подвергнута внутримузейная деятельность, т.е. собственно музейное дело как совокупность музейных функций, направленных на научное документирование явлений и процессов окружающей действительности. Эта работа была начата с критического разбора сделанного в музеях в предшествовавший период. Участник расширенной сессии 1948 г. К.А. Соловьев безусловно связывал экспозиционную работу в музеях с научным исследованием [26. С. 50–51]. В дальнейшем в большой статье, опубликованной под псевдонимом «Моисеев», А.М. Разгон критиковал установки 1-го музейного съезда, который, по его словам, «не смог сформулировать теоретически обоснованного принципа новой структуры экспозиций». И справедливо указывал, что «механическое расположение экспонатов по формациям без выявления конкретно-исторических событий, упрощенчество в музейной экспозиции по существу вело к ликвидации музеев как особого типа научных учреждений, оперирующих преимущественно памятниками и подлинными научными коллекциями» [27. С. 199–200]. Подчеркивая научный характер музейной деятельности, А.М. Разгон и А.Б. Закс утверждали, что подготовка музейной экспозиции опирается на марксистско-ленинскую методологию, требует исторических исследований, а сама экспозиция – это одна из форм научной публикации и только благодаря этому она выполняет функции музейной коммуникации и научной пропаганды [23. С. 197–198; 28. Стб. 762; 29. С. 85].

Впервые после долгого перерыва получили освещение такое направление музееведения, как научно-фондовая работа, в том числе комплектование, учет и хранение коллекций, а также подготовка научных каталогов. Все виды музейных работ получили вполне адекватную оценку как научная деятельность [26. С. 54–55; 27. С. 201–205; 30. С. 71–98]. Случалось, однако, что фондовая работа по-прежнему обозначалась как музейная практика, не требовавшая научных подходов. А.М. Разгон по этому поводу строго указывал на «непонимание либо прямое отрицание исследовательской сущности комплектования». Требовал выработки научных принципов сбора материалов,

чтобы заменить прежнюю методическую литературу, в которой содержались «любимые рекомендации и вместо анализа методов отбора исторических материалов в процессе экспедиционной и иной практики давалось простое их перечисление» [25. С. 840–841].

Возобновилось изучение истории материальной культуры. Хотим напомнить, что понятия «материальная культура» и «духовная культура» применительно к музейному делу в контексте эволюции «материалистической научной мысли» впервые использовались в работе зоолога-музееведа А.Ф. Котса, вышедшей в 1913 г. [31. С. 402]. К трактовке этого понятия обращались участники 1-го музейного съезда, нацеленного на утверждение материализма в музееведении. Так, И.К. Луппол не раз подчеркивал двойственный смысл слов «материя», «материальный», обозначающих и вещество, вещественный, физический, в противовес духовному, и философскую категорию – объективную реальность, данную в ощущениях. Говоря о материальности мира и, как следствие, музейных собраний, И.К. Луппол утверждал: «Действительность материальна, но не всегда предметна». А подчеркивая «единство бытия и мышления», находившее отражение в музейной деятельности, он тем самым вполне справедливо формулировал как важнейшую задачу музейной работы – документировать и материальную и духовную культуру [5. С. 29–31]. Однако в силу неблагоприятных исторических обстоятельств изучение памятников материальной и духовной культуры, которые и формировали музейные фонды, долгое время не проводилось. И только в 1972 г. под редакцией А.М. Разгона вышел первый тематический сборник статей, авторы которого скрупулезно описывали хранившиеся в музеях памятники материальной культуры [32–35].

В структуре музееведения как комплекса дисциплин и научных направлений было реанимировано обращение к истории музейного дела. Отметим еще раз, что вопрос об изучении музейной истории обсуждался в Институте краеведческой и музейной работы в довоенные годы, о необходимости таких работ говорилось и на расширенной сессии Института краеведческой и музейной работы в 1948 г. Научный сотрудник Института Г.Л. Малицкий не только предложил развернутый план изучения истории российского музейного дела, но впервые за последние десятилетия отметил вклад своих предшественников, сказал о «зарождении литературы по музееведению», наблюдавшимися, по его сведениям, во второй половине XIX в. [36. С. 169]. Так была предпринята попытка восстановить целостность российского музееведения, преодолеть разрыв в его развитии, вызванный событиями «великого перелома» 1929–1930 гг. в истории страны. Одновременно, в том же 1948 г., Ф.Н. Петров предпринял первую попытку разработать концепцию истории музейного дела советского периода, указав в качестве основных его характеристик «массовость», плановость в открытии новых музеев, связь с наукой и краеведением, тесное переплетение задач музейного развития и истории социалистического строительства. Он первым под-

черкнул необходимость изучать советскую литературу по музееведению, по истории отдельных музеев [37. С. 173–180].

А.М. Разгон подхватил идеи своих старших коллег и предложил рассматривать историю музеев как проблему исторической науки, указывал на необходимость комплексного изучения истории отдельных музеев, истории музейной политики, задумал монографическую разработку истории музейного дела России. Но задача оказалась слишком сложной, поэтому решено было подготовить серию очерков по единому плану-проспекту [38. С. 5]. В 1957–1971 гг. под руководством А.М. Разгона было издано семь тематических сборников по истории музейного дела, до сих пор не утративших своего научного значения. Опираясь на исторические источники, используя научную методологию, авторы этих сборников, а также некоторые исследователи истории отдельных крупных музеев страны проследили становление и развитие российского музейного дела, охарактеризовали научно-фондовую и научно-экспозиционную работу, осветили вопросы музейной коммуникации [39–43].

Вклад советских музееведов в изучение музейного дела позже, в конце 1990-х гг., по достоинству оценил С.О. Шмидт. Он отмечал, в частности, что А.М. Разгон, как и другие исследователи советской эпохи, не был свободен в выборе подходов к проблемам методологии и истории музейного дела, находился в зависимости от социально-политических обстоятельств, от официальной идеологии, но смог показать историю музеев «как составную часть развития науки и культуры и в тесной взаимосвязи с другими явлениями общественной жизни и ее антагонизмами» [44. С. 556]. И действительно, несмотря на то что отношение органов государственной власти к музеям как учреждениям, предназначенным ими для формирования марксистско-ленинского мировоззрения трудящихся, в продолжение почти всего советского периода только усугублялось, профессиональные исследователи-музееведы в рамках марксистской парадигмы смогли обновить концепцию музейного развития. Они все меньше интересовались политико-пропагандистскими задачами, которые вменялись музеям и, вынужденно сохраняя некоторые идеологизированные формулировки и речевых оборотов, сосредоточивались на изучении многообразной деятельности музеев как хранилищ культурных ценностей.

На рубеже 1980–1990-х гг. на фоне политических и социокультурных изменений в России формируется новое понимание задач истории (значит, и музееведения), а сама историческая наука, говоря словами Б.Г. Могильницкого, «из среды непосредственного, преимущественно политического, действия... перемещается в общекультурное пространство» [45. С. 6]. Под влиянием общественно-политических перемен происходили структурные изменения в системе управления, в правовом положении музейного дела. Прежняя классификация научных дисциплин была признана устаревшей, и музееведение, относившееся ранее к прикладным направлениям, перешло в разряд

научных исторических специальностей, введено в классификацию ВАК [46. С. 9]. В 1987 г. в системе ВАК России была учреждена диссертационная специальность «Музееведение, консервация, реставрация и хранение художественных ценностей», в 1995 г. она получила новое наименование «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов» [47. С. 94]. Одновременно в российских университетах стали открываться кафедры музееведения / музеологии. Преподаватели, студенты и выпускники музейных кафедр в сотрудничестве с музеями и НИИ культурологии (созданного на базе НИИ музееведения) формировали новое музейное сообщество, которое, по свидетельству А.А. Сундиевой, «осознало потребность в осмыслении самого феномена музея, его роли в культуре, его возможностей» [48. С. 328]. Как следствие, возростала потребность в новой идеологизированной концепции музееведения, в повышении интереса к музейной проблематике.

Ответом на общественную потребность стала подготовка и издание фундаментальной «Российской музейной энциклопедии» (М., 2001. Т. 1–2). Создатели двухтомника, сотрудники НИИ культурологии, разработали насыщенную музееведческую программу, привлекли к ее осуществлению музееведов всей страны. Работа над энциклопедией, длившаяся не менее 10 лет, подвела итоги музееведческих исследований в России, способствовала выявлению пробелов в системе музееведческих знаний и привлечению к ним внимания специалистов-музееведов. Стремление обновить концепцию музееведения, избавить ее от политизированных напластований обусловило обращение современных исследователей к вопросам методологии музейного дела.

Авторы ряда научных публикаций, часть которых увидела свет в виде учебных пособий, имеющих не только академическое, но и научное значение, вновь обратились к понятию «музееведение». В статье Ю.У. Гуральника, опубликованной в «Российской музейной энциклопедии», было сказано, что музееведение, или музеология, – «это формирующаяся научная дисциплина, изучающая специфически музейное отношение человека к действительности и порожденный им феномен музея, исследующая процессы сохранения и передачи социальной информации посредством музейных предметов, а также развитие музейного дела и направления музейной деятельности» [49. С. 386]. Эта формулировка повторяется и в книге «Музейное дело России», и автором учебника по музееведению Т.Ю. Юреновой и, как показывает опыт, укореняется в сознании студентов-музеологов и музейных сотрудников [50. С. 218; 51. С. 12]. Следует, однако, заметить, что это определение при некоторой лексической новизне в семантическом отношении мало отличается от формулировок 1970–1980-х гг. Повторяется даже характеристика музееведения как формирующейся дисциплины, впервые прозвучавшая в издании 1988 г. Как видим, современные авторы преуменьшают вклад своих предшественников в решение проблемы. Более того, утверждают, что советские музееведы не смогли однозначно ответить на

вопрос: «можно ли в принципе считать музееведение наукой или это только лишенная собственного метода и языка совокупность блоков информации, касающихся музеев и практических направлений его деятельности» [50. С. 213]. При этом ссылаются на чешского исследователя З. Странского, который отстаивал, по их словам, «самостоятельность музееведения как науки», и не замечают того, что первыми музееведение как научную отрасль охарактеризовали как раз советские исследователи, по крайней мере, за пять–десять лет до чешского музеолога.

Преуменьшая вклад советских музееведов в развитие музейной науки, современные исследователи, тем не менее, идут по их следам. Они так же определяют музееведение как научную дисциплину, не видят ее комплексности, но при этом рассматривают в структуре этой «дисциплины» ряд научных дисциплин и направлений, часть которых сформировалась на рубеже XX–XXI вв., в частности музеология, музейная педагогика, музейная политика, музейная информатика, музейная социология. Вслед за своими предшественниками современные музеологи признают методологически не обоснованное и терминологически устаревшее разделение музееведения на историческое, теоретическое и прикладное [52. С. 92]. А одновременно повторяют то, от чего музееведы последних десятилетий XX в. отказались как от отжившего, – реанимируют положение о теории и практике музейного дела: «Музееведческая теория сегодня оказывает все более заметное влияние на музейную практику. Непосредственная область практического применения музееведческих исследований в музее – музейное проектирование. Эта сфера деятельности принадлежит как музееведческой науке, так и практике» [Там же. С. 90–91]. Современные авторы относят к «теоретическому музееведению», к «теории музееведения», изучение объекта, предмета, методов музееведения [50. С. 661], т.е. те вопросы, которые, как уже отмечалось, составляют предметную область методологии музееведения.

К важным результатам музееведческих исследований следует отнести понятийные нововведения и изменения «языка музееведения», наметившиеся в 2000-х гг. [53. С. 67–71; 54. С. 172–180; 55. С. 615]. Ответом на запросы современности стало введение в музееведение таких понятий и терминов, как актуализация наследия, виртуальный музей, информационные технологии в музейном деле, музейный маркетинг, музейный менеджмент [56. С. 621–670].

Однако нововведения категорически не оправданы в тех случаях, когда музееведы используют прежние понятия и термины, но придают им новый смысл. Это прежде всего относится к понятиям материальной и духовной культуры, которые в прежние времена, а частью и в наши дни, трактуются как совокупность явлений, процессов и результатов человеческой деятельности в материальной сфере или же функционирующие в сознании людей [57. С. 86; 58. С. 90–91]. В противовес устоявшимся научным представлениям в современном музееведении под материальной культурой понимается только предметный, вещественный мир, мир артефак-

тов. А пути и способы образного освоения действительности, как и материальные носители идей и образов, в частности графические, звуковые, электронные записи (которые культурологи вполне обоснованно относят к материальной культуре [58. С. 90]), нынешние музейеведы обозначают словосочетанием «нематериальная культура». К ней же отнесена и вся духовная культура, понятие которой практически выведено из музейеведческого оборота. Сказанное позволяет согласиться с Л.И. Скрипкиной, которая говорила, что опыт работы А.М. Разгона и его коллег в области музейного дела и музейеведения не всегда востребован и это не может не сказываться отрицательно на музейной деятельности [59. С. 32; 60. С. 22–24].

Смены парадигмы музейеведения не произошло, но на наших глазах происходят явные подвижки к таковой. Прежде всего, в качестве достижения двух последних десятилетий можно рассматривать углубленное изучение истории музейного дела. В отдельных книгах, в многочисленных статьях в «Российской музейной энциклопедии» и в тематических сборниках, в кандидатских и докторских диссертациях, посвященных отдельным музеям, профильным группам музеев или музейному делу России целиком, осуществлялась, говоря языком политической истории, реабилитация российских музеев и музейных деятелей. В отличие от авторов предшествовавшего периода, настаивавших на отсталости и «кунсткамерности» российских музеев XIX – первых десятилетий XX в., современные исследователи увидели в них иное. Так, И.И. Шангина показала этнографический музей в Петербурге как воплощение новейшей научной модели музея с «четко определенным профилем и тщательно продуманной концепцией», которую создатели музея

разрабатывали в продолжение второй половины XIX в. [61. С. 81]. Авторы коллективной монографии «Музейное дело России» осветили процессы зарождения и развития музейного дела в стране в продолжение XVIII–XX вв., раскрыли основные направления и результаты музейной деятельности. Недаром эта книга выдержала в короткое время три издания [50, 62]. В статьях А.И. Фролова, Г.А. Кузиной, В.И. Златоустовой, Н.В. Фатигаровой впервые поставлена и с опорой на хорошую документальную базу решена проблема правового положения музейного дела, взаимоотношения музеев и органов государственной власти [16, 63–65]. Стали активнее рассматриваться вопросы музейного дела в регионах России, история вузовских музеев [66–70]. Проблемы модернизации музейного дела, взаимоотношения музеев с обществом поднимались на всероссийских и международных конференциях, материалы которых изданы в виде тематических сборников [71–73]. Если во второй половине XX в. российские музейеведы только говорили о необходимости изучения историографии, то в 2010-х гг. появились, наконец, первые историографические исследования музейного дела [1, 2, 74, 75].

Экскурс в историю изучения российского музейного дела позволяет резюмировать: на наших глазах намечается обновление парадигмы музейеведения, наблюдаются расширение и углубление проблематики, совершенствуется методологический аппарат музейеведческих исследований, упрочняется концепт музейеведения / музеология, наполняется конкретно-историческим содержанием комплекс дисциплин о музейном деле. А вместе с тем выявляются и дискуссионные проблемы, и вопросы, ответы на которые следует настоятельно искать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А., Бутенко М.А., Глухов В.С. Музейеведение как комплекс знаний о музейном деле: к историографии проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 34–41.
2. Лозовая Л.А. История изучения музейного дела Западной Сибири первого послереволюционного десятилетия (1920-е – начало 1990-х годов) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 222 с.
3. Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А. Первый музейный съезд как фактор эволюции музейного дела России / Н.М. Дмитриенко, Л.А. Лозовая // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2013. № 6. С. 193–198.
4. Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Госполитиздат, 1963. Т. 29. С. 77–218.
5. Луппол И. Диалектический материализм и музейное строительство: доклад на Первом Всероссийском съезде 1 декабря 1930 г. / И.К. Луппол. М. ; Л., 1931. 32 с.
6. Завадовский Б.М. Целевые установки и основные показатели к созданию Центрального биологического музея / Б.М. Завадовский // Музейеведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. документов и материалов / отв. ред. Э.А. Шулепова. М. : Этерна, 2010. С. 674–699.
7. Целевые установки музеев различного типа : тез. докл. Ю. Милонова // Первый Всероссийский музейный съезд : тез. докл. М. ; Л., 1930. С. 3–11.
8. Основы организации плано-методической музейной работы : тез. докл. А.И. Замошкина // Первый Всероссийский музейный съезд : тез. докл. М. ; Л., 1930. С. 55–58.
9. Луппол И.К., Шнейерсон А.Н. Ко всем музейным учреждениям. М., 1931. 16 с.
10. Бубнов А. Приветствие и речь на 1-м музейном съезде (1–5 декабря 1930 г.). М. ; Л., 1931. 22 с.
11. Резолюция съезда «Принципы и формы массовой политпросветработы в музее» // Музейеведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. документов и материалов / отв. ред. Э.А. Шулепова. М. : Этерна, 2010. С. 665–669.
12. Березин А. Отдел социалистического строительства // Советский музей. М., 1939. № 4. С. 7–14.
13. Ширямов А. Единая экспозиция краеведческого музея // Советский музей. М., 1940. № 4. С. 11–17.
14. Безсонов С.В. Подготовка музейных кадров // Советский музей. 1931. № 1. С. 23–26.
15. Дружинин Н.М. Классовая борьба как предмет экспозиции историко-революционного музея // Советский музей. 1931. № 1. С. 32–49.
16. Фролов А.И. Из истории становления музейеведческих центров России // Музей и власть. Ч. 2 : Из жизни музеев / отв. ред. С.А. Каспаринская. М., 1991. С. 62–103.
17. Клабуновский И.Г. О задачах краеведческих музеев // Очередные задачи перестройки работы краеведческих музеев / Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР; Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы. М., 1950. С. 181–196.

18. Петров Ф.Н. Профиль краеведческого музея и принципы построения его экспозиции // Очередные задачи перестройки работы краеведческих музеев / Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР; Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы. М., 1950. С. 5–27.
19. Разгон А.М. Научное описание музейных предметов : метод. указания. М. : Гос. изд-во культ.-просвет. лит., 1954. 56 с.
20. Разгон А.М. Место музееведения в системе наук. [Публикация 1986 г.] // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. документов и материалов / отв. ред. Э.А. Шулепова. М. : Этерна, 2010. С. 843–851.
21. Основы советского музееведения / ред. кол.: П.И. Галкина, В.К. Гарданов, И.П. Иваницкий и др. М. : Гос. изд-во культ.-просвет. лит., 1955. 375 с.: ил.
22. Разгон А.М. Музееведение / А.М. Разгон // Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. М. : Сов. энциклопедия, 1974. Т. 17. С. 84.
23. Музееведение. Музей исторического профиля : учеб. пособие / под ред. К.Г. Левыкина, В. Хербста. М. : Высшая школа, 1988. 431 с.
24. Разгон А.М. К вопросу об изучении музейных коллекций // Изучение и научное описание памятников материальной культуры / отв. ред. А.М. Разгон. М., 1972. С. 5–12.
25. Разгон А.М. К вопросу о научном комплектовании фондов в музеях исторического и краеведческого профилей. [Фрагмент публикации 1982 г.] // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. документов и материалов / отв. ред. Э.А. Шулепова. М. : Этерна, 2010. С. 839–843.
26. Соловьев К.А. Научно-исследовательская работа в краеведческом музее // Очередные задачи перестройки работы краеведческих музеев / Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР; Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы. М., 1950. С. 47–58.
27. Моисеев А.М. Краеведческие музеи за 50 лет / [А.М. Разгон] // История СССР. М. : Наука, 1967. № 6. С. 188–209.
28. Разгон А.М. Музеи // Советская историческая энциклопедия. М. : Сов. энциклопедия, 1966. Т. 9. Стб. 761–762.
29. Разгон А.М. Музеи // Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. М. : Сов. энциклопедия, 1974. Т. 17. С. 84–86.
30. Гарданов В.К. СобираТЕЛЬСкая работа краеведческих музеев по отделе истории дореволюционного периода / В.К. Гарданов // Очередные задачи перестройки работы краеведческих музеев / Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР; Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы. М., 1950. С. 71–98.
31. Котс А.Ф. Пути и цели эволюционного учения в отражении биологических музеев [Отрывки из книги 1913 г.] // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. документов и материалов / отв. ред. Э.А. Шулепова. М. : Этерна, 2010. С. 396–404.
32. Бабинская Г.Г. Изучение и описание музейных предметов из дерева // Изучение и научное описание памятников материальной культуры / отв. ред. А.М. Разгон. М., 1972. С. 200–234.
33. Сулов М.И. Изучение и научное описание памятников керамики // Изучение и научное описание памятников материальной культуры / отв. ред. А.М. Разгон. М., 1972. С. 13–69.
34. Попова И.А. Изучение и научное описание одежды // Изучение и научное описание памятников материальной культуры / отв. ред. А.М. Разгон. М., 1972. С. 112–144.
35. Гончарова Л.Н. Изучение и научное описание музейных предметов из металла // Изучение и научное описание памятников материальной культуры / отв. ред. А.М. Разгон. М., 1972. С. 235–272.
36. Малицкий Г.Л. Основные вопросы истории музейного дела в России (до 1917 года) // Очередные задачи перестройки работы краеведческих музеев / Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР; Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы. М., 1950. С. 156–172.
37. Петров Ф.Н. К вопросам истории музейного дела в СССР // Очередные задачи перестройки работы краеведческих музеев / Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР; Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы. М., 1950. С. 173–180.
38. Разгон А.М. К вопросу об изучении истории музейного дела (вместо предисловия) // Очерки истории музейного дела в СССР. М. : Сов. Россия, 1971. Вып. 7. С. 3–8.
39. Разгон А.М. Исторические музеи в России (с начала XVIII века до 1861 г.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1963. Вып. 5. С. 189–275.
40. Разгон А.М. Российский исторический музей. История его основания и деятельности (1872–1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. М., 1960. Вып. 2. С. 224–299.
41. Разгон А.М. Очерк истории военных музеев в России (1861–1917) // Труды Научно-исследовательского института музееведения. Вып. 7: Вопросы истории музейного дела в СССР. М., 1962. С. 118–203.
42. Закс А.Б. Музеи исторического профиля в 1917–1934 гг. // История СССР. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. № 5. С. 163–170.
43. Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л. : Искусство, 1985. 407 с.
44. Шмидт С.О. А.М. Разгон – историк музейного дела // После 75. Работы 1997–2001 годов. М., 2012. С. 555–560.
45. Могильницкий Б.Г. Историческая наука и историческое сознание на рубеже веков // Историческая наука на рубеже веков : материалы Всерос. конф. / отв. ред. Б.Г. Могильницкий. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. Т. 1. С. 5–17.
46. Тихвинский С.Л. Некоторые вопросы работы советских историков // Вопросы истории. М. : Правда, 1986. № 12. С. 3–12.
47. Рыбак К.Е. Воспроизведение культурных ценностей (проблемы теории и практики). Вопросы музееведения (библиография диссертационных исследований). М. : Издательский дом «Парад», 2010. 188 с.
48. Сундиева А.А. Музеология в вузах России // Музеи евразийских университетов в поддержании и развитии общего образовательного пространства : материалы междунар. науч.-метод. конф. / под ред. Э.И. Черняка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 324–329.
49. Гуральник Ю.У. Музееведение // Российская музейная энциклопедия : в 2 т. М. : Прогресс; Рипол классик, 2001. Т. 1. С. 386–387.
50. Музейное дело России. 3-е изд., испр. и доп. / отв. ред. М.Е. Каулен. М. : ВК, 2010. 676 с.
51. Юренева Т.Ю. Музееведение: учебник для высшей школы. 2-е изд. М. : Академический Проект, 2004. 560 с.
52. Сундиева А., Каулен М., Чувилова И. Деятельность музеев: музеи Российской Федерации на рубеже тысячелетий (аналитический обзор). М., 2001. 104 с.
53. Сундиева А.А. Современные тенденции, дискуссионные проблемы в отечественном музееведении // Музей и общество : материалы междунар. конф. Красноярск : Ситалл, 2002. С. 66–72.
54. Сундиева А.А. Формирование категориального аппарата музееведения первой трети XX в. // Академические и вузовские музеи: роль и место в научно-образовательном процессе : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 172–180.
55. Музейная терминология: шаг в XXI век // Музейное дело России. 3-е изд., испр. и доп. / отв. ред. М.Е. Каулен. М. : ВК, 2010. С. 615–620.
56. Словарь актуальных музейных терминов // Музейное дело России. 3-е изд., испр. и доп. / отв. ред. М.Е. Каулен. М. : ВК, 2010. С. 621–670.
57. Шевляков Е.Г. Культура духовная // Культурология. Краткий тематический словарь. Ростов н/Д : Феникс, 2001. С. 86.
58. Штомпель Л.А. Культура материальная // Культурология. Краткий тематический словарь. Ростов н/Д : Феникс, 2001. С. 90–91.
59. Скрипкина Л.И. Учебное пособие «Музееведение. Музеи исторического профиля» и основные тенденции развития российского музееведения в конце XX в. // Слово о соратнике и друге (к 80-летию А.М. Разгона) / отв. ред. Т.Г. Игумнова. М., 1999. С. 30–41.
60. Скрипкина Л.И. Значение теоретического наследия А.М. Разгона для решения современных проблем развития музейного дела России // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. Л.И. Скрипкина. М., 2001. С. 17–48.

61. Шангина И.И. 90 лет Российскому этнографическому музею в Санкт-Петербурге // Этнографическое обозрение. М., 1993. № 1. С. 80–85.
62. Музейное дело России / отв. ред. М.Е. Каулен. М.: ВК, 2003. 614 с.
63. Златоустова В.И. Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг.) // Музей и власть. Ч. 1: Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.) / отв. ред. С.А. Каспаринская. М., 1991. С. 226–298.
64. Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть. Ч. 1: Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.) / отв. ред. С.А. Каспаринская. М., 1991. С. 96–172.
65. Фатигарова Н.В. Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музей и власть. Ч. 1: Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.) / отв. ред. С.А. Каспаринская. М., 1991. С. 173–225.
66. Томилов Н.А. Новосибирский областной краеведческий музей в 1920–1987 гг. // Проблемы музееведения и народная культура. Новосибирск, 1999. С. 65–113.
67. Дмитриенко Н.М., Григорьева С.Е. К истории создания Сибирского областного научно-художественного музея в Томске (1911–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2014. № 381. С. 119–122.
68. Черняк Э.И. Д.А. Клеменц и создание музея в Кяхте // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2015. № 4. С. 5–8.
69. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Музеи Императорского Томского университета: первые годы создания и деятельности // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2015. № 397. С. 81–90.
70. Бурлыккина М.И. Московский государственный университет: история музейного дела (1755–2015) / ред. А.В. Смуров, В.В. Снакин. М.: МАКС Пресс, 2015. 320 с.: ил.
71. Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе // Материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 429 с.
72. Музей и современные технологии // Материалы Всероссийских научных конференций / отв. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 300 с.
73. Музеи евразийских университетов в поддержании и развитии общего образовательного пространства // Материалы Международной научно-методической конференции / под ред. Э.И. Черняка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 400 с.
74. Лозовая Л.А. Становление историографии музейного дела Западной Сибири (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2013. № 6. С. 199–201.
75. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Николай Михайлович Карамзин: у истоков изучения музейного дела в России // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2015. № 398. С. 55–63.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 декабря 2015 г.

RUSSIAN MUSEOLOGY IN THE 1930S–2010S: AN EXPERIENCE OF A HISTORIOGRAPHY STUDY

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 70–81. DOI: 10.17223/15617793/405/9

Dmitrienko Nadezhda M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vassa.mv@mail.ru

Butenko Maria A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mariyabut@mail.ru

Glukhov Vyacheslav S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vyacheslavglukhov@gmail.com

Lozovaya Lydia A. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lidiana1985@mail.ru

Keywords: museology; museum science; historiography of museums.

The study on the historiography of Russian museology, started in 2015, needs to continue. Knowledge of the museum history makes it possible to maintain that at the turn of the 1920–30-s the paradigm of museology changed. Categories of the Marxist-Leninist philosophy – theory and practice – were the basis for the new concept of museum science. It was formulated at the First All-Russia Museum Congress. Very soon, the theory was understood as instructions of the Central Committee of the Communist Party and the Soviet Government. The concept of practice was regarded as the implementation of those directives in museums. Museums were stripped of academic significance and were turned into institutions for political education. Rebirth of museology occurred in the post-World War II period. The main event in this process was the extended session of the Institute of Regional Studies and Museum Work, held in 1948. The participants of the session returned the significance of an academic discipline for museology. A.M. Razgon published an article in *The Great Soviet Encyclopedia* in 1974. He wrote that museology was an academic discipline which studied the origin of museums, their public functions, and questions of theory and methods of museum science. Later, in 1988, this definition was repeated in the book *Muzeevedenie. Muzei istoricheskogo profilya* [Museology. Museums of A Historical Profile]. The authors called museology an academic discipline. At the same time, they included independent academic disciplines (museum theory, history of museum science, museum source studies) in its structure. In fact, they reflected on museology as on a complex of academic knowledge on museum science, but did not recognize it. In the 1990s, the socio-political development of the Russian society hanged. Consequently, a new non-politicized concept of museology was required. Response to the public demand was *The Russian Museum Encyclopedia* (Moscow, 2001. Vol. 1–2). The authors of the *Encyclopedia* summed up Russian museology, identified gaps in museum knowledge. Their definition of museology, in fact, was the same as in the 1980s. Museologists of today underestimate the achievements of their predecessors. We can say there was no shift in the museology paradigm. Nevertheless, there is a clear movement towards a change of the paradigm. It is expressed in the intensive research of the museum science history, in the attention to the experience of pre-revolutionary museology, in the development of the historiography of museum science. The widening and deepening of problems, the improvement of museum study methodology identify new questions for discussion, and their solution needs a new investigation.

REFERENCES

1. Dmitrienko, N.M. et al. (2015) Museology as complex of knowledge about museum science: historiography of the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 399. pp. 34–41. (In Russian).
2. Lozovaya, L.A. (2013) *Istoriya izucheniya muzeynogo dela Zapadnoy Sibiri pervogo poslerevolucionnogo desyatiletiya (1920-e – nachalo 1990-kh godov)* [The history of study on museum science in Western Siberia in the first post-revolutionary decade (1920s – early 1990s)]. History Cand. Diss. Tomsk.
3. Dmitrienko, N.M. & Lozovaya, L.A. (2013) The first Museum Congress as a factor in the evolution of the Museum Science of Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6. pp. 193–198. (In Russian).

4. Lenin, V.I. (1963) Konspekt knigi Gegelya "Nauka logiki" [The notes of Hegel's The Science of Logic]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 29. Moscow: Gospolitizdat.
5. Luppel, I. (1931) *Dialekticheskiy materializm i muzeynoye stroitel'stvo: doklad na Pervom Vserossiyskom s'ezde 1 dekabrya 1930 g.* [Dialectical materialism and museum building: a paper on the First All-Russia congress on December 1, 1930]. Moscow; Leningrad: OGIZ Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
6. Zavadovskiy, B.M. (2010) Tselevye ustanovki i osnovnyye pokazateli k sozdaniyu Tsentral'nogo biologicheskogo muzeya [Aims and indices for the establishment of the Central biological museum]. In: Shulepova, E.A. (ed.) *Muzevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII–XX vekov: sb. dokumentov i materialov* [Museology ideas in Russia in the 18th–20th centuries: documents and materials]. Moscow: Eterna.
7. [Milonov, Yu.] (1930) Tselevye ustanovki muzeev razlichnogo tipa: tezisy doklada Yu. Milonova [Aims of museums of different classes: the theses of Yu. Milonov's paper]. In: *Pervyy Vserossiyskiy muzeynyy s'ezd: tez. dokl.* [The First All-Russia museum congress: theses of papers]. Moscow; Leningrad.
8. [Zamoshkin, A.I.] (1930) Osnovy organizatsii planovo-metodicheskoy muzeynoy raboty: tezisy doklada A.I. Zamoshkina [The bases of organization of planned and methodological museum work: the theses of A.I. Zamoshkin's paper]. In: *Pervyy Vserossiyskiy muzeynyy s'ezd: tez. dokl.* [The First All-Russia museum congress: theses of papers]. Moscow; Leningrad.
9. Luppel, I.K. & Shneerson, A.N. (1931) *Ko vsem muzeynym uchrezhdeniyam* [To all museum institutions]. Moscow: Narkompress RSFSR.
10. Bubnov, A. (1931) *Privetstvie i rech' na 1-m muzeynom s'ezde (1–5 dekabrya 1930 g.)* [Greeting and speech at the 1st museum congress (December 1–5, 1930)]. Moscow; Leningrad.
11. Anon. (2010) Rezolyutsiya s'ezda "Printsiipy i formy massovoy politprosvetraboty v muzee" [The Resolution of the Congress "Principles and forms of mass political education in museum"]. In: Shulepova, E.A. (ed.) *Muzevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII–XX vekov: sb. dokumentov i materialov* [Museology ideas in Russia in the 18th–20th centuries: documents and materials].
12. Berezin, A. (1939) Otdel sotsialisticheskogo stroitel'stva [The Department of socialist building]. *Sovetskiy muzey*. 4. pp. 7–14.
13. Shiryamov, A. (1940) Edinaya ekspozitsiya kraevedcheskogo muzeya [A united exposition of a regional study museum]. *Sovetskiy muzey*. 4. pp. 11–17.
14. Bezsonov, S.V. (1931) Podgotovka muzeynykh kadrov [Training of museum personnel]. *Sovetskiy muzey*. 1. pp. 23–26.
15. Druzhinin, N.M. (1931) Klassovaya bor'ba kak predmet ekspozitsii istoriko-revolutsionnogo muzeya [Class struggle as an exposition subject in a historical and revolutionary museum]. *Sovetskiy muzey*. 1. pp. 32–49.
16. Frolov, A.I. (1991) Iz istorii stanovleniya muzevedcheskikh tsvetov Rossii [From the history of formation of Russian museology centers]. In: Kasparinskaya, S.A. (ed.) *Muзей i vlast'* [Museum and Power]. Pt. 2. Moscow: NIIK.
17. Klabunovskiy, I.G. (1950) O zadachakh kraevedcheskikh muzeev [About the tasks of regional study museums]. In: Petrov, F.N. (ed.) *Ocherednye zadachi perestroyki raboty kraevedcheskikh muzeev* [The immediate tasks for reformation of regional study museums' work]. Moscow: Izd-vo i tip. Goskul'tprosvetizdata.
18. Petrov, F.N. (1950) Profil' kraevedcheskogo muzeya i printsiipy postroeniya ego ekspozitsii [The profile of a regional study museum and the principles of its exposition building]. In: Petrov, F.N. (ed.) *Ocherednye zadachi perestroyki raboty kraevedcheskikh muzeev* [The immediate tasks for reformation of regional study museums' work]. Moscow: Izd-vo i tip. Goskul'tprosvetizdata.
19. Razgon, A.M. (1954) *Nauchnoe opisanie muzeynykh predmetov: metod. ukazaniya* [The scientific description of museum subjects (methodological instructions)]. Moscow: Gos. izd-vo kul't.-prosvet. lit.
20. Razgon, A.M. (2010) Mesto muzevedeniya v sisteme nauk. [Publikatsiya 1986 g.] [Museology position in the system of science. [Publication of 1986]]. In: Shulepova, E.A. (ed.) *Muzevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII–XX vekov: sb. dokumentov i materialov* [Museology ideas in Russia in the 18th–20th centuries: documents and materials]. Moscow: Eterna.
21. Galkina, P.I. et al. (eds) (1955) *Osnovy sovetskogo muzevedeniya* [The bases of Soviet museology]. Moscow: Gos. izd-vo kul't.-prosvet. lit.
22. Razgon, A.M. (1974) Muzevedenie [Museology]. In: Prokhorov, A.M. (ed.) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. Vol. 17. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
23. Levykin, K.G. & Kherbst, V. (eds) (1988) *Muzevedenie. Muzei istoricheskogo profilya* [Museology. Museums of a historical profile]. Moscow: Vysshaya shkola.
24. Razgon, A.M. (1972) K voprosu ob izuchenii muzeynykh kollektsey [To the problem of museum collections study]. In: Razgon, A.M. (ed.) *Izuchenie i nauchnoe opisanie pamyatnikov material'noy kul'tury* [Study and scientific description of material culture memorials]. Moscow: Nauchno-issledovatel'skiy institut kul'tury.
25. Razgon, A.M. (2010) K voprosu o nauchnom komplektovanii fondov v muzeyakh istoricheskogo i kraevedcheskogo profilya. [Fragment publikatsii 1982 g.] [To the question of scientific collecting of funds in the museums of historical and regional classes [Fragment of publication of 1982]]. In: Shulepova, E.A. (ed.) *Muzevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII–XX vekov: sb. dokumentov i materialov* [Museology ideas in Russia in the 18th–20th centuries: documents and materials]. Moscow: Eterna.
26. Solov'ev, K.A. (1950) Nauchno-issledovatel'skaya rabota v kraevedcheskom muzee [Scientific work in the regional study museum]. In: Petrov, F.N. (ed.) *Ocherednye zadachi perestroyki raboty kraevedcheskikh muzeev* [The immediate tasks for reformation of regional study museums' work]. Moscow: Izd-vo i tip. Goskul'tprosvetizdata.
27. Moiseev, A.M. (1967) Kraevedcheskie muzei za 50 let [Museums of regional study during 50 years]. *Istoriya SSSR*. 6. pp. 188–209.
28. Razgon, A.M. (1966) Muzei [Museums]. In: Zhukov, E.M. (ed.) *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [The Soviet historical encyclopedia]. Vol. 9. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
29. Razgon, A.M. (1974) Muzei [Museums]. In: Prokhorov, A.M. (ed.) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. Vol. 17. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
30. Gardanov, V.K. (1950) Sobiratel'skaya rabota kraevedcheskikh muzeev po otdelu istorii dorevolutsionnogo perioda [The collecting work of regional study museums on the department of pre-revolutionary period]. In: Petrov, F.N. (ed.) *Ocherednye zadachi perestroyki raboty kraevedcheskikh muzeev* [The immediate tasks for reformation of regional study museums' work]. Moscow: Izd-vo i tip. Goskul'tprosvetizdata.
31. Kots, A.F. (2010) Puti i tseli evolyutsionnogo ucheniya v otrazhenii biologicheskikh muzeev [Otryvki iz knigi 1913 g.] [Ways and aims of the doctrine of evolution in reflection of biology museums [Fragments of a book, 1913]]. In: Shulepova, E.A. (ed.) *Muzevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII–XX vekov: sb. dokumentov i materialov* [Museology ideas in Russia in the 18th–20th centuries: documents and materials]. Moscow: Eterna.
32. Babinskaya, G.G. (1972) Izuchenie i opisanie muzeynykh predmetov iz dereva [Study and description of museum subjects of wood]. In: Razgon, A.M. (ed.) *Izuchenie i nauchnoe opisanie pamyatnikov material'noy kul'tury* [Study and scientific description of material culture memorials]. Moscow: Nauchno-issledovatel'skiy institut kul'tury.
33. Suslov, M.I. (1972) Izuchenie i nauchnoe opisanie pamyatnikov keramiki [Study and scientific description of museum memorials of ceramics]. In: Razgon, A.M. (ed.) *Izuchenie i nauchnoe opisanie pamyatnikov material'noy kul'tury* [Study and scientific description of material culture memorials]. Moscow: Nauchno-issledovatel'skiy institut kul'tury.
34. Popova, I.A. (1972) Izuchenie i nauchnoe opisanie odezhd [Study and scientific description of clothes]. In: Razgon, A.M. (ed.) *Izuchenie i nauchnoe opisanie pamyatnikov material'noy kul'tury* [Study and scientific description of material culture memorials]. Moscow: Nauchno-issledovatel'skiy institut kul'tury.
35. Goncharova, L.N. (1972) Izuchenie i nauchnoe opisanie muzeynykh predmetov iz metalla [Study and scientific description of museum subjects of metal]. In: Razgon, A.M. (ed.) *Izuchenie i nauchnoe opisanie pamyatnikov material'noy kul'tury* [Study and scientific description of material culture memorials]. Moscow: Nauchno-issledovatel'skiy institut kul'tury.

36. Malitskiy, G.L. (1972) Osnovnye voprosy istorii muzeynogo dela v Rossii (do 1917 goda) [Main problems of the history of museum science in Russia (before 1917)]. In: Petrov, F.N. (ed.) *Ocherednye zadachi perestroyki raboty kraevedcheskikh muzeev* [The immediate tasks for reformation of regional study museums' work]. Moscow: Izd-vo i tip. Goskul'tprosvetizdata.
37. Petrov, F.N. (1950) K voprosam istorii muzeynogo dela v SSSR [To the questions of the history of museum science in the USSR]. In: Petrov, F.N. (ed.) *Ocherednye zadachi perestroyki raboty kraevedcheskikh muzeev* [The immediate tasks for reformation of regional study museums' work]. Moscow: Izd-vo i tip. Goskul'tprosvetizdata.
38. Razgon, A.M. (1971) K voprosu ob izuchenii istorii muzeynogo dela (vmesto predisloviya) [On the study of history of museology (instead of preface)]. *Ocherki istorii muzeynogo dela v SSSR*. 7. pp. 3–8.
39. Razgon, A.M. (1963) Istoricheskie muzei v Rossii (s nachala XVIII veka do 1861 g.) [The historical museums in Russia (from the beginning of the 18th century to 1861)]. *Ocherki istorii muzeynogo dela v SSSR*. 5. pp. 189–275.
40. Razgon, A.M. (1960) Rossiyskiy istoricheskiy muzey. Istoriya ego osnovaniya i deyatelnosti (1872–1917 gg.) [The Russian Historical Museum. The history of its founding and development (1872–1917)]. *Ocherki istorii muzeynogo dela v Rossii*. 2. pp. 224–299.
41. Razgon, A.M. (1962) Ocherk istorii voennykh muzeev v Rossii (1861–1917) [The essay on the history of war museums in Russia (1861–1917)]. *Trudy Nauchno-issledovatel'skogo instituta muzevedeniya*. 7. pp. 118–203.
42. Zaks, A.B. (1962) Muzei istoricheskogo profilya v 1917–1934 gg. [Museums of a historical profile in 1917–1934]. *Istoriya SSSR*. 5. pp. 163–170.
43. Levinson-Lessing, V.F. (1985) *Istoriya kartinnoy galerei Ermitazha (1764–1917)* [History of the picture gallery in Hermitage (1764–1917)]. Leningrad: Iskusstvo.
44. Shmidt, S.O. (2012) A.M. Razgon – istorik muzeynogo dela [A.M. Razgon as a historian of museum science]. In: Shmidt, S.O. *Posle 75. Raboty 1997–2001 godov* [After 75. The works of 1997–2001]. Moscow: RSUH.
45. Mogil'nitskiy, B.G. (1999) [Historical science and historical consciousness at the turn of the centuries]. *Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov* [Historical science at the turn of the centuries]. Materials of All-Russia conference. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–17. (In Russian).
46. Tikhvinskiy, S.L. (1986) Nekotorye voprosy raboty sovetских istorikov [Some questions on soviet historians' work]. *Voprosy istorii*. 12. pp. 3–12.
47. Rybak, K.E. (2010) *Vosproizvedenie kul'turnykh tsemnostey (problemy teorii i praktiki). Voprosy muzevedeniya (bibliografiya dissertatsionnykh issledovaniy)* [The reproduction of cultural value (problems of theory and practice). The questions of museology (bibliography of dissertation research)]. Moscow: Parad.
48. Sundieva, A.A. (2013) [Museology in Russian universities]. *Muzei evraziyskikh universitetov v podderzhanii i razvitiy obshchego obrazovatel'nogo prostranstva* [Euro-Asian university museums and their role in the maintenance and development of general educational space]. Materials of international science and methodological conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 324–329. (In Russian).
49. Gural'nik, Yu.U. (2001) Muzevedenie [Museology]. In: Yanin, V.L. et al. (eds) *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya: v 2 t.* [The Russian museum encyclopedia: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Progress; Ripol klassik.
50. Kaulen, M.E. (ed.) (2010) *Muzeynoe delo Rossii* [The museum science in Russia]. 3rd ed. Moscow: VK.
51. Yureneva, T.Yu. (2004) *Muzevedenie* [Museology]. 2nd ed. Moscow: Akademicheskii Proekt.
52. Sundieva, A., Kaulen, M. & Chuvilova, I. (2001) *Deyatelnost' muzeev: muzei Rossiyskoy Federatsii na rubezhe tisyacheletiy (analiticheskiy obzor)* [The work of museums: museums in Russian Federation at the turn of the millenniums (an analytical review)]. Moscow: MK RF.
53. Sundieva, A.A. (2002) [Modern tendencies, debatable problems of Russian museology]. *Muзей i obshchestvo* [Museum and society]. Materials of the international conference. Krasnoyarsk: Sitall. pp. 66–72. (In Russian).
54. Sundieva, A.A. (2009) [The formation of the categorial apparatus of museology in the first third of the 20th century]. *Akademicheskie i vuzovskie muzei: rol' i mesto v nauchno-obrazovatel'nom protsesse* [Academic and higher school museums: role and position in scientific and educational process]. Materials of All-Russia conference with international participation. Tomsk: Tomsk State University. pp. 172–180. (In Russian).
55. Kaulen, M.E. (ed.) (2010) *Muzeynaya terminologiya: shag v XXI vek* [Museum terminology: a step into the 21st century]. In: Kaulen, M.E. (ed.) *Muzeynoe delo Rossii* [The museum science in Russia]. 3rd ed. Moscow: VK.
56. Kaulen, M.E. (ed.) (2010) *Slovar' aktual'nykh muzeynykh terminov* [The dictionary of actual museum terms]. In: Kaulen, M.E. (ed.) *Muzeynoe delo Rossii* [The museum science in Russia]. 3rd ed. Moscow: VK.
57. Shevlyakov, E.G. (2001) *Kul'tura dukhovnaya* [Spiritual Culture]. In: Drach, G.V. & Matyash, T.P. (eds) *Kul'turologiya. Kratkiy tematicheskii slovar'* [Cultural Studies. A brief subject dictionary]. Rostov-on-Don: Feniks.
58. Shtompel', L.A. (2001) *Kul'tura material'naya* [Material culture]. In: Drach, G.V. & Matyash, T.P. (eds) *Kul'turologiya. Kratkiy tematicheskii slovar'* [Cultural Studies. A brief subject dictionary]. Rostov-on-Don: Feniks.
59. Skripkina, L.I. (1999) Uchebnoe posobie "Muzevedenie. Muzei istoricheskogo profilya" i osnovnye tendentsii razvitiya rossiyskogo muzevedeniya v kontse XX v. [Educational material "Museology. Museums of a historical profile" and the main tendency in the development of Russian museology in the end of the 20th century]. In: Igumnova, T.G. (ed.) *Slovo o soratnike i druge (k 80-letiyu A.M. Razgona)* [A word on brother-in-arms and friend (to the 80th anniversary of A.M. Razgon)]. Moscow: GIM.
60. Skripkina, L.I. (2001) Znachenie teoreticheskogo naslediya A.M. Razgona dlya resheniya sovremennykh problem razvitiya muzeynogo dela Rossii [The significance of A.M. Razgon's theoretic heritage in solving modern problems of Russian museum science]. In: Skripkina, L.I. (ed.) *Teoriya i praktika muzeynogo dela v Rossii na rubezhe XX–XXI vekov* [Theory and practice of museum science in Russia at the turn of the 20th–21st centuries]. Moscow: GIM.
61. Shangina, I.I. (1993) 90 let Rossiyskomu etnograficheskomu muzeyu v Sankt-Peterburge [90 years of Russian ethnographic museum in St. Petersburg]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. pp. 80–85.
62. Kaulen, M.E. (ed.) (2003) *Muzeynoe delo Rossii* [The museum science in Russia]. Moscow: VK.
63. Zlatoustova, V.I. (1991) Gosudarstvennaya politika v oblasti muzeynogo dela (1945–1985 gg.) [State policy in the sphere of museum science (1945–1985)]. In: Kasparinskaya, S.A. (ed.) *Muзей i vlast'* [Museum and Power]. Pt. 1. Moscow: NIIK.
64. Kuzina, G.A. (1991) Gosudarstvennaya politika v oblasti muzeynogo dela v 1917–1941 gg. [State policy in the sphere of museum science in 1917–1941]. In: Kasparinskaya, S.A. (ed.) *Muзей i vlast'* [Museum and Power]. Pt. 1. Moscow: NIIK.
65. Fatigarova, N.V. (1991) *Muzeynoe delo v RSFSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (aspekty gosudarstvennoy politiki)* [Museum science of RSFSR during the Great Patriotic war (aspects of state policy)]. In: Kasparinskaya, S.A. (ed.) *Muзей i vlast'* [Museum and Power]. Pt. 1. Moscow: NIIK.
66. Tomilov, N.A. (1999) Novosibirskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey v 1920–1987 gg. [Novosibirsk regional museum of regional study in 1920–1987]. In: *Problemy muzevedeniya i narodnaya kul'tura* [Museology problems and folk culture]. Novosibirsk: Nauka.
67. Dmitrienko, N.M. & Grigor'eva, S.E. (2014) On the history of foundation of the Siberian Scientific and Art Museum in Tomsk (1911–1920). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 381. pp. 119–122. (In Russian).
68. Chernyak, E.I. (2015) D.A. Clementce and his role in making of Kyakhta museum. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4. pp. 5–8. (In Russian).
69. Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2015) Imperial Tomsk University Museums: the first years of establishment and activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 397. pp. 81–90. (In Russian).
70. Burlykina, M.I. (2015) *Moskovskiy gosudarstvennyy universitet: istoriya muzeynogo dela (1755–2015)* [Moscow State University: the history of museum science (1755–2015)]. Moscow: MAKSS Press.

71. Chernyak, E.I. (ed.) (2002) *Muzeynye fondy i ekspozitsii v nauchno-obrazovatel'nom protsesse. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Museum funds and expositions in scientific-educational process. Materials of All-Russia conference]. Tomsk: Tomsk State University.
72. Chernyak, E.I. (ed.) (2006) *Muzej i sovremennye tekhnologii. Materialy Vserossiyskikh nauchnykh konferentsiy* [Museum and modern technologies. Materials of All-Russia scientific conferences]. Tomsk: Tomsk State University.
73. Chernyak, E.I. (ed.) (2013) *Muzei evraziyskikh universitetov v podderzhanii i razvitii obshchego obrazovatel'nogo prostranstva. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii* [Euro-Asian university museums and their role in the maintenance and development of general educational space. Materials of the international science and methodological conference]. Tomsk: Tomsk State University.
74. Lozovaya, L.A. (2013) The formation of historiography of western Siberian museum science in 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6. pp. 199–201. (In Russian).
75. Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2015) Nikolay Mikhailovich Karamzin: at the origin of museum studies in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 398. pp. 55–63. (In Russian).

Received: 22 December 2015

СОЗДАНИЕ ТЮМЕНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ

Рассматривается особенность создания Тюменского управления гражданской авиации в середине 1960-х гг. Основное внимание уделяется состоянию транспортной инфраструктуры региона и деятельности Тюменского управления гражданской авиации в момент создания крупнейшего в стране Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Делается вывод о существенной роли транспортной авиации в поиске и добыче углеводородного сырья.

Ключевые слова: Тюменское управление гражданской авиации; самолетно-вертолетный парк; объединенные авиаотряды.

В середине 1960-х гг. началось создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса [1. С. 7]. Ставшего впоследствии одним из крупнейших промышленных центров России.

Освоение природных богатств Западной Сибири требовало надежных путей сообщения круглогодичного действия, которых на этой территории не было. Железнодорожные пути сообщения были представлены одной дорогой Чум-Лабытанги, возведенной еще в конце 1940-х гг. Автомобильные дороги были также слаборазвиты и имелись только на юге области от Тюмени до Тобольска включительно, а за Тобольском на север зимой вели лишь зимники и тропы. Речной транспорт по Оби и Иртышу протяженностью почти 3 тыс. км имел короткий навигационный период, который длился всего 3–4 месяца в году [2. С. 23].

Дальнейший поиск и разработка месторождений углеводородного сырья в Тюменской области, где разведчикам недр приходилось летом работать фактически на болоте, а зимой в условиях постоянных снежных заносов, при полном отсутствии шоссейных и железных дорог, без использования авиации становились просто невозможными. Учитывалось и то немаловажное обстоятельство, что для открытия воздушных линий требовались меньшие затраты времени и средств, чем на прокладку железных и шоссейных дорог.

Проблема транспорта в конце 1960-х гг. оставалась сложной как для нефтяников, так и для газовиков. При расширяющихся масштабах работ ограничиться только водными артериями было невозможно. Для доставки грузов и людей уже с 1966 г. объединение «Тюменьгазпром» стало использовать авиационный транспорт, а в 1967 г. в п. Игриме Ханты-Мансийского автономного округа была оборудована взлетно-посадочная полоса. С 1966 г. разрешение на содержание авиатранспорта для обслуживания буровых предприятий получил и Главтнефтегаз [3. С. 90].

В 1966 г. выходит приказ Министерства геологии, согласно которому гражданская авиация должна была осуществлять мероприятия по улучшению организации грузовых, пассажирских и вахтовых перевозок рабочих в нефтяных и газовых районах Тюменской области [4. С. 43]. Также в 1966 г. выходит приказ о необходимости введения глубокого бурения в новых районах области: Уренгойском-Пуровском районе ЯНАО, Русском-Газовском районе ЯНАО, Медвежьё – в Надымском районе ЯНАО, Картопийском – Кондинском районе ХМАО. Это требовало увеличе-

ния числа вертолетно-самолетного парка для мобильной перевозки грузов и геологов в новых районах области [4. С. 52].

Придавая большое значение авиации в развитии производительных сил области, Министерство гражданской авиации СССР сосредоточило в пределах Тюменской области 38% всего гражданского вертолетного парка страны. Грузооборот увеличился в 9,7 раза, перевозка пассажиров – в 12 раз, почты – в 6,7 раза, а авиационная обработка площадей возросла в 17,3 раза [5].

Резкий рост объемов авиационных работ в Тюменском регионе потребовал проведения и соответствующих структурных изменений. 7 февраля 1967 г. приказом министра гражданской авиации СССР, в связи с развернувшимися крупномасштабными работами по освоению нефтяных и газовых месторождений в Тюменской области, на базе местной Тюменской авиагруппы Уральского управления гражданской авиации было образовано Тюменское управление гражданской авиации. В состав управления вошло пять объединенных авиаотрядов (ОАО) и две объединенные авиаэскадрильи [6. С. 67].

Кроме того, Тюменскому управлению гражданской авиации (ТУГА) было выделено в общей сложности более 1 300 000 руб. на строительство аэропортов на севере области и жилья. Также были выделены средства в размере 420 тыс. рублей по нецентрализованным источникам на строительство детских садов. Самолетно-вертолетный парк ТУГА пополнился поступлениями из Уральского управления ГА (УУГА) – самолетами Ан-2 и вертолетами Ми-4 [Там же. Л. 68].

Однако имеющегося самолетно-моторного парка (СМП) не хватало для обслуживания нефтяных и газовых экспедиций. Было решено увеличить СМП с помощью прикомандированных самолетов и вертолетов из других управлений МГА. Всего в распоряжение ТУГА поступило 47 Ми-4 [7. Л. 79–80].

В 1967 г. в Тюменском Управлении гражданской авиации были переименованы линейно-ремонтные эксплуатационные мастерские (ЛЭРМ) в авиационно-технические базы (АТБ). Это было обусловлено тем, что самолетно-вертолетный парк значительно расширился, что требовало увеличения технического контроля состояния качества. К тому же замена ЛЭРМ на АТБ подразумевала расширение функций последнего.

Теперь все самолеты и вертолеты в объединенных авиаотрядах были переданы в АТБ, которые контролировали техническое обслуживание и ремонт техни-

ки. С 1 июня 1967 г. была введена система перспективного планирования и использования самолетно-моторного парка на год и квартал. При этом любое изменение планов полетов авиационной техники без согласования работников АТБ было запрещено [7. Л. 149–150].

Первым начальником Тюменского управления гражданской авиации был назначен Константин Александрович Лужецкий. Под его руководством были освоены и введены в эксплуатацию самолеты Ан-12, Ан-24, вертолеты Ми-2, Ми-6, Ми-8 [8. С. 5].

Самолетный и вертолетный парк всего Тюменского управления гражданской авиации к концу 1967 г. насчитывал 297 летательных аппаратов. В основном это были самолеты Ан-2, Ли-2 и вертолеты Ми-4 и Ми-1 [9. С. 20].

Общая численность работников составляла 4 910 человек, в том числе летно-подъемного состава – 998 человек [10. Л. 22].

Развитию Тюменского управления гражданской авиации способствовала, в числе всего прочего, и действующая тогда в Министерстве гражданской авиации трехступенчатая управленческая система. Непосредственный контроль за деятельностью управлений осуществляло Министерство гражданской авиации. И уже управлениями осуществлялось руководство предприятием на подведомственных им территориях – объединенными авиаотрядами. Они были достаточно жестко «привязаны» к региональному центру: командиры объединенных отрядов находились в прямом подчинении у начальника управления, но, вместе с тем, работали в автономном режиме – сами решали, как выполнять поставленные перед ними задачи, и несли полную ответственность за свои действия.

Для условий Тюменской области это был идеальный вариант: география работ по освоению новых месторождений углеводородов с каждым годом расширялась. И контролировать эти новые районы из Тюмени или осуществлять их авиационное обслуживание из уже существующих на Севере объединенных отрядов становилось все сложнее.

Поэтому после сооружения простейшего аэродрома и передислокации сюда для постоянной работы определенного количества авиационной техники в новых районах создавался очередной объединенный авиаотряд, решавший на месте все оперативные вопросы по организации авиаробот по заявкам геологов, нефтяников, газовиков и строителей и занимавшийся вопросами развития своей материально-технической базы [2. С. 43].

В результате число объединенных авиаотрядов пополнялось постоянно, вплоть до середины 1980-х гг. В момент образования Тюменского управления гражданской авиации в его состав входило всего 5 ОАО: Тюменский, Ханты-Мансийский, Березовский, Салехардский и Сургутский. Их изначально должно было быть больше: к тому времени авиаторы уже активно работали в Урае, Нефтеюганске, Тобольске, Нижневартовске. Но для получения статуса объединенного авиаотряда необходимо было, чтобы в данной струк-

туре имелся аэропорт, не менее одного летного отряда и присутствовала АТБ. Наличие всего пяти авиаотрядов на территории Тюменской области к 1967 г. являлось свидетельством слаборазвитой материально-технической базы Тюменского управления ГА. Рост численности и состояние объединенных авиаотрядов являются весомым показателем материально-технического снабжения предприятия.

Так, к моменту десятилетнего юбилея Управления (1977 г.) число объединенных отрядов в его структуре увеличилось на четыре единицы. И лишь начиная с конца 1970-х гг. рост числа объединенных авиаотрядов пошел быстрыми темпами. В конечном итоге их насчитывалось уже 16.

Основным полем деятельности ТУГА стали лесо-авиационные работы, аэрофотосъемка, обслуживание отраслей народного хозяйства (геология, газовая и нефтедобывающая промышленность, строительство предприятий на отдаленных территориях, геодезия и картография), на юге области – авиационно-химические работы (АХР), а также санавиация.

В комплексе работ, производимых Тюменским управлением ГА по применению авиации в народном хозяйстве, значительный удельный вес занимало обслуживание и строительство линий электропередач в нефтедобывающих районах, авиасейсморазведка, аэромагнитные съемки, перевозка вахты и оборудования, участие в монтаже буровых установок [11].

Не менее значимым направлением применения авиации на севере Тюменской области стал новый метод поиска нефти – авиасейсмозондирование. Впервые его применяют в 1958 г. с использованием самолетов Ан-2 в районе Тобольска, а затем Ханты-Мансийска. Авиасейсмозондирование нашло широкое распространение во всех нефтегеофизических управлениях Тюменской области.

Заранее на карте выбиралось место посадки самолетов. Летом и зимой это были преимущественно озера, в самолет монтировалась сейсмостанция, здесь же находились оператор и радиотехник. На другом самолете завозились бригада, гидромонитор для бурения скважин, взрывчатка, надувные лодки. Бригада высаживалась, ставила палатки, бурила скважину. Затем прилетал самолет с сейсмостанцией. Подсоединяли к станции провода, закладывали в скважину взрывчатку и по команде оператора взрывали заряд. Станция принимала отражения сейсмических волн, записывая их на фотобумагу. Оператор проявлял, смотрел на ленту, и, если записи были четкими, стоянка снималась с места и перелетала на следующее озеро или болото. Позднее стали работать с применением вертолетов, и возможности посадки стали расширяться.

В результате на карте появлялись точки, где без бурения получался схематический разрез, была известна глубина основного отражающего и промежуточных горизонтов.

Благодаря авиасейсморазведке была выявлена Шухтунгортская зона поднятий, Красноселенский, Сургутский, Нижневартовский, Салымский и Ляминский своды, Губкинская и Уренгойские структуры.

Они позволили правильно ориентировать площадную сейсморазведку в Сургутском и Мегионском районах, что привело к быстрому открытию Южно-Балыкских, Западно-Сургутских месторождений нефти [12. С. 48].

Таким образом, работы по открытию и разработке нефтяных и газовых месторождений в Тюменской области в 1960-х гг. потребовали интенсивного развития всех видов транспорта, в особенности воздушного. Основными задачами гражданской авиации были: перевозка людей, оборудования и продовольствия в труднодоступные районы, помощь в строительстве буровых вышек, нефтепроводов и газопроводов, аэрофотосъемка и т.д.

За семь лет с 1960 по 1967 г. объем авиационных перевозок авиатранспорта возрос в несколько раз, что при-

вело к созданию Тюменского управления гражданской авиации. Роль нового управления постоянно возрастала на протяжении 1960–1970-х гг., о чем свидетельствует увеличение объединенных авиаотрядов и самолетно-вертолетного парка. Авиация становится неотъемлемой частью технологического процесса в комплексном освоении природных богатств Западной Сибири, одним из мощных факторов его ускорения. Этот вывод подтверждают слова одного из первооткрывателей Тюменской нефти, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии Ю.Г. Эрвье: «Авиация была первым и самым необходимым помощником геологоразведчиков с самого начала работ в Тюменской области. Без нее не было бы столь быстрых успехов в открытии нефтяных и газовых месторождений» [13. С. 23].

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпов В.П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). Тюмень, 2005.
2. Сибирский характер. Тюмень, 2011.
3. Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления : в 2 ч. Тюмень : ТюмГНГУ, 2005. Ч. 1.
4. Нефть и газ в документах. Свердловск : Средне-Уральское книж. изд-во, 1973. Т. 2.
5. Авиатор Тюмени. 1977. 27 янв.
6. Государственный архив Тюменской области (далее – ГАТО). Ф. 2053. Оп. 1. Д. 4.
7. ГАТО. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 3.
8. Ютэйр. 2014. Декабрь.
9. Обнимающая небо: страницы истории тюменской авиации. Тюмень, 2011.
10. ГАТО. Ф. 773. Оп. 1. Д. 61.
11. Авиатор Тюмени. 1969. 12 фев.
12. Эрвье Ю.Г. Сибирские горизонты. Свердловск : Средне-Урал. книж. изд-во, 1968.
13. Авиатор Тюмени. 1970. 22 янв.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 марта 2015 г.

ESTABLISHMENT OF THE TYUMEN DEPARTMENT OF CIVIL AVIATION

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 82–85. DOI: 10.17223/15617793/405/10

Ismagilov Artur A. Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: kimonosa@yandex.ru

Keywords: Tyumen Department of Civil Aviation; aircraft-engine fleet; joint aircraft groups.

In the early 1960s, the West Siberian oil and gas complex, largest in the country, was created in the territory of Tyumen Oblast. At the time of its creation, a problem appeared of a fail-safe all-year means of communication which this territory did not have. Because of a short navigation period of the inland water transport and a lack of highway and railway means of communication, air transport became a non-alternative. As a result, in 1967, the Tyumen Department of Civil Aviation was established in the territory of Tyumen Oblast. The Department included joint aircraft groups all over the territory of Tyumen Oblast. The aircraft-engine fleet consisted of 297 aircrafts. Generally, these were single aircrafts An-2 and their hydromodification An-2B capable to land on a water surface. There were also helicopters of small airlift called Mi-1 and Mi-4. Repair work and service of the aircraft equipment was handled by an aircraft maintenance facility which was responsible for technical quality control. The main field of activity of the Tyumen Department of Civil Aviation was: forest aviation works, aerial photography, national economy sector service (geology, gas and oil-extracting industry, industrial construction work in remote parts of the territory, geodesy and cartography), aviation and chemical works in the south of the region, and also air medical service. The new method of oil search called aviaseismosounding became a significant mode of aircraft use in the north of Tyumen Oblast. For the first time this method was applied in 1958 with the use of An-2 planes near Tobolsk, and then near Khanty-Mansiysk. Aviaseismosounding found a wide-spread occurrence in all oil and geophysical departments of Tyumen Oblast. Geographical environment and transport infrastructure conditions of the region in the early sixties made the use of aircraft widespread and almost non-alternative in the process of oil and gas field development. An-2 and Yak-12 planes, An-2B seaplanes, and also Mi-1 helicopters made it possible to considerably speed up geologic explorations and became an effective instrument of the region's natural resources development. Consequently, from the middle of the 1960s with the beginning of the West Siberian oil and gas complex development, the Department of Civil Aviation was established, largest in the USSR, serving the huge north territory within Tyumen Oblast, aimed to perform works for the needs of national economy. The air transport became the strongest integral part of the operation process capable of speeding up the whole process within the complex development of natural resources.

REFERENCES

1. Karpov, V.P. (2005) *Istoriya sozdaniya i razvitiya Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa (1948–1990 gg.)* [History and development of the West Siberian oil and gas complex (1948–1990)]. Tyumen: TyumGNGU.
2. Anon. (2011) *Sibirskiy kharakter* [Siberian character]. Tyumen.
3. Koleva, G.Yu. (2005) *Zapadno-Sibirskiy neftegazovyy kompleks: istoriya stanovleniya: v 2 ch.* [West Siberian oil and gas complex: the history of formation: in 2 pts]. Pt. 1. Tyumen: TyumGNGU.

4. Smorodinskoy, S.A. (ed.) (1973) *Neft' i gaz v dokumentakh* [Oil and Gas in the documents]. Vol. 2. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizh. izd-vo.
5. *Aviator Tyumeni*. (1977) 27 January.
6. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 2053. List 1. File 4. (In Russian).
7. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 2053. List 1. File 3. (In Russian).
8. *Yuteyr*. (2014) December.
9. Gorbachev, V.S. & Knyazev, V. (2011) *Obnimaya nebo: stranitsy istorii tyumenskoy aviatsii* [Embracing the sky: the pages of history of the Tyumen Aviation]. Tyumen: Sibirskiy izdatel'skiy dom.
10. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 773. List 1. File 61. (In Russian).
11. *Aviator Tyumeni*. (1969) 12 February.
12. Erv'e, Yu.G. (1968) *Sibirskie gorizonty* [Siberian horizons]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizh. izd-vo.
13. *Aviator Tyumeni*. (1970) 22 January.

Received: 05 March 2015

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС «НА МЕСТАХ» КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (ФЕВРАЛЬ 1917 г. – ДЕКАБРЬ 1919 г.)

На основе периодической печати, выходящей в Томске в период с февраля 1917 г. по декабрь 1919 г., а также архивных источников, анализируются действия региональной власти по решению продовольственного вопроса как одного из наиболее острых в социально-экономической среде. Рассматривается реакция населения на политику властей, выявляются особенности восприятия местной власти населением. Выделяются региональные причины неспособности местных властей решить продовольственный вопрос, что в значительной степени повлияло на устойчивость политических режимов в период революции и Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война; Сибирь; Томская губерния; продовольственный вопрос; региональная власть.

В переломный период развития общества, такой как революция и Гражданская война, привычные жизненные устои уходят в прошлое, им на смену приходит новый социальный порядок, социальные практики и институты. Именно в этот период особенно важны адекватные ситуации действия со стороны власти как центрального, так и местного уровня, чтобы не потерять контроль над обществом. В условиях революционных катаклизмов ключевым звеном государственной системы всех политических режимов, в том числе белых правительств Востока страны, являлся региональный уровень власти. Именно на уровне региона сосредоточивались наиболее острые политические и социально-экономические проблемы. Одним из наиболее серьезных вопросов, которые пришлось решать местной администрации в данный период, был вопрос обеспечения населения и армии продовольствием. Его срочность подчеркивал тот факт, что продовольственный кризис остро обозначился еще в период Первой мировой войны и во многом послужил поводом к революционным потрясениям.

Основной задачей власти на местах была мобилизация всех ресурсов общества для победы на полях сражений, а также нормального функционирования государственного аппарата. Вместе с тем правительству и его агентам на местах необходимо было оперативно реагировать на нужды населения. От способности местной администрации решить наиболее острые проблемы, обеспечить стабильное функционирование общества – его политических и социальных институтов, умения не потерять связь с населением – зависел успех политики режима в целом. Местные власти оказались на пересечении интересов: с одной стороны, было важно определить желания и нужды населения, с другой – стояла задача проводить политику центрального правительства, причем последняя зачастую менялась. В итоге деятельности власти на местах происходила своеобразная «притирка» политического курса к повседневной реальности. Успешность такой деятельности во многом влияла на отношение населения к существующему правительству. Сама же эффективность или неэффективность политики властей в условиях революционного и военного времени может быть определена по следующим критериям: быстрота реагирования на вызовы; гибкость к внешним условиям и строгая координация действия вла-

сти. В противном случае общество не чувствует способность власти решить как общенациональные, так и локальные насущные проблемы, перестает ее поддерживать, а зачастую начинает открыто сопротивляться.

Различные аспекты экономической и социальной политики меньшевистских правительств получили достаточно широкое освещение в исследовательской литературе, однако деятельность региональной власти в этих направлениях не была предметом детального изучения [1–4]. В данном исследовании автор ставит перед собой цель на основе анализа механизмов действий местной власти в сфере продовольственной политики и реакции на них населения определить степень эффективности властного аппарата на местах и выявить причины несостоятельности меньшевистских правительств.

28 февраля 1917 г. до Томска дошли известия о свершившейся в Петрограде революции и переходе власти к Временному правительству (ВП). Либерально настроенные круги города восприняли февральские события с одобрением. Закономерным считалось падение «изжившего себя правительства» и приход ему на смену революционной власти из народных избранников, положительно оценивался и состав ВП. Образованному в Томске новому органу власти – Временному комитету общественного порядка и безопасности – выражалось широкое доверие. Ситуация в сельской местности складывалась сложнее, это объяснялось тем, что информация до села доходила с большим опозданием и не всегда являлась достоверной. В целом смену правительства сельское население восприняло «вполне сочувственно». Можно говорить о том, что большинством населения губернии события февраля были встречены положительно. Все социальные группы хотели улучшения своего положения и связывали с новой властью большие надежды: «Народ с верою и надеждою смотрит в будущее» [5. 11 апр.], – писала томская общественная газета «Сибирская жизнь».

Основной задачей революционной власти ставилось восстановление нормального функционирования жизни, необходимого для мобилизации всех ресурсов тыла. Одной из первых и наиболее серьезных проблем, которую пришлось решать местной администрации, была проблема обеспечения населения продовольствием. ВП продолжило царскую политику по

расширению государственного регулирования экономики. Вводилась монополия на торговлю хлебом с установлением на него твердых цен [6. 7 апр.]. Для заведования продовольственным вопросом на местах предусматривалось создание продовольственных комитетов и их исполнительных органов – продовольственных управ – на губернском, уездном, городском и волостном уровнях. Вновь созданные органы находились в ведении Общегосударственного продовольственного комитета, который заменил собой Особое совещание по продовольствию. Основной задачей комитетов был сбор и распределение продовольствия. Наиболее важная роль отводилась комитетам волостного уровня, именно они являлись главным источником информации для уездных и губернских комитетов о положении продовольственных дел на местах. В задачи комитета волостного уровня входило определение у населения волости количества продовольствия, фуража и предметов первой необходимости, их заготовка и распределение, выяснение количества хлеба, необходимого населению для собственных нужд, и возможности по сдаче его государству.

Томский губернский продовольственный комитет был образован в апреле 1917 г. В его состав вошли представители губернского исполнительного комитета, губернского и городского народного собрания, военно-промышленного комитета, Советов рабочих, солдатских и офицерских депутатов, Союза торговых-промышленных служащих и других учреждений. Создание продовольственных комитетов на уровне уездов и волостей значительно затягивалось, что серьезно осложняло ситуацию со сбором хлеба. Тяжелее всего складывалась ситуация с комитетами волостного уровня. Инструкторы губернской продовольственной управы, посланные на места для помощи в организации комитетов, вынуждены были подолгу разъяснять населению деревни смысл хлебной монополии, что значительно тормозило выборный процесс. Серьезным препятствием в процессе создания комитетов волостного уровня был кадровый дефицит. В селах и деревнях зачастую не хватало грамотных людей, способных справиться с административной работой. Наблюдая такую ситуацию, губернские власти пытались сосредоточить рычаги контроля над продовольственной ситуацией в своих руках. На одном из заседаний губернского народного собрания, состоявшемся 26 апреля 1917 г., членом губернской продовольственной управы было предложено посылать в уезды комиссии по приемке хлеба. Задачей таких комиссий должно было стать ознакомление населения деревни с продовольственным кризисом и необходимостью помощи государству. Однако общим голосованием предложение не было принято. Вместо этого было решено командировать по уездам комиссаров для контроля за учетом и приемкой хлеба. Избрание комиссаров предлагалось осуществлять президиумам губернского народного собрания, губернского продовольственного комитета и совета солдатских и офицерских депутатов. После проведения выборов в мае по губернии было разослано 120 комиссаров. Однако позицию местных правящих кругов это не изменило.

Их интересы выражал губернский комиссар Б.М. Ган в своем выступлении на I Всероссийском продовольственном съезде в Москве в мае 1917 г. Он говорил о том, что «недемократические по своему составу продовольственные комитеты – губернский, уездные и городские – являются “непопулярными” среди масс и проявляют способность к работе только те комитеты, которые опираются на “широкую демократию» [7. С. 43]. Вероятно, представители местной властной элиты полагали, что новые органы управления губернией – демократически избранные народные собрания – способны лучше выполнять продовольственные функции, обладая поддержкой и доверием населения. Однако подобные идеи не получили поддержки правительства.

Неорганизованность работы продовольственной системы в губернии осложняла сбор данных о количестве хлеба, серьезные проблемы отмечались и в процессе его заготовки. Нередкими были случаи, когда крестьяне отказывались сдавать хлеб по твердым ценам, которые были значительно ниже рыночных. Сдавая хлеб, крестьяне зачастую не могли приобрести промышленные товары из-за крайне высоких цен: «раздаются голоса, что если купцы и фабриканты не хотят уступать товара по дешевой цене, а нас заставляют хлеб отдавать по твердой цене, так мы к ним за товаром не поедим, а они пускай к нам за хлебом не ездят» [8. 15 июня]. Деревня постепенно переставала поставлять хлеб в города. По данным Томской губернской продовольственной управы, «недельное поступление на пункты по всей Томской губернии (вместе с Алтайской) было: с 2 по 9 июля 78 286 пуд., с 9 по 16 июля 80 571 пуд., с 16 по 23 июля 25 562 пуда и с 23 по 30 июля 27 350 пуд.» [5. 12 сент.]. К зиме ситуация еще более осложнилась: «Покупка зерна и подвоз его в Томск в настоящее время почти не производится, так как крестьяне заявили, что они дадут муку только тогда, когда город снабдит их мануфактурой, железом и теми продуктами, которые необходимы для деревни» [Там же. 12 дек.], – писала в декабре 1917 г. «Сибирская жизнь».

В этот период отмечалось, в первую очередь, пассивное сопротивление деревни политике властей. Крестьянство зачастую прятали хлеб, также широко распространенной формой протеста против невыгодной ценовой политики в продовольственной сфере стало распространение в регионе винокурения (самогонварения). Лидером в этой области была Томская губерния, где в отдельных местностях, по данным информационного подотдела Особого организационного отдела Министерства продовольствия, наблюдалось «полное единение милиции и винокуров» [9. С. 55]. На местах действовали сложившиеся в период войны микропрактики, в первую очередь, «удобные» для населения. Осознавая неспособность центральной власти изменить ситуацию, население и представители местной администрации приспосабливались к сложившимся условиям, решали собственные проблемы. Борьбу с этим правительство было не в состоянии. В то же время именно такое поведение агентов власти на местах значительно снижало авторитет правительства в глазах народа.

Тяжелее всего приходилось городу. В условиях практически не работающего механизма поставок из сельской местности городское население нуждалось в снабжении продовольствием. По данным официального печатного органа Томского временного комитета общественного порядка и безопасности «Голоса Свободы», осенью 1917 г. ситуация в городе обстоит следующим образом: «Печеный хлеб постепенно исчезает с рынка, становится уже значительной редкостью, а отсюда и ценностью. Дороговизна хлеба, а также других продуктов первой необходимости страшно поднялась; наибольшее и острое значение она имеет для нуждающихся студентов и курсисток, не томичей, которые иногда бывают вынуждены вообще выехать из Томска» [6. 10 сент.]. Если хлеб и удавалось приобрести, то далеко не лучшего качества; так в письме губернского комиссара к городскому голове отмечалось следующее: «...до моего сведения дошло, что жители города заявляют о продаже ржаной муки из городских продовольственных лавок с подмесью песка. Прошу вас не отказать в срочном выяснении имеется ли в продаже в городских лавках ржаная мука с подмесью песка, к выяснению процентного соотношения песка к муке, если такая имеется, к срочному удовлетворению всех уже получивших такую муку соответствующим количеством доброкачественной муки, и к преданию суду лиц, виновных в продаже такой муки» [10. Л. 144]. Несмотря на строгость грозящего наказания, такие случаи не были редкостью на Томском рынке.

Обострение бытовых проблем приводило к резкому росту социального напряжения, жесточечности среди горожан и усилению недоверия по отношению к власти. В конце сентября 1917 г. «Сибирская жизнь» писала: «В последнее время в связи с малой величиной месячного мучного пайка замечается волнение среди беднейшей части населения... Печеный хлеб почти исчез с рынка, пайка не хватает» [5. 21 сент.]. В ноябре 1917 г. хлеб из городской продовольственной лавки не могла получить даже губернская тюрьма. Начальник тюрьмы отмечал, что такое положение дел привело к тому, что тюрьма находится на грани беспорядков. «Фактически дело обстоит так: городская продовольственная комиссия разрешит мне отпуск муки на 1–2 дня, а иногда и больше, но публика, стоящая в очередях у продовольственной лавки не позволяет брать муку кулями. Стоящий там милиционер ничего не может сделать. Вот уже три дня я, таким образом, не могу получить муки для губернской тюрьмы. Беспорядки в тюрьме могут перекинуться и в город, в случае выхода заключенных, которых в губернской тюрьме имеется 350 человек и положение в городе тогда создастся еще более опасное» [10. Л. 231]. Данная проблема была решена за счет вмешательства губернского комиссара и применения экстренных мер. По его распоряжению губернская тюрьма получила муку из запасов воинских частей, однако такие меры не могли применяться повсеместно.

Правительство, вероятно, осознавало неработоспособность предложенного им варианта решения

продовольственного вопроса посредством децентрализации и демократизации органов власти. Можно отметить, что уже к концу лета 1917 г. центральной властью был взят курс на контроль продовольственной ситуации. 10–14 августа 1917 г. в Омске состоялся Учредительный съезд представителей губернских и областных продовольственных комитетов. На нем было утверждено Положение о продовольственно-экономическом краевом комитете Западной Сибири и Урала. Исполнительным органом комитета был избран краевой Совет, который располагался в Омске. В функции совета входило руководство заготовками и снабжением губерний Западной Сибири предметами первой необходимости, отправкой продуктов в нуждающиеся губернии, а также на фронт. Таким образом, вопрос распределения продовольствия переходил из ведомства губернской продовольственной управы и продовольственных комитетов на места в ведение коалиционного органа, который подчинялся напрямую Министерству продовольствия ВП.

Однако такие перемены были восприняты резко отрицательно органами общественного самоуправления на местах. На экстренном заседании городской думы, состоявшемся 21 ноября, председатель городской продовольственной управы А.Ф. Иванов объяснял такую реакцию невозможностью для управы более действовать в интересах губернии: «В настоящий момент у нас нет никакой уверенности, что губернская управа может обеспечить население хлебом и мясом, так как последняя отдала свое право распределения продуктов в Томской губернии краевому совету, находящемуся в Омске» [5. 23 нояб.]. Как утверждал Иванов все на том же заседании думы, «...краевой совет ведет свою собственную политику. Он говорит, что в России страшный голод и туда необходимо отправлять все имеющиеся здесь излишки запасов, что Сибирь еще может прожить и нужно больше внимания обращать на отправку в Россию запасов, чем снабжать здешние места». В сложившейся ситуации опасения городских властей вполне понятны. Местные торговцы и кооператоры, чьи интересы были представлены в органах власти, теряли выгоду от самостоятельной заготовки и распределения продовольствия, а также понимали, что передача полномочий по заготовке продовольствия в центр в скором времени приведет к «выкачиванию» хлеба из Сибири.

В ответ на опасения главы городского продовольственного комитета председатель губернской продовольственной управы говорил о том, что основной задачей краевого совета является координация деятельности всех продовольственных органов. Одну из причин продовольственного кризиса на местах глава управы видел в следующем: «Некоторые города, кричащие о своей ответственности, сами вносят деморализацию в организацию заготовок, и в губернскую продовольственную управу поступает целый ряд заявлений от продовольственных органов с мест, в которых жалуются на то, что агенты городской продовольственной управы, лица, приехавшие из Томска, получившие разрешение на право закупок вносят

только разлад в настроениях крестьян, что сплошь и рядом производятся закупки выше твердых цен, которые стараются провести в жизнь продовольственные органы на местах» [5. 23 нояб.].

Вмешательство государства в ситуацию с распределением хлеба, очевидно, было необходимо и неизбежно в сложившихся условиях. Такими мерами правительство решало свою первостепенную экономическую задачу – обеспечение продовольствием армии для продолжения войны. Также на решение властей повлияла очевидная неспособность продовольственных органов справиться с возложенными на них задачами. Большинство членов продовольственных комитетов совершенно не обладали опытом работы в экономической сфере, серьезным препятствием для работы послужил также их многочисленный и разнородный состав. Комитеты волостного уровня оказались самым слабым звеном в системе продовольственной политики ВП. В некоторых волостях к осени 1917 г. они либо не были созданы, либо работали не в полном составе, что значительно усложняло ситуацию со сбором хлеба. Так, например, еще в сентябре 1917 г. министр продовольствия обращался к губернскому продовольственному комитету Томска с требованием принять срочные меры к вывозу хлеба из сельской местности до начала осенней распутицы. В этом же письме министр отмечал следующее: «Объявите уездным и волостным продовольственным комитетам, что всякое вмешательство волостных комитетов в распоряжение губернского продовольственного комитета недопустимо и будет решительно прекращаться» [6. 23 сент.]. В этой связи необходимо отметить, что и сама местная государственная власть была вынуждена обращаться к централизованным механизмам решения продовольственного вопроса. Об этом свидетельствует учреждение должности комиссаров по учету и приемке хлеба, которые отправлялись в уезды и волости для осуществления контроля. Власти на местах пытались сосредоточить самый важный процесс – процесс заготовки продовольствия на губернском уровне.

Ставка на централизацию власти в продовольственной сфере была запоздалой и не имела должного успеха. К осени 1917 г. Правительство решительно теряло контроль над экономической ситуацией в стране. Доверие к власти окончательно сменилось пассивным сопротивлением ее политике. Большое значение в этой связи сыграла нерешенность продовольственного вопроса, одного из ключевых в политике ВП, наиболее обсуждаемого и острого для общества. Одна из основных причин несостоятельности продовольственной политики ВП заключалась в том, что ему не удалось выработать необходимый план антикризисных мероприятий и создать работоспособный продовольственный аппарат и установить контроль над ним.

В решении продовольственного вопроса правительство делало ставку на новые демократические органы – продовольственные комитеты. Однако эти органы себя не оправдали из-за своей многочисленности, разнородности, некомпетентности служащих и

кадрового дефицита. Все это определило дальнейший ход событий. Коренных мер в решении продовольственного вопроса и других социально-экономических проблем предпринять так и не удалось. Продолжение войны и нарастание кризисных явлений в экономике и обществе требовало принудительных и экстренных мер. Однако, до последнего избегая таких действий и делая упор на децентрализацию власти, ВП обрекало себя на провал. 6 декабря 1917 г. в Томске и уездных центрах установилась советская власть.

31 мая 1918 г. управление в Томске перешло к Западно-Сибирскому комиссариату (ЗСК) Временного Сибирского правительства (ВСП). Приход нового правительства в городской среде был встречен одобрительно. Горожане успели ощутить на себе большевистскую политику: национализация домов, конфискация имущества. В крестьянской среде, напротив, наблюдалась усталость от постоянной смены руководства и политических лозунгов. Крестьяне были далеки от политики, их в большей степени волновали насущные бытовые проблемы. Можно отметить, что к перемене правительства они в большинстве своем отнеслись безразлично. К тому же сибирская деревня не успела в достаточной степени познакомиться с большевистской властью (большевики не успели закрепить свою власть на сибирской периферии), а потому выступать резко против нее. Как отмечал в своих воспоминаниях управляющий делами Верховного Правителя и Совета Министров Российского правительства Г.К. Гинс, «Сибирь в своей основной массе большевизмом не заразилась. Он протянулся красной ленточкой вдоль линии железной дороги, не проникнув вглубь» [11. С. 51].

Пришедший к власти комиссариат, позже ВСП столкнулись с теми же социально-экономическими проблемами, что и их предшественник – ВП, однако они еще более обострились в связи с начавшейся Гражданской войной. Главным же предметом заботы государства оставалась армия, которая нуждалась в обмундировании и полном обеспечении продовольствием. Наиболее серьезные усилия правительству пришлось приложить к решению продовольственного вопроса, который по-прежнему оставался одним из самых серьезных и требующих экстренных мер.

Новые власти были вынуждены налаживать аппарат управления государственными заготовками и снабжением населения на новых условиях, отличных от тех, что были выстроены советской властью. Началось восстановление демократических продовольственных комитетов и их исполнительных органов – продовольственных управ. 10 июня 1918 г. при ЗСК был образован отдел продовольствия, 1 июля он был преобразован в министерство. Министерство продовольствия приняло делопроизводство от бывшего краевого продовольственно-экономического комитета Западной Сибири и Урала. Основная задача Министерства заключалась в регулировании производства, потребления и торговли продуктами питания, а также снабжении армии и населения. На него также возлагалось руководство деятельностью местных продовольственных органов, уполномоченных по заготовке

различных видов продукции, уполномоченным по продовольствию и снабжению. Штат уполномоченных комплектовался из местных государственных деятелей или же назначался «сверху». Правительство старалось делать упор на «старые кадры», людей опытных в сфере снабжения, однако кадровый дефицит серьезно сказывался в этой области. Значительная часть местных уполномоченных Министерства продовольствия оказалась людьми случайными, пришедшими на эту должность из корыстных побуждений [12. С. 86]. Уполномоченный министерства снабжения по Томской и Алтайской губернии Тыжнов приступил к исполнению своих обязанностей 13 сентября 1918 г. [13. 15 сент.]

При государственных уполномоченных на местах создавались совещания из представителей местных органов самоуправления, торгово-промышленных, кооперативных организаций и профсоюзов. Такие совещания должны были доводить потребности и интересы населения до уполномоченных. Правительство осознавало неспособность органов местного самоуправления и общественных организаций справиться с серьезной задачей обеспечения населения и армии продовольствием и сделало упор на концентрацию власти в руках государственных представителей. Однако на практике и совещания при уполномоченных не показали высокой эффективности, на них обсуждались вопросы о распределении поступающего продовольствия, но не планы будущих заготовок и проблемы населения. Также постепенно наблюдалось увеличение количества уполномоченных по разным вопросам. «Каждый из них получал определенные властные полномочия в распределительной системе и вносил свою долю хаоса в дело заготовок» [12. С. 87].

Особенно сложной и напряженной была ситуация в городах. Летом – осенью 1918 г. горожане ощущали сильный дефицит привозных продовольственных товаров, таких как чай, сахар. Также не хватало предметов повседневного обихода – керосина, спичек, табака, свечей и ниток. Такая ситуация серьезно сказывалась на настроениях населения и отношении к существующему режиму. По данным инструкторских отделов, отношение населения к ВСП в конце лета 1918 г. было неоднозначным: «За август месяц в Томском уезде посещено инструкторами 10 волостей, из которых только 5 волостей высказались определенно за поддержку Сибирского Временного Правительства. Остальные 5 относятся к правительству неопределенно и выжидательно: “Если правительство будет хорошо относиться к нам, говорят крестьяне, тогда мы его будем поддерживать”» [14. Л. 1]. Если в Томском уезде только 5 из 10 волостей выказывали неопределенное отношение к правительству, то в Новониколаевском из 25 опрошенных волостей 24 относились к нему с недоверием. Сообщая об этом, уездный инструктор отмечал, что в Новониколаевском уезде нужны не агитаторы и информаторы, а вооруженная сила. Отношение к власти зачастую определялось улучшением экономического положения населения, повышением уровня жизни и безопасности в обществе. Известный отечественный историк В.П. Будда-

ков отмечал: «Масса оставалась безразлична к институтам, ее волновали результаты, а не формы властвования» [15. С. 176].

На фоне крайне неблагоприятной социально-экономической ситуации в губернии Омский переворот и приход к власти адмирала А.В. Колчака 18 ноября 1918 г. не вызвал у населения бурной реакции. «Часть населения довольна, а другая недовольна и недоверчиво говорит: “министры друг друга арестуют и так может быть без конца”, – отмечалось в докладе уездного комиссара в губернский центр» [16. Л. 51].

С переменой власти произошли некоторые изменения в экономической сфере. 10 декабря 1918 г. была отменена государственная монополия на продовольственную торговлю. Государство оставляло за собой обязательство только по снабжению армии, население же получило возможность закупать продовольствие по рыночным ценам. Так, ситуация с продовольствием на некоторое время улучшилась: цены на рынке поднялись, что способствовало поступлению в продажу новых товаров. Однако в долгосрочной перспективе такая мера привела к совершенной дезорганизации рынка продовольственных товаров и мануфактур. Уже к лету 1919 г. наблюдался неконтролируемый рост цен и спекуляции. Управляющий Министерства продовольствия и снабжения в обращении к уполномоченному по продовольствию в губернии отмечал: «В последнее время цены на хлебпродукты неимоверно растут. Можно ожидать, что в настоящую летнюю кампанию цены поднимутся на такую высоту, что заготовка будет почти невозможна. Владельцы хлеба, учитывая поднятые цены, выжидают еще большего повышения, сокращая подвоз» [17. 31 мая]. Причину такого положения дел глава Министерства видел в неорганизованности заготовителей хлеба, их разрозненных действиях.

Эту же проблему отмечал в своем письме к главам губерний Отдел сельского управления Министерства внутренних дел. В связи с отсутствием на местах органов, способных организовать нормальную работу по обеспечению населения продовольствием, «ни в одном из центральных ведомств до самого последнего времени не имеется исчерпывающих сведений ни о размере постоянного клина по губерниям и уездам, ни об условиях произрастания хлебов и трав. При таких условиях судить, где и какой ожидается урожай, в каких районах и в каком размере, естественно является затруднительным» [Там же. 30 июля]. Так, отдел Сельского управления Министерства внутренних дел в обращении к управляющим губерниями отмечал, что «на местах в настоящее время нет аппаратов, которые бы могли достаточно организованно оказывать содействие населению в обеспечении его продовольственных нужд» [Там же. 31 мая].

Летом 1919 г. Правительство сделало ставку в решении продовольственной и других социально-экономических проблем на сильную местную государственную власть. Такие меры были связаны с общей тенденцией усиления правительственной вертикали власти. Что касается продовольственного вопроса, то управляющие губерниями должны были создать

на местах Временные губернские Междуведомственные совещания по продовольствию под своим председательством. В состав совещания должны были войти представитель Министерства снабжения и продовольствия, помощник управляющего губернией, начальник управления земледелия и государственных имуществ, заведующий переселенческим районом, прокурор окружного суда, председатель губернской земской управы, городской голова и непременный член губернского по сельским делам присутствия. Председатель получал право приглашать для участия в совещании осведомленных по тем или иным вопросам лиц. Задачей такого совещания было определить степень обеспеченности населения губернии продовольствием и вести надзор за деятельностью учреждений, созданных городскими и земскими управами. Управляющий губернией должен был получать сведения о состоянии посевов и результатах урожая со всей губернии и эти сведения направить непосредственно в Министерство внутренних дел и другие вышестоящие инстанции. В случае плохого урожая управляющий должен был своевременно обращаться за ссудами, организовывать подворное обследование для составления нового плана продовольственной компании. В случае необходимости полагалась закупка продовольствия для обеспечения нужд губернии. Также совещанию полагалось следить за порядком продажи продуктов.

Однако уже осенью – зимой 1919 г. экономическая разруха в стране достигла своего предела. Те или иные действия власти на местах зачастую оказывались малопродуктивными. Распространенной проблемой была несвоевременная оплата поставок продовольствия из-за недостатка средств, также серьезные проблемы наблюдались в транспортировке уже заготовленного продовольствия. Ситуацию в Томске в полной мере характеризует письмо управляющего губернией Министру внутренних дел Гаттенбергеру: «В городе Томске хлеба нет [,] мельницы свыше недели стоят вследствие полного отсутствия зерна. Покупка хлеба Городской продовольственной управой [и] мукомолами, хотя производится, но за отсутствием разменной монеты развиться не может, а закупленное не перевозится за неподачей вагонов, необходимы экстренные меры, иначе [в] городе будет голод со всеми его последствиями» [18. Л. 110], – писал Б.М. Михайловский. Управляющий обращался в высшую инстанцию за содействием в транспортировке уже закупленной в Алтайской губернии пшеницы, просил отпустить городу пшеницы из казенных запасов от 50 до 100 тыс. пудов. Также просил выдать мукомолам разрешенные ссуды, «непременно мелкими деньгами».

Управляющие губерниями должны были осуществлять личный непосредственный контроль над всеми местными органами власти в продовольственной сфере. По инициативе центральной власти главы губерний должны были также совершать объезд подконтрольных им территорий. Как писал министр внутренних дел В.Н. Пепеляев, в своем обращении к управляющим, «задача не теряя связи ...посетить наиболее ответственные сельские местности для авторитетных бесед [с] населением. Моя поездка по

Тобольской губернии убедила меня, что сельское население, не видя представителей высшей администрации не верит в ее существование. Такое отсутствие близости грозит чреватými последствиями» [19. Л. 1]. В этом же письме глава Министерства внутренних дел говорил о том, что управляющие уездами, которые не были никогда в селах, «далее неприемлемы». В ответ на обращение В.Н. Пепеляева Томский губернский комиссар Б.М. Михайловский писал следующее: «Мной, также управуездом объезд губернии производился и ранее. Ныне безусловную необходимость возможно частых выездов управуездом подтверждаю. Лично вследствие массы дел требующей моего пребывания в Томске предполагаю выехать в конце будущей недели» [Там же. Л. 26].

Стоит отметить, что такие меры решительно не меняли ситуацию. Положение как горожан, так и сельских жителей продолжало ухудшаться. В декабре 1919 г. «Сибирская жизнь» сообщала, что прожиточный минимум возрос больше чем в четыре раза (с 439 руб. 91 коп. на 1 июня до 1712 руб. 40 коп. на 1 декабря) [20. 13 дек.]. Резко негативное отношение населения вызывали также злоупотребления властью на местах, разгул военных. Как отмечал Г.К. Гинс, «царство военщины возбуждало население, которое раньше безразлично относилось к формам власти» [11. С. 312]. Именно такие местные проявления политики власти формировали негативный образ Правительства в глазах народа.

Также зимой 1919 г. ситуация значительно осложнилась общим ухудшением положения дел на фронте – нарастало партизанское движение, белая армия вынуждена была отступать вглубь Сибири. Государственная власть постепенно самоустранилась от решения насущных проблем населения. Однако именно нерешенность основных социально-экономических проблем привела к полной потере общественного доверия и поддержки и в конечном итоге к падению режима. В общественной среде наблюдались крайняя усталость от войны, неуверенность в завтрашнем дне и, как следствие, озлобленность и агрессия по отношению к представителям власти. Люди хотели стабильности, нормализации ситуации с продовольствием, жильем и решения других насущных проблем. Власть же требовала выплаты налогов и недоимок, соблюдения порядка и законности, в то время как сама не могла обеспечить население необходимыми гарантиями безопасности и нормального существования. Можно говорить о том, что в обществе установилась политическая апатия, люди сосредоточились на решении собственных проблем и элементарном выживании. Как отмечал кемеровский исследователь С.П. Звягин, «почти в каждой деревне шла собственная гражданская война, временами фокусировавшаяся на проблемах, ничего не имеющих общего ни с идеологией белых, ни с идеологией красных» [21. С. 276]. В последние месяцы существования небольшевистской власти в Сибири управляющий губернией Михайловский в своем докладе в Омск отмечал, что «ожидаемого и желанного порыва к защите своей родины от надвигающегося большевизма совершенно незаметно» [Там же. С. 277].

Можно говорить о том, что как Временному Сибирскому правительству, так и сменившему его Российскому правительству А.В. Колчака также не удалось предложить адекватный ситуации механизм решения продовольственной проблемы.

В заключение необходимо отметить, что в ходе реконструкции региональной политика государственной власти в продовольственной сфере на губернском и уездном уровне автором выявлены конкретные практики решения поставленных центральной властью задач. ВП была предпринята попытка выйти из продовольственного кризиса посредством привлечения к принятию решений широкой общественности, однако в скором времени это привело к большей дезорганизации и полной потере контроля над ситуацией. Правительство сделало ставку на органы местного самоуправления, однако они только начинали формироваться и осваиваться на сибирской почве, так как земства и многочисленные комитеты не справились с возложенной на них задачей. Осознавая это, представители местной государственной власти пытались сосредоточить контроль над продовольственной политикой в своих руках путем создания специальных органов на местах. В этой связи можно говорить о наметившейся централизации власти в продовольственной сфере. Эта тенденция была вскоре поддержана правительством, которое предприняло попытку передать функции контроля и распределения продовольствия вновь созданному коалиционному органу, который подчинялся ему напрямую. Однако эта мера была запоздалой и не получила должного развития.

Сменивший ВП Западно-Сибирский комиссариат, затем Временное Сибирское правительство, осознав полную неспособность органов местного самоуправления справиться с серьезной задачей снабжения населения и армии, сделало ставку на государственных представителей на местах – государственных уполномоченных. Можно говорить о том, что центра-

лизация в продовольственной сфере в этот период политически институционализировалась: был создан институт государственных уполномоченных по продовольствию и снабжению, который подчинялся Министерству продовольствия. Однако деятельность уполномоченных также не показала высокой эффективности – постепенно увеличивалось их количество по разным вопросам, дублировались функции. Стремительное ухудшение продовольственной ситуации требовало экстренных мер. Колчаковское правительство, осознав неработоспособность демократических институтов, предприняло попытку справиться с ситуацией за счет упрочнения государственной властной вертикали. Функции контроля над органами власти в продовольственной сфере были закреплены за управляющим губернией. Однако социальный и экономический кризис стремительно разрастался, и все действия властей оказывались малопродуктивными.

Можно говорить о том, что ни одному из правительств, существовавших на территории Сибири на протяжении 1917–1919 гг., не удалось выстроить аппарат управления в продовольственной сфере, отвечающий потребностям кризисного периода, наладить эффективный механизм проведения в жизнь государственных решений, а также выработать продуманную и жизнеспособную программу по выходу из кризиса. Небольшевистские власти всячески стремились обозначить четкую грань между своей политикой и действиями большевиков. Намеренно подчеркивалось нежелание идти по большевистскому пути жесткого государственного регулирования, которое, по их мнению, сулило всяческие беды и лишения. Однако белые правительства не смогли предложить обществу привлекательную и жизнеспособную идею, которая смогла бы объединить общество, сплотить его. Комплекс этих факторов стал главной причиной падения каждого из рассмотренных политических режимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журов Ю.В. Гражданская война в Сибирской деревне. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. 196 с.
2. Рынков В.М. Социально-экономическая политика антибольшевистских правительств на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 гг.). Новосибирск : [б.и.], 2008. 438 с.
3. Луков Е.В. Взаимоотношения центральных и местных органов власти при Западно-Сибирском комиссариате и Временном Сибирском правительстве (на примере Томской губернии) // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. 12 : сб. статей. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 122–126.
4. Шевелев Д.Н. Сибирский город под властью антибольшевистских правительств: повседневная жизнь и политическая пропаганда // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327. С. 90–94.
5. Сибирская жизнь (Томск). 1917.
6. Голос свободы (Томск). 1917.
7. Чудаков О.В. Продовольственный вопрос в деятельности городского общественного управления в Сибири в межреволюционный период (февраль – октябрь 1917 г.) // Омский научный вестник. Омск : Омский государственный технический университет, 2014. С. 42–45.
8. Гражданин офицер (Томск). 1917.
9. Гордеев О.Ф. О налоговой системе в аграрном секторе во времена Колчаковщины // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории. Ч. 2 : тез. докл. и сообщ. науч. конф. Иркутск : [б.и.], 1994. С. 15–17.
10. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 11.
11. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М. : АЙРИС-пресс, 2008.
12. Рынков В.М. Государственные продовольственные заготовки в Сибири в 1914–1919 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890–1920-е гг.) : сб. науч. трудов. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2004.
13. Сибирская жизнь (Томск). 1918.
14. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 179.
15. Буддаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН, 1997.
16. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 28.
17. Вестник Томской губернии (Томск). 1919.
18. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 22.

19. ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 120.
20. Сибирская жизнь (Томск). 1919.
21. Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2001.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 февраля 2016 г.

PROVISION SUPPLY ON THE LOCAL LEVEL AS A FACTOR OF POLITICAL REGIME STABILITY DURING THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR: THE TOMSK PROVINCE (FEBRUARY 1917 – DECEMBER 1919)

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 86–93. DOI: 10.17223/15617793/405/11

Kozlova Dina S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dina.my-mail@yandex.com

Keywords: Civil war; Siberia; Tomsk province; question of provision supply; provincial authority.

In the conditions of revolutionary cataclysms the regional level of political authorities was a key link of the state system of all political regimes, including the White governments of the Russian East. It was on the regional level in particular that the most acute political, social and economic issues concentrated. The question of providing people and the army with provision was one of the most serious that the local administration had to solve during this period. At the same time, the main challenge for local authorities was mobilization of all society resources for a military victory, and also for the normal functioning of government. The success of the policy of the political regime depended on the ability of local administration to solve the most burning issues, to provide stable functioning of society, its political and social institutes. It also depended on the abilities not to lose touch with people. The main challenge for the local authority of the revolutionary time was the reconstruction of normal social life functioning. The Provisional government continued the policy of imperial administration on the expansion of the state regulation of economy. The main place in the process of provision supply was assigned to new democratic structures – provision committees. However, the work process of new democratic structures was seriously complicated by their large number, and incompetence and deficiency of employees. The attempt of local public authorities to put process of provision preparation under control did not change the situation fundamentally. Intervention of the central authorities in food policy on places was inevitable; however, this measure was overdue and did not make the expected success. The West Siberian commissariat and The Provisional Siberian government faced with the absolute inability of local self-authorities to cope with the serious problem of provision supply of the population and the army. During this period, the power centralization in the provision sphere was politically institutionalized. A new state structure was founded: the Institute of the State Commissioners on Provision and Supply which was subordinate to the Ministry of Food. However, the work of state commissioners did not show high efficiency: their number on different questions gradually increased, functions were duplicated. Fast changes for the worst in the provision sphere demanded emergency measures from the government. A.V. Kolchak's government, realizing the incapacity of democratic institutes to deal with all economic problems, made an attempt to cope with this situation by strengthening the state power vertical. The control functions over the local authorities in the food sphere were assigned to the province governor. Neither of non-Bolshevik governments in Siberia managed to form an effective system of provincial authorities and an effective mechanism of implementing state decisions, and also to develop a well-weighed and viable program for recovery from the crisis.

REFERENCES

1. Zhurov, Yu.V. (1986) *Grazhdanskaya voyna v Sibirskoy derevne* [The civil war in the Siberian village]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
2. Rynkov, V.M. (2008) *Sotsial'no-ekonomicheskaya politika antibol'shevistskikh pravitel'stv na vostoche Rossii (vtoraya polovina 1918 – 1919 gg.)* [Socio-economic policy of anti-Bolshevik governments in the east of Russia (second half of 1918 – 1919)]. Novosibirsk.
3. Lukov, E.V. (2002) *Vzaimootnosheniya tsentral'nykh i mestnykh organov vlasti pri Zapadno-Sibirskom komissariate i Vremennom Sibirskom pravitel'stve (na primere Tomskoy gubernii)* [Relations between central and local authorities in the West Siberian commissariat and Siberian Provisional Government (on the example of the Tomsk province)]. In: Sumarokova, V.S. (ed.) *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of Tomsk Regional Museum]. Vol. 12. Tomsk: Tomsk State University.
4. Shevelev, D.N. (2009) A Siberian city under the power of antibolshevist governments: everyday life and political propaganda. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 327. pp. 90–94. (In Russian).
5. *Sibirskaya zhizn'*. (1917).
6. *Golos svobody*. (1917).
7. Chudakov, O.V. (2014) Food problem and activity of municipal public management in Siberia in inter-revolutionary period (February–October 1917). *Omskiy nauchnyy vestnik*. 2(126). pp. 42–45.
8. *Grazhdanin ofitser*. (1917).
9. Gordeev, O.F. (1994) [On the tax system in the agricultural sector in times of Kolchak]. *Baykal'skaya istoricheskaya shkola: problemy regional'noy istorii* [Baikal historical school: problems of regional history]. Proceedings of the conference. Pt. 2. Irkutsk. pp. 15–17. (In Russian).
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-166. List 1. File 11. (In Russian).
11. Gins, G.K. (2008) *Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povorotnyy moment russkoy istorii. 1918–1920* [Siberia, allies and Kolchak. The turning point in Russian history. 1918–1920]. Moscow: AYRIS-press.
12. Rynkov, V.M. (2004) Gosudarstvennye prodovol'stvennye zagotovki v Sibiri v 1914–1919 gg. [State food harvesting in Siberia in 1914–1919]. In: Il'inykh, V.A. (ed.) *Nalogi i zagotovki v sibirskoy derevne (1890–1920-e gg.)* [Taxes and harvesting in a Siberian village (1890–1920-ies)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
13. *Sibirskaya zhizn'*. (1918).
14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1362. List 1. File 179. (In Russian).
15. Buldakov, V.P. (1997) *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red turmoil. The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow: ROSSPEN.
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1362. List 1. File 28. (In Russian).
17. *Vestnik Tomskoy gubernii*. (1919).
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-148. List 1. File 22. (In Russian).
19. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-148. List 1. File 120. (In Russian).
20. *Sibirskaya zhizn'*. (1919).
21. Zvyagin, S.P. (2001) *Pravookhranitel'naya politika A.V. Kolchaka* [Law enforcement policy of Kolchak]. Кемерово: Kuzbassvuzizdat.

Received: 24 February 2016

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕНОМЕНА ОДЕРЖИМОСТИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В РАБОТАХ О. ХАКСЛИ И М. СЕРТО

Исследуется проблема интерпретации исторического факта в работах Олдоса Леонарда Хаксли и Мишеля Борже де Серто. Выявляются причины различий авторских подходов к луденскому судебному процессу 1632–1640 гг., инициированному одержимыми монахинями местного монастыря против приходского священника Урбена Грандье, а также причины противоположности в понимании авторами феномена одержимости и его значения в общественной жизни позднесредневековой Западной Европы.

Ключевые слова: Олдос Хаксли; Мишель де Серто; Луден; одержимость; исторический факт; интерпретация.

В статье рассматривается проблема интерпретации исторического факта в работах разных авторов. Цель – определить причины разночтений в оценке исторического события в посвященных ему публикациях. Для реализации поставленной задачи обратимся к конкретному примеру разночтений в трактовках исторического казуса, взяв за основу осмысление луденской одержимости 1632–1640 гг. авторами исследований «Луденские бесы» английского писателя Олдоса Хаксли [1] и «Луденская одержимость» французского историка Мишеля де Серто [2].

Феномену демонической одержимости, проявления которой имели место в период «охоты на ведьм» на территории Западной Европы конца XV – начала XVII в., посвящено немало работ и следований. Одним из самых известных случаев проявлений массовой одержимости стал луденский казус 1632–1640 гг.

Фабула происшедшего в городе Луден укладывается в несколько предложений. 18 августа 1634 г. в результате обвинений в колдовстве и порче, заключении договора с дьяволом, предъявленных монахинями-урсулинками города Луден, был арестован и казнен через сожжение приходской священник из луденской церкви святого Петра – Урбен Грандье.

Уже на момент развития судебного процесса вокруг Урбена Грандье ему было посвящено несколько публикаций, после казни обвиняемого – 21, и еще 14–16 публикаций появилось в период между 1635–1638 гг. [Ibid. P. 188–189]. Свое внимание на события в Лудене обращали такие авторы, как А. Дюма (отец), Ж. Мишле, Т. Киллигрю и пр. На сегодняшний день этот сюжет так или иначе в своих работах затрагивают десятки авторов, но определяющими стали именно работы О. Хаксли и М. Серто. Произведения этих авторов внесли существенный вклад в процесс изучения, интерпретации и понимания луденских событий – «Луденские бесы» О. Хаксли 1952 г. [1] и «Луденская одержимость» М. де Серто 1970 г. [2]. При этом позиции, из которых исходят авторы при написании своих текстов, во многом оказываются противоположными.

О. Хаксли является основоположником «конспирологического» подхода к изучению феномена одержимости в общем и к истории луденской эпидемии в частности. Хаксли пытается доказать, что весь судебный процесс завязан на заговоре власть имущих Лудена

против приходского священника Урбена Грандье [1]. Справедливо будет сказать, что позиция О. Хаксли в отношении одержимости не была нова и в какой-то степени была продиктована традицией разоблачений «мошенников и псевдоодержимых», сложившейся и утвердившейся в Англии XVI–XVII вв. в ходе дискуссий о природе этого явления [3. С. 150–156].

В то же время М. Серто подошел к изучаемому предмету с точки зрения «игрового» и междисциплинарного подхода. Происходившие в Лудене события, одержимость монахинь и экзорцизмы, Серто называет не иначе как театром [2. P. 3]. Он видит в событиях 1632–1640 гг. нечто большее, чем просто заговор нескольких лиц с целью уничтожения политического противника. Феномен одержимости мыслится ими как социальный инструмент эпохи, как символ особого культурного языка времени, на котором говорило общество и с помощью которого решало свои проблемы.

Степень различий в оценках и суждениях одного и того же исторического факта легче продемонстрировать на конкретных примерах, представив разночтения в определении ключевых понятий, которыми оперируют оба автора. В интересующих нас работах такими понятиями могут считаться «одержимость», «экзорцизм», «церковь».

Так, в работе М. Серто, в отличие от работы О. Хаксли, отсутствует момент разоблачения церковной структуры. О. Хаксли представляет экзорцизм и процессы над ведьмами как эффективный механизм борьбы власти с инакомыслящими. М. Серто понимает практики экзорцизма как некую культурно-историческую призму, сквозь которую можно проследить изменения, происходящие внутри позднесредневекового общества, например в отношении между светским и церковным [4. P. 45–50].

Центральное понятие обеих работ *одержимость*, точнее его определение, у О. Хаксли и М. Серто не имеют ничего общего. М. Серто под одержимостью понимает культурный, религиозный, исторический феномен, выполняющий в обществе ряд важнейших социальных функций. В фокусе его исследования находится именно демоническая одержимость, термин в рамках демнологической, теологической и народной религиозной традиций Франции XVII в. [Ibid]. Для О. Хаксли *одержимость* – вариант общественного безумия. Под одержимостью им понимается

навязчивая идея, массовый страх присущий человечеству на протяжении всех исторических эпох от древней Греции до современности [5. С. 346–347].

Представим наиболее явные причины различий в авторских подходах к историческому событию и то, как в связи с этим происходит преломление исторического факта и формируется новое представление об исторической действительности.

Первое, на что стоит обратить внимание, – личность автора. Неоспоримым является тот факт, что личность автора оставляет неизгладимый отпечаток на его произведении, поэтому подробнее остановимся на каждом из авторов.

Олдос Леонард Хаксли (1894–1963) – талантливый писатель XX в., признанный классик жанра антиутопии [6. С. 248]. О. Хаксли происходил из известной семьи, большая часть которой занималась наукой. Семейство Хаксли (Гексли) подарило миру множество великих ученых – биологов, медиков и т.д. Он сам мечтал о карьере врача, но по медицинским показаниям этой мечте не суждено было сбыться, хотя страсть к медицине и естественным наукам осталась с ним на протяжении всей жизни. Миру О. Хаксли известен как блестящий беллетрист, убежденный пацифист, проповедник ненасилия и свободы личности от внешнего давления в любых его формах, в частности авторитарных и тоталитарных форм власти, создатель собственной философской концепции. Большая часть этих характеристик нашла свое отражение в его книге «Луденские бесы». Исходя из своих воззрений на мир, он описывает в этой книге церковь как инструмент давления на общество, экзорцизм – как форму насилия общества над личностью, одержимость и казнь колдунов – как тип поиска и борьбы с «врагами» для «пользы дела» [7. С. 5–10].

На примере луденского дела автор развивает тему противостояния личности и общества, проблему свободы человека, его выбора. На протяжении всего исследования им проводится идея ужасности последствий «одержимости» обществом какой-либо идеей, слепой верой во что-то, ради которой человечество использует всевозможные методы воздействия.

Мишель Жан Эммануэль де ля Борже де Серто (1925–1986) – известный историк, антрополог, философ, один из основоположников школы психоанализа – «школы Фрейда», а также действующий член иезуитского ордена, доктор богословия, яркий общественный деятель, журналист и миссионер. М. Серто является не менее знаковой фигурой в области истории, антропологии и философии, нежели О. Хаксли в литературе.

Родился Мишель де Серто в городе Шамбери, Савойя, во Франции в дворянской, но малоизвестной семье. Получил разностороннее образование, следуя средневековой традиции «академического путешествия», когда ученик в поисках знаний путешествовал от одного учителя к другому. После защиты степеней по классической филологии и философии в университетах Лиона, Гренобля и Парижа он принялся за изучение религии при Семинарии в Лионе, где в 1950 г. и вступил в иезуитский ордер. В год посвящения в ду-

ховный сан (1956), Серто становится одним из основателей журнала «Christus», которым он будет много заниматься на протяжении всей своей жизни. В 1960 г. Мишель де Серто получил степень доктора богословия в Сорбонне после защиты диссертации на тему мистических писаний иезуита Жана-Жозефа Сурена (1600–1665). В целом его научные интересы были сконцентрированы на изучении позднесредневекового мистицизма, трудов монаха-иезуита Пьера Фавра (1506–1546), главного сподвижника Игнатия Лайолы – учредителя Ордена Иезуитов, а также он изучал труды одного из главных мистиков XVI в. во Франции Жана-Жозефа Сурена.

В 1970 г. М. Серто пишет свою первое большое исследование, посвященное луденскому казусу, «Луденская одержимость». Выбор данного сюжета, так же как и для Хаксли, не был случайным, так как сюжет об одержимости в Лудене был не просто знаком М. Серто, но и детально изучен, ведь Ж.-Ж. Сурен – одно из главных действующих лиц луденской драмы.

Нахождение в сани священника, миссионерская деятельность и изучение мистических практик начала XVII в. не могли не отразиться на тексте этого исследования. Отсюда столь аккуратные характеристики церковной деятельности, ведь М. Серто был ее частью, с уважением относился к ее наследию. Хотя, по справедливому замечанию исследователей его творчества, «нахождение в лоне церкви не столько ограничивало его интеллектуальные поиски, приводя его к готовым ответам, сколько еще больше стимулировало к формулированию новых вопросов и поиску ответов на них, расширяя горизонты его научных интересов» [8. Р. 19]. Мистические практики, в том числе одержимость и экзорцизм, в данной книге являют собой отражение изучаемой эпохи, ее культурный код [9], а церковь представляется им как сложная многофункциональная система, играющая не последнюю роль в жизни общества.

Столь явные различия самих личностей авторов и разность их убеждений изначально не могли позволить им рассматривать луденские события под одним углом зрения и прийти относительно их к единым оценкам и выводам.

Второй важной составляющей, которая повлияла на текст обеих работ, является время их написания.

О. Хаксли написал свое произведение в 1952 г., и оно явилось отражением времени. В своей книге автор открыто сравнивает события периода «охоты на ведьм» с коммунистическим, фашистским террором [1]. Начавшаяся холодная война все больше убеждала автора в том, что цивилизация стоит на краю пропасти. Главную угрозу он видел в лице СССР и КНР как носителей авторитарной жесткой формы власти.

А. Зверев отмечает в своей работе: «“Луденские бесы” – опыт реконструкции реально происходивших событий. То обстоятельство, что они происходили за триста лет до появления книги Хаксли, несколько не сказывалось на актуальности этой книги. Она была актуальной в прямом и точном значении слова, можно даже сказать – злободневной. Шла, приближаясь к своему апогею, “холодная война”. В СССР разверну-

лась позорная кампания, именованная “борьбой с космополитизмом”: мощная карательная машина не простаивала ни минуты, а власть прилагала все усилия, чтобы заразить бактериями шовинизма и расизма сознание масс. В США сенатор Дж. Маккарти возвестил начало крестового похода, направленного на искоренение “антиамериканской деятельности”, и все развивалось по знакомому сценарию: вызовы в специальные комиссии, интересовавшиеся взглядами и политическим прошлым неблагонадежных, чистки, аресты, запреты на профессию» [7. С. 5].

Сам О. Хаксли не скрывал того факта, что «Луденские бесы» во многом были написаны на злобу дня. «Поиск врагов народа» – прямая аллюзия на средневековые поиски сатанистов, еретиков и ведьм, а одержимость – прямая отсылка на идеологический фанатизм эпохи. «У Хаксли персонажи заняты тем, что изгоняют бесов, или указывают на тех, в кого вселился бес, или отчаянно стараются доказать: с бесами они никогда не знали. Тем же самым занималось чуть ли не полмира в те годы, когда Хаксли работал над своей книгой. Переключка через столетия возникла как бы самопроизвольно, даже если автор не стремился к аналогиям» [Там же. С. 5–10].

Работа же М. Серто вышла в свет в 1970 г., когда уже миром правили совсем другие идеи. Хотя М. Серто крайне резко реагирует на майские события 1968 г. в Париже, приведшие к отставке Ш. де Голля, критикует их и не принимает проявления «нового левого» движения. В большей же степени на него, как и на его произведение, повлияло начавшееся движение за «обновление церкви». Оно ратовало за поддержку традиционных ценностей, используя новые методы и новые отрасли наук. Отсюда поддержка церковью исследования неизученных страниц истории самой церкви, в том числе истории мистицизма и ритуальных религиозных практик, таких как экзорцизм.

Здесь непроизвольно усматривается параллель между возрождением церкви в XVII в., когда идет процесс контрреформации, связанный, в том числе, с появлением иезуитского ордена, распространяющимися мистическими практиками, появлением новых святых и тем процессом обновления римской католической церкви в 60–70 гг. XX в., когда авторитет церкви вновь стал расти, когда увеличился масштаб миссионерской деятельности, когда церковь вновь смогла выразить свою позицию по многим общественным вопросам.

Отсюда и большой интерес, как внутри самой церкви, так и вне ее, к проблемам, касающимся истории становления церкви, истории отдельной личности в ее истории, и, несомненно, к феномену мистических практик и их научному осмыслению. Осмысление мистических исканий стало возможным и через психоанализ как новый метод в науке, поскольку мистический опыт требует особого языка, который вполне могла предоставить психология или психиатрия. Работа Серто также была крайне актуальна для своего времени.

Эпоха, время написания текста, так же как и личность автора, накладывает свой отпечаток на текст.

Во многом именно время обуславливает появление произведения, время и происходящие события наталкивают автора на мысли и идеи, которые в целом и развиваются на страницах его исследования.

Стоит отметить, что ни для О. Хаксли, ни для М. Серто выбор сюжета массовой эпидемии одержимости в Лудене не был случайным. Данный исторический казус наиболее подходил для презентации выработанной каждым из них концепции философской, исторической. Здесь мы раскроем третий аспект, повлиявший на различие в трактовках луденских событий, – авторская концепция, в рамках которой написано произведение.

Исследователи творчества О. Хаксли пишут, что в период 1950–1960-х гг. творчество характеризуется поиском синтеза гуманитарного и естественнонаучного способа познания, при котором нравственное соединяется с научным знанием. Именно в это время О. Хаксли создает сложную философскую систему. Главную философскую задачу Хаксли видит в определении сущности Добра и Зла и существования человеческой души в условиях этой дихотомии.

В данном контексте одним из основных философских понятий концепции О. Хаксли становится «одержимость» – подверженность человека какому-либо влиянию извне [7. С. 346]. Этому понятию Хаксли посвящает цикл работ, в том числе и «Луденских бесов». Несмотря на злободневность, «Луденские бесы» являются продолжением генеральной линии его философской концепции. О. Хаксли берет луденскую историю как пример того, какое губительное влияние может оказывать «одержимость» общества идеей на личность человека, ее разрушение и размывание [Там же. С. 348].

О. Хаксли в указанное время отходит от чисто художественного литературного творчества и с увлечением осваивает новые жанры – публицистику, беллетристику, научные исследовательские работы, в которых и развивает открытую, как ему казалось, истину – создания единой системы ценностей путем синтеза разных начал в гармонической пропорции, отказавшись при этом от абсолютных величин [Там же. С. 326–385]. Хаксли считал, что достигнуть вершины человеческой культуры возможно, осуществив процесс «наведения мостов» между разными аспектами видения мира. Осуществить же процесс синтеза («наведения мостов») может «понтифик» – создатель мостов между разными полисами мировидения, в том числе между гуманитарным и точным знанием. Сам Хаксли пытался выступить в роли такого «понтифика», что и отразилось в его авторском стиле указанного периода. Активный поиск новых мировоззренческих, философских и нравственных основ у Хаксли был продиктован его увлечением индийской культурой, в частности буддизмом.

Созданная им в это время философская система содержала в себе несколько основных сложносоставных блоков. Для нас же наибольший интерес представляет блок под условным названием «Сущностные проблемы бытия». В этом блоке им выделяются такие проблемы, как:

а) проблема происхождения Добра и Зла в человеческой душе в контексте дихотомии: изначальная предрасположенность или зависимость от воспитания и свободы воли самого человека. Противостояние физиологического (первородного) и самопреобразования под воздействием общественного давления – воспитания, окружения, а также свободы воли самого человека; в данном контексте Хаксли вводит в оборот термин «боваризм», на котором подробнее мы остановимся чуть позже;

б) проблема соотношения между жизнью человека и степенью ее вписанности в историю. Проблема противостояния личности и общества, противостояния частной и общественной жизни;

в) проблема сущности человеческой природы. Противостояние души и тела. Противостояние собственного Я и чего-то чужого, внешнего. В данном блоке Хаксли и выводит новое понятие – «одержимость» как собственно воплощение этого чужого, внешнего, инородного в человеке, чему противостоять он не может. Хаксли рассматривает идею внутреннего демона, понятие безумия и, исходя из этого, определяет одержимость как форму навязчивой идеи или массового страха, присущего всему человечеству. Здесь Хаксли формулирует проблемы личной и общественной ответственности отдельного человека перед миром, обществом, будущим. Ставится также проблема расщепленной и целостной личности.

После представления основных тезисов философской концепции О. Хаксли вернемся к его книге «Луденские бесы» и феномену одержимости, который рассматривается в ней. В понимании автора «одержимость», как говорилось ранее, – это одно из главных понятий его философской системы, которое подразумевает под собой форму общественного безумия, истерию, одержимость какой-либо идеей, подобной той, что представляла собой идеология фашизма, например. Демоническая же одержимость как особый культурный феномен эпохи XVI–XVII вв. его не интересует.

В общем, сам луденский казус Хаксли использует для презентации той самой философской схемы, о которой говорилось ранее. Понятие одержимости он раскрывает при помощи вышеупомянутого термина *боваризм*, под которым понимает свойство человека быть не тем, кто он есть по своей природе в соответствии с требованием общества [1. С. 111]. Благодаря этому термину Хаксли объясняет поведение главной героини Жанны от Ангелов и ее сестер – монахинь, показывая, как они надевают маску за маской в зависимости от того, какие требования к ним выдвигает общество. Проблему противостояния личности и общества в этом произведении можно проследить по двум линиям – отец Грандье и общество в лице луденских властителей и католической церкви, а также Жанна от Ангелов и сестры-урсулистки против церковных иерархов, в частности экзорцистов. О. Хаксли представляет «экзорцизм» и процессы над ведьмами как эффективный механизм борьбы власти с инакомыслящими.

Проблему разрушения и цельности личности Хаксли иллюстрирует на примере двух героев книги –

Жанны от Ангелов, которая то сломлена обстоятельствами, то принимает новую форму под воздействием внешнего давления, и Жана-Жозефа Сурена, который верен своим убеждениям, при этом не теряет своего человеческого лица, открыт миру и в конце концов спасает Луден от одержимости.

Несмотря на довольно большую степень субъективности, которую допустил автор при написании этого труда, большинство литературоведов расценивают «Луденских бесов» как если не чисто научную, то как научно-публицистическую работу. В данной работе О. Хаксли использует такие методы, как сравнительно-исторический анализ, дедукция, типологизация, логично выстраивает причинно-следственные связи, при этом используя обширную доказательную базу. Автором используется прием погружения в эпоху путем приведения множества источников, материалов судебных дел, источников по истории быта и пр.

Основные причины событий в Лудене О. Хаксли видит в противостоянии яркой конфликтной личности отца Урбена Грандье и заговора местной городской элиты, при этом монахини местного урсулинского монастыря стали орудием в руках заговорщиков. Вся эта история разворачивается на фоне большой политической игры между провинцией, местными элитами и только нарождающейся абсолютной монархией, интересы которой продвигает кардинал Ришелье (здесь же Хаксли развивает тему строительства и разрушения крепостных стен Лудена).

В заключение стоит отметить, что «Луденские бесы», как отражение именно философской концепции автора, не были восприняты его современниками, и в итоге та интерпретация исторических событий, которая изложена в этой книге, была принята за чистую монету вне глубокого символического смысла, который вкладывал в него автор. В результате на долгие десятилетия относительно феномена одержимости и луденского казуса закрепилось конспирологическое понимание, а культурно-исторический подтекст, природа и суть этого явления остались на периферии научной мысли, что и отразилось во множестве последующих исследований на эту тему.

Данную ситуацию, в свою очередь, попытался изменить второй из интересующих нас авторов – Мишель де Серто. Обратимся к его работе и его авторской концепции.

М. Серто при выборе луденского казуса руководствовался совсем другими мотивами, нежели О. Хаксли. Так, М. Серто защитил диссертацию на соискание степени доктора богословия по теме «Мистические писания иезуита Жана Жозефа Сурена (1600–1665)», монаха, который смог поставить окончательную точку в луденской трагедии. Тема луденской одержимости была хорошо изучена Серто, и не удивительно, что именно этот сюжет лег в основу одной из его первых серьезных монографий.

Внимание М. Серто как ученого-историка в соответствии с его авторской концепцией было направлено на изучение, открытие истории «*другого*», периферийного, того, что еще не попадало в поле зрения исторической науки. Относительно истории и историо-

графии М. Серто придерживается вывода о том, что только историк формирует представление об истории. Историческую действительность, по его мнению, невозможно реконструировать только по письменным памятникам эпохи, поэтому «история – это всегда интерпретация» [10].

В работе «Луденская одержимость» он пишет, что «история никогда не бывает бесспорной», приводя относительно причин одержимости несколько возможных интерпретаций, не настаивая при этом на какой-то одной [2. Р. 1]. Серто использует метод многоголосия – привлечения в работу как можно больше источников, порой противоречащих друг другу, для определения *Другого*, которое и выражается в гетерогенности прошлого [10]. На протяжении работы М. Серто занимается реконструкцией общественного сознания, его повседневных практик, символики и т.д.

Обратимся к содержанию книги «Луденская одержимость». М. Серто подошел к изучаемому предмету с точки зрения «ролевого», или «игрового», междисциплинарного подхода в рамках развиваемой им школы психоанализа в истории. Происходившие в Лудене одержимость, экзорцизмы, Серто называет не иначе как театром, а законы, по которым развиваются события, – законами классической *комедии дель арте* [2. Р. 3]. В своих последующих работах М. Серто довольно часто использовал также термин «художественное действие», который обозначал способность каких-либо институтов приспособляться, эволюционировать, мимикрировать ради выживания. Этим термином также можно определить одержимость как древний социальный институт, претерпевший ряд изменений во времени и пространстве.

М. Серто к этому времени еще не разработал той стройной философской и методологической базы, которой будет пользоваться в дальнейшем. Однако это была его первая серьезная работа, в которой он впервые формулирует свои основные ключевые положения и использует приемы школы психоанализа. Уже здесь можно узнать его авторский стиль, присущий его более поздним работам.

М. Серто в большей степени занимает мысль о месте истории, историографии и самого историка в обществе. История в понимании М. Серто – одна из дисциплин, которые входят в комплекс «науки о *Другом*» – гетерологии (heterologies) [8. Р. 18–21] наряду с психоанализом, этнографией, лингвистикой и пр.

Понятие *Другого* пришло в философию и историю из психоанализа и обозначало там нечто или бессознательное, в философском же ключе приобрело значение бытия. Понятие *Другого* стало ключевым и у М. Серто, в его понимании – это область знания, которая находится либо на периферии наук и научного знания, либо вообще вне его границ, вне наших научных или иных интересов, за областью достижения. Его интересует «*Другой* или *Другое* в его / их, других, реальном и нередуцируемом многообразии. Причем значимыми оказываются не только сами фигуры *Других*, но и также зазоры, промежутки между этими различными конструкциями. Подобные разрывы вовсе не выступают у Серто зонами временного незнания, ла-

кунами, которые предстоит в ходе работы устранить, а указывают на принципиальную гетерогенность прошлого, требующую динамической и многофокусной оптики. Это «работающие» зазоры: они отмечают моменты не контролируемых исследователем переходов, «прыжков» в историческом объяснении» [9].

Каким же образом необходимо находить эти области *Другого*, как заполнить недостающие фрагменты? Решение этого вопроса М. Серто видел в историографии, превознося роль историографии, он считал ее выше теории истории, видел в ней ключ к развитию [11. Р. 54–68]. Историография как путь расширения областей, сфер знания. «Он полагал, что дебаты в историографии открывают для историков широчайший путь к разъяснению и ратификации их ремесла. Он также полагал, что эти дебаты должны быть возобновляемы каждым поколением ради дисциплины, ее выживания, посредством появления новых областей исследования, новых парадигм, новых объяснительных схем и необходимой критики предыдущих методов, парадигм и предположений» [8. Р. 18–21]. Историография, постоянный контроль за сделанным, изученным и неизученным позволили бы новым поколениям определить лакуны, найти *Другое* и заполнить их [12]. Отсюда в работе «Луденская одержимость» автор практически досконально знакомит читателя с источниковой базой, раскрывает историю вопроса, стремится предельно полно погрузить читателя в атмосферу времени, старательно описывая город, его жителей, быт и нравы.

Наряду с историографией М. Серто во главу ставил источниковедение, работу с письменными источниками, свидетельствами эпохи. Здесь перед ученым встает проблема достоверности письменного источника, вернее, того символического языка, которым он записан, и проблема верности, истинности интерпретации. М. Серто видит решение этой проблемы в попытке ненавязывания своего мнения читателю, принципиально не делая категоричных, однозначных, обобщающих выводов относительно предмета исследования. «Это означает, что читателям нужно разрешить не согласиться, даже если позиция автора и его интеллектуальная целостность безупречны. Любая интерпретация несет больше ошибочности, нежели истины» [8. Р. 20]. Этот тезис нашел яркое воплощение на страницах «Луденской одержимости»: автор не только не навязывает своего мнения относительно исторического казуса, но и сознательно заставляет читателя сомневаться, ставит его в тупик.

В заключение он ставит точку таким потрясающим замечанием: «У одержимости нет никакого “истинного” объяснения, так как невозможно узнать, кто *одержим* и кем» [2. Р. 228]. Широко применяемый им метод многоголосия имеет цель заставить читателя самому строить свои выводы так, что порой текст работы выглядит как сплошная цитата нередко и противоречивых источников. Тем самым на протяжении своей работы М. Серто занимается реконструкцией общественного сознания, его повседневных практик, символики и т.д., не предоставляя своему читателю готовых ответов.

М. Серто, применив новые методы психоанализа и другие приемы, пришел к выводу, что одержимость и публичные экзорцизмы давали выход социальной напряженности путем перевода сакрального, сверхъестественного в банальное, обыденное. Зрелище превращалось в проповедь, тем самым атмосфера не накалялась, а разряжалась [2. Р. 3]. Однако полностью понять, раскрыть сущность феномена не дано никому в силу отсутствия источников – голосов, которые звучали вне того символического поля, на котором говорила церковь, в том числе в силу субъективности оставшихся источников, представленных памфлетами, протоколами, записями церковных чинов, а главное – в силу того, что история – всегда интерпретация, а потому процесс осмысления источника будет практически бесконечным.

Книга М. Серто по своему содержанию несколько не уступает книге О. Хаксли, а во многом превосходит ее. Однако интерпретация Серто событий в Лудене осталась жить лишь в ограниченном кругу историков-профессионалов, во многом благодаря отсутствию в тексте точных обобщающих выводов и множественности интерпретаций. Категоричная же манера О. Хаксли до сих пор является доминирующей.

В завершение данной работы можно сделать следующий вывод. Безусловно, в интерпретации того или иного исторического сюжета главную роль играет именно личность автора. В первую очередь читатель смотрит на изображаемый мир глазами автора. Факт в данном случае становится лишь средством доказательства излагаемой им теории или концепции, которая тоже в какой-то мере является отражением внутреннего мира исследователя. Именно это и продемонстрировали в своих работах О. Хаксли и М. Серто.

Можно сказать, что определяющую роль в правильном понимании того или иного научно-исследовательского труда играет авторская концепция, философская или методологическая система автора. Этот вывод следует отнести и к произведениям О. Хаксли и М. Серто, так как ошибочно было бы читать их работы без предварительного ознакомления с их мировоззрением. Мы убедились, что луденский казус был использован авторами для презентации собственной концепции истории, философии и пр.

Термин «одержимость» используется каждым автором с определенными целями, в общем, для того, чтобы донести до читателя главную мысль. У О. Хаксли одержимость – форма общественного безумия и страха, который присущ людям на протяжении времени его существования, а у М. Серто одержимость – это и есть то *Другое*, зазор, который еще прежде не изучался, и лишь потом культурно-исторический феномен эпохи, социальный институт. Один объясняет луденский казус как заговор политических элит, другой видит в луденских событиях вариант проявления особого духовного состояния позднесредневекового общества. При этой кажущейся полярности авторских

взглядов и интерпретаций феномена одержимости они скорее дополняют, нежели опровергают друг друга. Так, позиция М. Серто шире позиции О. Хаксли и охватывает больший культурно-исторический контекст, носит обобщающий характер. О. Хаксли же в своей работе собрал большое количество фактического материала по луденскому процессу, детально описал характеры как главных, так и второстепенных действующих лиц. Его работе свойственна глубокая погруженность в тему и сосредоточенность на внутренне-политических, бытовых и межличностных сюжетах относительно луденского дела. Нельзя отрицать того факта, что в процессах над ведьмами всегда можно найти заинтересованную сторону, которой было выгодно отправить на казнь неугодных лиц, но и считать это объяснение исчерпывающим также нельзя. Это относится и к луденскому казусу, в котором переплелось множество интересов как государственного, так и личного масштаба. Работа О. Хаксли раскрывает все уровни луденской драмы, работа М. Серто объясняет этот сюжет в общеисторическом контексте.

Оба автора рассматривают феномен одержимости в рамках социального дискурса, строя свои объяснения внутри единого поля. Одержимость как исторический феномен находит в нем различные смыслы, от политического заговора и репрессий, суеверия до понимания одержимости как социального института, формы особой культурной идентичности, как проявления духовной атмосферы эпохи или варианта позднесредневекового мистицизма и т.п.

Интересно, что само время как бы подталкивает авторов к поиску объяснений феномена «охоты на ведьм» и одержимости. Такие общественно-политические процессы, как эпоха тоталитарного давления в 1950-е гг. и массовых репрессий или новое движение за обновление церкви в 1960–1970-е гг., заставили авторов обратить внимание на данный исторический сюжет и объяснить его по-новому. Так, одержимость и охота на ведьм, в первом случае, стали пониматься как подавление внутреннего недовольства, уничтожение инакомыслящих, во втором случае это явление объяснялось процессом духовного подъема, связанным с контрреформацией и эпохой нового католического мистицизма. Актуализация социального дискурса приводит к актуализации исторических сюжетов, позволяя авторам открывать в феноменах новые грани, представлять явление в новом свете.

Специфичность сюжета и проблематики ведовства и одержимости накладывают отпечаток на интерпретацию этих явлений. Объяснение данных феноменов практически всегда крайне субъективно и эмоционально, так как связано с этическим понятием справедливости, не являющимся научным критерием для интерпретации исторических источников и объяснения исторических фактов. При этом теряется сложный культурно-исторический аспект изучаемого сюжета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хаксли О. Луденские бесы. М., 2000.
2. Certeau M. The possession at Loudun. University of Chicago Press, 2000.

3. Игина Ю.Ф. Медицина против демонологии: дискуссия вокруг ведовства, одержимости дьяволом и экзорцизма // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2, вып. 3. С. 150–156.
4. Highmore B. *Michel de Certeau analysing culture*, 2006.
5. Рабинович В.С. Олдос Хаксли: эволюция творчества. Екатеринбург, 2001.
6. Жантиева Д.Г. Английский роман XX века: 1918–1939 гг. М., 1965.
7. Зверев А. Переключка через столетия // Хаксли О. Луденские бесы. М., 2000. С. 5–10.
8. Ward G. *The Certeau Reader*. University of Manchester. 2000.
9. Дубин Б.В. Мишель де Серто, летописец вычеркнутого. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_4/01.htm, свободный (дата обращения: 19.03.2015).
10. Дубин Б.В. Еретик настоящего: историк глазами Мишеля де Серто. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5028>, свободный (дата обращения: 19.03.2015).
11. Buchanan I. *Michel de Certeau: cultural theorist*. London, 2000.
12. Ahearn J. *Michel de Certeau: Interpretation and Its Other*. Stanford, CA : Stanford University Press, 1995.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 декабря 2015 г.

PROBLEMS OF A HISTORICAL INTERPRETATION OF THE PHENOMENON OF POSSESSION IN THE PUBLIC LIFE OF LATE MEDIEVAL WESTERN EUROPE IN WORKS OF A. HUXLEY AND M. CERTEAU

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 94–100. DOI: 10.17223/15617793/405/12

Krylova Diana D. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: diana.krylova90@mail.ru

Keywords: A. Huxley; M. Certeau; Loudun; possession; historic fact; interpretation.

The article discusses the problem of a historical fact interpretation in *The Devils of Loudun* by Aldus Huxley and *The Possession at Loudun* by Michel de Certeau. The reasons for distinctions in the authors' approaches to the process of Loudun of 1632–1640, to the phenomenon of possession and its value in the social life of early modern Europe are studied. A short description of the phenomenon of possession during the “witch-hunt” period is made. A judicial incident in Loudun in 1632–1640 is studied. The authors' views on the events in Loudun are given: A. Huxley's theory of conspiracy and M. Certeau's “game” interdisciplinary approaches. A number of key terms are allocated due to which distinctions in the authors' concepts become more evident: “church”, “exorcism”, “possession”. The author definitions of these concepts are offered. On the basis of the given distinctions in the views, the author of the article identifies a complex of reasons for the refraction of a historical fact and for the formation of a new view on events. The first reason is the personality of the author of the work. The analysis of how the author's personality influences its research is made. A short curriculum vitae of A. Huxley's personality and its reflection in his *The Devils of Loudun* is given, as well as a short curriculum vitae of M. Certeau's personality and its reflection in *The Possession at Loudun*. The second reason is the time the work was written in. A short description of the time *The Devils of Loudun* (1950s) was written, and its influence on the text are given. The topical character of the book and its connection with McCarthyism in the USA and with struggle against cosmopolitanism in the USSR are stressed. A short description of the time *The Possession at Loudun* (1970s) was written, and its influence on the text are given. The connection of the work with the process of church renovation. The third reason is the concept (philosophical, historical) the author followed when writing the work. The theory of “synthesis” of humanitarian and scientific knowledge was A. Huxley's philosophical system. The “pontific” has its role in the overcoming of the separation of the worldview of a person. Problems of good and harm in a human nature, the problem of a human nature and its transformation is discussed, as well as issues of Boverism, the soul and body opposition, the concept of an internal demon and “possession”. A. Huxley's philosophical system and research methodology were reflected in his work. M. Certeau's work shows his theory of “The Other” and his historical concept, states the problem of interpretation of a source, historiography and heterology as the basic terms of his concept, identifies polyphony as his main method of research. Generalising conclusions are presented in the article.

REFERENCES

1. Huxley, A. (2000) *Ludenskie besy* [The Devils of Loudun]. Translated from English by E. Voronova. Moscow: TERRA.
2. Certeau, M. (2000) *The possession at Loudun*. University of Chicago Press.
3. Igina, Yu.F. (2007) Meditsina protiv demonologii: diskussiya vokrug vedovstva, oterzhimosti d'yavolom i ekzortsizma [Medicine against demonology: the discussion about witchcraft, demon possession and exorcism]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. 3.* pp. 150–156.
4. Highmore, B. (2006) *Michel de Certeau analysing culture*. London and New York: Continuum.
5. Rabinovich, V.S. (2001) *Oldos Khaksl'i: evolyutsiya tvorchestva* [Aldous Huxley: the evolution of creativity]. Ekaterinburg: Ural'skoe literaturnoe agentstvo.
6. Zhantieva, D.G. (1965) *Angliyskiy roman XX veka: 1918–1939 gg.* [The English novel of the twentieth century: 1918–1939]. Moscow: Nauka.
7. Zverev, A. (2000) *Pereklichka cherez stoletiya* [Roll through the centuries]. In: Huxley, A. *Ludenskie besy* [The Devils of Loudun]. Translated from English by E. Voronova. Moscow: TERRA.
8. Ward, G. (2000) *The Certeau Reader*. Manchester: University of Manchester.
9. Dubin, B.V. (2001) *Mishel' de Serto, letopisets vycherknutogo* [Michel de Certeau, the chronicler of the blacked out]. [Online]. Available from: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_4/01.htm. (Accessed: 19 March 2015).
10. Dubin, B.V. (n.d.) *Eretik nastoyashchego: istorik glazami Mishelya de Serto* [The heretic of the present: historian in the view of Michel de Certeau]. [Online]. Available from: <http://www.nlobooks.ru/node/5028>. (Accessed: 19 March 2015).
11. Buchanan, I. (2000) *Michel de Certeau: cultural theorist*. London: Sage.
12. Ahearn, J. (1995) *Michel de Certeau: Interpretation and Its Other*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Received: 05 December 2015

РЕГИОНАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ К ВОПРОСАМ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

В конце XX столетия Восточная Азия являлась единственным регионом мира, где влияние военных факторов было минимальным и преобладал экономический тип межгосударственных отношений и региональных связей. Вопросы безопасности в Восточной Азии сводились к поддержанию стабильности как на региональном, так и на национальном уровнях. Тем не менее давали о себе знать продолжающиеся региональные конфликты, в том числе и противостояние на Корейском полуострове. В первое десятилетие XXI в. в Азиатско-Тихоокеанском регионе особо остро встала проблема угрозы распространения ядерного оружия. Весной 2013 г. Восточная Азия превратилась в центр военной конфронтации, а события на Корейском полуострове свидетельствовали о том, что эффективное коллективное решение обеспечения безопасности жизненно необходимо для государств региона.

Ключевые слова: Восточная Азия; безопасность; конфронтация.

Как показала практика, во второй половине XX в. в Восточной Азии фактически отсутствовало преобладание военных факторов и доминировал экономический тип регулирования региональных отношений. [1. С. 213]. Вопросы безопасности в АТР (Азиатско-Тихоокеанском регионе) во многом сводились к поддержанию стабильности как на региональном, так и на национальном уровнях для создания благоприятного инвестиционного климата и осуществления необходимых экономических реформ, обеспечивающих государствам рост и устойчивое развитие. Так, Япония, формируя свою национальную стратегию безопасности, отводила особую роль экономической компоненте. Если Соединённые Штаты были заинтересованы в укреплении военно-политического сотрудничества, то Китай в вопросах региональной безопасности больше склонялся к механизмам «экономической дипломатии» и политики «мягкой силы» в китайском варианте.

Большинство стран региона, отдавая должное традиционным отношениям и сохраняя определенную традиционность, превращались в современные «постмодернистские» государства, которые, в отличие от государств, оперирующих категориями силы, вкладывали значительный экономический потенциал не в милитаризацию, а в укрепление собственного благосостояния и развитие региональных интеграционных образований. Безопасность, свобода и благосостояние стран региона непосредственным образом зависели от «постмодернистской» политики, предусматривающей переговоры, компромиссы и экономическое сотрудничество [2. С. 106]. Свидетельством этого стал мощный «интеграционный бум» 90-х гг. XX в. в форме резкой интенсификации регионализма в мировых экономических отношениях или «новый регионализм», который в наиболее концентрированном виде проявился именно в Восточной Азии. Интеграционные процессы в АТР выстраивались на трех основных уровнях: локальном (локальные экономические зоны), субрегиональном (АСЕАН) и региональном (АТЭС, Восточно-Азиатское сообщество). Эти процессы были связаны с общей глобализацией и не противоречили объективному ходу развития. В то же время интеграция в АТР, в отличие от глобализации, представляла собой явление, демонстрирующее стремление стран региона

коллективно выработать политику и общее политическое решение, устраивающее всех при обязательном учете национальных интересов участвующих сторон.

Несмотря на то что в АТР в рассматриваемый период сохранялась экономическая доминанта региональных связей, тем не менее, давали о себе знать дестабилизирующие факторы и нерешенные региональные конфликты: проблема диалога Северной и Южной Кореи; противостояние материкового Китая и Тайваня (особенно позиция США в этом вопросе); территориальное единство Индонезии и проблема Восточного Тимора; повторяющиеся террористические акты в Индонезии и на Филиппинах, связанные с эскалацией процессов исламского фундаментализма в регионе; ситуация в Камбодже, Мьянме, на Папуа – Новая Гвинея; территориальные споры в районе Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей; географическая близость государств, обладающих ядерным оружием, – Индии и Пакистана – и их участие в территориальных конфликтах в Южной Азии (прежде всего это касается конфликтов между Китаем и Индией и Индией и Пакистаном). Кроме перечисленных факторов, приходилось учитывать и то, что практически во всех странах Юго-Восточной Азии (ЮВА), кроме Сингапура и Брунея, сохранялись проблемы, связанные с межэтническими конфликтами, экстремизмом и терроризмом. Наименее стабильной ситуация в этом отношении была в Индонезии (после ухода в 1998 г. с поста президента генерала Хаджи Мухаммеда Сухарто), на Филиппинах и в Мьянме. Наряду с терроризмом и экстремизмом для ЮВА и Восточной Азии угрозу представляли пиратство, торговля наркотиками и людьми [3. С. 173–174].

Большую озабоченность вызывали имеющие исторические корни нерешенные политико-психологические конфликты, являющиеся последствием длительного для большинства стран региона периода японского колониального господства. Особенно зримо это проявлялось в претензиях морального и финансового характера со стороны Китая и Республики Корея, постоянно возвращающихся к вопросу о японском экспансионизме во время Второй мировой войны и стремлении современных японцев приуменьшить японские зверства во время войны. Это вызывало ультранационалистические выступления молодых япон-

цев, китайцев и корейцев [4. Р. 60]. Все это приводило к настороженному отношению, а иногда и негодованию со стороны Китая, Республики Корея и тех же стран ЮВА, если японское руководство слишком явно стремилось усилить свою политическую активность в регионе, не довольствуясь только экономическим влиянием.

При этом следовало учитывать особый путь развития государств региона, и прежде всего стран ЮВА, после Второй мировой войны. Большинство государств (за исключением Таиланда) длительное время находились в колониальной зависимости от «великих держав» и сравнительно недавно, по меркам истории, приобрели и отстаивали свою независимость. В этом контексте многие международные инициативы и принимаемые решения, не всегда в равной степени устраивающие страны региона, нередко становились предметом острой дискуссии и расценивались как нарушающие их национальный суверенитет и наносящие ущерб существующему несколько десятков лет доминирующему политическому принципу «невмешательства» [5. Р. 167].

В целом, несмотря на стремление стран АТР к стабильности, как на национальном, так и на субрегиональном и региональном уровнях, в силу меняющихся условий внешней глобальной среды можно выделить несколько особенностей обеспечения безопасности в Восточной Азии в рассматриваемый период.

Проблема американских военных баз

Наряду с борьбой за политическое лидерство на фоне роста Китая и снижении веса России в 1990-е гг., а также недостаточно четкой позиции Соединенных Штатов в отношении определения места Восточной Азии во внешнеполитической стратегии значительное влияние на изменение баланса сил в регионе после распада СССР и прекращения действия фактора советской военной угрозы оказало намерение США сократить свое непосредственное военное присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что поднимало проблему союзников и военных баз. Это не касалось напрямую подписанных США с Южной Кореей (1953 г.) и Тайванем (1954 г.) договоров о «совместной обороне», которые были неотъемлемой составляющей созданной США и СССР после Второй мировой войны системы военных блоков и союзов. Помимо Тайваня и Южной Кореи, Соединенные Штаты имели аналогичные договоры с Японией, Австралией, Новой Зеландией и Филиппинами, а СССР – с КНР. «Блоковая стратегия» США и их союзников в АТР была не столь успешна, как в других регионах, и созданные блоки (АНЗЮС – Австралия, Новая Зеландия, США (1951 г.) и СЕАТО – США, Великобритания, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Филиппины, Таиланд, Пакистан (1954 г.)), оказались не такими устойчивыми, как НАТО, и в 70-е гг. они фактически прекратили свое существование. Во многом это было связано с отсутствием какой-либо идентичности и культурной общности Соединенных Штатов со странами региона в отличие от Европы [6].

С размещением в Южной Корее американских войск и поддержкой Тайваня эти территории станови-

лись важными стратегическими пунктами в регионе, являясь фактически военными базами США на Дальнем Востоке и в Азии. Со стороны Соединенных Штатов осуществлялись поставки оружия для 464-тысячной тайваньской армии. С середины 1960-х гг. США и Япония направляли на Тайвань и в Южную Корею экономическую помощь, займы, кредиты. Присутствие в Южной Корее вооруженного новейшей техникой и ядерным оружием 43-тысячного контингента американских войск, милитаризация этого государства, а также стремление США разместить на территории страны ядерные средства среднего радиуса действия, в том числе и крылатые ракеты, свидетельствовали о том, что Соединенные Штаты планировали превратить Южную Корею в фактор глобального военно-стратегического значения.

Проблема американских военных баз напрямую касалась стран Юго-Восточной Азии. После завершения холодной войны между Востоком и Западом, США, которые до этого держали под своим контролем ЮВА, стали выводить вооруженные силы. Ситуация особенно обострилась, когда Китай, увеличивая свое военное присутствие в Азии, приступил к наращиванию ВМС в связи с ликвидацией американских военных баз на территории Филиппин (Субик-Бей и Кларк-Филд). Страны ЮВА и Индия расценили это как стремление Китая воспользоваться вакуумом, образовавшимся после вывода американских войск, и стать военным лидером в регионе. Вопрос о военных объектах США со всей остротой был поставлен на Филиппинах после прихода к власти президента К. Акино. В апреле 1988 г. в Маниле начались переговоры об условиях их сохранения на ближайшие три года. Длительное время имели силу формальные разногласия, вызванные стремлением Филиппин добиться от США увеличения арендной платы. В конце концов Сенат Филиппин одобрил законопроект, запрещающий размещение на территории страны и транзит через нее ядерного оружия, а также прохождение через национальные воды кораблей с ядерным оружием на борту. 4 января 1992 г. США и Сингапур, который развивал военное сотрудничество с Соединенными Штатами в рамках подписанного в ноябре 1990 г. меморандума о взаимоотношении, договорились о переводе в 1993 г. на территорию Сингапура американского военно-морского командования с базы Субик-Бей на Филиппинах. В Сингапур планировалось перевести службы, отвечающие за тыловое обеспечение кораблей 7-го флота США. Но это не означало создание в Сингапуре баз, подобных Субик-Бей и Кларк-Филду. В планах Соединенных Штатов относительно Сингапура проявилась новая стратегия, направленная на создание в Тихом океане широкой сети более мелких баз снабжения. Таким образом, корабли могли не базироваться в одном пункте, а быть рассредоточены по различным, сравнительно небольшим объектам тыловой поддержки флота. Америка планировала создать такие же пункты обеспечения для своих ВМС и ВВС в других странах ЮВА, хотя Малайзия и Индонезия выступали против. В связи с этим перед Индонезией как перед крупнейшей страной Ассоциации госу-

дарств Юго-Восточной Азии, выступающей за создание в ЮВА зоны мира и нейтралитета и считающей, что иностранные базы должны быть выведены из региона, была поставлена нелегкая задача – оправдать действия своего партнера по Ассоциации – Сингапура. Руководители Индонезии пришли к компромиссному решению: считать, что достигнутое США и Сингапуром соглашение на размещение персонала транспортного обеспечения не выходит за рамки двустороннего меморандума о взаимоотношении, исключающего создание военных баз, но предусматривающего использование военных объектов Сингапура. Малайзия, Индонезия и Сингапур предложили свои порты, аэродромы для технического обслуживания американских боевых самолетов и кораблей [7. С. 21–22].

В то же время США считали, что после окончания холодной войны отпала необходимость поддерживать региональные группировки, которые раньше рассматривались в качестве противовеса другим великим державам и исключили Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии из числа приоритетных направлений своей внешней политики, недооценив ее интеграционный потенциал как на субрегиональном, так и на региональном уровне (см. об этом: [8. С. 191–218]). В соответствии с базовым для «доктрины Клинтона» документом – «Стратегией национальной безопасности вовлеченности и расширения» основное внимание в Восточной Азии Соединенные Штаты сосредоточили на «конструктивном вовлечении» Китая. Это было связано с тем, что усиление Китая в качестве регионального центра расценивалось администрацией Б. Клинтона в качестве главной угрозы для установления глобальной гегемонии США [9]. Ситуация в ЮВА рассматривалась как находящаяся в зависимости от американо-китайских отношений, а АСЕАН – как группа малых стран, идущих в фарватере этих великих государств и зависящих от сохранения стратегического равновесия между ними. Внешнеполитическая позиция стран Ассоциации воспринималась как достаточно пассивная, лишенная единства. Отталкиваясь от этого, отношения со странами региона развивались преимущественно на двустороннем уровне. Снижение значимости Юго-Восточной Азии в иерархии национальных интересов США выразилось в сокращении постоянного присутствия американского контингента на территории стран ЮВА [10].

Существенные коррективы в расстановку сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как и в мире в целом, внесли теракты 11 сентября 2001 г. в США. «Глобальная война с террором» и принятая Соединенными Штатами в 2002 г. доктрина «превентивных действий», предусматривающая выявление и устранение террористических угроз по всему миру, вызвали определенные опасения руководителей стран региона. Приходилось соблюдать баланс между сохранением лояльности населения своих стран, особенно это касалось ЮВА, нередко демонстрирующего антиамериканские настроения, и необходимостью поддерживать действия США [11]. Во многом к росту антиамериканских и паназиатских настроений в некоторых странах АСЕАН, например в Малайзии, привела по-

следовавшая за недооценкой ЮВА администрацией Б. Клинтона односторонняя политика администрации Дж. Буша. Так, в течение долгого времени США не скрывали своего негативного отношения к созданному в 1993 г. Региональному форуму АСЕАН (АРФ), так как Форум был инициирован Ассоциацией и действовал по программе и в соответствии с принципами этой организации, не оставляя надежды на лидерство Соединенных Штатов в вопросах безопасности в регионе. Этот форум объединил страны Азии, Европы и Америки, включая США, Россию и Китай. АРФ сфокусировал свое внимание на мерах «превентивной дипломатии» и обсуждении проблем региональной безопасности, не обладая при этом реальными военно-политическими структурами для их решения. Госсекретарь К. Райс во время президентства Дж. Буша младшего редко присутствовала на заседаниях АРФ. Опасаясь потери «свободы рук» в регионе, США в течение длительного времени отказывались присоединиться к Договору о дружбе и сотрудничестве 1976 г., а также не участвовали в переговорах по вопросам подписания протокола Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии.

Кроме того, традиционно США не стремились поддерживать восточноазиатскую многосторонность и добивались своих интересов, в основном, путём развития двусторонних связей. Они активно укрепляли отношения с государствами ЮВА, в том числе со странами, не являющимися традиционными союзниками США (например, Индонезией и Вьетнамом), используя условия войны против международного терроризма. В этот период был подписан ряд соглашений о военном сотрудничестве с Таиландом и Филиппинами, которым предоставлялся статус стратегического союзника вне НАТО. В апреле 2000 г. Соединенные Штаты и Сингапур заключили соглашение о взаимном обеспечении снабжения и предоставлении технических услуг вооруженным силам, по которому ВМС США получали право использования базы ВВС Пайя Лебар и военно-морской базы Чанги для проведения операций в Малаккском проливе, затем широко используемые для снабжения войск США и НАТО в Афганистане. С 2002 г. США стали возвращать свои контингенты на прежние базы в Таиланде и на Филиппинах. В 2003 г. в Таиланде были созданы две новые базы ВМС, а также Антитеррористический центр. В 2005 г. Соединенные Штаты полностью восстановили военное сотрудничество с Индонезией. В октябре 2008 г. был создан новый, беспрецедентный переговорный формат диалога Вьетнама и США по военно-политическим вопросам, включающий регулярные взаимные визиты руководителей государств и министров обороны двух стран (см. об этом: [8. С. 191–218]).

Более значительные изменения американской политики в отношении ЮВА произошли с приходом администрации Б. Обамы. Госсекретарь США Хилари Клинтон, осуществляя в феврале 2009 г. первый зарубежный визит, посетила Индонезию и Секретариат АСЕАН в Джакарте. В июле 2009 г. на очередной сессии АРФ она подписала основополагающий Балийский договор 1976 г. Также США вернулись за стол

переговоров по вопросам подписания протокола к Договору о безъядерной зоне в ЮВА. В то же время страны ЮВА делали упор не на наращивание военного присутствия США и укрепление военных союзов, а на выработку такой программы сотрудничества, которая позволяла бы решить самые острые проблемы региона [12].

«Экономическая безопасность – национальная безопасность – региональная безопасность» – триада японской системы безопасности

После окончания холодной войны в скором уходе из региона США и выходе из союза с Америкой не было заинтересовано, прежде всего, Правительство Японии. Американо-японское партнерство и заключенный в 1952 г. между США и Японией «Пакт безопасности», позволивший Соединенным Штатам размещать на территории Японии свои наземные, воздушные и морские силы, оставались в центре внимания внешней политики и стратегии национальной безопасности Японии. В расчет брались, прежде всего, стремление Китая стать региональным лидером, потеснив позиции Японии, нестабильность в России и проблемы безопасности, с которыми сталкивалась Япония в Северо-Восточной Азии и на Корейском полуострове. Благодаря американо-японскому военному партнерству на базе заключенного в 1952 г. между США и Японией «Пакта безопасности» и военным заказам японского правительства (особенно американским военным заказам в годы корейской и вьетнамской войн), США финансировали военные расходы Японии на 80%, что создавало благоприятную обстановку для японского монополистического капитала. При небольших собственных военных расходах от госбюджета (менее 1%) развитие японской военной, особенно ракетно-ядерной, промышленности происходило при участии американских монополий. В связи с этим значительную долю бюджетных расходов Япония тратила на укрепление собственной «экономической безопасности». Термин «экономическая безопасность» в Японии появляется в 1971 г., после нефтяного кризиса 1973 г. он становится важнейшей составляющей понятия «национальная безопасность». При этом учитывалась экономическая уязвимость Японии, обусловленная высоким уровнем внешней ресурсозависимости (до 80%). Одним из последствий нефтяного кризиса 1973 г. было принятие в стране Предварительного плана экономического развития на 1975–1985 гг., где была конкретно обозначена проблема «экономической безопасности» страны и подчеркивалась необходимость ее решения в связи с обеспечением Японии сырьевыми, энергетическими и продовольственными ресурсами. В среднесрочном Новом семилетнем плане экономического и социального развития (1979 г.) четко указывалось на обязанность реализации внутренней и внешней политики с учетом «экономической безопасности». В декабре 1980 г. при Кабинете министров Японии был создан Совет комплексного обеспечения безопасности, который определил «экономическую безопасность» как

защиту экономики страны от любой внешней угрозы [7. С. 21–24, 27]. При этом ставились следующие задачи:

- добиться гарантированного обеспечения поставок сырья, энергоносителей и продовольствия;
- внести свой вклад в улучшение мирового спроса и предложения за счет совместных с другими странами разработок в области поиска альтернативных источников энергии;
- оказать помощь в развитии сельскохозяйственной базы в странах-поставщиках;
- сотрудничать в сферах технологии и финансов.

В первую очередь это касалось стран Юго-Восточной Азии. Подавляющая часть финансовых средств (86,7%), предоставляемых развивающимся странам по правительственной линии, в порядке экономической помощи направлялась в страны ЮВА. Руководство Японии рассматривало страны ЮВА, а именно АСЕАН, в качестве противовеса «расширению влияния социалистического Вьетнама в Юго-Восточной Азии» [13. С. 58].

В области обеспечения «энергетической безопасности» Японии за 1970–1980-е гг. были осуществлены мероприятия по созданию стратегических запасов нефти (сырой). Начиная с 1976 г. частными предпринимателями, а с 1978 г. и правительственными структурами стали создаваться хранилища нефти и нефтепродуктов стратегического характера. Запасы создавались из расчета самообеспеченности в национальном масштабе до 90 дней, позднее – до 70 дней. Было создано десять стратегических хранилищ наземного, подземного и морского базирования, в которых сосредоточивались в 1994 г. запасы нефти и нефтепродуктов объемом 80 млн к/л. В эти годы в энергетическом балансе страны появились альтернативные нефти энергоресурсы, прежде всего атомная энергия. С 1975 по 1993 г. доля атомной энергии в энергетическом балансе страны возросла с 1,5 до 11,1% [7. С. 28].

Несмотря на внутренние трудности, связанные с последствиями экономического и политического кризисов 1990-х гг., Япония, внимательно следя за подъемом Китая и меняющейся стратегической обстановкой в АТР на рубеже веков, всеми силами стремилась укрепиться в Восточной Азии. Кроме того, США настаивали на том, что Япония должна играть более активную роль не только в регионе, но и за пределами его [14. Р. 147]. Юго-Восточную Азию, экономически сильную и политически стабильную, Япония рассматривала в качестве «противовеса» Китаю [15. Р. 157] и реальной возможности сохранить свои позиции в регионе. В специально разработанной в 2002 г. «доктрине Коидзуми» подчеркивалась необходимость более активного сотрудничества со странами АСЕАН в вопросах экономики и укрепления безопасности на основе равенства и уважения [16]. Упрочив основу отношений со странами АСЕАН в вопросах безопасности, после присоединения в 2004 г. к Договору о дружбе и сотрудничестве 1976 г., в этом же году стороны подписали Декларацию о сотрудничестве в борьбе против международного терроризма. Кроме того, Япония всегда активно поддерживала создание

Регионального форума АСЕАН, а также содействовала формированию Совета по сотрудничеству в области безопасности АТР – крупнейшей неправительственной организации, созданной в поддержку АРФ (см. об этом: [8. С. 219–231]). Япония продолжала осуществлять техническую поддержку и финансовую помощь Ассоциации по различным проектам и программам, стимулируя интеграционные процессы в регионе и сама являясь своеобразным «противовесом» Китаю, позволяя государствам АСЕАН извлекать определенные выгоды из конкуренции двух стран за лидерство [17].

Китайский фактор

После окончания холодной войны особое беспокойство стран региона было связано с тем, что Китай, набирая экономическую силу, активно осуществлял политику «богатая страна – сильная армия», ежегодно наращивая оборонные ассигнования. Настораживало то, что Китай держал в секрете реальное состояние своих вооруженных сил и помимо официальной статистики относительно оборонных расходов, судя по явной модернизации китайских ВМС и ВВС, не афишировал реальные расходы. Кроме того, он требовал от ЕС отменить введенное в 1989 г. после событий на площади Тяньаньмэнь эмбарго на импорт вооружений и технологий. В то же время Китай фокусировал свое внимание на экономическом и социально-культурном аспектах сотрудничества со странами региона, в отличие от США, которые больше проявляли интерес к военно-политическому сотрудничеству и вопросам безопасности. Вообще, политика Соединенных Штатов в регионе и особенно в Северо-Восточной Азии в значительной мере определялась конкуренцией с КНР [6]. США были весьма обеспокоены тем, что с развитием восточноазиатского регионализма и укреплением мощи Китая КНР может заменить Соединенные Штаты в плане влияния в регионе, что приведет к уменьшению роли США. Правда, в действительности для Китая проблема занять какое-либо место Соединенных Штатов в Восточной Азии не была первоочередной. Более важными виделись необходимость решения различных задач внутри страны и, самое главное, повышение благосостояния китайского народа. Кроме того, китайское руководство прекрасно понимало, что США по-прежнему играют ключевую роль в региональной безопасности, а сам Китай не имеет реального потенциала для снижения влияния Соединенных Штатов в регионе, которое определялось не только военным присутствием в регионе, но и состоянием экономики США [18. Р. 58–59].

В отличие от заявлений США о своей «исключительности» на мировой арене, китайская «исключительность» сводилась к тому, что КНР не пыталась никого переделывать по своему образцу и подобию. Китай стремился влиять на мировую ситуацию и консолидировать свою расширяющуюся деятельность в регионе и за его пределами для достижения экономического процветания, не забывая о позиционировании себя в качестве моральной основы мирового сообще-

ства. По мере превращения в мощную экономическую державу Китай стремился стать и одной из сильнейших военных держав с самой большой армией в мире по личному составу и гигантским военным бюджетом (238 млрд долл. в 2015 г.), обладая средствами, которые соответствовали бы его экономической мощи. В связи с этим китайская армия получала новые технологии и истребители, такие как F14. Принятая в стране до 2030 г. военная программа основывается не только на защите суверенитета Китая, но и на формировании мощного флота, который будет в состоянии проводить операции вдали от китайских берегов. Предполагается, что Китай должен быть в состоянии перекрыть «любой иностранной силе доступ в китайские воды, которые в восприятии китайского руководства простираются чуть ли не до центра Тихого океана» [19]. Таким образом, главным врагом становятся американские авианосцы, и «если для США и существует какая-то угроза, она исходит не от более, чем относительного расширения китайских военных возможностей через призму бюджета, а от новых планов на Тихий океан, которые открыто демонстрирует пекинское руководство. С окончания Второй мировой войны Вашингтон как союзник Токио и Сеула неизменно пользовался полной свободой движения в водах непосредственно у побережья континентального Китая. Сейчас Пекин стремится оспорить эту свободу и превосходство» [Там же]. Современные китайские лидеры осознают, что дипломатическое влияние во многом опирается на военные возможности. Во время войны в Персидском заливе стало очевидным, что «находившаяся в распоряжении Саддама Хусейна китайская техника полностью устарела. Народно-освободительная армия образца 1990 г. по большей части представляла собой отряды ополченцев с небольшим числом относительно профессиональных подразделений. 20 лет спустя личный состав уменьшился вдвое, а бюджет вырос вчетверо. Тем не менее она по-прежнему остается “бедной” армией, так как тратит всего лишь 25 000 долларов на военнослужащего в год (зарплата, подготовка, обмундирование и вооружение). Для сравнения: во Франции этот показатель равняется 230 000 долларов в год, а в США – 450 000 долларов» [19]. При этом по большей части средства шли на улучшение условий жизни военных, а не на техническую модернизацию армии.

В то же время, постоянно сталкиваясь с «политической сдерживания» со стороны США и продолжающейся настороженностью соседей по региону в отношении своей мощи [20], Китаю приходилось действовать, делая ставку на наращивание «мягкого влияния» в регионе, активно включаясь в работу структуры двустороннего и многостороннего сотрудничества, подключая механизмы «экономической дипломатии», предоставляя инвестиций странам Индокитая, недавно присоединившимся к АСЕАН. Не отказывался Китай и от развития военного сотрудничества с такими традиционными союзниками США, как Таиланд и Филиппины. С наступлением нового века Китай, несмотря на существование военных союзов некоторых своих партнеров по АТР, особенно в ЮВА, с США,

стал первой страной вне АСЕАН, которая приобрела статус «стратегического партнера» Ассоциации, что привело к новому подъему отношений Китая и стран ЮВА [21]. 8 октября 2003 г. на VII саммите АСЕАН Китай и страны – участницы Ассоциации подписали Декларацию о стратегическом партнерстве ради мира и процветания, которое определялось как «невоенное и открытое, не лишаящее участников права развивать всесторонние связи дружбы и сотрудничества с другими странами» [22]. Странам региона импонировало то, что Китай, поддерживая сотрудничество по проблемам мира и безопасности в регионе, не вовлекал государства ЮВА в военные союзы и, в отличие от США и ЕС, не критиковал и не налагал санкции на авторитарные режимы, имелась в виду, прежде всего, Мьянма. В то же время различия в подходах к региональным проблемам у сторон все-таки были. Лидеры АСЕАН поддерживали китайских коллег в том, что необходим новый мировой порядок, который должен прийти на смену пост-биполярному миру. Но в Пекине считали, что в основе нового мирового порядка должен лежать принцип «многополярности». Страны АСЕАН отстаивали принцип «многосторонности», которая предполагала равноправие государств при коллективном участии в решении важнейших проблем без каких-либо «полосов силы» и без «старшего брата» в лице КНР. Тем не менее в укреплении многополярного мира Китай, высоко оценивая роль Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и особенно усилия отдельных членов АСЕАН, стал рассматривать Ассоциацию в качестве одного из потенциальных полюсов будущего мироустройства. Полностью совпадало с интересами Китая и стремление АСЕАН сохранить ЮВА в качестве мирного и нейтрального региона, свободного от доминирования какой-либо региональной или внерегиональной державы (см. об этом: [8. С. 54–60]).

«Метод» АСЕАН

Для создания благоприятного инвестиционного климата и проведения необходимых экономических реформ большинством государств ЮВА, особенно в 1980–1990-е гг., нужна была стабильность как внутри каждого государства, так и в АТР в целом. Наибольшую обеспокоенность в этом плане проявляли страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Именно с проблемой поддержания стабильности как на национальном, так и на региональном уровнях развивающейся экономики региона связывали вопросы безопасности. В связи с этим региональная стратегия безопасности была связана со стратегией безопасности стран АСЕАН, в национальных стратегиях которых экономическая составляющая стала играть особую роль. Государства АСЕАН рассматривали экономическое сотрудничество как посреднический процесс к выстраиванию доверия в рамках региона, чтобы нейтрализовать межгосударственную напряженность и укрепить чувство общности интересов. При этом проблема безопасности регионального сотрудничества не ограничивалась только решением конфлик-

тов между государствами, включенными в региональные организации. Региональное сотрудничество выстраивалось и с целью защитить и укрепить государства-члены против тех стран, которые находились вне объединения, если от них или от противоборства между ними исходила угроза – будь то в случае с АСЕАН Советский Союз и США в эпоху холодной войны или в иные промежутки времени – Вьетнам, СССР и Китай. При этом большинство западных исследователей, анализируя причины создания АСЕАН, подчеркивали, что страны ЮВА увидели необходимость стимулировать их экономическое развитие и продвигать региональную безопасность перед лицом растущей угрозы коммунизма в Юго-Восточной Азии, ускоренной переходом к коммунизму Индокитай и декларированным намерением Запада вывести свои военные силы из региона [23. Р. 27–28; 24. Р. 3–4]. Фактически данная точка зрения совпадала с оценками российских исследователей, которые считали, что АСЕАН была основана с целью создания государствами ЮВА единого фронта, который мог бы противостоять военно-политической нестабильности в Индокитае (война в Индокитае), событиям в Китае («культурная революция»), новым политическим реалиям, связанным с уходом Великобритании из районов «к востоку от Суэца» и вовлеченностью США в военные действия на Индокитайском полуострове [3. С. 79].

В условиях завершения холодной войны, когда Соединенные Штаты высказали намерение постепенно сократить присутствие в регионе американских вооруженных сил, большинство стран региона предпочитали «сохранение в АТР статус-кво, т.е. лидерства США» [25. С. 101]. Во многом это было связано с тем, что хотя страны ЮВА благодаря стремительному экономическому развитию и обретали финансовую возможность для усиления своих военных позиций, в то же время они прекрасно понимали, что значительную долю финансирования, ранее идущую на внутреннее развитие и обеспечение «экономики роста», в сложившихся условиях придется тратить на военные нужды. На фоне растущего и пугающего своей мощью материкового Китая это становилось просто неизбежным и порождало еще одну проблему – страны региона активно занимались наращиванием и модернизацией вооружений. Малайзия закупила у США самолеты истребители FА-18-D. В то же время между Куала-Лумпуром и Дели была достигнута договоренность о техническом обслуживании истребителей МиГ-29, которые у России собиралась закупить Малайзия, и боевой подготовке их экипажей. Страны Юго-Восточной Азии проявляли особый интерес к новейшим разработкам в области вооружений России. В июне 1994 г. Малайзия заключила соглашение с Россией о закупке истребителей МиГ-29 [26. С. 55–85].

Выражая стремление сохранить присутствие Соединенных Штатов в регионе, государства ЮВА, в то же время, выражали недовольство по поводу идей построения «демократического мира» на основе западных (американских) либеральных ценностей («доктрина Клинтона»). Особенно отрицательно страны АСЕАН отнеслись к критике администрации

Б. Клинтона военного правительства Мьянмы, поскольку подобное поведение противоречило принципам АСЕАН (см. об этом более подробно: [8. С. 191–218]). Мьянма всегда играла важную роль для ЮВА. От урегулирования ситуации вокруг нее зависела, в том числе, и успешность сотрудничества региона с другими региональными объединениями и странами, которые осуществляли инвестиции в страны АСЕАН (АСЕМ – Форум «Азия – Европа», например). При этом не раз возникали ситуации, когда дальнейшее сотрудничество Ассоциации с этими странами и региональными объединениями находилось в зависимости от способности стран АСЕАН разрешать региональные конфликты, обеспечивая тем самым безопасность в регионе, и именно проблема Мьянмы была одним из ключевых вопросов в этой связи. Постепенное возвращение Мьянмы на политическую арену увеличивало её значение в региональном контексте.

Необходимость ограничить вмешательство в дела региона «великих держав» привела к избранию лидерами АСЕАН стратегии привлечения этих держав в многосторонние региональные механизмы, что позволяло поддерживать их заинтересованность в стабильном развитии региона и связывало определенными нормами поведения, выработанными в рамках Ассоциации. Эти нормы были зафиксированы в Декларации о зоне мира, свободы и нейтралитета в ЮВА (1971), Договоре о дружбе и сотрудничестве (1976) и в Договоре о создании безъядерной зоны в ЮВА (1995). При этом руководящими принципами в рамках данной стратегии стали недопущение доминирования какой-либо одной страны и выработка правил поведения самими государствами АСЕАН, а также исключение навязывания каких-либо правил извне. При помощи «пассивного сопротивления», используя многократные, но деликатные по форме отказы от строительства регионального экономического и политического сотрудничества на условиях крупных внерегиональных игроков, страны-участницы не только избежали конфликтных ситуаций с ведущими мировыми державами, но и заставили их учитывать интересы и мнение Ассоциации при решении различных вопросов [8. С. 354–360].

В своей деятельности члены Ассоциации опирались на выработанный ими «метод АСЕАН», для которого основополагающими являлись упоминавшийся уже принцип «невмешательства во внутренние дела друг друга» и консенсус. Культура политического диалога стран Ассоциации предполагала достижение консенсуса сторон исключительно путем кропотливого и долгого переговорного процесса. Лидеры Ассоциации с момента создания в 1967 г., неоднократно подчеркивая специфику своей организации, отмечали, что в силу исторических, культурных и политических причин АСЕАН склонна к далеко идущей в прошлое тенденции неформального взаимопонимания и добровольным соглашениям [27]. Подобный метод решения проблем и разногласий вполне оправдал себя при функционировании с 1993 г. Регионального форума (АРФ), созданного странами ЮВА для укрепления мира, стабильности и процветания. В этом проявился

очень важный и характерный для государств ЮВА аспект их деятельности – способность привлечь государства, находящиеся за пределами Юго-Восточной Азии, независимо от их размеров, к платформе АСЕАН для регионального сотрудничества и укрепления доверия в Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Аналогичный подход прослеживается и при выработке отношения Ассоциации к режиму нераспространения ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, а также в ходе периодически обостряющейся ситуации в акватории Южно-Китайского моря, где длительное время шел спор вокруг принадлежности архипелага Спратли и еще ряда островов. После того как в июне 1995 г. в АСЕАН был принят Вьетнам (вторая страна в Юго-Восточной Азии по численности населения после Индонезии), и Ассоциация через Вьетнам «вышла» к южным границам континентального Китая, значительно изменился баланс сил в регионе. С этого момента четыре государства – члена АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Малайзия и Филиппины), а также Тайвань стали противостоять КНР в территориальном споре, объявившей суверенитет Китая над всей акваторией Южно-Китайского моря. Во многом, благодаря усилению стран АСЕАН по вовлечению Китая в двусторонние и многосторонние связи, позиция КНР в данном вопросе становилась более умеренной и сдержанной. Так, Китай и АСЕАН договорились о соблюдении статус-кво в вопросе принадлежности Парасельских островов.

Возвращающаяся Россия

Азиатская политика современной России начала формироваться с учетом трансформации глобального баланса сил и значительных изменений политической и экономической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе во второй половине 1990-х гг. Восточная Азия становилась для России перспективным стратегическим направлением продвижения на мировой рынок. Используя свое положение в качестве «евразийской» державы, РФ могла стать важным звеном мировой экономической системы, связывающим рынки Европы и стран АТР. При этом Российская Федерация поддерживала страны Восточной Азии в обеспечении региональной безопасности и стабильности. Необходимость обеспечения собственной безопасности, наряду с модернизацией регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, обуславливала жизненно важные политические и экономические интересы России в АТР.

Вырабатывая на рубеже веков основные положения внешнеполитической и особенно внешнеэкономической концепции Российской Федерации, во внимание бралось то, что в условиях рыночного развития и существующего многополярного мира Россия, выполняя свою евразийскую миссию и выстраивая отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, должна проводить активную политику как в европейском, так и в азиатском направлениях, поднимая политическое и экономическое сотрудничество с гос-

ударствами АТР до уровня, достигнутого Россией в Европе. На практике азиатский вектор российской внешней политики значительно отставал от потребностей и стратегических интересов России [28. С. 107]. Причины этой отсталости были связаны с началом 90-х гг. прошлого века, когда на фоне болезненных экономических реформ происходило крупномасштабное сокращение численности российских вооруженных сил на Дальнем Востоке, что приводило к пассивности российского присутствия в регионе. В связи с этим значительно снизилась способность России выступать сдерживающим фактором по отношению к отстаивающим свое лидерство Соединенным Штатам и Китаю. В то же время ситуация в АТР складывалась весьма неопределенно, что пугало восточноазиатские страны даже больше, чем опасения по поводу амбиций России в регионе и угрозы миру и стабильности с ее стороны. Подобный подход означал глубокую трансформацию отношения стран региона к России после холодной войны [29. С. 107].

В новых условиях, когда «...скорейший и продуктивный разворот “в сторону Азии” – неперемное условие сохранения статуса страны, с которой реально считаются в мире» [30], РФ особо выделяла стремления стран ЮВА по обеспечению безопасности и стабильности в регионе. Россия активно поддерживала инициативу АСЕАН по созданию АРФ. Она считала, что АРФ является эффективным механизмом укрепления стабильности в АТР и способствует осуществлению концепции многополярного мира. Это также касалось и усилий АСЕАН по созданию в Юго-Восточной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, рассматривая их как реальный вклад в укрепление режима нераспространения ядерного оружия и упрочение региональной и глобальной безопасности. В 2003 г. министры иностранных дел РФ и АСЕАН подписали совместную Декларацию о партнерстве в деле мира и безопасности, процветания и развития в АТР. В 2004 г. Россия присоединилась к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии [31]. В феврале 2011 г. Россия также официально стала полноправным участником созданного в декабре 2005 г. по инициативе АСЕАН Восточноазиатского сообщества (ВАС), к которому помимо стран Ассоциации присоединились Южная Корея, Китай, Япония, Австралия, Новая Зеландия, Индия, а затем и США [Ibid. P. 2]. Сообщество создавалось с целью укрепления мира, стабильности и экономического процветания в АТР. В связи с этим большее внимание Россия стала уделять созданию многосторонней системе сотрудничества и безопасности во всем Восточноазиатском регионе.

Во многом это было связано с тем, что к началу XXI в. в Восточной Азии все чаще давали о себе знать территориальные споры между странами Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, которые длительное время находились в замороженном состоянии. Несмотря на то что Россия и Япония договорились о разделении вопросов принадлежности «северных территорий» и развитии российско-японских политических и экономических отношений, а также в

российско-китайских отношениях велась «техническая» работа по урегулированию вопроса пограничного размежевания вблизи Хабаровска, время от времени обострялись территориальные споры между Японией и Китаем, Японией и Южной Кореей. Но, как правило, такие споры не выходили за рамки краткосрочных дипломатических «мини-войн», и в Восточной Азии получал распространение подход, согласно которому территориальные конфликты могут быть смягчены посредством совместного освоения спорных территорий и окончательно разрешены путем создания единого восточноазиатского экономического пространства (проект ВАС).

Кроме того, в первое десятилетие XXI в. особо остро встала проблема угрозы распространения ядерного оружия. Наибольшую опасность в этом плане представляла ситуация на Корейском полуострове. С 1993 по 2013 г. КНДР произвела пять испытательных пусков ракет средней дальности и космических ракет-носителей разных типов. Правда, проведение испытаний затруднялось тем, что в 1999 г. КНДР под международным давлением и в обмен на обещания помощи объявила мораторий на испытания ракетного оружия, за исключением ракет малой дальности. Для решения северокорейской ядерной проблемы были запущены два политических форума: «Диалог сотрудничества СВА» с участием США и стран СВА, включая Россию и КНДР, но без Монголии, и Совет по проблемам безопасности и сотрудничества в Тихоокеанской Азии с участием представителей стран – участниц формата АРФ. Наибольшим успехом «Диалога сотрудничества СВА» стал запуск в августе 2003 г. официального шестистороннего формата переговоров по Северной Корее в Пекине с участием Китая, США, Японии, России, Южной и Северной Кореи. И хотя официальные переговоры «шестерки» не выросли непосредственно из «Диалога сотрудничества СВА», именно конференции в октябре 2002 г. в Москве и в августе 2003 г. в Пекине с участием северокорейцев показали, что полный шестисторонний формат может существовать. Китайское и южнокорейское руководство, а также российские эксперты продвигали идею сохранения этого формата и после урегулирования кризиса в Северной Корее для решения других проблем безопасности в СВА, прежде всего связанных с новыми угрозами.

В 2006 г. Пхеньян провел первый подземный взрыв ядерного устройства, что свидетельствовало о малой эффективности существующих политических и военно-силовых средств для противодействия распространению ядерного оружия. Тем не менее в 2007 г. состоялись шестисторонние переговоры КНДР, Республики Корея, Китая, Японии, России и США и было достигнуто соглашение о поэтапном выполнении КНДР мер по денуклеаризации. Тогда же были остановлены реакторы в Йонбене [32]. В принципе, шестисторонние переговоры по северокорейской ядерной проблеме могли стать шагом к созданию многосторонней системы безопасности в регионе, а сама северокорейская ядерная программа – своеобразной «экспериментальной площадкой» для координации действий участвующих сторон в области безопасности в АТР

[2. С. 110]. Но КНДР рассматривала ядерную программу прежде всего как средство получения от Соединенных Штатов финансовой помощи и гарантий безопасности. США не просто так в течение многих лет «закрывали глаза на Северную Корею, помогли ей создать атомную промышленность и даже позволили (в отличие от того же Ирака) заполучить ядерное оружие». Пхеньян служил для «Вашингтона “полезным врагом”, угрозой, которая является предлогом для американского военного присутствия на юге от Китая... Задача такого “азиатского пояса” заключается не только в противодействии северокорейской угрозе (реальная опасность, но в то же время и предлог для сохранения американских баз), но и в окружении настоящего геостратегического врага США – Китая, который входит вместе с Россией в Шанхайскую организацию сотрудничества – альянс бывших советских республик и Китая, направленный против американской гегемонии» [33. С. 110].

На протяжении последних десятилетий КНДР много раз обещала нанести сокрушительный удар по Южной Корее. КНДР объявляла военное положение, проводила мобилизацию армии и крупномасштабные учения. Как правило, Северная Корея чередовала периоды провокаций с периодами снижения напряженности, когда Корея под давлением Китая соглашалась вернуться за стол переговоров об отказе от ядерного оружия на полуострове. Будучи крупнейшим экономическим спонсором Северной Кореи, Пекин на протяжении многих лет предоставлял этому режиму экономическую помощь и обеспечивал дипломатическую защиту от Соединенных Штатов и прочих государств. Постепенно для Китая Северная Корея стала весьма беспокойным союзником, который все чаще ставил его в крайне неудобное положение. Поэтому Китай оказался в трудной ситуации. С одной стороны, он хотел бы встать в один ряд с другими нациями, с другой – он не мог бросить своего союзника. При этом Северная Корея не подчинялась никакому диктату, даже со стороны Китая, и ему не удавалось диктовать что бы то ни было режиму Пхеньяна. В 2010 г. произошли два военных инцидента – потопление северокорейской подводной лодкой южнокорейского корвета «Чхонан» и обстрел острова Ёнпхёнд. В феврале 2013 г. тон ужесточился. Отчасти из-за нового руководства. Ким Чен Ёну важно было укрепить свои позиции и власть, так как в этом регионе все руководители оказались новыми: новая власть в Китае, новый президент в Южной Корее, новый премьер-министр в Японии [34].

Третье по счету ядерное испытание, проведенное Пхеньяном в феврале 2013 г., привело к усилению санкций со стороны ООН и угрозам ответных действий со стороны Пхеньяна, что заставило международное сообщество взглянуть на Северную Корею более серьезно, чем просто как на торгующуюся «попрошайку» [35]. В сочетании с третьими ядерными испытаниями и запуском спутника несколькими месяцами ранее действия КНДР, в частности угрозы применения ядерного оружия по континентальной части США, закрепление ядерного статуса в конституции и

возобновление работы реактора по наработке плутония в Йонбене, имели необратимые последствия не только для Азии, но и для всего мира. Многие были обеспокоены тем, что неизвестно, является ли Северная Корея полноценной ядерной державой и располагает ли она готовым к применению ядерным оружием, а также имеется ли у КНДР боеголовка, которая может быть применена баллистической ракетой межконтинентальной дальности [36].

Из официальных заявлений КНДР следовало, что страна располагает межконтинентальными баллистическими ракетами, оснащенными ядерными боеголовками. Но неизвестно, есть ли у КНДР ядерное оружие с урановым боезарядом и остается загадкой, почему КНДР отказалась от своей программы по производству плутония и вместо этого сделала своим приоритетом обогащение урана. Может быть, это связано с тем, что обнаруженный в 2010 г. комплекс не единственный, а комплексы по обогащению урана легче спрятать? Кроме того, некоторые типы урановых боеголовок производить легче, чем другие виды ядерных вооружений. Есть предположение, что Северная Корея закупила технологии для производства оружия, основанного на обогащенном уране, у пакистанских поставщиков, которые продали ядерные технологии Ливии и Ирану [37]. Известно также, что северокорейская ракетная программа развивается совместно с иранской и пакистанской и часть испытаний могли пройти на территории этих стран.

После объявленной в ноябре 2011 г. администрацией президента Б. Обамы «перебалансировке» стратегии от «войн на Ближнем Востоке в Азиатско-Тихоокеанский регион», предполагающей, прежде всего, «затягивание петли» вокруг Китая, новый стратегический баланс, или «разворот», планировалось обеспечить «комплексом дипломатических, экономических, бюджетных и касающихся вопросов безопасности инициатив...» [20]. Но в связи с угрозами КНДР нанести ядерный удар по Соединенным Штатам и Республике Корея автоматически запускался механизм превентивных действий, направленных на предупреждение ядерного удара со стороны Северной Кореи. Это стало хорошим предлогом для усиления военного присутствия Соединенных Штатов в регионе. Весной 2013 г. США заявили об усилении противоракетной обороны на Аляске за счет 14 ракет-перехватчиков к 2017 г. [34]. Кроме того, не веря в скорейшее исчезновение угрозы атаки со стороны Северной Кореи, США намеревались разместить высокотехнологичную систему ПРО на островах в Тихом океане, чтобы защитить расположенные там американские военные базы [38. С. 110]. Все это неизбежно сопровождалось применением разведывательных механизмов на Корейском полуострове в районе КНДР, т.е. недалеко от Северо-Восточного Китая и российского Дальнего Востока.

В апреле 2014 г. Б. Обама посетил четыре крупнейших страны в АТР – Японию, Южную Корею, Малайзию и Филиппины. Эта поездка была задумана как подтверждение окончательного «разворота» США в Азию. Как показала поездка, «хозяйева», т.е. «Япо-

ния, Южная Корея, Малайзия и Филиппины получили от посещения американского президента гораздо больше, чем они предложили ему» [39]. Всем четырем правительствам необходима была военная и дипломатическая поддержки США из-за страха перед растущим Китаем. В случае Японии и Южной Кореи к этому можно было добавить и угрозы, исходящие от Северной Кореи. Кроме того, Японию и Филиппины беспокоила прямая конфронтация с Китаем по вопросу о спорных островах и отмелях, соответственно, в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

Наряду с этим в ходе украинских событий весны 2014 г. США начали резкий «разворот» в сторону Европы и «затягивание петли» вокруг России. Ввод Западом экономических санкций против России в связи с присоединением Крыма и фактически объявление Белым домом, спустя почти четверть века после распада СССР, новой холодной войны против России в апреле 2014 г., невольно усилили российский «разворот в Азию», в частности в Азиатско-Тихоокеанский регион. Вполне оправданным и обоснованным в связи с этим выглядело стремление к стратегическому сближению России и Китая, которые на современном этапе формируют мощный геополитический центр силы, функционирующий на основе принципов и механизмов, устраивающих все стороны, а не только американскую или европейскую. В то же время в новых условиях России необходимо исходить из своих национальных интересов. Особенно это актуально в случае с Китаем, который прежде всего думает о своих национальных интересах, и Россия вполне может войти в зону его интересов и влияния. В этой связи, развивая отношения с Китаем, России не надо забывать и о Республике Корея, Японии (несмотря на ее стратегический союз с США), странах ЮВА, Индии. Китайское руководство явно стремится изменить существующую международную систему с учетом соб-

ственных стратегических интересов с помощью развивающихся стран и России. Это прослеживается в ходе работы Шанхайской организации сотрудничества и стран БРИКС, запустивших создание Банка развития БРИКС в противовес деятельности МВФ, который полностью контролируется Вашингтоном.

Несмотря на то что подписанное в мае 2014 г. в Шанхае соглашение о поставках в Китай российского газа и укрепление позиций России на перспективном китайском рынке стали геополитическим успехом, реальная экономическая выгода для России до сих пор не совсем ясна. В данном случае Россия больше выигрывает в идеологическом плане, нежели в экономическом. Китайское руководство не считает Россию равноправным партнером и, несмотря на тот факт, что Пекин часто критикует Запад за ту иронию, которая нередко наблюдается в отношении происходящего в России и ее явную недооценку, часто в китайских средствах массовой информации можно проследить аналогичное отношение. При этом Китай считает именно себя лидером «номер один» в Восточной Азии. Кроме того, хотя китайское руководство и признает, что Россия успешно противостоит идеологической гегемонии Запада, критикуя его за стремление навязать свои демократические стандарты и представления о правах человека и т.д., тем не менее Пекин прекрасно понимает, что существующие правила глобальной системы устанавливаются все-таки на Западе. И именно эта система позволила Китаю расти в последние два десятилетия и стать второй экономикой мира.

Однако в тех случаях, когда язык ультиматумов и санкции все чаще используется в мире, а «нежелательные режимы» стран, которые выбирают независимую политику или стоят на пути чьих-либо интересов, дестабилизируются или свергаются вовсе, аналогичные стратегические партнерские отношения объяснимы и оправданны [40].

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М., 1997. 353 с.
2. Лицарева Е.Ю. Система безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков и в первое десятилетие XXI в. Позиция России // Национальные приоритеты России. Омский научный вестник. 2014. № 2 (12). С. 106–112.
3. Михеев В.В. Глобализация и азиатский регионализм. Вызовы для России. М.: Институт Дальнего Востока, 2001. 219 с.
4. Soogil Y. Prospects for East Asia Community // The Trilateral Commission. 2006. P. 60–64. URL: http://www.trilateral.org/download/file/annual_meeting/eastasia_prospects.pdf (дата обращения: 04.01.2015).
5. Лицарева Е.Ю. Экономическая интеграция на Европейском континенте и в Азиатско-Тихоокеанском регионе во второй половине XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 222 с.
6. Kupchan Ch. From Enmity to Amity: Trust's Part in US Foreign Policy // Global Asia. A JOURNAL OF THE EAST ASIA FOUNDATION. 2013. Vol. 8, № 3. fall. URL: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/458/From-Enmity-to-Amity:-Trust%D0%B1%D0%BFs-Part-in-US-Foreign-Policy-.html> (дата обращения: 14.12.2015).
7. Лицарева Е.Ю. История стран Азии и Африки новейшего времени. 1945–2000 г.: учеб. пособие. Томск, 2001. 102 с.
8. Кобелев Е.В., Локшин Г.М., Малетин Н.П. АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы. М.: ФОРУМ, 2010. 368 с.
9. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House. 1995. February // The Air University. URL: <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/nss/nss-95.pdf> (дата обращения: 11.05.2015).
10. Joshua P. The U.S.-Japan Security Alliance, ASEAN, and The South China Sea Dispute // Asian Survey. 2005. Vol. XLV, № 3. May/June. URL: <http://community.middlebury.edu/~scs/docs/Rowan,%20US-Japan,%20ASEAN,%20%26%20SCS%20Dispute,%20Asian%20Survey.pdf> (дата обращения: 10.05.2015).
11. Parameswaran P. ASEAN leaders to weigh counterterrorism agenda/ Agence France-Presse // ASSOCIATION OF SOUTHEAST ASIAN NATIONS. 2002. November 1. URL: <http://www.aseansec.org/twt/twt1.htm> (дата обращения: 15.06.2015).
12. Sukma R. US Policy Towards Southeast Asia: a New Paradigm? / Presented at the 24th Asia-Pacific Roundtable. Kuala Lumpur // ISIS. 2010. June 7–9. URL: http://www.isis.org.my/files/24APRWEB/Rizal_Sukma.pdf (дата обращения: 16.09.2015).
13. Петров Д.В. Внешняя политика Японии в 1975 г. // Япония 1976. Ежегодник. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. 321 с.

14. Jawhar H. ASEAN's Political and Security Relations with Japan / ASEAN-Japan Cooperation: A Foundation for East Asian Community // Japan Center for International Exchange. 2003. P. 145–153. URL: http://www.jcie.org/researchpdfs/ASEAN/asean_jawhar.pdf (дата обращения: 05.01.2015).
15. Masashi N. Japan's Political and Security Relations with ASEAN/ASEAN-Japan Cooperation: A Foundation for East Asian Community // Japan Center for International Exchange. 2003. P. 154–167. URL: http://www.jcie.org/researchpdfs/ASEAN/asean_nishihara.pdf (дата обращения: 05.01.2015).
16. Siew Man. Japan's Grand Strategic Shift from Yoshida to Koizumi: Reflections on Japan's Strategic Focus in the 21st Century // *Akademika* 70. 2007. January. URL: [http://www.ukm.my/penerbit/akademika/ACROBATAKADEMIKA70/akademika70\[07\].pdf](http://www.ukm.my/penerbit/akademika/ACROBATAKADEMIKA70/akademika70[07].pdf) (дата обращения: 05.01.2015).
17. Sudo S. Japan's ASEAN Policy: Reactive or Proactive in the Face of a Rising China in East Asia? // *Asian Perspective*. 2009. Vol. 33, № 1. URL: <http://www.asianperspective.org/articles/v33n1-e.pdf> (дата обращения: 24.04.2015).
18. Yaqing Q. Prospects for East Asia Community // The Trilateral Commission. 2006. P. 54–60. URL: http://www.trilateral.org/download/file/annual_meeting/eastasia_prospects.pdf (дата обращения: 04.01.2015).
19. Китай готовится к захвату мира? («Atlantico», Франция) // *inoСМИ.Ru*. URL: <http://inosmi.ru/world/20130506/208752909.html#ixzz2SWpnz7Ja> (дата обращения: 15.09.2015).
20. McDevitt M. America's New Security Strategy and Its Military Dimension//*Global Asia. A JOURNAL OF THE EAST ASIA FOUNDATION*. 2012. Vol.7.N.4.winter. URL: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/61/americas-new-security-strategy-and-its-military-dimension.html> (дата обращения: 16.09.2015).
21. Palanca E. China's Economic Growth: Implications to the ASEAN // *Philippine Institute for Development Studies, Policy notes*. 2002. № 2002-04. May. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/apcity/unpan005055.pdf> (дата обращения: 25.06.2015).
22. Joint Declaration of the Heads of State/Government of the Association of Southeast Asian Nations and the People's Republic of China on Strategic Partnership for Peace and Prosperity. Bali. 2003. October 8 // *ASSOCIATION OF SOUTHEAST ASIAN NATIONS*. URL: <http://www.aseansec.org/15265.htm> (дата обращения: 25.06.2015).
23. Ravenhill J. *APEC and the Construction of Pacific Rim Regionalism*. Cambridge Univ. Press, 2000. 294 p.
24. Tongzon Jose L. *The economies of Southeast Asia. Before and after the crisis*. Second edition. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, 2002. 308 p.
25. Воскресенский А.Д. Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М. : РОССПЭН, 2002. 527 с.
26. Ключанская С. Перспективы сотрудничества России и стран Юго-Восточной Азии в стратегических областях // *Индекс Безопасности*. 2011. Т. 17, № 2 (97). С. 55–85.
27. Will ASEAN Be Like the EU? Remarks by Rodolfo C. Severino, Secretary-General of the Association of Southeast Asian Nations at the European Policy Center. Brussels. 2001. March 23.
28. Никонов В. Тихоокеанская стратегия России // *Стратегия России*. 2010. № 8. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1283252871&archive=1283252977&start_from=&ucat=14& (дата обращения: 05.01.2015).
29. *Engaging Russia in Asia Pacific* / ed. Koji Watanabe // Japan Center for International Exchange. URL: <http://www.jcie.or.jp/books/abstracts/E/engaging.html> (дата обращения: 05.01.2015).
30. Россия и АТР: концептуальные основы политики в области безопасности и развития // *Российский Совет по международным делам*. URL: http://russiancouncil.ru/projects/project/?PROJECT_ID_4=6&from=wp11#top (дата обращения: 19.12.2015).
31. О присоединении России к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (Балийский договор) 1976 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/432569d80021985fc3256ee00036b0c8!OpenDocument> (дата обращения: 19.12.2015).
32. Pongvutitham A. Asean urged to speed integration // *The Nation. Business (Local)*. 2006. February 6.
33. КНДР считает себя ядерной державой. ООН призывает к диалогу // *Euronews*. URL: <http://ru.euronews.com/2013/04/02/ban-ki-moon-nuclear-threats-not-a-game> (дата обращения: 15.09.2015).
34. Дель Валь А. Северная Корея: двойная игра США? (*Atlantico*, Франция) // *inoСМИ.Ru*. URL: <http://inosmi.ru/world/20130408/207833099.html> (дата обращения: 15.09.2015).
35. Северная Корея: чего добивается Ким Чен Ын? // *Euronews*. URL: <http://ru.euronews.com/2013/03/27/north-korea-in-nuclear-hysterics> (дата обращения: 15.09.2015).
36. Mansourov A. The Rubik's Cube of North Korea Can Be Solved With Creative Thinking // *Global Asia. A JOURNAL OF THE EAST ASIA FOUNDATION*. 2013. Vol. 8, № 3. fall. URL: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/456/The-Rubik%20%D0%B1%D0%BFs-Cube-of-North-Korea-Can-Be-Solved-With-Creative-Thinking.html> (дата обращения: 15.09.2015).
37. Какую форму может принять конфликт на Корейском полуострове? (*Atlantico*, Франция) // *inoСМИ.Ru*. URL: <http://inosmi.ru/world/20130405/207720117.html> (дата обращения: 15.09.2015).
38. Фицпатрик М. Перезапуск Йонбена: КНДР на острие ядерной игры // *BBC. Русская служба*. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2013/04/130402_nkorea_yongbyon_analysis.shtml (дата обращения: 15.09.2015).
39. Барнс Д., Энтус А. США разместят систему ПРО на Гуаге // *inoСМИ.Ru (The Wall Street Journal, США)*. URL: <http://inosmi.ru/world/20130404/207688071.html> (дата обращения: 16.09.2015).
40. America in Asia. Pivotal. Asians got more from the American president than he got from them // *The Economist*. URL: <http://www.economist.com/news/asia/21601560-asians-got-more-american-president-he-got-them-pivotal> (accessed: 21.05.2015).
41. Стенограмма выступления Президента // *Российская газета RG.RU*. 23.07.2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/07/23/stenogramma.html> (accessed: 23.07.2015).

Статья представлена научной редакцией «История» 2 февраля 2016 г.

REGIONAL AND NATIONAL APPROACHES TO EAST ASIA'S SECURITY AT THE TURN OF THE CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 101–113. DOI: 10.17223/15617793/405/13

Litsareva Elena Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elits2011@mail.ru

Keywords: East Asia; security; confrontation.

Security issues in the region after the cold war have been limited to the maintenance of stability at both the regional and national levels. Much of this was because for a long time East Asia was the only world region with the domination of the economic regional ties and did not actually increase the influence of the military factor. Regional security, freedom and prosperity were directly dependent on the “postmodern” principles of negotiations, compromises and economic cooperation. Most regional countries, paying tribute to the traditional relations and retaining the tradition, were turned into “postmodernist” states that, unlike states operating force categories, invested significant economic potential not into the militarization, but into the welfare strengthening and developing the sub-

regional and regional integration organizations. With the collapse of the bipolar world, one of the tension sources in East Asia was a struggle for the political leadership. The fight was against the backdrop of the rapid economic and military growth of China, strengthening its relations with ASEAN, and China's greater role in the North Korean nuclear crisis. All this happened while reducing the weight of Russia in the 1990s and lacking of the United States' clear position regarding the determination of the Asia-Pacific region's place in its foreign policy strategy. Despite the common interest of the parties in preserving stability in the region, there were several features of East Asian security ensuring: the problem of American military bases, the triangle of the Japanese security system: "economic security" – "national security" – "regional security", China's factor, the "method" of ASEAN, and Russia's returning. The confrontation at the Korean peninsula in the spring of 2013 showed that North Korea and North Korea's threats of nuclear attack on the United States and the Republic of Korea were the pretext for the concentration of the American military power and presence of the intelligence assets in the region not so far from the Northeast China and the Russian Far East. Therefore, the purpose of such an "Asian belt" was not only to counter the North Korean threat and maintain the American bases, but also to surround the main geo-strategic enemy of the United States – China. However, for the United States' administration it seemed insufficient to "surround" and "tighten the belt" around China, it began a sharp turn towards Europe for "tightening the belt" around Russia. Analysis of the international political situation in the Asia-Pacific region shows that there are significant changes here; and these changes are largely connected with significant changes in the global balance of powers. In the course of the Ukrainian events (spring 2014) and the West's economic sanctions against Russia in connection with the accession of the Crimea, the Russian "pivot" toward Asia, in particular East Asia, looks entirely justified and reasonable.

REFERENCES

1. Bogaturov, A.D. (1997) *Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v Vostochnoy Azii posle Vtoroy mirovoy voyny (1945–1995)* [The Great Powers in the Pacific. History and theory of international relations in East Asia after the Second World War (1945–1995)]. Moscow: Konvert - MONF.
2. Litsareva, E.Yu. (2014) Sistema bezopasnosti v Aziatsko-Tikhookeanskom regione na rubezhe vekov i v pervoe desyatiletie XXI v. Pozitsiya Rossii [The security system in the Asia-Pacific region at the turn of the century and in the first decade of the 21st century. The position of Russia]. *Natsional'nye priority Rossii. Omskiy nauchnyy vestnik*. 2 (12). pp. 106–112.
3. Mikheev, V.V. (2001) *Globalizatsiya i aziatskiy regionalizm. Vyzovy dlya Rossii* [Globalization and Asian regionalism. Challenges to Russia]. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka.
4. Soogil, Y. (2006) Prospects for East Asia Community. In: *The Trilateral Commission*. [Online]. Available from: http://www.trilateral.org/download/file/annu-al_meeting/eastasia_prospects.pdf. (Accessed: 04 January 2015).
5. Litsareva, E.Yu. (2004) *Ekonomicheskaya integratsiya na Evropeyskom kontinente i v Aziatsko-Tikhookeanskom regione vo vtoroy polovine XX v.* [Economic integration in the European continent and in the Asia-Pacific region in the second half of the twentieth century]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Kupchan, Ch. (2013) From Enmity to Amity: Trust's Part in US Foreign Policy. *Global Asia. A Journal of the East Asia Foundation*. 8:3. Fall. [Online]. Available from: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/458/From-Enmity-to-Amity:-Trust%D0%B1%D0%BFs-Part-in-US-Foreign-Policy-.html>. (Accessed: 14 December 2015).
7. Litsareva, E.Yu. (2001) *Istoriya stran Azii i Afriki noveyshego vremeni. 1945–2000 g.* [History of Asia and Africa of modern times. 1945–2000]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Kobleev, E.V., Lokshin, G.M. & Maletin, N.P. (2010) *ASEAN v nachale XXI veka. Aktual'nye problemy i perspektivy* [ASEAN at the beginning of the 21st century. Urgent problems and prospects]. Moscow: FORUM.
9. The Air University. (1995) *A National Security Strategy of Engagement and Enlargement*. The White House. February. [Online]. Available from: <http://www.au.af.mil/au/awc/awgate/nss/nss-95.pdf>. (Accessed: 11 May 2015).
10. Joshua, P. (2005) The U.S.-Japan Security Alliance, ASEAN, and The South China Sea Dispute. *Asian Survey*. XLV:3. May/June. [Online]. Available from: <http://community.middlebury.edu/~scs/docs/Rowan,%20US-Japan,%20ASEAN,%20%26%20SCS%20Dispute,%20Asian%20Survey.pdf>. (Accessed: 10.05.2015). DOI: 10.1525/as.2005.45.3.414
11. Parameswaran, P. (2002) ASEAN leaders to weigh counterterrorism agenda. *Agence France-Presse. Association of Southeast Asian Nations*. November 1. [Online]. Available from: <http://www.aseansec.org/twt/twt1.htm>. (Accessed: 15 June 2015).
12. Sukma, R. (2010) US Policy Towards Southeast Asia: a New Paradigm? *ISIS*. June 7–9. [Online]. Available from: http://www.isis.org.my/files/24APRWEB/Rizal_Sukma.pdf. (Accessed: 16.09.2015).
13. Petrov, D.V. (1977) Vneshnyaya politika Yaponii v 1975 g. [Foreign policy of Japan in 1975]. In: *Yaponiya 1976. Ezhegodnik* [Japan 1976. A Yearbook]. Moscow: Nauka.
14. Jawhar, H. (2003) *ASEAN's Political and Security Relations with Japan / ASEAN-Japan Cooperation: A Foundation for East Asian Community*. [Online]. Available from: http://www.jcie.org/researchpdfs/ASEAN/asean_jawhar.pdf. (Accessed: 05 January 2015).
15. Masashi, N. (2003) *Japan's Political and Security Relations with ASEAN/ASEAN-Japan Cooperation: A Foundation for East Asian Community*. [Online]. Available from: http://www.jcie.org/researchpdfs/ASEAN/asean_nishihara.pdf. (Accessed: 05 January 2015).
16. Siew Man. (2007) Japan's Grand Strategic Shift from Yoshida to Koizumi: Reflections on Japan's Strategic Focus in the 21st Century. *Akademika* 70. January. [Online]. Available from: [http://www.ukm.my/penerbit/akademika/ACROBATAKADEMIKA70/akademika70\[07\].pdf](http://www.ukm.my/penerbit/akademika/ACROBATAKADEMIKA70/akademika70[07].pdf). (Accessed: 05 January 2015).
17. Sudo, S. (2009) Japan's ASEAN Policy: Reactive or Proactive in the Face of a Rising China in East Asia? *Asian Perspective*. 33:1. [Online]. Available from: <http://www.asianperspective.org/articles/v33n1-e.pdf>. (Accessed: 24 April 2015).
18. Yaqing, Q. (2006) Prospects for East Asia Community. *The Trilateral Commission*. [Online]. Available from: http://www.trilateral.org/download/file/annual_meeting/eastasia_prospects.pdf. (Accessed: 04 January 2015).
19. InoSMI.Ru. (2013) *Kitay gotovitsya k zakhvatu mira? ("Atlantico", Frantsiya)* [Is China preparing to take over the world? (Atlantico, France)]. [Online]. Available from: <http://inosmi.ru/world/20130506/208752909.html#ixzz2SWpznz7Ja>. (Accessed: 15 September 2015).
20. McDevitt, M. (2012) America's New Security Strategy and Its Military Dimension. *Global Asia. A Journal of the East Asia Foundation*. 7:4. Winter. [Online]. Available from: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/61/americas-new-security-strategy-and-its-military-dimension.html>. (Accessed: 16 September 2015).
21. Palanca, E. (2002) China's Economic Growth: Implications to the ASEAN. *Philippine Institute for Development Studies, Policy notes*. 2002-04. May. [Online]. Available from: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/apcity/unpan005055.pdf>. (Accessed: 25 June 2015).
22. Association of Southeast Asian Nations. (2003) *Joint Declaration of the Heads of State/Government of the Association of Southeast Asian Nations and the People's Republic of China on Strategic Partnership for Peace and Prosperity*. Bali. October 8. [Online]. Available from: <http://www.aseansec.org/15265.htm>. (Accessed: 25 June 2015).
23. Ravenhill, J. (2000) *APEC and the Construction of Pacific Rim Regionalism*. Cambridge Univ. Press.
24. Tongzon, J.L. (2002) *The economies of Southeast Asia. Before and after the crisis*. 2nd edition. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA.

25. Voskresenskiy, A.D. (2002) *Vostok/Zapad. Regional'nye podsystemy i regional'nye problemy mezhdunarodnykh otnosheniy* [East / West. Regional subsystems and regional issues of international relations]. Moscow: ROSSPEN.
26. Klyuchanskaya, S. (2011) Perspektivy sotrudnichestva Rossii i stran Yugo-Vostochnoy Azii v strategicheskikh oblastiakh [Prospects of cooperation of Russia and South-East Asia in strategic areas]. *Indeks Bezopasnosti*. 17:2 (97). pp. 55–85.
27. Association of Southeast Asian Nations at the European Policy Center. (2001) *Will ASEAN Be Like the EU?* Remarks by Rodolfo C. Severino, Secretary-General of Brussels. March 23.
28. Nikonov, V. (2010) Tikhookeanskaya strategiya Rossii [The Pacific Strategy of Russia]. *Strategiya Rossii*. 8. [Online]. Available from: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1283252871&archive=1283252977&start_from=&ucat=14&. (Accessed: 05 January 2015).
29. Watanabe, K. (ed.) (n.d.) *Engaging Russia in Asia Pacific*. Japan Center for International Exchange. [Online]. Available from: <http://www.jcie.or.jp/books/ab-stracts/E/engaging.html>. (Accessed: 05 January 2015).
30. Russian Council on International Affairs. (n.d.) *Rossiya i ATR: kontseptual'nye osnovy politiki v oblasti bezopasnosti i razvitiya* [Russia and the Asia-Pacific region: conceptual bases of security policy and development]. [Online]. Available from: http://russiancouncil.ru/projects/project/?PROJECT_ID_4=6&from=wp11#top. (Accessed: 19 December 2015).
31. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: the official site. (2004) *O prisoedinenii Rossii k Dogovoru o družbe i sotrudnichestve v Yugo-Vostochnoy Azii (Baliyskiy dogovor) 1976 goda* [Russia's accession to the Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia (Bali Treaty) of 1976]. [Online]. Available from: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/432569d80021985fc3256ee00036b0c8!>. (Accessed: 19 December 2015).
31. Pongvutitham, A. (2006) ASEAN urged to speed integration. *The Nation. Business (Local)*. February 6.
32. Euronews. (2013) *KNDR schitaet sebya yadernoy derzhavoy. OON prizyvaet k dialogu* [The DPRK considers itself a nuclear power. UN calls for dialogue]. [Online]. Available from: <http://ru.euronews.com/2013/04/02/ban-ki-moon-nuclear-threats-not-a-game>. (Accessed: 15 September 2015).
33. Del Val, A. (2013) *Severnaya Koreya: dvoynaya igra SShA? (Atlantico, Frantsiya)* [North Korea: US double game? (Atlantico, France)]. [Online]. Available from: <http://inosmi.ru/world/20130408/207833099.html>. (Accessed: 15 September 2015).
34. Euronews. (2013) *Severnaya Koreya: chego dobivaetsya Kim Chen Yn?* [North Korea: what is Kim Jong-un seeking?]. [Online]. Available from: <http://ru.euronews.com/2013/03/27/north-korea-in-nuclear-hysterics>. (Accessed: 15 September 2015).
35. Mansourov, A. (2013) The Rubik's Cube of North Korea Can Be Solved With Creative Thinking. *Global Asia. A Journal of the East Asia Foundation*. 8:3. Fall. [Online]. Available from: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/456/The-Rubik%D0%B1%D0%BFs-Cube-of-North-Korea-Can-Be-Solved-With-Creative-Thinking.html>. (Accessed: 15 September 2015).
36. InoSMI.Ru. (2013) *Kakuyu formu mozhet prinyat' konflikt na Koreyskom poluostrove? (Atlantico, Frantsiya)* [What form could the conflict on the Korean Peninsula take? (Atlantico, France)]. [Online]. Available from: <http://inosmi.ru/world/20130405/207720117.html>. (Accessed: 15 September 2015).
37. Fitzpatrick, M. (2013) *Perezapusk Yonbena: KNDR na ostrie yadernoy igry* [Restart of Yongbyon: North Korea at the forefront of the nuclear game]. [Online]. Available from: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2013/04/130402_nkorea_yongbyon_analysis.shtml. (Accessed: 15 September 2015).
38. Barns, D. & Entus, A. (2013) *SShA razmestyat sistemu PRO na Guame* [US missile defense system in Guam]. [Online]. Available from: <http://inosmi.ru/world/20130404/207688071.html>. (Accessed: 16 September 2015).
39. The Economist. (2014) *America in Asia. Pivotal. Asians got more from the American president than he got from them*. [Online]. Available from: <http://www.economist.com/news/asia/21601560-asians-got-more-american-president-he-got-them-pivotal>. (Accessed: 21 May 2015).
40. Rossiyskaya gazeta RG.RU. (2014) *Stenogramma vystupleniya Prezidenta* [Transcript of Remarks by President]. 23 July 2014. [Online]. Available from: <http://www.rg.ru/2014/07/23/stenogramma.html>. (Accessed: 23 July 2015).

Received: 02 February 2016

ДЖОРДЖ ЮЛ – ПЕРВЫЙ БРИТАНСКИЙ ПРЕЗИДЕНТ ИНДИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА

Рассматриваются ранний период истории Индийского национального конгресса (ИНК) и участие в национальном движении Джорджа Юла, ставшего первым британским президентом этой организации. Особое внимание уделено проблеме участия англо-индийцев в индийском национальном движении, организации деятельности ИНК в Великобритании и поиску ИНК путей для расширения социальной базы индийского национального движения. В статье показана роль Джорджа Юла и других британских членов ИНК в установлении политических связей между Конгрессом и британскими либералами.

Ключевые слова: Индийский национальный конгресс; Джордж Юл; национальное движение.

Согласно переписи 1891 г. общая численность населения Индии (Британской Индии и индийских княжеств) составляла 287,2 млн человек [1. Р. 17], из них европейцев – 166, 4 тыс. [Ibid. Р. 208]. Однако среди тысяч европейцев, живших в Индии в течение колониального периода, лишь незначительная часть поддерживала стремление индийцев к расширению прав коренного населения в управлении страной. Тем не менее в их число входили представители различных социальных групп, чьи интересы были напрямую связаны с развитием национального самосознания индийцев. Подавляющее большинство из них принадлежало к административным кругам (отставные чиновники Индийской гражданской службы А.О. Юм, У. Уэддерберн, Г. Коттон, Г. Беверидж), в том числе и к высшим слоям колониальной администрации (лорд Рипон, вице-король Индии в 1880–1884 гг.); кроме того, среди сторонников либеральных реформ в Индии были и преподаватели колледжей (У. Уордсворт, Дж. Адам), юристы (С. Бренсон, Э. Нортон), предприниматели (Дж. Юл, У. Чемберс) и т.д.

Особенно активные формы их взаимовыгодное сотрудничество приобрело после возникновения в 1885 г. Индийского национального конгресса (ИНК), который с момента создания претендовал на роль крупнейшего выразителя взглядов не только индийской интеллигенции и национальной буржуазии, но и всех социальных слоев индийского общества [2. Р. 61–62]. Претензии ИНК не были беспочвенными – в течение первых лет существования Конгресса число делегатов, посещавших его сессии, резко возросло. Если в 1885 г. на первой сессии ИНК присутствовали 72 делегата, подавляющее большинство из которых были индусами (в качестве приглашенных лиц, не обладавших делегатскими полномочиями, сессию посетили также несколько европейцев) [3. Р. 4–7], то на сессии 1888 г. собрались 1 248 делегатов. Существенно расширился и конфессиональный состав участников Конгресса: большая их часть по-прежнему была индусами (964 чел.), но значительно увеличилось число мусульман (222 чел.), были представлены сикхская (6 чел.) и джайнская (11 чел.) общины, парсы (7 чел.) и христиане (из них 16 были европейцами, 2 – американцами и 20 – индийцами) [4. Р. 185].

Именно поэтому, согласно замыслу основателей ИНК, председателями ежегодных сессий Конгресса должны были быть представители разных конфессий

и народов, населявших страну. Хотя основную работу по организации деятельности Конгресса выполняли секретари организации, а президент ИНК был наделен исключительно представительскими полномочиями, подобное решение было признано продемонстрировать единство интересов различных социальных и религиозных групп индийской нации. Таким образом, в 1885–1887 гг. ИНК возглавляли индус В.Ч. Бонерджи, парс Дадабхаи Наороджи, мусульманин Бадруддин Тьябджи, а на четвертой сессии Конгресса в декабре 1888 г. президентом ИНК был избран британский коммерсант Джордж Юл, директор конгломерата «Эндрю Юл энд Компани».

Джордж Юл (1829–1892), живший в Индии с 1875 г., был известен в торговых кругах как сторонник расширения полномочий индийских законодательных советов в вопросах, связанных с регулированием бюджета [5. Р. 389]. Будучи президентом Бенгальской торговой палаты, он неоднократно выступал с критикой правительственной политики бюджетного планирования и с поддержкой индийского населения [6. Р. 27–28]. Помимо коммерческой деятельности, Юл активно участвовал и в общественно-политической жизни Бенгалии, в частности был членом Законодательного совета провинции и шерифом Калькутты. Позиция Юла по экономическим вопросам сблизила его с ведущими деятелями национального движения в Бенгалии, что в конечном счете и стало причиной приглашения его на пост президента Конгресса в 1888 г. по настоянию В.Ч. Бонерджи [7. Р. 37]. Формальным поводом для избрания Юла на этот пост стало выступление Ферозшаха Мехта на первом заседании сессии ИНК, в ходе которого он объяснил, что этот жест будет воспринят как «воздаяние должного союзу англичан и индийцев, дань уважения цивилизованному британскому правлению, при котором мы с гордостью говорим, что являемся подданными... (ее) Императорского величества» [4. Р. 71].

Основным мотивом приветственной речи Дж. Юла на сессии, выдержанной в духе политики ИНК предыдущих лет, было разъяснение главного на тот момент требования Конгресса – реформы законодательных советов. Юл считал, что реформа советов, важная сама по себе, станет базисом для всех прочих реформ [Ibid. Р. 74]. Требование реформ было основано на утверждении, что советы в их существующей форме не имеют никакой власти и положение можно

изменить путем увеличения числа членов, из которых половина должна быть выборной. Согласно Юлу эта мера могла помочь законодательным советам наиболее полно представить требования различных слоев индийского населения и укрепить единство «двух величайших ветвей арийской расы, подданных королевы-императрицы» [4. Р. 79].

Кроме того, в своей речи перед Конгрессом Джордж Юл впервые поднял вопрос о положении англо-индийцев – англичан, живущих в Индии, но не состоящих на государственной службе. Бессилие законодательных советов, по его мнению, равным образом негативно сказывалось как на положении коренного населения, так и на положении англичан, живших в Индии, но не являвшихся официальными лицами: «Мы [англо-индийцы] не обладаем большей властью и голосом в правительстве страны, чем вы, индийцы. Утверждать, что правительство является нашим, поскольку управляется государственным секретарем-англичанином, – то же самое, что утверждать, будто хлеб в пекарне принадлежит нам, поскольку пекарней владеет англичанин, а не туземец» [Ibid. Р. 76]. Вместе с тем защита англо-индийского населения в речи Юла продолжала линию Конгресса, имевшую целью показать правительству Индии, что ИНК является не только представителем индусов, но и всей Индии. В 1888 г. это было тем более необходимо, поскольку происходило резкое ухудшение отношений ИНК с правительством и вице-королем Дафферином, которые открыто выразили поддержку противникам Конгресса – значительной части индусской и мусульманской аристократии, – настаивая на том, что узость социальной базы ИНК не позволяет Конгрессу говорить от имени всей страны [8. Р. 6–26]. Дафферин, который первоначально приветствовал идею создания общественной организации образованных индийцев, лояльных правительству, и дал разрешение на создание Конгресса в 1885 г., впоследствии изменил свою точку зрения ввиду растущей популярности ИНК в националистических кругах и политических требований, выдвигаемых Конгрессом. В частности, генеральный секретарь ИНК А.О. Юм обвинял Дафферина и британское правительство в реакционности и возврате к консервативному политическому курсу лорда Литтона, вице-короля Индии в 1876–1880 гг. Кроме того, деятельность ИНК привела к возникновению новых националистических организаций, таких как Бенгальская национальная лига, основной целью которой была агитация за реформу законодательных советов, что, согласно Юму, было «практически неизбежным результатом» решений бомбейской сессии ИНК 1887 г. [9. Р. 11]. Чтобы ограничить влияние Конгресса, в 1888 г. при поддержке правительства Индии была проведена кампания по дискредитации ИНК как общенациональной организации, нашедшая свое выражение в критике конгрессистской политики как британскими чиновниками (О. Колвин, вице-губернатор Северо-Западных провинций Агры и Ауда) [8], так и представителями аристократических кругов (раджа Бхинги, махараджа Бенареса и др) [10. Р. 36–46]. В этих условиях вы-

ступление Дж. Юла в защиту англо-индийского населения стало важным шагом на пути расширения социальной базы Конгресса.

Деятельность Джорджа Юла на посту президента ИНК была отмечена сторонниками Конгресса как в Индии, так и за ее пределами. Уильям Кейн, либеральный член парламента, писал, что «его послание было мастерским и неопровержимым заявлением о необходимости расширения советов в Индии и привлечении образованных людей для работы в них», а сам Конгресс под его руководством «был отмечен большой серьезностью, речами, которые сделали бы честь любому представительному собранию в любой части мира» [11. Р. 78]. Д.Э. Вача, бомбейский лидер и один из основателей ИНК, также отмечал, что работа Дж. Юла в Конгрессе поставила организацию «на новую и более высокую ступень» [12. Р. vi]. Своеобразную оценку участию Юла в сессии ИНК дала и британская пресса: обозреватель «Эйдж» предостерегал его, что «участие в делах туземцев может стать причиной того, что правительство и торговцы начнут считать его опасным человеком» [13. Р. 13].

Однако вклад Джорджа Юла в индийское национальное движение не ограничивался председательством на декабрьской сессии ИНК 1888 г. Основной сферой его деятельности в 1889–1892 гг. была работа по укреплению политических связей между ИНК и либеральными деятелями в Великобритании. Конец 80-х – начало 90-х гг. XIX в. были для Конгресса временем активной организационной работы в метрополии, в ходе которой возникло английское отделение ИНК – Британский комитет Конгресса – и Индийского парламентского комитета, отстаивавшая интересы индийского населения в Палате общин. Важную роль в их создании играли британские члены ИНК, среди которых, помимо Дж. Юла, были А.О. Юм, У. Уэддерберн, У. Дигби и др.

Одним из основных способов привлечения внимания либеральной общественности в Великобритании к проблемам населения Индии была организация встреч и собраний, на которых обсуждались многие вопросы, связанные с положением в индийских колониях. Зачастую эти собрания проводились в рамках заседаний либеральных клубов, существовавших в крупных городах страны. Джордж Юл, вернувшийся в Англию вскоре после сессии ИНК, принимал участие во многих из них. В качестве президента ИНК он, в частности, посещал заседания Реформ-клуба в Ливерпуле, где выступал с объяснением текущих требований Конгресса [6. Р. 131–138], и Национального Либерал-клуба в Лондоне, с деятельностью которого связано возрождение Индийского парламентского комитета, который был основан в 1883 г., но фактически не функционировал до июля 1893 г. [14. Р. 133].

С возникновением Британского комитета Конгресс наделил Дж. Юла правом представлять интересы организации в Великобритании [15. Р. lxxiii]. В 1890 г. он принимал деятельное участие в организации поездки индийской делегации в Великобританию – одной из первых, получивших широкое освещение в британской прессе. Сурендранат Банерджи, известный

бенгальский деятель ИНК, вспоминал, что Юл не только активно участвовал в работе делегации, но и всячески поддерживал самого Банерджи, для которого эта поездка стала первым опытом выступлений перед британской общественностью [16. Р. 112]. В задачи делегации входило установление политических связей с либералами в Великобритании, и британские члены ИНК, в том числе и Юл, на которого были возложены организационные функции, играли в решении этого вопроса важную роль. В частности, Юл, бывший членом Национального Либерал-клуба, организовал встречу индийских делегатов с его представителями, на которой многие представители британской общественности впервые получили возможность ознакомиться с требованиями индийских националистов. Делегация вызвала большой интерес у либералов Великобритании, и ее успех в значительной мере способствовал дальнейшему развитию индийской агитации в Англии. Помимо решения организационных вопросов, Юл, подобно другим британским деятелям Конгресса, оказывал Британскому комитету, остро нуждавшемуся в средствах, и финансовую поддержку [5. Р. 81]. «Его скоропостижная кончина, – писал позднее Банерджи, – стала тяжелой утратой для нашей пропаганды в Англии» [16. Р. 109].

Сессия ИНК в Калькутте в декабре 1890 г., где Юл выступал в качестве спикера по вопросам налогообложения, стала для него последней. Признание его заслуг перед Конгрессом было выражено в резолюции с благодарностью за «бескорыстное усердие и способности», с которыми Юл и ряд других членов ИНК работали в Британском комитете ИНК [17. Р. 63]. Джордж Юл скончался в 1892 г.; В.Ч. Банерджи в президентском послании к делегатам восьмой сессии ИНК почтил память «великого лидера Конгресса... который до дня своей смерти работал с нами, давал нам ценные советы и существенно помогал в том, что касалось наших рабочих расходов» [18. Р. 10]. Избрание Джорджа Юла на пост президента ИНК в 1888 г., первого в ряду английских руководителей Конгресса,

продемонстрировало не только влияние британских либералов в конгрессиистских кругах, но и поиск ИНК путей для расширения своей социальной базы в условиях критики со стороны правительства, аристократических индусских и мусульманских кругов. Среди англо-индийцев, которых представлял Юл, не было единства в их отношении к Конгрессу, однако значительная часть из них, тесно связанная с индийцами торговыми связями, сотрудничавшая с ними в адвокатских конторах и образовательных учреждениях, разделяла основные требования ИНК – в частности, требование расширения состава законодательных советов на выборной основе и пересмотр налоговой политики правительства Индии. Кроме того, вовлечение в движение британских неофициальных лиц, живших в Индии, положительно сказывалось на распространении конгрессиистской пропаганды в Великобритании, что также расценивалось руководством ИНК в качестве первостепенной задачи. Пример Джорджа Юла, активно участвовавшего в работе Британского комитета Конгресса и спонсировавшего его деятельность, является наглядным подтверждением той пользы, которую на рубеже XIX–XX вв. приносили индийскому национальному движению англо-индийцы.

Таким образом, основной вклад Дж. Юла в национальное движение в Индии заключался в организации пропаганды ИНК в Великобритании, а также в том, что он одним из первых, за несколько десятилетий до превращения Конгресса в массовую организацию, поднял вопрос об участии в нем англо-индийской общины на равных с остальными, более крупными индийскими сообществами. В условиях отсутствия у Конгресса возможностей для реализации своих политических требований пропаганда в метрополии и расширение социальной базы национального движения за счет англо-индийцев, пусть и в незначительных масштабах, были необходимым условием как для превращения ИНК в общенациональную организацию, так и для успеха национального движения в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. General report on the census of India. 1891. London, 1893.
2. Wedderburn W. Allan Octavian Hume: «Father of the Indian National Congress». 1829–1912. New Delhi, 2002.
3. Proceedings of the 1st Indian National Congress, held in Bombay on the 28th, 29th and 30th December, 1885. Madras, 1905.
4. Report of the proceedings of the 4th Indian National Congress. London, 1889.
5. Morrow M. D. The origin and early years of the British Committee of the Indian National Congress. 1885–1907. London, 1977.
6. Yule G. Speeches. Calcutta, 1890.
7. Wacha D.E., Gokhale G.K. Three departed patriots: Sketches of the lives and careers of the late Ananda Mohun Bose, Badruddin Tyabji, W.C. Bonnerjee with their portraits and copious extracts from their speeches and with appreciations. Madras, 1910.
8. Audi alteram partem: being two letters on certain aspects of the Indian National Congress movement. Simla, 1888.
9. The Star in the East or The Bengal National League. Calcutta, 1886.
10. Showing the seditious character of the Indian National Congress and the opinions held by the eminent natives of India who are opposed to the Movement. Allahabad, 1888.
11. Caine W.S. Young India: a series of letters written for the Pall Mall gazette during a political tour in India in the winter of 1890–1891. London, 1891.
12. Wacha D.E. Introduction // Speeches by William Wedderburn. Bart., M.P. Calcutta, 1899.
13. India in England. Being the collection of speeches delivered and articles written on the Indian National Congress in England in 1889. Vol. II. Lucknow, 1889.
14. McLane J.R. Indian nationalism and the early Congress. New Jersey, 2015.
15. Report of the Fifth Indian National Congress. London, 1890.
16. Banerjee S. A Nation in making. London, 1925.
17. Report of the Sixth Indian National Congress. London, 1891.
18. Report of the Eighth Indian National Congress. London, 1893.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 февраля 2016 г.

GEORGE YULE AS THE FIRST PRESIDENT OF THE INDIAN NATIONAL CONGRESS

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 114–117. DOI: 10.17223/15617793/405/14

Nikitin Dmitry S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lenin-partiya@mail.ru

Keywords: Indian National Congress; George Yule; national movement.

In the last quarter of the 19th century, only a small part of the Europeans who lived in India supported the Indian national movement. Most of them belonged to the Indian administration, the university and the trade circles. Co-operation of Europeans with the Indian national movement became particularly active after the emergence of the Indian National Congress in 1885. According to the plan of the founders of the Congress, the chairmen of its annual sessions were to be representatives of different faiths and peoples who inhabited the country. In 1885–1887 INC was headed by W. C. Bonerjee, who was a Hindu, a Parsi Dadabhai Naoroji and a Muslim Badruddin Tyabji. The fourth session of the Congress in December 1888 was headed by a British businessman George Yule, who repeatedly acted with criticism of government policy and budget planning, and also supported the Indian people. Yule's position on economic issues brought him closer to the leading figures of the national movement in Bengal, and it ultimately was the reason for his invitation to the presidency of the Congress in 1888. The main idea of Yule expressed in the session of the Congress in 1888 was the reform of the Legislative Council, but he was also the first who drew attention to the situation of Anglo-Indians. Protection of the Anglo-Indian population in Yule's speech continued the line of the Congress which was designed to show the Government of India that the Congress is not only a representative of Indians, but also of the whole of India. In 1888, it was all the more necessary since at this time there was a sharp deterioration in relations between the Congress and the government with Viceroy Dufferin who openly expressed their support for the opponents of the Congress. George Yule's contribution to the Indian national movement was not limited to the chairmanship at the December session of the Congress in 1888. The main scope of his activities in 1889–1892 was work on strengthening political ties between the Congress and the liberal leaders in the UK. In 1890, he took an active part in organizing the trip of the Indian delegation to the UK, which was one of the first that received wide coverage in the British press. George Yule's election to presidency in the 1888 Congress, first in a series of British leaders of the Congress, demonstrated not only the influence of the British liberals in the Congress circles, but the search for ways to expand the Congress' social base in terms of criticism of the government, aristocratic Hindu and Muslim circles. Involvement in the movement of British non-officials had a positive effect on the dissemination of propaganda of the Congress in the UK, which was also regarded by INC leadership as a priority; and the activities of George Yule was a testament to the benefits that British non-officials brought to the national movement in India.

REFERENCES

1. Anon. (1893) *General report on the census of India. 1891*. London.
2. Wedderburn, W. (2002) *Allan Octavian Hume: "Father of the Indian National Congress". 1829–1912*. New Delhi.
3. 1st Indian National Congress. (1905) *Proceedings of the 1st Indian National Congress, held in Bombay on the 28th, 29th and 30th December, 1885*. Madras.
4. 4th Indian National Congress. (1889) *Report of the proceedings of the 4th Indian National Congress*. London.
5. Morrow, M.D. (1977) *The origin and early years of the British Committee of the Indian National Congress. 1885–1907*. London.
6. Yule, G. (1890) *Speeches*. Calcutta.
7. Wacha, D.E. & Gokhale, G.K. (1910) *Three departed patriots: Sketches of the lives and careers of the late Ananda Mohun Bose, Badruddin Tyabji, W.C. Bonnerjee with their portraits and copious extracts from their speeches and with appreciations*. Madras.
8. Anon. (1888) *Audi alteram partem: being two letters on certain aspects of the Indian National Congress movement*. Simla.
9. Anon. (1886) *The Star in the East or The Bengal National League*. Calcutta.
10. Anon. (1888) *Showing the seditious character of the Indian National Congress and the opinions held by the eminent natives of India who are opposed to the Movement*. Allahabad.
11. Caine, W.S. (1891) *Young India: a series of letters written for the Pall Mall gazette during a political tour in India in the winter of 1890–1891*. London.
12. Wacha, D.E. (1899) Introduction. In: *Speeches by William Wedderburn*. Bart., M.P. Calcutta.
13. Anon. (1889) *India in England. Being the collection of speeches delivered and articles written on the Indian National Congress in England in 1889*. Vol. II. Lucknow.
14. McLane, J.R. (2015) *Indian nationalism and the early Congress*. New Jersey.
15. Fifth Indian National Congress. (1890) *Report of the Fifth Indian National Congress*. London.
16. Banerjee, S. (1925) *A Nation in making*. London.
17. Sixth Indian National Congress. (1891) *Report of the Sixth Indian National Congress*. London.
18. Eighth Indian National Congress. (1893) *Report of the Eighth Indian National Congress*. London.

Received: 10 February 2016

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС МЕГАГРАНТА «ЧЕЛОВЕК В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ...»

Работа выполнена в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Рассматривается воплощение «третьей» – просветительской – функции университета в рамках реализации Лабораторией социально-антропологических исследований ТГУ правительственного гранта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности». Анализируются проблемы взаимодействия ученых и средств массовой информации.

Ключевые слова: публицистика; наука; средства массовой информации.

Введение. Томский государственный университет – старейший вуз России за Уралом – был открыт в 1888 г. не только для развития образования и науки, но и для просвещения многоукладного, многонационального и многоконфессионального населения от Уральских гор до Тихого океана. Лаборатория социально-антропологических исследований исторического факультета – одно из подразделений ТГУ, которое развивает сегодня эту так называемую третью функцию университета через обширную публицистическую деятельность в рамках мегагранта «Человек в меняющемся мире...». Средства массовой информации, по мнению британского социолога Энтони Гидденса, оказывают большое влияние на нашу жизнь, в том числе и потому, что «являются средством доступа к знанию, от которого зависят многие аспекты нашей общественной жизни» [1]. Благодаря тесной связи со средствами массовой информации, тематика работ многих участников проекта стала достоянием широкой аудитории газет, радио и телевидения. Посетители интернет-пространства получили возможность познакомиться со всеми этими материалами на сайте лаборатории. Вместе с тем в процессе взаимодействия представителей науки со СМИ возникает ряд проблем, которые и стали предметом внимания в данной статье: во-первых, какую помощь представители научно-исследовательского коллектива могут оказать журналистам в их работе с ньюсмейкерами, в формировании так называемой второй реальности? Во-вторых, каким образом СМИ воспринимают деятельность ученых через бинарный код «информация / неинформация»? То есть почему к одним научным материалам СМИ проявляют интерес, а к другим – нет? В-третьих, что препятствует более пристальному вниманию средств массовой информации к развитию науки?

То, что нам удалось... Рассылка пресс-релизов с анонсами предстоящих событий, индивидуальная работа с редакторами и журналистами средств массовой информации позволили донести до широкой публики смыслы и значение работ ученых-антропологов России и ряда зарубежных стран. Если коллеги пишут, что науку в СМИ чаще всего позиционируют через ее политико-административный ракурс [2], то в нашем случае все публикации были сосредоточены не на административной деятельности руководства, а имен-

но на содержательной стороне работы ученых. Руководитель проекта профессор Дмитрий Функ на протяжении полутора лет восемь раз выступал в различных томских СМИ, но именно как исследователь, а не администратор. Интервью с учеными, работающими в рамках проекта, освещались и в газетах, и по радио, и по телевидению. Два больших интервью появились в самой рейтинговой телепрограмме «Час пик. Суббота», три – в информационных выпусках «Часа пик» на ТВ-2, один – в программе «Место встречи» на том же канале, одно – на сайте новостей ТВ-2, четыре – на канале «Россия-24» ГТРК «Томск», четыре – на «Радио России Томск», четыре – на ««Эхо Москвы» в Томске», по два – в газетах «Комсомольская правда», «Томские новости», «Томский обзор», три – в газете «Вечерний Томск», по одному – в РИА «Новости», порталах «В Томске», «ГлобалСиб», «Наука и технологии». Большое внимание работе Лаборатории уделили университетские СМИ – более десятка материалов в газете «Alma Mater» и пять на ТГУ ТВ.

Материалы СМИ познакомили томичей и жителей области с антропологией города и антропологией малых народов Сибири, с ролью географического воображения в жизни людей, с методами исследования «травм войны», с феноменом «писем с войны», визуальной антропологией, явлением афазии постсоветского периода, с анализом музейных экспозиций подарков руководителям государства, антропологией постсоциализма и особенностями «постколониального отстранения» в развитии бывших республик Советского Союза, феноменом «хомосоветикус», экспертными знаниями в политике и международных отношениях, с методами прикладной антропологии, «патриотизмом отчаяния», таким аспектом военной темы, как накопление участниками боевых действий определенных материальных и символических ресурсов и особенностями их интеграции в мирную жизнь, с проблемами миграции [3].

Кроме руководителя мегагранта «Человек в меняющемся мире...» профессора Дмитрия Функа в СМИ выступили профессор Принстонского университета Сергей Ушакин, профессор Уральского федерального университета Елена Трубина, профессор Кембриджского университета Николай Ссорин-Чайков, профессор Иркутского госуниверситета Виктор Дятлов, профессор из Бельгии Од Мерлин, исследователь из

Швеции Владислава Владимировича, доцент МГУ Елена Миськова, старший научный сотрудник Университета Шеффилда Олег Корнеев и др.

Все материалы о научной деятельности ЛСАИ, вышедшие в СМИ, переносились на сайт Лаборатории и, таким образом, доступны для дальнейшего знакомства с ними. У посетителей сайта есть возможность читать газетные публикации, смотреть видео и слушать аудиоматериалы. Это значительно расширяет возможности информационного освещения деятельности ученых и за счет общей аудитории, и за счет знакомства с этими материалами научной аудитории за пределами Томска. Все вышеперечисленные материалы размещены на сайте Лаборатории социально-антропологических исследований, в разделе «Информация» (<http://lsar.tsu.ru/ru>).

Металлургия «второй реальности» современной антропологии. Неким жупелом в журналистской среде являются так называемые говорящие головы, когда телезрителю предлагается не динамично развивающийся сюжет, а интервью с одним человеком. И представители академической среды могут стать жертвой этой «войны с говорящими головами». Выход из ситуации прост и сложен одновременно – зритель или слушатель не почувствует монотонности и не уйдет на другой канал, если ему будет интересно. Создание такого эфира – совместный труд и редакции, и университетской структуры, предлагающей своего ньюсмейкера. Исходя из тезиса немецкого социолога Никласа Лумана о том, что СМИ реализуют себя в процессе создания «второй реальности» [4], мы всегда учитывали процесс формирования этой «реальности», т.е. особенности редакционной политики, и соответствующим образом ориентировали наших ньюсмейкеров. Например, областное радио всегда с большим удовольствием готово было рассказать о судьбах малых народов Сибири, а в редакции «Эха Москвы» в Томске можно было говорить о проблемах социологии города, взаимоотношений общества с властью. Это не умаляет ни то ни другое СМИ – любую тему можно подать интересно. Одна из наиболее ярких удач – интервью профессора Принстонского университета Сергея Ушакина в еженедельной информационно-аналитической программе «Час пик Суббота» на ТВ-2 18 октября 2014 г., которую вела Юлия Мучник. Она попросила заранее связать ее с профессором, получила от него список его работ и весьма тщательно проштудировала их. Будучи кандидатом исторических наук и обладая большим опытом ведения подобных эфиров, она так органично и точно ставила вопросы по различным темам, которыми занимался Ушакин, что за относительно небольшое эфирное время телезрители смогли услышать очень интересное изложение целого ряда сложнейших научных проблем. Начав с сути современной социальной антропологии, они перешли к фольклорному анализу первой чеченской войны, где ученый показал, как можно «вытащить безмолвное» и раскрыть для общества сущность того или иного латентного явления. Одной песенной цитатой «Сын солдата, взявшего Кабул, – внук солдата, взявшего Берлин» он показал

восприятие истории СССР теми, кто прошел Афганистан и Чечню, прошел череду войн. Через «письма с войны», начиная с Англо-Бурской и по первую чеченскую, Ушакин показал неизвестные для многих стороны военных кампаний. Объяснил «аффективный менеджмент – ощущение непрожитой войны в России» через анализ процедуры празднования Дня победы, когда к аудитории апеллируют сегодня не на уровне знания о войне, а на уровне неких артефактов, символов, имеющих весьма отдаленное отношение к войне как таковой, не несущих конкретной смысловой нагрузки. Дал возможность взглянуть на постсоветское состояние общества через такое явление, как афазия, т.е. неумение объяснить самих себя в советских и постсоветских реалиях. Объяснил состояние постсоветских государств как постколониальное отстранение – поиск смыслов не в настоящем и будущем, а в мифологизации прошлого. Упомянул о патриотизме отчаяния – попытке людей описать трудности своей жизни в контексте трудностей страны в период распада СССР. Рассказал о преподавании в США славистики, в частности истории Сибири. Столь лапидарный стиль интервью, продолжавшегося всего около 25 минут, был бы невозможен, если бы ведущая не заинтересовалась работами этого ученого, не прочитала целый пласт статей профессора Ушакина и не подготовилась соответствующим образом. В результате из обилия «золотоносной руды» ей удалось выплавить эти «золотые» 25 минут эфира для той аудитории, которая всегда была у этого канала и у этой программы [3].

И другой случай на том же телеканале. Очень опытная журналистка пригласила одного из столичных ученых выступить в субботней информационной программе. Разбираясь в тематике предстоящего разговора, она, видимо, почувствовала какую-то неуверенность. В общем, решено было записать беседу в режиме прямого эфира. То есть запись делается заранее, но потом она монтируется в программу таким образом, что создается впечатление прямого эфира. Я наблюдал запись из аппаратной. Разговор не удался. Ведущая ставила одни вопросы, а ученый говорил о другом. Вряд ли можно предъявлять претензии к какой-либо из сторон, но материал в эфир так и не вышел. Случай, безусловно, неприятный и для журналиста и для ученого, но очень интересный с точки зрения анализа проблем взаимодействия субъектов информационного поля. Это как раз тот случай, когда возник латентный конфликт между языком науки и языком публицистики, научная информация не обрела своего публицистического облика.

В октябре 2015 г. в рамках гранта курс лекций «Китайские мигранты в России: рубежи XIX–XX и XX–XXI веков» прочитал профессор Иркутского государственного университета Виктор Дятлов. В аудитории его слушали студенты одной небольшой учебной группы исторического факультета. Но за четыре дня работы в Томске автор курса дал интервью четырем средствам массовой информации: сайту ТВ-2, областному телевидению, «Радио России Томск» и газете «Наукоград», которая выходит в качестве при-

ложения к газете «Итоги Вечерний Томск». Совершенно разные СМИ: интернет-сайт, телеканал, радио, газета. Разные форматы материалов, хотя в основе всех их лежит интервью. Разная аудитория и разные по своему опыту и пристрастиям журналисты. Но в результате весьма актуальная проблема китайской миграции вышла далеко за пределы университетской аудитории. Значимость ее для Томска связана еще и с тем, что, в отличие от Дальнего Востока и Иркутска, проблема китайских мигрантов в Западной Сибири представлена не столько реальными практиками взаимодействия с сынами Поднебесной, сколько многочисленными мифами. Несколько лет тому назад одна из весьма образованных и высокопоставленных руководителей областной администрации и речи не хотела вести о взаимодействии Томской области с регионами российского Дальнего Востока, объясняя это тем, что «уже давно все знают, что Дальний Восток сдали китайцам». Глубокий экскурс в историю и антропологию взаимодействия русских и китайцев на Дальнем Востоке позволил профессору Дятлову представить и обосновать совершенно иной взгляд на этот вопрос.

Ситуация актуализировала и еще одну проблему – желание и умение ученого включить в весьма напряженный график преподавательской работы и повседневное общение с журналистами. «Ой, а может быть, уже хватит», – сказал Виктор Иннокентьевич, услышав о том, что должен подойти еще один журналист. Но тут же вздохнул и добавил: «Да-да, я понимаю, это тоже работа». Специфика работы журналистов была такова, что всех их одновременно собрать на интервью с профессором Дятловым было невозможно. ТВ-2 записывали ученого в интерьерах Музея археологии и этнографии ТГУ, областное телевидение – в коридоре и аудитории учебного корпуса, радиожурналисты пригласили его в свою студию, а журналист из газеты задавала свои вопросы после лекции под шум студенческих голосов.

Полностью от существующих мифов по поводу китайских мигрантов на Дальнем Востоке и в Сибири несколько материалов в СМИ общество, конечно, не избавят. Но с библейских времен известно, что «имеющий уши, да услышит». А потом, возможно, и задумается о том, что есть миф, а что – более сложная реальность, требующая от общества серьезного подхода к проблеме сосуществования разных культур в приграничных российских регионах и необходимости отвечать за самих себя, а не списывать все на «понаехавших». Желающие могут познакомиться с материалами выступлений профессора Дятлова на сайте Лаборатории социально-антропологических исследований.

Проблемы, с которыми мы столкнулись, – попытка анализа. Нам не удалось расширить круг СМИ, освещающих деятельность Лаборатории и проведенной в 2014 г. крупной международной научной конференции за счет материалов газет и журналов соседних западносибирских регионов. Да и местные СМИ далеко не всегда откликнулись на наши пресс-релизы и звонки. Если вы обратитесь к «Сибирской газете», которая выходила в Томске, или к другим

подобным изданиям столетней давности, то найдете в них немало материалов не только по городам и весям огромной на тот момент Томской губернии, но и о делах на Урале, Дальнем Востоке и в Манчжурии. Назовем это «горизонтальным сканированием пространства». Сегодня в местных СМИ материалы о том, что происходит у ближних и дальних соседей, появляются редко. Это касается почти всей проблематики, в том числе и научной. Статью с высказываниями соседнего губернатора рассматривают почти как диверсию. Оставим анализ этой ситуации тем, кто исследует жизнь нашего федеративного государства или занимается регионоведением. Здесь речь лишь о том, что и общество в целом и наука в частности сегодня чаще всего мыслятся либо через образ столицы, либо через образ родного региона. В лучшем случае – через их взаимодействие. Такое вот «вертикальное сканирование».

При анализе ситуации вновь используем методологию Никласа Лумана. Отношения со СМИ выстраиваются исходя из сущности коммуникации: «информации (содержания), сообщения (передачи содержания) и понимания». Поступающую информацию СМИ воспринимают через бинарный код «информация / неинформация». СМИ работают лишь с тем, что обозначается как информация. «Но чтобы обозначить нечто как информацию, надо иметь возможность обозначить нечто иное как неинформацию» [4].

По Луману выходит, что тщетность наших попыток привлечь внимание СМИ соседних регионов связана с тем, что водораздел между «информацией / неинформацией» проходит по границам регионов. В Новосибирске сообщают о новосибирской науке, в Красноярске – о красноярской, в Барнауле – об алтайской... Плюс всеми уважаемая наука в федеральном центре. События научной жизни в Томске для наших соседей, очевидно, не есть информация, как, впрочем, и томские СМИ почти не рассказывают о научных успехах в соседних регионах. Возможно, мы сегодня в России так скроены и сшиты, что видим только свой регион и тех, кто «там, наверху...». Может быть, это идет с тех пор, когда Мандельштам писал: «Мы живем под собою не чуя страны...», хотя, конечно, в совершенно ином контексте.

Возможно и другое объяснение ситуации. Быть может, наша информация о предстоящей конференции была излишне академичной. Возможно, коллеги из соседних регионов отреагировали бы на пресс-релиз с сообщением «Русский ученый возвращается из Америки к себе на родину». С подтекстом, что «все отсюда, а он сюда». Среди участников конференции действительно был профессор, который родился в Томске, в младенчестве родители увезли его в один из соседних сибирских регионов, потом судьба привела его на работу в США. После участия в томской конференции он туда и вернулся. «Наживка» могла бы сработать, но насколько это подходит для научного дискурса? Информацией стала бы подспудно почти скандальная ситуация с русским, который не прижился в Америке. А просто факт приезда в Томск из Америки молодого, но уже маститого исследователя – это «неинформация».

Что касается второй составляющей коммуникации – «сообщения», то оно нередко составлялось в виде не только обычного пресс-релиза, но и в виде развернутого публицистического эссе на заданную тему. Нам не дано предугадать, в чьи руки попадают рассылаемые пресс-релизы, насколько получившие их люди в теме, что называется. Публицистическая зарисовка составлялась с использованием символического ряда, опирающегося на стереотипы массового сознания и приоритеты той или иной редакции. В ходе дискуссии на международном форуме «Дни робототехники в г. Сочи» в декабре 2014 г. редактор отдела SciTEch издания Russia Beyond The Headlines **Виктория Завьялова** подчеркнула важность наличия звена, связующего ученого и журналиста: «СМИ зачастую тяжело разобрать груды информации на научном языке. Поэтому важно, чтобы были институты, которые могут рассказать о своей работе» [5]. И, наконец, третья и самая, быть может, тонкая часть коммуникации – стремление добиться понимания. Проявление оно – включение материала в актив «редакционного портфеля», приглашение ньюсмейкера в газету, на радио или в телеэфир. В практике ЛСАИ отношения со СМИ выстраивались за счет личных контактов с руководителями СМИ или с опытными журналистами. Проработав 12 лет руководителем СМИ, я хорошо представлял себе то, что на языке средств массовой информации называется «форматом»: формат газетной публикации, формат новостей, формат еженедельной аналитической программы. На понятном в этой среде языке мы обсуждали возможности разговора с ньюсмейкером в том или ином формате. Но термин «понимание» имеет двойную коннотацию: ученые должны уметь подстроиться под динамичный ритм работы журналистов, а те, в свою очередь, учитывать алгоритм работы ньюсмейкеров. На уровне социальных практик это решалось за счет умения договариваться с теми и другими на чисто человеческом уровне. Например, один из журналистов позвонил мне в ходе международной конференции и сказал, что у него с оператором есть всего минут двадцать для того, чтобы сделать информацию о форуме. Все могло бы ограничиться «картинкой» главного корпуса ТГУ, длинноногих студенток в аллеях Университетской рощи и полупустого зала с людьми, уткнувшимися в свои ноутбуки и блокноты. Вместо этого, не нарушая хода научных докладов, я выбирал из числа присутствующих наиболее интересных ученых и выводил их к телевизионщикам. В результате на телеканале вышли интервью с учеными из России, США, Бельгии и Швеции.

Есть среди нынешних реалий и еще одна грань взаимоотношений СМИ и ученых. О ней в индивидуальном глубинном интервью сказала журналистка одного из печатных изданий: «... к сожалению, журналистика сейчас поставлена полностью на коммерческую основу... И поэтому, несмотря на то, что мы живем вот в таком городе... – два ведущих университета – ...за многое требуют деньги... А журналист в такое положение поставлен неудобное... вот я к вам прихожу – я хочу про антропологическую лаборато-

рию что-то узнать, но прежде я должна сказать: “Вот давайте так договоримся – вы мне заплатите вот столько-то, а я напишу материал”» [6]. Тем не менее все те материалы, о которых идет речь и которые размещены на сайте лаборатории, были сделаны томскими журналистами на безвозмездной основе. Единственным стимулом для них был неподдельный интерес к науке и тем ученым, которые работали в рамках проекта.

Проблемы журналистской оптики. Примерно так же, как в науке, существует проблема антропологической оптики, в публицистике существует проблема журналистской оптики. Мнение о том, что журналисты мало интересуются работами ученых, можно рассмотреть с антропологических позиций – через анализ редакционной политики того или иного СМИ. Возьмем сферу повседневной жизни города. Частный канал или частная газета покажут и расскажут о машинах, по ступицу увязнувших в снежной каше, а государственные СМИ – об отчаянной борьбе спецхозхозяйства со снегом и справедливых замечаниях представителей власти на эту тему. В каждом случае видение одной и той же проблемы – состояния дорог в зимний период – будет обусловлено ориентацией журналистов на аудиторию или на собственников издания. Потому что от них зависят тиражи, рейтинги, доли, бюджетное финансирование и заказные материалы. Поэтому нередко звучит фраза «какая наука – у нас сейчас кризис, люди о хлебе думают» или «ты видел наши дороги? – вот о чем говорим». И это правда – и кризис и дороги... Все это формирует те барьеры, через которые научной проблематике очень трудно прорваться к умам сидящих перед телевизорами и слушающих радио в машинах. Тем более что интерес массовой аудитории к материалам о науке нельзя переоценивать. Ситуация сопоставима с отношением к культуре в целом. Сошлюсь на мнение безусловного авторитета в этой сфере – российского культуролога, социолога СМИ, главного редактора журнала «Искусство кино» Даниила Дондуря: «Существует очень устойчивое заблуждение, из которого следует, что большинство населения способно воспринимать культуру. На самом деле, судя по всем опросам и социологическим исследованиям, доля восприимчивых к высокому искусству людей составляет не более четырех процентов от общей численности граждан страны – причем эти цифры характеризуют положение дел не только в России, но и во всех европейских странах» [7]. Это к тому, что запрос на ту или иную тему первичен, по сравнению с наличием необходимого для нее журналиста или места в телепрограмме и на газетной полосе. Если есть серьезный запрос, то ресурсы для его реализации всегда найдутся.

Вынесем за скобки большие федеральные телеканалы и обратимся к ситуации на местных. Региональные ГТРК работают за бюджетные деньги и так или иначе обязаны выстраивать свою редакционную политику в соответствии с «несущим» госканалом и пожеланиями региональной администрации. Руководство госканала интересуют основные внутривластные тренды, местную администрацию – образ вла-

сти в глазах электората. Наука не то чтобы оказывается в аутсайдерах, но явно не относится к числу приоритетных тем. На всех каналах есть журналисты, которые могут живо прокомментировать коммунальные бедствия, спортивные события или драматически подать криминальный сюжет. Есть и те, кто в череде прочего могут рассказать о событиях в сфере науки. Но чаще всего именно в череде... без особого знания истории проблемы и всего, что называют *back ground*. Выходит некий «проходняк», который не приносит удовлетворения ни ученым, ни журналистам, ни аудитории. Иное дело, когда есть специальная программа, которая регулярно обращается к проблемам науки и своевременно освещает события на эту тему в новостях. Но здесь нужен человек с пониманием проблем, а стало быть, опытом работы в университете или в научно-исследовательском институте и с ученой степенью не ниже кандидата наук. Кстати, наиболее профессиональные спортивные комментаторы в прошлом чаще всего были успешными спортсменами. Поэтому они и могут перевести со «спортивного» языка на общепонятный. Примерно то же необходимо и в сфере научной журналистики. Сложность продукта состоит в том, что он должен «попасть в аудиторию», т.е. быть интересен и для тех, кто занимается наукой или близок к ней, и для тех, кто от науки далек. С профессиональной точки зрения здесь нужен сплав творческого поиска журналиста, операторского мастерства, режиссерского искусства и хорошей финансовой составляющей. Но звезды редко так удачно сходятся. На государственном телевидении в Томске в начале 2000-х гг. были еженедельные передачи – «Ученые записки» и «Репортер». Их редактором сначала был кандидат филологических наук Владимир Костин, а потом доктор сельскохозяйственных наук Ольга Пасько. Финансировался проект за счет гранта Министерства образования и науки РФ. В Томске же проходили Всероссийские телефестивали научно-образовательных просветительских программ «Разум. XXI век». Фестиваль проводится и поныне, а телевизионные программы исчезли.

С чем вообще ассоциируется тема науки в сознании массовой аудитории – с мировыми научными центрами, с Россией в целом, с Москвой или с родным регионом? Вернее, какую часть в массовом сознании может занимать региональная наука? Наверное, доля эта невелика и потому дает основание сказать, что «овчинка выделки не стоит». Но есть другая точка зрения: повышение уровня культуры народа, живущего в том или ином регионе, происходит не только за счет событий в столицах, но и за счет региональных научных свершений. В рамках гранта «Человек в меняющемся мире...» Лаборатория социально-антропологических исследований ТГУ, работая со средствами массовой информации, отстаивает именно эту точку зрения.

Заключение. Проект «Человек в меняющемся мире...» стал большим событием в образовательной и научной деятельности Томского государственного университета. Плеяда блестящих ученых, прочитавших целый ряд принципиально новых курсов, при-

нявших участие в научных форумах, дала импульс для развития новых направлений образования и научных исследований. Благодаря достаточно тесному взаимодействию со средствами массовой информации этот проект имел еще более широкий мультипликативный эффект. Перефразируя ученых экономистов от Р. Кана до Дж. Кейнса, можно сказать что материалы газет, радио и телевидения о деятельности ученых в рамках данного проекта стали капиталовложениями в общественное сознание той части общества, которая внимательно следит за развитием науки и образования в нашем городе. Ментальность взрослых прорастает стремлением к образованию в их детях. По мнению опытного томского журналиста, «...человек в любом возрасте любознателен. И если ему поступает новая информация, она у него остается... прослушал человек что-то – запомнил. Сейчас у нас аудитория компьютеризированная, он может по поиску вот на эту тему какие-то статьи (найти. – *авт.*)... Он у нас умный, народ, у нас умная аудитория» [6].

Анализ заявленных в начале данной статьи проблем дает основания сделать вывод о том, что взаимодействию научного коллектива со СМИ помогает учет редакционной политики того или иного издания, превращение контактов с журналистами в отдельное направление работы исследовательской лаборатории. Водораздел между «информацией / неинформацией» проходит в том числе и по границам нынешних регионов России. Хотя, конечно же, это не единственный Рубикон между тем, что представляет интерес и не представляет интереса для журналистов. Сказывается и конфликт между научным дискурсом и публицистической метафорой, между языком науки и языком прессы. В данном случае многое зависит от профессионализма журналистов и готовности ученых просто рассказать о сложном. Сказывается коммерциализация средств массовой информации. Хотя в данном случае речь скорее идет о проблемах организации того или иного средства массовой информации как предприятия, профессионально работающего и на информационном рынке, и на рынке рекламы. Неумение развести эти две составляющие деятельности современных СМИ приводит к синкретизму информационных и рекламных материалов, к подмене одних другими. Внимание СМИ к освещению проблем науки связано, безусловно, и с уровнем запроса на подобные материалы со стороны аудитории. Представление о том, что наука интересует значительную часть народа, вполне возможно, является мифом. Но это не снимает с повестки дня вопрос о балансе между просветительской функцией средств массовой информации и их умением чутко откликаться на повседневные приземленные запросы аудитории. Исчезновение в региональных электронных СМИ серьезных программ, посвященных науке, свидетельствует о том, что этот баланс со всей определенностью склоняется не в сторону просвещения и образования читательской, слушательской и зрительской аудитории. Работа Лаборатории социально-антропологических исследований со средствами

массовой информации в рамках мегагранта «Человек в меняющемся мире...» стремится к изменению этого баланса в пользу просветительской функции СМИ. Ученые считают, что их публицистическая

деятельность по-прежнему может служить просвещению многоукладного, многонационального и многоконфессионального народа, и надеются, что внесенная лепта превратится в драхму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энтони Гидденс. Социология. URL: http://yanko.lib.ru/books/sociology/giddens-sociology-ru-a.htm#_Toc171866572 (дата обращения: 18.05.2015).
2. Наука и СМИ общаются с трудом // *Open Economy*. 23.09.2014. URL: <http://www.opec.ru/1747523.html> (дата обращения: 25.11.2014).
3. Сайт Лаборатории социально-антропологических исследований ТГУ. URL: <http://lsar.tsu.ru/ru> (дата обращения: 22.12.2014).
4. Филиппов А. Никлас Луман Реальность массмедиа // *Отечественные записки*. 2003. № 4.
5. Популяризация российской науки в СМИ: как и зачем? URL: <http://edurobotics.ru/archives/1670> (дата обращения: 15.12.2014).
6. Интервью ЖПС-7. Архив автора.
7. «Культура» для зрителей, а не для рейтинга. URL: http://www.rg.ru/Anons/arc_2003/0210/2.shtm (дата обращения: 15.10.2014).

Статья представлена научной редакцией «История» 9 февраля 2016 г.

THE JOURNALISTIC DISCOURSE OF THE MEGA-GRANT ‘MAN IN A CHANGING WORLD...’

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 118–123. DOI: 10.17223/15617793/405/15

Pogodaev Nikolay P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nik-pogodaev@yandex.ru

Keywords: mega-grant; social anthropology; journalism; information; mass media; scientific journalism; university’s third function.

The article analyzes the interaction between the Laboratory for Social and Anthropological Research of the Tomsk State University History Department and mass media under the mega-grant ‘Man in a Changing World...’ Thanks to this interaction, the research topics of many laboratory fellows became known to the public at large through newspapers, radio and television. Internet users got access to different research materials on the laboratory’s website. However, in the course of that interaction of the research with the media, there were a number of problems encountered that this article focuses on. First is the question of the way laboratory research staff can help journalists deal with newsmakers in terms of forming the so-called ‘second reality’. Second is the question of why the mass media express interest in some research works and pay no attention to others. Third is the question of what holds back the media’s close attention to the development of science. The section ‘What we achieved...’ has a list of newsmakers who talked to the mass media and of research issues covered from 2013 to 2015. The section ‘The metallurgy of the “second reality” in modern anthropology’ deals with the mechanisms of interaction with the media editorial offices. In the section ‘Problems that we encountered – an attempt of analysis’, the interaction of the research laboratory with the media is considered through the lens of Luhmann’s triad ‘information, utterance, understanding’. The perception of researchers’ work by the mass media is considered through the dichotomy ‘information / non-information’. The section ‘Problems of the journalistic perspective’ analyzes the influence of the media’s audience and media owners on editorial policy. The article concludes that the turning of cooperation with journalists into a separate line of laboratory activities in fact contributes to the interaction of the research staff with the mass media; that the division line between ‘information’ and ‘non-information’ also goes along the borders of today’s Russian regions; that the conflict between the research discourse and the journalistic metaphor and the commercialization of mass media influence the contacts of researchers with journalists; and that the public demand for research materials also has an impact. Conclusions are drawn on the current state of the relationship between the educational function of the mass media and their ability to be sensitive to the everyday needs of the population.

REFERENCES

1. Giddens, A. (n.d.) *Sotsiologiya* [Sociology]. [Online]. Available from: http://yanko.lib.ru/books/sociology/giddens-sociology-ru-a.htm#_Toc171866572. (Accessed: 18 May 2015).
2. Open Economy. (2014) *Nauka i SMI obshchayutsya s trudom* [Science and the media communicate with difficulty]. *Open Economy*. 23.09.2014. [Online]. Available from: <http://www.opec.ru/1747523.html>. (Accessed: 25 November 2014).
3. Website of the Laboratory of Socio-Anthropological Studies of TSU. [Online]. Available from: <http://lsar.tsu.ru/ru>. (Accessed: 22 December 2014). (In Russian).
4. Filippov, A. (2003) Niklas Luman. Real’nost’ massmedia [Niklas Luhmann. The reality of the media]. *Otechestvennye zapiski*. 4.
5. Edurobotics.ru. (n.d.) *Populyarizatsiya rossiyskoy nauki v SMI: kak i zachem?* [Promotion of Russian science in the media: how and why?]. [Online]. Available from: <http://edurobotics.ru/archives/1670>. (Accessed: 15 December 2014).
6. ZHPS-7 Interview. The author’s archive. (In Russian).
7. Rg.ru. (n.d.) *“Kul’tura” dlya zriteley, a ne dlya reytinga* [“Culture” for the audience, not for the rating]. [Online]. Available from: http://www.rg.ru/Anons/arc_2003/0210/2.shtm. (Accessed: 15 October 2014).

Received: 09 February 2016

ОРГАНИЗАЦИЯ МАССОВОЙ ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ НА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1960–1980-е гг., СОЗДАНИЕ В г. ТОМСКЕ НАУЧНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ЦЕНТР ЗДОРОВЬЯ»

Приводятся сведения о проведении массовой физкультурно-оздоровительной работы на предприятиях Западной Сибири в 1960–1980-х гг. Характеризуются формы ее организации в рабочее и вне рабочее время. Приводятся некоторые данные экономической эффективности занятий физкультурой. Представлена информация о деятельности созданного по инициативе НИИ кардиологии и ПО объединения «Контур» научно-оздоровительного объединения «Центр здоровья», его роли в оздоровительной работе среди трудящихся.

Ключевые слова: оздоровительная физкультурная работа; научно-оздоровительное объединение «Центр здоровья».

Организация физкультурной работы на предприятиях в СССР относится к 1920-м гг. Именно в советский период осуществлялась большая теоретическая и практическая работа по организации массовых оздоровительных физкультурных мероприятий среди различных слоев населения по формированию позитивного отношения к физической культуре и осознанию личной необходимости занятий ею. На протяжении существования социалистической общественно-экономической формации перед сферой физической культуры стояли государственно важные задачи: оздоровление населения, подготовка к труду и защите Родины. В настоящее время задачи в области физической культуры фактически не поменялись, при том что уровень здоровья граждан страны существенно снизился. В этой связи представляет интерес ретроспективный анализ ушедшей эпохи, когда данный вид общественно-полезной деятельности развивался весьма успешно. Наиболее насыщенными и показательными в этом плане являлись 1960–1980-е гг., характеризующиеся массовостью физической культуры и многообразием форм ее организации [1; 2. Л. 239].

В конце 1950-х гг. ЦК КПСС поставил задачу, чтобы к концу семилетки каждый четвертый из работающих на производстве и абсолютное большинство школьников и студентов занимались физкультурой и спортом (1959–1965 гг.). В те годы, как и в настоящее время, наиболее сложной задачей являлось приобщение к занятиям физической культурой трудящихся старших возрастных категорий, риск развития различных заболеваний у которых достаточно высок [3].

Наиболее распространенной формой организации физкультурной деятельности трудящихся являлась производственная гимнастика, которой уже с 1960 г. в стране ежедневно занимались в режиме рабочего дня миллионы горожан и селян. Помимо этого, во многих городах были созданы секции общей физической подготовки (ОФП) для людей среднего и пожилого возрастов [4].

В этот же период Центральный совет добровольного спортивного общества «Труд», объединявшего производственные коллективы страны, положил начало «спартакиадам здоровья». В них участвовали, главным образом, занимающиеся в группах здоровья, т.е. люди в возрасте 35 лет и старше. Проведение за-

очных «спартакиад здоровья» по общедоступной программе стало ежегодным. Широкое распространение получили разнообразные формы массово-оздоровительной работы: «спартакиады домоуправлений», «поезда здоровья» и др. [5. С. 258, 261].

Повышение уровня здоровья граждан имело для страны большой экономический эффект. По данным научных исследований 1950–1960-х гг., производительность труда физкультурников превышала в среднем на 3,8–4,5% аналогичные показатели не занимающихся физкультурой. Так, рабочие-физкультурники Московского ГПЗ-1 во второй половине 1960-х гг. имели более высокие, по подсчетам, в среднем на 3,5%, выполнение норм выработки, работоспособность (в среднем на 3,43%) и другие преимущества за счет хорошей физической подготовки. Основываясь на произведенных подсчетах, повышение производительности труда на 3–3,5%, что имело место у рабочих, занимавшихся физкультурой и спортом, дало бы заводу дополнительно 2,5–3 млн руб. [6. Л. 14].

Результаты исследований активизировали управленческие структуры предприятий на организацию оздоровительной физкультурной работы, получившей в то время значительное распространение, в том числе и в Западной Сибири. Например, массовая физкультурная работа на ряде заводов Алтайского края позволила снизить в 1964–1965 гг. заболеваемость на 20–30% (Барнаульский котельный завод, Бийский химический комбинат и др.) [7. Л. 10].

Большая работа проводилась в Кемеровской области, где производство было сопряжено с тяжелыми условиями труда: угледобыча сопровождалась высоким уровнем профессиональной заболеваемости. В области получила широкое распространение организация палаточных лагерей и туристических групп. Малозатратность этих форм организации физкультурной работы на предприятиях обеспечила их востребованность и популярность [8. Л. 48]. Для вовлечения трудящихся в занятия физкультурой и спортом были созданы физкультурные группы для лиц среднего и старшего возраста при всех коллективах физической культуры, спортсооружениях, ДК и Дворцах культуры, в лечебно-профилактических учреждениях, по месту жительства [9. Л. 80]. К концу 1968 г. в Томской области физкультурным движением было охва-

чено 29,5% от числа работающих и 75,8% от числа учащихся и студентов. Одним из лучших по организации физкультурной работы в 1960-х гг. в Томской области являлся завод ГПЗ-5, где также проводились исследования влияния физкультуры на повышение уровня здоровья и производительности труда [10. Л. 3; 11. Л. 15].

В Томске в 1960–1980-х гг. существовали богатейшие традиции проведения всевозможных массовых спортивных мероприятий. Десятки тысяч населения области участвовали в лыжных прогулках, выездах за город в зимнее и летнее время. Физкультурным движением в Томской области в 1970 г. было охвачено 113 тыс. чел. [12. Л. 27]. Сельское ДСО «Урожай» в течение 7 лет ежегодно проводило заочные лыжные эстафеты «Томск–Москва», в которых только в 1967 г. приняли участие свыше 57 тыс. чел., были организованы массовые туристические мероприятия и т.д. [10. Л. 5].

В 1969 г. была проведена VI Российская летняя заочная спартакиада здоровья ДСО «Труд» для трудящихся среднего и старшего возрастов, посвященная 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Только в Томской области в них приняло участие 26 824 чел., что составляло 41,2% к числу работающих, а в соревнованиях по производственной гимнастике – 18 238 чел. [13. Л. 182]. К 1970-м гг. физическая культура начала занимать все больше место в системе профилактических мероприятий, направленных на снижение заболеваемости рабочих, служащих. Сюда включались не только физические упражнения, но и соблюдение общего гигиенического режима, закаливание организма. В 1970 г. спартакиады здоровья были проведены на 26 предприятиях Томской области с охватом 57 566 чел. В области функционировали 57 групп здоровья, было проведено 132 турпохода, а в соревнованиях по производственной гимнастике приняли участие уже 37 339 трудящихся [Там же. Л. 2].

Подобная активность распространялась в Западной Сибири повсеместно. В начале 1970-х гг. 63,5% всех работающих на Новокузнецком алюминиевом заводе Кемеровской области являлись физкультурниками. В ежегодных спартакиадах здоровья участвовал каждый второй рабочий и специалист завода. Руководство завода выделяло большие средства на спортивно-культурные мероприятия из фонда предприятия, которые окупались в очень короткий период. По подсчетам, производительность труда рабочих-спортсменов увеличилась на 8–10% [14. Л. 95]. Подобная организация физического воспитания трудящихся была наиболее целесообразна для государства, так как предусматривала финансирование физкультурной работы за счет средств предприятий. Повышение уровня здоровья рабочих позволяло экономить средства на выплатах по временной потере трудоспособности, а повышение производительности труда имело для предприятий существенную экономическую выгоду. С другой стороны, формирование здорового образа жизни способствовало социально-адекватному проведению досуга. Физическая культура в советское время рассматривалась как средство воспитания граждан, социализации личности, а в

1980-х гг. – как средство борьбы со злоупотреблением алкоголем и ростом преступности, что было особенно распространено в рабочей среде. Таким образом, включая физическую культуру в быт трудящихся, выигрывали все стороны: государство, предприятия, трудящиеся. Именно поэтому формы привлечения граждан всех возрастных категорий к физической культуре постоянно совершенствовались.

Кратному увеличению численности трудящихся-физкультурников в г. Томске, проводивших выходные дни на лыжах, способствовало создание в 1976 г. городского, районных штабов выходного дня и штабов предприятий [15. Л. 2].

Физкультура и спорт в г. Томске к концу 1970-х гг. стали «политикой профилактики и сохранения здоровья народа». На предприятиях и по месту жительства создавались новые коллективы физкультуры, увеличивалось число зон отдыха и спортивно-оздоровительных баз, как и занимавшихся в спортивных секциях, группах здоровья, ОФП, расширялась география туризма. Большое распространение в этот период получил массовый лыжный спорт [16. Л. 187; 17. Л. 60]. К концу 1970-х гг. в области все коллективы приняли повышенные планы по вовлечению трудящихся в постоянные занятия физкультурой и спортом. В круглогодичной спартакиаде 1978–1979 гг., прошедшей под девизом «Олимпиаде-80 – достойную встречу», участвовали около 80 тыс. чел. [18. Л. 8–9]. В городе действовала система работы по круглогодичному привлечению трудящихся к занятиям спортом [19. Л. 2–4]. Массовое привлечение трудящихся к физической культуре решало ряд экономических и социальных задач: формирования здорового образа жизни и проведения досуга, повышения производительности труда и работоспособности, борьбы с так называемыми профвредностями и др. Однако наиболее важной являлась задача оздоровления граждан, приобретающая особую актуальность для лиц средней и старшей возрастных категорий. Помощь в ее разрешении оказывали медицинские работники.

В начале 1980-х гг. в стране началось проведение Всесоюзного кооперативного исследования «Программа борьбы с артериальной гипертонией на промышленных предприятиях» под руководством профессора А.Н. Бритола (ГНИЦ ПМ МЗ РФ), в которую включился кардиологический центр г. Томска [20. С. 64–65].

На базе спортивного комплекса «Томь» г. Томска, по инициативе Томского научного центра АМН СССР и производственного объединения «Контур» было создано научно-оздоровительное объединение «Центр здоровья». Целью его работы являлась профилактика сердечно-сосудистых заболеваний, снижение на этой основе заболеваемости, сокращение потерь рабочего времени по причине временной нетрудоспособности, рост производительности труда среди рабочих и служащих промышленных предприятий города. Ответственность за стабильное функционирование научно-оздоровительного объединения была возложена на директора Сибирского филиала ВКНЦ (Всесоюзный кардиологический научный центр) АМН СССР А.И. Потапова, председателя обспорткомитета В.Н. Скрипко,

директора объединения «Контур» А.Ф. Пушных, которые выделили для этого необходимые помещения, лечебно-диагностическое и спортивное оборудование, квалифицированные кадры медицинских и физкультурных работников [21. Л. 6; 23. Л. 3]. Коллективом отдела профилактической кардиологии была разработана и внедрена программа комплексной профилактики сердечно-сосудистых заболеваний в условиях крупного промышленного предприятия Западной Сибири (ПО «Контур», 1981–1987 гг.). В 1983–1995 гг. на базе спортивного комплекса «Томь» были отработаны и внедрены подходы к первичной и вторичной профилактике сердечно-сосудистых заболеваний путем систематических физических тренировок. В 1988 г. были выпущены методические рекомендации МЗ РФ «Организация профилактики артериальной гипертензии систематическими физическими тренировками на базе спортивно-оздоровительных учреждений» [20. С. 64–65].

Научно-оздоровительное объединение осуществляло широкое проведение оздоровительных-физкультурных мероприятий, пропаганду здорового образа жизни и медицинских знаний. Среди рабочих и служащих производственного объединения «Контур» и других промышленных предприятий Томска формировались диспансерные группы здоровых людей, с которыми осуществлялось проведение физкультурно-лечебных мероприятий на базе комплекса «Томь». В спорткомплексе были размещены кабинеты врачей, различные процедурные, кабинеты функциональной диагностики, аутотренинга, здорового образа жизни, биохимическая лаборатория, зал механотерапии со специальными тренажерами. Все физкультурные мероприятия проводились за счет средств производственного объединения «Контур». Между тем, экономический эффект от оздоровительно-физкультурной работы был налицо: только в 1984 г. расходы на оплату бюллетеней сократились на 35 тыс. рублей [21. Л. 6; 22. Л. 3].

Программа оздоровительных физкультурных мероприятий в 1980-х гг. в Западной Сибири была достаточно обширной. Например, томские производственные коллективы принимали активное участие во Всесоюзных смотрах-конкурсах «Лыжня зовет», где Томская область неоднократно становилась победителем, «Всей семьей – на старт», на лучшую постановку физкультурно-спортивной работы по месту жительства, в коллективах физкультуры создавались секции ГТО, туризма, ОФП, групп здоровья [23. Л. 13; 24. Л. 19].

В 1980-х гг. в ДСО «Труд» Томской области стало традицией проведение ежегодного социалистического соревнования среди коллективов физкультуры по комплексу ГТО и др. Популярными среди тружеников предприятий были старты «Папа, мама, я – самая спортивная семья». В конкурсе «Всей бригадой – на стадионы» в 1982 г. приняло участие 9 673 чел. из 567 бригад [25. Л. 2–3, 6].

В 1983 г. коллективы физкультуры были созданы на всех производствах Томской области. План выполнялся практически по всем показателям (по числу занимающихся физкультурой и спортом, занимающихся производственной гимнастикой и в спортивных секциях, по подготовке значкистов ГТО), а охват контингента трудящихся систематически занимающихся физкультурой и спортом, составлял 45,32% [26. Л. 8].

В 1983 г. все коллективы Томской области включились во Всесоюзный конкурс «Движение для здоровья», где стали лауреатами. Активными участниками были производственные предприятия: завод резиновой обуви, манометровый, радиотехнический, пятый государственный подшипниковый заводы [27. Л. 1]. Около 300 тыс. томичей всех возрастов регулярно занимались лыжным спортом, из них 15 тыс. являлись членами ДСО «Труд». Томская область стала четырехкратным лауреатом Всесоюзного конкурса «Лыжня зовет!». В течение зимы примерно каждый третий житель области систематически участвовал в оздоровительных лыжных мероприятиях и соревнованиях. Под девизом «Главный итог – здоровье» в Томске впервые была проведена спартакиада молодежных общежитий, где все призы завоевали лыжники коллективов физкультуры ДСО «Труд». В 1983 г. ДСО «Труд» имел 14 физкультурно-оздоровительных клубов в микрорайонах, в которых ежегодно проводилось до 100 пробегов, лыжных кроссов и различных соревнований, в которых участвовали более 9 000 чел. [22. Л. 1, 3]. В 1980-х гг. в физкультурной практике в Западной Сибири на предприятиях и по месту жительства применялось все многообразие форм физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы среди молодежи: легкоатлетические и лыжные кроссы, турниры на призы знатных людей, спартакиады ударных комсомольских строек, агитпоходы, конкурсы трудовых коллективов на звание «Самый лыжный цех», «Цех друзей ГТО», «Всей семьей на старт», спартакиады молодежных общежитий, массовые соревнования по видам спорта [22. Л. 1; 28. Л. 184 об.].

Таким образом, организация физкультурно-оздоровительной работы на производстве является превентивным и профилактическим средством от многих заболеваний, распространение которых в настоящее время кратно увеличилось. Опыт советского периода доказывает, что вложенные в профилактические мероприятия средства окупаются в достаточно короткий промежуток времени, что повышает экономическую эффективность работы. Создание оздоровительно-физкультурных центров, аналогичных томскому «Центру здоровья», где работники сфер медицины и физической культуры совместно решают задачи оздоровительно-профилактического характера, способствует не только улучшению физического и психического состояния работников, профилактике заболеваний, но и формированию здорового образа жизни, что повышает их социальную значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сарычева Т.В. Организация врачебного контроля над занимающимися физической культурой и спортом в Западной Сибири (1920-е гг.), участие В.С. Пирусского в его становлении // Бюллетень сибирской медицины. 2015. Т. 14, № 3. С. 68–73.
2. Исторический архив Омской области. Ф. 28. Оп. 1. Д. 117.

3. Стариченко В. В дружбе со спортом // Алтайская правда. 1962. 11 авг. № 189.
4. Сегодня – Всесоюзный день физкультурника // Молодежь Алтая. 1960. 13 авг. № 160. С. 1.
5. Физическая культура и спорт в СССР / под ред. Г.Б. Хотянова. М. : Физкультура и спорт, 1967. 352 с.
6. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 3471.
7. Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. Р-1475. Оп. 1. Д. 166.
8. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 9. Д. 171.
9. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 10. Д. 205.
10. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 3905.
11. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 3791.
12. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4025.
13. ОГКУ ГАТО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 160.
14. ГАКО. Ф. 75. Оп. 12. Д. 87. Л. 62.
15. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 7. Д. 585.
16. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 7. Д. 688.
17. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 7. Д. 689.
18. ОГКУ ГАТО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 405.
19. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 7. Д. 779.
20. Научно-исследовательскому институту кардиологии 20 лет (1980–2000 гг.). Томск, 2000. 125 с.
21. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 13. Д. 47. Л. 6.
22. ОГКУ ГАТО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 561.
23. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 10. Д. 13. Л. 13.
24. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 15. Д. 42. Л. 19.
25. ОГКУ ГАТО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 462.
26. ОГКУ ГАТО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 491.
27. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 8. Д. 20.
28. Государственный архив Алтайского края. Ф. Р-1031. Оп. 2. Д. 903.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 февраля 2016 г.

ORGANIZATION OF MASS SPORT AND RECREATION ACTIVITIES AT INDUSTRIAL ENTERPRISES IN WESTERN SIBERIA IN THE 1960S-1980S AND THE ESTABLISHMENT OF A SCIENTIFIC AND RECREATIONAL ASSOCIATION “HEALTH CENTRE” IN TOMSK

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 124–128. DOI: 10.17223/15617793/405/16

Sarycheva Tatiana V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sarycheva_tv_1@mail.ru

Keywords: improving sport work; scientific and recreational association “Health Centre”.

In the 1960s–1980s, our country carried out a great theoretical and practical work on the organization of mass recreation sport activities among workers. The most common form of organization of workers’ physical activity was gymnastics which millions of workers practiced daily during the working day in 1960. For middle-aged and old people there were sections of general fitness. Workers of these age categories were interested in “Health Olympics” organized by the Trud sport organization. They were held annually. Various forms of mass recreation activities as “House Management Olympics”, “Health Trains” and others became widespread. In the 1960s, many enterprises of the country, having included physical activity in a working day, counted an economic benefit. Such an organization of workers’ physical education was the most suitable for the country, because it was supposed to be financed by enterprises and allowed them to save payments for temporary disability of their workers. By the 1970s physical culture began to occupy a more and more important place in the system of preventive measures on reducing the sickness rate of workers and employees. In the 1970s, more than 60 % of workers in some enterprises of the region were involved in physical activity. New sport clubs were organised at enterprises and in communities. The number of rest areas and recreational sport bases as well as the number of athletes attending sport clubs and health groups increased. The geography of tourism widened. Mass skiing became widespread. Medical specialists helped sport organizations. At the beginning of the 1980s, within the All-Union Cooperative research “The Program of Contention with Arterial Hypertension at Industrial Enterprises”, a scientific and recreational association “Health Centre” was founded in Tomsk at the initiative of the Institute of Cardiology and the software association “Kontur” and other industrial enterprises of Tomsk. Thus, the organization of sport and recreation activities at enterprises is a preventive measure against many diseases. It increases the level of health and work productivity and promotes social activity of working people.

REFERENCES

1. Sarycheva, T.V. (2015) Organizatsiya vrachebnogo kontrolya nad zanimayushchimisya fizicheskoy kul'turoy i sportom v Zapadnoy Sibiri (1920-e gg.), uchastie V.S. Pirusskogo v ego stanovlenii [Organizing medical control for people practising physical culture and sports in Western Siberia (the 1920s)., V. Pirusskiy's role in its formation]. *Byulleten' sibirskoy meditsiny*. 14:3. pp. 68–73.
2. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 28. List 1. File 117. (In Russian).
3. Starichenko, V. (1962) V družbe so sportom [Friends with sports]. *Altayskaya pravda*. 11 August. 189.
4. Molodezh' Altaya. (1960) Segodnya – Vsesoyuznyy den' fizkul'turnika [Today is the All-Union sportsman day]. *Molodezh' Altaya*. 13 August. 160. pp. 1.
5. Khotyanov, G.B. (ed.) (1967) *Fizicheskaya kul'tura i sport v SSSR* [Physical Culture and Sport in the USSR]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
6. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 3471. (In Russian).
7. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-1475. List 1. File 166. (In Russian).
8. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund P-75. List 9. File 171. (In Russian).
9. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund P-75. List 10. File 205. (In Russian).
10. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 3905. (In Russian).
11. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 3791. (In Russian).
12. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 4025. (In Russian).
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1606. List 1. File 160. (In Russian).
14. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund 75. List 12. File 87. Page 62. (In Russian).

15. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 7. File 585. (In Russian).
16. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 7. File 688. (In Russian).
17. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 7. File 689. (In Russian).
18. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1606. List 1. File 405. (In Russian).
19. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 7. File 779. (In Russian).
20. STT. (2000) *Nauchno-issledovatel'skomu institutu kardiologii 20 let (1980–2000 gg.)* [The Research Institute of Cardiology is 20 (1980–2000)]. Tomsk: STT.
21. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 13. File 47. Page 6. (In Russian).
22. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1606. List 1. File 561. (In Russian).
23. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 10. File 13. Page 13. (In Russian).
24. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 15. File 42. Page 19.
25. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1606. List 1. File 462. (In Russian).
26. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1606. List 1. File 491. (In Russian).
27. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 8. File 20. (In Russian).
28. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund R-1031. List 2. File 903. (In Russian).

Received: 07 February 2016

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ПАМЯТИ

Рассматривается традиционная идентичность старообрядцев-беспоповцев Южной Вятки в контексте теории коллективной (исторической) памяти. Дается обзор основных подходов к концептуализации понятия коллективной памяти, в том числе с целью изучения старообрядческих сообществ. Анализируются основные детерминанты коллективной памяти локального старообрядческого социума, паттерны, которые определяют характер и стратегии коммеморации, а также тенденции изменений в идентичности старообрядческих сообществ, обусловленные переменами в структуре коллективной памяти.

Ключевые слова: старообрядцы; традиция; идентичность; коллективная память.

Категория исторической памяти получила широкое распространение в современных социальных науках. Появлению этого подхода предшествовало обращение истории, социологии и антропологии во второй половине XX в. к изучению «ментальностей» отдельных народов и исторических эпох, коллективной и индивидуальной идентичности. На рубеже 1980–1990-х гг. оформилось направление «memory studies» – «непарадигмальное, междисциплинарное, децентрированное предприятие», по выражению социологов Дж. Олика, Дж. Роббинса [1]. В рамках этого направления предлагалось изучать способы социального конструирования образов прошлого и использования их в коммуникативных практиках. Среди наиболее разработанных сюжетов memory studies следует назвать выявление связи между памятью группы и ее идентичностью. Это не случайно, поскольку обращение к собственному прошлому (реальному или воображаемому) в различных сообществах определяет не только их социальные и культурные константы, но и вектор развития. В данной работе представлен опыт изучения идентичности группы старообрядцев-беспоповцев как отражение коллективной (исторической) памяти ее членов.

Одним из первых к изучению памяти как социального феномена обратился французский социолог М. Хальбвакс. Он акцентировал внимание на роли социальной группы, определяющей содержание, структуру и способы формирования индивидуальной памяти отдельных ее членов. В свою очередь, степень гомогенности и стабильности социальной группы, по мысли Хальбвакса, зависит от того, в какой мере тот образ памяти о себе, который был сформирован в рамках данной группы, обуславливает рамки памяти ее членов [2. С. 268]. Основываясь на идеях Хальбвакса, американский антрополог П. Коннертон рассмотрел механизмы, которые обеспечивают поддержание целостности социальной памяти группы. Он выделил три способа выражения этой памяти, в основе которых лежит идея повторения: календарный, вербальный и знаковый. К первому он относил регулярно повторяющиеся праздники и памятные даты, приуроченные к событиям, имеющим символическую ценность для группы; ко второму – нарративные источники и тексты вообще, определяющие содержание памяти группы, а также формы ее репрезентации; к третьему – преимущественно телесные практики, через которые передается визуальная составляющая

социальной памяти группы [3]. Наконец, более детально особенности строения и функционирования социальной памяти были рассмотрены немецким культурологом Я. Ассманом. Он выделил категорию «фигур воспоминания» как своеобразных единиц социальной памяти. Под ними он подразумевал «культурно сформированные, общественно обязательные “образы воспоминания”», в основе которых лежит событие, лицо или место, имеющее символическую ценность для группы и поэтому зафиксированное в ее памяти [4. С. 39]. Фигуры воспоминания, по Я. Ассману, отличаются отнесенностью к пространству и времени, отнесенностью к группе и воссоздающий характер.

Другой важной новацией Ассмана стало различие двух уровней социальной памяти в зависимости от степени близости запоминаемых событий к запоминающему субъекту. Память, охватывающая период жизни двух-трех поколений, у Ассмана называется коммуникативной и носит более аффективный характер, так как индивид является либо непосредственным свидетелем происшедших событий, либо современником таких свидетелей. Память, объект которой значительно (на несколько столетий и более) удален от субъекта, у Ассмана получила название культурной, и именно данная разновидность за счет институционализации коммеморативных практик обладает значительной устойчивостью, лишаясь в то же время элементов достоверности.

Для изучения коллективной памяти в ее динамике психолог и антрополог Р. Карагезов предложил использовать понятие «паттерн» (по аналогии с культурными паттернами из работ антропологов Р. Бенедикт, А. Кребера и К. Клакхон), подразумевая под ним «определенную конфигурацию коллективного опыта, обуславливающую устойчивый взгляд членов группы на свое историческое прошлое, а также влияющую на понимание и интерпретацию ими исторических событий, мотивации и героев» [5. С. 30]. В качестве ключевого свойства паттерна Карагезов отметил его способность связываться с различными сторонами коллективного опыта и воспроизводиться в новых условиях и новых поколениях. Закрепление паттернов происходит в форме повествовательных шаблонов, которые, в свою очередь, составляют основу многочисленных нарративов. Таким образом, за счет постоянного присутствия в том или ином виде паттернов коллективной памяти в информационной среде сообщ-

щества происходит актуализация коллективной памяти и связанной с ней идентичности.

Одним из первых исследователей, сделавших попытку описать старообрядческую традицию в терминах и категориях теории коллективной памяти, был канадский антрополог и религиовед Д. Шеффел, посвятивший свое исследование старообрядцам Канады. Он, в частности, отнес старообрядцев к сообществам «репетитивного» типа, подчеркнув таким образом, что воспроизводство их идентичности основано на постоянном повторении моделей сакральных и бытовых практик, сформированных предками и освященных их авторитетом. Пользуясь классификацией Коннертона, он отметил у старообрядцев деревни Березовка (провинция Альберта) наличие повторяющихся календарных (повышенное внимание к церковным праздникам, постам и поминальным службам), вербальных (необходимость знания церковнославянского языка и использования старопечатных книг во время молитв) и знаковых (двуперстное крестное знамение, крестный ход по солнцу и т.п.) практик.

По мысли Шеффела, особенность коммеморативных практик у старообрядцев заключается в одновременном бытовании их в устной и письменной формах. Устная форма, выражающаяся в пословицах, быличках, фольклорных нарративных сюжетах, предполагает высокий уровень вариативности и в смысле точности воспроизводства фигур социальной памяти имеет скорее реконструктивную (*re-create*), чем репетитивную (*repetitive*) природу. Письменная же форма отвечает именно за *точное* сохранение содержания социальной памяти, и в этом качестве значение имеет не столько создание текстов, сколько точное копирование. Сам процесс копирования уже имеет сакральную природу, любая возможность изменений исключена [6. С. 219]. Таким образом, по Шеффелу, старообрядческая традиция как форма социальной памяти имеет вариативный потенциал, однако сохраняет неизменность своих основных элементов за счет сакрализованных образцов и жестко установленных форм их копирования. Если обратиться к типологии Я. Ассмана, можно заметить, что устная форма передачи социальной памяти у старообрядцев соответствует механизму формирования коммуникативной памяти, тогда как письменная отвечает за создание образа долговечной культурной памяти.

В данной статье предпринята попытка проанализировать старообрядческую (беспоповскую) традицию региона Южной Вятки с точки зрения теории коллективной памяти: выявить основные смысловые детерминанты, связь коллективной памяти со стратегиями выживания (сохранения идентичности) старообрядческого сообщества и пути эволюции (трансформации) коллективной памяти под влиянием меняющихся условий. В отличие от казуса, рассмотренного Шеффелом, исследуемое старообрядческое сообщество не проживает компактно и гомогенно на закрепленной за ним территории, а составляет часть сельского социума, в рамках которого соседствует с различными религиозными и этническими группами (последователями Русской православной церкви, бап-

тистами, мусульманами) и этническими (марийцами, татарами) группами.

Исследование проведено на материале старообрядческих общин, расположенных на территории Уржумского района, преимущественно в селах Шурма, Русский Турек, Рождественское, деревне Максинерь, поселках Пиляндыш и Аркуль. Основным источником стали данные полевых дневников участников комплексных археографических экспедиций исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в регион Южной Вятки (в том числе дневники автора) за 2008–2011 гг. В качестве вспомогательных материалов были использованы тексты полемики и исторического характера, созданные старообрядцами данного региона, а также делопроизводственные записи старообрядческих общин.

Следует заметить, что старообрядческое население региона изначально представляло собой конгломерат отдельных ветвей противников никоновских реформ с собственными, достаточно обособленными вариантами традиции. Первое появление старообрядцев на Вятке было зафиксировано в официальных документах в последней четверти XVIII в., когда часть крестьян обратилась к властям с просьбой об освобождении сторонников старой веры двойным налогом (т.е. признании их раскольниками) [7; 8. С. 194]. В течение второй половины XVIII – первой половины XIX в., в силу положения Вятки на пересечении торговых путей из Поморья в Сибирь и из Поволжья в Урал, в регионе оказались представлены все наиболее значительные беспоповские согласия: поморцы, связанные с Выговским общежитием, федосеевцы, чья проповедь шла с Урала, и филипповцы, имевшие центры в Северном Поволжье и Приуралье. К концу XIX в. Вятская губерния была пятой в Российской империи по численности старообрядцев [9. С. 45].

Говоря о структуре коллективной памяти старообрядцев, следует начать с базовых идей и образов, которые определяют контуры групповой идентичности. М. Хальбвакс называл их образцами воспоминания, Я. Ассман – фигурами воспоминания. Согласно трактовке Ассмана, фигуры воспоминания всегда отнесены к конкретному времени и пространству, конкретной группе и существуют благодаря постоянному воссозданию и переживанию их членами группы. Говоря о значении этих фигур, Ассман подчеркивает, что «всякая личность и исторический факт при своем поступлении в память группы немедленно транспонируются в поучение, понятие, символ; они получают смысл, они становятся элементом идейной системы данного общества» [4. С. 39]. При этом, подчеркивает ученый, с помощью специфических, только ей присущих фигур «социальная группа оберегает свое прошлое с двух основных точек зрения: своеобразия и долговечности. Создавая свой собственный образ, она подчеркивает различия с внешним миром и, напротив, преуменьшает внутренние различия» [Там же. С. 41].

В случае старообрядчества определяющей фигурой воспоминания является церковный Раскол. Для старообрядцев важнейшим признаком при отделении «своих» от «чужих» стало признание неверности,

«греховности» церковной реформы патриарха Никона, всех сделанных им изменений и демонизация его собственной личности [10. С. 221]. «Антиниконовский» компонент может восприниматься как первичная рамка социальной памяти старообрядчества в целом, служащая целью изначального обособления их от последователей Никона, «никониан». С одной стороны, на вербальном уровне выражения она приводит к формированию особой традиции антиниконовских сочинений, многочисленных нарративов, целью которых являются осуждение церковных реформ и героизация и сакрализация тех, кто противостоял им. С другой – она дает толчок к переосмыслению всей картины мира, и в первую очередь – христианской традиции. Те элементы традиции, которые были пересмотрены реформаторами, послужили для их противников отправной точкой к созданию собственной картины прошлого и настоящего. Прежде всего речь идет об институциональных изменениях.

По мысли Я. Ассмана, «культурная память, в отличие от коммуникативной, есть дело мнемотехники, для которой в обществе существуют специальные институты» [4. С. 54]. Одна из важнейших особенностей выбранного нами старообрядческого сообщества состоит как раз в отсутствии формализованных институтов, выполняющих, среди прочих, коммеморативные функции. В христианской традиции эти функции были возложены на духовенство, которое «образует замкнутую, отделенную от мира и полностью обращенную к прошлому группу, которая занята исключительно тем, что хранит память о прошлом» [2. С. 268]. Отсутствие такового у старообрядцев¹ приводит к тому, что бремя поддержания образцов ложится на рядовых членов сообщества, значительно повышая требования к их подготовке. Они включают, в числе прочего, навыки поддержания состояния и, при необходимости, реставрации старопечатных книг, передающихся из поколения в поколение, знание церковнославянского языка, умение петь по гласам («знаменный» распев, характерный для древнерусского церковного пения). Как правило, в полной мере подобными навыками владеют так называемые духовные отцы, духовные наставники, однако, как показывает практика, далеко не всегда статус наиболее «грамотного» члена общины совпадает со статусом «первого среди равных». В сельской местности хранителями книжного «капитала» в той или иной мере являются большинство членов общины, в силу того, что в каждой семье существовала традиция передачи из поколения в поколение старопечатных книг. Обладание таким «капиталом» уже мыслится как признание статуса «хранителя» традиций предков, даже в том случае, когда сам «хранитель» не имеет навыков обращения с книгами (например, не владеет языком). Хранение само по себе превращается в ритуал, в котором книга становится священным артефактом, наделенным особыми свойствами. Так, утрата книги (как, например, и креста) может восприниматься как дурное предзнаменование. Книга исключается из контекста товарно-денежных отношений, ее нельзя продавать, только отдавать, сопровождая «благословением» в адрес берущего. Акт благо-

словления кого-либо книгой означает заключение между дающим и берущим своего рода негласного (но священного) договора, условием которого является поддержание заботы о книге и передача ее следующим поколениям.

Подобным же символическим смыслом наделяется и сохранение икон и крестов. В некоторых старообрядческих домах в божницах можно заметить практически стершиеся от времени, закопченные до черноты или сломанные иконы, однако выбрасывать их считается большим грехом. Доставшиеся от предков предметы существуют как бы одновременно в контексте культурной и коммуникативной памяти. В первом случае они репрезентируют основополагающие элементы традиции, выступают как знаковые формы ушедшего прошлого, отсылают к сакральному плану, к устойчивому и неизменному миру универсалий. Во втором случае они являются данью памяти предыдущих поколений, и в этом контексте не могут быть заменены на более совершенные аналоги. В этом взаимодействии и взаимопереплетении культурной и коммуникативной памяти существует вся старообрядческая (преимущественно сельская) культура. Культурная память обращается к символическим образцам, физическими воплощениями которых являются вещи, для нее важен не конкретный носитель информации о прошлом, но точная передача самой информации. Коммуникативная память апеллирует к практикам, посредством которых осуществляется коммеморация, и в данном случае гарантом эффективности этих практик выступает весь предыдущий опыт. Ограниченный (в силу институциональной аморфности группы) доступ к информации, составляющей основу культурной памяти, ставит под угрозу стабильность группы. В этой ситуации на помощь приходит постоянно воспроизводящийся и содержащийся в рамках коммуникативной памяти опыт обращения с сакральными предметами. Таким образом, для группы носителями неприкосновенной культурной памяти выступают не люди, а предметы, наделенные символической ролью, в то время как обслуживание этих предметов становится частью коммеморативных практик. Характерно, что подобные черты наблюдаются у старообрядцев и в других регионах: «У коми-зюдинцев нам был продемонстрирован обгорелый и обветшалый фрагмент “Миней-Четьих”, для владельца “старой книги” – это предмет священный, не понимающий содержания и не умея прочесть... она хранит его как знак принадлежности к своей вере» [11. С. 58].

В традиционалистском сознании старообрядцев, которое допускает сосуществование различных временных шкал и пластов, особое значение приобретают паттерны, которые позволяют оценивать происходящие события, находить им объяснение и вырабатывать свое отношение к ним. Паттерны составляют основу старообрядческих нарративов (письменных и устных), являются их конституирующим элементом. В беседах со старообрядцами-беспоповцами Южной Вятки нам удалось выделить несколько подобных паттернов, наиболее явно определяющих их культурные ориентации, ценности и жизненные стратегии.

Паттерн «последних времен» является одним из определяющих в оценке настоящего и будущего состояния окружающего мира. Антихрист пришел в этот мир, следовательно, для старообрядца важнейшим вопросом является забота о духовной, а не мирской жизни. Одна из практических задач этого паттерна – провести границу между старообрядчеством и официальным («никонианским») православием. Этот же паттерн, как правило, используется для обоснования типичного для старообрядцев неприязненного отношения к светским формам одежды, развлечениям, западным нововведениям и современным техническим новшествам. При этом многие информанты использовали его в вариации «наступления последних времен», и в этом случае секуляризация бытовых норм истолковывалась ими как иллюстрация такого положения. «Вот сейчас и телевизор есть, музыки есть, ходят ведь все курят. И идут-то все в одних плавочках, лифчиках. Я как увижу – так уж лучше бы не смотреть. Вот нам баба Катя-то говорила: будут девицы – бесстыжие лица. Вся кровь смешается, русские с мариЙцами будут. Это сейчас не вера в Бога, а мода в Бога пошла» (П.С., беспокровка-федосеевка) (Полевые материалы автора: С. Шурма (Уржумский р-н), Кировская обл., 2009. Далее – ПМА-1).

Паттерн «сохранения истинной веры» обосновывает необходимость существования в условиях отсутствия церковной организации, отправления служб мирянами и множества других отступлений от православного канона. Этот паттерн снимает противоречие между необходимостью сохранения дореформенных порядков (двоеперстия, крестного хода «посолонь», погружательного крещения, порядка ведения служб и др.) и неизбежными искажениями и уступками, которые объясняются вынужденными обстоятельствами. Именно так обосновывается допустимость отклонений в богослужебном уставе в «Поморских ответах» – одном из ключевых документов, отражающих взгляды старообрядцев. «Поморские ответы», как правило, входят в библиотеку многих рядовых старообрядцев.

Паттерн «соблюдения чистоты» вытекает из предыдущего и связан с поддержанием границ как между профанным и сакральным пространством, так и между Чужим и Своим. С ним связана опасность «обмирщения», т.е. осквернения чистоты себя и общины. Для старообрядческой идентичности этот паттерн имеет существенное значение, так как позволяет отделить своих от чужих. Это проявляется в запрете на молитвенное общение (посещение храмов, совместные богослужения, совершение ритуальных действий по отношению к святыням в храмах РПЦ), использование церковной атрибутики РПЦ, совместное принятие пищи с «мирскими». Старообрядцы имеют отдельную посуду, предназначенную для «мирских», а иконы помещают в деревянные божницы со створками, которые закрывают в случае прихода «мирских».

Паттерн «гонений» связан с преследованиями со стороны властей и официальной церкви. Этот паттерн кодирует поведенческие стратегии старообрядцев,

связанные с выживанием в условиях репрессий: постоянную готовность к ограничению контактов, сокрытию внешней стороны обрядов, недоверчивость по отношению к чужакам. Характерны, например, следующие высказывания одной из информанток: «вера Христова сурова, *гонима, но непобедима*» (курсив наш. – А.С.); «да и раньше не то что притесняли – работать заставляли. И гонений не было, но все равно наши остерегались». «Гонение», как правило, не воспринимается как конкретно-историческое событие, а приобретает символическое значение «неизбежного» элемента старообрядческого бытия. В этом смысле паттерн оказывается созвучен каноническим сюжетам гонений на христиан и получает дополнительное подкрепление за счет этой ассоциации: отождествление с ранними мучениками воспринимается как доказательство оправданности всех нынешних и будущих страданий. Эту особенность неоднократно отмечали участники экспедиций².

Паттерн «вечной греховности» связан с предыдущим. Он исходит из идеи «вынужденности» старообрядческого положения: отсутствие священства заставляет членов общины фактически двигаться «на ощупь», не будучи уверенными, что их грехи отпущены, а возможность для спасения еще сохраняется. Фрустрация, неизбежно возникающая при таком положении, снимается при помощи механизмов очищения (строгости следования обрядовым практикам, при котором каждый член общины ощущает свою ответственность за собственное спасение, перемещения акцента с посредника (священника) на сам обряд).

Паттерн «бесконечного покаяния» органически связан с предыдущим. Невозможность воздержания от контактов с «мирским» вынуждает члена общины постоянно ощущать себя грешником и каяться. Ритуал покаяния, таким образом, постоянно присутствует в жизни старовера, сопровождается определенной рутинностью. Об этом говорит и значение четок-лестовки, ее постоянное использование и сакрализация (при том что лестовка выполняет сугубо инструментальную роль – необходимость отсчитывать число молитв). Лестовка становится предметом гордости, шьется особенно, ее форма также насыщается смыслом (треугольник – сюжеты из Писания).

Исходя из выделенных паттернов, можно представить схематическую формулу, лежащую в основе многих письменных и устных нарративов старообрядцев-беспоповцев:

1. После реформ Никона в мир пришел Антихрист.
2. Мы живем в Последние Времена, и нашей задачей является сохранение Истинной Веры.
3. Антихрист устраивает Гонения, и мы страдаем за Веру.
4. Священство взято на небо, поэтому мы живем во Грехе.
5. Покаяние – это единственная возможность заслужить прощение.

Говоря о паттернах коллективной памяти, следует подчеркнуть их значение для бытового взаимодействия. Они определяют связь между подвижной коммуникативной памятью и памятью долговременной,

культурной. Именно в рамках повседневной коммуникации накапливается тот арсенал адаптивных стратегий, который позволяет группе существовать в меняющихся условиях, одновременно сохраняя в (относительной) неприкосновенности свою идентичность. Если культурная память ориентируется на канонические, жестко детерминированные формы, то главным свойством коммуникативной памяти является вариативность, склонность к интерпретации.

Среди адаптивных стратегий коммуникативной памяти можно выделить два комплексных направления, которые помогают членам группы определить смысл («Кто мы такие?») и цель («Что мы должны делать?») своего существования. Первое направление исходит из необходимости утверждения идентичности группы в пространстве современного ей мира, а второе сообщает практические рекомендации по взаимодействию с миром. Оба направления представлены у старообрядцев комплексом устных нарративов, условно называемых народной Библией [12. С. 4]. К сюжетам «народной Библии» относятся былички, связанные с библейскими событиями, эсхатологией, историей раскола, картиной мира, системой запретов и предписаний, бытовой этикой и т.д.

Бытование «народно-библейских» сюжетов – характерная черта прежде всего сельского социума со свойственной ему мифологизированностью сознания, недостаточной атрибутированностью религиозных знаний, господством обычая над писаной нормой. В таких условиях именно мифологизированная «байка», притчеобразный сюжет оказываются наиболее емкими по содержащейся в них информации. При этом историография раскола в сознании старообрядцев подвергается «одомашниванию»: события Раскола приближаются к вятским пределам, они становятся частью именно местной истории. Вот, например, как объясняет рождение старообрядческих согласий А.П. Ч-ва, старообрядка-шихалевка: «Когда разорили Соловецкие монастыри, монахи бежали на Вятку. *Здесь они и дали начало разным согласиям* (здесь и далее курсив наш. – А.С.): один – федосеевскому... второй – шихалевскому... третий – филипповскому» [13. С. 243]. Обратим внимание, что информантка плохо представляет себе историю даже собственного согласия, что и приводит к путанице. Другой пример (из рассказа Ф.И. К-на, наставника максинерцев): «Была еще вера медянская или медяная. Отделились из-за самоваров. У кого самовар – не молились, а сейчас вместе с нами молятся» [Там же].

Таким образом, очевидно, что плохое знание подробностей разделения нивелирует различия между отдельными согласиями, которые все воспринимаются как отдельные «веры», вне зависимости от их генетического сродства. Кроме того, бытуют и названия-дублиеры для тех «вер», чьи фактические названия информанту неизвестны (у того же Ф.И.): «Мы по деревне веру называем, а вера-то не по деревне – филипповская вера, поучение филиппово. А вот турецкие (т.е. из Русского Турека. – А.С.). Допустим, поучение федосеевское. Можно сказать: уржумская, тюм-тюмская, а вера-то федосеевская. Так и у нас.

Мы с шихалими одной веры» [13. С. 243]. Последняя ремарка особенно любопытна, так как допускает различие в толковании понятия «вера» – и как местного согласия, и как системы верований. Очевидно, что использование этого понятия вятскими староверами в первом значении способствует закреплению их локальной самоидентификации. Многие старожилы региона следуют принципу «в какой вере родился, в такой и должен умереть», признавая, таким образом, право отдельных согласий на обособленность. Впрочем, такая позиция в меньшей степени относится к наиболее радикальным толкам (шихали), которые по-прежнему считают себя хранителями вселенского православия [14. С. 227].

Заметно, таким образом, что легенда о происхождении собственного согласия подпитывает его идентичность, способствует его обособлению и сплочению носителей его коллективной памяти. Указанные выше фрагменты принадлежат к первому направлению адаптивных механизмов. Второе, выраженное в сюжетах *нормативного* характера, может включать в себя несколько элементов: собственно саму норму (предписание), контекст (условие применения нормы) и санкцию (т.е. последствие неисполнения нормы). Причем санкция может осуществляться как непосредственно (т.е. явно и очевидно), так и опосредованно. В первом случае это касается, например, различного рода «наказаний», которые посылаются за несоблюдение нормы: сгоревшее сено, скошенное в праздничный день, болезнь от питья воды из ненакрытой тары («бесы искупались»). Во втором случае возмездие подразумевается, ожидается на сакральном уровне: «если носить сережки, то на Страшном Суде будут мыши в ушах сидеть», «нельзя крест снимать, а то ангел плачет». Интерпретативный потенциал подобных норм осуществляется двумя путями: за счет поиска причинно-следственных связей (временная последовательность «нарушение нормы – несчастье» интерпретируется как казуальная последовательность «нарушение нормы => возмездие») и за счет семиотизации явлений и создания ассоциативных полей («ношение серег = поражение ушей», «мышь = средство пытки, символический дублер серьги»). Общая цель этих механизмов – не допустить нарушения границы между *сакральным* и *профанным*. Нарушение этой границы в старообрядческом культурном коде угрожает *обмирщением*, которое влечет за собой опасность символической смерти (исключение из круга «избранных»), нейтрализуемую либо путем соответствующих очищающих обрядов (*покаяния* и назначения *епитимьи*), либо путем отлучения *обмирщенного* от группы. Следует добавить, что контроль над соблюдением нормы в большинстве случаев остается за самим субъектом, что, наряду с практической сложностью соблюдения всех предписаний, делает вероятность нарушений практически неизбежной и приводит к существенному повышению значения обряда *покаяния*. Фактически речь идет о воспринимаемой в качестве нормы необходимости *постоянно* каяться. Покаяние становится средством преодоления кризиса идентичности, поскольку воспринимает-

ся как подтверждение конкретным членом группы его приверженности групповой традиции.

Однако, как показывает опыт исследования, отказ от покаяния не всегда приводит к отлучению *обмирщенного* от группы. В том случае, когда нарушение обнаруживает неустойчивость нормы, возникает вероятность создания альтернативной нормы, что, в свою очередь, порождает кризис идентичности группы. Кризис, выражающийся в сосуществовании двух вариантов нормы, может быть разрешен в результате обращения к более высокому авторитету, а в случае его отсутствия – разделением группы. Раскол в среде филипповских беспоповцев Южной Вятки, произошедший во второй половине XIX в. из-за вопроса о положении иконы на покойника (ликом к покойнику или «по естеству», т.е. ликом к молящимся, как было принято у местных общин), наглядно иллюстрирует данную ситуацию [15].

В данном случае в результате бытового «забывания» традиции возникает местный альтернативный вариант, который сталкивается с общеупотребительным, создавая противоречие. Местная традиция начинает укореняться, что выражается в создании полемических сочинений и иных элементов, служащих созданию идентичности «от противного», на контрасте с бывшими единоверцами, якобы впадшими в ересь. К настоящему времени у «шихалей» и «максинерцев» (такие названия получили сторонники двух вариаций обряда по именам населенных пунктов, в которых базировались общины), помимо спора о положении иконы, добавились новые расхождения: «шихали», гордящиеся своей строгостью, на молитве всегда стоят босиком, не допускают к активному участию в службах женщин («женское пение – змеиное шипение»), во время поминальных обедов кидают кости и объедки под стол («стол – божья ладонь») и т.д. «Максинерцы» же считаются более мягкими, в частности они свободно пускают шихалей к себе на молитву, тогда как последние до недавнего времени всех прочих староверов считали еретиками «первого чина» и принимали к себе только через перекрещивание. Следует отметить, что накопление различий в традиции могло происходить и без расколов, причины которых зачастую коренились в субъективных особенностях членов конкретных общин [15. С. 117–138; 16. С. 237–255]. Например, знаменное молитвенное пение филипповцев Вятки имеет существенные отличия от подобной традиции у филипповцев других регионов, поскольку местные певцы изначально учились «по напевке», не имея еще достаточной грамотности, чтобы читать «по крюкам». Так, на молитве у «шихалей» сейчас не поется «Единосущный сыне»: однажды пропущенная (в 1980-х гг.), эта часть службы с тех пор вышла из употребления [14. С. 221]. Примечательно, что к указаниям на «неправильность» той или иной практики со стороны приезжих староверов местные часто относятся скептически, отказываясь внести изменения в привычный распорядок, ссылаясь на авторитет «отцов». Это важный факт, демонстрирующий силу воздействия коммуникативной памяти: искажение, случившееся по вине «отцов», не будучи

вовремя «замеченным», включается в орбиту коммуникативной памяти, становясь новой нормой, которая получает соответствующее обоснование и сопровождается санкцией.

Почему же действия предков, даже формально противоречащие более «каноническим» образцам, формируют новую норму? Вероятно, ответ следует искать в особенностях закрепления индивидуальной памяти, ее тесной связанности с эмоциями, образами, ощущениями. М. Хальбвакс указывал на то, что в раннем возрасте люди особенно восприимчивы к полученному опыту, поэтому данный период имеет определяющее значение для всей последующей жизни человека и для развития его личности. В воспоминаниях современных староверов постоянно прослеживается сравнение собственной жизни с жизнью и принципами предков – родителей, бабушек и дедушек, которые представляются им «настоящими» староверами. Такое сравнение создает комплекс неполноценности, который вынуждает постоянно соотносить свою жизнь с жизнью предков. Характерен следующий пассаж, записанный в ходе глубинного интервью:

«Вот сейчас говорят – старовер, старовер. Только и знают, что слово старовер, а вот староверства в человеке нету. У нас осталась маленькая долька староверства. Только и знаем, что мы староверы. А староверство-то очень мизерное сейчас. Вот и я еще не настоящая староверка. И я себя еще такой не считаю. Это надо каждый день службу вести вечером, молиться. А я который раз сама незамогу, или пока уложишь, пока всё, на часы смотришь... Нет, таких староверов, как раньше, больше не будет. К кому ни заходишь – у всех в углу телевизор стоит. У меня тоже дома вот раньше – иконы висят и телевизор под ними. И вот я со своим спорила. Спорили-спорили, так я в конце концов сказала – у тебя в другой комнате подстенок есть, так ты туда поставь, там смотри. И папаша меня поддержал. Ты если телевизор смотришь – так чертову колыбель качаешь. Ну и вот – что молился, что нет. Нет, сейчас таких староверов нет, как раньше. Раньше вот за стол садиться – ну, возьмем вот бабу Таню, царствие ей Небесное – вот это всё поставят, чашки, и в первую очередь соль несут. И пока каждый не помолится, есть не начинают. И вот так каждый день было. А сейчас подойдут к столу – руки не помоют, начал не положат, и всё – сел. А посуда? Я вот у одних видела: взяла посуду, отнесли в баню, в бане вымыли, посуду поставили на стол. Разве это мыслимо – из бани посуду на стол ставить? У нас вот свекровь была, так она с собой в баню брала литровую банку воды. Помоемся, выходит в предбанник и этой водой окачивается, хоть зимой, хоть летом. Чтобы было чистое, не поганое лицо. А сейчас – тут же моются, тут же стираются, тут же посуда. Гигиена. Это мне тоже неприемлемо. Вот и старовер. Вот такая сейчас жизнь пошла. Распушение пошло. Распустили себя» (П.С., беспоповка-федосеевка).

Таким образом, рассмотрение старообрядческой традиции с позиций теории коллективной памяти позволяет выявить несколько важных характеристик. Прежде всего, основу традиции составляет культур-

ная память – система канонизированных и кодифицированных «фигур воспоминания». Старообрядческая община, испытывая недостаток институционализации форм поддержания культурной памяти, вырабатывает механизмы обращения с символическими образцами, своеобразными «хранилищами» культурной памяти: книгами, культовыми атрибутами, пространствами совершения сакральных действий. Паттерны коллективной памяти, интериоризованные индивидами в ходе социализации через осмысление соответствующих письменных и устных нарративов, берут на себя функцию адаптации идентичности группы к меняющимся условиям, устанавливая нормы и ориентиры для членов группы в окружающем мире. В свою очередь, гибкость и неста-

бильность коммуникативной памяти приводят к накоплению искажений, которые могут (при определенных обстоятельствах) быть либо включены в нормативную базу группы (и в таком качестве транслироваться посредством коммуникативной памяти), либо отвергнуты как ложные (в случае наличия авторитетного источника), либо привести к образованию двух вариантов традиции (и двух вариантов коллективной памяти). Кроме того, слабая институционализация процессов трансляции культурной памяти приводит к усилению роли индивидуального опыта в понимании собственной идентичности: знание уступает место чувствованию, «староверию» как системе верований и традиций противопоставляется абстрактное «старовество».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федосеевцы принадлежат к старообрядцам беспоповского толка, приверженцев которого объединяет идея того, что в результате деятельности Никола благодать была «взята на небо», что привело к обмирщению всей церковной организации и, как результат, к профанации самого института духовенства.

² Из экспедиционного дневника А. Щербаковой (2008 г.): «Вообще, “апостольская” тема для староверов здесь очень важна, многие об этом говорят. Можно думать, что они в некотором смысле ассоциируют с апостолами и себя, исповедующих старую, правильную веру и гонимых».

ЛИТЕРАТУРА

1. Olick J.K., Robbins J. Social Memory Studies: From «Collective Memory» to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24.
2. Halbwachs M. *Les cadres sociaux de la mémoire*. Paris, 1925.
3. Conner-ton P. *How Societies Remember*. Cambridge, 1989.
4. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
5. Карагезов Р. *Метаморфозы коллективной памяти в России и на Центральном Кавказе*. Баку, 2005.
6. Sheffel D. *In the Shadow of Antichrist: The Old Believers of Alberta*. Broadview Press, 1991.
7. Фармаковский И., прот. О первоначальном появлении раскола в Вятской епархии // *Вятские епархиальные ведомости*. 1868. № 5–6.
8. Ветлужских В.А. Из истории старообрядчества на уржумской земле // *Уржумская старина*. Краеведческий альманах. 2004. Вып. 10.
9. Семибратов В.К. *Староверы федосеевцы Вятского края*. М., 2008.
10. Орлова О.О. «Никон взял ключи от царства Христова: и сам не входит, и людей не пускает»: образ врага в старообрядческих рассказах о патриархе Никоне // *О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв.* (к изучению биографического и религиозного нарратива). М., 2012.
11. Данилко Е.С. Конфессиональные символы как маркеры культуры у старообрядцев Урало-Поволжья // *Полевые исследования Института этнологии и антропологии*. 2007–2008. М., 2008.
12. «Народная Библия»: восточнославянские этиологические легенды. М., 2000.
13. Материалы к истории старообрядчества Южной Вятки (по итогам комплексных археографических экспедиций МГУ им. Ломоносова) : сб. докл. М., 2012.
14. Исэров А.А. Традиционная культура старообрядчества Южной Вятки в ее статике и динамике (по материалам полевых исследований Археографической лаборатории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 1999–2005 гг.) // *Традиционная книга и культура позднего русского Средневековья* : тр. Всерос. науч. конф. к 40-летию полевых археографических исследований Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, 27–28 октября 2006 г.) : в 2 ч. Ярославль, 2008. Ч. 2.
15. Богданов В.П. Объективные и субъективные факторы в жизни старообрядческих общин // *Судьба старообрядчества в конце XX – начале XXI в.* : история и современность. Киев-Винница, 2011.
16. Градобойнова Е.В. Конфликт как сущностная характеристика старообрядческой среды // *Традиционная книга и культура позднего русского Средневековья* : тр. Всерос. науч. конф. к 40-летию полевых археографических исследований Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, 27–28 октября 2006 г.) : в 2 ч. Ярославль, 2008. Ч. 2. С. 237–255.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 октября 2015 г.

THE OLD-BELIEVER TRADITION IN TERMS OF MEMORY STUDIES

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 129–136. DOI: 10.17223/15617793/405/17

Soldatov Anton A. Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: saintechnic@gmail.com

Keywords: Old Believers; tradition; identity; collective memory.

The concept of collective (social) memory is being used in social sciences to expose the link between the past of the group and its identity. It was developed in 1950 in the works of the French sociologist Maurice Halbwachs and further investigated by P. Conner-ton, J. Assmann, A. Assmann, P. Nora and others. The Canadian anthropologist D. Sheffel has demonstrated the potential of this methodological approach in examining the frameworks of identity of the Old Believer community. He emphasised the distribution of commemorative functions between the written and oral tradition that allows the Old Believer community to be flexible to the changes without jeopardizing the basic elements of the tradition. The current paper aims to integrate the various techniques of memory studies to question the state of identity of the bezpopovtsi (without-priest) Old Believers in the South Viatka region. First, the author approaches the structure of the old believers' collective memory, organized around the Shizm (Raskol) as the triggering event of the

process of delimitation of the Old Believers and the major “figure of memory” (the term developed by J. Assmann). Following the Russian anthropologist R. Karagezov, the author adopts the notion of pattern as a dynamic form of collective memory which inscribes the figures of memory in the actual cognitive frame of individuals, establishing the link between the past and the present of the community, the “cultural” (distant) memory and the “communicative” (recent) memory. The main patterns of the Old Believer collective memory represented in the sacred texts or in the polemical writings referring to the former are those of the “last times” (predicted in the Bible), the “profanation of priesthood”, the “non-interaction with infidels”, the “persecutions”, the “eternal sinfulness and penitence”. The patterns are thus ruling the adaptation strategies of the community, providing its members with the instruments of treating the social reality. The absence of stable structures charged to transmit the figures of cultural memory (the clergy) is instrumental in the active forgetting of tradition. The recent past shapes the process of remembering, rearranging the self-concept of the community. The local tradition becomes justified by the authority of the forefathers, even if it they altered the rites bound to be kept intact.

REFERENCES

1. Olick, J.K. & Robbins, J. (1998) Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices. *Annual Review of Sociology*. 24.
2. Halbwachs, M. (1925) *Les cadres sociaux de la mémoire*. Paris.
3. Connerton, P. (1989) *How Societies Remember*. Cambridge.
4. Assman, Ya. (2004) *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Culture memory: Letter, the memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
5. Karagezov, R. (2005) *Metamorfozy kollektivnoy pamyati v Rossii i na Tsentral'nom Kavkaze* [Metamorphoses of collective memory in Russia and in the Central Caucasus]. Baku: Nurlan.
6. Sheffel, D. (1991) *In the Shadow of Antichrist: The Old Believers of Alberta*. Broadview Press.
7. Farmakovskiy, I. (1868) O pervonachal'nom poyavlenii raskola v Vyatskoy eparkhii [On the initial split in the Vyatka diocese]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 5–6.
8. Vetluzhskikh, V.A. (2004) Iz istorii staroobryadchestva na urzhumskoy zemle [From the history of Old Believers in the Urzhum land]. *Urzhumskaya starina. Kraevedcheskiy al'manakh*. 10.
9. Semibratov, V.K. (2006) *Starovery fedoseevtsy Vyatskogo kraya* [The Fedoseevtsy Old Believers of the Vyatka region]. Moscow: Arkheodoksiya.
10. Orlova, O.O. (2012) “Nikon vzyal klyuchi ot tsarstva Khristova: i sam ne vkhodit, i lyudey ne puskaet”: obraz vraga v staroobryadcheskikh rasskazakh o patriarkhe Nikone [“Nikon has taken the keys of the kingdom of Christ: he will not enter himself, and will not let people in”: the image of the enemy in the stories of the Old Believers about Patriarch Nikon]. In: Smilyanskaya, E.B. (ed.) *O svoey zemle, svoey vere, nastoyashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv. (k izucheniyu biograficheskogo i religioznogo narrativa)* [On own land, faith, present and past in Russia of the 20th and 21st centuries (The study of the biographical and religious narrative)]. Moscow: Indrik.
11. Danilko, E.S. (2011) Konfessional'nye simvoly kak markery kul'tury u staroobryadtsev Uralo-Povolzh'ya [Faith symbols as cultural markers in the Ural-Volga Old Believers]. In: Sokolova, Z.P. (ed.) *Polevye issledovaniya Instituta etnologii i antropologii. 2007–2008* [Field research of the Institute of Ethnology and Anthropology. 2007–2008]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAS.
12. Belova, O.V. (2004) “Narodnaya Bibliya”: vostochnoslavyanskije etnologicheskie legendy [“Folk Bible”: East Slavic etiological legends]. Moscow: Indrik.
13. Bogdanov, V.P. (ed.) (2012) *Materialy k istorii staroobryadchestva Yuzhnoy Vyatki (po itogam kompleksnykh arkhograficheskikh ekspeditsiy MGU im. Lomonosova)* [Materials for the history of the Old Believers in South Vyatka (according to the results of complex archaeological expeditions of Lomonosov Moscow State University)]. Moscow: MAKS Press.
14. Iserov, A.A. (2008) [The traditional culture of the Old Believers in South Vyatka in its static and dynamic nature (based on field research of the Faculty of History Archaeography Laboratory of Lomonosov Moscow State University in 1999–2005)]. *Traditsionnaya kniga i kul'tura pozdnego russkogo Srednevekov'ya* [The traditional book and the culture of the late Russian Middle Ages]. Proceedings of the academic conference to the 40th anniversary of the field archaeological research of Lomonosov Moscow State University. Moscow, 27–28 October 2006. Pt. 2. Yaroslavl. (In Russian).
15. Bogdanov, V.P. (2011) Ob'ektivnye i sub'ektivnye faktory v zhizni staroobryadcheskikh obshchin [Objective and subjective factors in the life of the Old Believer communities]. In: Boryak, G.V. et al. (eds) *Sud'ba staroobryadchestva v kontse XX – nachale XXI v.: istoriya i sovremennost'* [The fate of the Old Believers in the end of the 20th – beginning of the 21st centuries: History and Modernity]. Kiev; Vinnitsa: Vipol.
16. Gradoboynova, E.V. (2008) [Conflict as an essential feature of the Old Believer environment]. *Traditsionnaya kniga i kul'tura pozdnego russkogo Srednevekov'ya* [The traditional book and the culture of the late Russian Middle Ages]. Proceedings of the academic conference to the 40th anniversary of the field archaeological research of Lomonosov Moscow State University. Moscow, 27–28 October 2006. Pt. 2. Yaroslavl. pp. 237–255. (In Russian).

Received: 15 October 2015

ЛИКВИДАЦИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ РАДИАЦИОННЫХ АВАРИЙ НА УРАЛЕ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ИХ УЧАСТНИКОВ

Статья посвящена одной из малоизвестных и драматических страниц истории отечественного атомного проекта – участникам ликвидации последствий радиационных аварий и инцидентов на первых промышленных ядерных объектах Урала, в частности на химкомбинате «Маяк». Документальную основу публикации составили письма-обращения военнослужащих строителей, производителей, принимавших участие в ликвидации последствий радиационных инцидентов на реке Теча и озере Карачай, Кыштымской ядерной аварии.

Ключевые слова: атомный проект; радиационные аварии; химкомбинат «Маяк»; письма пострадавших; социальная защита пострадавших от радиации.

На протяжении последних 70 лет история России неразрывно связана с освоением и стремительным развитием ядерных технологий, созданием мощной отечественной атомной индустрии.

По историческим меркам – период непродолжительный, но путь, который прошла наша страна, создавая эту наукоемкую и высокотехнологичную отрасль, был непростым, полным побед и ошибок, достижений и трагических событий, аварий и инцидентов.

При этом большинство радиационных происшествий случилось на начальном этапе реализации отечественного атомного проекта, когда в короткие сроки, в условиях строжайшей секретности необходимо было освоить сложное и крайне опасное производство, получить ядерное оружие. На атомных предприятиях Урала, особенно, на химкомбинате «Маяк» – первенце атомной промышленности страны, из-за несовершенства технологических процессов, невероятной спешки, ошибок ученых, конструкторов и производственного персонала произошли в этот период крупные радиационные аварии и инциденты.

Следует отметить, что все они в той или иной мере были связаны с нерешенностью проблемы обращения с радиоактивными отходами. Попытки специалистов найти эффективные способы обезвредить их, сделать безопасными для всего живого не привели к желаемым результатам. Поэтому после ввода в эксплуатацию в 1948 г. реакторного, радиохимического и других важнейших производств химкомбината «Маяк» было принято вынужденное решение о сбросе жидких радиоактивных отходов (ЖРО) в открытые водоемы.

В итоге с 1948 по 1956 г. в небольшую реку Теча сброшено ЖРО суммарной активностью около 2,7 млн кюри, а в озеро Карачай – более 100 млн кюри. Таким образом, создалась серьезная угроза для жизни и здоровья жителей населенных пунктов, расположенных в бассейне огромной речной системы Теча – Исеть – Тобол – Обь, вплоть до Карского моря.

Только через три года после сбросов ЖРО в водоемы начались конкретные мероприятия по радиационной защите населения, проживающего на загрязненных радионуклидами прибрежных территориях. С этой целью на строительство плотин, дамб, водопроводов, шахтных и артезианских колодцев, эвакуацию людей были направлены значительные контингенты военных, строителей, специалистов. Им пришлось

трудиться в крайне сложных и необычных условиях повышенного радиационного фона. В сущности, это был первый опыт проведения крупномасштабных работ по защите населения и природной среды от радиационного воздействия как в нашей стране, так и в мире.

Следующая радиационная авария на химкомбинате «Маяк» произошла 29 сентября 1957 г., когда взорвалась емкость, в которой хранилось 70–80 т ЖРО с радиоактивностью в 20 млн кюри. В результате этой крупнейшей аварии, получившей название «Кыштымская ядерная катастрофа», радиоактивному загрязнению подверглись более 20 тыс. кв. км территории Челябинской, Свердловской, Курганской и Тюменской областей.

Из 20 млн кюри радиоактивности, находившейся в емкости, 18 млн кюри было разбросано на промышленной площадке, т.е. на территории химкомбината «Маяк». Радиоактивное облако, состоящее из радиоактивной пыли и капель раствора, накрыло многие промышленные объекты, дороги, военные городки.

Все это потребовало принятия экстренных мер по ограничению облучения населения и производственного персонала, переселению жителей близлежащих населенных пунктов, созданию санитарно-защитной зоны, реабилитации пострадавших от радиации земель.

На ликвидацию последствий радиационной аварии были направлены кроме производственного персонала химкомбината «Маяк» тысячи военных строителей, а также вольнонаемных, которые самоотверженно трудились в сложнейших условиях, нередко не обращая внимания на опасность радиоактивного воздействия, рискуя собственным здоровьем.

В результате многие из них получили значительные дозы облучения, которые впоследствии привели к различным хроническим заболеваниям. Положение усугублялось еще и тем, что с ликвидаторов радиационных аварий брали подписку о неразглашении государственной тайны. Поэтому все они хранили молчание, так как в противном случае им грозило уголовное наказание.

В то же время рассчитывать на социальную поддержку со стороны государства, какие-либо льготы длительное время не представлялось возможным по ряду причин.

Происходило это потому, что государством не были законодательно решены вопросы присвоения статуса ликвидаторов, социальной защиты граждан, под-

вергшихся воздействию радиации вследствие аварии 1957 г. и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча.

Надо отметить, что с начала реализации атомного проекта и вплоть до 1990-х гг. из всех ядерных держав только Советский Союз не имел ни одного правового акта, регламентирующего вопросы обеспечения радиационной безопасности граждан, социальной защиты и реабилитации пострадавшего от радиации населения. Принимаемые ранее нормативно-правовые документы регламентировали лишь некоторые санитарно-гигиенические, технические аспекты, которые касались производственного персонала атомных объектов и, соответственно, не могли обеспечить в полной мере правовую защиту всех граждан, подвергшихся радиационному воздействию [1].

Ситуация стала меняться в лучшую сторону только в начале 1990-х гг., после принятия ряда правовых, нормативных и законодательных документов, в соответствии с которыми государство признало свою ответственность перед гражданами за последствия катастроф, затронувших судьбы многих людей, и причиненный ущерб.

В частности, были приняты федеральные законы, устанавливающие категории населения, пострадавшего от радиации в определенных регионах РФ, и предоставляющие соответствующие ущербу социальные гарантии. В их числе три основополагающих закона: «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (1991); «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 г. на производственном объединении “Маяк” и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча» (1993); «О социальной защите граждан, подвергшихся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне» (1995).

В 1993 г. был подписан еще один важный документ – Постановление Совета Министров РФ № 253, устанавливающий предоставление компенсаций и льгот лицам, получившим или перенесшим лучевую болезнь либо ставшим инвалидами вследствие радиационных аварий и их последствий на других атомных объектах (кроме Чернобыльской АЭС) гражданского или военного назначения и некоторым другим категориям [2. С. 180].

Кроме этого, на государственном уровне разрабатываются и реализуются государственные программы по радиационной реабилитации пострадавших регионов и оказанию социально-экономической, психологической, медицинской помощи подвергшимся воздействию радиации гражданам [3. С. 102].

Безусловно, для участников ликвидации последствий радиационных инцидентов на реке Теча и Кыштымской аварии исключительно важное значение имело принятие вышеуказанных правовых и программных документов, и прежде всего, адресного закона, нормами которого был определен статус пострадавших от радиации граждан, а также факт проживания в населенных пунктах [2. С. 180].

Вместе с тем для получения удостоверения участника ликвидации последствий радиационных аварий

принятых нормативно-правовых актов оказалось недостаточно, требовалось дополнительное документальное подтверждение от предприятия, т.е. химкомбината «Маяк» или строительной организации.

Однако из-за секретности в трудовых книжках военнослужащих и строителей «одной строкой» указывалось только название воинской части, номер строительномонтажного управления, почтового ящика либо «участок строительства МВД» [4. Л. 3; 5. Л. 1; 6. Л. 7].

Поэтому начиная с 1993 г. в адрес дирекции и кадровых служб химкомбината «Маяк», Южно-Уральского управления строительства, Администрации Челябинской области направлялись письма-обращения с просьбой о подтверждении статуса ликвидатора от тех, кто трудился на строительстве различных атомных объектов на Урале в конце 1940-х – начале 1950-х гг., а также принимал активное участие в ликвидации последствий радиационных аварий и пострадал в результате воздействия радиации.

На сегодняшний день более двухсот обращений, получивших название «письма пострадавших», хранятся в Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО) и представляют собой ценный исторический источник, позволяющий более глубоко и всесторонне проанализировать социальные аспекты ликвидации последствий радиационных аварий, длительное время скрытых за завесой секретности.

Эти письма имеют особую информационно-историческую значимость, поскольку содержат сведения об условиях работы и быта участников атомной эпопеи. Они позволяют более полно воссоздать события того времени, связанные с работами по реабилитации загрязненных радионуклидами территорий, объектов ядерно-промышленного комплекса, какими их видели непосредственные участники. С другой стороны, за строками обращений – судьбы многих людей. По словам одного из военнослужащих, это «целая эпоха» [4. Л. 4].

Как отмечают авторы писем, с самого начала реализации атомного проекта на строительных площадках работы велись одновременно по разным направлениям: возведение промышленных объектов, строительство тоннелей, мостов, дамб, водоканалов и сооружений, включая работы на озере Карачай; реконструкция плотин на реке Теча.

При этом на строительных площадках трудились прибывшие из различных уголков Советского Союза рабочие и инженеры, солдаты и офицеры, обычные труженики и руководители. Но все они были «рядовыми» в выполнении поставленных задач, работали в равных условиях.

Вот что вспоминает о своей работе полковник в отставке В.А. Уральский: «По прибытии в Челябинск-40 приказом начальника 247-го Управления строительства я был назначен на должность производителя работ. Наш участок выполнял строительномонтажные работы по возведению тоннеля между объектом “25” (старый радиохимический завод. – *Авт.*) и зданием “Дублер-Б” (новый радиохимический завод. – *Авт.*). Затем работал в должности прораба на разных объектах с 1958 до 1965 г. на зараженной территории. По-

сле получения максимально допустимой дозы облучения в 25 рентген был переведен на другую работу» [7. Л. 1–2].

Ликвидатор последствий Кыштымской катастрофы К.Н. Федченко в период с 1947 по 1960 г. служил в военно-строительных частях командиром батальона, а затем полка. После аварии 1957 г. работал на строительстве санпропускников, руководил строительномонтажным управлением, которое весной 1958 г. осуществляло ликвидационные работы на промплощадке и новом радиохимическом заводе [5. Л. 1].

Главный инженер Б.Ф. Сотиков после окончания Уральского политехнического института в 1960 г. по спецнабору прибыл в Челябинск-40. Работал в должности мастера, прораба на строительномонтажных работах промзоны, дезактивации территории, ликвидации последствий аварии 1957 г. После ухудшения состояния здоровья в 1962 г. был переведен на работу в г. Степногорск [8. Л. 1].

Военнослужащий, прибывший из Московской области, Ю.Е. Лисин служил в воинской части, занимающейся строительством водоканалов, мостов, деревянных домов в поселке Ворошилова, расположенном недалеко от химкомбината «Маяк». В период службы был избран депутатом городского Совета. После аварии 1957 г. принимал непосредственное участие в эвакуации населения из пострадавших от радиации деревень, а также мероприятиях по уничтожению зараженных продуктов питания, имущества, скота и домашних животных. Об опасности радиоактивного воздействия он писал следующее: «О себе мы в то время ничего не думали. Ведь степень зараженности мог определить только дозиметр, но мы на это не обращали внимание. При входе в казарму стоял дозиметр, и если он звенел, приходилось по несколько раз чистить сапоги. В результате я стал инвалидом второй группы» [9. Л. 1–2].

Условия труда, по воспоминаниям ликвидаторов радиационных аварий, были очень тяжелыми.

Особенно это касалось строительства и реконструкции плотин, дамб и сооружений на реке Теча и озере Карачай.

С одной стороны, это была работа в зоне постоянного риска радиоактивного заражения, а с другой – режим секретности, отсутствие сведений о радиационной обстановке, пренебрежение техникой безопасности, вопросы обеспечения радиационной защиты.

Вот как охарактеризовал организацию работ на озере Карачай машинист экскаватора В.И. Гладышев, который в составе группы выпускников горнопромышленного училища (10 чел.) в 1958 г. приехал в Челябинск-40 на работу: «Объект, где мы работали, – район № 12 находился за рекой Теча, рядом с озером Карачай, “грязным”, как его называли. Озеро зимой не замерзало, только очень парило. Начальство появлялось редко. Когда мы по совету приезжавших на кратковременные работы солдат потребовали дозиметры, нас перестали возить на этот объект. На мой взгляд, это преступление со стороны руководителей, которые посылали нас в таком возрасте на опасные объекты. На озере Карачай, “звеневшем от радиации”,

работали 18–19-летние машинисты экскаваторов. Дозиметры нам не выдавали, никакой официальной информации относительно опасности радиоактивного заражения не было» [10. Л. 1].

Еще одно воспоминание военнотружущего, работавшего на строительстве дамбы на реке Теча и озере Карачай в период 1951–1957 гг., И.П. Толпегина: «Когда мы работали, нас никто не предупреждал, что здесь вредно. Мы ничего не знали. В те годы техника безопасности не соблюдалась, работали по 8 часов в день, да еще и купались в горячей воде озера Карачай» [4. Л. 3]. Об условиях работы и быта пишет и водитель самосвала, работавший в 1958–1961 гг. на строительстве дамбы: «Нас прикомандировали к стройбату. Жили все в одной временной казарме – механизаторы, бульдозеристы, рабочая сила. Вода и пища были привозными, отсутствовала возможность помыться в бане по полгода, летом в тридцатиградусную жару в машинах стояла радиационная пыль, а рядом озеро, в котором даже нельзя умыться... Маски и дозиметры давали, но при выезде мы их сдавали, результаты неизвестны. Иной раз приезжала комиссия, говорили о запрете собирать ягоды, пить воду, проверяли на радиацию и молча уезжали» [11. Л. 1–2].

Когда произошла Кыштымская авария 1957 г., не хватало опыта, специальной техники, даже обычных дозиметрических приборов, индивидуальных средств защиты [12. С. 182]. Это отмечает большинство авторов писем. Между тем, уровень радиации на промышленной площадке, прилегающих территориях был очень высок. В частности, по воспоминаниям солдата срочной службы Н.Г. Павлова, служившего в Челябинск-40 («п/я № 404»), а затем работавшего слесарем по ремонту паровозов, после произошедшей Кыштымской аварии на станции «Озеро» поставили железнодорожные габаритные ворота с сигнальными датчиками для проверки радиационного фона вагонов. «Были дни, – пишет он, – когда приборы загорались красным цветом, показывая высокий уровень радиации, а составов не было, это происходило при ветре» [13. Л. 1].

Для участников ликвидации последствий аварии разработали и установили специальные нормы и правила. В соответствии с ними определили максимально допустимую дозу облучения 25 рентген [12. С. 183].

Однако выполнение ликвидационных мероприятий нередко проводилось с нарушением установленных норм медицинского и специального дозиметрического контроля.

Это подтверждают и участники данных событий в своих письмах-обращениях. Солдат срочной службы М.П. Кожухов, в 1955 г. призванный в армию из Азербайджана, работал трактористом на строительстве плотины Аргаяшской ТЭЦ, затем принимал участие в ликвидационных мероприятиях аварии 1957 г. В своих воспоминаниях он пишет о том, что, работая на ликвидации последствий Кыштымской аварии, ему ежедневно приходилось проезжать зону заражения длиной 16 км, но «никому до этого не было дела». Далее Кожухов отмечает, что, несмотря на проводимый дозиметрический контроль, показывающий уро-

вень загрязненности радиоактивными веществами одежды военнослужащих, казарменных помещений значительно выше допустимых нормативов, каких-либо решений руководством не принималось» [14. Л. 4].

Все это приводило к переоблучению многих участников ликвидационно-восстановительных работ, большой сменяемости их состава. В целом в период ликвидации последствий Кыштымской аварии 1957 г. более 30 тысяч человек, в числе которых были персонал химкомбината «Маяк», военнослужащие, строители получили дозу радиационного воздействия, значительно превышающую 25 бэр [12. С. 184]. Для многих участников атомный проект стал проектом, оплаченным самой дорогой ценой – здоровьем. Но каждый из них выполнил свой долг перед Родиной, свои обязанности с максимальной эффективностью [15. С. 3]. Несмотря на то что при ликвидации последствий радиационных аварий было допущено немало просчетов и ошибок, поражает высокая организованность и исполнительская дисциплина всех участников этой поистине героической и драматической эпопеи, их морально-нравственные качества, высокая ответственность за порученное дело [16. С. 17].

В целом сложившуюся ситуацию и моральный настрой кратко и точно охарактеризовал автор одного из писем-обращений, инженер-геодезист А.Ф. Швецов, участвовавший в 1957–1960 гг. в работах по установлению границы зоны загрязнения на местности после аварии: «Дозиметров не было, одежду никто не проверял, время рабочего дня было не ограничено, да и никто об этом не задумывался – было нужно, мы и делали» [17. Л. 1–2].

Эти слова являются своего рода показателем нравственного потенциала общества того времени, который сыграл далеко не последнюю роль в успешной реализации атомного проекта. Письма участников ликвидации последствий радиационных аварий на уральских атомных объектах, их обращения о помощи к органам власти лишней раз свидетельствуют о безграничном терпении, стойкости наших людей, а с другой стороны – об огромной цене, которую заплатил народ за создание ядерного щита страны. В успешной реализации важнейшей для СССР ядерной программы огромная заслуга принадлежит всем принявшим в ней участие – рядовым рабочим и строителям, руководителям, ученым, отдавшим свои силы, знания, умение и опыт для решения сложнейших задач, поставленных государством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маргулис У.Я. Радиационная безопасность. Принципы и средства ее обеспечения. М.: ИНФРА-М, 2000. 312 с.
2. Челябинская область: ликвидация последствий радиационных аварий / под общ. ред. проф. А.В. Аклеева. Челябинск: Юж.-Урал. книж. изд-во, 2006. 344 с.
3. Аклеев А.В., Гриценко В.П., Марченко Т.А. Социально-психологические последствия аварийного облучения населения Уральского региона. М.: РАДЭКОН, 2008. 351 с.
4. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 201. Д. 6.
5. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 204. Д. 16.
6. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 204. Д. 7.
7. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 201. Д. 5.
8. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 204. Д. 22.
9. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 201. Д. 4.
10. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 204. Д. 18.
11. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 201. Д. 1.
12. Толстиков В.С. Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале (1945–1998 гг.). Челябинск, 1998. 301 с.
13. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 204. Д. 23.
14. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 201. Д. 3.
15. Дьяченко А.А. Опаленные в борьбе при создании ядерного щита Родины / под общ. ред. В.Н. Михайлова. М.: Полиграф-Сервис, 2008. 596 с.
16. Морозов Ю.Г. Опыт преодоления последствий аварии 1957 г. на ПО «Маяк» // Опыт минимизации последствий аварии 1957 г.: материалы междунар. конф., 2–3 окт. 2012 г., г. Челябинск. Челябинск: Типогр. ООО «Энерготехника», 2012. С. 15–17.
17. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 204. Д. 13.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 января 2016 г.

ELIMINATION OF THE CONSEQUENCES OF RADIATION ACCIDENTS IN THE URALS IN THE MEMORIES OF THEIR PARTICIPANTS

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 137–141. DOI: 10.17223/15617793/405/18

Tolstikov Vitaly S. Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: kaf-ist@chgaki.ru

Bochkareva Irina A. South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: bochkareva_1969@mail.ru

Keywords: Atomic Project; radiation accidents; chemical plant “Mayak”; letters of victims; social protection affected by radiation.

Implementation of the atomic project in the USSR is considered as one of the greatest events of Russian history. The path that our country took by creating high-tech nuclear industry was difficult, full of victories and errors, achievements and tragic events of accidents and incidents. Radiation incidents that occurred at nuclear facilities due to imperfect technology, not properly studied issues of radiation safety, combined with a rigid target of creation of nuclear weapons in a short time led to a significant radiation exposure of the personnel, the public, to the radioactive contamination of the environment, especially in the early years of the project. So, as a result of a major accident in 1957, the Kyshtym Nuclear Disaster, more than 20 thousand sq. km of Chelyabinsk, Sverdlovsk, Kurgan and Tyumen regions were contaminated with radioactive waste. In order to eliminate the effects of radiological incidents and accidents it was required to implement urgent measures to limit the exposure of the population and the production staff, to relocate nearby settlements, to rehabilitate land affected by radiation. The liquidation activities, along with the production staff of the chemi-

cal plant “Mayak”, involved thousands of workers and engineers, soldiers and officers, military and civilian construction workers who worked selflessly in difficult conditions, irrespective of the danger of radioactive exposure, risk to their own health. As a result, many of them received substantial doses of radiation, which subsequently led to various chronic diseases caused by radiation. At the same time, to get social support from the state, benefits were needed to confirm the status of the liquidator from the company, i.e., from the chemical plant “Mayak”, or from a construction company. Therefore, numerous letters from those who worked on the construction of various nuclear facilities in the Urals in the 1940s–1950s were sent to the personnel departments of these organizations requesting confirmation of the status of the liquidator. These people also participated in the liquidation of the consequences of radiation accidents, and they suffered as a result of exposure to radiation. To date, more than two hundred complaints, called “letters of the victims”, are stored in the United State Archive of Chelyabinsk Region. Due to the fact that social aspects of the radiation accident long hidden behind a veil of secrecy are still poorly understood, these letters have special information and historical significance. They contain information about the conditions of work and life of the participants of the nuclear saga, and allow to more fully reconstruct the events of that time according to witnesses. On the other hand, these letters show the fate of many people for whom the atomic project was the project paid by the highest price – health. These letters made the documentary basis for the publication.

REFERENCES

1. Margulis, U.Ya. (2000) *Radiatsionnaya bezopasnost'. Printsipy i sredstva ee obespecheniya* [Radiation safety. Principles and means of support]. Moscow: INFRA-M.
2. Akleev, A.V. (ed.) (2006) *Chelyabinskaya oblast': likvidatsiya posledstviy radiatsionnykh avariyy* [Chelyabinsk Oblast: the elimination of the consequences of radiation accidents]. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. knizh. Izd-vo.
3. Akleev, A.V., Gritsenko, V.P. & Marchenko, T.A. (2008) *Sotsial'no-psikhologicheskie posledstviya avariynogo oblucheniya naseleniya Ural'skogo regiona* [The social and psychological consequences of accidental radiation exposure of the population of the Ural region]. Moscow: RADEKON.
4. Joint State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-288. List 201. File 6. (In Russian).
5. Joint State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-288. List 204. File 16. (In Russian).
6. Joint State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-288. List 204. File 7. (In Russian).
7. Joint State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-288. List 201. File 5. (In Russian).
8. Joint State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-288. List 204. File 22. (In Russian).
9. Joint State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-288. List 201. File 4. (In Russian).
10. Joint State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-288. List 204. File 18. (In Russian).
11. Joint State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-288. List 201. File 1. (In Russian).
12. Tolstikov, V.S. (1998) *Sotsial'no-ekologicheskie posledstviya razvitiya atomnoy promyshlennosti na Urale (1945–1998 gg.)* [The social and environmental consequences of the nuclear industry development in the Urals (1945–1998)]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Institute of Arts and Culture.
13. Joint State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-288. List 204. File 23. (In Russian).
14. Joint State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-288. List 201. File 3. (In Russian).
15. D'yachenko, A.A. (2008) *Opalennye v bor'be pri sozdanii yadernogo shchita Rodiny* [Blasted in the struggle to create a nuclear shield of the Homeland]. Moscow: Poligraf-Servis.
16. Morozov, Yu.G. (2012) [The experience of overcoming the consequences of the accident in 1957 at the Mayak plant]. *Opyt minimizatsii posledstviy avarii 1957 g.* [Experience of minimizing the consequences of the accident in 1957]. Proceedings of the international conference. 2–3 October 2012. Chelyabinsk. Chelyabinsk: Energotekhnika. pp. 15–17. (In Russian).
17. Joint State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-288. List 204. File 13. (In Russian).

Received: 18 January 2016

ГОРОДСКОЕ ПАРИКМАХЕРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ НОВОСИБИРСКА, КЕМЕРОВО, ТОМСКА)

Рассматриваются основные проблемы парикмахерского хозяйства в городах Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется вопросам количества и качества работы парикмахерских. Приводятся данные о стоимости парикмахерских услуг в условиях военного времени. Отмечается, что негативные изменения, происходившие в парикмахерском хозяйстве, главным образом были обусловлены военным временем. На примерах Новосибирска, Кемерово и Томска выявлены тенденции, характерные для функционирования парикмахерских городов региона в целом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Западная Сибирь; парикмахерское хозяйство.

Великая Отечественная война внесла в жизнь горожан Западной Сибири немало трудностей. Колоссальный поток эвакуированных граждан, скученность, обусловленная перенаселением, нехватка жилых площадей способствовали эпидемиологическому неблагополучию в регионе. В этих условиях значительную роль в создании благоприятной эпидемиологической обстановки в городах Западной Сибири в военное время должны были сыграть предприятия банно-прачечного и парикмахерского хозяйства.

Между тем, работа парикмахерских в регионе оставляла желать лучшего, а сама сеть их была недостаточна для обслуживания граждан. В парикмахерских зачастую для бритья пользовались не горячей, а холодной водой, использовали грязное белье. Типичным для работы парикмахерских в военное время было отсутствие мыла, парфюмерии и салфеток, грязь.

Из краткого обзора работы коммунальных предприятий Новосибирской области за 1942 г. следовало, что количество парикмахерских по области было 138 с количеством кресел в них 577, в том числе: в Новосибирске – 38, Кемерово, Прокопьевске – по 15, Сталинске – 13, Киселевске – 8, Томске, Ленинск-Кузнецком, Анжеро-Судженске – по 7, Барабинске, Белово – по 5, Тайге – 4, Колпашево – 3, Татарске, Мариинске – по 2, Куйбышево – 1. В Осинниках и Гурьевске парикмахерских не было [1. Л. 6].

За 1942 г. было обслужено посетителей в Новосибирске 2 205,7 тыс. чел., Кемерово – 666,3 тыс. чел., Мариинске 41,6 тыс. чел., Прокопьевске 435,8 тыс. чел., Сталинске – 612,7 тыс. чел., Тайге – 65,5 тыс. чел., Томске – 345,7 тыс. чел. Всего по Новосибирской области за год парикмахерские обслужили 5 413,5 тыс. чел. [Там же. Л. 21].

Помимо коммунальных парикмахерских, свои парикмахерские имелись на многих предприятиях. В справке горкома ВКП(б) в конце 1943 г. говорилось: «На большинстве предприятий работают парикмахерские, но не везде они выглядят культурно, так, на заводе № 690 имеется парикмахерская – грязная, неуютная, причем при входе несет зловонием из бочки с водой, предназначенной для противопожарных целей. Парикмахерская карандашной фабрики не работает из-за отсутствия мастера. На пристани ЗапСибгоспорохводства в парикмахерской работает только один мастер, в комнате очень тесно, для ожидающих людей

нет стульев и вешалки, наблюдается большая очередь» [2. Л. 20]. На территории фабрики «Красная Звезда» также находилась парикмахерская с мужским мастером, который работал один раз в неделю. Имелась и маникюрша для проверки личной гигиены рабочих (ногти) [Там же. Л. 83].

В 1943 г. в целом по Новосибирской области количество парикмахерских изменилось и составило 66. Это связано с тем, что из состава Новосибирской области выделилась Кемеровская область. В разрезе городов количество парикмахерских осталось практически неизменным. Увеличение произошло в Томске: в городе насчитывалось теперь 14 парикмахерских [1. Л. 39].

**Выполнение плана парикмахерскими
Новосибирской области за первое полугодие 1943 г.
[1. Л. 41]**

Город	Обслуживание клиентов, тыс. чел.		
	план	фактически	% выполнения
Новосибирск	1 140	1 091,7	95,7
Барабинск	51,6	33	63,9
Куйбышево	35	38	108,5
Колпашево	47	47,3	100,6
Татарск	40	40,5	101,2
Томск	202	150	74,2
Черепаново	28,9	25,5	88,2
Итого	1 544,5	1426	92,3

Из таблицы видно, что перевыполнение плана наблюдалось в Куйбышево, Татарске и Колпашево, в остальных городах области план выполнен не был. В целом же за год невыполнение плана парикмахерскими Новосибирской области составило 19,4%, что было вызвано недостатком мастеров-парикмахеров, отсутствием парфюмерии, мыла и других материалов, недостаточным количеством белья вследствие его износа и отсутствием пополнения новым [1. Л. 33].

В январе 1943 г. на закрытом партийном собрании первичной партийной организации томского Горкомхоза говорилось, что многие люди приходят в парикмахерскую для того, чтобы погреться и покурить. Это также создавало очереди. Было решено пересмотреть график работы парикмахерских; открыть парикмахерские точки к 1 февраля 1943 г. в помещениях госуниверситета, администрации, электростанции и бывшего 355-го завода, организовать точку в Кировском районе [3. Л. 2–3].

В решении Кемеровского горисполкома от 30 ноября 1943 г. «О работе парикмахерских» отмечалась «неудовлетворительная» работа парикмахерских за 1943 г., так как вместо планируемых 23 парикмахерских было открыто 19, в основном при банях и учреждениях (открытых 5, при банях 8, при учреждениях 6). Вместо 72 кресел по плану имелось 62, а во вторых сменах вместо 43 кресел работало 31 кресло. Бельем парикмахерские были обеспечены на 26%, а халатами – на 14%, что снижало пропускную способность и создавало очереди в парикмахерских. В помещениях было неуютно, грязно, приборы были ветхими и не обновлялись, парфюмерия почти отсутствовала, обслуживающий персонал грубо обращался с клиентами. Среди работников наблюдалась низкая трудовая дисциплина [4. Л. 49].

В 1944 г. по Кемеровской области на конец года в ведении горкомхозов числилось всего 97 коммунальных парикмахерских с количеством мест 274: в Кемерове – 11, Сталинске – 17, Прокопьевске – 27, Ленинске – 9, Анжерке – 7, Киселевске – 10, Белове – 5, Мариинске – 2, Топках – 2, Тайге – 3, Гурьевске – 1, Осинниках – 3 [5. Л. 51]. Следует отметить, что за 1944 г. увеличилось число парикмахерских в Прокопьевске на 5 и составило 38. Новые точки были открыты при рабочих общежитиях приходящими парикмахерами [6. Л. 191].

За 1944 г. парикмахерскими Кемеровской области было обслужено 2 704,1 тыс. клиентов, что составило к утвержденному плану (2 950 тыс. чел.) 91,7%, но было больше фактического выполнения за 1943 г. (2 527,2 тыс. чел.) на 6,6%. Невыполнение плана 1944 г. объяснялось «неудовлетворительным санитарным состоянием парикмахерских» как следствие недостатка белья, значительной изношенности оставшегося, отсутствия парфюмерии, одеколona и химикалий для завивки волос, а в отдельных случаях отсутствия мыла. Нередко парикмахеры работали на мыле, приносимом клиентами. Фактически в парикмахерских трудились 667 чел. (по плану 841 чел.), т.е. обеспеченность персоналом составила 79%. Взамен капитального ремонта был произведен лишь текущий силами работников парикмахерских. На капитальный ремонт было израсходовано всего 6,6 тыс. руб. при плане 41,5 тыс. руб., или 15,9%. В течение года было подготовлено по области 132 мастеров-парикмахеров, 10 маникюриш [5. Л. 52].

В 1944 г. количество парикмахерских в городах Новосибирской области (до выхода из состава Новосибирской области Томской области) составило: в Новосибирске – 37 [7. Л. 23], Томске – 16, Барабинске, Колпашеве – 4, Черепанове – 3, Татарске – 2, Куйбышеве, Купине, Болотном – по 1. Парикмахерские области выполнили план первого полугодия 1944 г. по оказанию услуг населению на 91,2%. Наилучшую работу в этом полугодии показали парикмахерские Томска, которые в целом по городу имели выполнение полугодического плана на 107%. За

работу в июне двум томским парикмахерским, № 6 и № 12, были присуждены областные денежные премии [8. Л. 71]. Поощрение парикмахерских и премирование их в годы войны было скорее исключением, чем правилом.

На конец 1944 г. ситуация по количеству парикмахерских в Новосибирской области изменилась, так как Томская область в ее состав больше не входила. Количество парикмахерских на конец 1944 г. по Новосибирской области (исключая Новосибирск) – 14: в Барабинске – 4, Болотном – 1, Купине – 1, Куйбышеве – 2, Татарске – 3, Черепанове – 3. Количество обслуженных посетителей: в Барабинске – 65 тыс. чел., Болотном – 4,9, Купине – 55,6, Куйбышеве – 54,4, Татарске – 66,0, Черепанове – 39,1 тыс. чел. [9. Л. 6].

Конечно, парикмахерские услуги необходимо было оплачивать. Например, в Томске в 1944 г., когда в городе имелось 18 парикмахерских, были утверждены тарифы на парикмахерские услуги. Так, в мужском зале можно было сделать прическу за 1,50–3,50 руб., а в женском зале цена варьировалась от 1,50 руб. (стрижка в кружок) до 40 руб. (завивка «перманент») [10. Л. 123]. Средний тариф за услугу: в Барабинске – 2,76 руб., Болотном – 3,08 руб., Купине – 1,54 руб., Куйбышеве – 3,96 руб., Татарске – 1,98 руб., Черепанове – 2,67 руб. [9. Л. 6].

Неудовлетворительная работа многих парикмахерских региона вызывала озабоченность партийных и советских органов. Однако оценка трудностей деятельности парикмахерского хозяйства носила неадекватный характер. Внимание акцентировалось не на анализе объективных причин тяжелого положения в хозяйстве, а на мерах административного нажима в отношении кадров. Так, на закрытом партсобрании 4 января 1944 г. за плохую работу парикмахерских № 1, 4, 20, 32 и 35 Новосибирска был исключен из партии и снят с должности управляющий Трестом банно-прачечного и парикмахерского хозяйства [11. Л. 1]. В протоколе № 1 закрытого партийного собрания первичной партийной организации томского Горкомхоза, говорилось, что были установлены факты «ненормальности работы парикмахерских из-за отсутствия мыла, парфюмерии и салфеток, а также нехорошего отношения к работе тов. Образцова, который не занимался парикмахерскими» [3. Л. 1]. Сказывалась обстановка военного времени, а также известная перестраховка партийных органов.

Таким образом, парикмахерское хозяйство региона в годы войны функционировало в крайне неблагоприятных условиях. Все усилия органов власти были сосредоточены на обеспечении бесперебойной работы оборонных предприятий. Средства на капитальный и текущий ремонт предприятий парикмахерского хозяйства практически не выделялись, финансирование было низким. Частые отключения света и воды, недостаток топлива и квалифицированных мастеров, дефицит инструментов и материалов дополняли картину деятельности парикмахерских. Получить качественное и своевременное обслуживание в них было трудно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р-1365. Оп. 1. Д. 24а.
2. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 80. Оп. 3. Д. 216.

3. ЦДНИ ТО. Ф. 1379. Оп. 3. Д. 12.
4. Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 17.
5. ГАКО. Ф. Р-277. Оп. 1. Д. 1.
6. ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 19.
7. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 13.
8. ГАНО. Ф. Р-1365. Оп. 1. Д. 30а.
9. ГАНО. Ф. Р-1365. Оп. 1. Д. 32.
10. Государственный архив Томской области. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 865.
11. ГАНО. Ф. П-874. Оп. 1. Д. 14.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 февраля 2016 г.

URBAN HAIRDRESSING COMPANIES IN WESTERN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BY THE EXAMPLE OF NOVOSIBIRSK, KEMEROVO, TOMSK)

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 142–144. DOI: 10.17223/15617793/405/19

Cheremnykh Olga A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olqga375@sibmail.com

Keywords: the Great Patriotic War; Western Siberia; hairdressing sector.

The Great Patriotic War added a lot of difficulties to urban living. A giant stream of evacuated people, overcrowding, lack of accommodation advanced an unfavorable epidemiological situation in the region. Under the circumstances, a significant role in the setting of a favorable epidemiological situation in the towns of West Siberia during the war time was to belong to bath and laundry services and hairdressing companies. Meanwhile, the service of hairdressing companies left much to be desired, it was not enough for customer care. Hairdressers often used not hot, but cold water, used foul linen. Lack of soap, perfumery products and towels, dirt was typical for a hairdressing salon in time of the War. Nevertheless, there were 138 hairdressing salons in Novosibirsk Oblast in 1942, where 5 million people were served. Many enterprises had their own hairdressing salons, alongside with municipal hairdressing salons. In 1943, the number of hairdressing salons remained unchanged in the cities of the region. During the year the plan to serve clients by hairdressing salons was overfulfilled only in Kuybyshevo, Tatarsk and Kolpashevo. Nonfulfillment of the plan was caused by lack of hairdressers, perfumery products, soap and other products, poor quantity of linen because of its wear-out and non-availability of replenishment. There were often waiting lines in hairdressing salons. The reason was not only the wish to be served, but also to get warm and to smoke in a hairdressing salon. The service of hairdressing salons in Kemerovo in 1943 was also unsatisfactory. The network of salons was insufficient, new salons were opened only by bath-houses and other institutions which were not provided with linen. Rooms were usually uncomfortable, dirty, equipment was shabby and was not renewed, perfumery products were lacking, the operating personnel was rude to clients. Workers often violated the labor discipline. In 1944, the situation with hairdressing in the cities and the quality of service did not change in a big way. Certainly, hairdressing services had to be paid for. For this purpose fees for hairdressing services were set. Therefore, hairdressing in the region during the War functioned under unfavorable conditions. All authorities heavily focused on the maintenance of defense enterprises in uninterrupted operation. Funds for major and minor repairs of hairdressing companies were not given, the funding was insufficient. Frequent power cutoff and water-off, lack of fuel and qualified specialists, lack of equipment and materials completed the picture of hairdressing. To obtain a good-quality and well-timed service in a hairdressing salon was complicated.

REFERENCES

1. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1365. List 1. File 24a. (In Russian).
2. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 216. (In Russian).
3. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1379. List 3. File 12. (In Russian).
4. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-18. List 5. File 17. (In Russian).
5. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-277. List 1. File 1. (In Russian).
6. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-790. List 1. File 19. (In Russian).
7. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-4. List 8. File 13. (In Russian).
8. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1365. List 1. File 30a. (In Russian).
9. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1365. List 1. File 32. (In Russian).
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-430. List 1. File 865. (In Russian).
11. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-874. List 1. File 14. (In Russian).

Received: 07 February 2016

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ: ДЕТЕРМИНАНТЫ НЕУЧАСТИЯ

Рассматривается современное состояние политического сознания молодежи в регионах юга Западной Сибири – Алтайского края и Республики Алтай. Политические ценности молодого поколения анализируются в контексте трансформации политической системы 90-х гг. XX в. в России. В то же время уделяется внимание социально-экономической специфике двух регионов. Влияние на политическое сознание молодежи дотационного характера экономики, неудовлетворенность работой политических институтов демонстрируют кризис институционального доверия и рост апатичности среди молодых людей.

Ключевые слова: политическое сознание молодежи; институциональная трансформация; Алтайский край; Республика Алтай.

Эффективность развития общества многими современными исследователями связывается с наличием устойчивых, понятных акторам «правил игры» или, согласно неинституционализму, институтов, понимаемых как совокупность правил, норм и санкций, образующих политические, социальные и юридические рамки взаимодействий между людьми. Исходя из этого, политические реформы в России в конце XX в. могут быть определены как институциональная трансформация, в ходе которой изменение формальных и неформальных норм детерминировало новый каркас политической системы и практики ее функционирования. При этом именно неформальные институты обеспечивают глубинную, стабилизирующую основу трансформации. Иными словами, эффективные кардинальные институциональные изменения происходят, как правило, медленно, вырастают в среде, с которой они непосредственно связаны, и в процессе развития сами трансформируют сообщество, являющееся средой для всех его институтов.

Россия все этапы модернизации проходила не как институциональное развитие (эволюционно), а как импорт (трансплантацию) формальных институтов. В этих условиях привнесенные институты воспринимаются как чужеродные, порождая не только различия в их интерпретации, но и радикальные сомнения в их значимости. Ключевую роль в этом случае начинает играть конгруэнтность смыслов импортированных институтов в стране-доноре и стране-реципиенте. Высокая степень конгруэнтности приводит к постепенной конвергенции; низкая – к дивергенции, которая может повлечь за собой отторжение импортированных институтов или их перерождение, когда возникают институциональные гибриды или импортированные институты становятся лишь «оболочкой», внутри которой функционируют неформальные, традиционные для общества-реципиента практики [1. С. 101]. Аналогичная ситуация возникла и при трансформации политической системы в России в 90-е гг. XX в., обусловив ее попадание в институциональную ловушку, выход из которой предполагает поиск путей повышения эффективности политической власти и формирования долгосрочных механизмов легитимации новых институтов.

В особенно сложных условиях оказалось молодое поколение, для которого институциональные инновации накладывались на трудности текущего процесса

социализации, а также на социальные, психологические и физиологические особенности данной возрастной группы, главными из которых, по мнению сторонников социально-психологического подхода (Г. Стэнли Холла, К. Грооса, Ш. Бюлера, А. Фрейда, В. Райха, Э. Фромма, Э. Эриксона и др.), являются увеличение активности и социальной мобильности, стремление к повышению социального статуса [2. С. 125].

В политической сфере это приводило к ситуации, когда, с одной стороны, новая политическая элита стремилась вовлечь молодежь в политический процесс в качестве акторов новых институтов, с другой стороны, государственная молодежная политика была недостаточно разработана, и молодое поколение зачастую превращалось в «инструмент» борьбы за власть, что существенным образом повлияло на его политическое сознание и уровень политического участия. Данная проблема особенно важна, поскольку именно молодежь является одной из тех социальных групп, которая служит фактором институциональных инноваций и развития общества.

В этой статье нами анализируются особенности и детерминанты политического сознания и установок на политическое участие современной российской молодежи на федеральном и региональном уровне, делается попытка оценить её потенциал в трансформации политических институтов.

В настоящее время вопрос степени включенности молодежи в политические процессы вызывает активные дискуссии. Многие авторы делают акцент на том, что молодежь является активным субъектом современных политических процессов и преобразований, и только отсутствие в России развитого гражданского общества, несовершенство деятельности и функционирования различных институтов политической системы мешают российской молодежи реализовать имеющийся у неё творческий потенциал в политической сфере [3. С. 54]. Например, И.Н. Кольжанова обращает внимание на такие положительные моменты в модернизирующейся России, как омоложение властных структур, проникновение молодежи в социально-активные группы предпринимателей, формирование новых образцов политической культуры, создание собственных молодежных организаций, выдвижение политических лидеров, структурирование молодежных политических элит [4. С. 92].

Другие исследователи считают, что молодёжь постсоветской России негативно настроена по отношению практически ко всем властным структурам, отрицательно воспринимает развитие политической ситуации в стране, не видит для себя возможности оказать влияние на политический процесс, поэтому граждански пассивна и аполитична. А. Антонов утверждает, что «часть той молодёжи, которая осознает существующие проблемы в стране и желает предложить пути выхода из сложившегося положения, очень мала. Даже такой простой способ влияния на политическое развитие, как выборы, использует крайне малое число молодых людей. Статистика неумолимо свидетельствует о резком падении числа именно молодых избирателей, что говорит и о соответствующем отношении к политике вообще» [5].

Западными авторами (Р. Инглхарт, Барнс, Каазе) данный спад политического участия объясняется как повышение уровня недоверия к власти и эмансипации от нее. Исследование, проведенное в рамках «World Values Survey» с 1980 по 2010 г., также указывает на две противоположные тенденции: с одной стороны, человек эмансипируется от традиционного участия в политике, с другой – резко расширяется масштаб противозэлитной активности [6. С. 139]. Методика «World Values Survey» в противозэлитную активность включает петиции, демонстрации, бойкоты, флеш-мобы, митинги, шествия и иные различные ненасильственные акции, направленные снизу против власти. Противозэлитные политические акции «не являются прямым отражением объективных поводов для недовольства», – утверждает Р. Инглхарт, – и не коррелируются с уровнем электоральной активности западной молодежи. Во-первых, в случаях угрозы демократии и обострения ситуации в стране молодежь активизируется и принимает участие в выборах (например, Болгария 1997 г. и Словакия 1998 г.). Во-вторых, молодые люди способны быстро мобилизоваться во время каких-либо отдельных событий (революций, бунтов, восстаний, волнений, гражданских акций неповиновения). В-третьих, активность молодежи в основном проявляется в виртуальном пространстве (участие в онлайн-дискуссиях, обращение к официальным лицам через Интернет). Конечно, участие через Интернет свойственно современному обществу в целом, но молодежи в особенности, поскольку это наиболее продвинутой и компьютерно грамотный слой населения. И, наконец, для молодежи характерно самовыражение в различных сферах, которое тоже может иметь политический подтекст. Таким образом, опыт западных стран показывает высокую активность молодого поколения в политической сфере. Молодежь создает различные общественно-политические организации и движения, интеллектуальные клубы, школы гражданского образования, стремится участвовать в реальном политическом процессе, эмансипируется от власти. Данное обстоятельство оказывает существенное влияние на формирование новых эффективных институтов.

Другие исследователи (Вильям Штраус и Нейл Хоув) в своей теории выделяют несколько поколений, называя современную молодёжь поколением Y (поко-

ление Сети или Миллениум, годы рождения 1983–2003), для которой характерны индивидуальный прагматизм, самонадеянность и политика невмешательства. Наибольший вклад они вносят в дела общины, в благоденствие, а также в сферу технологии. «Миллениум» активно и рационально возводит новые общественные институты [7. С. 29]. Российская же политическая практика препятствует формированию институтов «снизу», ставит барьеры институциональным инновациям молодежи, тем самым снижая доверие к существующим институтам и уровень вовлеченности в их функционирование со стороны молодого поколения.

Как показывают всероссийские опросы 2000-х гг. (ЦИРКОН 2006 г. [8], ФОМ 2007 г. [9]), российская молодежь к этому времени уже не проявляла интереса к политике и не желала становиться её активным актором. Молодые люди не видели и до сих пор не видят для себя возможности оказывать влияние на политический процесс, в качестве основных ценностей молодого поколения выступает далеко не политика.

Так, согласно всероссийскому опросу ФОМ 2004 г., лишь 37% респондентов 18–35 лет интересовались политикой; почти две трети молодых сограждан (62%) не проявляли интереса к этой сфере. Обсуждали политические события со своими ровесниками 46% молодых респондентов, не обсуждали – 51% [10].

В масштабном социологическом исследовании «Российская молодежь: потенциал политической мобилизации», проведенном Исследовательской группой ЦИРКОН в 2006 г. (общий объем выборочной совокупности составил 2 856 респондентов), на вопрос «Интересуетесь ли Вы политикой?» 58% молодых людей ответили отрицательно. Более того, лишь 4% опрошенных отметили политическую жизнь как важную для себя сферу. Главное внимание молодых людей сконцентрировано на учебе (69%), семье (67%), работе (67%) и карьере (33%).

Аналогичные результаты были получены исследователями Института социологии РАН в 2007 г. Данный опрос показал, что всего 14% молодых россиян активно интересуются политикой, иногда политикой интересуются 52% и не интересуются вообще 33%. Главными ценностями для молодых людей выступают семья (70%), карьера, личный успех (64%), хорошее образование (51%) [11]. Что касается политической и общественной активности молодежи, то она также сравнительно невысока. На вопрос «Приходилось ли Вам за последние год-два участвовать в общественной и политической жизни? И если да, то в какой форме?» почти каждый второй опрошенный молодой россиянин (49%) дал отрицательный ответ. Из различных видов политической деятельности 36% участвуют в выборах в органы власти различного уровня, 7% – в проведении избирательных кампаний, 2% задействованы в деятельности политических партий и общественных движений. На вопрос «Являешься ли ты сторонником политической партии?» 49,2% ответили отрицательно, поддерживают «Единую Россию» 32,7%, ЛДПР – почти 7,2%, КПРФ – 1,7%, Яблоко – 1,1%.

Схожую ситуацию мы наблюдаем на региональном уровне, например, в Алтайском крае и Республи-

ке Алтай, которые относятся к разряду регионов с выраженным традиционалистским менталитетом. Он обусловлен, в первую очередь, дотационным характером экономик регионов, в Алтайском крае – преобладанием аграрного сектора и предприятий сельхозперерабатывающей промышленности, низким уровнем жизни, отсутствием финансовых ресурсов для развития мелкого и среднего бизнеса, в Республике Алтай все это осложняется географическими условиями и национальной спецификой, по сути – существованием присваивающей экономики.

Население Алтайского края примерно поровну делится на городское и сельское. Существуют определенные различия в политических установках жителей города и села. В сельских районах доминируют патерналистские представления. Городское же население неоднородно по своим социокультурным характеристикам. В краевом центре – Барнауле, а также в Бийске в основном сосредоточен интеллектуальный потенциал, высока доля квалифицированных работников, выше занятость в предпринимательстве. Довольно динамично развивается Белокуриха как город, связанный с курортным сервисом. Здесь выше доля среднего класса, активная культурная жизнь. Именно для жителей этих городов в большей степени характерна ориентация на современные либеральные и демократические ценности. Вместе с тем в крае имеются средние и малые города, в том числе и монопрофильные, такие как Заринск и Рубцовск, вся жизнь которых связана с функционированием одного предприятия. Их население, по определению директора региональной программы Независимого института социальной политики Н. Зубаревич, в основном является носителем традиционалистских политико-культурных ценностей и «советского образа жизни» [12]. Данное утверждение справедливо и для Республики Алтай, где есть единственный город – Горно-Алтайск, 71,3% населения составляют сельские жители. Активная молодежь перемещается в города, оставшаяся же включается в устоявшийся экономический уклад и воспроизводит сложившиеся этнокультурные традиции.

Как отмечал М. Мид, для традиционных обществ, основывающихся на большой семье с устоявшимся образом жизни, характерно обучение детей у своих родителей, предков. Молодежь ориентируется на опыт старшего поколения без привнесения новшеств. По мере социального развития общества такая передача опыта исчезает, оказываясь недостаточной. Формируется кофигуративный тип, когда более важной становится ориентация на опыт современного поколения и влияние сверстников оказывает большую роль, чем влияние родителей. В связи с ускорением темпов современного общества получил развитие новый тип межпоколенческих отношений, где молодежи принадлежит ведущая роль в подготовке основы для развития общества будущего. Здесь уже взрослые учатся у своих детей, а опыт предшествующих поколений может даже мешать оценке новых категорий. Однако такие особенности молодежи могут входить в противоречие с традиционной культурой общества,

ситуативно разрешаясь в пользу того или иного варианта взаимоотношений между поколениями [13. С. 284].

Как показал опрос, проведенный Центром политического анализа и технологий Алтайского государственного университета в сентябре 2013 г., лишь 17,6% молодежи Алтайского края постоянно интересуются политической ситуацией в регионе, часто – 18,4%, редко – 48,4%. Аналогична ситуация и в Республике Алтай, где уровень заинтересованных политической жизнью оказался ещё ниже – 13,7%, часто интересуются политикой 14,7%, редко – более 50% опрошенных.

Самыми популярными источниками информации о политике, как в Алтайском крае, так и в Республике Алтай, выступают Интернет (67,2 и 52,9% соответственно) и центральное телевидение (53,6 и 42,1%). Однако если в Республике Алтай третье место по популярности у молодежи занимают местные газеты (21,6%), то молодое поколение Алтайского края отдает предпочтение местному телевидению (32,4%). Местные газеты значимы для 19,2% опрошенных.

Одинаковы и приоритетные проблемы молодежи: во-первых, это рост цен (62% в Алтайском крае и 44,1% в Республике Алтай), во-вторых, материальное обеспечение (43,2 и 36,2%) и, в-третьих, развитие образования и культуры (34,8 и 29,4%). Стоит отметить, что значительная разница наблюдается у респондентов по отношению к проблеме ЖКХ: молодое поколение Алтайского края гораздо больше обеспокоено ею (28,8%), нежели молодежь Республики Алтай (9,8%). Аналогично состояние экономики более беспокоит жителей края (20,4%), чем молодых людей из Республики Алтай (4,9%). Почти в два раза чаще молодежь Алтайского края волнует и проблема безработицы: 32,8% против 16,7% в Республике Алтай.

Выборы для молодых людей – основной вид политической деятельности, в котором они принимают участие (47,6 и 36,2%). При этом специфика регионов проявляется в иерархии значимости выборных должностей. Так, среди молодежи Алтайского края выше всего готовность принять участие в выборах Президента РФ (46,4%), для сравнения в Республике Алтай – 20,6%. Молодое поколение Республики Алтай более заинтересовано в голосовании за главу Республики (25,5%), в то время как в Алтайском крае в выборах губернатора были готовы принять участие 24,5%. Выборы депутатов Государственной думы для молодых людей Республики Алтай менее значительны (8,9%), чем для молодежи края (22,8%). В Республике Алтай молодые люди отдают предпочтение выборам депутатов местного собрания (16,7%), депутатов Эл Курултая (12,8%), а молодое поколение края, наоборот, меньше всего заинтересовано в местных выборах – депутатов АКЗС (10,9%) и депутатов местных собраний (9,7%).

Однако значительная доля молодежи как Алтайского края (42,8%), так и Республики Алтай (38,2%) вообще не участвует в каких-либо политических мероприятиях. В основе этой позиции в основном лежит оценка деятельности органов власти. В частности, большинство молодежи Алтайского края считает, что

деятельность администрации края скорее неэффективна (27,2%), эффективной ее называют лишь 6,4% опрошенных. В Республике Алтай неэффективной работу правительства сочли 19,6% респондентов, 20,6% оценивают ее как скорее не эффективную.

Исходя из этого, формируется и уровень доверия молодежи политическим институтам. Самым высоким уровнем доверия у молодежи как Алтайского края, так и Республики Алтай пользуется Президент РФ (24,4 и 24,5% от общего числа опрошенных). Правительству РФ молодое поколение края доверяет меньше (8,6%), чем молодежь Республики Алтай (13,7%).

Большая разница в уровне доверия – по отношению силовым структурам. Молодые люди Алтайского края гораздо больше доверяют таким институтам, как армия (12,7%), ФСБ (11,8%), полиция (9,8%), нежели молодежь Республики Алтай – 3,9; 3,9 и 8,8% соответственно.

Низкий рейтинг доверия демонстрируют представительные органы власти как федерального, так регионального и муниципального уровней. Так, в Алтайском крае Государственной думе доверяют 6,5%, Совету Федерации – 4,1%, АКЗС – 6,9%, городской или районной думе – 3,7%. В Республике Алтай Государственной думе и Совету Федерации доверяют 4,9%, Эл Курултай – 9,8%, городской или районной думе – 1%. Невысок уровень доверия среди молодежи двух регионов и к политическим партиям. В Алтайском крае им доверяет 4,5%, а в Республике Алтай 2%. Данные цифры подтверждают, что эти политические институты не выступают источником самоорганизации среди молодого поколения.

Наиболее важными ценностями для молодежи Алтайского края выступают свобода личности (50,6%),

частная собственность (43,8%), равенство всех перед законом (43,4%), личный успех (40,2%), общественный порядок (36,6%). Ценности молодежи Республики Алтай распределились следующим образом: равенство всех перед законом (37,3%), общественный порядок (34,3%), свобода личности (31,4%), сильное государство (29,4%), личный успех (26,5%).

В целом можно сделать вывод, что все современные исследования подтверждают невысокую социальную и политическую активность российской молодежи, в том числе и на региональном уровне. Большая часть молодого поколения не проявляет интереса к политике и демонстрирует минимальный уровень реального участия в каких-либо мероприятиях социально-политического характера. Молодежь редко ходит на выборы и не желает себя связывать с политической сферой, вступать в партии и общественные движения. Можно предположить, что свое неучастие в политической жизни молодежь не рассматривает как «проблему»: не видя никаких особых препятствий к проявлению политической активности, молодые люди просто выбирают другие сферы приложения энергии, главными ценностями выступают семья, образование, личный успех, но не политика. Более того, неучастие обосновывается низким уровнем доверия к институтам общества, что говорит о невовлеченности молодежи в существующую институциональную среду и ее неготовности выступить субъектом внутренних институциональных инноваций. Поэтому на сегодняшний день возникает актуальная потребность в политической интеграции молодого поколения с целью повышения качества работы институтов и обеспечения стабильности развития общества в среднесрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панов П.В. Политическое сообщество: конструирование и институционализация // Полис. 2007. № 1.
2. Кон И.С. Открытие «Я». М., 1978.
3. Сафронов А.Н. Молодежь России в современном политическом процессе // Научные труды Кубанского государственного университета. Краснодар, 2010.
4. Данилин П. Новая молодежная политика. М., 2006.
5. Антонов А. Проблема участия молодежи в политике. URL: <http://polit.mezhdunarodnik.ru/art.php3?Rub=365&id=13394>, свободный (дата обращения: 27.04.2015).
6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.
7. Strauss W., Howe N. The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. N.Y. : Broadway Books, 1997.
8. Российская молодежь: потенциал политической мобилизации». URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/f5e/060525.pdf>, свободный (дата обращения: 10.03.2015).
9. Молодежь: 18–25 лет. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d092914>, свободный (дата обращения: 11.03.2015).
10. Аполитичная молодежь. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/of040205>, свободный (дата обращения: 28.04.2015).
11. Молодежь новой России: ценностные приоритеты. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth.html, свободный (дата обращения: 28.04.2015).
12. Зубаревич Н. Перспектива: Четыре России // Ведомости. 30.12.2011 г. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii, свободный (дата обращения: 13.03.2015).
13. Лисовский В.Т. Социология молодежи. СПб., 1996.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 мая 2015 г.

RUSSIAN YOUTH IN INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS: THE DETERMINANTS OF NON-PARTICIPATION

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 145–149. DOI: 10.17223/15617793/405/20

Shashkova Yaroslava Yu. Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: yashashkova@mail.ru

Derendyaeva Anna D. Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: a.derendyaewa@yandex.ru

Keywords: political consciousness of young people; institutional transformation; Altai Krai; Altai Republic.

The authors study the transformation process in Russia (at the turn of the 20th and 21st centuries) which was aimed at the institutional modernization of society. However, attempts to create informal institutions which could create a stabilizing basis in the community had the reverse process. The new institutions began to be “hybrid entities” and led the political sphere to the “institutional trap”. The young generation was in especially difficult circumstances, because institutional innovations were additional difficulties in their current process of socialization; the new institutions also had a negative impact on the social, psychological and physiological characteristics of this group of people. The dynamics of the all-Russian opinion polls over the last ten years shows that the participation of the young generation in politics is at a low level, i.e. young people are not interested and involved in politics and do not trust political institutions. However, the young generation is a social group that is a factor of institutional innovation. Therefore, the study of the specificity of the political consciousness of young people, including those at the regional level, is important for the authors. Altai Krai and the Republic of Altai, which have the characteristics of traditional thinking and values, attract the attention of the authors. The consciousness of the population is affected by the subsidized nature of the region’s economy, low living standards, and the lack of financial resources for the development of small and medium-sized businesses. This situation impacts the young generation. According to the poll conducted by the Center for Political Analysis and Technology of Altai State University, the youth of Altai Krai and the Republic of Altai bring the all-Russian experience of non-participation in the political sphere to the regional level. The young generation rarely addresses the issues of the political process, i.e. many respondents underestimate the importance of politics. At the same time, young people become active participants in other spheres of life such as family, education and personal success. The most important values for young people are individual liberty, private property, equality under the law. The authors hypothesize that the young generation is not involved in the political sphere because of the lack of trust in the institutions of society; it is an indicator of an inefficient youth policy. Therefore, the actual need for the political integration of the young generation today occurs in order to improve the quality of institutions.

REFERENCES

1. Panov, P.V. (2007) Politicheskoe soobshchestvo: konstruirovaniye i institutsionalizatsiya [Political Community: Construction and Institutionalization]. *Polis*. 1.
2. Kon, I.S. (1978) *Otkrytie “Ya”* [The discovery of the “I”]. Moscow: Politizdat.
3. Safronov, A.N. (2010) Molodezh’ Rossii v sovremennom politicheskom protsesse [Russian youth in the modern political process]. *Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*.
4. Danilin, P. (2006) *Novaya molodezhnaya politika* [The new youth policy]. Moscow: Evropa.
5. Antonov, A. (n.d.) *Problema uchastiya molodezhi v politike* [The problem of youth’s participation in politics]. [Online]. Available from: <http://polit.mezhdunarodnik.ru/art.php3?Rub=365&id=13394>. (Accessed: 27 April 2015).
6. Inglehart, R. & Welzel, C. (2011) *Modernizatsiya, kul’turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel’nost’ chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy: The sequence of the human development]. Moscow: Nov. izd-vo.
7. Strauss, W. & Howe, N. (1997) *The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America’s Next Rendezvous with Destiny*. N.Y.: Broadway Books.
8. Zircon.ru. (n.d.) *Rossiyskaya molodezh’: potentsial politicheskoy mobilizatsii* [Russian youth: the potential for political mobilization]. [Online]. Available from: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/f5e/060525.pdf>. (Accessed: 10 March 2015).
9. Bd.fom.ru. (n.d.) *Molodezh’: 18–25 let* [Youth: 18–25]. [Online]. Available from: <http://bd.fom.ru/report/map/d092914>. (Accessed: 11 March 2015).
10. Bd.fom.ru. (n.d.) *Apolitichnaya molodezh’* [Apolitical youth]. [Online]. Available from: <http://bd.fom.ru/report/map/of040205>. (Accessed: 28 April 2015).
11. Isras.ru. (2007) *Molodezh’ novoy Rossii: tsenostnye prioriteti* [Young people of the new Russia: value priorities]. [Online]. Available from: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth.html. (Accessed: 28 April 2015).
12. Zubarevich, N. (2011) Perspektiva: Chetyre Rossii [Prospect: Four Russias]. *Vedomosti*. 30 December. [Online]. Available from: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii. (Accessed: 13 March 2015).
13. Lisovskiy, V.T. (1996) *Sotsiologiya molodezhi* [Sociology of Youth]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Received: 25 May 2015

ПРАВО

УДК 343.155

О.И. Андреева, А.А. Рукавишникова, Т.В. Трубникова

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ПРОЕКТА ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 27 НОЯБРЯ 2012 г. № 26 “О ПРИМЕНЕНИИ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВО В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ”»

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-03-00413 «Злоупотребление правом в уголовном процессе: системные и несистемные проявления, их предотвращение и пересечение».

Анализируется проект изменений в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции».

Ключевые слова: апелляционное производство; право на судебную защиту; злоупотребление правом; Постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Как бы законодатель ни стремился к качественно-му нормативному регулированию отдельных аспектов уголовно-процессуальной деятельности, в том числе деятельности по проверке судебных решений в апелляционном порядке, к сожалению, правоприменительная практика обнаруживает пробелы или недостатки такого регулирования, создающие состояние правовой неопределенности либо могущие быть истолкованы вопреки воле законодателя, в ущерб правам и законным интересам участников судопроизводства. Достаточно эффективным и быстрым средством преодоления такой ситуации является принятие уполномоченным органом (Пленумом Верховного Суда РФ) официальных актов толкования.

В целом поддерживая необходимость внесения изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» [1], разъясняющее отдельные вопросы производства в суде апелляционной инстанции, хотелось бы остановиться на проблемных перспективах реализации ряда положений проекта Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» (далее – проект Постановления) [2].

1. В п. 5¹ проекта Постановления предусматривается два возможных варианта реализации права на обжалования промежуточных судебных решений, принимаемых судом первой инстанции на этапе подготовки уголовного дела к апелляционному рассмотрению: путем рассмотрения жалобы в процессе пересмотра итогового судебного решения суда первой инстанции и рассмотрения поданной жалобы, осуществляемого в отдельном судебном заседании самостоятельно и независимо от пересмотра итогового судебного решения суда первой инстанции [Там же].

Представляется, что в анализируемом акте толкования должен быть реализован второй способ обжалования таких промежуточных решений. Отказ суда первой инстанции в удовлетворении ходатайства участника уголовного судопроизводства, заявленного в ходе подготовки уголовного дела к апелляционному рассмотрению (например, об ознакомлении с протоколом судебного заседания или с другими материалами уголовного дела), либо установление судом ограничения продолжительности ознакомления с протоколом судебного заседания или с другими материалами уголовного дела должны подлежать самостоятельному обжалованию в силу того, что подобные нарушения делают фактически невозможной полноценную реализацию участником процесса своего права на защиту и права на доступ к правосудию в суде апелляционной инстанции. Перенесение оценки таких нарушений на более поздний этап уголовного судопроизводства (при одновременном рассмотрении с апелляционной жалобой (представлением) по существу) является неэффективным и способно необоснованно затянуть (с учетом вариантов исправления допущенных ошибок, предложенных в п. 5.1 проекта Постановления, связанных с необходимостью возвращения уголовного дела в суд первой инстанции) вступление судебного решения в законную силу. Поэтому целесообразно так разрешать этот вопрос, чтобы к моменту рассмотрения апелляционной жалобы (представления) на итоговое судебное решение по существу данные нарушения были уже исправлены.

В связи с этим такие решения должны быть включены в перечень промежуточных судебных решений, подлежащих самостоятельному (отдельно от итогового решения) обжалованию, т.е. должны включаться в число решений, обозначенных в п. 5 действующей редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» [1].

Дополнительно, думается, необходимо предусмотреть в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» от 27 ноября 2012 г. № 26, порядок устранения нарушений, допущенных в ходе подготовки уголовного дела к апелляционному рассмотрению. Полагаем, что этот порядок должен быть поставлен в зависимость от того, поступило уголовное дело на рассмотрение в суд апелляционной инстанции или нет. Если апелляционная жалоба (представление) на вышеуказанные промежуточные судебные решения суда первой инстанции поступит до направления в суд апелляционной инстанции уголовного дела с апелляционными жалобами (представлениями) на итоговое судебное решение, то, в случае отмены такого промежуточного судебного решения, устранить выявленные нарушения должен суд первой инстанции. Если же к моменту подачи апелляционной жалобы (представления) на такие промежуточные судебные решения уголовное дело уже поступило в суд апелляционной инстанции, то, учитывая необходимость соблюдения разумных сроков судопроизводства, нарушения, допущенные судом первой инстанции при подготовке дела к апелляционному рассмотрению, выявленные судом апелляционной инстанции, могут быть устранены самим судом апелляционной инстанции.

Кроме того, в п. 5¹ проекта Постановления нечетко определены полномочия суда апелляционной инстанции при рассмотрении жалоб на промежуточные решения суда первой инстанции. В нем говорится о том, что такие решения могут признаваться необоснованными [2]. Представляется, что суд апелляционной инстанции должен проверить не только обоснованность, но и законность такого решения, а обнаружив как незаконность, так и / или необоснованность такого решения – отменить его. Иначе не исключается возможность существования неотмененных незаконных судебных решений. В связи с этим считаем необходимым дополнить вариант пункта 5¹ проекта Постановления предложением следующего характера: «Если суд апелляционной инстанции установит незаконность и (или) необоснованность промежуточного судебного решения, принятого судом первой инстанции при подготовке уголовного дела к судебному разбирательству в суде апелляционной инстанции, он отменяет такое решение и либо обязывает суд первой инстанции устранить допущенное нарушение, либо устраняет его самостоятельно».

С целью охраны прав и законных интересов всех субъектов уголовно-процессуальных правоотношений механизм реализации правоотношений должен быть регламентирован нормой права [3]. Поэтому представляется необходимым закрепить в УПК РФ сокращенный срок на реализацию права на обжалование таких промежуточных судебных решений (например, 5 суток). В законодательной регламентации нуждается и процессуальный порядок рассмотрения промежуточных судебных решений суда первой инстанции, принятых при подготовке уголовного дела к судебному разбирательству в суде апелляционной инстанции.

Дополнительно необходимо отметить, что весьма спорным является предложенный вариант содержания абзаца 2 пункта 5¹ проекта Постановления [2]. Он может быть понят как предоставляющий судье суда апелляционной инстанции возможность самостоятельно выявлять нарушения, допущенные судом первой инстанции при подготовке уголовного дела к судебному разбирательству в суде апелляционной инстанции. Между тем, отсутствие / наличие таких нарушений (достаточность или недостаточность времени для ознакомления, нужность или ненужность того или иного документа и т.д.) может оцениваться судом только с учетом позиции самого участника процесса, исходя из его собственных ощущений степени ограничения его права, и не может, как представляется, быть констатировано в условиях отсутствия жалобы от такого участника.

2. Полагаем обоснованным высказанное в проекте Постановления предложение о необходимости обеспечения помощи защитника каждому осужденному, не отказавшемуся от защитника в установленном законом порядке, в том числе и в случае, если в отношении данного осужденного приговор не был обжалован, но он изъявил желание участвовать в судебном заседании в суде апелляционной инстанции (абзац 3 п. 10 проекта Постановления) [2]. Однако обеспечение помощи защитника осужденному, в отношении которого приговор не был обжалован, представляется необходимым и в тех случаях, когда такой осужденный не изъявил желания лично участвовать в судебном заседании. Это может быть необходимо в силу ревизионного начала апелляционного пересмотра, наличия у суда апелляционной инстанции возможности выхода за пределы жалобы (ч. 2 ст. 389.19 УПК РФ) и проверки приговора в отношении всех осужденных. Поэтому пересмотр приговора в отношении других осужденных может затронуть права и законные интересы осужденного, в отношении которого приговор не был обжалован (как в ходе самого апелляционного производства, так и решением по его итогам).

Если же такой осужденный пожелает принять участие в заседании суда апелляционной инстанции, то ему должна быть обеспечена полноценная возможность активного участия в судебном заседании в суде апелляционной инстанции с целью выражения своей позиции по делу. В том числе ему должна быть предоставлена и возможность принять участие в прениях. В то же время представляется возможным согласиться с тем, что такой осужденный не имеет право на произнесение последнего слова (кроме случаев применения судом апелляционной инстанции ревизионного начала), так как иное не отвечало бы природе последнего слова подсудимого.

Следует также отметить, что признание за осужденным, в отношении которого приговор не был обжалован, права на активное участие в судебном заседании суда апелляционной инстанции может предотвратить ситуации, когда осужденный, не обжаловавший приговор (или иное судебное решение), но желающий участвовать в судебном заседании при производстве в суде апелляционной инстанции, возбуж-

денном по инициативе других осужденных, будет вынужден для обеспечения участия своего защитника подавать отдельную апелляционную жалобу.

Кроме того, полагаем необходимым отразить в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ по вопросам производства в суде апелляционной инстанции правовые позиции ЕСПЧ, согласно которым само по себе назначение лицу защитника по суду не дает еще достаточных гарантий оказания такому лицу квалифицированной юридической помощи [4. С. 38]. Государство (в данном случае – в лице суда апелляционной инстанции) должно обеспечить выполнение ряда условий, необходимых для обеспечения защитнику возможности эффективно осуществлять свои обязанности по отношению к доверителю. В частности, проблемы с обеспечением защитнику возможности эффективно осуществлять защиту обвиняемого могут возникать при реализации участия осужденного в заседании суда апелляционной инстанции путем использования систем видеоконференцсвязи. При этом необходимо обеспечить отсутствие контроля за переговорами обвиняемого с адвокатом, осуществляемого в месте физического нахождения обвиняемого, либо путем использования технических средств контроля, а также полноценной реализации обвиняемым своего права получать консультации от своего защитника и общаться с ним по мере необходимости, что, по мнению, ЕСПЧ, может, в частности, обеспечиваться путем назначения осужденному не одного, а двух защитников, один из которых будет присутствовать в зале суда, а второй – оказывать ему помощь непосредственно в помещении следственного изолятора [Там же. С. 38–40].

3. В проекте обращается внимание на то, что судебное решение, постановленное по результатам судебного разбирательства в отсутствие подсудимого, в случаях, предусмотренных ч. 4, 5 ст. 247 УПК РФ, подлежит рассмотрению в апелляционном порядке с соблюдением всех положений, предусмотренных гл. 45.1 УПК РФ (абзац 2 п. 14 проекта Постановления [2]).

При этом в Проекте не разрешается вопрос о возможной коллизии между различными порядками обжалования (апелляционного и кассационного), которая может возникнуть в силу действия норм ст. 401¹⁵ УПК РФ и гл. 45.1 УПК РФ – когда возможно одновременно существование и апелляционной жалобы (представления) на вынесенное в отсутствие подсудимого решения и кассационного обращения, в силу того что отпали обстоятельства, послужившие основанием вынесения решения о рассмотрении дела в отсутствие подсудимого. Какой же порядок обжалования в этом случае должен выбираться в качестве приоритетного: кассационный с возвращением уголовного дела в суд первой инстанции или апелляционный? Представляется, что подсудимый не может быть лишен права на рассмотрение дела в суде первой инстанции с его участием. В связи с чем, в таком случае, апелляционное производство должно или не возбуждаться или прекращаться, в зависимости от времени отпадения обстоятельств, которые послужили основанием для вынесения решения в отсутствие подсудимого.

4. Действующий УПК РФ не закрепляет права суда апелляционной инстанции на принятие решения о

переходе на рассмотрение уголовного дела по правилам суда первой инстанции, в том числе при наличии таких допущенных нарушений, которые делают производство в суде первой инстанции недействительным. С учетом этого действительно должно быть допустимо возвращение уголовного дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции (предлагаемые абзацы 2 и 3 п. 19 проекта Постановления) [2]. Стороны не могут быть лишены права на рассмотрение в суде по правилам первой инстанции из-за ошибки, допущенной самим судом [5. С. 142]. Нарушения в процессуальной форме могут оказаться невосполнимыми в суде апелляционной инстанции, даже с учетом процессуальных возможностей последней. Представляется, что указанные в п. 19 проекта Постановления нарушения уголовно-процессуального закона могли бы выступить в качестве безусловных оснований отмены судебных решений с возвращением уголовного дела в суд первой инстанции из-за их невосполнимого и неустраняемого характера.

Представляется в целом обоснованным и сформулированное в проекте Постановления предложение, согласно которому суд апелляционной инстанции не вправе отменить постановление о прекращении уголовного дела и постановить обвинительный приговор (дополнения к п. 21 проекта Постановления) [2]. Представляется, что с учетом возможных вариантов проведения судебного следствия в суде апелляционной инстанции (в том числе и без проверки ранее исследованных доказательств) в этом случае суд апелляционной инстанции должен, отменяя постановление суда о прекращении уголовного дела, возвращать уголовное дело на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции. Необходимо также учитывать, что постановление о прекращении уголовного дела может быть вынесено и по итогам предварительного слушания в суде первой инстанции. Поэтому если суд апелляционной инстанции, отменяя такое решение, вынесет обвинительный приговор, участники процесса будут лишены права на рассмотрение дела судом первой инстанции и права на справедливое судебное разбирательство (в том числе с непосредственным исследованием доказательств, высказыванием мнений и позиций по уголовному делу и опровержением позиций противоположной стороны).

Думается, что учет высказанных предложений при формулировании окончательных положений проекта Постановления позволит повысить эффективность самой процессуальной деятельности по проверке судебных решений в апелляционном порядке, а также обеспечить существование ее итога в виде законного, обоснованного и справедливого судебного решения, посредством которого обеспечивается восстановление нарушенных прав и свобод и достигается назначение уголовного судопроизводства. Однако, признавая за актами толкования норм права характер достаточно оперативных и эффективных средств преодоления правовой неопределенности, все же следует отметить, что те предложения, которые вносят изменения или дополнения в действующую гл. 47.1 УПК РФ, должны найти свое легальное закрепление на уровне норм права.

ЛИТЕРАТУРА

1. О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 года № 26 // Консультант Плюс: Справочно-правовая система. М. : АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 01.11.2015).
2. О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»: Проект Постановления Пленума Верховного Суда РФ // Консультант Плюс: Справочно-правовая система. М. : АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 01.11.2015).
3. Андреева О.И. Отдельные аспекты ограничения полномочий государства, государственных органов и должностных лиц в сфере уголовного судопроизводства // Уголовная юстиция. 2013. № 1. С. 13–17.
4. Трубникова Т.В. Право на защиту: правовые позиции ЕСПЧ и их отражение в постановлении Пленума ВС РФ. Ч. 1 // Уголовный процесс. 2015. № 8. С. 34–45.
5. Плашевская А.А. Апелляционный порядок проверки судебного приговора по уголовному делу в соответствии с ФЗ от 29 декабря 2010 года: проблемные перспективы // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 140–143.

Статья представлена научной редакцией «Право» 18 марта 2016 г.

PERSPECTIVES OF THE IMPLEMENTATION OF THE STATEMENTS OF THE DRAFT RESOLUTION OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION “ON MAKING AMENDMENTS TO THE RESOLUTION OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION OF 27 NOVEMBER 2012 NO. 26 “ON THE APPLICATION OF NORMS OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION REGULATING PROCEEDINGS IN THE COURT OF APPEAL””

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 150–153. DOI: 10.17223/15617793/405/21

Andreeva Olga I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: univer_tgu@rambler.ru

Rukavishnikova Anastasia A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: satsana@yandex.ru

Trubnikova Tatiana V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: trubn@mail.ru

Keywords: appeal proceedings; right to legal assistance; abuse of right; Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

The authors analyze the statements of the draft Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On making amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27 November 2012 no. 26 “On the application of norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating proceedings in the court of appeal””. The authors consider variants of verification of judgments made by the first-instance court during the preparation of a criminal case to be heard in the court of appeal suggested by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. They conclude that it is necessary to make independent verification of these judgments in the appeal procedure which is produced separately and before the review of the verdict over the criminal case. Two methods of this verification are suggested, it depends on the fact whether the criminal case has already been submitted to the court of appeal. The authors propose to develop the subject of verification, the list of the decisions of the court of appeal which can be made in the result of such verification. The exclusion from powers of the court of appeal of the possibility to determine mistakes made by the first-instance court during the preparation of a criminal case to be heard in the court of appeal is justified. Suggestions are formulated to make amendments into the Criminal Procedure Code of the Russian Federation which concern the determination of deadlines of appeal of intermediate judicial decisions and the trial procedure of such complaints in the court of appeal. The authors suggest giving a range of opportunities to a convicted person to realize the right to legal assistance in the court of appeal (to appoint a lawyer, to provide a possibility to take part in trial, including debates). The necessity to make some additional guarantees in the realization of the right to legal assistance in case of the participation of a convicted person in the trial of appeal using the system of videoconferencing is reasoned. The authors propose methods to resolve a possible conflict between different orders of appeal and cassation. It can be possible due to the existence of norms of Article 401¹⁵ of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Chapter 45.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (possibility to make an appeal petition and cassation application simultaneously in case of failure of circumstances which were the reasons of rendering the decision to hear the case in absence of the defendant). The authors support the necessity to forbid the rendering of the condemnatory judgment by the court of appeal due to the reversal of a decision to drop criminal charges made by the first-instance court. The existence of this proscription is a guarantee of the right to legal assistance and the right to hear the case in the first-instance court.

REFERENCES

1. Konsul'tant Plyus. (1992) *O primeneni norm Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, reguliruyushchikh proizvodstvo v sude apellyatsionnoy instantsii: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27 noyabrya 2012 goda № 26* [On the application of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing the proceedings in the court of appeal: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of November 27, 2012 No. 26]. Moscow: AO Konsul'tant plyus. (Accessed: 01 November 2015).
2. Konsul'tant Plyus. (1992) *O vnesenii izmeneniy v Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 27 noyabrya 2012 g. № 26 “O primeneni norm Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, reguliruyushchikh proizvodstvo v sude apellyatsionnoy instantsii”*: *Proekt Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF* [Amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 27, 2012 No. 26 “On the Application of the rules of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing the production in the appeal court”: Draft Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation]. Moscow: AO Konsul'tant plyus. (Accessed: 01 November 2015).
3. Andreeva, O.I. (2013) Some aspects of limitation on power and authority of the state, state agencies and officials in criminal proceedings. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1. pp. 13–17. (In Russian).
4. Trubnikova, T.V. (2015) Pravo na zashchitu: pravovye pozitsii ESPCh i ikh otrazhenie v postanovlenii Plenuma VS RF. Ch. 1 [The right to protection: the legal position of the ECHR and reflected in the resolution of the Plenum of the RF Supreme Court. Part 1]. *Ugolovnyy protsess*. 8. pp. 34–45.
5. Plashevskaya, A.A. (2012) Appeal procedure for verifying criminal case sentence by Federal Law of December 29, 2010: problem perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 363. pp. 140–143. (In Russian).

Received: 18 March 2016

О ТАКТИКЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ

Рассматриваются особенности тактики освидетельствования. Являясь своеобразным «гибридом» следственного осмотра и исследования специалистом, тактика освидетельствования в отечественной криминалистике разработана в наименьшей степени. Произведена попытка уйти от рекомендаций, направленных преимущественно на механический поиск следов преступления на исследуемом. Акцент ставится на алгоритмах взаимодействия с исследуемым и алгоритмах анализа полученной информации.

Ключевые слова: осмотр; освидетельствование; следственное действие; тактика; тактический прием.

Теоретические проблемы тактики проведения освидетельствования. Традиционно в отношении природы освидетельствования существовало три основные точки зрения: освидетельствование – это разновидность осмотра; освидетельствование – это разновидность экспертного исследования; освидетельствование – это самостоятельное следственное действие, имеющее признаки осмотра и экспертизы. Двойственная природа освидетельствования традиционно вызывала дискуссии о природе данного следственного действия, о приоритете в нем непосредственно поискового или экспертно-исследовательского начала. До сих пор некоторые исследователи полагают, что ст. 179 УПК РФ характеризуется двойственностью природы освидетельствования. Так, А.В. Кудрявцева считает, что закрепление в качестве цели освидетельствования обнаружения телесных повреждений и установление состояния алкогольной интоксикации приводят к смешиванию освидетельствования следственного и медицинского [1. С. 248]. Не анализируя особенности трактовки уголовно-процессуальных норм как феномена предельно временного и не способного определять криминалистическую природу той или иной разновидности деятельности следователя, попытаемся ответить на простой вопрос: можно ли доверять следователю анализ информации, требующий микроскопически малого объема специальных познаний? Может ли человек, не имеющий медицинского образования, обнаружить и описать повреждение на теле или с высокой степенью вероятности предположить состояние алкогольной интоксикации? Ответ, без сомнения, утвердительный.

Минимально-бытовой уровень познания в медицине, конечно, не даст возможности судить о тяжести телесных повреждений, но в общих чертах охарактеризовать телесные повреждения (наличие, расположение, внешний вид), конечно, позволит. Сомневаться в способности следователя, увидев царапину на теле, понять, что это царапина, и не спутать её с кровоподтеком просто нецелесообразно. Таким образом, если не принимать во внимание вероятность того, что лицо, расследующее преступление, в своей жизни не видело царапин и синяков и не сталкивалось с внешними признаками опьянения, нет смысла говорить о каком-то экспертном аспекте освидетельствования.

Именно дискуссии о двойственной природе освидетельствования, на наш взгляд, приостановили непосредственную разработку тактического обеспечения

данного следственного действия, переводя криминалистическое познание в сферу уголовно-процессуального.

Также объектом, как оказалось, малопродуктивной криминалистической (не уголовно-процессуальной) дискуссии выступила проблема исследования одежды освидетельствуемого в процессе проведения освидетельствования. Законодатель ясно определяет зону поисковой активности в процессе освидетельствования – тело человека. Хотя с точки зрения практической и целесообразности, без сомнения, оптимально проведение осмотра одежды в рамках освидетельствования, а не параллельного осмотра (предмета – вещественного доказательства). Мы надеемся, что законодатель зафиксирует в УПК РФ предложенный Р.С. Белкиным алгоритм проведения осмотра одежды в рамках освидетельствования: «Освидетельствование может сопровождаться осмотром одежды, имеющейся на освидетельствуемом, и должно проводиться в определенной последовательности: сначала осматриваются части тела, не закрытые одеждой, затем при необходимости одежда, а потом остальные части тела» [2. С. 572].

Можно утверждать, что сегодня тактика проведения освидетельствования качественно отстает от уровня развития тактики иных следственных действий. Достаточно сказать, что в значительном количестве учебников отсутствует параграф, в котором отдельно рассматриваются вопросы тактики освидетельствования, последняя диссертация, посвященная криминалистическим аспектам освидетельствования, была защищена 35 лет назад, предпоследняя – 50 лет назад.

В качестве условий производства освидетельствования криминалистика выработала ряд рациональных рекомендаций:

- освидетельствование целесообразно, когда нет необходимости назначать судебно-медицинскую экспертизу;
- освидетельствованию подлежат: обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, свидетель;
- при необходимости к участию в производстве освидетельствования привлекается специалист.

Не вступая в дискуссию, согласимся с мнением С.А. Шейфера о том, что «в сущности, освидетельствование – это разновидность осмотра, ибо, как и при осмотре, обнаружение доказательственной информации происходит здесь на основе обычного

наблюдения. Но учитывая специфичность объекта освидетельствования, каковым является тело человека, наблюдение здесь также принимает специфические формы» [3. С. 41].

В чем же отличие освидетельствования от осмотра и экспертизы, что обусловило появление и признание этого нового следственного действия? Ответ кажется очевидным – оперативность, совмещенная с отсутствием излишка уголовно-процессуального регулирования, и простота, вытекающая из предельной наглядности следов преступления. Именно эти признаки и определяют направленность и содержание тактических приемов освидетельствования.

Тактические приемы подготовки к проведению освидетельствования. Составление постановления о производстве освидетельствования нельзя считать технической работой, ведь в части описания установленных фактов в постановлении фактически идет обоснование целесообразности назначения именно освидетельствования, а не опознания или судебно-медицинской экспертизы. Перечень обстоятельств в данной части постановления должен быть подробным и исчерпывающим. Видится целесообразной крайняя незначительность временного промежутка между временем-датой ознакомления будущего освидетельствуемого с постановлением о производстве освидетельствования и временем-датой начала этого следственного действия.

Выбор времени и места освидетельствования. Освидетельствование целесообразно проводить по месту производства предварительного следствия. Также следователь вправе, если признает это необходимым, провести освидетельствование в месте нахождения исследуемого. Решение вопроса о месте проведения освидетельствования зависит от каждой конкретной ситуации и крайне вариативно для следователя.

Без сомнения, желательная оперативность проведения оставляет мало возможности для выбора оптимального времени проведения освидетельствования. В случае же, когда возможность выбора оптимального времени тактически целесообразна, выбор времени также может определяться и биофизическим фактором.

Исследуя значение организационного фактора выбора времени проведения допроса, И.Н. Якимов и П.П. Михеев указывали, что причинами ложных показаний на следствии, в частности, являются желание свидетелей избавиться от допроса как неприятной процедуры, связанной с потерей времени, и боязнь дальнейших вызовов и судебной волокиты [4. С. 19]. Представляется, что ситуация с освидетельствованием аналогична. В целях недопущения подобного следователь должен жестко выдерживать временные рамки запланированных мероприятий.

По аналогии с тактикой допроса никогда не потеряют актуальности рекомендации проводить освидетельствование:

- лиц престарелого возраста – по месту их жительства;
- больных – по месту нахождения;
- находящихся в отдаленной местности – по месту их пребывания, не затрудняя ситуацию необходимо-

стью преодоления значительных расстояний, принимая во внимание временные и материальные затраты.

В целом же необходимо отметить, что установка следователя на удобство проведения освидетельствования в «казенной» обстановке очень часто оказывается несостоятельной. Удобство здесь характерно только для следователя. Для значительного количества освидетельствуемых атмосфера государственного учреждения является непривычной, нежелательной, стрессобразующей. Максимум подобное отношение достигает у представителей такой группы, как несовершеннолетние освидетельствуемые.

Особенности изучения личности освидетельствуемого лица в стадии подготовки. Традиционно вопрос о тактико-психологическом изучении личности (в контексте поисковых следственных действий) рассматривается применительно к обыску, однако установление психологического контакта с освидетельствуемым, по нашему глубокому убеждению, затруднителен при игнорировании необходимости его изучения. Изучение же личности освидетельствуемого целесообразнее строить на биографическом методе изучения личности, о чем мы уже говорили. Естественно, что использование рассматриваемого метода, пусть и с некоторыми вариациями, также характерно при изучении личности обыскиваемого перед проведением обыска.

В условиях необходимости оперативного проведения рассматриваемого следственного действия изучение личности освидетельствуемого становится крайне проблематичным. Основной проблемой являются источники получения информации об исследуемом. Фактически все отечественные исследователи-криминалисты рекомендуют в целях изучения личности исследуемого изучать учебно-производственные характеристики на него и заслушивать показания близких ему лиц.

Характеристика на человека выступает весьма сомнительным источником данных о нем. Причин здесь две:

1. Лицо, составляющее характеристику, как правило, не имеет развитых навыков оценки человека и способно к этому на бытовом уровне. Если же быть совсем откровенным, то все знают о практике самостоятельного составления характеристики характеризуемым и последующего её визирования начальником, разве что после правки грамматических ошибок.

2. Содержание характеристики лица отображает мнение руководителя и нередко строится на основе межличностных отношений с характеризуемым. Возникает вопрос: зачем следователю необходима информация, данная о неизвестном ему лице неизвестным ему лицом, руководившимся непонятной мотивацией? Вероятно, более оптимальным был бы запрос личного дела с места работы, учебы или службы. Как минимум информация, содержащаяся в личном деле, была внесена в него на основе каких-то документов, а не чьего-то, подчас субъективного, мнения.

Неоднозначно целесообразной выступает также информация об освидетельствуемом, поступающая из источников, образующих привычный круг жизнедеятельности последнего. Если отношения лица с изуча-

емым положительными, то в их информации, скорее всего, будет сокрыта негативная составляющая. Если отношения лица с изучаемым отрицательные, то в их информации, скорее всего, будет сокрыта позитивная составляющая. Если отношения лица с изучаемым нейтральные, то в их информации, скорее всего, будет сокрыта объективная составляющая ввиду вторичности этой информации. К тому же оперативное получение рассматриваемой информации из данного источника имеет не только субъективные, но и объективные предпосылки [5. С. 152–154].

Любая оценочная информация, в свою очередь оцененная следователем, может потерять всякую объективную ценность. Следователю необходима информация, не прошедшая посторонней оценки, информация фактическая. Хорошо, если она поступает от оперативных работников, проводящих наблюдение за подследственным, однако вероятность возможности задействовать этих работников по всем делам ничтожно мала ввиду их загруженности или субъективизма отношений. Кстати, если говорить об информации, полученной из названного источника, отметим, что следователю крайне полезной будет информация о типе реакции человека на стрессовые ситуации.

Рекомендация изучения личности будущего исследуемого по имеющимся материалам уголовного дела также выступает формальной рекомендацией, так как обычно в уголовном деле, особенно на стадии предшествующей освидетельствованию, информации о личности исследуемого крайне немного.

Для изучения личности освидетельствуемого при подготовке к освидетельствованию целесообразно руководствоваться специальными алгоритмами анализа информации, содержащей объективные сведения о человеке.

Представляется справедливым, что оптимальным методом познания личности подследственного будет биографический метод [6. С. 112–114]. Учитывая сомнительность тезиса о свободе воли, легче принять постулат о том, что человек, организуя свою жизнь, реализует неосознанное субъективное понимание личного предпочтения того или иного жизненного сценария. Если отвлечься от наукоёмкости, то этот тезис будет звучать так: человек живет так, как ему удобно жить. Человек может иметь многие потребности-фантазии, но их реализация потребует от него много излишних усилий, поэтому эти потребности для него реальными не являются.

Совершая тот или иной выбор на протяжении жизни, человек реализует наиболее гомеостатический вариант существования, поэтому если проанализировать эти точки выбора, намного легче уяснить тот комплекс психологических детерминант, что стояли за каждым из этих выборов. К сожалению, в данном алгоритме присутствует одно затруднение, которое может свести на нет весь процесс анализа. Речь идет о феномене политкорректности в системе познания человека.

Идеи свободы выбора модели поведения (например, обоснованная целесообразность сожительства), пропагандируемые в современном обществе, позитивны

особенно для лиц, имеющих проблемы с подобным выбором. Так, лица мужского типа с ярко выраженной инфантильностью, опасаясь психологической ответственности, не склонны к регистрации брака, а тяготеют к сожительству. Понимание психологической связи между природой сожительства и выбора исследуемой модели семейного поведения позволит следователю во время взаимодействия воспользоваться инфантильностью исследуемого в целях оказания на него воздействия.

Крайне значимо не ограничиваться найденным ответом на конкретный вопрос, а анализировать их в совокупности; те индивидуально-психологические особенности, которыми наиболее вероятно объяснить большинство выборов, и образуют предполагаемую модель личности исследуемого [7. С. 148–152].

Естественно, кроме психологических данных о лице необходим сбор информации данных психофизиологической направленности, как минимум информации о травмах исследуемого, что рекомендовалось еще на заре становления криминалистической науки.

Биографический анализ не дает абсолютной уверенности в полученных выводах, но если его не использовать, на руках у следователя будут лишь характеристики весьма сомнительной ценности с места работа и учебы исследуемого.

Тактические приемы подбора участников. Безусловно, позитивным выступает решение законодателя не обязывать следователя принимать меры к обеспечению участия в рассматриваемом следственном действии понятых. Конечно, маловероятно, что данное решение обусловлено как отходом от «презюмции виновности» следователя, так и технической ошибкой законодателя, «забывшего» прописать участие понятых. Скорее всего, отказ от обязательности участия понятых является объективным следствием той потребности тактико-криминалистической природы, породившей возникновение нового следственного действия, не поглощающегося осмотром. Речь идет о признании актуальности первоочередного свойства освидетельствования – оперативности, объективно сопровождающейся отсутствием излишка уголовно-процессуального регулирования.

В рассматриваемой стадии следователь должен принять меры обеспечения в случае необходимости участия специалиста. Специалист-криминалист привлекается в случае необходимости проведения фото- и видеофиксации процесса и результатов освидетельствования. Также привлечение специалиста-криминалиста целесообразно в случае существования высокой вероятности обнаружения отдельных групп следов. «Например, поиск: микрообъектов, волокон, волос и т.п., подтверждающих факт соприкосновения с потерпевшим (в частности, по делам об изнасилованиях, нанесении тяжких телесных повреждений, убийствах); почвы, краски, пыльцы растений, волокон, указывающих на присутствие лица в месте совершения преступления; оружейной смазки, частиц пороха, взрывчатых веществ, наркотических средств, указывающих на совершение определенных действий, имеющих отношение к преступлению. В некоторых

случаях для выполнения сходных работ могут быть приглашены и иные специалисты – ботаники, биологи, химики, баллисты и т.п.» [8. С. 147].

Техническое обеспечение освидетельствования и обеспечение безопасности. В процессе подготовки к освидетельствованию необходимо принять меры к его техническому обеспечению, ориентированные на создание надлежащей обстановки проведения, а также его безопасности.

Целесообразно приготовить избыточное количество расходных материалов (бланков протоколов освидетельствования, листов белой бумаги, пишущих принадлежностей). Необходимо проверить наличие Конституции РФ, а также уголовного и уголовно-процессуального кодексов, материалов уголовного дела.

Безопасность, определяемая как одна из целей подготовки к освидетельствованию, требует совершения ряда действий. Размещение исследуемого должно быть на определенном расстоянии от окон и дверей, причем окна не должны быть закрыты. Данное размещение должно быть на достаточно удаленном расстоянии от следователя, предполагающем визуальное восприятие лица, рук и ног исследуемого. Необходимо обеспечить отсутствие в помещении в пределах досягаемости исследуемого объектов, которые могут быть использованы в качестве оружия, а также обеспечить наличие средства самообороны в пределах досягаемости следователя. В каждом конкретном случае решается вопрос о целесообразности присутствия работников полиции в случаях возможных провокаций, попыток побега, нападения на участников освидетельствуемого. Если наличие посторонних тактически нецелесообразно, освидетельствуемый должен быть ограничен спецсредствами.

Значимым элементом подготовки к проведению освидетельствования является принятие решения о целесообразности использования аудио- и видеосредств фиксации. По нашему мнению, следователь всегда должен стремиться использовать аудио- или видеосредства фиксации при проведении рассматриваемого следственного действия, но особенно это стремление должно быть реализовано посредством соответствующего способа фиксации в случаях:

- применения фотосъемки при проведении освидетельствования на предмет поиска повреждений на теле исследуемого, так как словесное описание может представлять затруднение ввиду сложности формы или количественной избыточности;

- применения фотосъемки при проведении освидетельствования на предмет поиска особых примет на теле исследуемого, так как словесное описание может представлять затруднение ввиду сложности признаков или их количественной избыточности;

- применения видеосъемки при проведении освидетельствования с участием лиц, страдающих физическими и психическими недостатками: слепоглухонемых, глухонемых, имеющих расстройство психики. Целесообразность применения видеосредств фиксации определяется здесь повышенной вероятностью недопонимания между следователем и исследуемым;

- применения видеосъемки при проведении освидетельствования несовершеннолетнего, а тем более,

малолетнего лица, чтобы впоследствии избежать обвинений в нарушении этических правил и оказания чрезмерного психологического давления на ребенка;

- применения видеосъемки при проведении освидетельствования лица при смерти или лица, проявляющего признаки психической неадекватности, чтобы также впоследствии избежать обвинений в нарушении этических правил и оказании чрезмерного психологического давления на неустойчивую психику.

Как продолжение тактической рекомендации о привлечении специалиста следователю необходимо принять меры по подготовке технических средств, оптимизирующих проведение освидетельствования. Можно выделить две группы рассматриваемых технических средств. В первую группу входят технические средства обнаружения следов преступления (средства освещения, а также физические, химические и оптические средства обнаружения следов, несущих криминалистическую ценность). Во вторую группу входят технические средства, применяемые при изъятии и фиксации следов преступления. Без сомнения, во вторую группу входят технические средства фото- и видеосъемки.

Применительно к особенностям освидетельствования недостаточно приготовить штатное средство фотофиксации. Данное средство необходимо укомплектовать:

- приспособлениями для макросъемки;
- светофильтрами, обеспечивающими возможность неконтрастной съемки (например, для фиксации избыточно рельефных объектов);
- светофильтрами, обеспечивающими возможность светоделительной съемки (например, для фиксации слабовидимых татуировок или зарубцевавшихся шрамов, или, к примеру, кровоподтеков на смуглой коже);
- блендами;
- фотовспышкой;
- таблицей цветов RAL Classic.

Тактические приемы проведения освидетельствования. Адаптация психики освидетельствуемого к условиям следственного действия. Порой явно недостаточно объяснить освидетельствуемому, что проведение следственного действия полностью в его интересах и способствует справедливому разрешению дела. Мало того, что подобная аргументация недостаточна, она еще «грешит» значительным формализмом, ориентацией не на интересы «живой» личности, которую больше интересуют иные заботы, нежели успехи расследования. Учитывая сказанное, неудивительно, что «большинство процессуалистов отмечает, что... в большинстве случаев отказ от освидетельствования вызван... теми нравственными страданиями, которые могут причинить его производству» [9. С. 131]. Таким образом, для рассматриваемого следственного действия становится актуальной задача расположить исследуемого, положительно настроить его на необходимость проведения освидетельствования. У находящегося в состоянии стресса, возникшего в контексте процесса расследования и / или последствий преступления, необходимо выработать установку на позитивность (комфортность) взаимодей-

ствия со следователем. Для этого следователь перед проведением освидетельствования должен предпринять меры по адаптации исследуемого. Выделяют три способа адаптации человека, которые в целях увеличения вероятности успеха желательнее сочетать:

– адаптация в пространстве – достигается путем пребывания исследуемого на территории предстоящего освидетельствования 10–15 минут, что делает эту обстановку условно привычной для него;

– адаптация по кругу лиц – достигается путем кратковременных контактов с участниками следственного действия, сочетающих беседу на нейтральную личностно-окрашенную тему;

– адаптация во времени – достигается посредством выбора «комфортного» для исследуемого временного периода, который, как ранее говорилось, определяется его биоритмами.

Первые два способа адаптации могут быть оптимизированы при использовании приема, иногда называемого «вторая встреча». Суть этого приема в том, что восприятие объектов впервые или повторное после долгого перерыва человеком достаточно энергозатратно и часто сопровождается стрессом. Если вступить с человеком в недолгий контакт (ненадолго поместить его в помещение), а потом прервать этот контакт (попросить покинуть помещение) на 5–7 минут, то последующее взаимодействие будет восприниматься им как привычное, адаптированное. При использовании у человека создается впечатление не одной встречи, а иллюзия двух встреч, нейтрализующая фактор стресса, о котором говорилось.

Традиционные приемы «отвлечение внимания», «отвлеченная беседа», «демонстрация позитивности / непримиримости / целеустремленности» могут быть интегрированы в прием «вторая встреча» и процесс адаптации освидетельствуемого в пространстве и по кругу лиц.

Особенности изучения личности освидетельствуемого лица в процессе освидетельствования. В процессе взаимодействия с проверяемым целесообразно вести наблюдение за ним с целью исследования его личностных особенностей. Так, в поведении освидетельствуемого в этой стадии мы отслеживаем:

– признаки, свидетельствующие о высокой степени адаптации в новых условиях, которые выражаются в достаточно активном исследовании внешней обстановки места проведения освидетельствования во время беседы (активно перемещающийся взгляд, попытки тактильного контакта с объектами, прислушивание к звукам из соседних помещений и улицы);

– признаки, свидетельствующие о степени автономности суждений, которые выражаются в проявлении неуверенности исследуемого (поиск контакта глазами со следователем, утвердительное кивание во время речи последнего, вопросительные интонации в утвердительных фразах);

– признаки, свидетельствующие о степени критичности собственных суждений, которые выражаются в проявлениях сомнений в однозначности трактовки сообщаемой им информации.

Если достигнуть психологического контакта не удалось, допустимо принудительное освидетельство-

вание. Согласимся с мнением Ю.Г. Торбина о том, что к принудительному освидетельствованию целесообразно обращаться, «когда исчерпаны все возможности убеждения, разъяснения необходимости освидетельствования как средства отыскания истины по уголовному делу, при этом искомые обстоятельства не могут быть установлены с помощью других средств доказывания» [10. С. 25].

В значительной степени проведение освидетельствования облегчено в силу традиционного отсутствия в ходе его проведения фигуры защитника. Так, В.С. Попов отмечает, что в ходе анализа практики расследования было выявлено участие защитника в допросе подозреваемого и обвиняемого в 86,5% случаев, при проведении предъявления для опознания – в 4,5% случаев, при очной ставке – в 3%, в следственном эксперименте – в 2,7% случаев. При проведении освидетельствования участие защитника зафиксировано не было [11. С. 22].

Содержание процесса освидетельствования. Непосредственная тактика проведения освидетельствования зависит не столько от того, кем проводится это следственное действие (следователем или специалистом), а, прежде всего, от его приоритетной цели проведения. К целям проведения необходимо отнести:

– поиск повреждений на теле освидетельствуемого;

– установление состояния алкогольного опьянения;

– поиск признаков, свидетельствующих о пребывании освидетельствуемого на месте преступления;

– поиск особых примет у освидетельствуемого, как врожденных (неправильное развитие частей лица, зубов, конечностей, пигментированных образований на коже), так и приобретенных осознанно (татуировки, следы пирсинга) или случайно (следы перенесенных заболеваний и травм, экзогенные пигментации);

– поиск признаков профессиональной принадлежности (например, профессиональный дерматит – острое воспаление кожи, ограниченное местом действия раздражителя).

Общее правило проведения осмотра определяет при освидетельствовании и целесообразность поиска сверху-вниз и слева-направо (при ведущей правой руке следователя).

При поиске визуальных объектов необходимо соответствующее освещение. Даже при наличии источника направленного света требования к освещению следующие: сильное, резкое, искусственное.

Перед проведением освидетельствования необходимо дать возможность освидетельствуемому сообщить информацию, которая может повлиять на полученные в процессе данного следственного действия сведения. Так, освидетельствуемый может указать на повреждения на теле, хронологически более ранние, по сравнению с моментом преступления. Попытка ввести следователя в заблуждение относительно давности повреждений выступит прекрасным основанием для выдвижения следственных действий в контексте сложившейся следственной ситуации.

В процессе осмотра следователь должен учитывать вероятность усилий освидетельствуемого, направленных на сокрытие искомого, например по-

средством заблаговременной маскировки поврежденный или особых примет с помощью грима или путем нанесения повреждения / изображения поверх существующего. Так, например, ссадины достаточно легко скрыть кровоподтеком.

Удивительно, что медиками до сих пор не разработаны тактические рекомендации осмотра наиболее распространенных типов повреждений. Вероятно, в ближайшем будущем создание опросника для осмотра тела человека на предмет анализа повреждений позволит обоснованно обойтись при ряде освидетельствований только участием следователя.

В процессе поиска повреждений на теле и иных примет нельзя ограничиваться поиском следов, о которых в деле имеется информация. Необходимо указывать все криминалистически значимые объекты и признаки (повреждения и особые приметы), имеющиеся на теле. Впоследствии, к примеру, это может оказаться полезным при оценке версии о добросовестности свидетеля, заметившего небольшую татуировку и не заметившего гораздо большую по размеру и интенсивности красителя.

В случае осознания следователем необходимости последующего осмотра одежды освидетельствуемого на предмет поиска микрочастиц и микроследов целесообразно использовать общие технико-криминалистические рекомендации работы с одеждой-следоносителем. Операции с одеждой проводятся над полиэтиленовой пленкой. Одежда складывается следодержащей стороной внутрь. При наличии биологических следов на одежде локализованный их участок обшивается белым материалом 25 на 25 см, одежда складывается обшитым участком внутрь.

В процессе установления состояния опьянения необходимо фиксировать следующие признаки:

- запах алкоголя изо рта;
- наличие алкоголя в выдыхаемом воздухе, фиксируемое специальными техническими средствами;
- нарушение речи;
- неустойчивость позы;
- выраженный тремор конечностей;
- резкое изменение окраски кожных покровов головы;
- поведение, неадекватное обстановке.

Установление состояния алкогольного опьянения, по нашему глубокому убеждению, не требует специальных познаний, только если анализируются вся совокупность признаков.

Тактика взаимодействия следователя со специалистом. По общему правилу производство фотографирования и видеозаписи без согласия освидетельствуемого недопустимо, если присутствует обнажение этого лица. Без сомнения, отсутствие четкого понятия «обнажение лица» в значительной степени затрудняет проведение данного следственного действия.

По нашему мнению, обнажение лица происходит в случае уменьшения минимального объема одежды, который человек себе позволяет в процессе существования в обществе. Так, если человек позволяет себе купаться на общественном пляже в плавках, то обна-

жается он, только снимая плавки, а не рубашку и брюки. Если человек ходит в общественных местах в чаршафе, то снятие его будет считаться обнажением. Таким образом, если законодатель будет ориентироваться на вышеприведенные рассуждения, а не на абстрактности об объеме прав личности, то правовое регулирование процесса освидетельствования приблизится к оптимальному.

Следователю необходимо указать специалисту-фотографу, что в процессе освидетельствования фотосъемку целесообразно проводить по правилам измерительной съемки. Также рациональным будет совет о целесообразности использования в большинстве случаев светофильтров (желто-зеленых или зеленых).

Принятие решения о целесообразности проведения аудио- и видеофиксации предполагает ознакомление специалиста-оператора с условиями предстоящего освидетельствования. Здесь принимается решение о расположении аппаратуры и использовании разных планов при записи.

Анализ практики проведения освидетельствования показывает, что только 35% следователей применяют практические средства фиксации в процессе рассматриваемого следственного действия [9. С. 174]. Одновременно с этим практика нередко подтверждает отсутствие необходимости использования видеосъемки в процессе проведения рассматриваемого следственного действия.

Тактические приемы фиксации результатов проведения освидетельствования. Помимо общих вопросов фиксации процесса, характерных для всех поисковых следственных действий, фиксация результатов освидетельствования имеет ряд особенностей.

Представляется целесообразным указание в протоколе освидетельствования на противодействие освидетельствуемого, если таковое имело место. Неизбыточным также будет указание на первоначальное нежелание участвовать в освидетельствовании и причины этого нежелания.

Результаты установления состояния опьянения необходимо фиксировать в протоколе максимально подробно, указывая не только признаки алкогольной интоксикации, зафиксированные следователем, но и признаки из ранее перечисленных, им не зафиксированные. Мало того, необходимо указывать признаки, свидетельствующие об алкогольной интоксикации в начале и в завершении освидетельствования. Последнее необходимо сделать, чтобы не допустить возможность симулирования состояния опьянения, наступившего после возникновения преступного события. Так, свидетель убийства может утверждать, что находился в состоянии алкогольного опьянения, и не может давать показания, хотя осознанно ввел себя в это состояние после совершенного преступления, чтобы впоследствии ввести в заблуждение следствие. Учитывая сказанное, необходимо отметить в протоколе временной момент начала взаимодействия освидетельствуемого со следователем.

Необнаружение состояния алкогольной интоксикации не означает недостижение цели этого следственного действия. Возможно, впоследствии ряд

симптомов, зафиксированных следователем, послужит почвой для выдвижения версии о нахождении лица в состоянии наркотической интоксикации или о наличии психического расстройства.

При фиксации в протоколе повреждений на теле освидетельствуемого, а также обнаруженных особых примет и признаков профессиональной принадлежности необходимо всегда указывать:

- область локализации;
- размеры (если речь идет о повреждениях, то указывается не только длина / ширина, но и глубина / высота);
- форму (если описать форму объекта ввиду его сложности затруднительно, его можно разбить на ряд составляющих объектов и описать их в привязке друг к другу);

– цвет (представляется, что вопрос цветовой терминологии наиболее проблематичен, поэтому в случае его первостепенности фотосъемка незаменима);

– состояние (например, выделение сукровицы или наличие кровотечения);

– направление эпидермиса;

– давность (без сомнения, если это позволяют познания в медицине).

В отношении указания в протоколе освидетельствования информации об используемой фото- и видеоаппаратуре, иных технических средств, полученных результатах и формах их носителей, факта предупреждения освидетельствуемого об использовании фото- видеоаппаратуры и факте его согласия на это – действуют общие для поисковых следственных действий тактические правила.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцева А.В. Освидетельствование по УПК Российской Федерации // Международные юридические чтения. Омск : Омск. юрид. ин-т, 2004.
2. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учеб. для вузов. М. : Норма – Инфра-М, 2004.
3. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М. : Юрлитинформ, 2004.
4. Якимов И.Н., Михеев П.П. Допрос. Практическое пособие для допрашивающих. М. : Изд-во НКВД, 1930.
5. Алексеева Т.А. Основные проблемы исследования устной речи в криминалистике // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 152–154.
6. Юань В.Л. Систематизация источников информации о личности допрашиваемого на этапе подготовки к допросу // Сборник материалов криминалистических чтений. 2015. № 11. С. 70–72.
7. Ведерников Н.Т. Личность преступника в криминалистике и криминологии // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 148–152.
8. Исаева Л.М. Специальные познания в уголовном судопроизводстве. М., 2003.
9. Потапова А.Г. Освидетельствование в уголовном судопроизводстве России: процессуальный аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 1997.
10. Торбин Ю.Г. Теория и практика освидетельствования. СПб. : Питер, 2004.
11. Попов В.С. Участие адвоката-защитника в процессе доказывания на стадии предварительного расследования и в суде первой инстанции : автореф. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005.

Статья представлена научной редакцией «Право» 11 февраля 2016 г.

ON EXAMINATION TACTICS

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 154–161. DOI: 10.17223/15617793/405/22

Akhmedshin Ramil L. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Keywords: crime scene analysis; examination; investigative action; tactics; method of tactics.

Traditionally, there are three main points of view on the nature of examination: examination as a kind of inspection; examination as a kind of expert studies; examination as an independent investigative action with signs of inspection and expert study. The dual nature of examination traditionally provokes debate about the nature of the investigative procedure, the priority of directly search or expert research beginnings in it. Until now, some researchers believe that Art. 179 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is characterized by the dual nature of examination. It can be argued that today the tactics of examination qualitatively lags behind the level of the development of the tactics of other investigative actions. It is suffice to say that in a significant number of textbooks there is no paragraph in which issues of tactics of examination are considered separately, the last thesis on aspects of forensic examination was defended 35 years ago, the next-to-last 50 years ago. Criminology has developed a number of rational recommendations as conditions for examination: 1) examination can be made only after initiating a criminal case; 2) examination is appropriate when there is no need to appoint a forensic examination; 3) persons to be examined are the accused, the suspect, the victim, the witness; 4) if necessary, an expert is involved in the production of examination. What is the difference between examination and inspection or expert study? What caused this new investigative procedure to appear and gain recognition? The answer seems obvious: speed, combined with the lack of surplus criminal procedural regulations, and simplicity arising from the maximal visibility of traces of the crime. It is these features that determine the direction and content of the tactics of examination. Making decisions about the production of examination can not be considered technical work, because the description of the facts established in the decision is actually a rationale for making examination rather than identification or forensic examination. The list of circumstances in this part of the decision should be detailed and comprehensive. It seems advisable to have an extremely small time interval between the time-date of familiarizing the person to be examined with the decision about the production and the time-date of the beginning of this investigative action.

REFERENCES

1. Kudryavtseva, A.V. (2004) Osvidetel'stvovanie po UPK Rossiyskoy Federatsii [Examination by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. In: *Mezhdunarodnye yuridicheskie chteniya* [International legal readings]. Омск: Омск Institute of Law.

2. Aver'yanova, T.V. et al. (2004) *Kriminalistika* [Criminal Science]. Moscow: Norma – Infra-M.
3. Sheyfer, S.A. (2004) *Sledstvennye deystviya. Osnovaniya, protsessual'nyy poryadok i dokazatel'stvennoe znachenie* [Investigative actions. Grounds, a remedial order and probative value]. Moscow: Yurlitinform.
4. Yakimov, I.N. & Mikheev, P.P. (1930) *Dopros. Prakticheskoe posobie dlya doprashivayushchikh* [Interrogation. A Practical Guide for the interrogators]. Moscow: Izd-vo NKVD.
5. Alekseeva, T.A. (2014) The main problems of research of speech in criminalistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 383. pp. 152–154. (In Russian).
6. Yuan', V.L. (2015) Sistematizatsiya istochnikov informatsii o lichnosti doprashivaemogo na etape podgotovki k doprosu [Ordering of sources of information about the person being questioned in preparation for interrogation]. *Sbornik materialov kriminalisticheskikh chteniy*. 11. pp. 70–72.
7. Vedernikov, N.T. (2014) The identity of the offender in criminalistics and criminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 384. pp. 148–152. (In Russian).
8. Isaeva, L.M. (2003) *Spetsial'nye poznaniya v ugovnom sudoproizvodstve* [Special knowledge in the criminal trial]. Moscow: YuRMIS.
9. Potapova, A.G. (1997) *Osvidetel'stvovanie v ugovnom sudoproizvodstve Rossii: protsessual'nyy aspekt* [Survey in the criminal trial of Russia: the procedural aspect]. Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
10. Torbin, Yu.G. (2004) *Teoriya i praktika osvidetel'stvovaniya* [Theory and practice of survey]. St. Petersburg: Piter.
11. Popov, V.S. (2005) *Uchastie advokata-zashchitnika v protsesse dokazyvaniya na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya i v sude pervoy instantsii* [Participation of the lawyer-defender in the process of evidence during the preliminary investigation and the first instance court]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.

Received: 11 February 2016

О ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-03-00413 «Злоупотребление правом в уголовном процессе: системные и несистемные проявления, их предотвращение и пересечение».

Отмечается неточность позиции Конституционного Суда РФ в ситуации открытия конкурсного производства о снятии ранее наложенных арестов на имущество должника. В тех случаях, когда арест выступает как форма хранения вещественных доказательств по уголовному делу (ч. 1 ст. 82 УПК РФ), он не подлежит отмене при открытии конкурсного производства, он сохраняется до разрешения дела. Предлагается уточнить соответствующую правовую позицию Конституционного Суда.

Ключевые слова: правовые позиции Конституционного Суда РФ; метод правового регулирования; наложение ареста на имущество; отмена ареста на имущество; открытие конкурсного производства; вещественные доказательства; расследование хищений.

Повод для обращения к теме исследования. За последние годы накопилось немало вопросов, связанных с практикой применения в качестве меры процессуального принуждения наложения ареста на имущество. Стали поступать жалобы и в Конституционный Суд Российской Федерации. Предметом его рассмотрения оказались, в частности, положения ч. 3 и 9 ст. 115 УПК РФ как служащие основанием для установления на стадии производства предварительного расследования по уголовному делу правового режима ареста имущества лица, не являющегося по данному уголовному делу подозреваемым, обвиняемым или лицом, несущим в соответствии с ГК РФ ответственность за вред, причиненный преступлением, если имеются достаточные основания полагать, что это имущество получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого.

В принятом на этот предмет Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью “Аврора малоэтажное строительство” и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена» [1] ряд положений ч. 3 и 9 ст. 115 УПК РФ признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, а федеральному законодателю предписано внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения (п. 1 и 2 резолютивной части Постановления).

Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] в УПК РФ внесены многочисленные изменения, направленные на отражение конституционно-правового смысла правовых положений, сформулированных в указанном выше Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации, и совершенствования законодательного регулирования применением наложения ареста на имущество в качестве меры процессуального принуждения.

Позитивно расценивая отмеченные события, заметим, что не все известные проблемы получили полное разрешение. Речь идет, в частности, о точности и по-

следовательности позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу о методе правового регулирования при наложении ареста на имущество по уголовному делу, недопустимости на этой основе подмены частнопроводными механизмами разрешения споров о собственности уголовно-процессуальных средств, направленных на достижение публично-правовых целей уголовного судопроизводства. Такая подмена может являться способом злоупотребления правом со стороны участника уголовного судопроизводства [3. С. 65–78].

Сформулированные ранее [4. С. 43–46; 5. С. 508–511; 6. С. 95–98] выводы на этот счет нашли некоторое отражение в тенденциях изменения отдельных правовых позиций, содержащихся в принятых в разные годы постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, однако по-прежнему усматривается их различие применительно к оценке конституционности различных нормативно-правовых актов. Речь идет, в частности, о правовых позициях, сформулированных в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобами Закрытого акционерного общества “Недвижимость-М”, Общества с ограниченной ответственностью “Соломатинское хлебоприемное предприятие” и гражданки Л.И. Костаревой» [7] и в упомянутом выше Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П, в которых дается оценка конституционности норм о наложении ареста на имущество, содержащихся в Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [8] и в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

Проблемная ситуация. В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О несостоятельности (банкротстве)» если гражданин не способен удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязатель-

ных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены, и если сумма его обязательств превышает стоимость принадлежащего ему имущества, возникает ситуация банкротства. К этому моменту на имущество должника нередко накладывается арест в порядке гражданского или арбитражного судопроизводства. Порой ситуация усугубляется тем, что в действиях должника устанавливаются признаки преступления и в отношении него возбуждается уголовное дело, в ходе производства по которому на имущество должника также накладывается арест.

Последнее обстоятельство не препятствует процедуре банкротства. Принятие арбитражным судом решения о признании должника банкротом влечет за собой открытие конкурсного производства (ст. 124 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). С даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства прекращаются полномочия руководителя должника, иных органов управления должника и собственника имущества должника – унитарного предприятия.

Одним из существенных последствий принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства в соответствии со ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» является снятие ранее наложенных арестов на имущество должника и иных ограничений распоряжения имуществом должника (абз. 9 ч. 1). Основанием для снятия ареста на имущество должника является решение суда о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства. Наложение новых арестов на имущество должника и иных ограничений распоряжения имуществом должника не допускается.

В этой связи возникает вопрос, распространяется ли действие приведенной нормы на случаи наложения ареста на имущество в ходе производства по уголовному делу. То есть означает ли, что решение суда о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства автоматически влечет за собой снятие ареста на имущество этого должника, наложенного при производстве по уголовному делу (в скобках заметим, что в такой ситуации указанный должник по уголовному делу обычно имеет статус подозреваемого или обвиняемого).

Решение проблемы в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации. Прямой ответ на сформулированный выше вопрос содержится в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, п. 2 части первой ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого п. 1 ст. 126 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобами Закрытого акционерного общества “Недвижимость-М”, Общества с ограниченной ответственностью “Соломатинское хлебоприемное пред-

приятие” и гражданки Л.И. Костаревой». В этом постановлении сделан вывод о том, что ч. 3 ст. 115 УПК РФ во взаимосвязи с абзацем девятым п. 1 ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – не предполагают наложение ареста на имущество должника, находящегося в процедуре конкурсного производства, либо сохранение ранее наложенного в рамках уголовного судопроизводства ареста на имущество должника после введения данной процедуры для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска в отношении отдельных лиц, являющихся конкурсными кредиторами (п. 4).

Таким образом, с решением суда о введении процедуры конкурсного производства в отношении должника все ранее наложенные в рамках уголовного судопроизводства аресты на его имущество «снимаются».

Эта позиция получила поддержку среди исследователей. Так, П.С. Замалаев отмечает, что закрепление в судебной практике правовой позиции, в соответствии с которой снятие всех ограничений по распоряжению имуществом, в том числе и ареста, наложенного в рамках уголовного судопроизводства, происходит с момента признания организации несостоятельным должником (банкротом) на основании соответствующего судебного решения, без вынесения и принятия каких-либо дополнительных актов, является шагом вперед на пути построения гражданского общества. Не может признаваться допустимым толкование закона, при котором отдельные кредиторы получают преимущественное право удовлетворения своих требований из стоимости арестованного в рамках уголовного дела имущества в ущерб требованиям других кредиторов (в том числе и государства), установленным и включенным в реестр требований кредиторов организации-должника в соответствии с нормами Закона «О несостоятельности (банкротстве)» [9].

Основания указанной позиции Конституционного Суда Российской Федерации изложены в том же Постановлении от 31 января 2011 г. № 1-П. В п. 2.2 этого Постановления записано: «По смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в ряде его решений, в том числе в Постановлениях от 25 марта 2008 г. № 6-П и от 26 февраля 2010 г. № 4-П, однородные по своей юридической природе отношения в силу принципа юридического равенства должны регулироваться одинаковым образом. Поскольку гражданско-правовые требования о возмещении имущественного вреда, причиненного преступлением, – вне зависимости от того, подлежат они рассмотрению в гражданском или уголовном судопроизводстве, – разрешаются в соответствии с нормами гражданского законодательства, суды общей юрисдикции при рассмотрении в уголовном судопроизводстве вопросов, касающихся отношений собственности, не должны допускать подмены частно-правовых механизмов разрешения споров о собственности уголовно-процессуальными средствами,

направленными на достижение публично-правовых целей уголовного судопроизводства».

Следовательно, квинтэссенция позиции – в нормативно-правовой принадлежности предмета регулирования. Гражданско-правовые требования о возмещении имущественного вреда, пусть даже причиненного преступлением, и в гражданском и в уголовном судопроизводстве равно подлежат разрешению в соответствии с нормами гражданского законодательства. Стало быть, уголовно-процессуальные требования, касающиеся арестованного имущества, – логично продолжить – должны разрешаться на основе норм УПК в соответствии с целями уголовно-процессуальной деятельности.

Неполное отражение целей наложения ареста на имущество как источник неточности решения проблемы в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации. Обращение к правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, изложенным в Постановлении от 31 января 2011 г. № 1-П, свидетельствует о неполноте отражения в них целей наложения ареста на имущество, которые поставлены перед этой мерой уголовно-процессуального принуждения в уголовно-процессуальном законодательстве. В поле зрения Конституционного Суда оказался лишь арест на имущество должника после введения процедуры конкурсного производства для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска в отношении отдельных лиц, являющихся конкурсными кредиторами (п. 4). Иные гражданско-правовые требования, не связанные с гражданским иском, например обеспечение исполнения приговора в части других имущественных взысканий, в его поле зрения не попали.

Уголовно-процессуальные требования вовсе выпали из поля зрения Конституционного Суда. Если внимательно прочитать формулировку правовой позиции в Постановлении от 31 января 2011 г. № 1-П, можно заметить, что она касается только обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска. Как следствие, правовая позиция Конституционного Суда оказалась не вполне точной, не учитывающей все возможные ситуации, в частности те, когда арест на имущество накладывается не в целях обеспечения гражданско-правовых требований.

Между тем действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает подобные ситуации в нормах, определяющих цели наложения ареста на имущество. В ч. 1 ст. 111 УПК РФ установлены цели, относящиеся в равной мере к ряду мер процессуального принуждения, среди которых и наложение ареста на имущество (обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество). Среди этих целей: 1) обеспечение установленного УПК РФ порядка уголовного судопроизводства; 2) обеспечение надлежащего исполнения приговора. В ст. 115 УПК РФ, подробно регламентирующей порядок наложения ареста на имущество, детализирована такая его цель, установленная в ст. 111, как обеспечение надлежащего исполнения приговора. В частности, предусмотрено,

что ходатайство о наложении ареста на имущество возбуждается: а) для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска; б) для обеспечения исполнения приговора в части взыскания штрафа; в) для обеспечения исполнения приговора в части других имущественных взысканий; г) для обеспечения исполнения приговора в части возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ (ч. 1 ст. 115 УПК РФ).

Следовательно, наложение ареста на имущество при производстве по уголовному делу по закону может преследовать пять целей:

- 1) обеспечение установленного УПК РФ порядка уголовного судопроизводства;
- 2) обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска;
- 3) обеспечение исполнения приговора в части взыскания штрафа;
- 4) обеспечение исполнения приговора в части других имущественных взысканий;
- 5) обеспечение исполнения приговора в части возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

Среди указанных пяти целей лишь две (в приведенном списке соответственно вторая и четвертая) могут быть отнесены к целям обеспечения гражданско-правовых требований. Третья и пятая цели предназначены для обеспечения исполнения мер уголовного наказания, а первая – обеспечение установленного порядка уголовного судопроизводства – представляет собой специальную уголовно-процессуальную цель процедурного характера для обеспечения нормального производства по уголовному делу.

Таким образом, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П учтена лишь одна, вторая, в приведенном перечне легальная цель применения наложения ареста на имущество в качестве меры процессуального принуждения.

Соотношение позиции Конституционного Суда Российской Федерации и легальных целей наложения ареста на имущество в уголовном процессе. Анализ оснований приведенной правовой позиции в Постановлении от 31 января 2011 г. № 1-П показывает, что она относится только к тем ситуациям, которые разрешаются на основе норм гражданского права и в которых преследуются «гражданско-правовые» цели. На этом основании к ним можно отнести указанные выше ситуации, когда арест на имущество накладывается для обеспечения надлежащего исполнения приговора: как прямо названные в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации (в части гражданского иска), так и иные гражданско-правовые требования, не связанные с гражданским иском (в части других имущественных взысканий).

Иначе, на наш взгляд, выглядят ситуации, которые разрешаются на основе норм уголовного уголовно-процессуального права и в которых преследуются процедурно-процессуальные цели, а именно когда арест на имущество накладывается для обеспечения установленного УПК РФ порядка уголовного судопроизводства.

производства. Речь идет, в частности, о наложении ареста на деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, которые по этому признаку признаются вещественными доказательствами (п. 2¹ ч. 1 ст. 81 УПК РФ) и в силу этого на них распространяется регламентированный в законе специальный режим хранения: в соответствии с п. 3¹ ч. 2 ст. 82 УПК РФ вещественные доказательства в виде денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления, и доходов от этого имущества, обнаруженных при производстве следственных действий, подлежат аресту в порядке, установленном ст. 115 УПК РФ.

Следовательно, надо различать наложение ареста на имущество как *меру обеспечения* исполнения приговора в части гражданского иска и других имущественных взысканий и как уголовно-процессуальную *форму хранения* вещественных доказательств.

Арест как форма хранения вещественных доказательств не является «частноправовым механизмом разрешения споров о собственности», это исключительно уголовно-процессуальная категория, носящая в силу присущего уголовно-процессуальному праву метода правового регулирования публично-правовой характер.

В этом качестве арест как форма хранения вещественных доказательств в соответствии с ч. 1 ст. 82 УПК РФ сохраняется до вступления приговора в законную силу либо до истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела.

Перспективы совершенствования правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации при наложении ареста на имущество. Следовательно, отмена ареста на имущество в соответствии с абзацем девятым п. 1 ст. 126 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», регулирующей последствия открытия конкурсного производства... в связи с принятием арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства, не меняет статус вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве и не отменяет такую форму их хранения, как наложение ареста. В этой связи правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации о том, что *часть третья статьи 115 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с абзацем девятым п. 1 ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» не предполагают сохранение ранее наложенного в рамках уголовного судопроизводства ареста на имущество должника после введения данной процедуры для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска*, нуждается в уточнении: с одной стороны, ее следует распространить и на другие имущественные взыскания, не связанные с гражданским иском, с другой – необходимо оговорить, что она не затрагивает ареста на имущество, наложенного в целях обеспечения установленного УПК РФ порядка уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что недостатки отражения в правовых позициях Конституционного Суда Россий-

ской Федерации целей наложения ареста на имущество по уголовному делу, замеченные в Постановлении от 31 января 2011 г. № 1-П, в последующем Постановлении от 21 октября 2014 г. № 25-П частично оказались восполненными. В нем, в частности, упоминаются и другие предусмотренные в УПК РФ цели наложения ареста на имущество. Однако при этом по-прежнему наблюдается определенная нестрогость в обращении с законом, проявляющаяся в перефразировании законодательных формулировок целей, произвольном исключении из их перечня то одних, то других целей. Так, из четырех имеющихся в тексте Постановления случаев приведения перечня целей наложения ареста на имущество (пп. 1, 3, 3.1) авторы текста постановления в одном случае называют две цели, в двух случаях – по три, но разных цели, и только в одном – все четыре цели данной меры процессуального принуждения. Пятая по счету цель – для обеспечения исполнения приговора в части взыскания штрафа – была включена в ч. 1 ст. 115 УПК РФ уже после принятия Конституционным Судом Российской Федерации Постановления от 21 октября 2014 г. № 25-П – Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10].

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П, также как и в Постановлении от 31 января 2011 г. № 1-П, утверждается, что не должна допускаться подмена частноправовых механизмов разрешения споров о собственности уголовно-процессуальными средствами, направленными на достижение публично-правовых целей уголовного судопроизводства (ч. 3 п. 2). Сама по себе такая позиция не вызывает возражений. В Постановлении от 21 октября 2014 г. № 25-П также отмечается возможность применения наложения ареста на имущество как для защиты субъективных гражданских прав лиц, потерпевших от преступления, так и в публично-правовых целях, в том числе для обеспечения сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по уголовному делу (п. 3). При этом подчеркивается, что в силу п. 2.1 ч. 1 ст. 81 и п. 3.1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, признаются вещественными доказательствами и, будучи обнаруженными при производстве следственных действий, подлежат аресту в порядке, установленном ст. 115 УПК РФ (ч. 2 п. 3.1).

В приведенных правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации достаточно, на мой взгляд, оснований для вывода о том, что арест, наложенный при производстве по уголовному делу на деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, которые по этому признаку признаны вещественными доказательствами и в силу этого на них распространяется специальный режим (уголовно-процессуальная форма) хранения – этот самый арест, не подлежит автоматическому «снятию» с имущества должника в случае решения суда о признании такого должника банкротом и об открытии конкурсного производства.

Однако этому доктринальному положению противостоит правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации о том, что часть третья ст. 115 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с абзацем девятым п. 1 ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» не предполагает сохранение ранее наложенного в рамках уголовного судопроизводства ареста на имущество

должника после введения процедуры конкурсного производства. И хотя данные позиции сформулированы в разных постановлениях, принятых по разным основаниям, присущее правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации свойство системности предполагает необходимость изыскания средств «законодательной» техники для приведения их в соответствие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью “Аврора малоэтажное строительство” и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 44. Ст. 6128.
2. Федеральный закон от 29 июня 2015 года № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 27. Ст. 3981.
3. Трубникова Т.В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства со стороны государства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17). С. 65–78.
4. Григорьев В.Н. О некоторых вопросах, возникающих при отмене ареста, наложенного на ценные бумаги, при производстве по уголовному делу // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р.С. Белкина) : сб. материалов 53-х криминалистических чтений : в 3 ч. М. : Академия управления МВД России, 2012. Ч. 3. С. 43–46.
5. Григорьев В.Н. О методе правового регулирования при отмене ареста, наложенного на ценные бумаги, при производстве по уголовному делу // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. 2013. № 2. С. 508–511.
6. Григорьев В.Н. Отмена ареста, наложенного на ценные бумаги, при производстве по уголовному делу // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 19–20 сентября 2013 г. / Министерство внутр. дел РФ, Краснодар. ун-т МВД России, Новорос. фил. Краснодар. ун-та МВД России. Краснодар : Издательский Дом-ЮГ, 2013. С. 95–98.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 года № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобами Закрытого акционерного общества “Недвижимость-М”, Общества с ограниченной ответственностью “Соломатинское хлебоприемное предприятие” и гражданки Л.И. Костаревой» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 6. Ст. 897.
8. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
9. Замалаев П.С. Снятие ареста на имущество, наложенного в рамках Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, с момента признания компании банкротом // Предпринимательство и право, информационно-аналитический портал. URL: lexandbusiness.ru (дата размещения: 16.10.2012; дата обращения: 17.01.2016).
10. Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1410.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 марта 2016 г.

ON THE LEGAL POSITION OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON SEIZURE OF PROPERTY

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 162–167. DOI: 10.17223/15617793/405/23

Grigoryev Viktor N. Moscow Psycho-Social University (Moscow, Russian Federation). E-mail: grigorev.viktor@gmail.com

Keywords: legal position of the Constitutional Court; method of legal regulation; seizure of property; abolition of arrest on property; opening of bankruptcy proceedings; evidence; investigation of theft.

The article deals with the situation when the court makes a decision to declare the debtor bankrupt and to open bankruptcy proceedings, and, on this basis, in accordance with Art. 126 of the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” the previous seizure of the debtor’s property is removed. The question of whether the effect of the above rule applies to the case of seizure of property in the course of criminal proceedings finds a positive response in the judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 31, 2011 No. 1-P. This means that the court’s decision to declare the debtor bankrupt and to open bankruptcy proceedings automatically entails withdrawal of seizure of property of the debtor imposed in criminal proceedings. It is proved that the position of the Constitutional Court on the situation is inaccurate. It is based on the basically correct statement that the substitution of private dispute resolution mechanisms of ownership by means of criminal proceedings, aimed at achieving public-law purposes of criminal proceedings, should not be allowed. However, the Constitutional Court does not take into account the fact that arrest of property in a criminal case may be applied not only for the protection of the subjective civil rights of individuals, victims of a crime, but also for public law purposes, including ensuring the preservation of property related to real evidence in a criminal case when arrest is a form of storage (Art. 1, Art. 82 of the RF Code of Criminal Procedure). In these cases, arrest can not be canceled at the opening of bankruptcy proceedings, until the criminal case is solved. In its judgment of October 21, 2014 No. 25-P, the Constitutional Court clarified its position, acknowledging the diversity goals of seizure of property, including the storage of evidence. However, legal positions given in the resolution are enough only for a doctrinal conclusion that the arrest imposed in a criminal case on money, valuables and other property obtained through the commission of crimes on the basis of recognized evidence, and because of this they issued special storage conditions, is the arrest that cannot be automatically “removed” from the debtor’s property in the event of a court decision on the opening of bankruptcy proceedings. This doctrinal position is opposed to the legal position of the Constitutional Court’s decision of January 31, 2011 No. 1-P that Part 3 of Art. 115 of the RF Code of Criminal Procedure in conjunction with Paragraph 9, Part 1, Art. 126 of the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” does not imply the preservation of the arrest of the debtor’s prop-

erty previously imposed in criminal proceedings after the opening of bankruptcy proceedings. On this basis, it is proposed to clarify the appropriate legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2014) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 21 oktyabrya 2014 g. № 25-P “Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy chastey tret’ey i devyatoy stat’i 115 Ugolovno-protsessual’nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhalobami obshchestva s ogranichennoy otvetstvenost’yu “Avrora maloetazhnoe stroitel’stvo” i grazhdan V.A. Shevchenko i M.P. Eydlena” [Ruling of the Constitutional Court of October 21, 2014 No. 25-P “On the case on the constitutionality of the provisions of Parts 3 and 9 of Article 115 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure in connection with the complaints of the limited liability company “Avrora maloetazhnoe stroitel’stvo” and citizens V.A. Shevchenko and M.P. Eydlena”]. *Sobranie zakonodatel’stva Rossiyskoy Federatsii* [Code of Laws of the Russian Federation]. 44. Art. 6128.
2. Russian Federation. (2015) Federal’nyy zakon ot 29 iyunya 2015 goda № 190-FZ “O vnesenii izmeneniy v otdel’nye zakonodatel’nye akty Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law of June 29, 2015 No. 190-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel’stva Rossiyskoy Federatsii* [Code of Laws of the Russian Federation]. 27. Art. 3981.
3. Trubnikova, T.V. (2015) Abuse of right in criminal proceeding: criteria and state interference limits. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 3 (17). pp. 65–78. (In Russian).
4. Grigor’ev, V.N. (2012) O nekotorykh voprosakh, vznikayushchikh pri otmene aresta, nalozhennogo na tsennyye bumagi, pri proizvodstve po ugolovnomu delu [On some issues arising from the cancellation of arrest imposed on the securities in the criminal case]. In: *Sovremennaya kriminalistika: problemy, tendentsii, imena (k 90-letiyu professora R.S. Belkina): sb. materialov 53-kh kriminalisticheskikh chteniy: v 3 ch.* [Modern Forensics: problems, tendencies, names (on the 90th anniversary of Professor R.S. Belkin): Materials of 53rd forensic readings: in 3 pts]. Pt. 3. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii.
5. Grigor’ev, V.N. (2013) O metode pravovogo regulirovaniya pri otmene aresta, nalozhennogo na tsennyye bumagi, pri proizvodstve po ugolovnomu delu [On the method of legal regulation of the abolition of arrest imposed on the securities in the criminal case]. *Evropeyskiy zhurnal sotsial’nykh nauk*. 2. pp. 508–511.
6. Grigor’ev, V.N. (2013) [Cancellation of arrest imposed on the securities in the criminal case]. *Aktual’nye problemy prava i pravoprimenitel’noy deyatel’nosti na sovremennom etape* [Topical problems of law and law enforcement at the present stage]. Proceedings of the international scientific and practical conference. 19–20 September 2013. Krasnodar: Izdatel’skiy Dom–YuG. pp. 95–98. (In Russian).
7. Russian Federation. (2011) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 31 yanvarya 2011 goda № 1-P “Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy chastey pervoy, tret’ey i devyatoy stat’i 115, punkta 2 chasty pervoy stat’i 208 Ugolovno-protsessual’nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i abzatsa devyatogo punkta 1 stat’i 126 Federal’nogo zakona “O nesostoyatel’nosti (bankrotstve)” v svyazi s zhalobami Zakrytogo aktsionernogo obshchestva “Nedvizhimost’-M”, Obshchestva s ogranichennoy otvetstvenost’yu “Solomatinskoe khlebpriemnoe predpriyatie” i grazhdanki L.I. Kostarevoy” [Decision of the Constitutional Court of 31 January 2011 No. 1-P “On the case on the constitutionality of provisions of Parts 1, 3, 5 of Article 115, Paragraph 2 of Part 1 of Article 208 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Part of Paragraph 1 of Article 126 of the Federal law “On Insolvency (Bankruptcy)” in connection with the complaints of Nedvizhimost’-M CJSC and Solomatinskoe khlebpriemnoe predpriyatie LLC, and citizen L.I. Kostareva”]. *Sobranie zakonodatel’stva Rossiyskoy Federatsii* [Code of Laws of the Russian Federation]. 6. Art. 897.
8. Russian Federation. (2002) Federal’nyy zakon ot 26 oktyabrya 2002 g. № 127-FZ (red. ot 29.12.2015) “O nesostoyatel’nosti (bankrotstve)” [Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ (ed. of 29.12.2015) “On Insolvency (Bankruptcy)”]. *Sobranie zakonodatel’stva Rossiyskoy Federatsii* [Code of Laws of the Russian Federation]. 43. Art. 4190.
9. Zamalaev, P.S. (2012) *Snyatie aresta na imushchestvo, nalozhennogo v ramkakh Ugolovno-protsessual’nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, s momenta priznaniya kompanii bankrotom* [Removing the arrest of property imposed under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation from the moment of recognition of the company bankrupt]. [Online]. Available from: <http://lexandbusiness.ru>. (Accessed: 17 January 2016).
10. Russian Federation. (2015) Federal’nyy zakon ot 8 marta 2015 g. № 40-FZ “O vnesenii izmeneniy v otdel’nye zakonodatel’nye akty Rossiyskoy Federatsii” [Federal law of March 8, 2015 No. 40-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel’stva Rossiyskoy Federatsii* [Code of Laws of the Russian Federation]. 10. Art. 1410.

Received: 21 March 2016

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ НА ОБЖАЛОВАНИЕ В СУД ДЕЙСТВИЙ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) И РЕШЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Рассматриваются особенности реализации права на подачу жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ с учетом возможностей злоупотребления субъективными правами участниками уголовного судопроизводства. На основе анализа литературы, российской судебной практики и решений Европейского суда по правам человека в статье предложены классификация форм злоупотреблений правом на обжалование, а также механизм предупреждения и пресечения данного поведения.

Ключевые слова: досудебное производство; принципы уголовного процесса; право на обжалование; предмет обжалования; злоупотребление правом; критерии неприемлемости жалобы.

Экономические, политические и социальные преобразования, происходящие в России, обусловили необходимость закрепления ряда демократических устоев и принципов, соответствующих общепризнанным нормам, мировым стандартам и институтам. Вслед за международными актами Конституция РФ признала права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, защита которых стала одной из приоритетных задач государства. В целях реализации данного положения законодатель предусмотрел различные средства, одним из которых является предоставляемая личности возможность обращения за защитой своих прав и свобод в суд посредством подачи жалобы на действия (бездействие) и решения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (п. 2 ст. 46 Конституции РФ).

Свое отражение институт обжалования нашел и в уголовно-процессуальном законодательстве России. Ныне действующий УПК РФ впервые закрепил право на обжалование процессуальных действий и решений в качестве принципа уголовного судопроизводства (ст. 19 УПК РФ). При этом на этапе досудебного производства законодатель предусмотрел два порядка обжалования действий и решений органов, должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, применительно к субъекту разрешения жалобы: общий (путем подачи жалобы прокурору, руководителю следственного органа) и судебный (посредством подачи жалобы в суд).

Роль института судебного обжалования трудно переоценить. Являясь одной из правовых гарантий обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, он не только выполняет восстановительную, регулятивную функции, но и способствует устранению, предупреждению будущих нарушений закона при производстве по уголовному делу со стороны государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование.

Между тем, указанный определенно положительный результат не всегда может быть достигнут. Это вызвано тем, что участники уголовного процесса, руководствуясь собственными интересами, целями, которые не всегда являются добросовестными или даже правомерными, могут использовать предоставленное им право судебного обжалования в противоречии с

его назначением, тем самым причиняя вред правам и законным интересам других субъектов, а также, в целом, препятствуя достижению цели уголовного процесса – установлению объективной истины по делу [1. С. 102]. В таком случае указанное поведение лица стоит расценивать как злоупотребление правом.

Однако предпосылки появления злоупотребления правом коренятся в самом законодательстве, закрепившем широкую свободу обжалования, выраженную в отсутствии четких критериев, предъявляемых, во-первых, к предмету обжалования; во-вторых, к временным пределам реализации права на подачу жалобы; и в отсутствии эффективных механизмов предупреждения и пресечения злоупотребления правом как общеправового, так и уголовно-процессуального явления в частности.

Предмет судебного обжалования в соответствии со ст. 125 УПК РФ составляют постановления дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а также иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

На первый взгляд, предмет обжалования в судебном порядке несколько ограничен от общего предмета обжалования, включающего в себя в соответствии со ст. 123-124 УПК РФ любые действия (бездействие) и решения государственных органов и должностных лиц, затрагивающих интересы личности, за счет закрепления признака конституционности нарушенных прав и свобод участников уголовного процесса. Однако Конституция РФ не устанавливает зависимость между правом судебного обжалования действий, решений органов государственной власти, должностных лиц и указанным свойством тех прав и свобод, судебную защиту которых лицо считает эффективной. Иное противоречит ст. 55 Конституции РФ, определяющей, что перечисление в Конституции РФ основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Следовательно, нарушение практически любого права или неудовлетворение законного процессуального интереса участника

уголовного судопроизводства можно рассматривать как покушение в той или иной степени на конституционные права и свободы личности.

Подобная законодательная конструкция ст. 125 УПК РФ, не предусматривающая иных более четких критериев определения предмета судебного обжалования, позволяет прийти к выводу о фактической его безграничности, предполагающей «обязанность суда рассмотреть любую жалобу на действия и решения органа или лица, осуществляющего расследование, и прокурора» [2. С. 25]. Последствием такой свободы осуществления права на обжалование может стать злоупотребление указанным правомочием [3. С. 11].

Существование данного правового явления подтверждается в том числе и практикой Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Более того, термин «злоупотребление» используется в § 3а ст. 35 Конвенции о защите прав человека и основных свобод применительно к условиям приемлемости подачи жалобы. Исходя из толкования этого положения, злоупотребление представляет собой любое поведение заявителя, явно не соответствующее назначению гарантированного Конвенцией права на обращение, нарушающее установленный порядок работы суда или затрудняющее надлежащее протекание разбирательств в суде. Но, равно как и в отечественном законодательстве, универсальные критерии для оценки поведения заявителя в качестве злоупотребительного не сформулированы, суд самостоятельно определяет их применительно к каждой жалобе с учетом всех обстоятельств.

Между тем, анализ литературы, российской судебной практики и прецедентных позиций ЕСПЧ позволяет выделить следующие разновидности злоупотребления правом на судебное обжалование, связанные с его предметом.

Во-первых, недобросовестная подача заведомо неосновательной жалобы. В этом случае лицо, злоупотребляющее правом, осознает законность и обоснованность действия (бездействия), решения государственного органа или должностного лица, но, тем не менее, обжалует их с целью затянуть следствие, втянуть должностное лицо, осуществляющее расследование, в бесконечную тяжбу по второстепенным вопросам процесса, что, несомненно, становится препятствием для достижения назначения уголовного судопроизводства.

Стоит заметить, что указанное злоупотребление правом на обращение с жалобой может совершаться различными способами: 1) путем подачи жалобы, в которой указывается на мнимое, надуманное причинение вреда правам и законным интересам заявителя (жалоба с пороком повода, т.е. с недействительным юридическим фактом, порождающим уголовно-процессуальные отношения по обжалованию); 2) путем подачи жалобы, основанной на недоброкачественных доказательствах (недоверенных, неотнесенных или недопустимых) или юридически несостоятельных фактах, о чем субъекту было заранее известно (жалоба с пороком основания).

Вместе с тем Европейский суд по правам человека определил, что последний из указанных вид злоупо-

требления правом на обжалование не является однородным и находит свое выражение в нескольких формах: обращение от чужого имени [4]; подделка документов, направляемых в суд [5]; сокрытие заявителем ключевой информации по своему делу [6] и др.

Сущность перечисленных злоупотреблений состоит в том, что доводы лиц, обжалующих действия (бездействие), решения государственных органов и должностных лиц, носят искусственный, не соответствующий действительности характер, тем самым лишая суд возможности вынести решение по жалобе с учетом всех обстоятельств дела. Однако ЕСПЧ отмечает, что для признания указанных выше действий заявителя как злоупотребительных должен быть точно установлен злой умысел лица на введение суда в заблуждение.

Во-вторых, злоупотребление может быть совершено посредством подачи беспредметной жалобы, в которой не называется, какое именно решение, действие (бездействие) должностного лица следует признать незаконным. Кроме того, ЕСПЧ отнес к беспредметным жалобам обращения, носящие оскорбительный характер, содержащие заявления о преступности действий следователя, дознавателя, прокурора, их коррумпированности, причастности к деятельности преступного сообщества, и требования привлечения их к дисциплинарной ответственности, возбуждения в отношении них уголовного дела, в силу отсутствия в них указания на действительный повод и основание обжалования и явно недобросовестных мотивов заявителя [Там же]. По мнению суда, для признания жалобы необоснованной недостаточно использования лицом чрезмерно эмоциональных, не относящихся к делу утверждений, злоупотреблением будет считаться только *постоянное употребление* неуместных выражений. В случае, если заявитель прекратил свои действия после официального предупреждения, принес свои извинения суду, правительству государства-ответчика и его представителю в судебном разбирательстве, то необоснованные утверждения лица, обратившегося с жалобой, считаются отозванными, а его поведение утрачивает характер злоупотребительного и не может влечь за собой никаких негативных последствий [7].

В литературе для предупреждения и пресечения вышеперечисленных способов злоупотребительного поведения предлагается ряд мер, связанных, по большей части, с необходимостью конкретизации предмета обжалования. Можно выделить несколько позиций по этому поводу. Согласно первой в законе следует указать исчерпывающий перечень действий и решений государственных органов и должностных лиц, подлежащих обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ или, наоборот, указать исключения, не входящие в предмет обжалования [8. С. 48]. В соответствии со второй позицией ограничить круг подлежащих судебному обжалованию процессуальных решений и действий необходимо стадией уголовного судопроизводства, в которой восстановление нарушенного права является наиболее эффективным [9. С. 186]. Представители третьей позиции считают, что перечень обжа-

луемых действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц следует оставить открытым, предоставив суду право в каждом конкретном случае самостоятельно определять возможность причинения ущерба конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднения доступа граждан к правосудию [10. С. 90]. Можно считать, что в этом случае у суда сохраняется тот же объем дискреционных полномочий, позволяющий ему по своему усмотрению решать вопросы, касающиеся реализации участниками уголовного процесса права на обжалование, что может привести либо к беспомощности суда перед потоком недобросовестных жалоб, либо к необоснованному ограничению права на обжалование.

Представляется, что сокращению количества указанных случаев злоупотреблений правом способствовали бы законодательное установление требований, предъявляемых к форме и содержанию жалобы, в частности наличие в ней ссылки на обжалуемое действие (бездействие) либо решение, указание на те конституционные права, которые, по мнению заявителя, были нарушены, перечисление доводов, обосновывающих существо жалобы, а также закрепление видов процессуальных решений, которые принимались судом по существу данной жалобы ранее.

Помимо этого, следует предусмотреть обязанность для заявителя не обращаться с жалобой, аналогичной по содержанию той, которая уже находится в производстве суда или была рассмотрена ранее. Думается, целью подачи такой жалобы становятся сутяжнические мотивы заявителя, а не стремление защитить свои права. Между тем, признанию факта повторного обращения должно предшествовать выяснение в судебном порядке следующих обстоятельств: наименование и вид органа, в который подается жалоба; повод и основание обжалования; обстоятельства, которые ранее исследовались по существу дела. В случае подачи жалобы при неизменности хотя бы одного из указанных обстоятельств, а также установления недобросовестности мотивов и злого умысла заявителя, в целях экономии процессуальных и временных средств суду следует предоставить право отказать в удовлетворении жалобы и в повторном ее рассмотрении.

Следует отметить, что критерий повторности жалобы в прецедентных решениях ЕСПЧ несколько расширен, кроме того, он является одним из процессуальных оснований неприемлемости жалобы. Повторность означает, что данное заявление уже было предметом рассмотрения Суда или иной международно-правовой инстанции, в частности Комитета по правам человека Организации Объединенных Наций; было подано против того же государства, по тем же обстоятельствам, которые уже исследовались как по вопросу приемлемости, так и по существу [11]. Помимо этого, к группе процессуальных оснований неприемлемости жалобы Суд относит неисчерпание внутренних средств правовой защиты; несоблюдение шестимесячного срока с даты вынесения национальными органами окончательного решения по делу; анонимный характер жалобы. Закрепление указанных

оснований имеет большое значение для предупреждения и пресечения злоупотреблений правом на обжалование, поскольку, определяя четкие требования к форме и содержанию жалобы, Суд получает возможность разрешать дела по существу в разумные сроки без произвольного отказа в рассмотрении обращения или без иного ограничения предоставленного права.

Следующая разновидность злоупотреблений может быть вызвана отсутствием временных пределов обжалования.

Между тем, ряд ученых считает, что отсутствие указания на конкретные сроки обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ не означает безграничную во времени свободу реализации права на подачу жалобы [12. С. 82]. С этим согласился Верховный Суд РФ и в п. 9 Постановления Пленума от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» определил пресекательный срок на подачу жалобы на действия и решения лиц, осуществляющих уголовное преследование, моментом окончания предварительного расследования по уголовному делу. Кроме того, Пленум отметил, что в случае, если уголовное дело, по которому поступила жалоба, направлено в суд для рассмотрения по существу либо по делу постановлен приговор или иное окончательное решение, то судья принимает к производству и рассматривает лишь жалобы на решения и действия (бездействия) должностных лиц, затрагивающие права и законные интересы заявителей, не являющихся участниками судебного разбирательства по данному делу. В остальных случаях судья принимает решение либо об отказе в принятии жалобы к рассмотрению, либо о прекращении производства по жалобе в зависимости от стадии, на которой находится данное производство.

Однако отсутствие прямого законодательного закрепления сроков обжалования и рекомендательный характер указанного выше положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ создает трудности на практике и возможность появления таких ситуаций, как обжалование осужденными постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в момент, когда дело рассматривается в суде или приговор уже вынесен, обжалование постановления о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, когда уничтожены, возвращены, утрачены вещественные доказательства и др. То есть злоупотребительное поведение в перечисленных случаях выражено в умышленном чрезмерно позднем обжаловании, когда оценка законности и обоснованности процессуальных действий (бездействия) и решений органов и лиц, осуществлявших досудебное производство, проводится или уже проведена в ходе разрешения дела по существу. Такая широкая свобода усмотрения заявителя создает для других заинтересованных лиц, в отношении которых уже вынесено решение, опасность необоснованно долго находиться под угрозой воздействия уголовной юрисдикции, т.е. интересы указанных лиц ставятся в зависимость от потребностей, целей субъектов, которые могут в любой момент обратиться с жалобой.

Средством предупреждения данной формы злоупотребления правом стало бы установление в ст. 125 УПК РФ пресекательного срока обжалования, как это было закреплено в ч. 5 ст. 209 УПК РСФСР, определенной срок обжалования, равный пяти суткам с момента уведомления о принятом решении. Указанная мера является оправданной, поскольку она не только будет гарантировать реализацию права на судебную защиту управомоченных лиц без затягивания производства по делу, но и дисциплинировать правоохранительные органы и должностных лиц, поскольку истечение срока будет зависеть от времени уведомления о принятом решении.

На основе вышеизложенного можно прийти к выводу, что распоряжение правом, в том числе и правом на обжалование, должно ограничиваться рамками закона, который бы предусматривал варианты возможного поведения. Иначе, при отсутствии границы право может привести к произволу, различного рода злоупотреблениям [13. С. 5]. Отсюда злоупотребление правом на обжалование в суд решений и действий (бездействий) должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, является неприемлемым поведением личности в уголовном процессе, нарушающим права и законные интересы его участников и влияющим на полноту, объективность расследования и разрешения уголовного дела.

Представляется, что мерой предупреждения и преодоления указанных негативных последствий может стать установление пределов права на обжалование, вместе с тем их произвольное сужение недопустимо. Любое ограничение права должно соответствовать некоторым условиям, среди которых выделяются «законность ограничения прав и правовая определенность положений закона, ограничивающих права личности; наличие установленной процедуры ограниче-

ния и соответствие ее международным стандартам в области защиты прав человека; существование механизма реализации прав, закрепленного в законе; наличие в законе гарантий соблюдения прав» [14. С. 11].

В настоящее время такое четкое и полное законодательное регулирование института обжалования отсутствует. Восполнить данные пробелы можно путем закрепления в УПК РФ положений о механизме осуществления права на подачу жалобы, способного обеспечить баланс между интересами заявителя, других участников уголовного судопроизводства и интересов правосудия в целом. Составными элементами такого механизма будут являться: 1) закрепление четких критериев к предмету обжалования и установление недопустимости обращения с аналогичными жалобами без изменения поводов, оснований и условий; 2) указание на временные пределы реализации права; 3) установление критериев неприемлемости жалобы, являющихся основанием для признания обращения с ней злоупотреблением правом; 4) определение мер ответственности за нарушение установленного в ст. 125 УПК РФ порядка обжалования для лиц, неправомерно реализующих предоставленное им право, а также для должностных лиц, препятствующих осуществлению права ввиду его необоснованной оценки в качестве злоупотребительного поведения.

Таким образом, перечисленные меры определяют требования к поведению управомоченного лица, к порядку использования права на обжалование, которое в силу своего назначения обеспечивает защиту прав заявителя исключительно в условиях его социальной и юридической ответственности перед иными участниками уголовного судопроизводства, обществом и государством. Именно такой подход к реализации указанного правомочия будет способствовать снижению числа злоупотреблений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свиридов М.К. Задача установления истины и средства ее достижения в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 101–117.
2. Кузнецова О.Д. Судебный контроль за действиями и решениями должностных лиц органов расследования // Уголовный процесс. 2005. № 3. С. 25–27.
3. Андреева О.И. Злоупотребление субъективным правом в уголовном процессе: проблемы правового регулирования // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 2 (16). С. 9–14.
4. Постановление ЕСПЧ от 22.02.2011 г. по делу «Дрийфхоут против Нидерландов» (Drijfhout v. Netherlands), жалоба № 51721/09. URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"dmdocnumber":\["882481"\], "itemid":\["001-103813"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{)
5. Постановление ЕСПЧ от 15.05.2007 г. по делу «Багхери, Малихи против Нидерландов» (Bagheri, Malihi v. Netherlands), жалоба № 30164/06. URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"dmdocnumber":\["818666"\], "itemid":\["001-80966"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{)
6. Постановление ЕСПЧ от 04.02.2003 г. по делу «Дюранже и Грюнже против Франции» (Düringer and Grunze v. France), жалобы № 61164/00 и 18589/02. URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"dmdocnumber":\["681973"\], "itemid":\["001-44059"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{)
7. Постановление ЕСПЧ от 06.04.2006 г. по делу «Черницын (Chernitsyn) против России», жалоба № 5964/02 // Информационно-правовая система «Консультант Плюс».
8. Белобородов С.В. Принцип широкой свободы обжалования в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. 250 с.
9. Морозов П.С. Реализация конституционного права судебного обжалования в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 240 с.
10. Сидоров В.В. Обжалование процессуальных действий и решений органов, осуществляющих уголовное преследование, как гарантия обеспечения прав участников уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2009. 243 с.
11. Постановление ЕСПЧ от 15.10.1987 г. по делу «М. против Соединенного Королевства» (M. v. United Kingdom), жалоба № 13284/87. URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"dmdocnumber":\["825385"\], "itemid":\["001-83215"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{)
12. Бурмагин С.В. Судебное рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ // Юридический мир. 2004. № 12. С. 81–86.
13. Андреева (Рогова) О.И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1994. 28 с.
14. Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2007. 48 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 10 февраля 2016 г.

ABUSE OF THE RIGHT TO APPEAL AGAINST ACTIONS (INACTION) AND DECISIONS OF STATE BODIES AND OFFICIALS INVOLVED IN CRIMINAL PROSECUTION

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 168–172. DOI: 10.17223/15617793/405/24

Zheleva Olga V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zheleva.olga@gmail.com

Keywords: pre-trial procedure; principles of criminal proceedings; right to appeal; subject of appeal; abuse of right; criteria of unacceptable complaint.

The right to appeal against actions (inaction) and decisions of government departments, local governments, associations and officials is an important constitutional principle enshrined in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Moreover, legislators have provided two ways for appealing: a general and a judicial one. It is difficult to overestimate the role of the institute of judicial appeal since this institute fulfills recovery, regulative and preventive functions. However, sometimes the parties to a criminal trial can misuse their rights; use them in their own interests causing harm to other people and justice. In law such a behavior is called the abuse of right. The article states that a prerequisite of the abuse of right to appeal is the lack of clear legislative criteria in relation to the subject-matter and content of complaint, the subjects and the terms of appeal. The analysis of the national court practice and precedents of the European Court of Human Rights (ECHR) has allowed making a classification of such abuses. Taking into account the subject matter of an appeal, the author separates pointless complaints, complaints with the indication of alleged violations; complaints with defective intents and complaints with defective grounds. The latter comprise an appeal on behalf of others; falsification of documents sent to the court; non-disclosure of the key information by the applicant and others. The author pays attention to the repeated complaints and interpretation of the criterion of repeatability in the judicial practice of both Russia and the ECHR. Moreover, the author examines different approaches to the determination of the scope of persons having the right to appeal and time limits of this right. She gives some proposals on the development of criminal procedure legislation. The article provides a mechanism for the prevention and suppression of the abuse of right to appeal. The constituent components of such a mechanism will include filling of the identified legislative gaps in regulation of the institute of appeal and authorizing the court to dismiss a complaint, i.e. penalties against bad faith applicants. The proposed mechanism will not allow any arbitrary restrictions on the rights of the subject of appeal even in the interests of justice. This can be achieved by setting clear requirements for government departments to prevent their influence on the applicant at their discretion.

REFERENCES

1. Sviridov, M.K. (2013) The task of ascertaining the truth and the means of its achievement in criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2 (8). pp. 101–117. (In Russian).
2. Kuznetsova, O.D. (2005) Sudebnyy kontrol' za deystviyami i resheniyami dolzhnostnykh lits organov rassledovaniya [Judicial control over the actions and decisions of the officials of investigation bodies]. *Ugolovnyy protsess*. 3. pp. 25–27.
3. Andreeva, O.I. (2015) Zloupotrebleniye sub'ektivnym pravom v ugolovnom protsesse: problemy pravovogo regulirovaniya [Abuse of subjective rights in criminal proceedings: problems of legal regulation]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 2 (16). pp. 9–14.
4. The ECHR judgment of 22.02.2011 on Drijfhout v. Netherlands case, complaint 51721/09. [Online]. Available from: [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"dmdocnumber":\["882481"\],"itemid":\["001-103813"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{).
5. The ECHR judgment of 15.05.2007 on Bagheri, Malihi v. Netherlands case, complaint 30164/06. [Online]. Available from: [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"dmdocnumber":\["818666"\],"itemid":\["001-80966"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{).
6. The ECHR judgment of 04.02.2003 on Durringer and Grunze v. France case, complaints 61164/00 and 18589/02. [Online]. Available from: [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"dmdocnumber":\["681973"\],"itemid":\["001-44059"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{).
7. Konsul'tant Plyus. (2006) *The ECHR judgment of 06.04.2006 on Chernitsyn (Chernitsyn) v. Russia case, complaint 5964/02*. (In Russian).
8. Beloborodov, S.V. (2006) *Printsip shirokoy svobody obzhalovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii* [The principle of freedom of wide appeal in the criminal trial of Russia]. Law Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
9. Morozov, P.S. (2004) *Realizatsiya konstitutsionnogo prava sudebnogo obzhalovaniya v dosudebnom proizvodstve* [The implementation of the constitutional right to appeal in the pre-trial proceedings]. Law Cand. Diss. St. Petersburg.
10. Sidorov, V.V. (2009) *Obzhalovanie protsessual'nykh deystviy i resheniy organov, osushchestvlyayushchikh ugolovnoe presledovanie, kak garantiya obespecheniya prav uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva* [The appeal of proceedings and decisions of the criminal prosecution as a guarantee of the rights of participants in criminal proceedings]. Law Cand. Diss. Kaliningrad.
11. The ECHR judgment of 15.10.1987 on M. v. United Kingdom case, complaint 13284/87. [Online]. Available from: [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"dmdocnumber":\["825385"\],"itemid":\["001-83215"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{).
12. Burmagin, S.V. (2004) Sudebnoe rassmotrenie zhalob v poryadke st. 125 UPK RF [Judicial review of complaints pursuant to Art. 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Yuridicheskiy mir*. 12. pp. 81–86.
13. Andreeva (Rogova), O.I. (1994) *Predely proyavleniya dispozitivnosti v ugolovnom sudoproizvodstve* [Limits of display of optionality in criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
14. Andreeva, O.I. (2007) *Kontseptual'nye osnovy sootnosheniya prav i obyazannostey gosudarstva i lichnosti v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii i ikh ispol'zovanie dlya pravovogo regulirovaniya deyatelnosti po rasporyazheniyu predmetom ugolovnogo protsessa* [Conceptual bases of the relation of rights and obligations of the state and the individual in the criminal trial of the Russian Federation and their use for the legal regulation of activity by the order of the subject of criminal proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Tomsk.

Received: 10 February 2016

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ СОВЕТОВ С ПОМОЩНИКАМИ НАЧАЛЬНИКОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Определяются правовые основы и обосновываются необходимость, направления и формы взаимодействия общественных советов с помощниками начальников территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний по защите прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся в следственных изоляторах. Перед общественными советами и помощниками начальников по правам человека территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний стоят общие цели. Несмотря на это правовая основа взаимодействия этих субъектов практически отсутствует и должна быть создана. Необходимо расширить полномочия общественных советов за счет участия членов общественных советов в деятельности помощников начальников территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний по защите прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся в следственных изоляторах.

Ключевые слова: права человека; уголовно-исполнительное право; общественный контроль; общественные советы; помощники по правам человека.

В науке управления принято рассматривать взаимодействие каких-либо управленческих субъектов с точки зрения правовых основ, необходимости и обусловленности, направлений, форм и методов их взаимодействия.

Правовые основы. Определение правовых основ взаимодействия общественных советов с помощниками начальников по правам человека территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России) по защите прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся в следственных изоляторах, невозможно без определения правовых основ деятельности каждого из этих субъектов.

Деятельность Общественного совета при ФСИН России регламентируется только на подзаконном уровне, если не считать Федерального закона от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации», устанавливающего правовые основы участия членов Общественной палаты в работе общественных советов при федеральных органах исполнительной власти [1]. Основным иным нормативным правовым актом, определяющим правовые основы деятельности Общественного совета при ФСИН России, является Указ Президента Российской Федерации от 4.08.2006 г. «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам» [2]. ФСИН России относится к федеральной службе, руководство деятельностью которой осуществляет Президент Российской Федерации. Поэтому на основании пункта 4 Указа Положение об общественном совете и его состав утверждаются правовым актом соответствующего федерального органа исполнительной власти об образовании общественного совета. Таким правовым актом в настоящее время является Приказ ФСИН России от 01.10.2013 г. № 542 «О создании Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятель-

ности уголовно-исполнительной системы и утверждении его состава» [3]. Что касается правовых основ деятельности общественных советов при территориальных органах ФСИН России, то единственным правовым актом, не имеющим нормативного характера и только упоминающим общественные советы при территориальных органах ФСИН России, является распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2015 г. № 1877-р, которое внесло изменения в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г. [4]. Таким образом, деятельность общественных советов при территориальных органах ФСИН России регламентируется в настоящее время только соответствующими приказами начальников территориальных органов ФСИН России, которые не относятся к правовым актам.

Деятельность помощника начальника территориального органа по защите прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся в следственных изоляторах, регламентируется также на подзаконном уровне. Приказом Минюста России от 25.10.2001 г. № 1650-к «О введении в уголовно-исполнительной системе Министерства юстиции Российской Федерации должности помощника начальника территориального органа по соблюдению прав человека в уголовно-исполнительной системе» в структуре Главного управления Минюста России было создано специальное подразделение, а в территориальных органах уголовно-исполнительной системы (УИС) учрежден институт помощников начальников по правам человека [5]. В 2002 г. Приказом Минюста России от 22 февраля № 45 утверждается «Типовая должностная инструкция помощника начальника территориального органа по соблюдению прав человека в УИС Минюста России», где закрепляются его должностные обязанности [6]. На этих сотрудников возложены обязанности обобщения поступающей информации о соблюдении прав человека, рассмотрения предложений и заявлений осужденных и иных граждан по вопросам соблюдения прав человека, личного участия в инспектировании учреждений и органов, исполняющих наказания.

Усиление ведомственного контроля за соблюдением законности в УИС обусловило принятие Положе-

ния об организации контроля за соблюдением законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также прав человека в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденного приказом Минюста России № 140 от 10 июня 2003 г., где определяются основные цели и задачи контроля, объекты контроля, направления осуществления контроля, полномочия субъектов контроля и порядок их взаимоотношений, а также формы подведения контроля [7]. В соответствии с этим Положением к субъектам контроля в пределах своей компетенции отнесены управление по контролю за соблюдением законности и прав человека в деятельности учреждений и органов УИС Минюста России; отделы по контролю за соблюдением законодательства и прав человека в учреждениях и органах УИС в федеральных управлениях Минюста России по федеральным округам; отдел по соблюдению прав человека в УИС организационно-инспекторского управления ГУИН Минюста России; помощники начальников территориальных органов по соблюдению прав человека в УИС Минюста России. В настоящее время должностные обязанности помощника начальника территориального органа ФСИН России по правам человека (далее – помощник) определяются должностными инструкциями, разработанными на основании поручения ФСИН России от 07.11.2012 г. [8]. Помощник осуществляет свою деятельность в целях контроля за созданием необходимых условий для соблюдения прав подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, осужденных, а также сотрудников и работников учреждений и органов УИС.

Ни в одном из перечисленных нормативных правовых актах не предусмотрена обязанность взаимодействия общественных советов с помощниками начальников территориальных органов ФСИН России по защите прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся в следственных изоляторах.

Обоснованность и необходимость, направления, формы и методы взаимодействия. Обоснованность и необходимость взаимодействия общественных советов при территориальных органах ФСИН России с помощниками начальников территориальных органов ФСИН России по правам человека обусловлены несколькими обстоятельствами. Связано это с тем, что перед общественными советами и помощниками стоят хотя и разнородные, но все-таки общие цели. Помощники действуют в целях контроля за созданием необходимых условий для соблюдения прав подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, осужденных, а также сотрудников и работников учреждений и органов УИС. Основной целью Общественного совета при ФСИН России является привлечение общественности к участию в решении задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, защите прав и законных интересов сотрудников, работников и ветеранов УИС, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах. Как представляется, привлечение обще-

ственности к защите прав невозможно без контроля за созданием необходимых условий для соблюдения прав подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, осужденных, а также сотрудников и работников учреждений и органов УИС.

Взаимодействие рассматриваемых субъектов должно осуществляться по разным направлениям деятельности и зависит от их уровня и содержания решаемых ими задач. Этим вопросам достаточно много, поэтому считаем целесообразным рассматривать их по направлениям работы общественного совета и помощника начальника территориального органа по правам человека.

Общественный Совет при ФСИН России вправе:

- информировать общественность и средства массовой информации о деятельности ФСИН России для формирования у населения объективного представления об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания;

- содействовать в получении образования осужденными, а также несовершеннолетними, содержащимися под стражей, социальной реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы;

- содействовать в налаживании взаимоотношений ФСИН России с руководством производственных объединений, корпораций, фирм для получения заказов в целях развития производства в учреждениях ФСИН России и, тем самым, совершенствования трудовой адаптации осужденных и их профессиональной подготовки;

- участвовать в обсуждении с органами государственной власти вопросов совершенствования нормативной правовой базы по соблюдению прав и законных интересов работников и ветеранов УИС, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах;

- участвовать в разработке и реализации программ по актуальным проблемам деятельности учреждений и территориальных органов ФСИН России в области улучшения условий отбывания наказаний осужденными, содержания под стражей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений;

- участвовать в публичном обсуждении нормативных правовых актов и иных документов, включая программные, разрабатываемых ФСИН России;

- распространять положительный опыт работы учреждений и органов УИС в решении вопросов по защите прав и законных интересов работников УИС, осужденных, лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах.

Наряду с этим Положение предусмотрело формы и методы работы Совета. К ним относятся: а) проведение заседаний Совета; б) создание по вопросам, отнесенным к компетенции Совета, комиссий и рабочих групп, в состав которых могут входить по согласованию с руководством ФСИН России государственные гражданские служащие, представители общественных объединений и организаций. При этом члены Совета могут возглавлять комиссии и рабочие группы, фор-

мируемые Советом; в) ознакомление с документами, касающимися рассматриваемых проблем; г) высказывание своего мнения по существу обсуждаемых вопросов, замечаний и предложений по проектам принимаемых решений и протоколу заседания Совета; д) внесение предложений руководству ФСИН России по совершенствованию взаимодействия учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, с международными неправительственными и российскими общественными организациями (объединениями), религиозными конфессиями в решении вопросов, касающихся дальнейшей гуманизации условий отбывания наказаний, социальной защиты работников и ветеранов УИС; е) информирование руководства ФСИН России о нарушениях прав и законных интересов осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах; ж) запрос сведений о деятельности учреждений и территориальных органов ФСИН России по соблюдению прав человека.

Сопоставление предусмотренных Положением направлений работы Совета с целью его работы показывает их несоответствие. В Положении отсутствует направление работы Совета, заключающееся в привлечении общественности к защите прав и законных интересов сотрудников, работников и ветеранов УИС, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах. В то же время Положение предусмотрело формы и методы реализации этого направления работы: запрос сведений о деятельности учреждений и территориальных органов ФСИН России по соблюдению прав человека; информирование руководства ФСИН России о нарушениях прав и законных интересов осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах; внесение предложений руководству ФСИН России по совершенствованию взаимодействия учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, с международными неправительственными и российскими общественными организациями (объединениями), религиозными конфессиями в решении вопросов, касающихся дальнейшей гуманизации условий отбывания наказаний, социальной защиты работников и ветеранов УИС. Следует отметить и то, что перечисленные формы и методы работы членов Совета явно недостаточны для защиты прав и законных интересов сотрудников, работников и ветеранов УИС, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах. Запрос сведений о деятельности учреждений и территориальных органов ФСИН России о соблюдении прав человека позволяет получить информацию о состоянии работы по соблюдению прав человека только с позиции ведомства. Положение не предусматривает даже такой формы работы Совета, как посещение членами Совета учреждений и территориальных органов ФСИН России, хотя в практике работы Общественного Совета при ФСИН России и общественных советов при территориальных органах эта форма ра-

боты широко используется, позволяет посмотреть на состояние этой работы со стороны и сформулировать предложения по ее совершенствованию.

Таким образом, очевидным является закрепление в Положении о Совете такого направления работы Совета, как «привлечение общественности к защите прав и законных интересов сотрудников, работников и ветеранов УИС, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах». Следовательно, формы и методы работы Общественного совета при ФСИН России и общественных советов при ее территориальных органах должны быть расширены. Как представляется, такое расширение полномочий общественных советов можно осуществить за счет участия членов общественных советов в деятельности помощников начальников территориальных органов ФСИН России по соблюдению прав человека.

Во-первых, участие членов общественных советов в публичном обсуждении нормативных правовых актов и иных документов, включая программные, разрабатываемых ФСИН России, должно предполагать следующие права члена общественного совета:

- вносить начальнику территориального органа ФСИН России предложения о приостановлении (отмене), изменении нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность УИС, в случае выявления в них противоречий с международными нормативными правовыми актами по правам человека, ратифицированными Российской Федерацией;

- вносить начальнику территориального органа ФСИН России предложения по совершенствованию порядка соблюдения прав и законных интересов осужденных, лиц, содержащихся под стражей, а также работников УИС по повышению эффективности работы учреждений УИС до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития с учетом требований международных нормативных правовых актов по правам человека, ратифицированных Российской Федерацией, Европейских пенитенциарных правил (Рекомендация Rec (2006) 2 Комитета министров Совета Европы государствам – участникам Совета Европы о Европейских тюремных правилах, принята 11.01.2006), решений ЕСПЧ, рекомендаций Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее – ЕКПП) с установлением сроков исполнения запланированных мероприятий и должностных лиц, ответственных за их исполнение.

Во-вторых, участие членов общественных советов в разработке и реализации программ по актуальным проблемам деятельности учреждений и территориальных органов ФСИН России в области улучшения условий отбывания наказаний осужденными, содержания под стражей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, будет гораздо продуктивней, если закрепить в Положениях об Общественном Совете при ФСИН России и положениях об общественных советах ее территориальных органов следующие права их членов:

1) участие в работе группы по соблюдению прав человека в УИС;

2) участие в рассмотрении в соответствии с требованиями действующего законодательства поступающих на исполнение (в соответствии с указанием начальника территориального органа ФСИН России) обращений осужденных, лиц, содержащихся под стражей, работников УИС, уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации, общественной наблюдательной комиссии, иных граждан и правозащитных организаций, а также сообщений средств массовой информации и актов прокурорского реагирования, содержащих информацию о нарушениях прав человека в УИС;

3) проведение в установленном порядке приемов по личным вопросам осужденных и лиц, содержащихся под стражей, работников УИС, а также иных граждан;

4) осуществление выездов в учреждения УИС (плановых, внеплановых) в целях контроля за соблюдением прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей, работников УИС с предоставлением начальнику территориального органа ФСИН России заключений о выявленных нарушениях прав человека в УИС, а также предложений по установлению лиц, виновных в указанных нарушениях, привлечению их к ответственности и восстановлению нарушенных прав граждан;

5) участие в инспектировании учреждений УИС подведомственных территориальному органу ФСИН России, по итогам которых члены общественных советов могут участвовать в разработке предложений в раздел, касающийся соблюдения прав осужденных, лиц, заключенных под стражу, а также работников УИС, плана реализации предложений по устранению недостатков, выявленных в ходе инспектирования, контролируют их реализацию. По поручениям руководства Федеральной службы исполнения наказаний члены общественных советов могли бы участвовать в инспектировании других территориальных органов ФСИН России в составе комиссий ФСИН России по инспектированию;

6) участие в работе комиссий территориального органа ФСИН России по проведению служебных проверок по фактам нарушения служебной дисциплины в сфере соблюдения прав и законных интересов осужденных, лиц, содержащихся под стражей, а также работников УИС;

7) участие в организации посещения учреждений УИС Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, уполномоченным по правам человека в субъекте Российской Федерации;

8) осуществление общественного контроля за соблюдением в учреждениях УИС требований Европей-

ских пенитенциарных правил, Конвенции о защите прав человека и основных свобод, заключенной 04.11.1950 в г. Риме, и других международных стандартов в сфере обращения с заключенными, а также за устранением в деятельности подведомственных территориальному органу ФСИН России учреждений УИС нарушений прав человека, выявленных ЕСПЧ и ЕКПЧ;

9) осуществление контроля за выполнением должностными лицами территориального органа ФСИН России и подведомственных ему учреждений УИС должностных обязанностей по обеспечению прав и законных интересов осужденных, лиц, содержащихся под стражей, а также работников УИС. При необходимости члены общественных советов могут вносить предложения начальнику территориального органа ФСИН России о закреплении в установленном порядке за указанными лицами дополнительных обязанностей, необходимых для соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров Российской Федерации в сфере обеспечения прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей;

10) участие в ведомственном контроле за полным и своевременным устранением нарушений прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей, выявленных органами прокуратуры, уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, уполномоченным по правам человека в субъекте Российской Федерации, общественной наблюдательной комиссией и правозащитными организациями;

11) участие в проведении занятий с работниками территориального органа ФСИН России, осуществление проверки знаний норм российского и международного законодательства, регулирующего права и свободы человека и гражданина;

12) внесение предложений о поощрении работников УИС, добившихся высоких результатов в работе по обеспечению прав и законных интересов осужденных, лиц, содержащихся под стражей, а также работников УИС.

Закрепление этих направлений взаимодействия общественных советов с помощниками начальников территориальных органов ФСИН России по защите прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся в следственных изоляторах, способствовало бы выполнению одной из задач Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г., действующей в редакции распоряжения Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2015 г. № 1877-р, – обеспечение прозрачности уголовно-исполнительной системы, расширение сотрудничества с гражданским обществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // ИПС Консультант Плюс.
2. Указ Президента Российской Федерации от 4.08.2006 года «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам» // ИПС Консультант Плюс.

3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2015 года № 1877-р, которое внесло изменения в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года // ИПС Консультант Плюс.
4. Приказ Минюста России от 25.10.2001 года № 1650-к «О введении в уголовно-исполнительной системе Министерства юстиции Российской Федерации должности помощника начальника территориального органа по соблюдению прав человека в уголовно-исполнительной системе» // ИПС Консультант Плюс.
5. Приказ Минюста России от 22 февраля 2002 г. № 45 утверждается «Типовая должностная инструкция помощника начальника территориального органа по соблюдению прав человека в УИС Минюста России» // ИПС Консультант Плюс.
6. Приказ Минюста России № 140 от 10 июня 2003 г. «Об утверждении Положения об организации контроля за соблюдением законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также прав человека в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации» // ИПС Консультант Плюс.
7. Приказ ФСИН России от 01.10.2013 года № 542 «О создании Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы и утверждении его состава» // ИПС Консультант Плюс.
8. Поручение ФСИН России от 07.11.2012 года «О соблюдении прав человека в УИС» // ИПС Консультант Плюс.

Статья представлена научной редакцией «Право» 18 марта 2016 г.

COOPERATION OF PUBLIC COUNCILS WITH ASSISTANTS OF PRINCIPALS OF LOCAL OFFICES OF THE FEDERAL PENAL SERVICE OVER THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 173–177. DOI: 10.17223/15617793/405/25

Olkhovik Nikolay V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lawtsu@rambler.ru

Keywords: human rights; criminal and penal law; social control; public councils; human rights assistants.

The author proves legal basis, necessity, directions and forms of cooperation of public councils with assistants of principals of local offices of the Federal Penal Service over the protection of human rights. Current legislation does not provide a legal basis of cooperation of public councils with assistants of principals of local offices over the protection of human rights. However, they have common purposes. Civil engagement in the protection of human rights is impossible without control over the necessary conditions for observance of rights of suspected and accused persons. The author proposes to extend powers of public councils by means of participation of public council members in the work of assistants of principals of local offices of the Federal Penal Service over the protection of human rights. It is proposed to formalize three main directions of cooperation of public councils and assistants over the human rights. Firstly, it is participation in public deliberations of legal rules and other documents developed by the Federal Penal Service of the Russian Federation. Secondly, it is participation in elaboration and realization of programs over current problems of the activity of institutes and public councils the Federal Penal Service in improvement of conditions of serving punishment by convicts, confinement of suspected and accused persons. Thirdly, it is execution of public control for observation of rights and legal interests of the convicted, of persons in custody and of officials of the penal service in penal institutions. The author suggests to confirm rights and responsibilities of the considered persons over the following directions: joint consideration of applications, contained information on violation of human rights in the penal system; carrying out consultations of the convicted, of persons in custody, of officials of the penal service and of other persons on personal matters; carrying out visits to penal institutions to control the observance of rights and legal interests of the convicted, of persons in custody, of officials of the penal service; participation in the supervision of institutions subordinate to the local office of the Federal Penal Service of the Russian Federation; participation in the training of officials of the local office of the Federal Penal service of the Russian Federation; making suggestions to encourage the officials of the penal service.

REFERENCES

1. Konsul'tant Plyus. (2005) *Federal'nyy zakon ot 4 aprelya 2005 g. № 32-FZ "Ob Obshchestvennoy palate Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law of April 4, 2005 No. 32-FZ "On the Public Chamber of the Russian Federation"].
2. Konsul'tant Plyus. (2006) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 4.08.2006 goda "O porядке obrazovaniya obshchestvennykh sovetov pri federal'nykh ministerstvakh, federal'nykh sluzhbakh i federal'nykh agentstvakh, rukovodstvo deyatel'nost'yu kotorykh osushchestvlyayet Prezident Rossiyskoy Federatsii, pri federal'nykh sluzhbakh i federal'nykh agentstvakh, podvedomstvennykh etim federal'nym ministerstvam"* [Presidential Decree of 08.04.2006, "On the order of the formation of public councils at federal ministries, federal services and federal agencies managed by the President of the Russian Federation at federal services and federal agencies subordinate to these federal ministries"].
3. Konsul'tant Plyus. (2015) *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 23 sentyabrya 2015 goda № 1877-r, kotoroe vneslo izmeneniya v Kontseptsiyu razvitiya ugovolno-ispolnitel'noy sistemy do 2020 goda* [Decree of the Russian Federation of September 23, 2015 No. 1877-p which amended the Concept of development of the penal system until 2020].
4. Konsul'tant Plyus. (2001) *Prikaz Minyusta Rossii ot 25.10.2001 goda № 1650-k "O vvedenii v ugovolno-ispolnitel'noy sisteme Ministerstva yustitsii Rossiyskoy Federatsii dolzhnosti pomoshchnika nachal'nika territorial'nogo organa po soblyudeniyu prav cheloveka v ugovolno-ispolnitel'noy sisteme"* [Order of the Russian Ministry of Justice of 25.10.2001, No. 1650 for "On introduction of the penal system of the Ministry of Justice of the Russian Federation as an assistant chief of the territorial authority for the observance of human rights in the penitentiary system"].
5. Konsul'tant Plyus. (2002) *Prikaz Minyusta Rossii ot 22 fevralya 2002 g. № 45 utverzhdaetsya "Tipovaya dolzhnostnaya instruktsiya pomoshchnika nachal'nika territorial'nogo organa po soblyudeniyu prav cheloveka v UIS Minyusta Rossii"* [Order of the Russian Ministry of Justice of February 22, 2002 No. 45 approves "The typical job description of the Assistant of the Chief of the territorial body on human rights observance in prisons of the Federal Penal Service of the Justice Ministry of Russia"].
6. Konsul'tant Plyus. (2003) *Prikaz Minyusta Rossii № 140 ot 10 iyunya 2003 g. "Ob utverzhenii Polozheniya ob organizatsii kontrolya za soblyudeniem zakonodatel'nykh i inykh normativnykh pravovykh aktov Rossiyskoy Federatsii, a takzhe prav cheloveka v uchrezhdeniyakh i organakh ugovolno-ispolnitel'noy sistemy Ministerstva yustitsii Rossiyskoy Federatsii"* [Order of the Russian Ministry of Justice No. 140 of 10 June 2003 "On approval of the Regulations on the organization of monitoring of compliance with legislative and other normative legal acts of the Russian Federation, as well as with human rights in the institutions and bodies of the correctional system of the Ministry of Justice of the Russian Federation"].
7. Konsul'tant Plyus. (2013) *Prikaz FSIN Rossii ot 01.10.2013 goda № 542 "O sozdaniii Obshchestvennogo soveta pri Federal'noy sluzhbe ispolneniya nakazaniy po problemam deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy i utverzhenii ego sostava"* [Order of the Federal Penitentiary Service of Russia of 01.10.2013, No. 542 "On creation of the Public Council under the Federal Penal Service on the issues of activities of the penitentiary system and the approval of its composition"].
8. Konsul'tant Plyus. (2012) *Poruchenie FSIN Rossii ot 07.11.2012 goda "O soblyudeniui prav cheloveka v UIS"* [Order of the Federal Penal Service of Russia of 07.11.2012, "On the observance of human rights in the penal system"].

Received: 18 March 2016

Л.М. Прокументов

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В статье содержится краткий анализ некоторых подходов российского законодательства к противодействию коррупции. Отмечается, что на протяжении многих лет законодатель пытался противодействовать коррупции через определение конкретных форм коррупционного поведения и их закрепление в уголовном праве: мздоимство, посул, лихоимство, подлог, поборы с населения при сборе податей, вымогательство и т.п. Такой подход к коррупционному поведению характерен и для современного российского уголовного права. В статье предлагается изменить существующий подход. Утверждается, что наиболее эффективно противодействовать коррупции можно лишь используя весь комплекс российского законодательства.

Ключевые слова: закон; поведение; преступление; коррупция; уголовное право; общественная опасность.

На протяжении пути развития человечества проблема коррупции препятствовала развитию государственности.

Первое упоминание о коррупции относится ко второй половине XXIV в. до нашей эры. Как следует из расшифрованных клинописей древнего Вавилона, перед шумерским царем Урукагином весьма остро стояла проблема пресечения злоупотреблений судей и чиновников, вымогавших незаконные вознаграждения. Правитель устраивал показательные и жестокие наказания за подобное поведение, но даже это не приводило к желаемым результатам. Взятки носили массовый характер [1. С. 272–273].

Во время археологических раскопок, проведенных в Пакистане, учеными были обнаружены документы, свидетельствующие о массовых проявлениях коррупции в Иерусалиме в период после вавилонского пленения евреев в 597–538 гг. до нашей эры.

Министр Бхараты под псевдонимом Каутилья опубликовал сборник законов «Артхашастра». Данный документ является первым в истории законом, направленным на противодействие коррупции. С этой проблемой сталкивались и правители Древнего Египта [2].

Тематика коррупции встречается и в различных религиозных документах. В первую очередь речь в них идет о судьях. Так, в Книге премудрости Иисуса сына Сирахова отец наставляет сына: «...не лицемерь перед устами других и будь внимателен к устами твоим... Да не будет рука твоя распростерта к принятию... Не делай зла, и тебя не постигнет зло; удаляйся от неправды и она уклонится от тебя... Не домогайся сделаться судьей, чтобы оказаться бессильным сокрушить неправду, чтобы не убоиться когда-либо лица сильного и не положить тени на правоту твою...» [3. С. 644]. Из данного наставления следует, что библейскому обществу были известны факты подкупа судей и осуществления нечестного правосудия.

Расцвет коррупции исследователи относят к эпохе упадка Античности, когда появились такие государственные чиновники, о которых говорили: «Он приехал бедным в богатую провинцию, а уехал богатым из бедной провинции». В это время в римском праве появился специальный термин «сogituprige», который был синонимом слов «портить», «подкупать» и служил для обозначения любых должностных злоупотреблений. Отметим, что одной из причин распада Римской империи явилось огромное, разрушительное влияние коррупции.

Формирование и развитие коррупции в России имеет многовековую историю. По сохранившимся записям летописцев, взятки появились еще в Древней Руси, и сразу же с ними стали решительно бороться. Так, митрополит Кирилл, осуждал мздоимство наряду с пьянством и колдовством, за что и настаивал карать соответствующе, т.е. смертной казнью. В соответствии с положением, закрепленным в Русской Правде: «Аще жена зелейница, чародеица. Наузница – её – казнить» [4. С. 191].

Первое письменное упоминание о посулах как о незаконном вознаграждении княжеским наместникам за осуществление официально властных полномочий относится к концу XIV в. Соответствующая норма была закреплена в Двинской уставной грамоте (1397 г.). В последующем в новой редакции Псковской Судной грамоты понятие «посула» употребляется в смысле взятки [5. С. 180–231; 6].

В XV в. коррупция на Руси приобрела характер системы. Чиновники выполняли свои прямые обязанности только за подношение. Такие деяния именовались «мздоимство» и воспринимались как норма. К «лихоимству» относился подкуп должностных лиц для совершения чего-то незаконного, что было возможно только благодаря должности. Отметим, что уже в то время были попытки побороть лихоимство. Первый закон о наказании судей за взятку содержится в Судебнике 1497 г. [7. С. 54]. Спустя полвека в Судебнике 1550 г. вопрос взяточничества стал рассматриваться более детально. В соответствии с Судебником «для дьяка, который за взятку составил подложный протокол или исказил показания сторон, было предусмотрено наказание в виде тюремного заключения. Кроме того, он должен был выплатить штраф в размере суммы иска» [8. С. 97].

В последующем Иваном Грозным была впервые введена смертная казнь в качестве наказания за чрезмерность во взятках.

С XVI в. возникло новое проявление взяточничества – вымогательство. Глава Земского приказа Леонтий Плещеев при царе Алексее Михайловиче Романове превратил суд в преступный орган, занимавшийся вымогательством. Судебные дела решались по принципу «кто больше даст, тот выиграет». Петр Траханитов, ведавший Пушкарским приказом, месяцами не выплачивал жалованье стрельцам, оружейникам и другим подчиненным, присваивая деньги и выигрывая суды. Народ был доведен до отчаяния и 25 мая 1648 г. поднял в Москве бунт. Царю Алексею Михайловичу пога-

свить восстание не удалось, и он был вынужден выдать сначала Плещеева (которого толпа растерзала), а затем казнить Траханитова. Бунт оказался первым в российской истории народным выступлением против коррупции. Впоследствии было принято Соборное уложение 1649 г., которое предусматривало многочисленные наказания за преступления, подпадавшие под понятие коррупции: утайку пошлин при регистрации дел, притеснение населения, подлог при переписке судебного дела и др. [9. С. 47, 140].

Из сказанного следует, что в XVII в. происходит трансформация подношений и мздоимства. В России в это время наиболее распространены были следующие формы коррупционного поведения: почести, оплата услуг и посулы. Уважительное значение «почести» проявляется и в русском обычае одаривать уважаемого человека, и в особенности высокое начальство хлебом-солью. Но уже в XVII в. «почесть» всё больше приобретает значение разрешенной взятки. Другая форма подношений чиновникам связана с расходом на ведение и оформление дел. Доходы чиновников в виде оплаты на ведение и оформление дел учитывались при определении им жалованья: если в приказе было много дел, с которых можно было «кормиться», то им платили меньше жалование. То есть практика «кормления от дел» была частью государственной системы содержания чиновничества.

Третья форма коррупционного поведения именовалась «посулы».

Посулы – это плата за благоприятное решение дел, за совершение незаконных деяний. Чаще всего «посулы» выражались в переплатах за услуги, за ведение и оформление дел, и поэтому граница между двумя формами коррупционного поведения была размытой и едва различимой [10. С. 210].

В XVIII в. институт «кормления» был признан пагубным. В царствование Петра I впервые было осознано, что коррупция является злом для государства, подрывает его бюджет и разлагает общество. Проведя губернскую реформу 1708 г., Петр I организовал государственную службу за жалованье. Следует отметить, что Указ Петра I «О воспрещении взяток и посулов», в котором взяточничество квалифицировалось как преступление, подлежащее строгому наказанию, имел большое значение для России [11. С. 749].

На протяжении XVIII в. круг коррупционных преступлений расширялся. К взяткам стали приравниваться поборы с населения при сборе податей, принесении присяги, оформлении документов, вымогательство, подлог.

В XIX в. коррупция превратилась в механизм государственного управления, что нашло отражение в законодательстве вообще и уголовном законодательстве в частности.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержало нормы, предусматривавшие уголовную ответственность за взяточничество, поборы с населения, вымогательство и т.д.

Наказание за перечисленные выше деяния содержалось и в Уголовном уложении 1903 г.

С установлением советской власти проблема противодействия коррупции осталась. Не случайно од-

ними из первых декретов новой власти были Декрет «О взяточничестве» (8 мая 1918 г.) и Декрет «О борьбе со взяточничеством».

В уголовных кодексах РСФСР 1922, 1926, 1960 гг. предусматривалась ответственность за дачу взятки, получение взятки, злоупотребление властью и служебными полномочиями, под которым понималось умышленное использование должностным лицом служебного положения вопреки интересам службы, если оно совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и причинило существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан.

Являются ли данные общественно опасные деяния формами коррупционной деятельности? Безусловно. Однако эти формы нельзя считать исчерпывающими для определения коррупции, поскольку сама жизнь показывала существование и других форм коррупционной деятельности, не нашедших закрепления в нормах уголовного законодательства.

Особенно отчетливо это проявилось в конце 1970-х – начале 1980-х гг., когда в СССР – в его республиках, областях, городах – расследовались сотни уголовных дел в отношении разного уровня государственных чиновников. Нередко их общественно опасная деятельность не вписывалась в существовавшее в то время уголовное законодательство, в частности в нормы, предусматривавшие уголовную ответственность за должностные преступления. Уже в те годы было очевидно, что понимаемый многими исследователями подход к «коррупции» через «подкуп», «личную корыстную заинтересованность» является слишком узким и не способен отразить того реального многообразия форм коррупционного поведения, которое существовало на практике.

Тем не менее именно этот подход продолжал доминировать не только в научных исследованиях, но и в законодательстве. Можно предполагать, что сторонники этого подхода даже усилили свои позиции с началом социально-экономических и политических преобразований в России. Произошло это вследствие того, что сама концепция реформ, во-первых, была криминологически не обоснована и, во-вторых, несла в себе огромный криминальный потенциал. Один из разработчиков и активных участников, пытавшихся реализовать концепцию, Е. Гайдар следующим образом говорил о её сути: поскольку существующая партийно-государственная номенклатура сама власть не отдает, силой отнять эту власть не представлялось возможным, то власть можно было лишь выкупить [12. С. 143].

В этой связи отметим, что подкуп стал одним из основных средств преобразования социально-экономических и политических отношений в России. Во-первых, бывшей советской партийно-хозяйственной номенклатуре дали возможность приобрести разной величины «куски» бывшей государственной собственности. Во-вторых, реформаторами неоднократно делались заявления о том, что одним из резервов переустройства общества являются теневая экономика и теневые капиталы, которые в конце 80-х гг. в СССР вообще и РСФСР в частности были просто огромны-

ми. Так, по данным ученых Экономического НИИ при Госплане СССР, теневой товарооборот составлял 70–90 млрд руб. в год, а соответствующий показатель в сфере услуг – 14–16 млрд руб. (при годовом объеме официального оборота 45 млрд руб.). Видный американский экономист В.Г. Тремл полагал, что продукция теневого сектора советской экономики составляла не менее 30% ВВП страны и в нем было около 20% всей рабочей силы, а уровень доходов каждого работника в теневом секторе экономики в 8–10 раз превышал средний уровень доходов работников, занятых в государственном секторе экономики.

По оценке В.В. Панкратова, каждый третий рубль, эмиссированный Госбанком, «крутился» в то время в сфере теневой экономики. И наконец, известный экономист А. Бунич весь теневой оборот оценивал в 100–150 млрд руб., что составляло 17–25% национального дохода [13. С. 144]. Оценки разные, но не противоречивые. Они убедительно свидетельствуют о том, что теневая экономика являлась существенной частью экономической системы страны.

Практика показывает, что уже с середины 1970-х гг. львиная доля средств, вращавшихся в теневой экономике, являлась «общаковскими» средствами, т.е. криминальными. И именно эти средства активно использовались для подкупа государственных чиновников разного уровня. Однако даже известные всем факты связи преступного мира и государственных чиновников (вспомним «узбекские», «краснодарские», «ростовские», «соколовские» и другие уголовные дела) в лучшем случае замалчивались, в худшем – отрицались властью.

Отмеченная тенденция особенно усилилась в период распада СССР и в первые годы существования независимого Российского государства. Проведение экономических, социально-политических реформ в Российской Федерации выявило немало таких форм деятельности как государственных служащих, так и лиц, ими не являющихся, но осуществляющих управленческие функции, которые были общественно опасными, но не вписывались в рамки существовавшего уголовного законодательства.

В научной литературе в последние 20 лет можно было встретить различные определения коррупции. Так, в начале 90-х гг. прошлого века под коррупцией понималось стремление должностного лица к наживе, разложение аппарата, обладающего властными либо хозяйственными (распорядительными) полномочиями, превратившего подведомственные ему учреждения в источник личного обогащения, не гнушающегося контактами с общеуголовной преступностью, принимать на службу профессиональных преступников [13. С. 324–325].

Позднее она определялась как социальное явление, характеризующееся подкупом – продажностью государственных и иных служащих, и на этой основе корыстным использованием ими личных либо узкогрупповых полномочий, связанных с ним авторитета и возможностей [15. С. 501], как и «...социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение,

статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах» [16. С. 5].

Отметим, что применительно к конкретным составам уголовно наказуемых деяний коррупция изначально рассматривалась, прежде всего, как «подкуп одних лиц другими» (Н.Ф. Кузнецова), т.е. по существу речь шла только о взяточничестве во всех его формах и разновидностях [17. С. 135]. Существовали и другие подходы, суть которых сводилась к тому, что коррупция представляла собой только так называемое организованное или систематическое взяточничество, причем должностные лица зачастую подкупались как бы «на корню» (так называемый тотальный подкуп) [18. С. 5–6]. Некоторые авторы включали в «состав» коррупции и другие преступления, например корыстное злоупотребление служебным положением (по УК РФ 1996 г. – должностными полномочиями), хищения (Г.Н. Борзенков) [19. С. 136]. Отмечалось, что «взятка является наиболее отличительным и характерным проявлением коррупции...» (Ю.И. Ляпунов) [20. С. 672]. Некоторые исследователи предлагали и сводное понятие коррупционных преступлений: «...предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, субъектом которых являются должностные лица и которые совершаются посредством использования должностных полномочий из корыстных побуждений и в целях личного обогащения» [21. С. 67]. Исследователями особо подчеркивалась связь взяточничества в составе коррупции с постворством преступной и антисоциальной деятельности, причем не только отдельных лиц, но и организованных групп и объединений. Наконец, коррупция рассматривалась и как необходимый элемент организованной преступности [22. С. 9].

В документах ООН по международным проблемам противодействия коррупции отмечается, что «коррупция – это злоупотребление государственной властью для извлечения выгод в личных целях». Такое определение более четко отграничивает сферу, в которой возможно совершение коррупционных преступлений и правонарушений, а именно сферу осуществления государственной власти.

В ст. 2 Федерального закона «О борьбе с коррупцией», принятого 22 ноября 1995 г. Государственной думой и одобренного Советом Федерации, но отклоненного бывшим Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным, содержалось следующее определение: «Под коррупцией... понимаются не предусмотренное законом принятия материальных и иных благ и преимуществ лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, или лицами, приравненными к ним, путем использования своего статуса и связанных с ним возможностей (продажность), а также подкуп указанных лиц путем противоправного предоставления им физическими и юридическими лицами этих благ и преимуществ».

В проекте Федерального закона «Основы антикоррупционной политики» под коррупцией предлагалось понимать «подкуп (получение или дача взятки), любое незаконное использование лицом своего публич-

ного статуса, сопряженное с получением выгоды (имущества, услуг или льгот, в том числе неимущественного характера) как для себя, так и для своих близких вопреки законным интересам общества и государства, либо незаконное представление такой выгоды указанному лицу» [23. С. 87].

Представляется, что приведенные выше определения можно оценить в целом как достаточно удачные, особенно для своего времени, однако в них нечетко определялся субъект коррупции, были недостаточно конкретизированы ее проявления, относящиеся к сфере действия уголовного права, при этом без достаточных оснований коррупцией признавалась дача взятки, использовались оценочные, излишние эмоциональные категории, например, «продажность».

Кроме того, говоря о коррупции, необходимо учитывать, что коррупционный характер носит не только получение взятки (ст. 290 УК РФ), но и иные корыстные должностные преступления – злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ). Очевидно, что наряду с этим коррупция включает в себя совершение не только уголовно наказуемых деяний, но и административных, гражданско-правовых, финансовых правонарушений.

С принятием 25 декабря 2008 г. Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» ее понятие впервые в нашей стране получило свое закрепление на законодательном уровне [24].

Так, в соответствии со ст. 1 данного Федерального закона коррупцией является «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или третьих лиц, незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами».

Представляется, что раскрытие данного понятия с использованием нескольких категорий, «заимствованных» из уголовного законодательства РФ, а затем объединенных через их «неправомерность», недопустимо.

Полагаем, что в связи с отсутствием до принятия вышеназванного Федерального закона правового понятия «коррупция» (как известно, его нет ни в Уголовном кодексе РФ, ни в других отраслях российского законодательства), не корректным представляется использованный выше подход. Необходимо было сформулировать понятие, которое бы содержало в себе все существенные признаки, наличие которых являлось бы основанием для признания того или иного деяния коррупционным.

На наш взгляд, законодатель без достаточных оснований отнес к числу проявлений коррупции злоупотребления полномочиями и коммерческий подкуп, являющимися преступлениями против интересов службы в коммерческих и иных организациях (Глава 23 Особенной части УК РФ, которая входит в раз-

дел VIII «Преступления в сфере экономики»). Субъектами данных преступлений должностные лица быть не могут (такowymi, применительно к деяниям, предусмотренным ст. 201, ч. 3, 4 ст. 204 УК РФ, являются лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих или иных организациях, а к деяниям, предусмотренным ч. 1, 2 ст. 204 УК РФ, – любые вменяемые лица, достигшие возраста уголовной ответственности). Представляется нецелесообразным причислять такого рода деяния к коррупции, поскольку это явление традиционно ассоциируется с продажностью государственного аппарата. В то же время в анализируемом определении отсутствует упоминание превышения должностных полномочий и служебного подлога, несмотря на то, что многие такие преступления имеют вполне очевидную коррупционную направленность. Полагаем, что и дача взятки «в чистом виде» не должна рассматриваться как коррупция, поскольку субъектом этого преступления может быть любое физическое лицо. Из определения коррупции следует, что по своей сути данное явление предполагает, прежде всего, незаконное использование физическим лицом именно своего должностного положения. При этом очевидно, что дача взятки, безусловно, очень близко связана с коррупцией, поскольку данное преступление нередко образует так называемое необходимое соучастие с получением взятки должностным лицом, однако достаточных оснований расценивать это деяние именно как проявление коррупции все-таки нет. Представляется, что в определении «коррупция» не следовало делать акцент и на предоставлении выгоды лицу, незаконно использующему свое должностное положение, другими физическими лицами, поскольку основное значение в данном случае имеет фактическое получение такой выгоды должностным лицом. В этом случае существующее определение позволяет говорить об «успехах» в борьбе с коррупцией и в случаях, когда вместо выявления и пресечения действительных коррупционных деяний (преступлений и правонарушений) со стороны должностных лиц будут устанавливаться факты совершения преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях (при этом сохраняется прежний порядок осуществления уголовного преследования лиц, преступления которых причинили вред исключительно коммерческой организации, т.е. по ее заявлению или с ее согласия), факты покушения на дачу взятки при отсутствии волеизъявления и намерения должностного лица принять незаконное материальное вознаграждение и т.д.

Анализ определения, изложенного в Федеральном законе «О противодействии коррупции», позволяет говорить о том, что оно не учитывает многообразие проявлений коррупционного поведения, затрагивающего сферы действия различных отраслей права (уголовного, административного, гражданского, трудового, финансового и др.), что обуславливает необходимость комплексного подхода к определению самого явления коррупции. Приводимая в определении характеристика выгоды как цели коррупции не соотносится с соответствующими категориями, предусмотренными конкретными нормами Осо-

бенной части УК РФ (например, ст. 290 УК РФ, где определяется содержание предмета взятки); в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации имеется состав злоупотребления должностными полномочиями, а не злоупотребления служебным положением, как это закреплено в ст. 1 Федерального закона. Все это позволяет говорить о том, что анализируемое определение «коррупции» недоработано, оно в известной мере противоречит другим правовым нормам, что может служить препятствием эффективному противодействию коррупции.

В этой связи отметим, что не разделяем мнение тех исследователей, которые пытаются доказать необходимость введения в уголовное право понятия «коррупция».

Представляется, что, являясь по своей сути социальным явлением, коррупция может быть реализована в многочисленных формах, причем необязательно в тех, которые содержат уголовно-правовой запрет. Такое широкое понимание данного явления основывается на ином подходе к этимологии самого понятия «коррупция» – подкуп. Мы считаем, что определение коррупции через «сoguptio» (подкуп) не совсем точно отражает суть данного понятия. Более правильным представляется иная основа понятия «коррупция», состоящая из латинских слов «сogere», т.е. несколько участников обязательственного отношения по поводу единственного предмета, и «gumpere» – ломать, нарушать. В результате мы имеем самостоятельный термин «сogumpere», который предполагает участие в деятельности нескольких лиц (не менее двух), целью которых является «порча», «повреждение нормального процесса управления общества». Очевидно, что понимание коррупции как умышленного нарушения установленного государством процесса управления делами общества по-другому расставляет акценты в определении общественной опасности данного явления. Прежде всего, отметим, что порядок управления устанавливается (регулируется) многими отраслями права. В этой связи очевидно, что любой государственный служащий обязан, во-первых, принимать решение исключительно исходя из целей, установленных правом (конституци-

ей, законами, другими нормативными актами), и, во-вторых, в процессе выполнения своих служебных обязанностей он должен действовать исключительно в рамках (в пределах) установленных соответствующих нормативных актов.

Коррупция начинается тогда, когда цели, установленные в правовых нормах, подменяются субъективными целями должностного лица, направленными на умышленное нарушение установленного правом порядка управления. При этом, на наш взгляд, корыстный интерес (с которым, как правило, связывают те или иные формы коррупционного поведения) может и отсутствовать, поскольку такие деяния могут совершаться как с целью мести, ревности и т.д., так и с целью обогащения третьих лиц.

Сами нарушения установленного государством порядка управления могут иметь различную степень общественной опасности, как и должностные лица, совершающие их.

В этой связи становится очевидным, что к уголовной ответственности можно привлекать лишь тех лиц, степень общественной опасности деяний которых достаточно высокая. Поэтому уголовное право имеет дело с такими формами коррупционного поведения, которые обладают наиболее высокой степенью общественной опасности. Иные формы коррупционного поведения должны пресекаться нормами других отраслей российского законодательства: административного, налогового, таможенного и т.д.

Предлагаемый подход не сводит понятие «коррупция» к её конкретным, наиболее опасным поведенческим проявлениям, поскольку любые попытки заключить данное понятие в жесткие уголовно-правовые рамки приведут к тому, что те или иные формы коррупционного поведения все равно окажутся за пределами уголовного кодекса. По этой же причине нецелесообразно регулирование противодействия коррупции связывать с принятием одного закона.

Представляется, что наиболее эффективно противодействовать коррупции можно лишь используя весь комплекс российского законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конусы «В» и 2 «С». Урукагины (законодательная Декларация урукагины) / пер. со старошумер. Ю.Б. Гавриловой (по изданию ABW1 – S. 288–313 Древний Шумер). СПб., 2003. С. 272–273.
2. Каутилья (Чанакья). Артхашастра, или Наука политики. М., 1959. С. 798.
3. Библия Сирах. 1, 29, 4, 9. С. 644.
4. Русская правда. Краткая редакция // Российское законодательство X–XX веков. Законодательство Древней Руси. М., 1984. Т. 1. С. 191.
5. Двинская уставная грамота 1397 г. // Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 2. С. 180.
6. Псковская судная грамота (с комментариями) // Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 1. С. 321.
7. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 2. С. 54.
8. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 2. С. 97.
9. Соборное уложение 1649 г. М., 1961. С. 47, 140.
10. Седов П.В. На посуле, как на стуле. Из истории российского чиновничества XVIII в. // Звезда. 1998. № 4. С. 210.
11. Клеандров В.М., Колобов Б.В., Кутьина Г.А., Новицкая Т.Е. Законодательство Петра I. М., 1997. С. 749.
12. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М., 1995. С. 143.
13. Организованная преступность / под ред. А.И. Долговой, С.В. Дьякова. М., 1989. С. 144.
14. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С. 324–325.
15. Криминология / под ред. А.И. Долговой. М., 1997. С. 501.
16. Волженкин Б.В. Коррупция. СПб., 1998. С. 10.
17. Обсуждение проблем борьбы с коррупцией. Круглый стол // Государство и право. 1993. № 2. С. 135.
18. Коррупция и борьба с ней / ред. кол.: В.В. Астаин, А.И. Долгова и др. М., 2000. С. 5–6.
19. Государство и право. 1993. № 2. С. 136.
20. Комментарий к УК РФ / под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 1997. С. 672.
21. Гаухман Л. Коррупция и коррупционное преступление // Законность. 2000. № 4. С. 6.

22. Катаев Н.А. Сердюк Л.В. Коррупция (уголовно-правовой и криминологический аспекты). Уфа, 1995. С. 9.
23. Проект ФЗ «Основы антикоррупционной политики» // Уголовное право. 2001. № 1. С. 8–7.
24. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008. № 273 ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. № 52. С. 6228.

Статья представлена научной редакцией «Право» 23 марта 2016 г.

LEGAL COUNTERACTION TO CORRUPTION IN RUSSIA: HISTORY AND CURRENT STATE

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 178–183. DOI: 10.17223/15617793/405/26

Prozumentov Lev M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krim_tsu@mail.ru

Keywords: law; behavior; crime; corruption; criminal law; public glasnost.

Formation and development of corruption in Russia has a long history. Thus, the first written mention of the promises of illegal remuneration paid for the governor for the implementation of official authority relates to the late 14th century. In the 15th century, officials carried out their direct duties only for a gift. The first law on the punishment of judges for bribery is found in the *Sudebnik [Code of Law] of 1497*. The *Sudebnik of 1550* considered bribery in more detail. The *Sobornoye Ulozhenie [Cathedral Code] of 1649*, Peter I's Decree “On Banning Bribes and Promises” of 1708, *The Code of Criminal and Correctional Punishments* of 1845, *The Criminal Law* of 1903 contained provisions criminalizing specific forms of corruption. The establishment of the Soviet did not eliminate the problem of corruption. It is natural that two of the first decrees of the new government were the Decree “On Bribery” (May 8, 1918) and the Decree “On Bribery Prevention”. The Criminal Codes of the RSFSR in 1922, 1926 and 1960 provided for the responsibility for certain types of corruption: for giving and receiving bribes, abuse of authority and official position, etc. The recent research literature over the last twenty years gives various definitions of corruption. The author emphasises that in terms of crime composition, corruption was initially viewed only as bribery of one person by another, i.e., it was only about bribery in all its forms and varieties. The author underlines that corruption includes not only receiving a bribe, but also other officials' crimes: abuse of office, forgery, etc. With the adoption of Federal Law No. 273-FZ “On Combating Corruption” of December 25, 2008, this notion has been first enshrined in the Russian legislation. However, what do we find here? The fact that is defined as “corruption” is related to particular deeds where it appears. All these deeds come to the following: an unlawful use of an official status by a person despite the legal interests of the society and the state to get benefit for this person or others. In this article, the author analyses this statement and notes that, firstly, the anti-corruption law does not give an unambiguous definition of the notion “corruption” or the area of matter of facts as a basic object of special impact. Secondly, the existing criminal law has no notion “corruption”. The author notes that prevention of corruption only by means of criminal law is possible, but the effectiveness of these actions is insignificant. To prevent corruption it is necessary to use norms of other branches of law: administrative law, civil law, labor law, customs law and others.

REFERENCES

1. Anon. (2003) *Konusy “V” i 2 “S”. Urukaginy (zakonodatel'naya Deklaratsiya urukaginy)* [The cones “B” and 2 “C”. Urukagina (legislative Urukagina Declaration)]. Translated from Old Sumer by Yu.B. Gavrilova. St. Petersburg.
2. Kautilya (Chanakya). (1959) *Artkhashastra ili nauka politiki* [Arthashastra or the science of politics]. Moscow: USSR AS.
3. *Bibliya Sirakh* [The Sirach Bible]. 1, 29, 4, 9.
4. Chistyakov, O.I. (ed.) (1984) *Russkaya pravda. Kratkaya redaktsiya* [Russian truth. A brief revision]. In: *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. Zakonodatel'stvo Drevney Rusi* [Russian legislation of the 10th–20th centuries. The law of Ancient Rus]. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
5. Chistyakov, O.I. (ed.) (1984) *Dvinskaya ustavnaya gramota 1397 g.* [Dvina Charter of 1397]. In: *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian legislation of the 10th–20th centuries]. Vol. 2. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
6. Chistyakov, O.I. (ed.) (1984) *Pskovskaya sudnaya gramota (s kommentariyami)* [Pskov Judicial Charter (with commentaries)]. In: *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian legislation of the 10th–20th centuries]. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
7. Chistyakov, O.I. (ed.) (1984) *Sudebnik 1497 g.* [Code of Law of 1497]. In: *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian legislation of the 10th–20th centuries]. Vol. 2. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
8. Chistyakov, O.I. (ed.) (1984) *Sudebnik 1550 g.* [Code of Law of 1550]. In: *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian legislation of the 10th–20th centuries]. Vol. 2. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
9. Anon. (1961) *Sobornoe ulozhenie 1649 g.* [The Council Code of 1649]. Moscow: Moscow State University.
10. Sedov, P.V. (1998) *Na posule, kak na stule. Iz istorii rossiyskogo chinovnichestva XVIII v.* [On promises like on the chair. From the history of the Russian officialdom of the 18th century]. *Zvezda*. 4. pp. 210.
11. Kleandrov, V.M. et al. (1997) *Zakonodatel'stvo Petra I* [Legislation of Peter I]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
12. Gaydar, E.T. (1995) *Gosudarstvo i evolyutsiya* [State and Evolution]. Moscow: Evraziya.
13. Dolgova, A.I. & D'yakov, S.V. (eds) (1989) *Organizovannaya prestupnost'* [Organized crime]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
14. Karpets, I.I. (1992) *Prestupnost': illyuzii i real'nost'* [Crime: illusion and reality]. Moscow: Rossiyskoe pravo.
15. Dolgova, A.I. (ed.) (1997) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: NORMA.
16. Volzhenkin, B.V. (1998) *Korrupsiya* [Corruption]. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute of the Academy of General Prosecutor's Office.
17. Gosudarstvo i pravo. (1993) *Obsuzhdenie problem bor'by s korrupsiey. Kruglyy stol* [Discussion of the problems of combating corruption. A Round Table]. *Gosudarstvo i pravo – Satet and Law*. 2. pp. 135.
18. Astanin, V.V. et al. (eds) (2000) *Korrupsiya i bor'ba s ney* [Corruption and the fight against it]. Moscow: Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya.
19. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. (1993) 2. pp. 136.
20. Skuratov, Yu.I. & Lebedev, V.M. (eds) (1997) *Kommentariy k UK RF* [Commentary on the RF Criminal Code]. Moscow: Infra-M-Norma.
21. Gaukhman, L. (2000) *Korrupsiya i korrupsionnoe prestuplenie* [Corruption and corruption crime]. *Zakonost'*. 4. pp. 6.
22. Kataev, N.A. & Serdyuk, L.V. (1995) *Korrupsiya (ugolovno-pravovoy i kriminologicheskoy aspekty)* [Corruption (criminal-legal and criminological aspects)]. Ufa: VEGU i UVSh MVD RF.
23. Ugolovnoe pravo. (2001) *Proekt FZ “Osnovy antikorruptsionnoy politiki”* [Draft Federal Law “Fundamentals of Anti-Corruption Policy”]. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 8–7.
24. Russian Federation. (2008) *O protivodeystvii korrupsii: Federal'nyy zakon ot 25 dekabrya 2008. № 273 FZ* [On Combating Corruption: the Federal Law of December 25, 2008. Federal Law 273]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Code of Laws of the Russian Federation]. 29 December. 52. pp. 6228.

Received: 23 March 2016

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОНЦЕССИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Статья посвящена определению понятия концессионного соглашения и анализу его правовой природы. Рассмотрены договоры, элементы которых могут содержаться в концессионном соглашении. Произведено сравнение концессионных соглашений со смешанными договорами, исследуются их юридические характеристики, а также правовые проблемы, возникающие при определении отраслевой принадлежности.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; концессионное соглашение; договор подряда; договор аренды; концессионер; концедент.

В сегодняшних условиях, когда финансовые возможности государства ограничены, одним из основных направлений развития российской экономики является государственно-частное партнерство, в особенности в форме концессионных соглашений.

Как правило, появление в российском праве термина «концессионное соглашение» связывают с принятием Федерального закона от 21.07.2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» [1] (далее – Закон № 115-ФЗ). Вместе с тем рассматриваемое понятие не является новым.

Прообразом концессионного соглашения, концессии (от лат. *concession* – разрешение, уступка, льгота) в России являлся применявшийся со времен Петра I откуп, т.е. монопольное, исключительное право на взывание с населения государственных доходов, предоставляемое частному лицу за денежный взнос с его стороны государству. В дореволюционной России и Советской России в период НЭПа существенную роль в развитии экономики играли иностранные концессии. Так, в 1897–1901 гг. в рамках концессионного соглашения между Россией и Китаем была построена Китайско-Восточная железная дорога [2. С. 4].

На сегодняшний день концессионные соглашения обеспечивают приток инвестиций в экономику страны не только за счет продажи товаров (работ, услуг), но и за счет их приобретения. Тем самым, концессионные соглашения стали одним из основных правовых механизмов как реализации инфраструктурных проектов, так и развития отечественной промышленности и научных центров, оказавшихся в центре государственных приоритетов.

В соответствии с п. 1 ст. 3 Закона № 115-ФЗ под концессионным соглашением понимается договор, по которому одна сторона (концессионер) обязуется за свой счет создать и (или) реконструировать определенное этим соглашением имущество (недвижимое имущество или недвижимое имущество и движимое имущество, технологически связанные между собой и предназначенные для осуществления деятельности, предусмотренной концессионным соглашением) (далее – объект концессионного соглашения), право собственности на которое принадлежит или будет принадлежать другой стороне (концеденту), осуществлять деятельность с использованием (эксплуатацией) объекта концессионного соглашения, а концедент обязуется предоставить концессионеру на срок, установленный этим соглашением, права владения и поль-

зования объектом концессионного соглашения для осуществления указанной деятельности.

Концессионное соглашение является договором, в котором содержатся элементы различных договоров. Руководствуясь п. 2 ст. 3 Закона № 115-ФЗ, **к концессионным правоотношениям применяются нормы законодательства о договорах, элементы которых содержатся в концессионном соглашении**, если иное не установлено Законом № 115-ФЗ и не противоречит существу соглашения.

Текстуально содержание рассматриваемой нормы п. 2 ст. 3 Закона № 115-ФЗ согласуется с содержанием нормы п. 3 ст. 421 Гражданского кодекса РФ [3] (ГК РФ), согласно которой «стороны могут заключить договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (смешанный договор). К отношениям сторон по смешанному договору применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора».

Однако, несмотря на кажущееся сходство (на основании которого ряд исследователей относит концессионные соглашения к смешанным договорам), между нормами ч. 2 ст. 3 Закона № 115-ФЗ и п. 3 ст. 421 ГК РФ есть существенное различие, касающееся права сторон соглашения по своему усмотрению определять возможность применения к их правоотношениям правил о договорах, элементы которых содержатся в соглашении сторон. У сторон смешанного договора такое право есть, в то время как у сторон концессионного соглашения такого права нет.

Согласно п. 4 ст. 421 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами. Договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения (ст. 422 ГК РФ).

Следовательно, свобода усмотрения сторон в формировании содержания договора является квалифицирующим признаком, отличающим смешанные договоры от иных договоров, содержащих элементы нескольких договоров.

Кроме того, смешанным может считаться только договор, не предусмотренный законом. Поскольку

концессионное соглашение предусмотрено Законом № 115-ФЗ, согласно п. 3 ст. 421 ГК РФ оно не является смешанным договором.

Таким образом, исходя из буквального толкования п. 3, п. 4 ст. 421 и ст. 422 ГК РФ в их взаимосвязи, а также с учетом вышеназванного различия между нормами ч. 2 ст. 3 Закона № 115-ФЗ и п. 3 ст. 421 ГК РФ можно сделать вывод о том, что **концессионное соглашение является** не смешанным договором, а **самостоятельным видом договора**. Совокупность же элементов договоров иных видов представляется отличительным признаком концессионного соглашения, свойственным данному виду договора.

Действующее законодательство не содержит перечня **видов договоров, элементы которых содержатся в концессионном соглашении**. Вместе с тем сложившаяся правоприменительная практика показывает, что четкое понимание того, элементы каких именно договоров включаются в каждое отдельно взятое концессионное соглашение, имеет существенное значение как на стадии заключения соглашения (для правильной оценки всех возможных рисков), так и на стадии его реализации (для определения норм, подлежащих применению при регулировании правоотношений сторон).

Среди договоров, элементы которых обычно содержатся в концессионном соглашении, особо следует выделить подряд и аренду. Концессионное соглашение может содержать также элементы договора возмездного оказания услуг и др. Характер отношений сторон и, соответственно, их обязательства в рамках концессионного соглашения изменяются по мере прохождения отдельных стадий и этапов его реализации.

Исходя из смысла п. 1 ст. 3, а также п. 1 ч. 1 ст. 10 Закона № 115-ФЗ на этапе создания и (или) реконструкции объекта концессионного соглашения, применению подлежат правила гражданского законодательства о подряде, предусмотренные главой 37 «Подряд» ГК РФ [4]: § 1 «Общие положения о подряде», § 3 «Строительный подряд» и § 4 «Подряд на выполнение проектных и изыскательских работ».

На следующем этапе реализации концессионного соглашения (стадия осуществления концессионером деятельности с использованием (эксплуатацией) объекта концессионного соглашения) к отношениям сторон применяются правила гражданского законодательства об аренде – гл. 34 ГК РФ «Аренда» [4], в том числе отдельных видов имущества. Так, при передаче по концессионному соглашению транспорта общего пользования к отношениям сторон могут быть применены нормы об аренде транспортных средств (§ 3 гл. 34 ГК РФ); при передаче объектов недвижимости – об аренде зданий и сооружений (§ 4 гл. 34 ГК РФ) или предприятий (§ 5 гл. 34 ГК РФ).

Обоснованность применения к отношениям сторон концессионного соглашения правил гражданского законодательства о подряде и аренде подтверждается сложившейся судебной практикой [5–8].

Анализ судебной практики показывает, что рассматриваемая норма п. 2 ст. 3 Закона № 115-ФЗ является достаточно сложной для сторон концессионного

соглашения с точки зрения ее применения. Как правило, сложности обусловлены тем, что в тексте концессионных соглашений редко указывается, правила о каком виде договора подлежат применению к тем или иным отношениям. Отсутствует такое указание и в примерных концессионных соглашениях, утвержденных Правительством РФ в соответствии с ч. 4 ст. 10 Закона № 115-ФЗ [9].

В результате стороны допускают ошибки в определении норм, подлежащих применению при регулировании их правоотношений.

Так, при рассмотрении судебного дела по иску концедента к концессионеру о взыскании неустойки за нарушение сроков строительства объекта судом было установлено, что штраф начислен за неисполнение обязательств по правоотношениям, которые регулируются гл. 37 ГК РФ о подряде. Несмотря на то что нарушение сроков было вызвано неисполнением концедентом встречных обязательств по договору, суд взыскал неустойку в связи с невыполнением концессионером требований, обязательных в таких случаях для подрядных отношений [5].

В другом деле судом установлено, что к спорным правоотношениям сторон применяются нормы законодательства об аренде. Неправильное определение концессионером на стадии реализации концессионного соглашения подлежащих применению норм привело к ошибкам при расчете налоговой базы и, как следствие, образованию недоимки, начислению пени и штрафов, нереализации права на налоговые вычеты и льготы [7].

По своим **юридическим характеристикам** концессионное соглашение является:

– консенсуальным – вступает в силу с момента его подписания (п. 4 ст. 36 Закона № 115-ФЗ), а исполняется уже после заключения;

– срочным – всегда заключается на определенный в нем срок (ст. 6 Закона № 115-ФЗ);

– взаимным – обе стороны имеют права и несут обязанности (ст. 8 Закона № 115-ФЗ);

– возмездным – наличие материальной выгоды в результате исполнения соглашения у каждой из сторон;

– двусторонним – наличие прав и обязанностей двух равноправных сторон, а также необходимость выражения согласованной воли обеих сторон для его заключения.

Вопрос об **отраслевой принадлежности концессионных соглашений** длительное время остается дискуссионным. На сегодняшний день наиболее обсуждаемыми стали позиции, согласно которым концессионное соглашение является:

1) смешанным публично-частным договором (договором особого рода);

2) публично-правовым (административным) договором;

3) гражданско-правовым договором.

Определение правовой природы, в том числе отраслевой принадлежности, концессионных соглашений имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, на что указал Пленум Высше-

го Арбитражного Суда РФ: «При рассмотрении споров, вытекающих из договоров, связанных с инвестиционной деятельностью в сфере финансирования строительства или реконструкции объектов недвижимости, судам следует устанавливать правовую природу соответствующих договоров...» [10].

С практической точки зрения правильная оценка отраслевой принадлежности договора необходима для определения норм права, подлежащих применению к рассматриваемому правоотношению (частных или публичных), в том числе для установления подлежащего применению порядка защиты нарушенных прав (гражданское судопроизводство или судопроизводство по делам, возникающим из публичных правоотношений).

Концессионное соглашение, безусловно, обладает как гражданско-правовыми, так и публично-правовыми признаками.

К гражданско-правовым признакам концессионного соглашения относятся в том числе:

а) его субъектный состав. Концессионер – это всегда лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность. Являющиеся концедентами Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования, в силу двойственности своего статуса, в отношениях с концессионером (в рамках концессионного соглашения) выступают на равных началах;

б) взаимность и возмездность данного вида договора;

в) применимость к концессионным соглашениям правила гражданского законодательства о договорах, элементы которых в них содержатся.

К публично-правовым признакам концессионных соглашений, как правило, относят:

а) принимаемое публичным образованием решение о его заключении (ст. 22 Закона № 115-ФЗ);

б) наличие публичного интереса (в том числе удовлетворение потребностей населения в товарах и услугах);

в) наличие у концедента административных полномочий при реализации концессионных соглашений;

г) включение в содержание соглашения публично-правовых норм.

Сторонники теории, относящей концессионное соглашение к **публично-частным договорам** (А.В. Багдасарова, Н.Л. Платонова, С.А. Сосна), на основании анализа указанных признаков, а также совокупности прав и обязанностей сторон, делают вывод о том, что концессионное соглашение характеризуется правовым дуализмом содержащихся в нем условий: наряду с характерными признаками договорных отношений между субъектами присутствуют отличительные признаки отношений власти и подчинения. В связи с этим концессионное соглашение нельзя отнести ни к гражданско-правовому, ни к административному договору.

По мнению автора, данный подход не проясняет правовую природу концессионных соглашений. Искусственно созданное понятие публично-частных правоотношений противоречит дуалистическому характеру российской системы права, исходя из которого правоотношения могут быть или публично-правовыми, или частно-правовыми.

Теорию, определяющую концессионное соглашение как **публично-правовой акт (административный договор)**, разделяли в основном представители советской правовой школы (Б.А. Ландау, И.Н. Бернштейн). Сторонники данной теории есть и среди представителей современной юридической науки (С.В. Шорохов).

Указывая на публично-правовой характер концессионных соглашений, рассматриваемая теория в качестве цели их заключения определяет осуществление публичной властью своих полномочий посредством поручения частному лицу управления государственной (муниципальной) собственностью под контролем предоставляющего органа за плату. Концессионное соглашение при этом рассматривается как властный акт, предоставляющий концессионеру принадлежащие государству права.

Определяющим фактором, квалифицирующим концессионное соглашение как публично-правовое, по мнению сторонников данной теории, является решение публичного образования о заключении концессионного соглашения, которое рассматривается в качестве основания его возникновения.

Вместе с тем правовая природа договора определяется не основанием возникновения, а его содержанием. Кроме того, концессионное соглашение возникает не на основании решения публичного образования, а на основании соглашения концедента и концессионера. То есть для заключения концессионного соглашения, как и любого гражданско-правового договора (п. 1 ст. 433 ГК РФ), оферта (в виде решения концедента) обязательно должна быть акцептована концессионером в порядке, установленном Законом № 115-ФЗ.

Концепция публично-правовой природы концессионных соглашений опровергается также их законодательно установленными принципами (равенства, свободы воли концессионера при заключении соглашения и др.), предметом и методом их правового регулирования.

Кроме того, особого внимания заслуживает тот факт, что российскому праву не знакомо понятие административного договора.

Согласно третьему подходу, концессионное соглашение является одним из видов **гражданско-правовых договоров**. Этой теории придерживаются многие исследователи-цивилисты (В.М. Савельева, И.С. Вахтинская, Д.Ю. Засыпкин). Разделяет данную теорию и автор.

Концессионное соглашение – это, прежде всего, соглашение, определяющее порядок взаимодействия его сторон, на основании которого возникают (изменяются, прекращаются) гражданские права и обязанности. Правоотношения сторон основаны на их равенстве (в силу двойственного статуса публичного образования), автономии воли и имущественной самостоятельности (ст. 124 ГК РФ во взаимосвязи с п. 1 ст. 48 и п. 1 ст. 421 ГК РФ). В связи с этим участие на стороне концедента публичного образования не меняет правовой природы концессионного соглашения как гражданско-правового.

Не меняют правовой природы концессионных соглашений также и содержащиеся в них публично-правовые нормы, определяемые концедентом. Такие нормы являются условием участия публичного образования в концессионном соглашении. Наличие этих норм продиктовано, прежде всего, законодательно установленной целью заключения концессионных соглашений – обеспечить эффективное использование государственного (муниципального) имущества, а также повысить качество товаров, работ, услуг, предоставляемых потребителям (наиболее эффективно обеспечить реализацию публичных и частных интересов).

Гражданское законодательство предусматривает возможность ограничения свободы усмотрения сторон при заключении (изменении и прекращении) гражданско-правовых договоров. Ограничение допускается только в установленных законом случаях, в том числе в целях обеспечения публичного порядка.

В.Ф. Попондопуло приводит следующую классификацию таких договоров [11]:

1) договоры, при определении условий которых свобода ограничивается в целях обеспечения единства экономического пространства, защиты конкуренции и создания условий для эффективного функционирования товарных рынков [12];

2) договоры между предпринимателями и потребителями, не являющимися предпринимателями, в которых свобода предпринимателей ограничивается в целях защиты прав потребителей, как экономически зависимой и более слабой стороны в договоре [13];

3) договоры в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Договорная свобода сторон ограничивается в целях повышения эффективности, результативности закупок, обеспечения их гласности, прозрачности и предотвращения злоупотреблений, в том числе коррупции [14].

При заключении концессионных соглашений Закон №115-ФЗ также предусматривает ограничения свободы предпринимателя в целях обеспечения публичного порядка, что вполне соответствует гражданско-правовой природе данного вида договора.

Гражданско-правовая отраслевая принадлежность концессионных соглашений вписывается в принятую в России дуалистическую систему права, предполагающую деление права на частное и публичное. Как указывает А.А. Иванов, «четкое разграничение предметов отраслей публичного и частного права – путь к

разрешению противоречий между ними и устранению частно-публичных “уродцев”» [15].

Отнесение концессионных соглашений к гражданско-правовым договорам нашло свое отражение в действующем законодательстве и подтверждается сложившейся судебной практикой.

Так, на гражданско-правовую природу концессионных соглашений прямо указано в п. 5 ст. 16 Федерального закона от 17.07.2009 г. № 145-ФЗ (ред. от 13.07.2015 г.) «О государственной компании “Российские автомобильные дороги” и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [16]: «...заключении концессионных соглашений, иных гражданско-правовых договоров...».

При разрешении споров между сторонами концессионных соглашений суды рассматривают дела по общим правилам гражданского судопроизводства, а не по правилам, регламентирующим судопроизводство по делам, возникающим из публичных правоотношений, или по делам об оспаривании правовых актов публичных образований. Тем самым судебная практика определяет отраслевую принадлежность концессионных соглашений как гражданско-правовую.

Таким образом, по своей отраслевой принадлежности концессионные соглашения являются гражданско-правовыми договорами, хотя и содержат определенные публично-правовые элементы.

На основании изложенного представляется целесообразным:

1) дополнить примерные концессионные соглашения условиями, определяющими правила гражданского законодательства о каких видах договоров применяются к отношениям их сторон;

2) на законодательном уровне закрепить самостоятельность концессионного соглашения как вида договора, а также его гражданско-правовую отраслевую принадлежность: изложить п. 2 ст. 3 Закона № 115-ФЗ в следующей редакции: «Концессионное соглашение является гражданско-правовым договором, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных федеральными законами. Концессионное соглашение является самостоятельным видом договора, к отношениям сторон концессионного соглашения применяются в соответствующих частях правила гражданского законодательства о договорах, элементы которых содержатся в концессионном соглашении, если иное не вытекает из настоящего Федерального закона или существа концессионного соглашения».

ЛИТЕРАТУРА

1. О концессионных соглашениях: Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3126.
2. Практика применения концессионных соглашений для развития региональной инфраструктуры в России. М.: Центр развития ГЧП, 2014.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ: ред. от 29.06.201 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2015) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
5. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 18.12.2012 по делу № А12-7331/2012 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.08.2011 по делу № А13-12057/2010 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
7. Определение Верховного Суда РФ от 26.03.2015 № 310-КГ15-1150 по делу № А14-4828/2013 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

8. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 18.12.2013 № Ф09-11632/13 по делу № А60-9566/2013 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
9. Примерное концессионное соглашение в отношении автомобильных дорог и инженерных сооружений транспортной инфраструктуры, в том числе мостов, путепроводов, тоннелей, стоянок автотранспортных средств, пунктов пропуска автотранспортных средств, пунктов взимания платы с владельцев грузовых автотранспортных средств: утверждено Постановлением Правительства РФ от 27.05.2006 № 319 (ред. от 20.01.2015) // СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2511.
10. О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем : Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.07.2011 № 54 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
11. Попондопуло В.Ф. Публично-частное партнерство: понятие и правовые формы // Арбитражные споры. 2014. № 2. С. 81–100.
12. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ: ред. от 13.07.2015 (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2016) // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
13. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 13.07.2015) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
14. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
15. Иванов А.А. Понятие «имущественные отношения» и проблемы налогового права // Вестник ВАС РФ. 2009. № 1. С. 76.
16. О государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 17.07.2009 № 145-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3582.

Статья представлена научной редакцией «Право» 28 февраля 2016 г.

DEFINITION AND LEGAL NATURE OF CONCESSION AGREEMENTS

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 184–189. DOI: 10.17223/15617793/405/27

Kholodkova Yuliya S. Sibmost OJSC (Novosibirsk, Russian Federation) Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: HolodkovaJS@sibmost.ru

Keywords: public-private partnership; concession agreement; work contract; contract of tenancy; the grantor; the concessionaire.

The concession agreement is a form of public-private partnership which nowadays has the leading role in attracting investments into the economy of the country. The definition of the concession agreement is not new for Russian law. The concession agreement originated from a lease of the tsarist Russia. Concessions were also applied in pre-revolutionary Russia and Soviet Russia during the new economic policy. Foreign concessions had a special importance for the development of the country economy. Concession agreements have been actively used in the modern Russian law since the federal law on concession agreements was adopted. Under the concession agreement, the concessionaire (private investor) constructs or reconstructs at their expense the infrastructure object which belongs (will belong) to the grantor (state, municipality). Meanwhile the concessionaire gets the right to operate this object within a certain period of time. The concession agreement is a contract containing elements of different contracts. However, there is no list of any types of such contracts in the legislation. This article is concerned with the contracts whose elements are included in concession agreements at different stages of their implementation. Special attention is given to work contracts and those of tenancy. At the stage of creation and (or) reconstruction of the concession agreement object the rules of the civil law on a work contract shall be used. During the operation phase of the concession agreement object the rules of the civil law on the lease shall be used. Concession agreements are compared with mixed ones. As a result, it is concluded that a concession agreement is not a mixed one, but it is an independent type of contract, while the combination of the components of other types of contracts is the hallmark of any concession agreement. The legal characteristics of the concession agreement are defined as consensual, urgent, mutual, reimbursable and bilateral. Some legal problems encountered in the definition of concession agreement legal nature are examined in this article, and three basic relevant theories are covered. According to these theories, the legal nature of concession agreements is defined as: (1) a mixed public-private contract (the contract of a special kind); (2) a public (an administrative) contract; (3) a civil contract. The definition of the legal nature of concession agreements has a great practical importance, for instance, when determining how to protect the violated rights of the parties to the agreement. That is why in the article special attention is paid to the study of this issue. The concession agreement has both civil law and public law features. These characteristics are also analyzed in the article. Thus, the author comes to a conclusion concerning the civil-legal nature of concession agreements. The author's arguments are based on the law in force and the current enforcement practice. According to the results of the research some proposals to improve concession legislation are formed. They are as follows: to complete the approximate concession agreement; to secure the independence of the concession agreement as a form of contract; to determine its civil legal nature.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2008) O kontsessionnykh soglasheniyakh: Federal'nyy zakon ot 21.07.2005 № 115-FZ (red. ot 30.12.2015) [On Concession Agreements: The Federal Law of 21.07.2005 No. 115-FZ (as amended on 12.30.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Code of Laws of the Russian Federation]. 30 (ch. II). Art. 3126.
2. Tsentrazvitiya GChP. (2014) *Praktika primeneniya kontsessionnykh soglasheniy dlya razvitiya regional'noy infrastruktury v Rossii* [The practice of concession agreements for regional infrastructure development in Russia]. Moscow: Tsentrazvitiya GChP.
3. Russian Federation. (1994) Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 31.01.2016) [The Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (ed. on 31.01.2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Code of Laws of the Russian Federation]. 32. Art. 3301.
4. Russian Federation. (1996) Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ: red. ot 29.06.201 (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.07.2015) [The Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of 26.01.1996 No. 14-FZ: ed. on 29.06.2015 (rev. and ext., in force since 01/07/2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Code of Laws of the Russian Federation]. 5. Art. 410.
5. Konsul'tantPlyus. (2012) *Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 18.12.2012 po delu № A12-7331/2012* [Decision of the Federal Arbitration Court of the Volga district of 18.12.2012 on case A12-7331/2012].
6. Konsul'tantPlyus. (2011) *Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 26.08.2011 po delu № A13-12057/2010* [Decision of the Federal Arbitration Court of the Northwestern District of 26.08.2011 on case A13-12057/2010].
7. Konsul'tantPlyus. (2015) *Opreделение Verkhovnogo Suda RF ot 26.03.2015 № 310-KG15-1150 po delu № A14-4828/2013* [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 26/03/2015 No. 310-KG15-1150 on case A14-4828/2013].

8. Konsul'tantPlyus. (2013) *Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 18.12.2013 № F09-11632/13 po delu № A60-9566/2013* [Decision of the Federal Arbitration Court of the Ural District of 18.12.2013 No. F09-11632/13 on case A60-9566/2013].
9. Russian Federation. (2006) *Primernoe kontsessionnoe soglasenie v otnoshenii avtomobil'nykh dorog i inzhenernykh sooruzheniy transportnoy infrastruktury, v tom chisle mostov, puteprovodov, tonneley, stoyanok avtotransportnykh sredstv, punktov propuska avtotransportnykh sredstv, punktov vzimaniya platy s vladel'tsev gruzovykh avtotransportnykh sredstv: utverzheno Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 27.05.2006 № 319 (red. Ot 20.01.2015)* [Sample concession agreement in respect of road transport infrastructure and engineering structures, including bridges, overpasses, tunnels, parking vehicles, checkpoints vehicles, items of charge from owners of commercial vehicles: approved by the RF Government Decree of 27.05.2006 No. 319 (ed. on 20.01.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Code of Laws of the Russian Federation]. 23. Art. 2511.
10. Konsul'tantPlyus. (2012) *O nekotorykh voprosakh razresheniya sporov, vznikayushchikh iz dogovorov po povodu nedvizhimosti, kotoraya budet sozdana ili priobretena v budushchem: Postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 11.07.2011 № 54* [On some issues of settlement of disputes arising from contracts on the property that will be created or acquired in the future: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 11.07.2011 No. 54].
11. Popondopulo, V.F. (2014) *Publichno-chastnoe partnerstvo: ponyatie i pravovye formy* [Public-private partnership: the concept and legal forms]. *Arbitrazhnye spory*. 2. pp. 81–100.
12. Russian Federation. (2006) *O zashchite konkurentsii: Federal'nyy zakon ot 26.07.2006 № 135-FZ: red. ot 13.07.2015 (s izm. i dop., vstup. v silu s 10.01.2016)* [On the protection of competition: the Federal Law of 26.07.2006 No. 135-FZ: Ed. on 13/07/2015 (rev. and ext., in force from 10.01.2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Code of Laws of the Russian Federation]. 31 (Pt. 1). Art. 3434.
13. Russian Federation. (1996) *O zashchite prav potrebiteley: Zakon RF ot 07.02.1992 № 2300-1 (red. ot 13.07.2015)* [Consumer Protection: The Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 (Ed. on 13.07.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Code of Laws of the Russian Federation]. 3. Art. 140.
14. Russian Federation. (2013) *O kontraktnoy sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd: Federal'nyy zakon ot 05.04.2013 № 44-FZ (red. ot 13.07.2015)* [On contract system in the procurement of goods, works and services for state and municipal needs: Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ (as amended on 07.13.2015.)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Code of Laws of the Russian Federation]. 14. Art. 1652.
15. Ivanov, A.A. (2009) *Ponyatie "imushchestvennye otnosheniya" i problemy nalogovogo prava* [The concept of "property relations" and the problem of tax law] *Vestnik VAS RF*. 1. pp. 76.
16. Russian Federation. (2009) *O gosudarstvennoy kompanii "Rossiyskie avtomobil'nye dorogi" i o vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 17.07.2009 № 145-FZ (red. ot 13.07.2015)* [On the state company "Russian Roads" and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: the Federal Law of 17.07.2009 No. 145-FZ (as amended on 13.07.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Code of Laws of the Russian Federation]. 29. Art. 3582.

Received: 28 February 2016

К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОГО СОСТАВА УМЫШЛЕННОГО УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВА

Рассматривается одно из необходимых условий для привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 167 УК РФ. На основе анализа различных точек зрения, существующих в науке уголовного права, разъяснений Верховного Суда, правовой позиции Конституционного Суда РФ автор приходит к выводу, что значительный ущерб является обязательным признаком умышленного уничтожения или повреждения имущества.

Ключевые слова: значительный ущерб; квалифицированный состав умышленного уничтожения или повреждения имущества; объект преступления.

К числу дискуссионных в современной науке уголовного права и судебной-следственной практике относится вопрос о том, является ли значительный ущерб обязательным признаком преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ.

Это связано с формулированием уголовно-правового запрета умышленного уничтожения или повреждения имущества. Так, в ч. 1 ст. 167 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти деяния повлекли причинение значительного ущерба. В ч. 2 ст. 167 УК РФ предусматривается ответственность за «те же деяния, совершенные из хулиганских побуждений, путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом либо повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия».

Одни авторы утверждают, что словосочетание «те же деяния», используемое в диспозиции ч. 2 ст. 167 УК РФ, указывает, что к деянию в этой статье следует относить только уничтожение и повреждение, а значительный ущерб является в рассматриваемом составе преступления последствием, который выступает криминообразующим признаком для ч. 1 ст. 167 УК РФ и не требуется для квалификации по ч. 2 этой статьи [1. С. 164]. Они также указывают, что ставить вопрос о квалификации преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ, в зависимости от того, как оценит ущерб потерпевший, некорректно, поскольку при совершении этого посягательства существует реальная угроза другим ценным объектам (например, жизни и здоровью человека), что свидетельствует о резком повышении степени общественной опасности таких действий [2. С. 87].

Л.Л. Кругликов отмечает, что не всегда в квалифицированном составе содержатся все признаки основного состава преступления [3. С. 198]. Так, он приводит в качестве примера ст. 166 УК РСФСР 1960 г. (незаконная охота), в квалифицированном составе которого отсутствовал признак основного состава – административная преюдиция; в ч. 2 ст. 188 УК РФ (в ред. 1996 г.) ответственность за контрабанду предусматривалась независимо от того, был причинен крупный размер или нет [Там же. С. 199].

Другие авторы полагают, что причинение значительного ущерба является обязательным признаком

как основного, так и квалифицированного состава умышленного уничтожения или повреждения имущества, предусмотренного ст. 167 УК РФ [4. С. 228]. Они аргументируют это тем, что квалифицирующие признаки дополняют основной состав преступления [5. С. 118].

По-разному решает этот вопрос и Верховный Суд в своих разъяснениях, которые адресованы нижестоящим судам. Так, в соответствии с Постановлением Пленумом Верховного Суда СССР от 2.03.1989 г. «О практике применения судами законодательства по делам, связанным с пожарами» (выделено авт. – А.Ч.) «уголовная ответственность за умышленное уничтожение или повреждение имущества, совершенное путем поджога, наступает независимо от того, является ли причиненный ущерб значительным» [6]. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 5.06.2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении и повреждении имущества» говорится, что если в результате поджога, взрыва или иных общеопасных действий имущество вообще не было повреждено по причинам, не зависящим от воли виновного, либо было уничтожено или повреждено, но в объеме, **не повлекшем причинение значительного ущерба**, содеянное требует квалификации, в зависимости от направленности его умысла, как покушение на уничтожение или повреждение имущества путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом [7].

Свое мнение по вопросу необходимости установления «причинения значительного ущерба» в квалифицированном составе умышленного уничтожения или повреждения имущества высказал и Конституционный Суд РФ. Так, в определении Конституционного Суда РФ от 5.03.2013 г. № 323-О «По жалобе гражданина Газаряна С.В. на нарушение его конституционных прав частью 2 ст. 167 УК РФ» указывается, что умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенные из хулиганских побуждений, путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом, влекут уголовную ответственность по ч. 2 ст. 167 УК Российской Федерации только в случае реального причинения потерпевшему значительного ущерба [8].

Полагаем, что наиболее обоснован подход, в соответствии с которым причинение значительного ущер-

ба является обязательным признаком квалифицированного умышленного уничтожения или повреждения имущества.

Уничтожение или повреждение имущества относятся к преступлениям, которые влекут уменьшение сферы имущественного обладания потерпевшего, но не сопровождаются соответствующим увеличением обладания виновного [9. С. 31]. Основанием криминализации такого деяния является то, что при совершении действий, направленных на уничтожение и повреждение имущества, причиняется вред отношениям собственности. Собственник или иной владелец полностью или частично лишается возможности пользоваться, распоряжаться и владеть имуществом. Уничтожение или повреждение имущества существенно ухудшает материальное положение лица, лишает его возможности полноценно осуществлять свою жизнедеятельность и удовлетворять свои потребности, участвовать в хозяйственной жизни и пр. Значительный ущерб является криминообразующим признаком, который преобразовывает уничтожение или повреждение имущества в преступление.

Если уничтожение или повреждение имущества не причиняют значительного ущерба, то отсутствуют основания для привлечения виновного к уголовной ответственности по ст. 167 УК РФ, так как в таком деянии нет общественной опасности, заложенной законодателем при формулировании этого уголовно-правового запрета. При таких обстоятельствах может наступить только административная ответственность, предусмотренная ст. 7.17 КоАП РФ. В этой статье, как известно, устанавливается ответственность за: «умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти деяния не повлекли причинение значительного ущерба» [10].

Нельзя согласиться с доводами авторов, которые считают, что причинение значительного ущерба не имеет значения для квалификации деяний, предусмотренных ч. 2 ст. 167 УК РФ, поскольку при их совершении причиняется или создается угроза причинения вреда другим объектам уголовно-правовой охраны и первостепенное значение имеет общественная опасность способа совершения этого преступления либо наступления тяжких последствий.

При совершении такого уголовно-наказуемого деяния, как уничтожение или повреждение имущества, основным объектом являются отношения собственности. Именно поэтому в целях охраны собственности от неправомерных посягательств, в результате которых собственник или иной владелец имущества утрачивает обладание своей вещью и тем самым терпит материальный (имущественный) ущерб, лишается возможности реально извлекать из нее те или иные полезные свойства, была создана эта уголовно-правовая норма. Об этом говорит и ее расположение в гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности». Жизнь и здоровье человека, общественную безопасность следует относить к дополнительным объектам при совершении умышленного уничтожения или повреждения имущества, и поэтому их уголовно-правовая охрана может осуществляться лишь вкупе с

основным объектом при причинении вреда отношениям собственности. Толкование же квалифицированного умышленного уничтожения или повреждения имущества в отрыве от основного состава преступления и указание, что определяющим при квалификации ч. 2 ст. 167 УК РФ должно быть причинение вреда другим объектам уголовно-правовой охраны, не основаны на смысле уголовного закона и правильном понимании предназначения такой уголовно-правовой нормы.

Безусловно, квалифицированный состав умышленного уничтожения или повреждения имущества характеризуется большей степенью общественной опасности по сравнению с основным составом. Это обуславливается тем, что в ч. 2 ст. 167 УК РФ предусматривается уголовная ответственность за совершение уничтожения или повреждения имущества общественно опасным способом, из хулиганских побуждений либо повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия. Однако это вовсе не означает, что квалифицированные составы не должны совпадать с признаками основного состава преступления.

Как известно, согласно логическим правилам юридической техники при конструировании норм: «...статьи и пункты (части), главы и разделы закона должны вытекать друг из друга, каждое положение закона должно быть органически связано с другими и, разумеется, не повторять и тем более не противоречить им. Иначе говоря, закон должен представлять собой целостную систему, каждый элемент которой дополняет, конкретизирует или развивает предыдущий и одновременно служит основой для развертывания положений последующих элементов» [11. С. 60]. В науке уголовного права устоялось мнение, что квалифицированный состав преступления включает, помимо признаков основного состава, дополнительные обстоятельства, которые изменяют характер и степень общественной опасности деяния и увеличивают наказуемость деяния по сравнению с основным составом преступления. Как обоснованно отмечает Т.А. Лесниевски-Костарева, квалифицирующие обстоятельства являются средствами дифференциации уголовной ответственности [12. С. 234]. Они значительно изменяют степень общественной опасности, производны от признаков основного состава преступления и конкретизируют их [Там же. С. 236].

Все вышесказанное позволяет утверждать, что значительный ущерб является обязательным признаком как основного, так и квалифицированного состава преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ. Способ, мотив или причинение тяжких последствий в квалифицированном умышленном уничтожении или повреждении имущества свидетельствуют о повышенной степени общественной опасности, а не выступают теми обстоятельствами, в зависимости от которых может зависеть квалификация этого состава преступления как оконченного.

Нельзя не отметить, что не согласуется с принятым законодателем алгоритмом построения уголовно-правовых запретов в Особой части утверждение

некоторых авторов, что словосочетание «те же деяния» означает лишь действие (бездействие) и не включает в себя последствие в результате совершения преступления. Законодатель использует словосочетания «те же деяния», «то же деяние», «деяния, предусмотренные частями первой и третьей настоящей статьи» для того, чтобы не повторять в квалифицированных составах описание основного состава преступления. Это позволяет избежать громоздкости и повторений при конструировании уголовно-правовых норм. Поэтому в преступлениях, основные составы которых содержат указание на наступление последствий в виде

крупного ущерба или крупного размера, словосочетание «те же деяния» следует толковать как действия (бездействия) в совокупности с наступившими последствиями. Примерами таких составов преступлений, помимо умышленного уничтожения или повреждения имущества, являются нарушение изобретательских и патентных прав (ст. 147 УК РФ), незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), злоупотребление при эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ), незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ст. 191 УК РФ) и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов В.М. Вопросы квалификации умышленного уничтожения или повреждения имущества // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24. С. 163–167.
2. Мирончик А.С. К вопросу о толковании словосочетания «те же деяния» в контексте ст. 167 УК РФ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 9. С. 84–87.
3. Кругликов Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 300 с.
4. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. М. : Норма: ИНФРА-М, 2012. 286 с.
5. Шарипов А.В. Уничтожение и повреждение имущества в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. 178 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 02.03.1989 г. «О практике применения судами законодательства по делам, связанным с пожарами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1989. № 3.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5.06.2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении и повреждении имущества» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 8.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 5.03.2013 г. № 323-О по жалобе гражданина Газаряна Сулена Владимировича на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 167 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 6. КонсультантПлюс : справ.-правовая система. М., 2011. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та (дата обращения: 27.02.2016).
9. Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 173 с.
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195 ФЗ (ред. от 09.03.2016) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. М., 2011. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та (дата обращения: 01.03.2016).
11. Керимов Д.А. Законодательная техника : науч.-метод. и учеб. пособие. М. : НОРМА-ИНФРА, 1998. 125 с.
12. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. 2-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА, 2000. 400 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 марта 2016 г.

ON THE INTERPRETATION OF QUALIFYING ELEMENTS OF DELIBERATE PROPERTY DESTRUCTION OR DAMAGE

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 190–193. DOI: 10.17223/15617793/405/28

Chernousova Anastasia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nastya-chernousova@yandex.ru

Keywords: extensive damage; qualifying elements of deliberate property destruction or damage; object of the crime.

Analysis of judicial practice shows that the law enforcer finds it difficult to interpret the qualifying elements of deliberate property destruction or damage. It is connected with the legal definition of deliberate property destruction or damage. Part 1 of Article 167 of the Criminal Code of the Russian Federation determines criminal responsibility for deliberate property destruction or damage providing the fact that these actions caused extensive damage. Part 2 of Article 167 provides responsibility for the same actions committed with a hooligan intention by arson, explosion or another common dangerous method, or involved death out of negligence or other serious injuries. Within this framework, a lot of experts raise the question whether extensive damage is a compulsive feature for classification of the crime provided for by Part 2 of Article 167 of the Criminal Code of the Russian Federation or it is enough to determine existence of the crime in terms of deliberate property destruction or damage together with identified features. There is no absolute answer to this question in judicial practice or in the science of criminal law. There are authors who consider that qualifying elements of deliberate property destruction or damage are characterized by a high level of social danger in consequence of the method of committing this crime or possibility to inflict serious consequences. That is why extensive damage is not required for the determination of the nature of the crime under Part 2 of Article 167 of the Criminal Code of the Russian Federation. The others consider that extensive damage is a compulsive consequence of committing deliberate property destruction or damage, which is necessary to be identified for the determination of the nature of the crime. It seems that extensive damage is a compulsive feature of the main and additional elements of the crime provided for by Article 167 of the Criminal Code of the Russian Federation. Extensive damage is a crime formative feature which converses deliberate property destruction or damage into a crime. Whereas property destruction or damage is a crime against property and does not intend to get benefit, this crime should primarily damage ownership property. If after committing this crime property was not damaged or destroyed beyond reasonable control of the guilty person or property was damaged or destroyed, but it did not involve infliction of a serious injury, this crime should be qualified as an attempted crime according to the intention of the criminal provided for by Part 2 of Article 167 of the Criminal Code of the Russian Federation. Methods, motives or serious injuries in qualifying elements of property destruction or damage prove the high level of the social danger of the crime; these facts are not the consequences which can influence the classification of this crime as finished.

REFERENCES

1. Stepanov, V.M. (2013) Voprosy kvalifikatsii umyshlennogo unichtozheniya ili povrezhdeniya imushchestva [Questions of qualification of intentional destruction or damage of property]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 24. pp. 163–167.
2. Mironchik, A.S. (2008) K voprosu o tolkovanii slovosochetaniya “te zhe deyaniya” v kontekste st. 167 UK RF [On the interpretation of the phrase “the same acts” in the context of Art. 167 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 9. pp. 84–87.
3. Kruglikov, L.L. (2002) *Differentsiatsiya otvetstvennosti v ugovnom prave* [Differentiation of responsibility in criminal law]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
4. Lopashenko, N.A. (2012) *Posyagatel'stva na sobstvennost'* [Violations of the property]. Moscow: Norma: INFRA-M.
5. Sharipov, A.V. (2005) *Unichtozhenie i povrezhdenie imushchestva v ugovnom prave Rossii* [Destruction and damage to property in the criminal law of Russia] Law Cand. Diss. Vladimir.
6. Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. (1989) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR ot 02.03.1989 g. “O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva po delam, svyazannym s pozharemi” [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of 02.03.1989 “On the practice of courts of law in cases involving fires”]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 3.
7. Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. (2002) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 05.06.2002 № 14 g. “O sudebnoy praktike po delam o narushenii pravil pozharnoy bezopasnosti, unichtozhenii i povrezhdenii imushchestva” [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 05.06.2002 No. 14 “On judicial practice in cases of violation of the rules of fire safety, destruction and damage of property”]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 8.
8. Konsul'tantPlyus. (2013) Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 03.05.2013 g. № 323-O po zhalobe grazhdanina Gazaryana Surena Vladimirovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav ch. 2 st. 167 Uголовnogo Kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 03.05.2013, No. 323-O on the complaint of citizen Suren Ghazaryan on the violation of his constitutional rights by Pt. 2 Art. 167 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 6. (Accessed: 27 February 2016).
9. Eliseev, S.A. (1999) *Prestupleniya protiv sobstvennosti po ugovnomu zakonodatel'stvu Rossii (voprosy teorii)* [Crimes against property by the Russian criminal law (theory questions)]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Konsul'tantPlyus. (2011) *Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195 FZ (red. ot 09.03.2016)* [The Russian Federation Code of Administrative Offences of 30.12.2001 No. 195 FZ (as amended on 09.03.2016)]. (Accessed: 01 March 2016).
11. Kerimov, D.A. (1998) *Zakonodatel'naya tekhnika* [Legislative technique]. Moscow: NORMA-INFRA.
12. Lesnievski-Kostareva, T.A. (2000) *Differentsiatsiya ugovnoy otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika* [Differentiation of criminal liability. Theory and legislative practice]. 2nd ed. Moscow: NORMA.

Received: 21 March 2016

ВОЗМОЖНО ЛИ СОИСПОЛНИТЕЛЬСТВО В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. 201, 285, 286 УК РФ?

Рассматривается проблема соисполнительства в преступлениях, предусмотренных ст. 201, 285 и 286 УК РФ. В статье анализируются юридическая литература и существующая судебная практика по вопросу применения норм о соисполнительстве в данных преступлениях. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что соисполнительство в таких преступлениях является невозможным.

Ключевые слова: соисполнительство в преступлении; злоупотребление полномочиями; злоупотребление должностными полномочиями; превышение должностных полномочий.

Совместная деятельность в преступлениях, предусмотренных ст. 201, 285 и 286 УК РФ, достаточно распространена. Ряд авторов отмечает, что каждое десятое злоупотребление и превышение должностных полномочий совершаются совместно двумя или более лицами [1; 2. С. 73–74]. При этом судебная практика по данному вопросу весьма неоднозначна, а в научных исследованиях он рассматривается лишь фрагментарно.

Между тем правоприменителю необходимы научно разработанные правила квалификации соучастия в таких преступлениях. Прежде всего нужно решить вопрос о возможности соисполнительства в преступлениях, предусмотренных в ст. 201, 285 и 286 УК РФ. По терминологии Н. Егоровой, их можно именовать «управленческими» [3].

Не вдаваясь в дискуссию об общем определении соисполнительства в преступлении, присоединимся к мнению А.В. Шеслера, который считает, что соисполнительство – это такая форма соучастия в преступлении, при которой действия каждого из соучастников (лиц, обладающих признаками субъекта преступления) полностью или частично охватываются основным признаком объективной стороны конкретного состава преступления, т.е. деянием [4. С. 11]. Судебная практика, на наш взгляд, правильно относит соисполнительство к групповому посягательству.

Диспозиции ст. 201, 285 и 286 УК РФ не предусматривают такого квалифицирующего признака, как совершение данных преступлений группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Данное обстоятельство стало поводом для критики некоторых исследователей. Так, Б.В. Волженкин отметил, что «уголовный закон особо не оговаривает случаи совершения злоупотребления должностными полномочиями группой должностных лиц, действующих по предварительному сговору, хотя такое вполне возможно и встречается в практике. В этом случае имеет место соисполнительство в преступлении, влекущее ответственность для всех его участников по ч. 1 или ч. 3 ст. 285 УК в зависимости от наступивших последствий» [5. С. 145]. А.О. Далгатова считает уместным дополнить ч. 2 ст. 201 УК РФ квалифицирующим признаком, состоящим в совершении преступления группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. По её мнению, «данное предложение обусловлено высокой рас-

пространенностью соучастия в преступной деятельности управленческого персонала коммерческой или иной организации собственников, обладающих крупными пакетами акций (паев) данной организации» [6. С. 9]. В.Н. Борков предлагает дополнить ч. 3 ст. 286 УК РФ таким квалифицированным составом, как превышение должностных полномочий, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору. Автор считает, что «наличие двух и более исполнителей – должностных лиц, обязанных поддерживать авторитет государства, многократно увеличивает меру разрушения этого авторитета... Непосредственно участвуя в совершении преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, соисполнители объединяют и возможности, вытекающие из их должностного положения: наличие оружия, специальных средств, удостоверений, кабинетов, возможность оказать влияние на судьбу потерпевших. Общественная опасность объединения усилий для совершения преступления лицами, обязанными стоять на страже закона, следит за его соблюдением другими гражданами, возрастает в этих случаях в геометрической прогрессии» [7. С. 190–191].

Заметим, что попытка дополнить ст. 285 и 286 УК РФ квалифицирующим признаком в виде совершения данных преступлений организованной группой принимается депутатами Государственной думы РФ в проекте Федерального закона № 740713-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления борьбы с коррупционными преступлениями». Однако этот законопроект пока не принят.

Отсутствие соответствующих квалифицирующих признаков в данных преступлениях влияет и на судебную практику. Её изучение показало, что в вопросе применения норм о соисполнительстве в «управленческих» преступлениях выделено два подхода.

Первый подход: *Неприменение положений о совершении преступления в группе за фактически совместно совершенное «управленческое» преступление, как при описании преступного деяния в описательно-мотивировочной части приговора, так и при назначении наказания (т.е. при учете судомотягачающих обстоятельств).*

Так, Московский городской суд определил исключить из осуждения Н. ч. 2 ст. 35 УК РФ по всем преступлениям, предусмотренным ст. 286 УК РФ, как

излишне вмененную, мотивировав это тем, что диспозиция ст. 286 УК РФ не предусматривает такого квалифицирующего признака [8]. Практически аналогичное решение было принято судом в порядке кассационного рассмотрения обвинительного приговора, которым В., З.С. и Р. были признаны виновными в превышении должностных полномочий с применением насилия и с применением специальных средств группой лиц по предварительному сговору. Прокурор в кассационном представлении указал, что в ст. 286 УК РФ отсутствует квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору», следовательно, деяния каждого осужденного должны быть квалифицированы в зависимости от его действий. Суд, удовлетворив доводы прокурора, исключил из описательно-мотивировочной части приговора признание отягчающего обстоятельства по п.п. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ – в составе группы лиц по предварительному сговору [9]. Схожую позицию принял Верховный Суд РФ в одном из своих кассационных определений. Судебная коллегия, переqualифицировав действия С., П., Р., Б. и Т. с мошенничества, совершенного организованной группой в крупном размере, на ч. 1 ст. 201 УК РФ, указала, что в содеянном осужденными отсутствует такой признак, как совершение преступления организованной группой, с учетом также того, что ст. 201 УК РФ такого квалифицирующего признака не предполагает [10].

Второй подход: *Признание совершения преступления в группе в качестве отягчающего обстоятельства (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ) за совместно совершенное деяние при «управленческих» преступлениях (как с отдельным описанием этого в судебном акте при характеристике преступного деяния, так и без этого).*

Например, Московский городской суд, рассматривая в апелляционном порядке приговор, которым М. и Д.Д. были признаны виновными в преступлении, предусмотренном п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, указал, что суд первой инстанции обоснованно признал обстоятельством, отягчающим наказание осужденных в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ, совершение ими преступления по предварительному сговору группой лиц [11]. В другом решении Московский городской суд отразил, что признание в качестве отягчающего обстоятельства совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ, в составе группы лиц по предварительному сговору является обоснованным, поскольку совокупность приведенных в приговоре доказательств свидетельствует о том, что действия П.А., С.И. и М. носили согласованный и целенаправленный характер, при этом каждый из них выполнял четко отведенную ему роль, действия каждого из соучастников дополняли друг друга, что свидетельствует о наличии между ними предварительной договоренности на совершение преступления [12]. Краснодарский краевой суд посчитал доводы защиты о том, что ст. 286 УК РФ не предусматривает ответственность за совершение указанного преступления в группе, противоречащими положениям ч. 2 ст. 34 УК РФ, согласно которым соисполнители отвечают по

статье Особенной части УК РФ за преступление, совершенное ими совместно, без ссылки на ст. 33 УК РФ [13].

Несмотря на изложенное выше мнение ученых и судебную практику, придерживающуюся второго подхода, мы считаем, что соисполнительство в «управленческих» преступлениях с точки зрения действующего законодательства невозможно, а ст. 201, 285 и 286 УК РФ не случайно не предусматривают повышенной ответственности за совершение этих преступлений в группе.

Сложно не согласиться с существующей в науке уголовного права позицией, что соисполнительство в преступлении – это «такая форма участия нескольких лиц в совершении преступления, при которой два или более лица... совместно... выполняют объективную сторону преступления, состав которого не предусматривает в качестве квалифицирующего признака совершение преступления группой лиц или группой лиц по предварительному сговору» [14. С. 216]. Однако это вовсе не означает, что из этого общего правила не может быть исключений, и любое совместное совершение деяния каждого из составов преступлений, предусмотренных УК РФ, с юридической точки зрения должно оцениваться как соисполнительство (например, известный всем случай квалификации действий матери и отца, совместно убивающих новорожденного ребенка). Следует помнить, что основанием уголовной ответственности соисполнителей из смысла ст. 8 и ч. 2 ст. 34 УК РФ является совместное совершение **одного, общего** деяния, квалифицируемого для каждого по одной и той же статье Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Деяние в «управленческом» преступлении носит сугубо индивидуальный характер, т.е. совершить его в качестве исполнителя при любых обстоятельствах может только одно лицо. Сказанное в первую очередь находит свое подтверждение в уголовном законе. Так, диспозиция ст. 201 УК РФ предусматривает ответственность за использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, **своих полномочий**... Деяние, как признак объективной стороны злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), состоит в использовании должностным лицом **своих служебных полномочий**... Превышением должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) является совершение должностным лицом действий, явно выходящих **за пределы его полномочий**...

Это подтверждается и международными актами. Например, в ст. 19 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. под злоупотреблением служебными полномочиями понимается совершение какого-либо действия или бездействия, в нарушение законодательства, публичным должностным лицом при выполнении **своих функций** с целью получения какого-либо неправомерного преимущества для себя самого или иного физического или юридического лица.

Такой вывод следует и из разъяснений Верховного Суда РФ. Согласно п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судеб-

ной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» под использованием должностным лицом *своих служебных полномочий* вопреки интересам службы (ст. 285 УК РФ) судам следует понимать совершение таких деяний, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением должностным лицом *своих прав и обязанностей*... в частности, как злоупотребление должностными полномочиями должны квалифицироваться действия должностного лица, которое из корыстной или иной личной заинтересованности совершает *входящие в круг его должностных полномочий* действия при отсутствии обязательных условий или оснований для их совершения. Также согласно данному пункту ответственность по ст. 285 УК РФ наступает за умышленное неисполнение должностным лицом *своих обязанностей*... В соответствии с п. 19 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ, в отличие от предусмотренной ст. 285 УК РФ ответственности за совершение действий (бездействия) в пределах *своей компетенции* вопреки интересам службы, ответственность за превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) наступает в случае совершения должностным лицом активных действий, явно выходящих *за пределы его полномочий*, которые повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, если при этом должностное лицо осознавало, что действует за пределами *возложенных на него полномочий*.

Наконец, подход об индивидуальном характере деяния в «управленческих» преступлениях по факту поддерживается рядом авторов, рассматривающих специфику использования служебного положения виновным. Так, Н.Г. Иванов отмечает, что «свое служебное положение может использовать только лицо, которое им обладает, и никто другой» [15. С. 29].

Если же исходить из того, что соисполнительство возможно, например, в превышении должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), то необходимо допустить, что возможна общность этого деяния, которая достигается через соединение усилий должностных лиц в процессе совершения данного преступления. Признание превышения своих полномочий общим деянием влечет за собой парадоксальную ситуацию: должностное лицо совместно с другим должностным лицом соединяют усилия в превышении полномочий друг друга. Это, в свою очередь, означает, что одно должностное лицо превышает полномочия другого должностного лица, и наоборот. Но тут возникает резонный вопрос: как можно превысить полномочия другого должностного лица? Ответ один: никак. Должностное лицо может превысить только свои полномочия, но никак не быть соучастником в виде соисполнителя в превышении полномочий другого лица. Аналогичный вывод применим и к злоупотреблению полномочиями (ст. 201, 285 УК РФ).

Нельзя не отметить, что по ряду судебных актов можно судить о формировании особого подхода к пониманию соисполнительства в «управленческом» преступлении.

В его рамках правоприменители определяют соисполнительство как совокупность нескольких направленных на достижение единой цели деяний разных лиц, каждое из которых по факту является самостоятельным «управленческим» преступлением, однако в судебных актах эта совокупность описана как одно совместное преступление, повлекшее общие последствия.

Так, приговором Новосибирского гарнизонного военного суда было установлено, что А. и С. совершили превышение своих должностных полномочий группой лиц по предварительному сговору при следующих обстоятельствах. А. и С. договорились о создании излишек дизельного топлива для их последующей реализации в целях погашения денежного долга, взятого у гражданского лица на проведение косметического ремонта объектов службы ГСМ. В целях реализации преступного сговора А., являясь заместителем командира войсковой части по тылу, незаконно отдал устное распоряжение подчиненным офицерам внести ложные сведения в рабочие листы агрегатов и путевые листы об израсходовании 7 000 литров дизельного топлива с последующим списанием имущества по отчетным документам. С. же, являясь начальником службы горючего и смазочных материалов этой войсковой части, незаконно отдал устное распоряжение начальнику пункта заправки о том, что при поступлении к тому рабочих листов агрегатов из батальона материального обеспечения и путевых листов из танкового батальона дизельное топливо в количестве 7000 литров по этим документам не выдавать, а только внести в документы запись о выдаче. Образовавшиеся излишки топлива хранить в одном из резервуаров. Приговором также было установлено, что А. нарушил требования Устава внутренней службы Вооруженных сил РФ, утвержденного Указом Президента РФ от 14.12.1993 г. № 2140, предписывающие обязанности заместителя командира по тылу: ст. 101, 102. С. нарушил требования Устава внутренней службы Вооруженных сил РФ, предписывающие обязанности начальника службы горючего и смазочных материалов полка: ст. 121 [16]. Тем самым суд указал, что каждый из виновных совершил своё превышение предоставленных ему полномочий, т.е., по сути, признал, что было соисполнительство в двух превышениях должностных полномочий!

В другом случае Новгородский областной суд, рассматривая доводы кассационных жалоб защитников об оспаривании вывода суда первой инстанции о наличии в действиях К. и С. отягчающего наказание обстоятельства – совершения преступлений в составе группы лиц, пришел к следующему выводу. По его мнению, суд первой инстанции обоснованно признал в действиях К. и С., направленных на изъятие и передачу специализированной техники, указанного отягчающего наказание обстоятельства, поскольку эти действия были совершены двумя лицами с единой целью. При этом каждый из них непосредственно совершил определенные действия для достижения поставленной цели. Как установлено, именно К. был инициатором изъятия специализированной техники у

ООО и передачи её в распоряжение Администрации городского поселения, им лично были предприняты меры, направленные на изъятие техники, им было дано указание С. на заключение договора № на передачу 13 единиц техники ИП. Кроме того, после передачи техники, определенной в указанном договоре, К. дополнительно было издано распоряжение о передаче своему сыну автомашины, на основании которого автомашина была передана ИП. С. же по прямому указанию К. заключил договор № и непосредственно осуществлял действия по изъятию спецтехники у ООО и передаче её ИП. Действия К. судами были квалифицированы по ч. 2 ст. 285 УК РФ, а С. – по ч. 1 ст. 285 УК РФ [17].

Анализ последнего решения выявляет, что осужденные совершили разные действия, которые, в свою очередь, повлекли разные общественно опасные последствия. Издание К. незаконного распоряжения повлекло передачу автомашины. Заключение С. незаконных договоров повлекло передачу 13 единиц техники. Такая оценка действий К. и С. не соответствует позиции Верховного Суда РФ, согласно которой исходя из диспозиции ч. 1 ст. 35 УК РФ, лицо, действующее в группе лиц при отсутствии предварительного сговора, не может нести ответственность за действия, совершенные другим лицом, и их последствия [18].

Подобное признание правоприменителем соисполнительства как бы в одном преступлении, но из смысла закона выходит, что *в двух или более разных преступлениях* нарушает положения ст. 32 УК РФ, согласно которой соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Заметим – *одного и того же преступления*.

Предвидя критику нашей позиции, отметим, что с совместным применением насилия либо с угрозой его применения двумя или более должностными лицами всё должно быть решено так же, как указано выше. Как замечает В.Ф. Щепельков, «применение насилия или угроза его применения здесь выступают в качестве формы, а не дополнения объективной стороны».

Автор справедливо подчеркивает, что «они и есть превышение должностных полномочий» [19]. Это означает, что, например, при применении насилия каждое из должностных лиц совершает превышение только своих полномочий. Следовательно, данное фактическое деяние юридически состоит из нескольких самостоятельных преступлений. Как бы кому ни хотелось, но соисполнительство в одном преступлении и здесь является невозможным.

Конечно, в некоторых ситуациях признать совместный (но не в виде соисполнительства) характер действий виновных лиц возможно. Если эти действия повлекли разные общественно опасные последствия (как, например, в упомянутом выше решении Новгородского областного суда), то деяния каждого из виновных могут быть квалифицированы как реальная совокупность своего «управленческого» преступления, совершенного в качестве исполнителя, и соучастие в роли организатора, подстрекателя или пособника в «управленческом» преступлении другого лица. Возвращаясь к рассмотренному определению Новгородского областного суда, скажем, что действия К. следовало бы квалифицировать по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 285 УК РФ и по ч. 2 ст. 285 УК РФ, а С. – только по ч. 1 ст. 285 УК РФ, поскольку никакого участия в издании К. распоряжения о передаче автомашины он не принимал.

Резюмируя изложенное, считаем, что «управленческое» преступление не может быть групповым из смысла приведенных норм УК РФ. Совместные действия нескольких лиц в «управленческих» преступлениях при определенных обстоятельствах следует считать не юридическим, а фактическим соисполнительством, т.е. совместным непосредственным участием двух или более лиц в совершении умышленного посягательства, которое оценивается как два или более преступления без учета совместного характера их деяний при квалификации и при назначении наказания за совершенное. Такой подход, на наш взгляд, соответствует конституционному принципу формальной определенности уголовного закона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егиазарян А.М. Сравнительный анализ законодательства Республики Армения и Российской Федерации, предусматривающего уголовную ответственность за злоупотребление должностными полномочиями // Международное публичное и частное право. 2013. № 6 / СПС «КонсультантПлюс».
2. Плехова О.А. Проблема квалификации превышения должностных полномочий, предусмотренного ч. 3 ст. 286 УК РФ // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 2. С. 70–74.
3. Егорова Н. Управленческие преступления: понятие и система // Уголовное право. 2006. № 2 / СПС «КонсультантПлюс».
4. Шеслер А.В. Соисполнительство как форма соучастия в преступлении // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Томск, 2013. Ч. 58. С. 9–11.
5. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М. : Юристъ, 2000. 368 с.
6. Далгатова А.О. Уголовно-правовые и криминологические проблемы злоупотребления полномочиями в коммерческой или иной организации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2011. 25 с.
7. Борков В.Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015. 405 с.
8. Кассационное определение Московского городского суда от 21.06.2012 по делу № 22-8021 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Кассационное определение Московского городского суда от 15.06.2011 по делу № 22-7262/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2007 № 46-О06-113 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Апелляционное определение Московского городского суда от 21.07.2014 г. по делу № 10-8936/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Московского городского суда от 08.10.2015 № 4у/4-4427/15 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 08.07.2014 по делу № 22-3810/2014. URL: <https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-471368161> (дата обращения: 21.01.2016).
14. Пудовочкин Е.Ю. Учение о преступлении (избранные лекции). М. : Юрлитинформ, 2010. 280 с.
15. Иванов Н. Проблемы применения законодательства об ответственности за мошенничество // Уголовное право. 2015. № 5. С. 25–29.

16. Приговор Новосибирского гарнизонного военного суда от 15.02.2008 по делу № 5-2008 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Кассационное определение Новгородского областного суда от 22.02.2012 по делу № 1-8-22-418/2012. URL: <https://rospravosudie.com/court-novgorodskij-oblastnoj-sud-novgorodskaya-oblast-s/act-409392936> (дата обращения: 24.01.2016).
18. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2007 год // СПС «КонсультантПлюс».
19. Шепельков В.Ф. Определение вида соучастников в преступлениях со специальным субъектом // Российский следователь. 2003. № 7 / СПС «КонсультантПлюс».

Статья представлена научной редакцией «Право» 18 марта 2016 г.

IS JOINT PARTICIPATION POSSIBLE IN CRIMES PROVIDED FOR BY ARTICLES 201, 285, 286 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION?

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 194–199. DOI: 10.17223/15617793/405/29

Chubrakov Segrey V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chubrakov@mail.ru

Danilov Dmitry O. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: danilovcfm@gmail.com

Keywords: joint participation in crime; abuse of powers; abuse of office; misfeasance of office.

Joint participation in crimes provided for by Articles 201, 285, 286 of the Criminal Code of the Russian Federation is enough extended. However, there are no scientifically formulated rules of determination of participation in such crimes, because this problem has not been a separate research subject in legal literature. This article is devoted to the problem of possibility to designate joint participation in the mentioned crimes as “managerial”. Absence of a definition of the group offence in the description of the reviewed articles is criticized by several authors, and it is reflected on judicial practice. Some criminal law scholars consider that joint participation in “managerial” crimes is possible, because the opposite contradicts Part 2 of Article 34 of the Criminal Code of the Russian Federation. According to this article, joint participants are liable over the Article of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation for the committed crime without reference to Article 33 of the Criminal Code of the Russian Federation. The presented analysis of the court decisions in this research demonstrates that a law enforcer evaluates commitment of joint actions in crimes provided for by Articles 201, 285, 286 of the Criminal Code of the Russian Federation as joint participation in the descriptive-reasoning part of the sentence and (or) considers it as aggravating factors when imposing punishment. The authors criticize the corresponding judicial practice and make arguments for the opposite opinion, according to which joint participation in “managerial” crimes is impossible. It follows from the fact that a criminal act as a mandatory attribute of the subject of a “managerial” crime has a particular character; it means that only one person can commit this crime as a principal. Reasoning from the fact that joint participation is possible, for example, in the abuse of office, it follows criminal community is possible. Recognition of this criminal act as joint results in a strange situation: officials abuse powers of each other. However, an official may abuse only his / her powers, and cannot be a joint participant as an accomplice in abusing powers of another person. A similar conclusion is applied to the misfeasance in office (Articles 201, 285 of the Criminal Code of the Russian Federation). The authors notice the formation of a particular approach to the understanding of joint participation in “managerial” crimes in judicial practice. It is considered as a complex of several actions of different people intended for a single purpose, but, in fact, each action is an independent “managerial” crime. This recognition of joint participation in one crime by a law enforcer, but from the meaning of the law it is joint participation in several different crimes, contravenes the statements of Article 32 of the Criminal Code of the Russian Federation which considers joint participation possible only in one and the same crime.

REFERENCES

1. Egiazaryan, A.M. (2013) *Sravnitel'nyy analiz zakonodatel'stva Respubliki Armeniya i Rossiyskoy Federatsii, predummatrivayushchego ugolovnyuyu otvetstvennost' za zloupotrebleniye dolzhnostnyimi polnomochiyami* [Comparative analysis of the legislation of the Republic of Armenia and the Russian Federation, envisaging criminal responsibility for abuse of power]. *Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo*. 6.
2. Plekhova, O.A. (2008) *Problema kvalifikatsii prevysheniya dolzhnostnykh polnomochiy, predumotrennogo ch. 3 st. 286 UK RF* [The problem of qualification of abuse of powers under Part 3 Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki*. 2. pp. 70–74.
3. Egorova, N. (2006) *Upravlencheskie prestupleniya: ponyatie i sistema* [Crimes in management: the concept and the system]. *Ugolovnoye pravo*. 2.
4. Shesler, A.V. (2013) *Soispolnitel'stvo kak forma souchastiya v prestuplenii* [Joint participation as a form of complicity in a crime]. In: Eliseev, S.A. et al. (eds) *Pravovyye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening the Russian statehood]. Pt. 58. Tomsk: Tomsk State University.
5. Volzhenkin, B.V. (2000) *Sluzhebnyye prestupleniya* [Crimes in offices]. Moscow: Yurist”.
6. Dalgatova, A.O. (2011) *Ugolovno-pravovyye i kriminologicheskie problemy zloupotrebleniya polnomochiyami v kommercheskoy ili inoy organizatsii* [Criminal-legal and criminological problems of abuse of power in a commercial or other organization]. Abstract of Law Cand. Diss. Makhachkala.
7. Borkov, V.N. (2015) *Prestupleniya protiv osushchestvleniya gosudarstvennykh funktsiy, sovershaemye dolzhnostnymi litsami* [Crimes against performing state functions committed by officials]. Law Dr. Diss. Omsk.
8. Konsul'tantPlyus. (2012) *Kassatsionnoye opredeleniye Moskovskogo gorodskogo suda ot 21.06.2012 po delu № 22-8021* [The appeal decision of the Moscow City Court of 21.06.2012 on case 22-8021].
9. Konsul'tantPlyus. (2011) *Kassatsionnoye opredeleniye Moskovskogo gorodskogo suda ot 15.06.2011 po delu № 22-7262/2011* [The appeal decision of the Moscow City Court of 15.06.2011 on case 22-7262/2011].
10. Konsul'tantPlyus. (2007) *Kassatsionnoye opredeleniye Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 30.01.2007 № 46-006-113* [The appeal decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.01.2007 No. 46-006-113].
11. Konsul'tantPlyus. (2014) *Apellyatsionnoye opredeleniye Moskovskogo gorodskogo suda ot 21.07.2014 g. po delu № 10-8936/2014* [The appeal decision of the Moscow City Court of 21.07.2014 on case 10-8936/2014].
12. Konsul'tantPlyus. (2015) *Postanovleniye Moskovskogo gorodskogo suda ot 08.10.2015 № 4u/4-4427/15* [Resolution of the Moscow City Court on 8.10.2015 No. 4u/4-4427/15].
13. Rospravosudie.com. (2014) *Apellyatsionnoye opredeleniye Krasnodarskogo kraevogo suda ot 08.07.2014 po delu № 22-3810/2014* [The appeal decision of the Krasnodar Regional Court of 08.07.2014 on case 22-3810/2014]. [Online]. Available from: <https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-471368161>. (Accessed: 21 January 2016).
14. Pudovochkin, E.Yu. (2010) *Ucheniye o prestuplenii (izbrannyye lektsii)* [The doctrine of the crime (selected lectures)]. Moscow: YurLitinform.

15. Ivanov, N. (2015) Problemy primeneniya zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za moshennichestvo [Problems of application of legislation on liability for fraud]. *Ugolovnoe pravo*. 5. pp. 25–29.
16. Konsul'tantPlyus. (2008) *Prigovor Novosibirskogo garnizonnogo voennogo suda ot 15.02.2008 po delu № 5-2008* [The judgment of the Novosibirsk garrison military court of 15.02.2008 on case 5-2008].
17. Rospravosudie.com. (2012) *Kassatsionnoe opredelenie Novgorodskogo oblastnogo suda ot 22.02.2012 po delu № 1-8-22-418/2012* [The appeal decision of the Novgorod Regional Court of 22.02.2012 on case 1-8-22-418/2012]. [Online]. Available from: <https://rospravosudie.com/court-novgorodskij-oblastnoj-sud-novgorodskaya-oblast-s/act-409392936>. (Accessed: 24 January 2016).
18. Konsul'tantPlyus. (2007) *Obzor nadzornoj praktiki Sudebnoy kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo Suda RF za 2007 god* [Review of the supervisory practices of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation for the year 2007].
19. Shchepel'kov, V.F. (2003) *Opredelenie vida souchastnikov v prestupleniyakh so spetsial'nym sub'ektom* [Determining the type of partners in crime with a special subject]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 7.

Received: 18 March 2016

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ А.И. КИМА И ВОПРОСЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ

В настоящей статье в историческом и теоретическом плане рассмотрен вклад А.И. Кима в теорию избирательного права. Анализируются некоторые научные работы известного советского государствоведа, доказываются ценность и востребованность многих его предложений. Основной вывод статьи заключается в необходимости дальнейшего изучения и осмысления вклада государствоведов советской эпохи в отечественную науку.

Ключевые слова: А.И. Ким; выборы; избирательное право; законодательство о выборах.

Отечественная государственно-правовая мысль занимает уникальное место в мировой политической и правовой науке. На протяжении XIX–XX вв. Россия была одним из центров формирования и развития современной государственно-правовой науки. Сегодня можно утверждать о самостоятельном научном наследии отечественных государствоведов, которое включает в себя как постановку фундаментальных теоретических проблем, так и предложения по их разрешению. Именно в научном наследии как культурно-историческом интеллектуальном достоянии российского общества, в его изучении современниками находится ключ к примирению поколений и моральному оздоровлению государственно-правовой жизни. Уважительное отношение к научному наследию разных социально-политических эпох как духовному и интеллектуальному потенциалу России способно снять идеологические разногласия и оценки. При всех разговорах о необходимости признания единства и преемственности разных эпох отечественной политической истории одним из интегральных факторов формирования единой российской гражданской нации являются научные взгляды отечественных мыслителей всех периодов его развития.

В свете сказанного особое значение имеет научное наследие наших учителей, т.е. тех, кто ежедневно непосредственно оказывал влияние на формирование нашего сознания и мировоззрения. И здесь необходимо вспомнить научное наследие крупного советского государствоведа и общественного деятеля Андрея Ивановича Кима.

Научное наследие А.И. Кима является общепризнанным результатом его научной деятельности и совокупностью его представлений о науке государственного права. Они изложены в его многочисленных трудах, университетских лекциях, публичных научных выступлениях и т.д. Научные взгляды А.И. Кима являются объектом постоянного изучения, осмысления и передачи будущим поколениям исследователей. Именно такую цель преследует работа кафедры конституционного права Московского университета по составлению трехтомной хрестоматии по конституционному праву. В ней представлены труды ученых-государствоведов и конституционалистов, внесших бесценный вклад в развитие юридической мысли. Содержание хрестоматии вносит свой вклад в решение проблемы сближения и взаимодействия научного наследия разных эпох. Наряду с множе-

ством признанных научных авторитетов различных мировоззрений в сборнике представлено также научное наследие А.И. Кима.

Следует специально подчеркнуть, что, как и многие советские учёные, А.И. Ким устойчиво руководствовался идеологическими установками марксизма. Марксистский метод был для него особой научной идеологией познания исторического процесса и развития социальных отношений. Только марксистское учение о государстве без наивных словосочетаний о «государстве всеобщего благоденствия» или «капиталистической демократии», не прикрываясь конформистской риторикой, вскрыло бесчеловечную сущность капиталистической системы. Но последний фактор не был непреодолимой преградой для его творческой ориентации и новаторских предложений. Эти качества А.И. Кима как учёного-исследователя особенно ярко проявились в 60–70-х гг. прошлого века. В наши дни сложилось устойчивое предубеждение о догматизме советской государственно-правовой науки, о ее всеобщем подчинении официальному государственному мнению. Справедливости ради следует признать, что это обстоятельство имело место и оказывало свое влияние на научную жизнь. Безусловно, советская государственно-правовая наука прошла сложный путь развития.

Внимательное непредвзятое изучение научного наследия А.И. Кима убеждает, что в процессе познания и исследования строгое следование идеологии классического марксизма носило скорее формальный и относительный характер. В значительной степени такое отношение выглядело как политико-идеологическая риторика и не препятствовало научной полемике и многомерному осмыслению общественного развития. Вместе с тем верность марксистской идеологии не следует трактовать как упрек. Ведь общеизвестно, что соблазн именно в таком контексте понимать сущность советской государственно-правовой науки преследует нашу общественную мысль со времен осуществления политики перестройки. Как один из ведущих учёных-государствоведов своей эпохи А.И. Ким сформулировал важные новые научные знания, предлагая иной взгляд на развитие государства и права. Доказательством этого утверждения являются его труды о сущности народовластия, избирательном праве и процессе, о своеобразии государственно-правовой природы российского федерализма, формах советской демократии, фундамен-

тальных основах государственной власти и народного представительства. Приведенные выше и многие другие научные взгляды А.И. Кима являются неисчерпаемым источником формирования конституционного мировоззрения нашего общества.

Сегодня следует крайне ответственно анализировать и оценивать научное наследие крупных учёных прошлой советской эпохи. В данном случае обязательным является целостный синтетический подход, включающий не только идеологическую оценку взглядов, но и многогранность творческого замысла. Именно этот критерий наиболее приемлем при оценке вклада А.И. Кима в отечественную теорию избирательного права, избирательной системы и избирательного законодательства. В своих фундаментальных трудах, посвящённых этим вопросам, он высказал принципиально новый взгляд, который инициировал дискуссию и оживил научный интерес к проблемам избирательного права. В постсоветское время мы с чувством гордости и признательности обязаны констатировать, что и сегодня теория и практика избирательного права и процесса во многих своих положениях повторяет идеи, высказанные А.И. Кимом.

В трудах по избирательному праву перед нами предстает широкая энциклопедия основных периодов и тенденций социально-политического развития страны. Практически каждая его работа представляет собой завершённый государственно-правовой научный образ и анализ советского периода развития отечественной государственности, в которой неразрывно сочетаются внутреннее прогрессивное развитие и противоречия. А.И. Ким не ограничивается поверхностным обзором и перечислением основных тенденций, а делает глубокий анализ. Последний опирается на богатый практический материал, полученный из широкого круга архивных и научных источников.

Следует особо отметить, что в 60-х гг. XX в. в условиях формирования новой исторической эпохи – «оттепели» – актуальной научной проблемой стало выявление правового (юридического) понимания избирательного права. Профессор А.И. Ким одним из первых ввёл в научный оборот юридическую конструкцию избирательного права и избирательной системы. Весьма глубоко этот новаторский подход был изложен в монографии «Советское избирательное право». В названной работе А.И. Ким подчёркивает, что избирательное право является самостоятельным правовым институтом, имеет свой объект правового регулирования и строгий круг субъектов правоотношений [1. С. 14]. С юридической точки зрения избирательное право «устанавливает и регулирует условия участия граждан в выборах, порядок организации и проведения выборов и взаимоотношения избирателей и их депутатов посредством правовых норм. Совокупность этих норм составляет избирательное право» [Там же. С. 17]. Следовательно, избирательное право выступает в качестве обязательного элемента правового статуса гражданина. Юридическая интерпретация избирательного права расширяет правовое содержание участия граждан в избирательном процессе и значительно сужает пределы и возможности неправовых

технологий. Научным и общественным достижением становится баланс между политическими и юридическими технологиями.

В современный период развития института выборов как публично-правового института сложилась устойчивая тенденция постоянного наращивания роли политических технологий. В этом процессе самое непосредственное участие принимают общественные институты, электронные средства массовой информации, Интернет и т.д. Современные исследователи пишут о медиатизации политики, т.е. возрастании роли и значения средств массовой информации в политике. В научной литературе различные социально-политические технологии, подменяющие публично-правовую сущность выборов, называют манипуляцией сознанием избирателя [2, 3]. Поэтому одним из важных и актуальных выводов, вытекающих из научного наследия А.И. Кима, является понимание выборов как важнейшей формы воспитания и проявления организованности гражданина и общества [1. С. 17–19]. Юридической формой вовлечения гражданина в государственное управление является избирательное право, а выборы следует признать важнейшей школой воспитания гражданственности и основной формой привлечения граждан к делу государственного строительства. Следовательно, одним из главных выводов, вытекающих из трудов А.И. Кима, является вывод о социально-правовой ценности избирательного права и выборов, и они признаются ведущими политико-правовыми средствами обеспечения устойчивости общественного развития и упорядочения взаимоотношений гражданина с государством.

В свете научного наследия А.И. Кима представляется неприемлемым отождествление выборов с «хорошо организованной имитацией». При таком понимании ресурс народовластия явно оказывается на службе «элит и публичных политических центров» или становится «разновидностью политической символизации и мифа» [4, 5].

Практически все научные труды А.И. Кима в области избирательного права содержат обоснованные выводы, которые представляют собой научно-теоретические истоки нового государственно-правового мировоззрения. Исследования в области избирательного права невозможно понять и оценить вне контекста времени и социально-правовых и политических условий жизни. Контекст придает процессу познания максимальную объективность и достоверность. Понимание конкретного времени в истории государства и общества обязывает исследователя воспринимать и оценивать реальность в комплексе всех факторов. Именно на основе искусства понимания времени можно оценить силу научной новизны предложения А.И. Кима о необходимости альтернативных выборов в органы власти, внесённого в 60-х гг. прошлого столетия. Согласно его мнению, советское законодательство не ограничивает число кандидатов, выдвигаемых в депутаты [1. С. 184–186]. При обосновании своей позиции он преодолел узость правопонимания и правоприменения своего времени. В условиях сложившейся однопартийной системы и единой

государственной идеологии законодательно закрепленная альтернативность выборов не создавала политических и организационно-правовых проблем для советской политической системы. Но в то же время для советского общества осуществление выбора из двух и более кандидатов на выборную должность было самоцелью. Последний вывод обоснован в одной из интересных, весьма содержательных работ А.И. Кима. К сожалению, в наши дни о ней практически ничего не знает новое поколение юристов-конституционалистов [6].

Доказательством диалектики избирательного права по А.И. Киму следует признать положения ныне действующего законодательства Томской области, в соответствии с которым допускается голосование по одной кандидатуре. При этом кандидат считается избранным, если за него проголосовало не менее 50% избирателей, принявших участие в голосовании. На выборах депутатов Думы Томского района 13 сентября 2015 г. по безальтернативному принципу был избран И.Г. Андреев, выдвинутый в порядке самовыдвижения.

Для дальнейшего уяснения ряда других гарантий научной самостоятельности необходимо знать также его оценку итогов выборов, состоявшихся в 1923–1924 гг. Так, например, А.И. Ким пишет, что выборы этого периода выявили «серьезные недостатки в развёртывании советского демократизма» и в силу чего в выборах участвовало лишь 28,9% избирателей. Важными причинами пассивности избирателей А.И. Ким считает недостатки в работе органов власти, нарушение принципов законности и демократизма, а нередко игнорирование нужд и интересами избирателей. Далее высказана удивительно смелая для своего времени мысль о том, что в этих условиях выборы «представляли собой пустую канцелярскую процедуру протаскивания в депутаты людей, не пользующихся доверием широких народных масс» [7. С. 8–9]. Создается впечатление, что эти мысли изложены в современных научных работах и они имеют непосредственное отношение к событиям нашего времени.

Проблема социально-политической активности и участия граждан в выборах и в наши дни является весьма актуальной. Общей тенденцией и особенностью прошедших выборов в единый день голосования 13 сентября 2015 г. стало снижение явки избирателей. Так, например, по данным, содержащимся в официальном источнике Государственной автоматизированной системе «Выборы», в выборах депутатов Думы города Томска проголосовали 17,14% избирателей против 33,20% в 2010 г. В свою очередь, на досрочных выборах мэра города Томска в 2013 г. активность избирателей едва перевалила за 20%. Аналогичная ситуация сложилась также и в других субъектах Российской Федерации. В частности, на досрочных выборах губернатора Архангельской области приняли участие только 21% избирателей, а в Иркутской области – 29,19%. Особой активностью избирателей не отличаются также выборы депутатов законодательных органов власти субъектов Федерации. В единый день голосования избирательные участки в Магадан-

ской области посетили только 33,62% избирателей, а в Костромской области – 35,74%. Еще одним наглядным примером электоральной пассивности следует признать также выборы депутатов Степановского сельского поселения Ирбейского района Красноярского края, которые состоялись 25 октября 2015 г. По данным официального сайта ЦИК России, в голосовании в указанном поселении приняли участие 10,62% избирателей.

Современное экспертное сообщество выявило некоторые причины снижения явки избирателей. Многие из них утверждают, что нельзя не учитывать возросший уровень жизни, который влечёт объективное снижение реального интереса к выборам. Другая группа считает, что многие российские граждане не видят перспективу решения своих проблем. Если гражданам не предлагают альтернативы по обустройству жизни, они отказываются от участия в выборах, а в голосовании принимают участие так называемый зависимый электорат и конформисты, воспринимающие голосование как ритуал верности традициям и власти. Бытует также мнение о том, что единый день голосования во второе воскресенье сентября не совсем удобное время для политической активности граждан.

Представляется, что явка избирателей, т.е. гражданская активность, является многофакторным явлением и, безусловно, нуждается в специальном научном анализе. Увеличение числа избирателей, добровольно уклонившихся от участия в выборах, объяснить легковесными суждениями нельзя. Причины находятся в глубине общества, в сложных процессах взаимодействия и столкновения публичного и частного интересов. Вступая в избирательный процесс в качестве кандидатов или избирательных объединений, субъекты гражданского общества реализуют не только свои конституционные возможности, но и обязаны вовлечь в избирательные отношения максимальное количество избирателей.

Первые исследования указывают, что серьёзной проблемой для демократии и свободного волеизъявления является управление базовой активностью граждан, которое укореняется сегодня во всех странах [8. С. 41]. Это выражается в распространении политической технологии «засушенной явки», т.е. когда избирательные участки должны посетить только «свои». Результатом этого в перспективе может стать «кризис доверия к демократическим институтам и процедурам как ключевая драма нашего времени» [9. С. 71–72]. На несоответствие «воли народа», например, результатов выборов в западноевропейские парламенты говорит тот факт, что в избирательных кампаниях 2001–2006 гг. победили кандидаты, получившие в среднем 35,8% голосов избирателей. Падение активности избирателей является общей тенденцией также для ряда новых независимых государств постсоветского пространства. Например, в Грузии явка избирателей в выборах депутатов парламента с 1992 по 2013 г. сократилась вдвое – с 93 до 45%. Аналогичная тенденция наблюдается и в Украине: общая явка на парламентских выборах в 1998 г. была 75%, а в 2014 г. – 52,4% [10. С. 25].

Накануне федеральных выборов 2016–2018 гг. следует особо подчеркнуть, что низкая гражданская активность избирателей значительно снижает социально-правовую сущность выборов как института конституционной демократии. Как показывает практика, свобода выбора на альтернативной основе и наличие организованной оппозиции не являются гарантиями преодоления пассивности избирателей. В условиях постмодернистского общества и постоянного нарастания социальной сложности необходимо отказаться от манипулятивных технологий и заигрывания с избирателями. В свете научных взглядов А.И. Кима представляется конструктивным вывод о том, что народовластие означает отсутствие разрыва между конституционно декларируемой и реальной волей народа, которое достигается на основе фактического и широкого участия граждан в решении общественных и публичных проблем [11].

Для современной российской конституционно-правовой науки большой интерес представляют понятие «избирательная система», ее отличие и особенности от иных смежных институтов конституционного права. В советской государственно-правовой литературе «избирательная система» как теоретическая проблема вызвала огромный интерес. В 60–70-х гг. прошлого столетия советские государствоведы вели активную и весьма новаторскую дискуссию о сущности этого понятия.

А.И. Ким внес неопределимый вклад в формирование научных основ избирательной системы, предложив понимание избирательной системы не только в формально-юридическом измерении. Для него избирательная система есть элемент народовластия, представляющий собой всю совокупность общественных отношений, возникающих в процессе избрания органов власти. Избирательная система содержит необходимые правовые нормы, которыми регулируются все основные вопросы организации и проведения выборов. Главное назначение избирательной системы – определение правовых и организационных условий участия граждан в выборах, а не только результатов голосования и распределение депутатских мандатов [12]. Совокупность фактических общественных отношений для А.И. Кима есть логическая упорядоченность всех принципов и стадий избирательного процесса, многих публичных связей и взаимодействий широкого круга субъектов избирательного права, которые влияют на достижение конституционно значимой цели. Избирательная система как неотъемлемый элемент народовластия – это не простое арифметическое сложение поданных голосов для установления итогов выборов, а совокупность всех юридически значимых ситуаций, которые способны возникнуть в обществе в период выборов. В отличие от широты взглядов А.И. Кима современное законодательство о выборах сводит избирательную систему лишь к способу определения результатов выборов. Именно такое узкое понимание избирательной системы является одной из причин ее постоянного изменения и нестабильности. В наши дни востребованными являются самые разнообразные экспертные и законодательные

инициативы в этом вопросе. Так, например, в течение менее чем одного года избирательная система, применяемая на выборах депутатов Думы города Томска, была дважды радикально изменена и дважды пересмотрена. Вначале отказались от смешанной избирательной системы и была введена мажоритарная, спустя несколько месяцев опять возвращена смешанная избирательная система. Представляется, что подобная нестабильность избирательной системы не повышает качество народовластия и народного представительства. Она, скорее всего, отражает узкие интересы отдельных социальных групп. Интенсивность преобразований избирательной системы в России, как правило, превосходит интенсивность их осмысления.

В трудах по избирательному праву А.И. Ким последовательно отстаивал необходимость кодификации законодательства о выборах. На основе глубокого теоретического исследования он сформулировал предложения о «принятии общесоюзного Закона о выборах, регулирующего выборы всех звеньев советской представительной системы» [1; 13. С. 26]. Избирательные законы, по мнению А.И. Кима, должны заменить многочисленные положения о выборах и этим самым «устранить имеющиеся несоответствия в правовом регулировании выборов».

Для А.И. Кима чуждо инструментальное назначение избирательного законодательства. Законодательство о выборах связано с волей и интересами народа как источника власти. Государство не изобретает законы произвольно в отрыве от условий жизни, а создает их в соответствии с объективными условиями. Избирательное законодательство как особая форма выражения идеологии всецело подчиняется закономерностям развития общественной жизни. При помощи избирательного законодательства в содержание общественного развития вводится объективное должное. Этим самым избирательное законодательство создает новые политико-правовые явления. Выявляя тесные функциональные взаимосвязи выборов и процедуры отзыва, он четко разграничивал их социально-политическую и правовую сущность. Выборы связаны с получением доверия народа, правом решать государственные дела, а отзыв, в свою очередь, касается лиц, не оправдавших доверие народа. Поэтому порядок правовой регламентации выборов и отзыва должны регулироваться разными законами [14].

Кодификация современного избирательного законодательства Российской Федерации стала объективной потребностью сразу после принятия Конституции 1993 г. Общеизвестно, что первые выборы в новые органы государственной власти и местного самоуправления постсоветской России были проведены в соответствии с положениями о выборах. Существенная часть вопросов избирательного законодательства длительное время регулировалась различными подзаконными актами. Поэтому российскому законодателю надлежало найти подходы к формированию единого стандарта избирательного законодательства. Эта задача была решена с принятием Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федера-

ции». Данный закон, регулируя гарантии избирательных прав граждан, предопределил возможность принятия отдельных законов субъектов Российской Федерации об отзыве. Этот шаг был обусловлен необходимостью создания законодательных гарантий обеспечения конституционного права граждан участвовать в контроле за деятельностью органов власти. Именно с этой целью детальное регулирование процедуры отзыва губернатора Томской области осуществлено в специальном Законе Томской области от 17 декабря 2012 г. № 239-оз «Об отзыве губернатора Томской области». Согласно областному закону отзыв является одной из форм непосредственной демократии, а также одним из средств контроля граждан за осуществлением губернатором своих полномочий, закрепленных законом.

Таким образом, современное российское избирательное право и законодательство, будучи созданными на основе новой конституции, унаследовали некоторые черты советского избирательного права, но все же имеют свою правовую природу.

Безусловно, в трудах по избирательному праву А.И. Кима есть соответствующая своей эпохе идеологическая насыщенность и выверенная марксистская основа. Но этот фактор не стал препятствием для формирования глубокой научной основы советского избирательного права как гаранта народовластия. В трудах нашего учителя есть весьма интересный текст и подтекст как понимание слабостей и силы советского общества. Во всех его взглядах присутствуют убежденность и искренние идеи, в значительной степени опередившие время. При всем многообразии взглядов и оценок его трудов чрезвычайно важно сохранить конструктивный баланс между положительным научным критическим анализом к наследию А.И. Кима с признанием удивительной современности творческих исканий. Изучение научного наследия А.И. Кима побуждает к новому прочтению государственно-правовой литературы советского периода и стимулирует желание к современным перспективным исследованиям в области конституционного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ким А.И. Советское избирательное право. М. : Юрид. лит., 1965. 210 с.
2. Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. М. : Академ. проект, 2009. 380 с.
3. Павлова Е.Д. Скрытое воздействие средств массовой информации на массовое сознание как социально-философская проблема : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. 24 с.
4. Сергеев В.М. Народовластие на службе элит. М. : МГИМО – Университет, 2013. 265 с.
5. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002. 224 с.
6. Ким А.И. Советские государственно-правовые институты в освещении французского буржуазного государства // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. 1974. Т. 224. С. 26–30.
7. Ким А.И. Первая Конституция СССР и советское всеобщее избирательное право для трудящихся // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. 1957. Т. 137. С. 5–23.
8. Пшизова С.Н. Можно ли управлять демократией? Часть 2 // Политические исследования. 2014. № 1. С. 28–44.
9. Оболонский А.В. Этика в сфере публичной политики как фактор социокультурных изменений // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 65–82.
10. Маммадов М.М. Демократия: теоретический дискурс и общественная практика. // Обозреватель (OBSERVER). 2015. № 9. С. 18–32.
11. Ким А.И. Государственная власть и народное представительство, Томск, 1975. 215 с.
12. Ким А.И. Советская избирательная система. М. : Юрид. лит., 1962. 78 с.
13. Ким А.И. Теория советского избирательного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1965. С. 55.
14. Ким А.И. Право отзыва в Советском государстве // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Серия юридическая. 1961. Т. 156. С. 9–20.

Статья представлена научной редакцией «Право» 15 марта 2016 г.

RESEARCH OF THE LEGACY OF A.I. KIM AND ISSUES OF THE RUSSIAN FEDERATION ELECTORAL LAW

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 200–205. DOI: 10.17223/15617793/405/30

Yusubov Elman S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Yusubov@tomsk.gov.ru

Keywords: A.I. Kim; elections; electoral law; legislation on elections.

Domestic state-legal thought occupies a unique place in the world political and legal science. During the 19th and 20th centuries Russia became one of the centers of formation and development of the modern state and legal sciences. Today it is possible to assert an independent scientific heritage of domestic experts in studying the state, which includes statement of fundamental theoretical problems and proposals for their resolution. Scientific heritage as a cultural-historical intellectual domain of Russian society and its study by contemporaries is a key to the reconciliation of generations and the moral rehabilitation of the state-legal life. Respect for the scientific heritage of different socio-political periods as a spiritual and intellectual potential of Russia is able to remove the ideological differences and evaluation. Therefore, the scientific heritage of our teachers, that is, of people who directly influenced the formation of our consciousness and world outlook on a daily basis, has a particular importance. And here it is necessary to recall the scientific heritage of A. Kim, a recognized Soviet expert in studying the state, a social activist. The article discusses the value of scientific heritage which is the theoretical source of the new constitutional philosophy. The uniqueness of the scientific legacy of A. Kim is that he was able to overcome the narrowness of law and its enforcement in his time. For modern Russian constitutional-legal science the view on the electoral system and its difference from other institutions of constitutional law is interesting and relevant. The electoral system is an element of democracy. The study of the scientific legacy of A. Kim is an incentive for a new reading of the state-legal literature of the Soviet period and new studies based on it. For modern Russian constitutional legal science the problem of lack of voters is perspective. The modern expert community points out some reasons for a decline in the voter turnout. In his works, A. Kim emphasized that civic engagement in the elections is a multifactorial phenomenon and requires constant scientific research. The first modern findings support the position of the famous Soviet scientist. A low voter turnout significantly reduces the value of voting and influences the level of legitimacy. Therefore, in today's post-modern society with the rise of social difficulty, it is

necessary to reduce the impact of manipulative technologies. According to the scientific legacy of A. Kim, it is possible to make a constructive conclusion that democracy is the lack of gap between the declared constitutional will and the real will of the people which is achieved on the basis of actual and broad participation of citizens in solving social problems.

REFERENCES

1. Kim, A.I. (1965) *Sovetskoe izbiratel'noe pravo* [Soviet election law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
2. Kara-Murza, S.G. (2009) *Vlast' manipulyatsii* [The power of manipulation]. Moscow: Akadem. proekt.
3. Pavlova, E.D. (2004) *Skrytoe vozdeystvie sredstv massovoy informatsii na massovoe soznanie kak sotsial'no-filosofskaya problema* [The hidden impact of the media on the mass consciousness as a social-philosophical problem]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Moscow.
4. Sergeev, V.M. (2013) *Narodovlastie na sluzhbe elit* [Democracy in the service of the elites]. Moscow: MGIMO – Universitet.
5. Lesh, K. (2002) *Vosstanie elit i predatel'stvo demokratii* [Rebellion of the elites and betrayal of democracy]. Moscow: Logos, Progress.
6. Kim, A.I. (n.d.) *Sovetskie gosudarstvenno-pravovye instituty v osveshchenii frantsuzskogo burzhuaznogo gosudarstva* [The Soviet state and legal institutions in the light of the French bourgeois state]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.V. Kuybysheva*. 224. pp. 26–30.
7. Kim, A.I. (1957) *Pervaya Konstitutsiya SSSR i sovetskoe vseobshchee izbiratel'noe pravo dlya trudyashchikh* [The first Constitution of the USSR and the Soviet universal suffrage for workers]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.V. Kuybysheva*. 137. pp. 5–23.
8. Pshizova, S.N. (2014) *Mozhno li upravlyat' demokratiyei? Chast' 2* [Can one manage a democracy? Part 2]. *Politicheskie issledovaniya – Polis*. 1. pp. 28–44.
9. Obolonskiy, A.V. (2015) *Etika v sfere publichnoy politiki kak faktor sotsiokul'turnykh izmeneniy* [Ethics in public policy as a factor of socio-cultural changes] *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 4. pp. 65–82.
10. Mammadov, M.M. (2015) *Demokratiya: teoreticheskiy diskurs i obshchestvennaya praktika* [Democracy: a theoretical discourse and social practice]. *Obozrevatel' – Observer*. 9. pp. 18–32.
11. Kim, A.I. (1975) *Gosudarstvennaya vlast' i narodnoe predstavitel'stvo* [State power and popular representation]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Kim, A.I. (1962) *Sovetskaya izbiratel'naya sistema* [Soviet electoral system]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
13. Kim, A.I. (1965) *Teoriya sovetskogo izbiratel'nogo prava* [The theory of the Soviet electoral law]. Abstract of Law Dr. Diss. Tomsk.
14. Kim, A.I. (1961) *Pravo otzyva v Sovetskom gosudarstve* [The right of withdrawal in the Soviet state]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta imeni V.V. Kuybysheva. Seriya yuridicheskaya*. 156. pp. 9–20.

Received: 15 March 2016

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВИЛОВ Роман Сергеевич – канд. ист. наук, науч. сотр. отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук; главный библиотекарь Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: avilov-1987@mail.ru

АНАНЬЕВ Виталий Геннадьевич – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры музеологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: v.ananbev@spbu.ru

АНДРЕЕВА Ольга Ивановна – д-р юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: univer_tgu@rambler.ru

АХМЕДШИН Рамиль Линарович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: raist@sibmail.com

БОЛОТНИКОВА Олеся Николаевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: bolotnikovao@mail.ru

БОЧКАРЕВА Ирина Алексеевна – ст. преподаватель кафедры банковского дела Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: bochkareva_1969@mail.ru

БУТЕНКО Мария Александровна – аспирант кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: mariyabut@mail.ru

ВЛАСОВА Наталья Викторовна – соискатель кафедры истории России Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. E-mail: vlasova.natalie@yandex.ru

ГЛУХОВ Вячеслав Сергеевич – аспирант кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: vyacheslavglukhov@gmail.com

ГРИГОРЬЕВ Виктор Николаевич – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского психолого-социального университета. E-mail: grigorev.viktor@gmail.com

ДАНИЛОВ Дмитрий Олегович – студент юридического института Томского государственного университета. E-mail: danilovcfm@gmail.com

ДАМЕШЕК Лев Михайлович – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории России Иркутского государственного университета. E-mail: levdameshek@gmail.com

ДЕРЕНДЯЕВА Анна Дмитриевна – магистрант кафедры политологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: a.derendyaewa@yandex.ru

ДМИТРИЕНКО Надежда Михайловна – д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: vassa.mv@mail.ru

ЖЕЛЕВА Ольга Викторовна – аспирант кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: zheleva.olga@gmail.com

ИСМАГИЛОВ Артур Аскарлович – аспирант кафедры отечественной истории Сургутского государственного университета. E-mail: kimonosa@yandex.ru

КОЗЛОВА Дина Сергеевна – аспирант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: dina.my-mail@yandex.com

КРЫЛОВА Диана Дмитриевна – аспирант кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: diana.krylova90@mail.ru

КУДРЯВЦЕВА Ася Юрьевна – ассистент кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: asyasnitko@gmail.com

КУХТЕНКОВА Анастасия Анатольевна – аспирант кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: kuhtenkovaanastasiya@mail.ru

ЛИЦАРЕВА Елена Юрьевна – д-р ист. наук, зав. кафедрой востоковедения Томского государственного университета. E-mail: elits2011@mail.ru

ЛОЗОВАЯ Лидия Анатольевна – канд. ист. наук, директор Музейного комплекса Томского политехнического университета. E-mail: lidiana1985@mail.ru

ЛУШНИКОВА Галина Игоревна – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского» в г. Ялте. E-mail: lushgal@mail.ru

МАМКИНА Инна Николаевна – канд. ист. наук, зав. кафедрой теории государства и права Забайкальского государственного университета (г. Чита); докторант кафедры истории России Иркутского государственного университета. E-mail: inna-mamkina@yandex.ru

НИКИТИН Дмитрий Сергеевич – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, библиограф Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: lenin-partiya@mail.ru

ОЛЬХОВИК Николай Владимирович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Томского государственного университета. E-mail: lawtsu@rambler.ru

ПОГОДАЕВ Николай Петрович – канд. ист. наук, доцент кафедры социальной работы, ст. науч. сотр. лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: nik-pogodaev@yandex.ru

ПРОЗУМЕНТОВ Лев Михайлович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Томского государственного университета. E-mail: krim_tsu@mail.ru

РУКАВИШНИКОВА Анастасия Анатольевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: satsana@yandex.ru

САРЫЧЕВА Татьяна Валерьевна – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания Томского политехнического университета. E-mail: sarycheva_tv_1@mail.ru

СОЛДАТОВ Антон Андреевич – соискатель кафедры этнологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: saintechnic@gmail.com

ТОЛСТИКОВ Виталий Семенович – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории Челябинской государственной академии культуры и искусств. E-mail: kaf-ist@chgaki.ru

ТРУБНИКОВА Татьяна Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: trubn@mail.ru

ХОЛОДКОВА Юлия Сергеевна – начальник правового управления ОАО «Сибмост» (г. Новосибирск); соискатель кафедры частного права Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). E-mail: HolodkovaJS@sibmost.ru

ЧЕМЕЗОВА Екатерина Рудольфовна – ассистент кафедры иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского» в г. Ялте. E-mail: chemezova4@gmail.com

ЧЕРНОУСОВА Анастасия Владимировна – аспирант кафедры уголовного права Томского государственного университета. E-mail: nastya-chernousova@yandex.ru

ЧЕРЕМНЫХ Ольга Алексеевна – аспирант кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: olqga375@sibmail.com

ЧУБРАКОВ Сергей Валериевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Томского государственного университета. E-mail: chubrakov@mail.ru

ШАШКОВА Ярослава Юрьевна – д-р полит. наук, зав. кафедрой политологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: yashashkova@mail.ru

ЮСУБОВ Эльман Сулейманович – канд. юрид. наук, доцент кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: Usubov@tomsk.gov.ru.

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общественно-научный периодический журнал

2016 № 405 Апрель

Председатель научно-редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ПРАВО

Печатная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).

Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу

<http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Адрес редакционного совета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»

Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 20 апреля 2016 г.

Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.

Цифровая печать. Усл. печ. л. 24,2. Тираж 250 экз. Заказ № 1825.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина

Корректор – Н.А. Афанасьева

Оригинал-макет А.И. Лелюор

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании

Издательского Дома Томского государственного университета

634050, г. Томск, Ленина, 36

Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Груды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2016 г. был выпущен 401 номер. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет, редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)–52-96-67

Факс 8(382-2)–52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Editorial Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050

Tel: 8(382-2)–52-96-67

Fax: 8(382-2)–52-98-46

Executive Editor: Dmitry Katunin

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru